

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

ПЕТЕРБУРГ

1999

№ 8-9

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

№ 8-9

Издательство Санкт-Петербургского государственного университета и редакция «Нового Часового» выражают искреннюю признательность Георгию Григорьевичу Вербицкому (США), Александру Михайловичу Агафонову (Глянцеву) (Франция), а также Калининградскому государственному университету за финансовую поддержку журнала.

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

Русский
военно-исторический
журнал

Russian Military History Journal

№ 8-9

Санкт-Петербург
1999

СОИЗДАТЕЛЕМ ЖУРНАЛА ЯВЛЯЕТСЯ КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Представители журнала

- в Москве: *Девятов Владимир Кириллович*
123631, Москва, Д-631, ул.Исаковского, д.26, корп.2,
кв.106. Тел.: (095) 498-88-15
- в Вологде: *Конасов Виктор Борисович*
160024, Вологда, ул. Северная, д.28-А, кв.31.
Тел.: (8172) 24-64-31
- в Севастополе: *Ревин Сергей Федорович*
Тел.: (069) 41-31-97,
Ветров Игорь Геннадьевич (распространение, реализация)
Тел.: (069) 57-34-34
- в Екатеринбурге: *Дмитриев Николай Иванович*
620131, г. Екатеринбург, ул. Металлургов, д. 32,
кв 156. Тел.: (3432) 461-342
- в Новгороде: *Трифонов Сергей Дмитриевич*
Тел.: (81622) 72-259; тел./факс (81622) 73-722
- в Калининграде: *Клемешев Андрей Павлович*
г. Калининград, ул. Гайдара, д.135, кв.2.
Тел.: (0112) 32-41-66
- в Ростове-на-Дону: *Мининков Николай Александрович*
344022, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького,
д. 247, кв. 15. E-mail: shevcov@info-don.ru
- в США: *Вербицкий Георгий Григорьевич (George G. Werbizky)*
409 JONES ROAD, VESTAL,
N.Y. 13850-3246, USA.
Tel.: 607-748-4606; fax: (607) 757-9358
- в Италии: *Митрофанов Михаил Васильевич*
e-mail: mitrof@tin.it
- во Франции: Рутыч-Рутченко Николай Николаевич
(Rutysh-Rutchenko Nikolas)
1 Rue des Jardins, 92600, Asnières, France.
Tel.: 47939829.
- в Испании: *Марк Руис-Соррилья Крузатэ*
(Mark Ruiz-Zorrilla Cruzate)
с/Rojas, 23 baix, 08301 Mataró (Barcelona)
Tel.: 34-3-7551666; fax: 34-3 7960992

Главный редактор	<i>А.В.Терещук</i>
Редакционная коллегия	<i>К.М.Александров, В.И.Гальцов, А.Б.Егоров, А.П.Клемешев, В.Б.Конасов, Д.Н.Копелев, В.А.Кудашкин, И.Я.Латидус, С.В.Лобачев, Н.А.Мининков, В.М.Монахов, В.В.Носков, Б.А.Старков, С.Д.Трифонов, С.Л.Фирсов, И.Ю.Шауб, М.Н.Яковлев</i>
Экспертный совет	<i>Вал.А.Булкин (искусствоведение), Вас.А.Булкин (история Древней Руси), Ю.Л.Коршунов (военно-морская проблематика), В.М.Лурье (биографика), В.В.Морозан (экономика и финансы), А.А.Папчинский (история отечественных спецслужб), С.И.Романовский (история науки, публицистика), В.Н.Седых (вспомогательные исторические дисциплины), А.Н.Цамутали (история России XIX—XX вв.)</i>
Редакция журнала	<i>Г.И.Чередниченко (заведующая), Е.Р.Михайлова (редактор), Е.А.Соловьева (художник), М.Ф.Бекетов (компьютерные технологии) Е.С.Егорова (секретарь),</i>
Компьютерный набор	<i>Ю.Ю.Таурина</i>
Компьютерная верстка	<i>С.В.Лобачев, С.В.Стремилев</i>
Менеджер по распространению	<i>В.Г.Ситник</i>
Адрес редакции	Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.52. к.62. Телефон: (812) 328-30-21, 143-61-24 (секретарь). Факс: (812) 233-06-72 e-mail: history@MB3150.spb.edu

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы “Нового Часового”, должны предварительно получить письменное разрешение редакционной коллегии журнала.

- © “Новый Часовой”, 1999
- © Издательство С.-Петербургского университета, 1999
- © Авторы публикаций, 1999

Содержание

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А. И. Сапожников.</i> Император Павел I и донская казачья старшина	7
<i>С. В. Королев.</i> На задворках Кавказской войны: русский гарнизон в Кусарах	23
<i>А. С. Соколов.</i> Российская политическая эмиграция в Америке в конце XIX века	27
<i>Ю. Д. Пряхин.</i> Корпус чужестранных единоверцев (Греческая гимназия) в Петербурге	39
<i>Ф. А. Казин.</i> Русские морские агенты в 1906—1914 гг.	48
<i>М. В. Ходяков.</i> «Царские» деньги для диктатуры пролетариата	53
<i>Р. Ш. Ганелин.</i> Петроград 23 февраля 1917 г.	63
<i>М. А. Тумшис, А. А. Папчинский, А. В. Кулыгин.</i> Звезда и смерть Виктора Журавлева	75
<i>С. Г. Веригин.</i> Финские военнопленные на территории Северо-Запада России в период Зимней войны 1939—1940 гг.	85
<i>И. З. Захаров.</i> Радиоразведка ВМФ СССР (октябрь 1917 — июнь 1941 г.)	92
<i>Н. А. Ломагин.</i> Власть и народ: настроения населения Ленинграда в 1941—1942 гг.	103
<i>П. В. Петров.</i> Гибель подводной лодки «С-2»	115
<i>А. Я. Массов.</i> О реальности «русской угрозы» пятому континенту во второй половине XIX — начале XX вв.	126

ДИСКУССИИ

<i>Е. Ф. Подсобляев.</i> Какой флот нужен РСФСР? (по материалам дискуссии, прошедшей после Первой мировой войны)	137
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ВОЕННО-КОНСТРУКТОРСКОЙ МЫСЛИ

<i>Л. И. Брылевская.</i> Работа С.А.Бурачека над гидрореактивным двигателем	144
<i>В. Е. Лукин.</i> Главный калибр Советского Союза	155

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>А. М. Агафонов (Глянцев).</i> Схватка над пропастью	162
<i>В. Н. Степаков.</i> Песни финской войны	173
К истории одного сообщения ТАСС	174
«Встрелят вражескую конницу в упор Наши пули и каленые клинки...» (советская кавалерия на финской войне)	176
<i>Н. Н. Никулин.</i> Донат Константинович Жеребов. 1916—1998	178
<i>Д. К. Жеребов.</i> «Любанская» операция 1942 г.	181

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Послужной список П. В. Жадана — одного из последних Георгиевских кавалеров русской армии	190
--	-----

МЕМУАРЫ

<i>Вениамин Водопьянов</i> . В плену у японцев. Воспоминания русского офицера о русско-японской войне 1904–1905 гг.	198
<i>Б. М. Михайлов</i> . На дне блокады и войны	208
<i>И. Г. Ромм</i> . Высота 213	217
<i>Х. Ю. Отте</i> . В Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздале. Сентябрь—ноябрь 1943 г. Из воспоминаний летчика Люфтваффе, побывавшего в советском плену	226

ИЗ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ВОЕННОЙ ПЕРИОДИКИ

<i>А. Л. Марков</i> . Поединки в русской армии	231
--	-----

НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС

<i>А. Б. Егоров</i> . Римская военная символика в Петербурге	239
<i>Л. Летягин</i> . ... В карауле в Зимнем дворце. «Литературные мечтания» К. Р.	244
<i>Е. И. Жерихина, В. Н. Яранцев</i> . Воинские и мемориальные храмы Санкт-Петербурга	251

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Ф. Л. Севастьянов</i> . Сенатор А. С. Макаров — руководитель «Высшей полиции» России конца XVIII — начала XIX в.	261
<i>Ю. Л. Коршунов</i> . Командир Гвардейского экипажа (Великий Князь Кирилл Владимирович)	267
<i>А. Г. Матрошилин, К. О. Орлов</i> . «Служба эта была для России...». (Очерк об А. П. Перхурове)	274
<i>С. Л. Фирсов</i> . «Романтик православия»... (к характеристике обновленческого митрополита Александра Введенского)	279
<i>В. В. Козырь</i> . Главный Инженер-Механик Флота	294
<i>Р. Р. Биккенин, А. А. Глуценко, В. З. Лукин</i> : имя на карте Тихого океана	301
<i>И. В. Алексеева</i> . Шандор Радо: картограф, геополитик, разведчик	311
<i>О. Ф. Сувениров</i> . Мартиролог РККА. 1936—1941 гг.	317
<i>П. А. Аптекарь, В. М. Лурье</i> . Военные атташе	338
<i>В. М. Лурье</i> . Адмиралы Военно-Морского Флота СССР	344
<i>В. М. Лурье</i> . Военно-морские атташе	355

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

<i>С. И. Романовский</i> . Ломоносовские корни русской науки	361
--	-----

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>М. Ф. Хартанович</i> . К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского)	374
<i>Н. П. Ульянов</i> . «Ворошиловский всадник»	379
<i>К. М. Александров</i> . Вооруженные силы КОНР. Материалы к составлению штатного расписания Вооружённых Сил Комитета Освобождения Народов России генерал-лейтенанта А. А. Власова по состоянию на 22 апреля 1945 г.	383

В. И. Зуб . Советские военные моряки в Объединенной Арабской Республике	404
<i>В. А. Золотарев</i> . Военная реформа РФ: проблемы и перспективы	413
<i>А. Г. Алленов</i> . Новоселицкому гарнизону 180 лет	422
<i>Г. Г. Вербицкий</i> . Насильственные выдачи россиян в 1944—1947 гг. в литературе на английском языке	429

ДЕБЮТ

<i>И. Н. Павлова</i> . Добрый гений Елизаветы Петровны Калачевой	434
--	-----

ИНТЕРВЬЮ

Леонид Денисович Кизим	440
------------------------------	-----

РУССКИЙ СКАУТЬ

Орган связи и информации Российского отдела Организации Российских Юных Разведчиков Хроника деятельности (июнь 1997 — август 1998 гг.)	444
О дальнейшей судьбе Российского отдела ОРЮР	450
Из хроники деятельности отдельных единиц и соединений РО ОРЮР	451

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В Калифорнию под Андреевским флагом	456
Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике	458
Раскопки в Кронверке Петропавловской крепости	461
Конференция по военной археологии	463
Российскому государственному архиву военно-морского флота (РГА ВМФ) — 275 лет	464

Рецензии

«Мы ссоримся о власти, а не о любви». <i>С. А. Козлов</i>	465
Рецензия на книгу Ю. Г. Алексеева «У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв.». <i>И. Б. Михайлова</i>	468
Полезное пособие для занятий по военной истории. <i>А. Н. Цамутали</i>	473

Книжные новинки	475
------------------------------	-----

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Приключения М. М. Сафонова с константиновским рублем продолжаются! <i>В. В. Бартошевич</i>	480
Отклик на статью К. М. Александрова о Борисе Борисовиче Мартино. <i>Ростислав Полчанинов</i>	484
Из боя не выходить! <i>С. И. Садовников</i>	485

А. И. Сапожников

Император Павел I и донская казачья старшина

Непродолжительное царствование Павла I представляет собой интереснейшую эпоху в истории России. Этому периоду посвящено большое количество исследований, охватывающих широкий круг проблем. Однако, процессы, происходившие в эти годы на территории войска Донского до сих пор остаются недостаточно изученными. Историки, писавшие о событиях на Дону, основное внимание уделили судебному делу братьев Грузиновых, которому посвящен целый ряд исследований¹. В то же время другие, не менее важные события, остались вне их внимания. Но обособленное изучение расправы над братьями Грузиновыми, вырванное из контекста современных происшествий и рассмотренное вне взаимосвязи с ними, не дает цельной картины.

Историк Н.Я.Эйделеман в своей книге «Грань веков» писал о «двойственной казацкой политике павловского правительства»². Действительно, это была политика «кнута и пряника», в которой имели место и заигрывания, и репрессии, но применялись они для достижения единой цели. Это позволяет говорить, что правительственная политика отличалась целенаправленностью, в результате ее казачество шаг за шагом втягивалось в орбиту имперской власти.

Здесь уместно вспомнить о предшествовавших десятилетиях царствования Екатерины II. Её фаворит и ближайший сподвижник, светлейший князь Г.А.Потемкин-Таврический, которому в течение семнадцати лет (1774—1791 гг.) подчинялось войско Донское, любил и ценил донцов, своих боевых соратников в войнах с Турцией. Именно этим объясняется тот факт, что российское правительство, после ликвидации Запорожской сечи и Волжского казачьего войска, не предприняло подобных мер на Дону. Так, Потемкин считал, что для войска Донского нужно «нынешнее его положение сохранить всегда»³. Однако после подавления восстания Пугачева, в 1775 г. им были проведены в войске коренные преобразования с целью усиления власти российского самодержавия на Дону. По его предложению, власть на Дону была разделена на военную и гражданскую. Военными делами управлял войсковой атаман, подчинявшийся Потемкину «как весь генералитет». А все гражданские дела были переданы в ведение специально созданного войскового Гражданского правительства, которое состояло из войскового атамана и шести старшин (четверых по выбору войска, двух по назначению Потемкина). Теперь по части управления войско Донское мало чем отличалось от российской губернии. Одновременно правительство предприняло шаги навстречу пожеланиям донских чиновников: казачьим полковникам стали жаловать патенты на чин, а есаулов и сотников «принимать прилично офицерскому чину». Последнее для донской верхушки, так называемой старшины, было особенно

Генерал от кавалерии граф Ф.П.Денисов.

Войсковой атаман А.И.Иловайский (1775-1797 гг.)

важно. Однажды, в самом начале своей карьеры, Потемкину пришлось спасать походного атамана Я.Сулина от батогов, которыми собирался наказать последнего некий капитан Зорич.

Князь Потемкин умел ладить со своими норовистыми подчиненными: при нем никаких волнений в войске Донском не было. Но стоило ему умереть, а его преемникам чуть-чуть проигнорировать права и привилегии казаков, как в 1792 г. на Дону вспыхнули волнения, вызванные угрозой “обращения в регулярство”. Это произошло в следствие указа о переселении на Кубанскую линию вместе казаков шести донских полков с семьями, чем было нарушено право войска переселять казаков по жребью. Волнения охватили 50 донских станиц, но старшинам удалось в большинстве станиц утихомирить казаков. Однако в 1794 г. для подавления восстания в пяти станицах (с населением около 18 тысяч жителей, преимущественно старообрядцев) пришлось двинуть регулярные войска численностью свыше 10 тысяч человек. Этот грозный урок, совпавший по времени с военными действиями против поляков, в Петербурге запомнили надолго, отметив в то же время ревностную службу донской старшины при подавлении волнений в станицах, что свидетельствовало об окончательном расслоении донского казачества.

Известно, что с первых дней своего царствования Павел I начал борьбу с ненавистными “потемкинскими порядками”, пытался искоренить реформы предыдущего царствования. Вероятно, он собирался слить донское казачество с прочим населением империи, по примеру Малороссии, где простые казаки стали крестьянами, а старшина — дворянством. Вскоре после воцарения Павла I граф А.В.Суворов-Рымникский писал в частном письме: “О казаках донских ничего не сказано; слышно, что они пойдут на Дон и пр., их службу забудут; уподобятся крестьянам”⁴. Логика таких намерений по отношению к войску Донскому вполне объяснима. После присоединения Крыма и Кубани к России в 1783 г., территория войска стала внутренней частью империи. Если ранее за ним сохраняли многие былые вольности, поскольку оно служило надежным кордоном от набегов кочевников и по сути являлось южной границей империи, то теперь для этого не было оснований.

Войсковой атаман Платов.

Генерал-майор Д.М. Мартынов.

Одним из первых своих указов от 12 декабря 1796 г. Павел I распространил крепостное право на территорию войска Донского, одновременно пригрозив наказаниями за прием беглых⁵. Тем самым был сделан первый шаг навстречу донской старшине, давно мечтавшей об этом. Еще в Уложенной комиссии 1767 г. депутаты от войска Донского требовали уравнивания в правах донских чиновников с российским дворянством⁶. Следующим шагом стал указ от 22 сентября 1798 г. согласно которому все казачьи чины были приравнены к армейским⁷. Тем самым старшине был открыт доступ в дворянство. Отныне войсковые чины соотносились с армейскими следующим образом: войсковой старшина — майор, есаул — ротмистр, сотник — поручик, хорунжий — корнет. Известно, что при Павле I, щедро жаловавшим генеральские чины, в России было такое обилие новоиспеченных генералов, что для них не хватало должностей. Войско Донское не стало исключением: если во времена князя Потемкина в нем насчитывалось всего четыре генерала, то теперь их число перевалило за тридцать! Не говоря уже о штаб и обер-офицерских чинах. 4 апреля 1799 г. впервые в истории войска Донского генералу от кавалерии Ф.П.Денисову был пожалован графский титул. В 1799 г. за участие в Итальянском и Швейцарском походах многие казачьи офицеры, вплоть до хорунжих, были награждены орденами св. Анны 2 и 3 степени. Простым казакам, прослужившим 25 и 30 лет, было разрешено давать отставку, с условием в случае надобности продолжить службу⁸. При Павле I раненые офицеры войска Донского получали отставку с сохранением их полного жалования, в следующее царствование это правило было отменено.

Надо сказать, что награждение казачьих офицеров орденами в царствование Павла I стало событием далеко не ординарным, как это может показаться на первый взгляд современному человеку. Для характеристики эпохи и нравов донских казаков позволим себе несколько пространную выписку из мемуаров есаула В.Кушнарёва, написанных в 40-е гг. XIX века: «Еще я знал одного войскового старшину, умершего не более 17 лет тому назад. Он служил с Суворовым и был в Итальянском походе, откуда по возвращении и на роспуске полка он, не доходя до своей станицы Усть-Медведицкой, дал знать станичному атама-

Войсковой атаман В.П.Орлов (1797-1801 гг.)

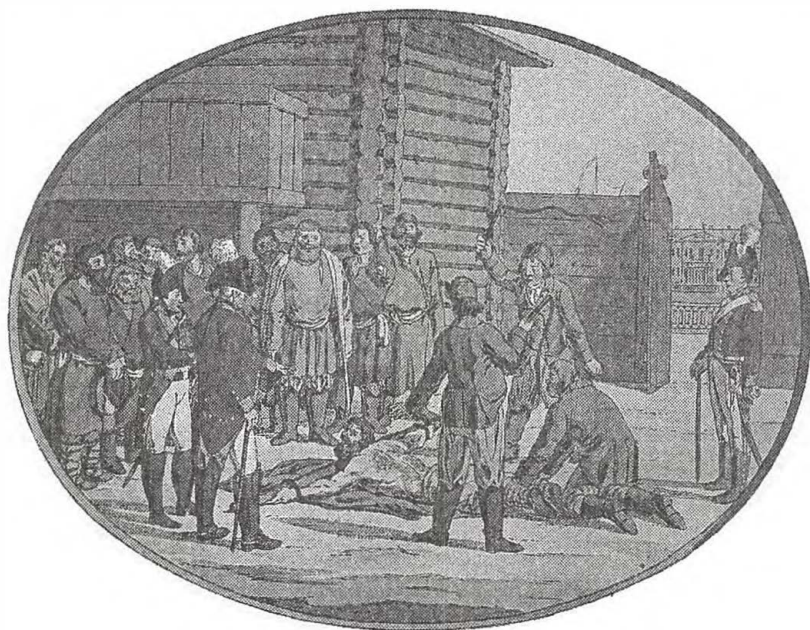
Генерал-майор А.П.Орлов, родной брат войскового атамана.

ну, что он благополучно со своими станичниками завтрашнего числа вступит в станицу и что он принес знамя и хоругвь, справленные на счет его и его сослуживцев. Станичный атаман сделал повестку по всем хуторам, чтобы собирались для встречи кавалера есаула Ш., ибо он имел орден 2 степени св. Анны, что в тогдaшнее время было великою редкостью, чтобы кто из донских чиновников имел ордена. Этот орденский крест был гораздо более теперешнего. Станичные правители со станичными знаменами, хоругвями и со всеми жителями встретили кавалера и его команду, состоящую из станичников, за станицею и по обыкновению преклонили знамена и хоругви до трех раз с обеих сторон. При встрече все сошли с лошадей, и тогда подошли к ним жены с детьми, поклонились своим мужьям в ноги и коню за то, что он довел хозяина на родину, и тут же жены взяли коней, а дети — пики, сабли, ружья и пошли все в церковь. Этот обычай всегда и теперь исполняется. По отслужении молебна общество приговорило, чтоб всякий целовал орден, висящий у него на шее; но так как кавалер был исполинского роста, посему лучшего способа не выдумали, как ему сесть на стул, и таким способом все подходили и целовали крест. После сего все отправились в станичную избу, где атаман угощал всех за станичный счет, а на другой день вся станица пиновала, ходя по домам. С тех пор есаула Ш. иначе и не называли и даже тогда, когда он получил чин войскового старшины, как кавалером, а его жену кавалершею»⁹.

Реестр пожалования генеральских чинов по войску Донскому при Павле I достаточно интересен не только для историков казачества, но и для всех, интересующихся историей России, поскольку его анализ может дать материал для характеристики этого царствования в целом. К сожалению, в те годы была такая чехарда с производством в чины и последующими отставками или исключениями из службы, что для сбора сведений пришлось обратиться к газете «Санкт-Петербургские ведомости»:

10 апреля	1797	Иловайский А.И.	генерал от кавалерии
16 ноября	1797	Киреев А.К.	генерал-майор
3 марта	1797	Иловайский Д.И.	генерал-лейтенант
6 февраля	1798	Орлов В.П.	генерал-лейтенант
7 марта	1798	Сулин Я.Н.	генерал-лейтенант
6 апреля	1798	Денисов Ф.П.	генерал от кавалерии
7 сентября	1798	Греков Д. Е.	генерал-майор
7 сентября	1798	Бузин И.Н.	генерал-майор
7 сентября	1798	Ребриков А.	генерал-майор
21 сентября	1798	Мартынов А.Д.	генерал-лейтенант
18 октября	1798	Попов А.	генерал-майор
18 октября	1798	Манков В.И.	генерал-майор
22 октября	1798	Денисов 2-й К.П.	генерал-майор
23 октября	1798	Сычев З.Е.	генерал-майор
24 октября	1798	Табунщиков Я.П.	генерал-майор
25 октября	1798	Греков 2-й И.Е.	генерал-майор
25 октября	1798	Кумшацкий И.С.	генерал-майор
27 октября	1798	Иловайский 2-й П.Д.	генерал-майор
27 октября	1798	Орлов 2-й А.П.	генерал-майор
30 октября	1798	Поздеев 1-й А.И.	генерал-майор
30 октября	1798	Денисов 4-й [Л.К.]	генерал-майор
30 октября	1798	Денисов 5-й [Т.П.]	генерал-майор
30 октября	1798	Иловайский 3-й А.В.	генерал-майор
10 февраля	1799	Леонов С.	генерал-лейтенант
7 марта	1799	Дячкин 1-й [И.]	генерал-майор
7 марта	1799	Краснов И.К.	генерал-майор
18 марта	1799	Поздеев 2-й	генерал-майор
28 марта	1799	Поздеев 3-й О.М.	генерал-майор
27 апреля	1799	Янов П.И	генерал-майор
6 мая	1799	Иловайский 4-й И.Д.	генерал-майор
7 мая	1799	Родионов И.С.	генерал-майор
20 июня	1799	Денисов 6-й А.К.	генерал-майор
20 июня	1799	Иловайский 5-й Н.В.	генерал-майор
21 июня	1799	Курнаков С.И.	генерал-майор
5 августа	1799	Боков Г.А.	генерал-майор
26 октября	1799	Орлов В.П.	генерал от кавалерии
26 октября	1799	Киреев А.К.	генерал-лейтенант
3 декабря	1799	Греков 3-й Б.А.	генерал-майор
18 декабря	1799	Кульбаков Н.П.	генерал-майор
19 декабря	1799	Сулин 2-й [И.]	отставлен генерал-майором
19 декабря	1799	Черевков Е.	отставлен генерал-майором
21 декабря	1799	Кутейников С.Е.	генерал-майор
30 декабря	1799	Денисов 7-й В.Т.	генерал-майор
5 января	1800	Денисов 8-й П.Т.	генерал-майор
8 февраля	1800	Иловайский Д.И.	генерал от кавалерии

Подобного обилия генералов в войске Донском еще никогда не было. Так, на 1 января 1796 г. в войске состояло на службе: генерал-поручик — 1, генерал-майоров — 5, бригадир — 1, полковников — 5. Во вторую половину октября 1798 г., в мирное время, всего

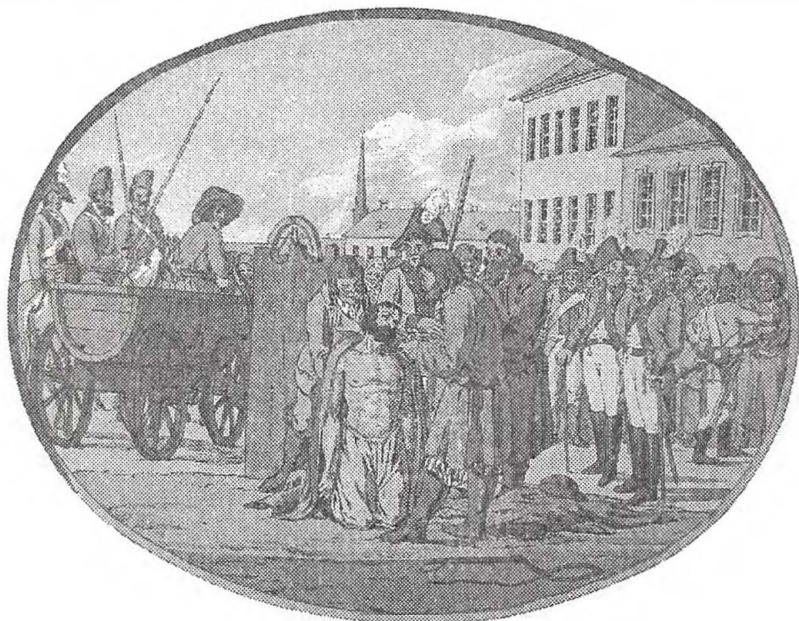
Наказание плетью. Нем. гравюра нач. XIX в.

лишь за две недели чин генерал-майора получили 13 человек! Император последовательно старался превратить донскую старшину в обычных российских дворян, и тем самым окончательно раздробить казачество на части. Если ранее старшину и простых казаков объединяли общие сословные интересы, то теперь она отделилась, сблизившись с дворянским сословием империи, но так и не получив всех его прав.

Однако донская старшина не была монолитной, две её группировки вели борьбу за власть в войске. Во главе первой стояли войсковые атаманы: сначала А.И.Иловайский, затем сменивший его В.П.Орлов. Эта группировка была правящей и более многочисленной. Во главе второй стоял генерал-майор Д.М.Мартынов, свыше двадцати лет заседавший в войсковом Гражданском правительстве и сумевший прибрать его к рукам. Он неоднократно начальствовал в войске во время отсутствия войскового атамана и был одним из крупнейших донских помещиков, владея 3 723 душами крепостных.

В апреле 1797 г. войсковой атаман А.И.Иловайский представил императору план преобразования войскового Гражданского правительства, которое сплошь состояло из родственников Д.М.Мартынова¹⁰. Но прибыв на коронационные торжества в Москву, Иловайский скоропостижно умер 2 мая 1797 г. Павел I предложил пост войскового атамана своему любимцу, генералу Ф.П.Денисову, который претерпел в свое время много неприятностей от князя Потемкина. Однако тот отказался, сославшись на возраст и болезни, и предложил кандидатуру своего зятя — генерал-майора В.П.Орлова. Надо сказать, что вся донская старшина была переплетена родственными узами, которые во многом и определяли принадлежность к группировкам. Так, В.П.Орлов был женат дважды: первым браком на дочери генерала Ф.П.Денисова, вторым — на дочери генерала Д.И.Иловайского. Именно эти три генерала заправляли всеми делами в войске в царствование Павла I.

Указ о назначении Орлова войсковым атаманом был отдан 6 мая в Смоленске. А уже 10 мая его многолетний соперник, в котором давно видели преемника войсковому атаману А.И.Иловайскому, генерал-майор М.И.Платов был исключен со службы. Формально это не

Рвание ноздрей. Нем. гравюра нач. XIX в.

было связано с событиями на Дону, а произошло вследствие жалобы, поданной казаками 1-го Чугуевского полка. Но такое случайное совпадение по времени слишком невероятно, тем более что Платов приходился зятем Д.М.Мартынову. На обратном пути из Персидского похода Платов был арестован Орловым в Черкасске 28 июля 1797 г. и отправлен с фельдъегерем в Петербург¹¹. Согласно решению военного суда от 7 декабря, он был лишен чинов и отправлен на Дон под надзор войскового атамана. Однако в пути его догнал фельдъегерь с приказом отправиться на поселение в Кострому. Понятно, что именно сторонникам Орлова могло помешать присутствие на Дону столь известного генерала из противоборствующей группировки. В Костроме Платов провел почти четыре года.

По предложению войскового атамана, рескриптом от 6 июля 1797 г. Павел I отменил реформы князя Потемкина в войске Донском: «Господин войска Донского войсковой атаман Орлов! Донесение ваше от 19 июня я получил; утверждая совершенно и без изъятия все бывшие прежде бывшие постановления войска Донского, намерен сохранить их в целости, для продолжения того правления, коим войско Донское было всегда на пользу Государя и отечества, что ж касается до вкравшихся злоупотреблений, и сделанных перемен князем Потемкиным, то вам принадлежит первые искоренять, а мне последних не апробовать, яко клонившихся всегда к истреблению общественного порядка вещей»¹². В частности, было распущено войсковое Гражданское правительство, послушное Д.М.Мартынову, и восстановлена войсковая канцелярия. Судьи бывшего правительства, во главе с Д.М.Мартыновым, были обвинены во взятках и оказались под следствием. Отмену реформ Потемкина, возрождение войсковой канцелярии некоторые донские историки расценили как стремление войскового атамана вернуться к казачьему самоуправлению. Но в действительности это было совпадение желания императора искоренить реформы Потемкина с интригой войскового атамана, начавшего борьбу с засильем сторонников Мартынова. Внешне все было оформлено как возвращение к «старине». Например, в указе от 6 ноября 1797 г. говорилось: «...чтоб отныне по всем делам, по которым следует, станицы

и чиновники относились по древнему обычаю на имя войскового атамана и войска Донского, а равно и из станиц писали по прежнему именованию, а не от станичных начальств. При том же и из войсковой канцелярии по следуемым делам в Военную коллегию и в губернские правления делать отнесения таким образом, как из прежде бывшей войсковой канцелярией то чинимо было, яко то: в первую отписками, а в последние сообщениями и премориями¹³. Но по сути никаких изменений, кроме переименования и изменения порядка заседаний, не произошло. Вся власть по гражданской части перешла от упраздненного войскового Гражданского правительства к войсковой канцелярии, в которой было выделено несколько экспедиций.

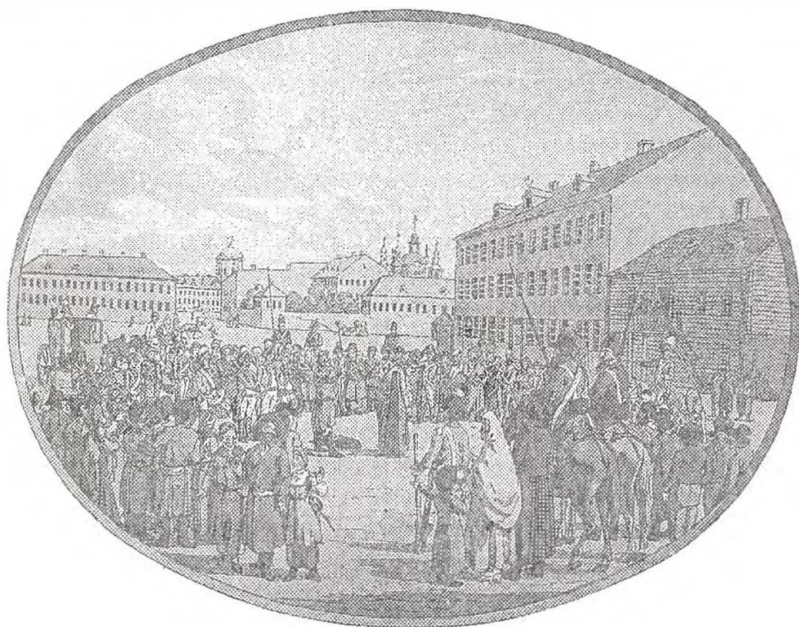
Что касается казачьего самоуправления, то войсковой атаман понимал его как управление старшин. В 1798 г. в станицах Зотовской, Иловлинской и Скуришенской во время выборов станичных атаманов, часть казаков заявила “что им из старшин и стариков атамана не надобно”. По приказу Орлова, войсковая канцелярия предписала этим станицам: “... дабы они впредь сами собою станичных атаманьев не избирали, а делали таковой выбор в присутствии сыскного начальника не по большинству голосов простого, который нередко выходит из благопристойности, а по большинству голосов чиновников и первостепенных стариков ...”¹⁴.

11 августа 1797 г. в войске Донском было учреждено семь сыскных начальств: три на Дону и по одному на реках Хопер, Медведица, Бузулук, Донец. К этому времени численность малороссиян, т.е. крестьян, на территории войска Донского была почти такой же, как и казаков. В “Ведомости... о числе жителей мужского пола” на 1 октября 1800 г. в войске Донском числилось:

казаков: служилых	35 401
отставных	16 496
выростков, имеющих от роду от 17 до 20 лет	2 295
малороссиян	60 707
миновавших (<i>вероятно, не записанных в ревизские сказки — А.С.</i>)	1 919
Итого всех	116 818 жителей ¹⁵ .

Реформаторская деятельность Орлова продолжалась недолго — чуть больше года, поскольку новый император явно не хотел, чтобы казаки пребывали на Дону в праздности. 5 февраля 1798 г. войсковому атаману было предписано “держать 22 полка в исправной готовности к выступлению по первому повелению”¹⁶. 6 мая 1798 г. Орлов выступил во главе этих полков в поход к городу Пинску, на западную границу. Походными атаманами были назначены: генерал-майоры С.Леонов и А.Киреев, полковники И.Бузин, А.Иловыйский 3-й и А.Денисов 6-й, подполковник Л.Денисов. Кроме полков их имени в поход отправились полки подполковников Е.Астахова 2-го, Я.Сычева 2-го, П.Денисова 8-го, Г.Луковкина, майоров Ф.Денисова 10-го, П.Бузина 2-го, П.Грекова 8-го, Д.Кутейникова 2-го, Ф.Чернушнина, С.Иловайского 3-го, Г.Иловайского 9-го, войсковых старшин А.Молчанова, О.Дмитрова, И.М.Платова, А.Туроверова. Под Пинском, не участвуя в боевых действиях, большинство из этих полков пробыло около двух лет. Император писал Орлову 18 августа 1798 г.: “Вас же с войском берегу на случай чего-либо решительного противу французов, не раздробляя, дабы удар сильнее им сделать”¹⁷. Однако ничего решительного предпринято не было, и 14 апреля 1800 г. войсковой атаман вернулся в Черкасск с полками генерал-лейтенанта А.Киреева, генерал-майоров И.Бузина и Л.Денисова, полковников В.Орлова и Кутейникова, подполковника Г.Иловайского и майора Туроверова. Шесть полков во главе с походным атаманом полковником А.К.Денисовым 6-м были направле-

Наказание кнутом. Нем. гравюра нач. XIX в.

ны в армию графа А.В.Суворова-Рымникского и впоследствии участвовали в Итальянском и Швейцарском походах. Это были полки А.К.Денисова 6-го, П.Грекова, А.Молчанова, В.Поздеева, П.Семерникова и Я.Сычева. Кроме них под командой Суворова находилось еще несколько казачьих полков (генерал-майора С.И.Курнакова и др.). В Италии и Швейцарии донские казаки отличились и были щедро награждены императором. В 1800 г. войску Донскому было пожаловано белое знамя, с изображением государственного герба Российской империи и надписью: “Верноподданному войску Донскому, за оказанные заслуги в продолжении кампании против французов 1799 года”. Тогда же войску за боевые заслуги была пожалована Высочайшая грамота.

Воспользовавшись отсутствием войскового атамана, Д.М.Мартынов возобновил борьбу за власть в войске. В конце 1799 г. его сторонники подали императору анонимный донос на начальствовавшего в войске, в отсутствие войскового атамана, генерала Д.И.Иловайского¹⁸. В Черкасск для расследования доноса был направлен генерал-лейтенант К.Ф.Кнорринг 2-й, он прибыл туда 7 марта 1800 г. и получил большое количество жалоб от казаков. Иловайский в письме к Кноррингу объяснил обилие жалоб происками Мартынова¹⁹. Тем не менее, вернувшемуся из похода Орлову пришлось отправить своих родственников, генералов Д.И. и П.Д.Иловайских, в Петропавловскую крепость. Положение правящей группировки пошатнулось, тем более что в Петербурге получил отставку и граф Ф.П.Денисов. Казалось, наступает время сторонникам Мартынова праздновать победу, но наступил страшный для донской старшины 1800 год, заставивший ее позабыть о междоусобице. В этом году старшине пришлось сполна расплатиться за те указы, которые приравнивали ее в правах к российскому дворянству. Правительство не собиралось, приравняв старшин к дворянам, оставлять за ними остатки прежних казачьих вольностей. Пришло время показать новоиспеченным дворянам, что они имеют не только права, но и обязанности перед престолом.

В мае 1800 г., покинув задонские степи, самовольно вернулись в пределы Астраханской губернии калмыки Большого Дербетова улуса, которые только в сентябре 1798 г.

года были причислены к войску Донскому²⁰. Указом от 18 февраля 1799 г. в Большом Дербетовом улусе было учреждено правление, подчиненное войсковой канцелярии войска Донского и состоящее из одного генерал-майора, одного штаб-офицера и владельца улуса²¹. Самовольный уход калмыков, жалующихся на притеснения со стороны войскового начальства, вызвал гнев императора. Павел I писал Орлову: “получил я донесение ваше от 30 мая о самовольном уходе калмыцких орд Большого Дербета в Астраханскую губернию к Малому Дербету, то не приписывая сие иному, как вкоренившимся беспорядкам в правление вверенного вам войска Донского, представляю вам уговорить их возвратиться на прежнее кочевье”²². Узнав о гневе императора на войсковое начальство, калмыки решили вернуться. Павел I приказал Орлову проследить, чтобы никто не смел обидеть вернувшихся калмыков, “вы мне за оное отвечать будете под опасением лишения вашего места и состояния”²³. 1 августа император приказал войсковому атаману “не вмешиваться никак в дела Калмыцких Орд, поелику хочу я, чтобы оные зависели от меня непосредственно под опасением для вас, а в противном случае лишения чинов и всего моего гнева”²⁴. Таким образом, угрозы войсковому атаману лишить его чинов и отрешить от должности носили в те месяцы перманентный характер.

В ходе следствия по делу Д.И.Иловайского открылось, что “дела войска Донского в войсковой канцелярии производятся несоответственно установлениям”²⁵. Император распорядился принять надлежащие меры. Указом от 11 июня 1800 г. в войсковую канцелярию, как во все губернские канцелярии империи, был назначен прокурор для наблюдения за законностью принимаемых решений. Канцелярии было предписано по военным делам относиться в Военную коллегию, а по гражданским в Сенат²⁶. 3 июля в Черкасск приступил к исполнению обязанностей прокурора войсковой канцелярии коллежский ассессор А.О.Миклашевич²⁷. Указом от 6 сентября 1800 г. по предложению прокурора была учреждена структура войсковой канцелярии, в которой должны были заседать войсковой атаман, два заседателя от войска и особы, назначаемые императором²⁸. Дальнейшие события показали, что у особ, назначаемых императором, т. н. присутствующих, было более власти, нежели у прочих членов канцелярии. Первоначально в войсковой канцелярии было учреждено три экспедиции, но спустя месяц к ним добавилось еще три²⁹.

Другим важным направлением стало искоренение практики приема беглых донским помещиками, борьба с некогда действовавших правилом: “С Дону выдачи нет”. Новороссийский генерал-губернатор Михельсон неоднократно подавал императору жалобы о том, что крепостные бегут на территорию войска Донского и там их укрывают. В мае 1800 г. целое селение крестьян ушло на Дон, а когда преследователи настигли их в пределах войска Донского, то на хуторе полковника И.А.Мешкова им оказали вооруженное сопротивление и один из преследователей был убит. Орлову было послано несколько строжайших рескриптов, в последнем из которых от 23 июля 1800 г. говорилось: “есть ли оных всех беглых вы не возвратите куда следует и тех побегов не прекратите, то будете лишены чинов и места”³⁰. В тот же день в Черкасск выехали два посланца императора — генерал от кавалерии И.И.Репин и генерал-майор, генерал-адъютант С.А.Кожин, сыгравшие немаловажную роль в дальнейших событиях.

О цели их прибытия на Дон генерал И.И.Репин позже, в ходе сенатского расследования, рассказал так: “...приехав в Черкасск и вступая в присутствие в войсковой канцелярии, занимался он (Репин.— А.С.) единственно по земской полиции в отыскивании тех беглых и в открытии виновных в приеме и укрывательстве их: что ж встречалось по военной части, то сие принял под свое наблюдение генерал-адъютант Кожин, посланный туда от Вашего Императорского Величества с особенною доверенностью”³¹. Посланцы императора прибыли в Черкасск 5 августа, и там сразу же начались аресты. К 10 августа под судом уже находились 17 старшин, в том числе два генерал-майора (И.Иловайский и В.Ман-

ков). Об обстановке в городе можно судить по дневниковой записи местного жителя: “1800 года... В половине августа месяца учинены в городе Черкасске полиция, тако ж в разных местах по городу пикеты и гауптвахта...”³².

С августа на Дону начались «строгости». 7 августа некий писарь Морозов привез в слободу Грабовскую, принадлежавшую полковнику В.Иловайскому, указ императора Орлову о недержании беглых от 26 июня 1800 г. и прилюдно зачитал его. Управляющий слободой М.Рабанов после прочтения сказал: “Как Государь скверно пишет к Орлову, как по щекам бьет”. Узнав об этом инциденте, войсковой атаман приказал провести следствие. В итоге, по приговору суда Рабанов получил 50 ударов кнутом и был сослан на каторжные работы в Нерчинск, Морозов наказан плетью, каждый десятый совершеннолетний житель слободы, выбранный по жребию из числа слышавших эти слова, был наказан “кошками”.

Такой поворот событий, в особенности начавшиеся аресты, не на шутку встревожил донских старшин, что видно из рапорта генерала Кожина императору: “здешние все чиновники, сведав повсеместно Всевысочайшую Вашего Императорского Величества волю о водворении непременно в их крае порядка и искоренении вкравшихся с давних времен здесь злоупотреблений, стеклись и не перестают еще стекаться со всех донских пределов в здешний город. Пораженные висящим над их главами мечом правосудия, а наипаче угнетенные мысляю, что они сами заслужили своими поползновениями к беспорядкам справедливый и страшный всем и каждому гнев своего всемилостивейшего законного Государя, что наипаче мне видно из партикулярных моих с ними бывших разговоров, в коих я касался для возбуждения внутреннего их совести признания о Всевысочайших милостях, Вашим Императорским Величеством на них часто излианных, как-то: всещедрые и несравненно большие награждения, против прежних войн, за службу их в Италии, великолепное знамя, им присланное, ознаменующее Всевысочайшую Вашего Императорского Величества к ним милость и монаршее признание их воинских заслуг в роды родов, потом говорил я им о поравнении их с регулярными войсками чинами и о многих иных Вашего Императорского Величества к ним милостях и усмотрено мною, что тем более чувствуют потеряние своим поведением Всевысочайшего благорасположения столь милостивого к ним Государя. Пришедши теперь в крайнюю робость и трепет, имели они вчерась и севодни у войскового атамана Орлова, а потом в войсковой канцелярии нарочные заседания, откуда пришед ко мне, представили мне, что они намереваются чрез войскового атамана Орлова послать к освященнейшим стопам Вашего Императорского Величества робкое прошение, с чистосердечным признанием своих вин и клятвенным обещанием взять всевозможные меры для изыска у себя беглых людей и впредь на таковые злоупотребления никогда не покушаться...”³³. 12 августа прошение о помиловании, подписанное более чем 70 офицерами и станичными атаманами, было послано императору³⁴.

В эти дни в Черкасске, под надзором, находились бывшие гвардейские офицеры братья Грузиновы: старший Евграф Осипович — полковник, младший Петр Осипович — подполковник. При воцарении Павла I, четверо братьев Грузиновых, служивших в гатчинских войсках, сделали быструю карьеру, но вскоре оказались в опале и были отправлены под надзор на Дон. По словам Репина, они, “удалась от всего здешнего собрания, жили весьма тихо”³⁵. И вот по злому совпадению, именно 12 августа, Петр попытался без разрешения покинуть Черкасск и был задержан. Когда посланные войсковым атаманом казаки попытались узнать у Евграфа, куда отправился его брат, то он обругал скверными словами Павла I, Орлова, Кожина и Репина. Евграф и Петр Грузиновы были в тот же день арестованы. Следствие, проведенное при активном участии трех оскорбленных генералов, было скоротечным. Уже на следующий день Е.Грузинов был приговорен к четвертованию.

После столь сурового приговора жизнь на Дону замерла. Один старожил вспоминал позже об этих днях: “когда разнеслась весть об арестовании братьев Грузиновых, в Кочетовской станице да и в других пошли небывалые строгости, запрещены всякого рода сборища, до которых казаки большие любители, вспоминая на них о своих походах и похваляясь своею удалью; разговоры велись втихомолку, боялись проронить лишнее слово”³⁶.

4 сентября в Черкасске был получен указ о помиловании всех привлеченных к суду по делам об укрывательстве беглых. В очередном рапорте императору генерал Кожин описал с каким восторгом был встречен этот указ: «...войсковой атаман Орлов присягнув наперед всего пред Богом и зеркалом, сказал всему собранию, что он “ни брата своего и никого не пощадит, если после сей беспримерной высочайшей милости найдется еще кто-либо неблагодарным преступником, того уже он без всякой пощады предаст всей строгости законов и не применит о нем всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству”, что и я подтвердил. Мгновенно все в один голос воскликнули: “Мы клянемся выдать сами и донести о таком неблагодарном и непризнательном изверге”»³⁷. Описанная сцена удивительного единодушия свидетельствует, что старшина была не на шутку напугана. Интересно, как воспринял грозную речь войскового атамана его родной брат, генерал-майор А.П.Орлов 2-й.

Единственным человеком, попытавшимся внести диссонанс в описанное Кожиним единодушие, был все тот же Д.М.Мартынов, который во всеуслышание спросил его о том, где брать деньги, чтобы платить казенные подати до следующей ревизии за умерших крестьян. Крамольный вопрос повис в воздухе. А многие из присутствовавших старшин бросились к Кожину засвидетельствовать, что они мыслей Мартынова не разделяют. Император, узнав о произошедшем инциденте, приказал отправить его виновника в Шлиссельбургскую крепость.

Буквально на следующий день войсковой атаман сдержал свою угрозу никого не щадить. В жертву был принесен полковник Е.Грузинов. Дело в том, что одновременно с указом о помиловании виновных в укрывательстве беглых был получен приговор по его делу: “наказать нещадно кнутом и отправить к нашему генерал-прокурору”. 5 сентября Е.Грузинов был запорот насмерть: получив 400 ударов кнутом, он умер спустя два часа. Количество полученных ударов говорит о том, что отправлять его в Петербург никто не собирався. Для справки напомним, что 11 сентября 1795 г. один из организаторов восстания в донских станицах, есаул Иван Рубцов был наказан кнутом и в тот же день умер, получив 251 удар.

После расправы над Е.Грузиновым, генерал С.А.Кожин 7 сентября покинул Черкасск. В рапорте императору он писал: “...злопреступников Грузиновых суды кончены, какого-либо заговора они здесь несмотря на их на то добрую волю, не сделали. Караулы и высылка беглых идет весьма успешно и все благополучно”³⁸. Из этих слов видно, что Кожин был прислан на Дон для предупреждения возможного возмущения среди казаков. По возвращении в Петербург он был назначен 4 октября командиром Конной гвардии. Впоследствии он командовал лейб-гвардии Кирасирским полком и погиб в 1807 г. в сражении под Гейльсбергом. Позже один современник в своих мемуарах отозвался о Кожине так: “начальное служебное поприще очернено злодеяниями его при следствии, порученного ему в звании флигель-адъютанта, на Дону во время царствования императора Павла”³⁹. Надо сказать, что о тогдашних событиях в Черкасске петербургская аристократия имела самые верные сведения, что отразилось в мемуарах.

Орлов отправил с Кожиним в Петербург материалы по судебным делам П.Грузинова и четырех казаков, обвиненных в доносительстве на братьев Грузиновых (войсковой старшина И.А.Афанасьев, урядник З.Касмынин, казаки В.Попов и И.Колесников). Судьба сыграла с этой четверкой злую шутку. Суд в Черкасске приговорил их к казни “через

отсечение головы”. Решение суда находилось в большом по объему судебном деле и в Петербурге посмотреть его, по-видимому, не удосужились. Прочли только сопроводительный рапорт Орлова, в котором он писал о своем согласии с решением суда: “по силе законов казнить смертью”. Однако “по силе законов” смертная казнь в России была отменена указом от 27 сентября 1754 г., вместо нее применяли наказание кнутом, которое при известном старании приводило к гибели наказуемого. Так, Евграф Грузинов, а чуть позже Петр, были запороты насмерть, но следуя букве закона они были наказаны, а не казнены.

Вернемся к четверым осужденным. Итак, в Петербурге с формулировкой решения суда не ознакомились, а Орлову на Дон был послан рескрипт в котором говорилось следующее: “согласен я с мнением вашим и сентенциею, наложенную на них судом”⁴⁰. Войсковой атаман, получив рескрипт 25 сентября, намеревался поступить согласно решению суда. Репин и прокурор войсковой канцелярии Миклашевич, подозревавшие что произошла страшная ошибка, уговорили его 26 сентября отложить казнь и послать курьера в Петербург за разъяснениями. Первоначально Орлов с ними согласился, но утром следующего дня смертная казнь “через отсечение головы” была все же приведена в исполнение. Пораженному этим событием Миклашевичу Орлов сказал, что он “исполнил в точности высочайшую волю, ибо может де быть, Государю Императору благоугодно есть обуздать тем здешние своевольства...”⁴¹.

Павел I получил 11 октября рапорт Орлова, в котором говорилось, что преступники “казнены смертью”, и никакой реакции не последовало. Через день генерал-прокурор П.Х.Оболянинов получил рапорт прокурора войсковой канцелярии Миклашевича о том, что виновным были отсечены головы. Именно на этот рапорт последовала немедленная реакция: Репин был лишен чинов и отдан под суд. В указе Сенату от 13 октября 1800 г. было сказано: “Генерал от кавалерии Репин исключается из службы, с отобранием патентов, за приведение в исполнение сентенций смертной казни на Дону, вместо заменяющего оную наказания, наложенного моею конфирмациею”⁴². Однако такой конфирмации в действительности не было, что и подтвердило сенатское расследование.

В отечественной историографии до сих пор бытует мнение, что Репин был лишен чинов за расправу над Е.Грузиновым. Однако это не так. Формально Евграф Грузинов был подвергнут наказанию кнутом, и в этом не было ничего противозаконного. 26 октября, в день, когда лишенного чинов Репина увезли из Черкаска в Петербург, там был подвергнут наказанию кнутом Петр Грузинов. Несмотря на то, что он получил в три раза меньше ударов нежели старший брат, Петр все равно умер спустя несколько часов. И в этом случае закон не был нарушен. Он был нарушен казнью “через отсечение голов” четверых казаков, причастных к делу Грузиновых. Тем более, что один из них имел чин войскового старшины, т.е. был дворянином согласно указу 1798 г. Удивительно, что в отличие от Репина, Орлов — главный виновник казни, наказан не был. Однако чувствовал себя войсковой атаман себя в эти дни тревожно. В письме к генерал-прокурору П.Х.Оболянинову от 27 октября он просил исходатайствовать ему “Высокомонаршее помилование”, поскольку в точности исполнил приговор согласно конфирмации⁴³. Орлов писал, что Репин не дал ему никакого совета и был с ним одного мнения: “при всех наших с ним Репиным размышлениях, не изобрели мы другого как исполнить по точности слов изображенных в сентенции; о том же чтобы сию казнь заменить наказанием нещадно кнутом ни мне вдоразумение не приходило, ни совета к тому преподано не было». В свою очередь Репин и Миклашевич в один голос утверждали, что они отговаривали Орлова от казни и нет оснований им не верить. 11 ноября Репин был привезен в Петербург и посажен на Сенатскую гауптвахту, а через две недели после сенатского расследования был освобожден. На докладе Сената по этому делу император наложил резолюцию: “Дать абшид, но никуда не определять”. В итоге Репин получил отставку с пенсионом в 2 тыс.

рублей и запрещением занимать какие-либо должности⁴⁴. В 1807 г. он был принят в службу генерал-лейтенантом, а впоследствии назначен сенатором.

Одновременно с указом об исключении со службы Репина, император назначил нового присутствующего в войсковой канцелярии, генерал-майора князя В.Н.Горчакова. 10 ноября 1800 г. князь Горчаков прибыл в Черкасск⁴⁵, но вскоре запутался в долгах и через полгода, 7 мая 1801 г., был освобожден от присутствия в войсковой канцелярии⁴⁶. Еще через полгода, 25 февраля 1802 г., была упразднена и эта должность. Надо признать, что Горчаков попытался разобраться с земельным вопросом на Дону, поднял вопрос о неравномерном распределении и захвате войсковых земель старшиной, вступил в обильную переписку с Сенатом по этому поводу. Однако при Александре I рассмотрение этого вопроса в Сенате было отложено.

После отъезда Репина «строгости» на Дону не прекратились. Так один из жителей Черкаска в своем дневнике 19 ноября 1800 г. сделал следующую запись: «За сочинение поносной против Государя оды были наказываемы кнутом старшинский сын Иван Галушкин и Преображенской церкви священник Федор, урядник Егор Антонов Фомин, писец Баранов и еще один неизвестной мне фамилии; первым двум дано по 50 ударов с вырезанием ноздрей и наложением знаков, Фомину — 50 ударов, а последним двум — по 16-ти»⁴⁷. Из этого же дневника видно, что в самом начале царствования Александра I бывший священник Преображенской церкви Федор Петров вернулся в Черкасск. А преемник Орлова, войсковой атаман М.И.Платов в 1802 г. ходатайствовал о возвращении ему сана священника. Эти факты говорят о том, что и данное судебное дело было достаточно надумано.

В конце 1800 г. начался новый виток дела об укрывательстве беглых, вызванный продолжавшейся борьбой двух группировок старшин. 11 сентября есаул Х.П.Кирсанов сообщил об исправлении и подчистке ревизских сказок имений его отчима, ссыльного генерал-майора М.И.Платова, хранящихся в войсковом казначействе. Кроме этого, он сообщил об укрывательстве беглых в имении графа Ф.П.Денисова. Это был расчетливый удар по правящей группировке старшин. Денисов предстал пред военным судом в Петербурге, а на Дону вновь были проведены аресты. К 8 ноября 1800 г. в войсковой канцелярии находились под судом и следствием 54 старшин (из них 6 генералов). Войсковой атаман попытался переложить всю тяжесть вины на сторонников Мартынова, назвав в своем рапорте об обнаруженных исправлениях ревизских сказок среди виновных только генералов Д.М. и А.Д.Мартыновых (отца и сына) и их зятя генерала М.И.Платова. Д.М.Мартынов в это время был уже на пути в Шлиссельбургскую крепость, а Платова из костромской ссылки перевели в Петропавловскую крепость. В конце 1800 — начале 1801 г. лидеры обеих враждующих группировок, за исключением войскового атамана, находились в заточении. Генерал-майор Д.М.Мартынов в Шлиссельбургской крепости; генерал от кавалерии граф Ф.П.Денисов в Кексгольмской; генерал от кавалерии Д.И.Иловайский, его сын генерал-майор П.Д.Иловайский и генерал-майор М.И.Платов в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости.

Терпение императора иссякло, и он решил избавиться от всех проблем, связанных с войском Донским, одним ударом. Войсковому атаману было предписано провести поголовное ополчение для похода на завоевание Индии. Помогать Орлову в подготовке и проведении этого похода, должен был его давний соперник Платов, которого суд оправдал по делу об исправлении ревизских сказок. Павел I встретился с ним лично 16 января 1801 г. и рассказал о предстоящем походе (интересно, что незадолго перед этим, 4 января, граф Ф.П.Денисов был посажен в крепость). За перенесенные лишения император пожаловал Платову орден св. Иоанна Иерусалимского и приказал выдать тысячу червонцев на дорогу в Черкасск. Причем Платов был записан состоять по армии, а к войску Донскому прикомандирован по случаю похода, что делало его достаточно независимым от войскового атамана⁴⁸.

О том, что это ополчение было действительно поголовным, видно из рапорта Орлова: “При войске налицо находится казаков ныне двадцать одна тысяча, из коих числа, исключая больных, отлучных в разные губернии по промыслам их, также малоисправных по бедности, полагаю я выбрать девятнадцать тысяч и взять их с собою”⁴⁹. 27—28 февраля 1801 г. 40 донских полков (более 22,5 тысяч казаков) покинули родные места. Кто знает, чем бы закончился этот поход, если бы император Александр I одним из первых своих указов не вернул казаков обратно. Этот указ настиг их окраине Российской империи, в селе Мечетном Саратовской губернии. Другим своим указом, от 9 апреля 1801 г., Александр I вернул имение, находящееся в Черкасске, младшим братьям полковника Е.Грузинова⁵⁰.

Таким образом, новое царствование началось для войска Донского многообещающе. В самом его начале, прибыв на коронационные торжества в Москву, новый войсковой атаман М.И.Платов обратился с просьбой к генерал-прокурору А.А.Беклешову учредить войсковую канцелярию по образцу бывшего войскового Гражданского правительства⁵¹. Ему удалось добиться возвращения к реформам Потемкина: войсковая канцелярия была реорганизована. 6 февраля 1802 г. на заседании Государственного (Непременного) совета рассматривался вопрос о необходимости изменений в управлении казачьими войсками. В частности, было признано: “Неоспоримо, что виды правительства, в отношении к управлению сих войск, всегда клонились и должны были клониться к тому, чтоб привести их в единообразие с прочими обывателями; но частные их привилегии, воинский их состав, дух народный, нравы и обычаи всегда полагали сильные тому препятствия. Учреждение в 1775 г. в войске Донском гражданского правительства, сколько ни далеко еще оно было от общего порядка, полагало однакож к нему некоторое начало. Перемены в учреждении сем, в 1797 г. и последующих сделанные, состояли только в раздроблении дел на разные части и введении новых имен, а не в существенном преобразовании...”⁵². В 1809 году военный министр граф А.А.Аракчеев опять вернулся к этому вопросу, выступив в Сенате с предложением об изменении управления казачьими войсками. Однако верная служба казаков в войнах с Наполеоном, их победоносное преследование французской армии в 1812 г., влияние известного атамана М.И.Платова — способствовали тому, что решение этого вопроса было отложено.

Примечания

- 1 Джингарадзе В.З. Военно-судное дело гвардии полковника Евграфа Осиповича Грузинова (1800 г.) // Ученые записки Новгородского педагогического института. Т.1. Выпуск историко-филологического факультета. 1956; Гвинчидзе О.Ш. Братья Грузиновы. Тбилиси, 1963; Лесин Е.И., Коршиков Н.С. Евграф Грузинов // Вопросы истории. 1987. №7. С.88—95.
- 2 Эйдельман Н.Я. Грань веков // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С.389
- 3 Цит. по: Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С.240.
- 4 Записка А.В.Суворова от 30 декабря 1796 г.// А.В.Суворов. Документы. Т.III. М., 1952. С.568.
- 5 Указ от 12 декабря 1796 г. // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (далее: ПСЗ-1). Т. XXIV. С.233.
- 6 Сборник РИО Т.8. СПб., 1871. С.229.
- 7 Указ от 22 сентября 1798 г.//ПСЗ-1. Т. XXV. С.387.
- 8 Высочайший рескрипт В.П.Орлову от 25 мая 1798 г. // Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902. С.11.
- 9 Странички прошлого // Донские областные ведомости. 1902. №81. С.2.
- 10 Постникова-Лосева Н.М. Из истории социально-политических отношений на Дону в XVIII в. // Исторические записки Т.60. М., 1957. С.268.
- 11 Рапорт В.П.Орлова императору Павлу I от 28 июля 1797 г. // РГВИА Ф.26. Оп.1/152. Д.6.
- 12 Указ от 6 ноября 1797 г.// ПСЗ-1. Т. XXIV. С.792—793. В его текст вошел рескрипт Орлову от 6 июля 1797 г.
- 13 Указ от 6 ноября 1797 г. // ПСЗ-1. Т. XXIV. С.792—793.
- 14 Попов И.П. Материалы к истории Дона. Новочер-

- касск, 1900. С.22.
- 15 Ведомость учрежденным по ведомству войска Донского начальствам и состоящим во оных начальствах станицам и о числе жителей мужского пола. Октября 1-го дня 1800 года // РГИА. Ф.1286. Оп.1, 1802 г., Д.223. Л.57—62.
  - 16 Высочайший рескрипт В.П.Орлову от 5 февраля 1798 г. // Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902. С.10.
  - 17 Высочайший рескрипт В.П.Орлову от 18 августа 1798 г. // Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902. С.12.
  - 18 Всеподданнейший донос донских жителей от 20 декабря 1799 г. // Сборник областного Войска Донского статистического комитета (далее: СОВДСК). Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С.171—173.
  - 19 Письмо Д.И.Иловайского к К.Ф.Кноррингу от 15 марта 1800 г. // РГИА. Ф.1345. Оп.98. 1824 г., Д.1005. Л.104—105.
  - 20 Указ от 1 сентября 1798 г. // ПСЗ-1. Т.XXV. С.364.
  - 21 Указ от 18 февраля 1799 г. // ПСЗ-1. Т.XXV. С.368.
  - 22 *Чонов Е.* Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск, 1912. С.28.
  - 23 Там же.
  - 24 Там же.
  - 25 Всеподданнейший доклад генерал-аудитора от 17 апреля 1800 г. // РГИА. Ф.1286. Оп.1. 1802 г., Д.222. Л.3.
  - 26 Указ от 11 июня 1800 г. // ПСЗ-1. Т.XXXVI. С.171—172.
  - 27 Рапорт А.О.Миклашевича П.Х.Обольянинову от 3 июля 1800 г. // РГИА. Ф.1286. Оп.1, 1802 г., Д.222. Л.20.
  - 28 Указ от 6 сентября 1800 г. // ПСЗ-1. Т.XXXVI. С.287—288.
  - 29 Указ от 8 ноября 1800 г. // ПСЗ-1. Т.XXXVI. С.330.
  - 30 Рескрипт В.П.Орлову от 23 июля 1800 г. // СОВДСК. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С.175.
  - 31 Доклад Сената по делу И.И.Репина от 26 ноября 1800 г. // РГИА. Ф.1374. Оп.4. Д.131. Л.60б.
  - 32 Дневник священника города Черкаска В. Рубашкина // Казачий вестник. 1883. №14. С.1.
  - 33 Рапорт С.А.Кожина императору Павлу I от 12 августа 1800 г. // СОВДСК. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С.178—179.
  - 34 Всеподданнейшее прошение о помиловании донских чиновников от 12 августа 1800 г. // СОВДСК. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С.180-182.
  - 35 Письмо И.И.Репина к П.Х.Обольянинову от 13 августа 1800 г. // РГИА. Ф.1345. Оп.98. Д.525. Л.30—31.
  - 36 *Павлов А.* Из прошлого // Донская речь. 1895. №50. С.2.
  - 37 Рапорт генерала С.А.Кожина императору Павлу I от 4 сентября 1800 г. // РГИА. Ф.1345. Оп.98. Д.525. Л.386об.
  - 38 Там же. Л.387.
  - 39 *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С.118.
  - 40 Высочайший рескрипт Орлову от 14 сентября 1800 г. (копия) // РГИА. Ф.1345. Оп.98. Д.525. Л.3.
  - 41 Рапорт А.О.Миклашевича П.Х.Обольянинову от 24 октября 1800 г. // РГИА. Ф.1345. Оп.98. Д.525. Л.440—443.
  - 42 Русская старина. 1873. №5. С.630.
  - 43 *Гвинчидзе О.Ш.* Указ.соч. С.109.
  - 44 Доклад Сената по делу И.И.Репина от 26 ноября 1800 г. (копия) // РГИА. Ф.1374. Оп.4. Д.131. Л.4—13об.
  - 45 Рапорт князя В.Н.Горчакова П.Х.Обольянинову от 10 ноября 1800 г. // РГИА. Ф.1286. Оп.1, 1802 г., Д.222. Л.73.
  - 46 Указ от 7 мая 1801 г. // РГВИА. Ф.13. Оп.2/110. Св.170. Д.3. Л.1.
  - 47 Из истории Донского края // Донская речь. 1891. №2. С.2.
  - 48 Письмо М.И.Платова к Х.А.Ливену от 4 июля 1801 г. // РГВИА. Ф.26. Оп.1/152. Д.132. Л.403—403об.
  - 49 Рапорт В.П.Орлова императору Павлу I от 23 января 1801 г. Цит по: *Попов А.* Василий Петрович Орлов (1797—1801) // Донские войсковые ведомости. 1854. №22—24. С.106—108, 110—111, 113—114.
  - 50 Указ императора Павла I канцелярии Войска Донского от 9 апреля 1801 г. // Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902. С.16.
  - 51 Рапорт М.И.Платова А.А.Беклешову от 8 октября 1801 г. // РГИА. Ф.1286. Оп.1, 1802 г., Д.223. Л.11—13об.
  - 52 Цит. по: Столетие Военного министерства. 1802-1902. Главное управление казачьих войск. СПб., 1902. С.154.

С. В. Королев

На задворках Кавказской войны: русский гарнизон в Кусарах

Небольшой городок Кусары, расположенный на северо-западе Азербайджана, вблизи границы с Дагестаном, крайне редко становился предметом внимания военных историков. Даже в монументальных трудах, посвященных различным периодам Кавказской войны, селение Кусары упоминается очень редко. Именитые путешественники, посещавшие в разное время Кавказ, в частности, писатели Александр Дюма и А. А. Бестужев-Марлинский, русские и европейские естествоиспытатели, объезжали Кусары по окрестным дорогам. Надо сказать, что уже в наше время этот пробел пытались исправить: местные власти решили, что Лермонтов, направляясь к очередному месту службы, никак не мог миновать Кусары. В 1970-х годах по этому поводу была даже установлена памятная стела. Конечно, Кусары отчасти теряются среди таких звучных имен-легенд, как Ведено, Темир-Хан-Шура, Дешлагар; мест, где временами вершились судьбы всего Кавказа. Но и это небольшое селение, которое и городом-то стало уже в советское время, заслуживает быть вписанным в летопись кавказской войны. Пожалуй, лишь только здесь вплоть до недавнего времени сохранялись частично модернизированные фортификационные и административные постройки, возведенные еще в царствование императора Николая I. Словом, Кусары являют собой уголок нетронутой кавказской старины.

Одним из первых оставил живописную зарисовку о Кусарах А. А. Бестужев-Марлинский: «Климат (в окрестностях Кусар)... губителен только для новичков, впоследствии очень сносен... леса поглощают вредные испарения и охлаждают знойную атмосферу лета. В этом, конечно, пособляют им и снеговые горы, они беспрестанно насыщают слякоть — облака этой области, изволите видеть, не знают за собой другого ремесла, кроме дождя»¹. В научном изложении это звучало так: «Вследствие близости моря, в Кубинском уезде регулярно дует днем влажный морской ветер, который, достигая снеговых гор, охлаждает и выделяет значительную массу осадков, образующих на самых вершинах гор вечные ледники и вызывающий в нагорной полосе летом частые дожди, а зимой — снег»². Необходимо уточнение: в течение многих лет Кусары находились как административная единица в составе Кубинского уезда Бакинской губернии, а горы, о которых идет речь — это Базардюзю (4466 м) и Шах-даг (4243 м). Чтобы дополнить описание картины края, продолжим: «Уезд принадлежит к богатоодаренным участкам Закавказья: горы покрыты густой и роскошной растительностью, плоскость в состоянии производить хлеб, табак, виноград и все фрукты»³. Малочисленность населения привела к тому, что Кусары в дореволюционное время так и не получили городского статуса. Так, в 1890-х годах селение все еще официально упоминалось как «урочище», а жили в нем всего 864 человека, в

том числе — 287 отставных чинов. И даже в 1923 г. население Кусар составляло всего полторы тысячи жителей. Значительная доля бывших и сущих военных объясняется как раз тем, что здесь долгие годы квартировали части и подразделения русской армии, и развитие поселения стало возможным во многом благодаря армейской инфраструктуре. После Великой Отечественной Кусары утратили свое прежнее стратегическое значение, и здесь почти пятьдесят лет размещалась учебная часть Советской Армии. Сейчас в Кусарах стоит один из гарнизонов азербайджанской армии.

В истории борьбы за Кавказ на протяжении прошлого века Кусары играли важную роль, даже более важную, чем находящаяся в полутора десятке верст Куба — некогда столичный город Кубинского ханства. Хотя в Кубе с 1806 г. располагался военно-окружной начальник Дагестанских провинций — пока Кубинский уезд находился в составе Дербентской губернии — Кусары считались «передним краем». Почти до середины прошлого столетия Кусары, или, как селение еще называли — «Новая Куба», соединялись с Кубой скверной дорогой, которая в дождливой местности изобиловала грязью. Наблюдатели подчеркивали, что осенью и весной «жители предпочитали большой почтовый тракт до переправы, после чего дорога в Кусары, отделившись от него, поворачивает налево и идет берегом речки до названного урочища»⁴. Речка Кусар-чай, иначе — Шах-набад, берет начало на склонах Шах-дага и впадает в Каспийское море. В пределах Кусаров берега реки круты и обрывисты, более того, в период таяния снега переправа через нее была, по всей вероятности, крайне затруднительна. Низкий уровень воды поднимался многократно. Но в засушливое лето по руслу Кусар-чая бежит всего лишь несколько ручьев, и переброска войск по горной дороге, ведущей через отроги Большого Кавказа, становилась вполне возможной. Эта дорога вела в глубину территории Азербайджана. Несколько позже дорога Куба—Кусары была улучшена и в начале нашего столетия называлась «шоссе». Прояхав по нему, путешественник попадал в местечко, состоящее из трех улиц и нескольких отдельно стоящих воинских зданий. Последние были построены для летнего пребывания больных солдат, так как климат Кусар одно время почитался близким курортному. После окончательного замирения на Кавказе дороги, ведущие в Кусары были обсажены плодовыми деревьями. Очевидно, раньше это было невозможно из-за угрозы засад.

С расширением российского военного присутствия в Дагестане Кусары были выбраны как место расположения штаб-квартиры ряда частей Отдельного Кавказского корпуса, действовавших на этом направлении. По крайней мере, в первой половине XIX в. большие неприятности русскому командованию доставляли небольшие, но мобильные отряды немирных лезгин, перемещавшиеся по обеим берегам Самура — реки, разделяющей собственно Дагестан и Приморский Дагестан. Кусары были выбраны еще и потому, что примерно в 70 верстах к северу находились Ахты — стратегически важный укрепленный пункт. На протяжении долгого времени присутствие русских отрядов в окрестностях этого аула было почти обязательным в летнее время. Через подготовленные переправы войска могли оперативно форсировать Самур. Кроме того, вслед за горной дорогой на Конагкенд, была оборудована «торная колесная дорога до села Аныха, далее уже плохая до селения Муруха, где сдавленная горным кряжем долина превращается в ущелье, а дорога — в горную тропу, приводящую к небольшому лезгинскому аулу Лезе, на дне глубокого ущелья»⁵.

Штаб-квартирой Кусары стали уже в начале 1820-х годов, а с 1844 г. здесь квартировал 84-й пехотный Ширванский полк. Этот номер был присвоен полку только в 1864 г.; старшинство же перешло от Кабардинского полка, сформированного в XVIII в. Ширванским полк стал в 1819 г., но и позже часто назывался по имени шефа — генерал-фельдмаршала Паскевича-Эриванского, графа Варшавского, а иногда и просто: Варшавский. В составе Ширванского полка проходили службу многие герои кавказских баталий. Летом большая часть полка обычно находилась в экспедициях против горцев севернее штаб-

квартиры. Если же в Кавказском регионе проходила масштабная кампания с Турцией или Персией, для охраны штаб-квартиры и полкового имущества выделялось сравнительного немного солдат. Так, в 1877 г. приверженцы некоего Казии-Ахмеда осадили Кусары, где в то время находился только один батальон неполного состава. До прихода помощи из Дербента гарнизону пришлось отбить два ожесточенных приступа⁶. Когда же обстановка в Дагестане стала относительно спокойной, ширванцы оставались зимовать и в селениях по Самуру. Отдельные батальоны ширванцев принимали участие практически во всех горячих делах той эпохи — в составе сводных отрядов Отдельного Кавказского корпуса.

Справедливо, если наиболее ярким командиром ширванцев будет назван Захар Степанович Манюкин. Он возглавлял полк в 1848—1853 гг., а до этого командовал отрядом ширванцев в общевойсковых операциях: например, во время кровопролитного сражения у аула Салты в 1847 г. Манюкин был ранен, но остался в строю. С именем Манюкина связано окончательное обустройство штаб-квартиры в Кусарах. Были возведены просторные казармы, заложена полковая церковь. Закладная доска, чудом уцелевшая до наших дней, гласит, что это событие произошло в 1851 г. Позже Манюкин состоял в должности военного губернатора Дербента, получил чин генерал-майора, командовал бригадой, затем — войсками 8-й дивизии. В 1854 г. Манюкин участвовал в подавлении польского восстания.

Ширванский полк оставался в Кусарах вплоть до 1895 г., когда был переведен в дагестанское селение Хасав-Юрт. С 1888 г. шефом ширванцев считался великий князь Николай Александрович. За время пребывания ширванцы совершенно преобразили штаб-квартиру. Хотя сохранившиеся постройки были модернизированы, еще десять лет назад можно было подметить характерные черты военной архитектуры прошлого века — цейхгаузы, склады, традиционную для Кавказа изгородь из дикого камня. Где-то в последней четверти прошлого века в Кусарах нашлось место и горной артиллерийской батарее. В связи с этим, для удобного размещения лошадей, часть казарменных зданий была надстроена до двух этажей. Любопытно, что в наши дни жители Кусар связывали название города с тем, что здесь якобы квартировали гусары. (На азербайджанском языке топоним звучит как «Гусар».) Это, разумеется, не так: к моменту возникновения в Кусарах штаб-квартиры, да и много лет спустя, на Кавказе вообще не было кавалерии — исключение составляли Нижегородский драгунский полк и части грузинской конной милиции. Топонимика же названия «Кусары» до конца не выяснена, и имеет как тюрские, так и иные корни; очевидно, название проистекает из географического расположения селения.

Несмотря на угрозу вылазок горцев, жизнь в Кусарах временами протекала довольно спокойно и даже весело. В середине XIX в. кавказские ветераны при встречах вспоминали, что в штаб-квартире «общество было блестящее, все дамы образованные»⁷. А в 1873 г. немецкий ботаник, проезжая через Кусары, уже смог там отыскать переводчиков, знающих европейские языки⁸. Когда батальоны ширванцев были задействованы в операциях на удаленных участках — например, в каспийских походах — в Кусарах зимовали солдаты артбригады из состава 21-й дивизии.

По мере затухания активных военных действий на Кавказе в Кусарах стали размещаться в основном вспомогательные части. Последним крупным подразделением, стоявшим в Кусарах, можно считать резервный батальон пластунской бригады Кубанского казачьего войска. А в начале века приезжие наблюдали в селении типичную для дачного места обстановку: на постой расквартирована сотня казаков, имеется почтово-телеграфная контора, булочная и «лавочки с разными товарами»⁹. К сожалению, о длительном пребывании ширванцев осталось не так уж много следов. Наиболее яркий эпизод приводит известный историк Дагестана Е. И. Козубский: старожилы рассказывали ему, что один штабс-капитан Ширванского полка, находясь в командировке в Дербенте, «на квартире квартального надзирателя Мальвинского, поспорил с последним и поранил его ножом»¹⁰.

Отставные нижние чины, осевшие в Кусарах, долго пользовались исключительным правом получать редкий в этих местах лес на дрова¹¹. Правда, некоторые стороны быта кусарского населения так и не изменились в лучшую сторону. Медики, проводившие в 1900-х гг. исследования в Закавказье, отметили, что все немногочисленное население местечка пользуется родниковой водой. «Родник выходит в небольшом обрыве левого берега Кусар-чая, близ хлебопекарни пластунского батальона у речного брода, занимая срединное положение между штаб-квартирой и слободой. Родник ниже жилых построек и вода в них доставляется водовозом и разносится ведрами»¹². Небезынтересно, что подобное положение сохранилось вплоть до наших дней, поэтому летом водоснабжение затрудняется.

Ширванские отставные проживали в кусарской слободе и после ухода полка. Их нередко приглашали на различные торжественные церемонии. Так, ветераны полка присутствовали на открытии бакинской ветки транскавказской железнодорожной магистрали — об этом написал проезжавший через ближайшую к Кусарам станцию Худат столичный журналист.¹³ Когда же военные окончательно покинули Кусары, селение стало напоминать обычное европеизированное захолустье. На смену диким абрекам приходят бакинские дачники и любители-альпинисты. Перед революцией картина становится совсем мирной: «чистый здоровый воздух, близость леса с его прохладой, обилие фруктовых садов, говор быстрой реки — все это делает жизнь в Кусарах привлекательной»¹⁴. После революции местное население было вынуждено отчасти поменять род занятий. Развитие плодоовощного производства привело к вытеснению многочисленных торговцев и маркитантов, промышленявших скупкой скота в Карабахе для продажи солдатам Ширванского полка. Другие же ремесла и занятия не прижились. Изменился и национальный состав населения. Если в прошлом веке в Кусарах, наряду с русскими поселенцами, проживали персидские и грузинские торговцы, то затем городок стал центром компактного расселения только лезгин. Малые дагестанские народности по-прежнему заселяли несколько аулов в предгорьях Шах-дага.

С распадом СССР Кусары вновь оказались в эпицентре бурных событий. Во-первых, оживилось лезгинское национальное движение. Ряд политических организаций, в том числе и «Садвал» («Единство») призывали к объединению земель, населенных лезгинами, в единое государство Лезгистан. Исторически сложилось, что примерно треть лезгин проживает вне Дагестана, и в 1991 г. они оказались отделены границей от сородичей в Южном Дагестане. Кроме того, после начала карабахского кризиса Баку решило переселить в Кубинский и Кусарский районы беженцев. Разумеется, это до крайности обострило обстановку. Так что азербайджанский гарнизон на месте бывшей дислокации Ширванского полка был размещен не случайно.

Примечания

- 1 *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения. М., 1958. Т. 2. С. 194.
- 2 Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1886. Т. 2. Вып. 2. С. 289.
- 3 Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1890. Т. 2. С. 145.
- 4 *Берже А.* Прикаспийский край. Тифлис, 1856. С. 40.
- 5 *Разевиг В. А.* На Шах-даг // Ежегодник Русского Горного общества. М., 1906. Т. 5. С. 111.
- 6 Лезгинский мятеж в Южном Дагестане // Русский вестник. 1880. № 12. С. 695.
- 7 *Зиссерман А.* 25 лет на Кавказе. СПб., 1879. С. 168.
- 8 Поездки г-на Беккера по Южному Дагестану // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. С. 47.
- 9 *Плецев В.* Экскурсия по Южному Дагестану в 1903 г. // Ежегодник Русского Горного общества. М., 1903. Т. 3. С. 92.
- 10 *Козубский Е. И.* История г. Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 234.
- 11 Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1888. Т. 3. С. 83.
- 12 *Григорьев А., Штакман А.* Питьевые воды Кавказа. СПб., 1903. С. 35.
- 13 *Кривенко В. С.* На окраинах. СПб., 1902. С. 165.
- 14 *Познанский М. А.* На Шах-даг // Юбилейный сб. Крымско-Кавказского горного клуба. Одесса, 1915. С. 105.

А. С. Соколов

Российская политическая эмиграция в Америке в конце XIX века

История российской эмиграции и русской диаспоры в последнее время вызывает повышенный интерес исследователей¹. Однако многие события этой истории, особенно ее раннего, дореволюционного периода, и по сей день остаются малоизвестными и лишь частично, фрагментарно изучены. В частности, это относится и к деятельности российской политической эмиграции в США в конце XIX в.²

Исследуя данную тему, автор в качестве основных источников использовал документы и рукописные материалы центральных государственных архивов России.

Незначительная, по сравнению с европейским направлением³, российская политическая эмиграция в Америку возрастает на рубеже 1870—1880-х гг.⁴ и особенно — после событий 1 марта 1881 г., когда царское правительство развязало репрессии не только против непосредственных участников политической борьбы, но зачастую и против лиц, только заподозренных в неблагонадежности.

Состав эмиграции из России «увеличился, ввиду суровости мер сыска, предпринятых полицией после 1 марта», — отмечалось в секретном, предназначенном для служебного пользования, официальном обзоре революционного движения, составленном в департаменте полиции под руководством жандармского генерала Н. И. Шебеко в конце 1880-х гг.⁵. «Наблюдение за русской эмиграцией за границей, систематическое и негласное, составляет поэтому главную заботу русской государственной полиции», — указывалось в документах охраны за 1881 г.⁶. В этот же период к надзору за эмигрантами привлекаются дипломатические ведомства. Так, в списках расходов департамента полиции в 1880-е гг. появляется графа, предусматривавшая ежегодный отпуск российским консулам финансовых средств на агентурную слежку за «вредной» деятельностью русских революционеров⁷.

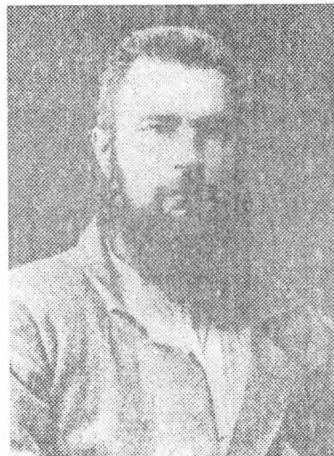
И хотя, как прежде, большинство политэмигрантов оседало в странах Западной Европы, все чаще некоторые из них, по тем или иным причинам, перебирались за океан. Как правило, в Америку же бежали политкаторжане и ссыльнопоселенцы, отбывавшие срок заключения в Сибири⁸. Особенно возрос приток в США русских эмигрантов на рубеже 1880—90-х гг., когда полиция ряда западноевропейских стран, с ведома и одобрения российского правительства, начала кампанию преследований и гонений русских «нигилистов». «...Скопление революционных сил в Северо-Американских Соединенных Штатах начинает принимать угрожающие размеры», — сообщал 14 августа 1891 г. в конфиденциальном письме министру иностранных дел России Н. К. Гирсу министр внутренних дел И. Н. Дурново, прося МИД и его сотрудников в США оказать департаменту

И. К. Дебогорий-Мокриевич

В. К. Дебогорий-Мокриевич

И. Л. Линева

полицей «...содействие к получению сведений о происках наших эмигрантов в Нью-Йорке»⁹.

Американское направление русской политической эмиграции имело свои исторические традиции. Первым российским диссидентом, обосновавшимся в США, был полковник И. В. Турчанинов, прибывший сюда в 1856 г. В годы гражданской войны он активно воевал на стороне северян, командуя полком волонтеров¹⁰. В конце 1860-х гг. в России среди народников возникали замыслы устроить на территории заокеанской республики опытные земледельческие поселения-коммуны. Первые поездки в Америку этой разночинной молодежи, считавшей естественным средством заработка прежде всего физический труд и отрицавшей частную собственность, начались уже на рубеже 1860—1870-х гг. «В конце шестидесятых годов замечалось вообще увлечение Америкой, американской жизнью, американскими свободными учреждениями...; некоторые ездили туда, наблюдали тамошние порядки, писали о них в русских журналах», — отмечал участник революционного движения 1870-х гг., находившийся в близких отношениях с группой таких лиц, В. К. Дебогорий-Мокриевич¹¹. В начале 1870-х гг. в Америку отправился И. Л. Линева с целью устройства земледельческих коммун силами русских эмигрантов¹². Примерно в это же время несколько групп молодых людей (среди них — член кружка т. н. «американцев», будущий писатель-народник, автор известного в свое время стихотворения «Замучен тяжелой неволей» Г. А. Мачтет, Н. В. Чайковский, ставший в будущем одним из известных деятелей русской революции, И. П. Дебогорий-Мокриевич и др.) также решают переселиться в США, чтобы основать там образцовые народнические колонии. Вскоре они и их романтически настроенные товарищи перебираются за океан¹³. Однако все эти попытки основать в Америке земледельческие трудовые сообщества в конечном итоге закончились неудачей и большинство уехавших возвратилось на родину¹⁴. В 1875 г. для изучения общественного устройства молодой страны туда намеревался поехать Степан Халтурин, но, обворованный по пути, вынужден был вернуться в Петербург¹⁵. В 1870-е гг. в США активно действовал в пользу русского революционного движения бывший священник, а затем сподвижник А. И. Герцена и М. А. Бакунина Агапий Гончаренко — один из пионеров российской политической эмиграции и печати в Америке¹⁶.

К американской республике обращались и деятели «Народной Воли», надеясь привлечь к своей борьбе симпатии европейского и американского общественного мнения. «Последнее десятилетие в истории русского освободительного движения отмечено стремлени-

Н. В. Чайковский

Г. А. Мачет

Ф. В. Волконский

ем привлечь на сторону «нигилистов» общественное мнение Запада», — писала в 1891 г. в своей программной статье издававшаяся в Нью-Йорке на русском языке газета «Прогресс»¹⁷. В октябре 1880 г. Исполнительный комитет «Народной Воли» направил через своего заграничного представителя Л. Н. Гартмана письмо-обращение к американскому народу. «Вам, товарищ, мы поручаем озаботиться организацией этого дела в Англии и Америке через устройство нашего постоянного бюро, через митинги, лекции, печать», — указывалось в сопроводительном письме к Л. Гартману¹⁸. Одновременно с этим письмом Исполнительный комитет обратился к К. Марксу и А. Рошфору (известному французскому журналисту, коммунару, незадолго перед этим возвратившемуся после амнистии в Париж) с просьбой оказать поддержку Л. Гартману в осуществлении стоящих перед ним задач¹⁹.

Обращение народовольцев к американскому обществу заканчивалось выражением уверенности в том, что симпатии американцев будут всецело на стороне российских революционеров. «Та страна, которая на заре своей исторической жизни сомкнула ряды своих сынов для защиты своей независимости, та страна, которая открывала свои объятия всем гонимым на европейском материке, та страна, которая вела даже братоубийственную, междоусобную войну из-за освобождения миллионов невольников, — такая страна не может не сочувствовать нам, поднявшим знамя борьбы за освобождение русского народа от цепей политического и экономического рабства... Ваши симпатии, как и симпатии всех народов, нам дороги. Мы горячо желаем их закрепить! С этой целью мы намерены познакомить Вас обстоятельно с истинным положением дел в России, как в политическом, так и во всех иных отношениях, для чего к Вам, на Вашу гостеприимную территорию и отправляется по нашему поручению Лев Гартман», — говорилось в обращении²⁰.

Участник народовольческого движения конца 1870-х гг., один из организаторов попытки взрыва царского поезда в ноябре 1879 г.²¹, Л. Н. Гартман (1850—1908) в декабре того же года, скрываясь от полиции, эмигрировал во Францию. Преследуемый и там царской охранкой, он должен был затем перебраться в Лондон²². Оттуда в конце июня 1881 г. Л. Гартман предпринимает агитационную поездку в США. «Я хочу разъяснить [американцам. — А. С.] суть экономической и политической жизни России, снискать симпатии к нам граждан Америки и получить от них денежную помощь сосланным в Сибирь и заключенным», — писал Л. Гартман из Нью-Йорка своим друзьям 1 сентября 1881 г.²³.

Успешному осуществлению этих намерений в значительной степени помешали события, которые невозможно было предвидеть. Еще во время его пути, 2 июля, произошло

Л. Н. Гартман

Джордж Кеннан

Л. Б. Гольденберг-Гетройтман

покушение на президента США Джеймса Гарфилда. И когда Л. Гартман, прибыв в Нью-Йорк, опубликовал в газетах статьи и привезенные с собой документы, это вызвало эффект, прямо противоположный ожидавшемуся. «Настроение большинства здешних газет, общественное мнение и отношение американского правительства — против меня», — сообщал Л. Гартман в письме из Америки. Последовавшая 19 сентября гибель Гарфилда сделала невозможными выступления русского революционера. Дважды Гартман вынужден был уезжать в Канаду, опасаясь выдачи царскому правительству. В октябре того же 1881 г. Гартман вернулся в Лондон²⁴.

Не будучи уверен в своей безопасности и в Англии, в декабре 1882 г. Гартман вторично, теперь уже навсегда, уезжает в Америку. В Нью-Йорке под фамилией С. Сомова он открывает электротехническую мастерскую²⁵. Надеясь продолжить начатое в России революционное дело, Гартман сближается с живущими здесь русскими эмигрантами. Образовавшаяся в 1887 г. в Нью-Йорке «Русско-американская национальная лига» избирает его своим президентом²⁶. Однако отдаленность родины, утрата связей с оставленными там товарищами и изнуряющая атмосфера ежедневной борьбы за существование постепенно выводят Гартмана из шеренги активных борцов. Письма его из Америки к друзьям были полны жалоб на душевное одиночество, на трудности жизни и на то, что с Россией его связи порвались²⁷. Скончался Л. Гартман в Нью-Йорке в 1908 г.

Неудачи Л. Гартмана во многом предопределились отсутствием в это время в Соединенных Штатах сколько-нибудь значительных и организационно оформленных групп российских политэмигрантов. Свидетельством этому служит донесение в МИД России от 31 декабря 1881 г. русского посланника в Вашингтоне М. Бартоломея, которому было поручено выяснить этот вопрос. «Здесь, по-видимому, нет еще твердой организации, нет постоянного центра, к которому бы стремились русские выходцы», — отмечал дипломат в своем отчете, копия которого была передана из МИДа в департамент полиции²⁸.

Сложившееся положение начинает меняться со второй половины 1880-х гг. Уже с 1885 г. прослеживаются связи со здешней эмиграцией первой русской марксистской группы «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым²⁹. В феврале 1886 г. было отпечатано и отправлено за океан ее воззвание «К русским рабочим в Америке», в котором, в частности, говорилось: «Несколько лет тому назад мы основали социал-демократическую группу “Освобождение труда”... В настоящее время в России существует уже несколько тайных рабочих кружков, принявших социал-демократическую программу... и мы имеем все основания думать, что раз начатое дело будет продолжаться безостановочно. Мы обраща-

Е. Е. Лазарев

Н. К. Судзиловский-Руссель

С. М. Кравчинский-Степняк

емя к вам с просьбой поддержать это дело...: организуйте русский рабочий социал-демократический союз и постарайтесь войти в федеративную связь с группой «Освобождение труда», издания и программу которой мы вам посылаем. Через посредство этой группы вы войдете также в сношения с действующими в России социал-демократами»³⁰.

В налаживании этих контактов определенную роль сыграла созданная к началу 1889 г. в Нью-Йорке группой российских эмигрантов газета «Знамя», печатавшаяся на русском языке. Основателем и душой газеты был Лев Бандас, после кончины которого дело продолжил его младший брат — Ефим Бандас, прибывший в США из европейской эмиграции еще в 1886 г. и принявший здесь имя Луи Миллер³¹. В марте 1892 г. в Нью-Йорке здешним русским социал-демократическим обществом издано «крайне возмутительного содержания» воззвание «Голод и самодержавие», подписанное в числе других лиц и Миллером, — отмечалось в секретном розыском списке департамента царской полиции в деле Е. С. Бандаса³². В газете, с перерывами выходившей около 15 месяцев, публиковались материалы ярко выраженного социал-демократического направления, в том числе — несколько произведений членов группы «Освобождение труда» П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич³³. «...Наше Знамя является также знаменем объединения всех русских рабочих [в Америке. — А. С.] для святого дела помощи революционной России. Крепко, прямо, честно и высоко держать это Знамя — цель нашей борьбы», — писала газета в передовой статье первого номера³⁴. С газетой сотрудничали многие жившие в США российские политэмигранты, в том числе — С. Е. Шевич, В. А. Столешников и др. Впоследствии Владимир Александрович Столешников был одним из архитекторов-проектировщиков знаменитого «Карнеги-холла», построенного на Бродвее в 1891 г.

Усилению связей группы «Освобождение труда» с российской революционной эмиграцией в Америке способствовал и переезд туда С. М. Ингермана — одного из членов этой организации, в конце 1890 г. в поисках заработка переселившегося в США. В 1891 г. в Нью-Йорке им было создано «Русское социал-демократическое общество», просуществовавшее вплоть до 1917 г.³⁵. Будучи по профессии врачом и являясь видным деятелем эмигрантских социал-демократических кружков в Соединенных Штатах, С. М. Ингерман организовывал и осуществлял из-за океана крупную материальную помощь, столь необходимую его соратникам в Европе³⁶. Контакты с американскими иммигрантами велись, в основном, П. Б. Аксельродом, который, помимо С. М. Ингермана, по поручению организации поддерживал связи и вел переписку со многими другими российскими революционерами, жившими в США³⁷, и, в частности, с группой Л. Б. Гольденберга³⁸.

В 1886 г. российское правительство, воспользовавшись благоприятной внутренней обстановкой, сложившейся в это время в Соединенных Штатах (знаменитый Чикагский «процесс анархистов» и последовавшие за ним гонения и травля всех лиц, заподозренных в радикальных убеждениях), попыталось заключить с правительством США конвенцию о взаимной выдаче государственных преступников, покушающихся на жизнь членов царствующего дома или на главу государства. В сентябре этого же года ее проект был передан государственному секретарю США русским генеральным консулом в Нью-Йорке Р. Р. Розеном³⁹. Переговоры о заключении конвенции продолжались и в следующем году. 16 марта 1887 г. она была подписана представителями обеих стран, но благодаря широкой кампании протеста, развернутой в Америке и Западной Европе русскими эмигрантами и сочувствующей им общественностью, ратификация ее Конгрессом США была отложена⁴⁰.

Весной 1887 г. в Нью-Йорке по инициативе политэмигрантов Л. Гольденберга, Н. Алейникова, Л. Гартмана, Б. Горова и других возникла «Русско-американская национальная лига», ставившая своей целью агитацию против заключения этого договора, а также сбор средств в пользу русских ссыльных революционеров и политкаторжан⁴¹. Однако условия американской жизни создавали немало проблем для успешной деятельности группы. Помимо прочих помех, фактически полная оторванность от России и нерегулярность связей с гораздо более многочисленной, лучше организованной и информированной русской эмиграцией в Западной Европе делали работу Лиги малоэффективной. Осознав это, ее руководители начинают поиск более тесных связей с западноевропейской эмиграцией.

В письме к П. Л. Лаврову, написанном в начале 1890 г. главным организатором и вдохновителем этой группы русских эмигрантов в Америке Л. Б. Гольденбергом⁴², анализировалась создававшаяся ситуация и выдвигалась программа дальнейших, уже совместных, действий. «Отсутствие общего органа ставит в затруднительное положение русских деятелей, разбросанных по разным странам, — и не дает возможности той гармоничной деятельности, столь необходимой для достижения полезных результатов, — говорилось в послании. — Для поддержания постоянной, а не моментальной симпатии к русским революционерам со стороны цивилизованных народов и ненависти к русскому деспотизму необходим орган, который бы специально занимался русским революционным делом и таким образом дал бы русским деятелям в разных странах источник, откуда черпать материал для освещения социальной и политической жизни России. Все эти соображения и многие другие, которые Вы сами дополните, привели нас к заключению попросить своих товарищей в Европе, чтобы они собрались вместе и выработали программу солидного русского революционного органа, в котором могли бы высказываться все оттенки русской революции. Мы со своей стороны предложим Вам материальную и нравственную помощь»⁴³. Одновременно такое же письмо было послано в Лондон С. М. Степняку-Кравчинскому⁴⁴.

Эти предложения нашли положительный отклик. 1 августа 1890 г. Ф. В. Волховский, от имени руководящего комитета Лондонского «Общества друзей русской свободы», созданного в апреле 1890 г., официально предложил Лиге стать филиалом-издательством печатного органа и ядра этой организации — журнала «Free Russia» («Свободная Россия»)»⁴⁵. Группа Гольденберга приняла это предложение, и в октябре 1890 г. в Соединенных Штатах начинает работать нью-йоркское отделение «Free Russia Publishing Association»⁴⁶.

Заокеанское отделение «Свободной России», во главе которого встали Л. Б. Гольденберг и З. Л. Розенблит, развернуло энергичную деятельность по сбору средств для выхода американского издания журнала и его распространения в США. В целях успешного решения этой задачи Гольденберг — помимо русских эмигрантов — обращается за

поддержкой к известным американцам, сочувствующим русскому освободительному движению: Марку Твену, Джорджу Кеннану и ряду других общественных деятелей⁴⁷. Большую помощь в этом деле оказал русский политэмигрант Е. Е. Лазарев, о чем свидетельствует его обширная переписка с Л. Б. Гольденбергом⁴⁸.

Участник народнического движения 1870—1880-х гг., Егор Егорович Лазарев (1855—1937) в эпоху «хождения в народ» неоднократно арестовывался за революционную пропаганду среди крестьян, несколько лет провел в тюрьмах и ссылках. 4 июля 1890 г. бежал с места своего последнего поселения в Иркутской губернии и через Японию добрался до Соединенных Штатов⁴⁹. Как вспоминал Лазарев, побег этот был подготовлен группой ссыльных во главе с «прирожденным конспиратором и организатором» М. А. Натансоном [одним из непосредственных участников осуществления побега П. А. Кропоткина в 1876 г. — А. С.] для того, чтобы подкрепить ведущуюся в Америке Джорджем Кеннаном⁵⁰ критику карательной системы царизма и одновременно попытаться воспрепятствовать ратификации Конгрессом договора между Россией и США о взаимной выдаче политических преступников⁵¹.

Осенью 1890 г., успешно миновав все преграды, Лазарев прибыл в Сан-Франциско. Счастливый случай помог ему быстрее адаптироваться к условиям жизни в Новом Свете. Здесь он неожиданно встретился со своим старым товарищем по «хождению в народ» доктором Николаем Константиновичем Судзиловским (1850—1930), эмигрировавшим из России в 1870-х гг. и принявшим американское подданство под фамилией Руссель⁵². Некоторое время спустя и сам Лазарев (очевидно, по совету друга) намеревался официально связать свою судьбу с заокеанской республикой. В архиве сохранилась копия его заявления в Верховный суд г. Сан-Франциско от 13 ноября 1890 г. о желании принять гражданство Соединенных Штатов⁵³. Намерение это осталось неосуществленным.

После пятимесячного пребывания в Сан-Франциско Лазарев переехал в Денвер, столицу штата Колорадо. Здесь, благодаря помощи американских друзей и, в частности, миссис Скотт-Сакстон, пользовавшейся большим влиянием во всех слоях денверского населения, ему удалось было организовать небольшое по численности «Американское общество помощи сибирским ссыльным» с отделениями в нескольких городах США. Основанное общество устраивало митинги и собрания, на которых Лазарев выступал с лекциями о политическом, социальном и экономическом положении в России. В церквях и на митингах проводился сбор пожертвований в пользу ссыльных революционеров⁵⁴. Черновые фрагменты этих лекций сохранились в архивных фондах до наших дней⁵⁵.

Выступления эти, однако, не находили среди американцев того отклика и активной поддержки, на которые рассчитывали Лазарев и его товарищи в России. Трудное материальное положение, постоянная забота о заработке, отнимавшая силы и время, все больше осложняют его жизнь. В августе 1891 г. Лазарев из Денвера перебрался в г. Милуоки, штат Висконсин, где под фамилией Боровинского первое время работал жестянщиком на заводе⁵⁶. Тяжелая работа за кусок хлеба и здесь не оставляет ему времени на литературный труд и общественно-политические занятия. Уже знакомый заочно с Л. Б. Гольденбергом, в письмах к нему в этот период он постоянно сообщает о своем незавидном материальном положении и невозможности оказывать эффективную финансовую помощь друзьям. «...Просто сгниешь здесь в погоне за долларом!», — писал он Гольденбергу в Нью-Йорк в мае 1892 г.⁵⁷.

Малая результативность созданного им Общества, отсутствие широкой и реальной поддержки русских диссидентов вызывают у него растущее разочарование в условиях и сущности американской жизни. В августе 1891 г. Лазарев в письме к Гольденбергу откровенно выразил свое мнение на этот счет: «...Нужно не обманывая себя показать и Степняку, и Волховскому, что здешние дела также плохи... Денверское и всякое другое общество

в Америке — это один — много два человека, около которых крутятся “вздохатели”, мастера на пустые симпатии»⁵⁸. «...Свинская погоня за куском хлеба, свинская бездушная американская жизнь — отравляют расположение духа... Америка для меня утратила навсегда свое целомудрие, не теоретически, а практически», — писал он в другом письме в сентябре 1892 г.⁵⁹.

Говоря о почти двухлетней жизни Лазарева в Милуоки, следует отметить, что здесь он впервые в США встретился с Дж. Кеннаном, с которым лично познакомился еще в сибирской ссылке, и в дальнейшем они уже не теряли друг друга из виду⁶⁰. «Из Милуоки Лазарев переселился в Нью-Йорк, где занял видное место среди социал-демократов и анархистов, устраивая почти ежедневно публичные лекции или беседы, которые привлекали массу публики», — отмечалось в секретном розыскном циркуляре департамента царской полиции⁶¹.

В конце 1890 г. в Америку из Лондона прибыл С. М. Степняк-Кравчинский⁶². Революционер-народник, эмигрировавший из России в 1878 г., ставший известным писателем и публицистом под псевдонимом «Степняк», С. М. Кравчинский (1851—1895) еще в мае 1887 г. получил от «Русско-американской национальной лиги» официальное приглашение приехать в Соединенные Штаты, чтобы принять участие в кампании против заключения США конвенции с Россией о взаимной выдаче государственных преступников⁶³. Однако из-за отсутствия денег поездку пришлось отложить. Тогда Степняк написал «Послание к американскому сенату и народу», в котором выражал протест против заключения американской республикой позорного договора. В начале 1888 г. с помощью американского журналиста П.-С. Хита это письмо было опубликовано в восьмистах ведущих американских газетах и доведено до сведения членов сенатской комиссии по иностранным делам⁶⁴. «...Зимой 1887—88 гг. известный анархист, пишущий под псевдонимом «Степняк», прислал из Лондона одному из сенаторов, члену Комитета по иностранным делам, пространную записку, весьма горячо ратовавшую против утверждения [Сенатом. — А. С.] нашего трактата, — сообщал в 1889 г. в официальном письме министру иностранных дел России Н. К. Гирсу русский генеральный консул в Нью-Йорке Р. Р. Розен. — Записка эта... появилась тотчас же в печати и произвела, по всей вероятности, не малое, и для наших интересов в данном случае весьма вредное, впечатление на публику и на многих сенаторов...»⁶⁵.

Широкая кампания протеста, начатая в США русскими эмигрантами и их друзьями в Америке и Европе против заключения договора, способствовала тому, что ратификация его Сенатом вновь была отложена. Во время внесения договора в Сенат в феврале 1890 г. для ратификации «...во всех американских газетах стали появляться статьи, перепечатанные главным образом из английских источников, а некоторые даже прямо сообщенные из Лондона по телеграфу, описывающие жестокости и ужасы будто бы обращения сибирских местных властей с политическими ссыльными, — писал 25 февраля 1890 г. в своем донесении в МИД русский посланник в Америке К. В. Струве. — ...Появление в газетах подобных телеграмм и рассказов, сообщенных будто бы самими ссыльными своим друзьям в Париже, Лондоне и здесь [в США. — А. С.], вызвало во всей американской печати ряд тенденциозных статей, осуждающих нас и обвиняющих местные власти в бесчеловечном обращении с политическими преступниками, приговоренными к каторге в Сибири»⁶⁶.

Обеспокоенное реакцией европейского и американского общества на вскрывшиеся факты репрессий против политических диссидентов, русское правительство, действуя различными методами, пыталось оправдать либо замолчать действия своих карательных органов. О последнем говорит, например, тот факт, что проходивший в июне 1890 г. в С.-Петербурге четвертый международный пенитенциарный (тюремный) конгресс по настоянию российской стороны совсем не касался проблем сибирской каторги и ссылки⁶⁷.

Летом 1890 г. Степняк, с помощью Дж. Кеннана, получил приглашение от организатора лекционных турне О. Понда из Бостона приехать в Америку для чтения публичных лекций

о современном положении России⁶⁸. Благодаря этой поездке Степняк рассчитывал собрать за океаном достаточную сумму денег для бесперебойного и более яркого издания лондонской «Свободной России», упрочить положение ее американского отделения, а также образовать здесь фонд помощи «Free Russia». По контракту, подписанному Степняком со своим менеджером, в различных городах страны ему предстояло прочитать 50 лекций о прошлом и настоящем русского революционного движения, а также познакомить американских слушателей с философией и творчеством Л. Н. Толстого. В действительности, однако, число выступлений превысило запланированное. «Я боюсь, что у Сергея наберется, пожалуй, еще лекций 30 сверх 50-ти...», — писала в январе 1891 г. из Бостона Л. Гольденбергу жена Степняка-Кравчинского Фанни Марковна, приехавшая вместе с ним в Америку⁶⁹.

Продолжение следует.

Примечания

- 1 Укажем только несколько работ по этой теме, опубликованных в последние годы: Из истории российской эмиграции: Сб. статей. СПб., 1992; Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. статей. М., 1993; Культурное наследие российской эмиграции, 1917—1940: Сб. статей: В 2 т. М., 1994; *Фрейнкман-Хрусталева Н. С., Новиков А. И.* Эмиграция и эмигранты: История и психология. СПб., 1995; История российского зарубежья: Проблемы адаптации эмигрантов в XIX—XX вв.: Сб. статей. М., 1996; *Кабузан В. М.* Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719—1989). СПб., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX—XX вв.: Сб. статей. М., 1997; Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли: Сб. статей. СПб., 1997; и др.
- 2 В СССР, России и США отдельные аспекты этой эмиграции исследовали: *Сидоров Н. А.* Лев Николаевич Гартман. М., 1930; *Генкин И.* Предатель С. П. Дегаев в Америке // Каторга и ссылка. 1933. № 9; *Хомяков В. А.* Поездка С. М. Степняка-Кравчинского в Америку // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1963. № 3; *Большаков Л. Н.* 1) *Набатов — Лазарев* // Урал. 1963. № 4, 5; 2) В поисках корреспондентов Льва Толстого. Тула, 1974; *Дичаров З.* Николай Руссель в Сан-Франциско // Неман. 1966. № 12; *Григорьева Е. А.* Революционно-народническая эмиграция конца XIX века // Сб. научных работ аспирантов исторического факультета МГУ. М., 1970; *Киперман А. Я.* 1) Главные центры русской революционной эмиграции 70—80-х годов XIX в. // Исторические записки. 1971. Т. 88; 2) Разночинская революционная эмиграция (1861—1895). Тамбов, 1980; *Таратута Е. А.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973; *Самедов В. Ю.* Русская рабочая газета в Америке // История СССР. 1973. № 5; *Иосько М. И.* Николай Судзиловский-Руссель: Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск, 1976; *Троицкий Н. А.* Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3; *Широкова В. В.* Из истории связей русских революционеров с эмигрантами // Освободительное движение в России. Вып. 8. Саратов, 1978; *Меламед Е. И.* Джордж Кеннан против царизма. М., 1981; *Куропятник Г. П.* Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи. 1867—1881. М., 1981; *Соколов А. С.* 1) Америка и русская революционно-народническая эмиграция 1880—1890-х гг. // Вестник Ленингр. ун-та. 1984. № 20. Сер.: История, язык, литература. Вып. 4; 2) Российская политическая эмиграция в 1881—1900 годах // Ученые записки С.-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 1996. № 2; *Тудоряну Н. Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев, 1986; *Черненко А. М.* Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX в. — 1917 г.). Киев, 1989; *Гросул В. Я.* Российская политическая эмиграция в США в XIX в. // Новая и новейшая история. 1994. № 2; *Вильчур М. Е.* Русские в Америке. Нью-Йорк, 1918; *Jane E. Good.* America and the Russian Revolutionary Movement, 1888—1905 // The Russian Review. 1982. Vol. 41. № 3 (Stanford, California); и др.
- 3 *Киперман А. Я.* Главные центры русской революционной эмиграции... С. 291.
- 4 См. об этом, напр.: Автобиографическое заявление А. А. Квятковского // Красный архив. 1926. Т. 1 (14). С. 162.
- 5 Хроника социалистического движения в России. 1878—1887. М., 1906. С. 202.
- 6 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 (Департамент полиции), 3 делопроизводство. 1881 г. Оп. 77. Д. 1313. Л. 1.

- 7 Там же. 1887 г. Д. 421 («Об отпуске консулам денег на агентурные надобности»).
- 8 См., напр.: ГАРФ. Ф. 5799. Оп. 1. Д. 9 (Письмо Н. М. Бабада Л. Б. Гольденбергу в Нью-Йорк от 3 ноября 1893 г. о задержании и освобождении американской полицией г. Сан-Франциско 10 русских, бежавших с Сахалина).
- 9 Там же. Ф. 102, 3 дел-во. 1891 г. Оп. 89. Д. 670. Л. 64 об.; см. также: Каторга и ссылка. 1926. № 3 (24). С. 123.
- 10 См. о нем, напр.: *Старцев А. И.* И. В. Турчанинов и гражданская война в США // Новая и новейшая история. 1974. № 6.
- 11 *Дебогорий-Мокриевич В. К.* Воспоминания. СПб., 1906. С. 67; см. также: *Куропятник Г. П.* Указ. соч. С. 88—89, 93; *Малькова И. К.* История и политика США на страницах русских демократических журналов «Дело» и «Слово» // Американский ежегодник, 1971. М., 1971. С. 273—294.
- 12 Жизни и революционной деятельности Ивана Логиновича Линева (1842—1884), где описывается и эта американская эпопея, посвятил главу в «Истории моего современника» В. Г. Короленко, в конце 1870-х гг. отбывавший вместе с И. Л. Линевым ссылку в Якутии.
- 13 *Куропятник Г. П.* Указ. соч. С. 93; см. также: Каторга и ссылка. 1926. № 5 С. 215 и др.
- 14 См.: *Куропятник Г. П.* Указ. соч. С. 102—103.
- 15 Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 226.
- 16 См.: *Вильчур М. Е.* Русские в Америке. Нью-Йорк, 1918. С. 15. — Автобиография редактора первой русской газеты в Америке А. Гончаренко (1832—1916 гг.) была напечатана в еженедельной газете «Прогресс» (Нью-Йорк), 1892. № 15 от 18 марта; см. также: *Лазарев Е. Е.* Преподобный Агапий Гончаренко (ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 2. Д. 40); *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups.* Cambridge (Mass.) — London, 1980. P. 890; *Варварцев М. М.* Агапий Гончаренко — пионер украинской эмиграции в США // Украинский исторический журнал. 1960. № 6.
- 17 Прогресс. 1891. № 1. 6 декабря.
- 18 Былое. 1917. № 1. С. 53; см. также: *Куропятник Г. П.* Указ. соч. С. 128.
- 19 Былое. 1917. № 1. С. 54—55.
- 20 Там же. С. 52—53.
- 21 См. об этом, напр.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1093. Оп. 1. Д. 261. Л. 56 и др.
- 22 Еще в 1895 г. Л. Гартман продолжал разыскиваться департаментом полиции (ГАРФ. Ф. 102, 3 дел-во. 1895 г. Оп. 93. Д. 22, ч. 190 (циркуляр департамента полиции о розыске Л. Гартмана).
- 23 РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 261. Л. 5, 7 об., 14.
- 24 Там же. Л. 7 об.—8, 14—15, 17, 39, 41; см. также: Сидоров Н. А. Лев Николаевич Гартман. М., 1930. С. 43. — Н. Сидоров ошибочно относит первую поездку Гартмана в США к 1880 г.
- 25 Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. М., 1934. Т. 3. Вып. 2. С. 735. О жизни Л. Гартмана в Америке см.: *Меньщиков Л.* Странички из истории русской эмиграции в Америке // Новый мир (Нью-Йорк). 1914. № 193. 17 сент.; ГАРФ. Ф. 102, 3 дел-во. 1881 г. Оп. 77. Д. 1333. Л. 115 (донесение русского посланника в Вашингтоне М. Бартоломея в МИД России от 31 декабря 1881 г. о деятельности Л. Гартмана в Нью-Йорке); РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 261. Л. 49, 50 об. и др. (письма Л. Гартмана из Америки).
- 26 ГАРФ. Ф. 5799. Оп. 1. Д. 27. — По сведениям охранки, 16 мая 1892 г. на квартире у Л. Гартмана собрание русских революционеров-эмигрантов обсуждало вопрос о возможности покушения на жизнь царя во время его поездки в Германию (ГАРФ. Ф. 102, 3 дел-во. 1891 г. Оп. 89. Д. 670. Л. 14, 45, 108 об., 189).
- 27 РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 261. Л. 51; см. также: *Сидоров Н. А.* Указ. соч. С. 44.
- 28 ГАРФ. Ф. 102, 3 дел-во. 1881 г. Оп. 77. Д. 1333. Л. 114.
- 29 Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 30.
- 30 Там же. С. 220—221.
- 31 *Самедов В. Ю.* Русская рабочая газета в Америке // История ВССР. 1973. № 5. С. 173; см. также: ГАРФ. Ф. 102, 3 дел-во. 1891 г. Оп. 89. Д. 670 Л. 59 об., 153 — справка департамента полиции об изданиях «Знамени»; *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups.* P. 890.
- 32 *Меньщиков Л.* Странички из истории русской эмиграции в Америке // Новый мир (Нью-Йорк). 1914. № 193. 17 сент.
- 33 *Самедов В. Ю.* Указ. соч. С. 174—177.
- 34 Там же. С. 174.
- 35 *Вильчур М. Е.* Русские в Америке. Нью-Йорк, 1918. С. 119; Каторга и ссылка. 1926. № 5. С. 240; Новый мир (Нью-Йорк). 1914. № 240. 24 дек. (25-летие Нью-Йоркской группы российских социал-демократов); *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups.* P. 892.
- 36 Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. С. 101; Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. 1. С. 245—253, 258—260; Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. М., 1983. С. 181—182. О С. М. Ингермане см. также: Историко-революционный сборник Л., 1924. Т. 2. С. 55; Былое. 1907. Июнь (№ 6). С. 75; Новый мир (Нью-Йорк). 1914. № 205. 15 окт.; № 240. 24 дек.
- 37 Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. С. 69, 93, 168.
- 38 ГАРФ. Ф. 5799. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 (письмо П. Б. Аксельрода от 20 ноября 1894 г. с выражением благодарности этой организации русских эмигрантов в США за деньги, присланные ими на издания группы «Освобождение труда»).

- 39 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1886 г. Оп. 470. Д. 105. Л. 21.
- 40 Там же. 1887 г. Оп. 470. Д. 108. Л. 13, 15, 18.
- 41 ГАРФ. Ф. 5799. Оп. 1. Д. 6, 15, 25, 27; Д. 163. Л. 30, 57, 72.
- 42 Гольденберг-Гетройтман Л. Б. (1846—1916) — участник революционного движения в России на рубеже 1860—1870-х гг., неоднократно арестовывался царской полицией, был приговорен к заключению в крепость. 22 июля 1872 г. бежал за границу, проживал в Швейцарии, Англии, Франции, где принимал активное участие в деятельности русской эмиграции, работая, в частности, в типографии П. Л. Лаврова. В 1887 г. переехал в Америку. «Гольденберг предстает из себя серьезного, чрезвычайно энергичного агитатора, являющегося как бы соединительным звеном проживающих в Америке русских эмигрантов...», — отмечалось в документах российского департамента полиции (ГАРФ. Ф. 102, 3 дел-во. 1891 г. Оп. 89. Д. 670. Л. 126—126 об.). См. о нем также: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 288—289; Каторга и ссылка. 1924. № 3. С. 89; там же. № 4. С. 44; Новый мир (Нью-Йорк). 1914. № 193 17 сент. С. 3; *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965. С. 369.
- 43 ГАРФ. Ф. 5799. Оп. 1. Д. 29. Л. 1—2; Д. 163. Л. 88.
- 44 Там же. Д. 99. Л. 1—2.
- 45 Там же. Д. 24. Л. 15—16 (письмо Ф. В. Волховского из Лондона в Нью-Йорк Л. Б. Гольденбергу).
- 46 Там же. Д. 29. Л. 10 и далее.
- 47 Там же. Д. 29. Л. 9, 12 об. и др.; Д. 138. Л. 42, 88; Д. 54; Д. 98. Л. 20—24 и др.
- 48 Там же. Оп. 1. Д. 60.
- 49 Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. М., 1930. Т. 2. Вып. 2. С. 737; ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 2. Д. 45. Л. 5, 14, 25; Там же. Ф. 102, 3 дел-во. 1884 г. Д. 208. Л. 16 об.; *Лазарев Е. Е.* Моя жизнь: Воспоминания. Прага, 1935, Александр III и русские эмигранты // *Былое*. 1918. № 13, кн. 7. С. 198. — Лазарев переписывался и лично встречался с Л. Н. Толстым, который изобразил его в романе «Воскресение» в роли революционера Набатова (*Большаков Л. Н.* Набатов — Лазарев // *Урал*. 1963. № 4, 5; ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 2. Д. 170-а (письма Л. Н. Толстого Е. Е. Лазареву от 21 октября 1895 г. и 11 ноября 1902 г.); Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1866. Оп. 2. Д. 19. Л. 4 об. (письмо Лазарева из ссылки А. Н. и Р. А. Стеблин-Каменским от 8 сентября 1886 г.). Впоследствии Лазарев был одним из организаторов партии социалистов-революционеров, в 1919 г. вновь эмигрировал из России.
- 50 Джордж Кеннан (1845—1924) — американский журналист, публицист. После своей поездки в Сибирь в 1885—1886 гг., где он исследовал тюремную систему России, опубликовал в США серию статей и выступил с многочисленными лекциями, в которых рисовал реальную картину карательной политики самодержавия. Эти выступления вызвали широкий резонанс среди американской и европейской общественности и возбудили симпатии к русским революционерам. Его статьи, которые с 1888 г. печатались 200-тысячными тиражами в журнале «The Century Magazine», были изданы отдельной книгой, переведенной на все европейские языки, в том числе и на русский (*Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. СПб., 1906. Т. 1—2. Изд. А. Сура и др. издания). О нем см. также: *Меламед Е. И.* Джордж Кеннан против царизма. М., 1981; ГАРФ. Ф. 102, 3 дел-во. 1891 г. Оп. 89. Д. 670. Л. 46—47; РГИА. Ф. 779. 1894 г. Оп. 2. Д. 23. Л. 61; Jane E. Good. America and the Russian Revolutionary Movement, 1888—1905 // *The Russian Review*. 1982. Vol. 41. N 3. P. 273; Gaddis J. L. Russia, the Soviet Union and the United States: An Interpretive History. New York, 1978. P. 30—31.
- 51 *Лазарев Е. Е.* Джордж Кеннан // *Воля России*. 1923. № 13. С. 9—10 и др.
- 52 Этому человеку с интересной судьбой, ставшему впоследствии сенатором Гавайской республики, Лазарев позднее посвятил отдельный очерк (*Лазарев Е. Е.* Гавайский сенатор // *Былое*. 1907. Июнь (№ 6). С. 164). О розыске Н. К. Русселя (Судзиловского) русской полицией см.: ГАРФ. Ф. 102, 3 дел-во. 1881 г. Оп. 77. Д. 410. Л. 17-а и далее. Л. 86. См. о нем также: ГАРФ. Ф. 5799. Оп. 1. Д. 92 (переписка Н. К. Русселя-Судзиловского с Л. Б. Гольденбергом и Е. Е. Лазаревым); Там же. Ф. 5825. Оп. 1 (Н. К. Руссель-Судзиловский); Каторга и ссылка. 1930. № 6; *Дичаров З.* Николай Руссель в Сан-Франциско // *Неман*. 1966. № 12; *Иосько М. И.* Николай Судзиловский-Руссель: Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск, 1976.
- 53 ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 2. Д. 14. Л. 1; *Лазарев Е. Е.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 19.
- 54 *Воля России*. 1923. N 13. С. 14—15; *Широкова В. В.* Партия «Народного права»: Из истории освободительного движения 90-х годов XIX века. Саратов, 1972. С. 122.
- 55 ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 2. Д. 17. Л. 13 и далее; Ф. 5799. Оп. 1. Д. 60. Л. 31—34, 153—155 и др.
- 56 *Меньщиков Л.* Русская охрана в Северо-Американских Соединенных Штатах (Страничка из истории русской политической эмиграции в Америке) // *Новый мир* (Нью-Йорк). 1914. № 208. 22 окт.
- 57 ГАРФ. Ф. 5799. Оп. 1. Д. 60. Л. 125—134 об.
- 58 Там же. Л. 87 об.—88.
- 59 Там же. Л. 143 об.
- 60 *Воля России*. 1923. № 13. С. 16—17. — В исследовании В. В. Широковой явно преувеличена роль Е. Лазарева в лекционной и издательской деятельности Дж. Кеннана (*Широкова В. В.* Партия «Народного права»... С. 122).

- 61 *Меньшиков Л.* Русская охрана...; ГАРФ. Ф. 102, 3 дел-во. 1891 г. Оп. 89. Д. 670. Л. 56 (справка о нем департамента полиции); Там же. 1893 г. Д. 215. Л. 16—1 г; Письмо Е. Е. Лазарева Г. В. Плеханову из Нью-Йорка от 10 ноября 1893 г. // Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. 1. С. 276—278.
- 62 Подробнее о жизни и революционной деятельности С. М. Степняка-Кравчинского см.: *Таратута Е. А.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973; *Степняк-Кравчинский С. М.* В Лондонской эмиграции. М., 1968; *Дейч Л. Г.* С. М. Кравчинский-Степняк. Пг., 1919.
- 63 *Таратута Е. А.* Указ. соч. С. 361.
- 64 Там же С. 362; см. также: *Степняк-Кравчинский С. М.* В Лондонской эмиграции. С. 220; *Волховский Ф. Дж.* Кеннан и его место в русском освободительном движении // *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка: В 2 т. СПб.: изд. Вл. Распопова, 1906. С. XXXV.
- 65 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1889 г. Оп. 470. Д. 96. Л. 10—10 об.
- 66 Там же. 1890 г. Оп. 470. Д. 104. Л. 29—30. — Как образец подобных статей см., напр., заметку в филладельфийской газете «The Times» от 23 февраля 1890 г. (Там же. Д. 104. Л. 32).
- 67 См., напр.: Русские ведомости. 1890. № 176, 188, 202.
- 68 *Таратута Е. А.* Указ. соч. С. 449.
- 69 ГАРФ. Ф. 5799. Оп. 1. Д. 100. Л. 2 об., 9; Д. 138. Л. 29—30. См. также: *Saul, Norman E.* Concord and Conflict: The United States and Russia, 1867—1914. Lawrence (Kansas), 1996. P. 298.

Ю. Д. Пряхин

Корпус чужестранных единоверцев (Греческая гимназия) в Петербурге

Весьма заметную роль в подготовке греческих национальных кадров в России в конце XVIII столетия сыграл Корпус чужестранных единоверцев (Греческая гимназия), созданный по Указу Екатерины II в Санкт-Петербурге в 1775 году при Артиллерийском и Инженерном шляхетском кадетском корпусе для детей греков-переселенцев, участников борьбы против османского ига, бежавших от преследований турецких властей и поселившихся главным образом в Крыму, Северном Причерноморье, Приазовье.

Создание специализированного учебного заведения для греков тесно связано с политикой Российского государства, с плохо скрываемым желанием императрицы посадить своего внука великого князя Константина Павловича на греческий престол после разгрома Османской империи, сделать его греческим императором.

Мысль о возможности взятия Константинополя и создания греческой империи серьезно обсуждалась в высших эшелонах власти, в российском обществе, ясно просматривалась в политике государства. Блестящие победы на суше и на море, одержанные Россией над Турцией в 70–90-х годах XVIII столетия, открывали, казалось бы, прямой путь в столицу Османской империи¹.

Исходя из этого вполне серьезно и с благодарностью было воспринято, например, письмо, преподнесенное «от имени греческого народа» великому князю Константину Павловичу греком Николасом Пангало, ближайшим сподвижником командующего добровольческой греческой корсарской флотилией в годы Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Ламброса Качиониса (Качиони)².

Желая привлечь на свою сторону народы Балканского полуострова, завоевать их авторитет, прежде всего у единоверцев-греков, русское правительство создавало им самые благоприятные условия, вводило льготы для новых переселенцев, особенно из числа воинов, отличившихся в совместной вооруженной борьбе против Османской империи. Открывались православные приходы, строились греческие храмы, в местах компактного расселения греков создавались греческие учебные заведения.

Поддерживая греческую духовность, культуру, язык, всячески подчеркивая свою заботу, Российское правительство стремилось отблагодарить греков за их участие в вооруженной борьбе против общего врага, за принесенные при этом потери и жертвы, оказать необходимую помощь переселенцам, но, главное, сформировать братское, благодарственное отношение к правящим кругам, к народам России — прежде всего у молодого, подрастающего поколения, сделать его сторонником намеченных политических планов, воспитать из детей греков преданных и благодарных России людей, будущих военных и государственных деятелей греческой империи, надежных союзников в войне и мире.

Сформировавшись, эта идея начала исподволь реализовываться. Уже в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. из детей активных бойцов Спартанских легионов, а также из сирот, потерявших родителей в ходе Морейской экспедиции, стали формироваться группы мальчиков, организованно отправлявшиеся в Италию для обучения. Все расходы взяло на себя Российское правительство. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира обучавшиеся в Италии греческие дети были перевезены в Санкт-Петербург для продолжения своего образования.

Указом Екатерины II директору Артиллерийского и Инженерного шляхетского кадетского корпуса генералу М. И. Мордвинову было поручено принять и разместить детей, разработать программу и организационно-штатную структуру для нового учебного заведения, предназначенного для иностранцев-единоверцев. Было решено увеличить контингент обучающихся за счет детей греков — переселенцев из Архипелага, отличившихся в боях с турецкими войсками и проживавших в Крыму, в Северном Причерноморье, в Приазовье, других районах современной Украины.

17 апреля 1775 года, по представлению генерала Мордвинова, был Высочайше утвержден разработанный и представленный им проект документов по организации, структуре и учебной деятельности вновь создаваемого специализированного учебного заведения, названного «Гимназией чужестранных единоверцев» [В документах, литературе данное учебное заведение иногда называется «Греческой гимназией», «Греческим кадетским корпусом», с 1792 года «Корпусом чужестранных единоверцев» — Ю. П.].

Представляя собой специальное, автономное по своим задачам и программе учебное заведение, оно вместе с тем подчинялось организационно генералу Мордвинову и размещалось первоначально в смежном со шляхетским корпусом здании.

По первоначально утвержденному штату Корпус чужестранных единоверцев имел в своем составе: а) командиров и воспитателей — 6 (одного подполковника, одного капитана, двух подпоручиков и двух прапорщиков); б) педагогов — 25 (инспектора классов и 26 учителей различных учебных предметов); в) 200 воспитанников разных классов в возрасте от 12 до 16 лет. Программа обучения была рассчитана на 4 года, на содержание корпуса выделялось около 42 тысяч рублей золотом в год.

По окончании 4-летнего курса обучения выпускники, проявившие свои способности, склонности и интересы, направлялись для продолжения своего образования в Артиллерийский и Инженерный, Морской кадетские корпуса, в училище Академии Наук, в другие высшие гражданские учебные заведения.

Несколько позднее, получая неплохую общую и военную подготовку, кадеты направлялись в части и на корабли флота, как для расширения своих профессиональных теоретических знаний, так и для получения конкретных практических навыков и умений, необходимого служебного опыта перед выпуском и производством в офицеры, назначением на должности³. Подобный порядок был обычен в 80-е годы XVIII столетия, что подтверждается многими архивными документами, например, Указом Екатерины II от 3 августа 1788 года «...Об определении в Морскую службу 20 человек учеников, выпущенных из Греческой гимназии и обучении их в Кронштадте морским наукам, нужным для производства в мичмань»⁴; донесением (1789) в Адмиралтейств-коллегию «О прибытии из Санкт-Петербурга в Херсон для обучения на Черноморском флоте мореплаванью воспитанников Гимназии чужестранных единоверцев»⁵ и многими другими документами.

Вложивший много сил, времени и труда в создание «Греческой гимназии», в организацию учебного процесса, отвечающего самым высоким требованиям того времени, генерал Мордвинов сумел подобрать хорошо подготовленный офицерский и педагогический коллектив для нового учебного заведения. Так, например, в лице академика С. Я. Румовского, прекрасного математика и известного русского астронома, назначенного инс-

пектором классов, М. И. Мордвинов нашел своего единомышленника, достойного и активного помощника.

Уже через три года, в 1778 году, было принято решение увеличить число обучаемых, при этом всячески поощрялось создание «смешанных, дружеских классов» из детей разных национальностей: греков, русских, украинцев, представителей других народов-единоверцев.

Менее жесткими становятся требования по отбору детей греков, особенно из состава Греческого пехотного полка, дислоцированного в Балаклаве, из числа архипелагских греков, отличившихся в боях с турками; вместе с тем, на учебу стали направляться мальчики греческого происхождения и из других мест их постоянного проживания: из районов Северного Причерноморья, Приазовья, других регионов. Отбор будущих учащихся осуществлялся централизованно, как показывает исследование, по установленным критериям, все расходы осуществлялись за государственный счет.

Приоткрывает существовавший порядок отбора и отправки детей на учебу Ордер князя Г. А. Потемкина-Таврического, направленный в адрес Правителя Таврической области М. В. Каховского в мае 1787 г.: «...Представленных мне в Бахчисарае греческих мальчиков, а с ними и других, сколько найдется детей из греков и албанцев, желающих обучаться в Греческой гимназии, Ваше превосходительство имеете снабдить всем нужным и отправить под присмотром надежного надзирателя в Санкт-Петербург к полковнику и кавалеру Вольховскому, которому о причислении их в Греческую гимназию от меня повеление послано»⁶. На основании данного распоряжения, только из Крыма в 1787 году, четырьмя сформированными группами, на учебу в Корпус чужестранных единоверцев было направлено 68 мальчиков, в основном греческого происхождения, в возрасте от 8 до 16 лет. В их числе были дети военных чинов Греческого пехотного полка, от офицеров до рядовых, осевших в Крыму⁷.

Обязательным для всех кадетов названного учебного заведения был греческий язык, однако преподавание основных учебных предметов велось как на греческом, так и русском языках. Строго соблюдались и чтились здесь греческие традиции и обычаи. Наряду с общепринятыми в России, отмечались также православные греческие и национальные, народные праздники, соблюдались многие обряды.

Уже в начале 80-х годов первоначально принятая программа серьезно пересматривается, вводится расширенное преподавание военных и военно-морских дисциплин. Кадеты начинают изучать российский, греческий, итальянский, французский, немецкий языки; законы государства; общеобразовательные предметы, такие как история, география, геометрия, алгебра, физика, литература и некоторые другие; различные военные и военно-морские науки: артиллерию, фортификацию, кораблестроение, навигацию, устройство и управление кораблем и т. д.⁸

Вследствие этого, из Корпуса чужестранных единоверцев «наряду с гражданскими чинами стали выпускать офицеров» (подпоручиками, прапорщиками, мичманами). Программа подготовки продолжает совершенствоваться в соответствии с требованиями и жизни, потребностями государства в кадрах. Так, на основании Именного Указа Екатерины от 16 декабря 1790 года расширяются штаты учебного заведения, в программу обучения вводятся новые учебные предметы⁹.

Несомненно, это явилось итогом тщательного изучения всей пятнадцатилетней деятельности Корпуса чужестранных единоверцев, анализа работы по подготовке офицеров для армии и флота, первый выпуск которых состоялся в 1780 году.

Воспитанники стали проходить более серьезную практическую подготовку в частях и на кораблях армии и флота, активнее участвовать в ведущихся боевых действиях, в продолжительных морских экспедициях; отличившиеся поощрялись командованием, неред-

ко представлялись к награждениям «за мужество и храбрость», досрочно производились в офицерские чины, по заявкам направлялись на службу после выпуска¹⁰.

Так, в 1790 году производится в мичманы и поручики армии целая группа «бывших в кампании», принимавших участие в боевых действиях против турецких войск воспитанников Греческой гимназии¹¹.

29 января 1791 года объявляется Именной Указ императрицы о пожаловании в мичманы, с назначением на Черноморский флот 10 воспитанников Корпусов чужестранных единоверцев, «получивших в последнюю войну одобрение от корабельных начальников».¹² Такие примеры не единичны. Следует заметить, что выпускники Греческой гимназии, как правило, направлялись служить на Черноморский флот, где расстановка сил, общая военно-политическая обстановка были понятны и хорошо известны, а климат являлся привычным, во многом благоприятствовал выполнению служебных обязанностей, сохранению высокой работоспособности и здоровья привыкших к нему южан.

Выпускники, предназначенные для сухопутных войск, направлялись обычно в армии, расквартированные в южных и юго-западных районах современной Украины и Молдовы, имевшие большой опыт боевых действий против турецких войск и их союзников, постоянно участвующие в русско-турецких войнах, что в полной мере отвечало устремлениям молодых офицеров-греков, было весьма полезно для их становления и служебно-го роста; гражданские чины также направлялись в южные районы страны.

Довольно часто отмечались случаи перевода по состоянию здоровья на юг тех выпускников Корпуса чужестранных единоверцев, которые в свое время добровольно пожелали служить офицерами или в гражданских чинах в Прибалтике, на Балтийском флоте, в Северных районах Российской империи. Так, например, 24 мая 1796 года по Именному Высочайшему Указу переводятся на Черноморский флот выпущенные мичманами из Греческой гимназии на Балтийский флот выпускники, для которых климат Балтики оказался слишком суровым¹³.

В 1783 году Екатерина II, руководствуясь политическими соображениями, а также настойчивыми заявлениями генерала Мордвинова, «что климат Санкт-Петербурга вреден для уроженцев Эллады, многие воспитанники болеют...», приняла решение перевести Корпус чужестранных единоверцев на юг, в город Херсон, перепоручив его в непосредственное ведение князя Г. А. Потемкина-Таврического. Однако в силу целого ряда причин и обстоятельств исполнение Высочайшего решения долго откладывалось, и, в конечном счете, не было приведено в исполнение, а затем и отменено. Греческая гимназия осталась на берегах Невы, вопрос о ее переводе больше не ставился.

После смерти в 1783 году генерала М. И. Мордвинова, исключительно много сделавшего для организации и становления Корпуса чужестранных единоверцев, утверждения его авторитета в глазах греков-переселенцев, широкой российской общественности, руководство этим учебным заведением перешло к новому директору Артиллерийского и инженерного корпуса генерал-майору П. И. Меллисино, известного в военной среде своими обширными познаниями, прославившемуся во многих сражениях с турками боевому генералу, впоследствии удостоенному высшей военной награды — ордена Святого Андрея Первозванного. Новый начальник, немало сделавший для совершенствования учебного процесса, улучшения подготовки офицеров, особое внимание уделял вопросам нравственного воспитания кадетов.

«Наиприлежнейшее учение, — считал он, — может почестся несовершенным, если нравы останутся неисправленными и если, при просвещении разума, не будет приложено старания о исправлении сердца. Всякое училище, желающее доставить Отечеству граждан полезных, должно их сделать и добродетельными»¹⁴. Генерал П. И. Меллисино рекомендовал педагогам и наставникам-офицерам постоянно проводить «...полезное и прият-

ное упражнение воспитанников», считая при этом, что «...молодой человек, провождающий время свое в праздности, гораздо менее достоин осуждения, нежели ментор его, который не разумеет обратить его способности к предметам, достойным внимания»¹⁵. Отсюда понятны те высокие требования, которые предъявлялись к педагогам и воспитателям.

Вскоре, на основе ходатайства Военной Коллегии, в Греческой гимназии вводится должность начальника и она по сути становится полностью автономной. Первым начальником Корпуса чужестранных единоверцев был назначен подполковник Вольховский, неплохо зарекомендовавший себя на этом посту. Его сменил впоследствии граф, действительный статский советник А. И. Мусин-Пушкин, один из образованнейших людей своего времени, известный русский историк, археолог, археограф, действительный член Российской академии наук, собиратель памятников русской истории, ставший затем сенатором, президентом Академии художеств (1794—1799).

Естественно, это не могло не сказаться самым положительным образом на обстановке в учебном заведении, на уровне преподавания, в конечном счете на качестве подготовки выпускников, куда приглашались наиболее известные специалисты, ученые, хорошо зарекомендовавшие себя педагоги, наиболее грамотные, имеющие богатый боевой опыт армейские и флотские офицеры — командиры и воспитатели. Так, среди офицеров, занимавших штатные командные и педагогические должности в Греческой гимназии в 1794 году, можно назвать: артиллерийских подполковника К. Ф. Геринга, майора Т. Т. Захарьина, капитана А. Ф. Бестужева; инспектора по классам секунд-майора И. И. Гребенщикова; преподавателей секунд-майоров: Н. Р. Рожешникова, Е. А. Чимбураки, Е. А. Филандро¹⁶.

Среди гражданских педагогов особо выделялся, например, учитель рисования Скливе, которому в 1793 году «за сделанные им рисунки к книге о времени Крещения российской Великой княгини Ольги», было Высочайше пожаловано в поощрение 300 рублей¹⁷. Здесь трудились и другие талантливые педагоги.

На основе сложившихся, тщательно оберегаемых, всемерно поддерживаемых традиций и порядков, в Корпусе чужестранных единоверцев бережно сохранялось уважительное, доброжелательное отношение к воспитанникам-единоверцам, стремление помочь им. Всячески поощрялась и пропагандировалась учеба, добросовестное отношение к ней, публично отмечались достижения лучших воспитанников, которые щедро награждались, получали ряд серьезных льгот и преимуществ при выпуске и назначении на должности.

Все это, как отмечают многие современники, создавало здоровый нравственный климат, порядок и дисциплину в корпусе, атмосферу упорного и творческого, а не из-под палки, труда.

С целью поднятия престижа учебы и знаний, публичного поощрения лучших воспитанников, а также укрепления и расширения авторитета Корпуса чужестранных единоверцев в глазах петербургской знати, иностранцев, широкой общественности, в Греческой гимназии практиковалось при «великом собрании знатных обоюбого пола особ испытание в науках» лучших учеников, по заранее объявленным программам.

Одно из таких испытаний, проведенное при большом числе знатной титулованной публики 24 июня 1788 года, подробно описано в докладе возглавлявшего Военную коллегию Г. А. Потемкина Екатерине II.

Как свидетельствует данный документ, праздник открылся приветственными речами «на российском и греческом языках».

Несмотря на предварительно объявленную обширную программу состязаний: по знанию иностранных языков, общеобразовательных и математических дисциплин, различных военных и морских наук, из-за «краткости времени» воспитанники подверглись, по выбору комиссии, испытаниям только по математике, вопросам оснастки и управле-

ния кораблем. Победителей объявляла специальная комиссия, после чего «отличившиеся пред прочими в науках удостоены награждения, состоящего в медалях и книгах».

По итогам состязаний, при единодушном одобрении присутствовавшей публики два человека (Юсуф Рудзевич и Иван Бутищев) были отмечены золотыми медалями: семь воспитанников (Николай Банизело, Егор Папаегоров, Григорий Скиадино, Егор Ресевус и другие) награждены серебряными, четверо были поощрены книгами, причем по «тем наукам, в коих они более оказали успехов»¹⁸.

Кроме того, восьми воспитанникам, «вступившим в верхние классы и в короткое время оказавшим довольные успехи», публично было объявлено об удовлетворении их усердием в учебе, а также официальная благодарность начальника учебного заведения.

После своего награждения счастливые победители конкурсных испытаний торжественно вручили присутствующим почетным гостям «своеобразные памятные сувениры» праздника — свои работы.

Как отмечено в докладе Екатерине II, «были одарены бывшие при сем испытании знатные обоего пола особы и господа чужестранные министры артиллерийскими и фортификационными чертежами и рисунками, трудами тех воспитанников»¹⁹.

Затем все присутствовавшие полюбовались исполнением оружейных приемов, строевой выучкой воспитанников старших и младших классов, по достоинству оценили их мастерство. В завершение состоялся праздничный бал, где молодежь самозабвенно танцевала.

«И тем, — отмечалось в докладе Г. А. Потемкина, — все сие действие закончилось». Радостные и удовлетворенные расходились воспитанники, довольные и отдохнувшие разъезжались гости, оживленно обсуждая увиденное.

«Все, бывшие тут знатныя особы, — подчеркивалось в докладе императрице, — видя успехи, соответствующие всемилостивейшему Вашего Императорского Величества намерению, с каким учреждено сие для иностранных единоверцев училище, изъявили совершенное удовольствие».²⁰

Авторитет корпуса чужестранных единоверцев рос исключительно быстро, особенно после таких красочных ежегодных испытаний, вошедших в традицию корпуса и с интересом ожидаемых кадетами. По сути это был своеобразный отчет учебного заведения о работе, проделанной в ходе учебного года, об уровне знаний и умений воспитанников, о степени сформированности у них воинских навыков и качеств.

Праздник знаний, организуемый в Греческой гимназии в начале лета, с приглашением многих гостей, с присутствием заинтересованных лиц дипломатического корпуса, родителей и близких кадетов, официальных представителей военных и гражданских ведомств, был заметным явлением в жизни столицы.

Вскоре корпус чужестранных единоверцев приобрел авторитет у петербургского общества, в провинции, в южных губерниях. Многие русские дворянские семьи, в том числе из знати, стали направлять туда для обучения своих сыновей, естественно, стремились попасть в него и дети греков-переселенцев, и значительному числу это удавалось.

Хотя за обучение и обмундирование взималась определенная плата, часть воспитанников, особенно тех, чьи родители погибли в боях, на службе Родине, принимались на льготном основании и находились на полном государственном пансионе. Нередко, в ответ на просьбы вдов греков-военнослужащих о помощи в связи с гибелью кормильца, выделялись установленные в таких случаях денежные суммы, а детей разрешалось, при их желании, за счет государства направлять на учебу и содержать на полном пансионе, в том числе и в Корпусе чужестранных единоверцев.

Об этом свидетельствует, например, ответ Г. А. Потемкина правителю Таврической области М. В. Каховскому от 17 июня 1787 года, поддержавшему просьбу 25 жен и детей погибших и раненых, ставших инвалидами греков-воинов, об оказании им материальной

помощи, учебе детей. «...Я уважаю представление Ваше и их просьбу, — пишет Потемкин. — В резолюции Вашему превосходительству предписываю сделать им надлежащее удовлетворение»²¹. Высочайшее повеление Екатерины II от 21 октября 1794 года, в силу которого было в очередной раз, «из комнатной суммы выдано в Корпус Чужестранных единоверцев 3000 рублей на содержание определенных в оный 15-ти греческих мальчиков»²² и другие факты.

По Указу Екатерины II от 24 мая 1792 года, для лучшего размещения Корпуса чужестранных единоверцев ему отводятся помещения бывшего Морского кадетского корпуса на Васильевском острове. В 1795 году здания полностью передаются в ведение директора Греческой гимназии А. И. Мусина-Пушкина. Корпус чужестранных единоверцев начинает обустроиваться в отремонтированных зданиях, переоборудованных под новое учебное заведение²³, строятся планы о дальнейшем улучшении подготовки выпускников для военного, морского и гражданского ведомств. Однако планам этим не суждено было осуществиться.

После смерти Екатерины II новый император Павел I серьезно пересматривает внешнюю и внутреннюю политику своей матери. Увольняются с государственной службы, изгоняются из столицы известные сподвижники Екатерины II, предаются забвению, сводятся на нет многие важные и полезные начинания покойной императрицы. Попадает под удар и Корпус чужестранных единоверцев, имевший к тому времени прекрасную учебную и жилую базу, отлаженную, оправдавшую себя систему подготовки национальных кадров, заслуженный авторитет и более чем 20-летний опыт работы.

На основании Указа Павла I от 8 декабря 1796 года Корпус чужестранных единоверцев расформируется, а его кадеты направляются доучиваться в другие военно-учебные заведения²⁴.

Так, например, приказом главного директора Морского кадетского корпуса адмирала И. Л. Голенищева-Кутузова от 1 января 1797 года были зачислены в кадеты и гимназисты 97 воспитанников расформированного Корпуса чужестранных единоверцев, 12 из них по Высочайшему повелению были произведены в гардемарины флота²⁵. Так в тот период именовались воспитанники старших классов (рот) Морского кадетского корпуса, выпускавшиеся в офицерском чине мичмана, по окончании учебного заведения.

Указом императора от 8 декабря 1796 года Морской кадетский корпус возвращается в Санкт-Петербург в свои прежние помещения практически сразу же после расформирования Греческой гимназии и отправки ее воспитанников на службу, в другие учебные заведения.

29 апреля 1797 года Павел I потребовал от вице-адмирала Н. С. Мордвинова подать ему все сведения о числе «греков и других левантских жителей, произведенных в офицеры на флоте, ...о роде занятий, месте службы и награждении означенных лиц»²⁶.

По всей видимости, это была попытка разобраться поглубже с приходящими докладами, записками, рапортами, нередко весьма необъективно показывающими службу греков на Черноморском флоте, состояние греческих воинских формирований²⁷.

Последствия оказались не совсем приятны для греков-переселенцев и других единоверцев. Высочайшим Указом, подписанным 30 января 1797 года, греческий пехотный полк преобразуется в греческий пехотный батальон: «...Поселенный в Тавриде греческий полк принять в ведомство военной коллегии под названием греческого батальона», — говорится в этом документе²⁸. Значительно урезаются штаты и финансирование, многие уволены со службы.

20 мая 1797 года упраздняется Одесский греческий дивизион: «Греческий дивизион совсем уничтожить, — повелевает Павел I, — и числящихся в оном обратить в то состояние, куда пожелают»²⁹.

Ужесточаются правила приема греков и других иностранцев-переселенцев в привилегированные учебные заведения.

Таким образом, ликвидация Корпуса чужестранных единоверцев была лишь звеном в целой цепи преобразований, намеченных и осуществленных Павлом I в 1796—1797 годах и последующее время, отразившихся на многих, в том числе и на греках-переселенцах.

Из числа выпускников Корпуса чужестранных единоверцев можно назвать многих, известных в прошлом веке в России адмиралов и генералов, полковников и капитанов I ранга, прославивших свои имена боевыми подвигами, славными делами во благо российского государства. Среди них:

— Генерал-майор Бардаки И. Г., выпускник 1780 года, боевой моряк, отличился в боевых действиях с турками, кавалер нескольких российских орденов, в 1791 году награжден золотой шпагой «За храбрость». Умело командовал различными боевыми кораблями, в том числе новопостроенным «Мария Магдалина», ряд лет являлся капитаном над Севастопольским портом, затем директором Черноморского штурманского училища.

— Генерал-майор Балла А. И., выпускник 1782 года. Особо отличился при штурме Очакова и Измаила. Герой Отечественной войны 1812 года, в ходе которой командовал Егерской бригадой в корпусе генерала Дохтурова, оборонявшего Смоленск. В Смоленском сражении героически погиб. Кавалер ряда боевых орденов.

— Контр-адмирал Критский Н. Д., выпускник 1794 года. Опытнейший боевой моряк, отличившийся в ряде сражений с турками, награжден золотой саблей «За храбрость», командовал рядом кораблей, в том числе самым мощным на Черноморском флоте — «Париж», кавалер ряда орденов. Известный гидрограф, исследовавший и описавший часть Азовского моря, побережье от Таганрога до Еникальского пролива, острова Ада, Федониси, южный берег Крыма от Севастополя до Керченского пролива, археолог, изучавший древние греческие поселения.

— Контр-адмирал Лелли Ф. П., выпускник 1782 года. Прославил свое имя храбростью и воинской доблестью, умелым командованием различными кораблями флота. Особо отличился под Очаковым и Измаилом, за что награжден орденами и золотой шпагой «За храбрость»; возведен в дворянское достоинство.

— Вице-адмирал Патаниоти К. Ю., выпускник 1783 года. Известнейший военный моряк своего времени, участник морских сражений с турецким флотом в Керченском проливе, у Гаджибея, у мыса Калиакрия в составе эскадры под командованием выдающегося русского флотоводца адмирала Ф. Ф. Ушакова. Отличился храбростью и умением. В Керченском морском бою был ранен, за отличие получил очередной воинский чин капитан-лейтенанта. Умело командовал рядом кораблей, флотскими соединениями. В 1830—1832 гг. — командующий Черноморским флотом. С 1832 года член Адмиралтейств-Совета. Кавалер шести российских орденов.

— Генерал-майор Псомас Е. П., выпускник 1790 года. Впервые отличился будучи мичманом, в 1791 году, при разгроме турецкого флота под Калиакрией. В составе эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова на фрегате «Сошествие святого Духа» участвовал во взятии островов: Цериги, Занте, Цефалония и других, отличился мужеством и флотской выучкой. Ряд лет успешно исполнял должность капитана над Севастопольским портом. Его деятельность на этой должности получила в 1818 году «Монаршее благоволение» при посещении Александром I города Севастополь. Являлся начальником Севастопольского флотского училища, возглавлял Комиссию по строительству в Севастополе сухих доков. По праву вошел в историю Черноморского флота, всегда являя собой пример добросовестной и честной службы на благо Отечества.

— Контр-адмирал Салти К. Д., выпускник 1785 года. Умелый и отважный военный моряк, отличившийся в целом ряде морских сражений на Балтийском и Черном морях. Умело командовал несколькими военными кораблями, кавалер ряда орденов. Успешно командовал 2-й Черноморской флотской бригадой кораблей, поддерживал ее высокую

боевую готовность, решение всех возлагавшихся на нее учебно-боевых задач.

— Генерал-лейтенант Степовой М. Г., выпускник 1790 года. Посвятил себя суровой Балтике. Командовал несколькими кораблями, отличился в ряде морских сражений, за что награжден боевыми орденами. Командовал штурманским училищем в Свеаборге, несколько лет являлся Инспектором корпуса флотских штурманов. В 1837 году назначен на должность общегосударственного масштаба — стал Членом Адмиралтейств-Совета.

— Контр-адмирал Цац Ф. И., выпускник 1783 года. На корабле «Болеслав» участвовал в Гогландском сражении. Проходя службу на кораблях Балтийского флота «Память Евстафия» и «Князь Владимир», отличился в Эландском, Красногорском, Выборгском морских сражениях. Награжден орденами. В чине капитана 1 ранга переведен на Черноморский флот, где командовал крупными кораблями. В 1826 году был назначен на ответственную и хлопотливую должность обер-интенданта Черноморского адмиралтейств-правления, взвалил на свои плечи вопросы повседневного и боевого обеспечения деятельности Черноморского флота. Свыше 46 лет прослужив в офицерских чинах в российском флоте, контр-адмирал Цац вошел в его историю как отважный боевой моряк, талантливый, честный и добросовестный руководитель флотского уровня.

В числе воспитанников Корпуса чужестранных единоверцев, выпущенных армейскими офицерами, хорошо известны 7 генералов. Среди них: Пантелеймон Бенардос, Егор Властов, Дмитрий Корута, Александр Рудзевин и другие.

Среди выпускников Греческой гимназии различных лет можно назвать также целый ряд капитанов 1 ранга, отважных и опытных командиров боевых кораблей, отличившихся в морских сражениях, принесших славу российскому флоту, посвятивших свою жизнь флотской службе: Анастопуло П. А., Асланов А. П., Бароцци Е. Д., Влито А. Е., Вальяно Э. М., Гайтани К. Г., Иеромузо К. А., Драгопуло П. Н., Драко К. Е., Клопакис Х. И., Папофило Ф. И., Попандопуло С. А., Сатири Н. Г., Михайли С. М. и многих других замечательных флотских офицеров-греков, вошедших в историю флота России, борьбы против оттоманского ига, обретения Грецией независимости.

Примечания

- 1 Военная Энциклопедия. СПб., 1911. Т. XIII. С. 197, 198.
- 2 Записки Одесского об-ва истор. и древ. (ЗООИИД). Одесса, 1872. Т. 7. С. 219.
- 3 РГА ВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 57. Л. 107—110.
- 4 Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 51. Л. 42.
- 5 Там же. Ф. 197. Оп. 1. Д. 57. Л. 108—110.
- 6 Известия Таврич. Ученой архив. комиссии (ИТУАК). Симферополь, 1889. № 7. С. 11.
- 7 ЗООИИД. 1848. Т. 2. С. 764.
- 8 Там же. 1872. Т. 8. С. 217.
- 9 РГА ВМФ. Ф. 212. Д. 818. Л. 54—60.
- 10 Там же. Д. 824. Л. 75; Д. 840. Л. 37—38; Ф. 243. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.
- 11 Там же. Ф. 212. Канц. отд. II. Д. 201—203. Л. 29, 90—139.
- 12 Там же. Ф. 228. Оп. 1. Д. 56. Л. 25.
- 13 Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 58. Л. 159.
- 14 Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. СПб., 1880. С. 70—71.
- 15 Там же. С. 71.
- 16 Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1794. СПб., 1794. С. 68.
- 17 Приложения к Камер-Фурьерскому церемониальному журналу 1793 года. СПб., 1892. С. 31.
- 18 ЗООИИД. 1872. Т. 8. С. 217.
- 19 Там же.
- 20 Там же. С. 217, 218.
- 21 ИТУАК. С. 11, 15.
- 22 Приложения к Камер-Фурьерскому журналу 1794 года с алфавитом. СПб., 1894. С. 103.
- 23 РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 57. Л. 87.
- 24 Там же. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 841. Л. 5, 61, 70; Ф. 227. Оп. 1. Д. 60. Л. 150, 156; Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 368.
- 25 РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 60. Л. 98—104.
- 26 Там же. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 841. Л. 5, 51, 70.
- 27 РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 176. Л. 82—89; ЗООИИД. 1853. Т. 3. С. 364—366.
- 28 Там же. 1844. Т. 1. С. 224, 225.
- 29 Полн. собр. Законов. Т. XXIV. С. 614; РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 712. Л. 1, 2.

Ф. А. Казин

Русские морские агенты в 1906—1914 гг.

Поражение России в русско-японской войне дало толчок изменениям в управлении армии и флота. В частности в 1906 г. был создан Морской генеральный штаб русского флага (МГШ). В его структуру был включен Иностранный отдел, в котором отныне состояли русские морские агенты (или атташе). В то же время, будучи сотрудниками МГШ, во время пребывания за границей они подчинялись непосредственно императорскому послу и обладали всеми правами дипломатического представительства. Морской агент за границей рассматривался как официальный представитель российского флота и участвовал во всех мероприятиях, связанных с морскими делами. Важнейшей функцией агента было сообщение в МГШ различных сведений о государстве пребывания и его флоте.

В Российском государственном архиве военно-морского флота в Санкт Петербурге хранится множество донесений и других документов, рассказывающих об их деятельности. Наиболее интересными являются материалы, касающиеся того, как агенты получали необходимую информацию, об источниках и способах добывания сведений. Командиры иностранных кораблей, сотрудники центральных учреждений флотов, директора заводов и портов под разными благовидными предложениями всегда старались скрыть все важное, а профессионализм агента и состоял в том, чтобы суметь, не испортив отношения с государственными органами, выяснить все, что интересовало.

Наиболее простым и доступным источником являлась периодическая печать, выступавшая важнейшим источником общеполитических, экономических и социальных сведений, необходимых для работы. Морской агент в Англии капитан 1 ранга Л. Ф. Кербер писал, что ежедневно просматривал 10—12 страниц центральных и местных газет и журналов¹. То же самое делали и другие. К этим сведениям необходимо было относиться критически и несколько раз перепроверять их, прежде чем использовать в донесениях. Это делалось путем сравнения информации из разных газет и обсуждения тех или иных статей среди коллег — военных и морских агентов других держав.

Важными письменными источниками были всевозможные статистические издания морского и военного министерств, учебники, парламентские отчеты и т. д. Первую группу источников широчайшим образом использовали все агенты, кроме морских агентов в Турции и Японии капитанов 2 ранга А. Н. Щеглова и А. Н. Воскресенского. Щеглов писал о том, что такого рода сведений в Турции почти нет. Он указывал на очень плохую научную разработку морских вопросов. В Японии получать специальную литературу агенту не удавалось, а серьезных сообщений о флоте в печати не было вовсе. Учебные пособия широко использовал морской агент во Франции капитан 1 ранга В. А. Карцов. Действительно, учеб-

ники могли дать много информации о состоянии материальной части, кораблестроения, артиллерийского, минного и механического дела во флотах, так как по ним готовились будущие специалисты. Более того, В. А. Карцов стал слушателем французской Морской академии и сблизился с некоторыми профессорами. Там он черпал сведения о новых разработках в сфере тактики и их связи с практической подготовкой французского флота.

Важнейшими источниками также выступали парламентские отчеты, публикуемые правительственные документы, так как они отражали расклад политических сил в стране, тенденции внешней политики, и, следовательно, перспективы ее развития. Вопросы, связанные с финансированием флота, великолепно освещались в парламентских стенографических отчетах и брошюрах, где отражалась реальная финансовая способность страны выполнить те или иные проекты производства, связанные с развитием вооружений.

Еще одним источником информации становились личные контакты с компетентными людьми. Тут требовалась чрезвычайная осторожность и избирательность. Такт и умение вести беседу способствовали успеху агентурной деятельности. Каждый собеседник требовал индивидуального подхода. В случае ошибки он мог не только ничего не сказать, но и поднять шум, создать атмосферу подозрительности вокруг агента, что привело бы к дополнительным трудностям в будущем. Все морские агенты старались войти в круг людей, необходимых для дела, а именно дипломатов, военных, промышленников, парламентариев и т. д. В клубах, на обедах, на вечерах они пытались выяснить необходимые сведения. Здесь способности каждого проявлялись в наибольшей степени. У агентов обычно был свой круг общения, где у них формировались связи. Так, морской агент в Англии Л. Ф. Кербер был связан с представителями промышленности и офицерского корпуса. Для его коллеги в США Д. С. Васильева подобным источником стали сенаторы и конгрессмены, «которые по неведению любезно снабжают стенографическими отчетами о заседании бюджетной комиссии по морским делам и очень любят не стесняясь высказывать свои мысли вслух»². Серьезные трудности вызывало подобное общение у военно-морских агентов в Германии и Японии Б. И. Бока и А. Н. Воскресенского. Первый из них, лейтенант Б. И. Бок, писал, что хотя и прибегал к разговорам с самыми разнообразными лицами, но особых сведений от них не почерпнул. «Из морских чинов наиболее откровенными являются высшие чины, с которыми, сожалению, приходится встречаться очень редко. Офицеры, очевидно из боязни проговориться, вообще уклоняются от каких-либо разговоров о флоте»³. А. Н. Воскресенский же сообщал о чрезвычайной скрытности японцев и абсолютной невозможности путем разговоров проникнуть за стену секретности. Единственным способом разрушить ее были взятки, для которых требовалось специальное финансирование от Морского министерства.

Чрезвычайно интересные документы оставил после себя военно-морской агент в Турции А. Н. Щеглов. Вот, что он писал о турецком морском офицерском корпусе: «Казалось, хорошим источником могут быть личные знакомства с турецкими офицерами. Однако, несмотря на отсутствие теперь подозрительности и гнета Абдул-Гамида, турки все же неохотно поддерживают отношения с иностранцами. Есть еще препятствие — это невежество и незнание своего собственного флота. Это совершенно точно не лукавство, а именно невежество»⁴. В то же время Щеглов поддерживал тесные отношения с иностранными морскими офицерами и, в частности, с английским инструктором, капитаном 2 ранга Хоотом, которого он использовал как более компетентного специалиста по турецкому флоту. «Он не только обедает и завтракает у меня, но, когда мне надо что-то узнать, я просто пишу ему письмо и имею затем свидание. Им я больше всего дорожу, и все это гораздо точнее сведений от турецких офицеров»⁵. Щеглов отзывается о нем с неподдельным презрением, повествуя, что ради всех этих сведений ему нужно было всего только научиться кататься на коньках.

Другим источником информации, широко используемым Щегловым, были корреспонденты больших иностранных газет. Как правило, они уже давно жили в Турции и были весьма осведомленными людьми. Внимание к ним представителя дипломатического корпуса было для них лестно. Служащие государственных учреждений и банкиры всегда владели информацией о внутренней политике и настроении умов широких масс. Знакомство с ними проливало свет на истинную ситуацию в финансовом положении страны.

Особое внимание уделял Щеглов женщинам как особой группе людей, имеющей доступ к информации. Например, он пишет о «болтливых женах сановников», выпив с которыми чашку чая, можно было узнать все детали о раздорах в междлизе между правительственными лицами.

Главным условием здесь Щеглов выделял абсолютное воздержание от спрашивания. Необходимо было держаться с видом полного отсутствия напряженного внимания. Кроме этих дам, разумеется, очень полезными были молодые женщины — сожительницы нужных людей. С ними необходимо было вести себя откровенно, так как перехитрить их было невозможно. У агентов постоянно возникали случайные возможности получения информации, и профессионализм состоял именно в том, чтобы суметь извлечь пользу из удобной ситуации. Как и в любом деле, здесь нужно было иметь определенные врожденные способности, «как бы нюх»⁷.

Все вышеизложенное следует отнести к неофициальным каналам сбора информации, так как иначе получить какие-либо важные сведения было почти невозможно. Морской агент в Англии Л. Ф. Кербер сообщал, что в самом Адмиралтействе почти бесполезно ожидать ответа на сколь-нибудь стоящий вопрос. «Адмиралтейство очень косо смотрит и очень неохотно отвечает»⁸⁸. Обычно справки давались с запозданием; чаще всего они были не конкретны и носили общий характер, не способствуя освещению проблемы. А. Н. Щеглов вообще не посещал с подобными целями флотские учреждения Турции. Сношения с морским ведомством Японии также были совершенно бесполезны и не давали никакого результата. Этой проблеме посвятил один из своих докладов в Морское министерство начальник МГШ вице-адмирал А. А. Эбергард, где говорилось: «Наши военноморские агенты беспрестанно доносят, что когда они обращаются в морское министерство за справками самого невинного содержания, то последние очень редко выдаются и часто в самых общих выражениях. <...> Таким образом в настоящее время во всех государствах замечена большая опытность, нежели прежде ... Принимая во внимание вышеупомянутое новое направление, существующее за границей и направленное к крайнему ограничению выдаваемых иностранному агенту справок, было бы крайне желательно, чтобы в нашем морском ведомстве сократили бы до минимума выдачу справок по военноморским и организационным вопросам, или во всяком случае было бы установлено за правило, что иностранные военноморские агенты могут обращаться за справками только к одному и тому же установленному лицу. Было бы также крайне желательно, чтобы все иностранные агенты подавали и получали справки не иначе, как письменно и притом только после обсуждения вопроса в МГШ»⁹.

Такого рода взаимоотношения были нормой, и агенты были к этому готовы. Более того, даже инструкции исходили из того, что официальным путем почти ничего важного узнать не удастся.

Иной сферой деятельности было посещение портов, доков и заводов военной промышленности. Здесь утаить что-либо было уже несколько сложнее, так как агент сам мог наблюдать за происходящим и комментарии представителей страны в данном случае являлись второстепенным источником. Прямой отказ в допуске агента к тем или иным объектам мог быть расценен как враждебный акт, и поэтому власти чаще всего старались так показать тот или иной завод или порт, чтобы агент не увидел ничего действительно важ-

ного. Морской агент в Германии, лейтенант Б. И. Бок, писал: «Увидеть что-либо имеющее для нашего флота значение не представляется возможным из-за особой осторожности администрации, далеко обходящей всего, касающегося военного флота»¹⁰. О том же сообщал и агент в Англии, капитан 1 ранга Л. Ф. Кербер: «Препятствий к осмотру нет, но все обставляют так, что при всем желании ничего нельзя увидеть»¹¹. Если отказывали в осмотре, то обязательно под каким-нибудь благовидным предлогом, обосновывая это обязательством перед морским министерством или тем, что вообще там нечего смотреть. В связи с этим агенты использовали личное знакомство с директорами, что давало им возможность в качестве частного лица посетить порт или завод.

Еще большая секретность окружала морские маневры флотов, куда агентов в США, Германии, Турции, Швеции, Японии вообще не допускали. Разумеется, важность присутствия на маневрах в той или иной стране была различной. Скажем, посетить маневры английского флота было куда важнее, чем шведского, и морской агент в Швеции лейтенант А. К. Петров прямо писал о том, что часто не настаивал на своем присутствии где бы то ни было, чтобы не вызвать со стороны шведов обратных требований для своего представителя в России. Достаточно плодотворное сотрудничество в этом смысле было лишь между французским и русским морскими генеральными штабами, и редко бывало, чтобы русского агента не пустили на какой-либо завод или не показали маневры во Франции и наоборот. Против неуважения требований агента всегда выступал его коллега, так как понимал, что в противном случае и ему что-нибудь не покажут. Так, например, в октябре 1910 г. русский морской агент во Франции капитан 2 ранга С. С. Погуляев писал, что лучше сразу оговорить ряд условий посещения французом объектов в России, чем потом отвечать отказом на его запросы¹².

Кроме легальных способов получения информации морские агенты прибегали к различным способам тайного характера. Особенно это относится к военно-морскому агенту в Турции А. Н. Щеглову. В своей деятельности он удачно использовал несколько обстоятельств: во-первых, свою внешность, во-вторых, место жительства (он жил рядом с портом, что давало возможность самостоятельно наблюдать и проверять сведения). Кроме того, Щеглов, как пишет о нем В. И. Шеремет, постился в рамазан, освоил зурну, брал уроки старинной османской каллиграфии¹³, и, в общем, прежде всего вел себя как разведчик, а уже потом как официальный представитель Морского министерства. Он имел доверенного человека, которому мог давать различные поручения. Будучи русским отставным матросом, этот человек из патриотизма помогал Щеглову. В круг его обязанностей входила доставка сведений о политических настроениях низших слоев населения, сборищах в мечетях, наблюдение за батареями и работами в Верхнем Босфоре, движением и ремонтом судов, привозом и выгрузкой военных грузов. Такого рода методы, конечно, были чисто разведывательными и удельный вес их в своей работе агент волен был определять сам. Дополнительную заработную плату «за опасность» ему не платили, более того, агенты часто писали о нехватке денег на специальные расходы. В особенности действенными могли бы быть взятки в Японии, о чем особо сообщал А. Н. Воскресенский. Кроме того, он очень сожалел, что не смог завести себе платного человека, «на которого мог бы во всякое время рассчитывать»¹⁴. Генерального штаба полковник Ф. Г. Чернозубов писал об этом: «Легко понять, сколько для этого нужно проникательности, чтобы найти сведущих и полезных шпионов; ловкости, чтобы убедить их взяться за столь опасную роль; рассудительности, чтобы не скомпрометировать их; наконец, сколько нужно опыта, врожденного знания людей и дела для управления всем, что касается шпионства, для привлечения честолюбцев, для устрашения и приманки трусов и корыстолюбцев, вообще для эксплуатации человеческих слабостей»¹⁵. Естественно, основным рычагом для шпионов всегда были деньги, и государству не следовало скупиться.

Кроме подкупа и тайного наблюдения, русские военно-морские агенты планировали использование шантажа. В частности, в письме бывшего морского агента в Австро-Венгрии и Италии, старшего лейтенанта Р. К. Бойля начальнику иностранного отдела МГШ М. И. Дунину-Барковскому излагался план подкупа чиновников Адмиралтейского штаба в Берлине. Снижение уровня жизни чиновников, по мнению Бойля, способствовало успеху. «При содействии Берты, — писал Бойль, — мне бы удалось настолько запутать подходящего человека, что ему не останется другого выхода, как принять субсидию или несколько субсидий под дружеские расписки. Затем, уже имея на руках его расписки, можно будет пойти даже на угрозу его разоблачения, если он не пойдет на те предложения, которые я ему сделаю»¹⁶. Далее излагался план, сроки и механизм исполнения. Нам не известно, был ли реализован данный проект, но даже разработки подобных планов говорят о том, что шантаж входил в арсенал агентурных приемов.

Мы видим, что деятельность агентов требовала большого напряжения умственных и душевных сил, энергии и целеустремленности. Успех работы зависел прежде всего от их личных качеств и способностей. Обширность задач требовала постоянного напряжения, внимания и усилий. Агенты должны были обеспечивать центральные органы флота информацией практически обо всех сферах жизни страны пребывания несмотря на все трудности: противодействие официальных органов страны, плохое финансирование, невнимание собственного начальства, отсутствие помощников, загруженность коммерческими делами и т. д. Оперативная информация о флотах ведущих морских держав была необходима в МГШ для разработки планов войны и воссоздания флота. Безусловно, морские агенты сыграли важную роль в возрождении морских сил России после русско-японской войны и в их подготовке к Первой мировой войне.

Примечания

- 1 РГА ВМФ. Ф. 418. Д. 2899. Оп. 1. Л. 5.
- 2 Там же. Л. 81.
- 3 Там же. Л. 152.
- 4 Там же. Л. 171.
- 5 Там же. Л. 173.
- 6 Там же. Л. 175.
- 7 Там же. Л. 177.
- 8 Там же. Л. 9.
- 9 РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2862. Л. 54.

- 10 Там же. Д. 3571. Л. 49.
- 11 Там же. Д. 2899. Л. 12.
- 12 Там же. Д. 2898. Л. 8.
- 13 *Шеремет В. И.* Босфор. Россия и Турция в эпоху I мировой войны. М., 1995. С. 32.
- 14 РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2899. Л. 362.
- 15 *Чернозубов Ф. Г.* Служба Генерального штаба. Разведывательные органы армии СПб., 1901. С. 66.
- 16 РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2884. Л. 13.

М. В. Ходяков

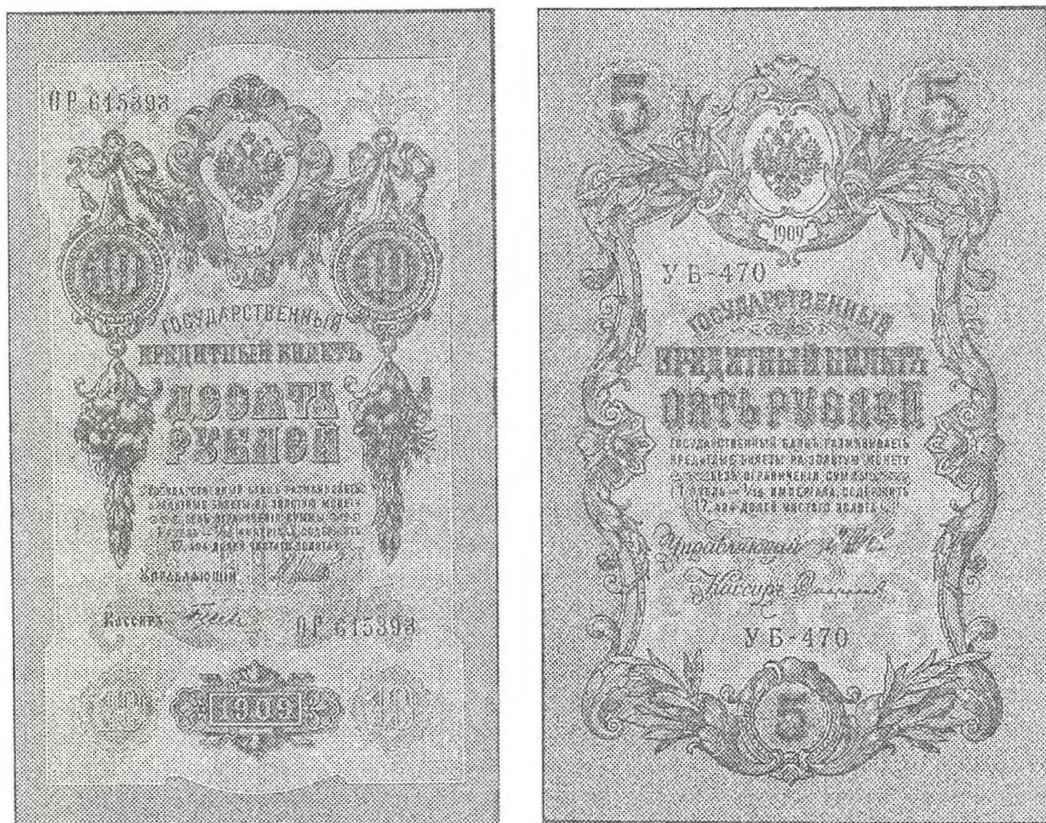
«Царские» деньги для диктатуры пролетариата

Серьезный удар российским финансам был нанесен Первой мировой войной. Законом от 27 июля 1914 г. размен кредитных билетов на золото был приостановлен. Вскоре из обращения исчезла золотая монета, а за ней серебряная и даже медная. С 1916 г. денежное обращение России становится исключительно бумажным.

Начиная с 1919 г. советское правительство печатало денежные знаки с символикой РСФСР. Декретом СНК от 4 февраля 1919 г. было объявлено о выпуске первых советских денег — расчетных знаков достоинством в 1, 2 и 3 рубля, прозванных в народе «мотыльками» за свой небольшой размер и пестрые цвета. В том же году в обращении появляются кредитные билеты образца 1918 г. — так называемые «пятакówki», или «пензенки» (на них стояла подпись Главного комиссара Народного банка Г. Л. Пятакова, а изготовление осуществлялось на пензенской фабрике Госзнака). Однако несмотря на появление государственных кредитных билетов образца 1918 г. и расчетных знаков РСФСР образца 1919 г., а несколько позже 1920 и 1921 гг., которые по своему формату и качеству бумаги требовали гораздо меньших материальных издержек, эмиссия «царских» кредитных билетов дореволюционных образцов с изображением на крупных купюрах представителей Дома Романовых продолжалась вплоть до 1922 г.

Мировая война потребовала непрерывного увеличения денежных знаков. По этой причине Экспедиция заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ), располагавшаяся в Петрограде, передала частным писчебумажным фабрикам и типографиям производство всех простых, неценных бумаг, что позволило значительно увеличить выпуск кредитных билетов. Кроме того, ускоренным темпом шло дальнейшее усиление технической оснащенности Экспедиции. Так, в 1915 г. была пущена в ход построенная средствами ЭЗГБ машина Дюпона. Тогда же началась работа и новой бумагоделательной машины Фойта, обладавшей суточной производительностью в 200—250 пудов бумаги высшего качества. В 1916 г. в ЭЗГБ была заменена часть оборудования, установлены полученные из Швеции и Англии новые механизмы, призванные способствовать увеличению производства кредитных билетов¹.

Рост изготовления денежных знаков потребовал также увеличения и численного состава Экспедиции, где на 1 марта 1917 г. работало 7873 чел. После свержения монархии руководством ЭЗГБ было возбуждено ходатайство о возврате из армии «наиболее нужных и опытных из старых рабочих». В результате с августа 1917 г. в Экспедицию стали возвращаться прежние работники, «значительно повысившие в качественном отношении ее личный состав». К 1 ноября 1917 г. производством денежных знаков было занято 9280 чел.²

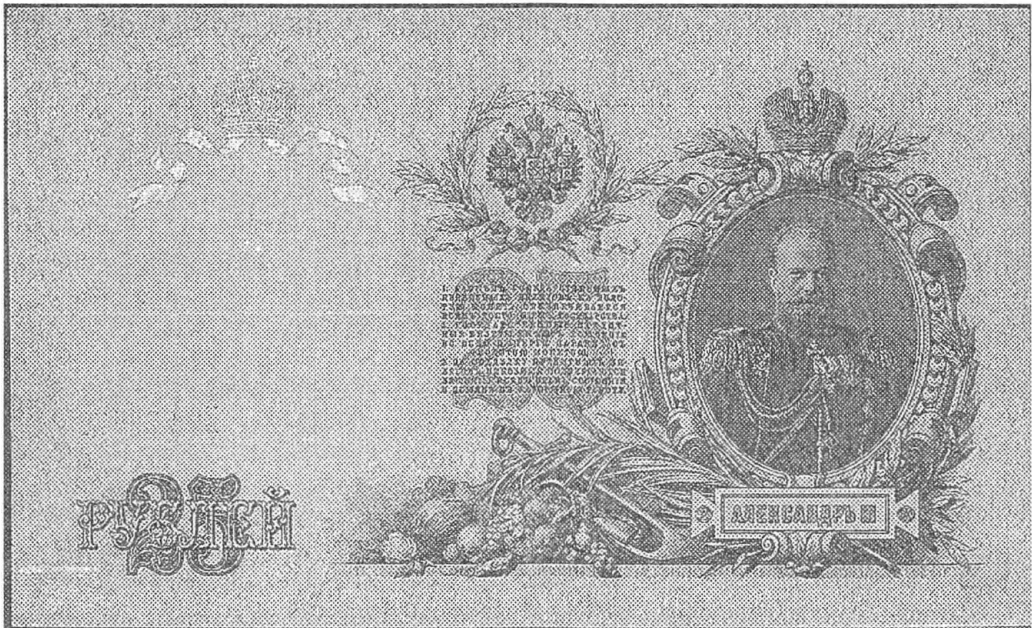
Государственные кредитные билеты образца 1909 г.

Выпуск бумажных денег стал главным источником покрытия государственных расходов, которые стремительно возрастали, опережая возможности ЭЗГБ. Не удивительно, что в мае 1917 г. Управляющий Госбанком И. П. Шипов отмечал катастрофическое положение с кредитными билетами: «Следует еще удивляться, как мы до сих пор держимся»³.

На основании постановления Временного правительства от 26 апреля 1917 г. товарищ министра финансов С. А. Шателен 3 мая утвердил образец нового государственного кредитного билета достоинством в 1000 руб. 28 августа 1917 г. Управляющий министерством финансов М. В. Бернацкий одобрил образец кредитного билета достоинством в 250 руб., одновременно распорядившись «незамедлительно приступить к печатанию указанных билетов, не ожидая опубликования постановления о них»⁴. Эскизы денежных знаков были выполнены известным художником И. Я. Билибиным⁵.

Выпуск в обращение «думских» денег (на кредитном билете достоинством в 1000 руб. был изображен Таврический дворец, где размещалась Государственная Дума) ситуацию с финансами не изменил. Уже 6 июля 1917 г. И. П. Шипов подготовил для Министерства финансов записку, в которой отмечал, что выпуск 1000-рублевых билетов положения не улучшил. Напротив, после этого «со всех сторон стали усиленно предъявляться требования на мелкие кредитные билеты [«царские». — М. Х.], запасы коих образовать значительно труднее, чем крупных. С выпуском 1000 руб. билетов Экспедиция стала передавать ежедневно Банку кредитных билетов на 50—55 млн руб., которые на другой день нумеруются и грифуются и на следующий же день отсылаются в учреждения Банка... В

Государственный кредитный билет образца 1909 г.

кассах учреждений Банка остаются одни 1000 рублевые билеты, которых клиенты не жаждут брать, требуя преимущественно билеты средних купюр — 10, 25 и 100 рублевые)⁶.

Выпуск в обращение денежных знаков номиналом в 20 и 40 руб., или «керенок», как их стали скоро называть по фамилии главы Временного правительства, имевший место в конце сентября, также оказался не в состоянии оздоровить финансовую политику и лишь на время оттянул развязку. Министр финансов последнего состава Временного правительства М. В. Бернацкий в начале 1918 г. признавал, что если бы «керенки» не были выпущены в сентябре, то «Октябрьская революция превратилась бы в сентябрьскую»⁷. «Керенки», по словам М. В. Бернацкого, являлись «скверными знаками», но они были выпущены в тот момент, когда Министерство финансов оказалось буквально завалено телеграммами о разгроме казначейств в разных местах и «во что бы то ни стало нужно было что-нибудь делать».

Несмотря на усиленную эмиссию «думских» и «керенок», в этот период продолжалось изготовление и «царских» кредитных билетов. 27 сентября 1917 г. ЭЗГБ дала письменный ответ Госбанку на просьбу помощника директора А. А. Томсона, обратившегося в Экспедицию с вопросом: «Чем вызывается разница в расцветке оборотной стороны кредитных билетов 500 руб. достоинства, отмеченная в последнее время?» В документе, подготовленном ЭЗГБ, сообщалось, что «в настоящее время вследствие больших затруднений в получении вполне однородных материалов и красок, употребляющихся при печатании кредитных билетов, является неизбежным некоторое незначительное отклонение от преждевременного образца в расцветках и тоне бумаги. В частности 500 руб. кредитные билеты на оборотной стороне имеют легкий красочный синеватый тон по всей поверхности, что придает билетам более темный вид. Впредь до изменения условий товарного рынка указанные отклонения от образца возможны и в будущем»⁸.

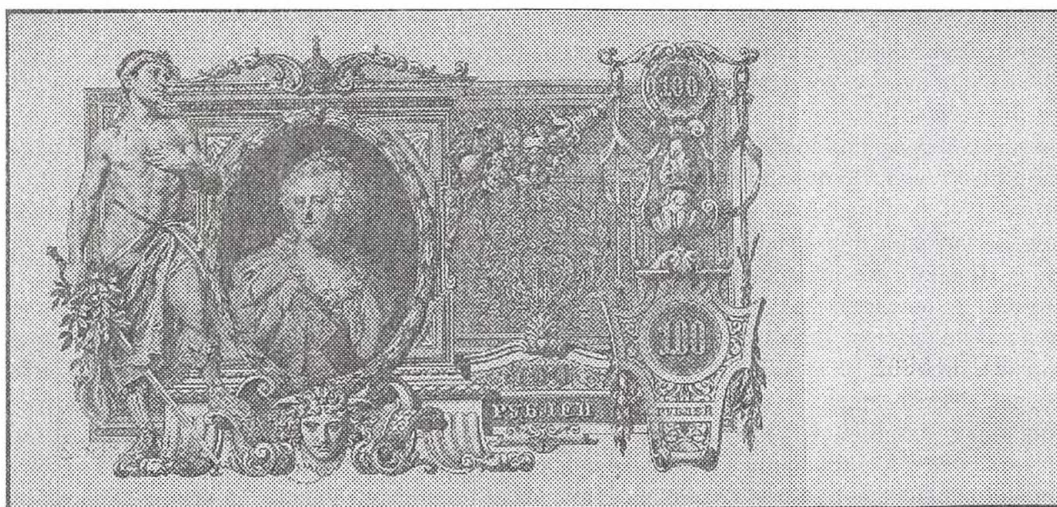
В 1917 г. Временное правительство 5 раз расширяло эмиссионное право Государственного банка. В обращение было выпущено 9,5 млрд руб. Общая же сумма бумажных денег, находящихся в обороте, на 1 ноября 1917 г. превысила 19,5 млрд руб.⁹

Государственный кредитный билет образца 1899 г.

После Октябрьского переворота 1917 г. ЭЗГБ не прерывала своей деятельности. Более того, отчет о ее работе за первый год советской власти свидетельствовал о том, что революция «не изменила резко создавшегося в Экспедиции порядка вещей»¹⁰. Вместе с тем, денежный голод остро ощущался в отдаленных от Петрограда городах. Главный бухгалтер столичной конторы Госбанка Н. В. Лебедев отмечал, что ЭЗГБ «едва успевала удовлетворять потребности... Выпущенные кредитные билеты в кассы Государственного банка поступали в весьма небольшом количестве, все держалось в то время на печатном станке»¹¹. Таким образом, на рубеже 1917—1918 гг. никаких значительных запасов денег (в том числе и «царских») в Госбанке и его отделениях не существовало. Не случайно 13 апреля 1918 г. Совет управления Обуховским заводом распространил по предприятию объявление следующего характера: «Вследствие того, что Государственный Банк не имеет запаса мелких кредиток в 1 р., 3 р., 5 р. и 10 р. [«царских» — М.Х.], почему и не может снабжать ими заводов, предлагается рабочим и служащим при получении заработков в заводе иметь при себе мелкие деньги для сдачи раздатчикам при получении от них кредитных билетов в 20 и 40 р. [«керенок» — М.Х.]»¹².

Ответ на вопрос о количестве кредитных билетов дореволюционных образцов, изготовленных в годы советской власти, дают документы Кладовой готовых изделий Экспедиции. При составлении данных материалов жонглирование цифрами было совершенно исключено. Документы содержат сведения о приходе и расходе «годных листов, окончательно приготовленных к отпуску», о наличии печатного брака и остатках кредитных билетов различных достоинств к 1 января очередного календарного года. Анализ этих материалов свидетельствует о том, что в 1917 г. ЭЗГБ было изготовлено «романовских» денег достоинством от 1 до 500 руб. на сумму 7 129 707 000 руб. После их передачи в Госбанк в Кладовой готовых изделий на 1 января 1918 г. оставалось «годных листов», не считая печатного брака, на 290 557 000 руб.¹³ Причем больше всего в 1917 г. было напечатано кредитных билетов в круп-

Государственные кредитные билеты образца 1910 и 1912 гг.

ных купюрах — 100 и 500 руб. (т. н. «екатеринок» и «петров»), соответственно на сумму 1 071 800 000 руб. и 2 514 500 000 руб.¹⁴

Несмотря на многочисленные трудности технического характера, потенциал Экспедиции к концу 1917 г. оставался достаточно высоким. Об этом главным финансистам страны было хорошо известно. Не случайно меньше чем за месяц до свержения Временного правительства отношением Госбанка от 29 сентября 1917 г. за № 181992 Экспедиции поручалось изготовить в будущем «годных листов» кредитных билетов 10 руб. достоинства образца 1909 г. 25 млн экземпляров; 50 руб. достоинства образца 1899 г. — 6 млн, 500 руб. достоинства образца 1912 г. — 4 млн экземпляров на общую сумму свыше 2,5 млрд руб.¹⁵

Факт изготовления «романовских» денег в первые годы советской власти подтверждается тем, что только с марта 1918 г. по апрель 1919 г. в ЭЗГБ было зарегистрировано не менее 40 случаев хищения кредитных билетов. За 9 месяцев 1918 г. имело место 14 случаев пропажи уже изготовленных «царских» денег из различных мастерских Экспедиции: Общей типографии печатного отделения, мастерской машин Орлова, кредитной типогра-

фии. Похищались денежные знаки всех достоинств — от 1 руб. до 500 руб. Но особой «популярностью» пользовались кредитные билеты 5 руб. достоинства образца 1909 г.¹⁶ О каждом случае пропажи в ЭЗГБ как кредитных билетов, так и белой бумаги для их изготовления немедленно доносилось бывшей Особенной канцелярии по кредитной части и одновременно сообщалось сысской полиции (позже — уголовному розыску) «для принятия мер». Волна хищений денег из Экспедиции, начавшая свое распространение с конца 1917 г., свидетельствовала о том, что кредитные билеты нередко пропадали со станков, на которых они печатались, будучи еще «горячими».

Никаких других кредитных билетов указанных достоинств (кроме «царских») в тот момент не изготовлялось. Известно, что Управляющий ЭЗГБ только 18 мая 1918 г. направил для представления «на утверждение Совета Народных Комиссаров 10 комплектов кредитных билетов 1000 руб., 500 руб., 250 руб., 100 руб. и 1 руб. достоинства образца 1918 года»¹⁷. Ряд комплектов «пятакоек», или «пензенок», направлялся в СНК для рассмотрения еще в июне 1918 г. Разумеется, что изготовление новых денежных знаков не могло начаться до момента официального утверждения образцов. Декреты же о выпуске в обращение кредитных билетов образца 1918 г. были подписаны только 15 мая и 21 октября 1919 г.

«Царские» деньги, печатавшиеся в ЭЗГБ, преобразованной вскоре в Петроградскую фабрику изготовления государственных знаков, были гораздо лучше защищены от подделок, нежели кредитные билеты образца 1918 г. В докладной записке технического советника при Комиссариате Народного Банка П. М. Богданова (в начале 1918 г. Госбанк был переименован в Народный Банк), адресованной 24 октября 1918 г. Управляющему Банком Г. Л. Пятакову, прямо отмечалось, что наибольшую защиту денежных знаков от подделок дает комбинация металлографической печати и так называемой орловско-стружковской. Комбинация этих способов, по словам П. М. Богданова, «применяется при изготовлении кредитных билетов в 25, 50, 100 и 500 рублей». Автор документа подчеркивал, что осенью 1918 г. все металлографические машины ЭЗГБ были заняты печатанием кредитных билетов именно этих достоинств¹⁸.

В феврале 1919 г. руководство Экспедиции сообщало наркому финансов по поводу готовившегося выпуска «пензенок», что «при изготовлении кредита прежних образцов подделывателям приходилось затрачивать немало времени на получение более или менее удовлетворительных результатов, для некоторых же купюр и совсем не было сколько-нибудь удачных подделок (например, 3 р. образца 1905 г., 5 р. образца 1909 г., 100 р. образца 1910 г. и др.)»¹⁹.

С 15 сентября 1918 г. ежедневная средняя производительность ЭЗГБ по «царским» купюрам составляла: кредитные билеты достоинством 1 руб. — 500 тыс. экземпляров, 3 руб. — 290 тыс., 5 руб. — 550 тыс., 10 руб. — 550 тыс., 25 руб. — 55 тыс., 50 руб. — 7 тыс., 100 руб. — 20 тыс. и 500 руб. — 21 тыс.²⁰

За весь 1918 г. Экспедицией было изготовлено «годных листов, окончательно приготовленных к отпуску» в «романовских» купюрах на сумму более 6 млрд руб. Свыше трети составляли кредитные билеты 500 руб. достоинства образца 1912 г. — 2 млрд 707 млн руб.²¹ Реально в 1918 г. в обращение было выпущено «царских» кредитных билетов на общую сумму чуть более 5 млрд руб.²²

Декретом СНК от 15 мая 1919 г. все формальные ограничения по эмиссии денежных знаков были отменены. Разрешалось осуществлять их выпуск «в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках», т. е. печатать без ограничения. Изготовлением кредитных билетов и расчетных знаков помимо Петроградской фабрики занимались также Московская, Пензенская и Пермская. Однако печатание «романовских» купюр осуществлялось лишь в Петрограде и Москве.

Вопросы, связанные с изготовлением и выпуском в обращение денежных знаков, были предметом пристального внимания высшего партийного руководства. 12 мая 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в присутствии В.И.Ленина и И.В.Сталина Нарком финансов Н.Н.Крестинский выступил с докладом о выпуске в обращение новых денег — «пензенок». Было принято решение «печатание и выпуск кредитных билетов и казначейских знаков старого образца прекратить с 1 августа»²³. Однако проза жизни оказалась сильнее теоретических схем. Отказаться от «царских» денег в тот период времени не удалось, несмотря на желание членов Политбюро «аннулировать старых денег приурочить к 1-му октября или 1 ноября [1919 г.]»²⁴.

31 октября 1919 г. «в порядке разгрузки» из Петрограда в Москву было отправлено бумаги для «романовских» кредитных билетов на общую сумму свыше 5,6 млрд руб.: для билетов 1 руб. достоинства в «годных листах» на 2 млн 780 тыс., 5 руб. на 210 тыс., 10 руб. на 27 млн 320 тыс., 25 руб. на 60 млн 75 тыс., 100 руб. на 34 млн 100 тыс., 500 руб. на 5 млрд 560 млн руб.²⁵

«Разгрузка» Петроградской фабрики продолжалась и в последующем. 10 ноября 1919 г. по распоряжению заведующего фабрикой в Москву было отправлено 148 валиков бумаги для «романовских» кредитных билетов 10 руб. достоинства весом 847 пудов 21 фунт.²⁶

То, что данные операции осуществлялись именно осенью 1919 г. являлось вполне закономерным фактом. По свидетельству секретаря ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой, в тот период не исключалось, что партии вновь придется уйти в подполье, «если силы внутренней контрреволюции и иностранной интервенции временно возьмут верх». На всякий случай советское руководство позаботилось о паспортах для всех членов ЦК, а также о том, чтобы обеспечить партию материальными средствами. С этой целью было отпечатано «большое количество бумажных денег царских времен — так называемых «екатеринок», т. е. 100-рублевых билетов с портретом Екатерины. Эти деньги были упакованы в специально изготовленные оцинкованные ящики и переданы на хранение в Петроград Николаю Евгеньевичу Буренину. Он закопал их в Лесном, а впоследствии, когда Советская власть окончательно утвердилась, даже сфотографировал раскопку»²⁷. Тогда же на имя Н. Е. Буренина, купца по происхождению, был оформлен документ о том, что он являлся владельцем гостиницы «Метрополь».

В наиболее критические для советской власти периоды гражданской войны территория, захваченная белогвардейцами, включавшая крупные промышленные, сырьевые и продовольственные районы, в несколько раз превышала советскую территорию. В этих условиях по решению ЦК РКП(б) была создана система органов, осуществлявших по его заданиям и под его контролем руководство партийным подпольем в отдельных регионах. ЦК РКП(б) не только регулярно заслушивал отчеты этих органов, помогал определять тактику действий с учетом местных условий, но и обеспечивал их кадрами, оружием, агитационной литературой, а также материальными средствами. Известно, например, что 30 октября 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) прозвучала просьба ЦК Бунда «обменять ему от 200—300 тысяч рублей на николаевские кредитки для работы в оккупации»²⁸. Образованное в декабре 1918 г. Сибирское бюро ЦК РКП(б) за год своей деятельности направило за линию фронта, по неполным данным, почти 8 млн руб.²⁹ 10 августа 1920 г. председатель Сибирского ревкома И. Н. Смирнов распорядился выдать 2 млн рублей «романовскими» члену Реввоенсовета 5 Армии Б. П. Позерну «для организации разведывательной работы»³⁰.

В том же 1920 г. наркомат финансов распорядился выдать А.М.Краснощекову — председателю правительства и министру иностранных дел Дальневосточной республики — 36 млн. руб., среди которых были 6 млн. руб. «романовского образца» кредитными-

билетами 5, 10, 25 и 500-рублевого достоинства³¹. 17 апреля 1920 г. Могилевский ревком, «как имеющий пребывание в прифронтовой полосе», просил у отдела кредитных билетов Народного банка (последний к тому времени был уже упразднен, передав свои активы и пассивы Центральному бюджетно-расчетному управлению Наркомфина) 1 млн. руб. «николаевских» денежных знаков для ведения революционной работы³². Вскоре заместитель наркома финансов распорядился выдать еще 1 млн. руб. «старого образца 500 р. достоинства на нужды Польского Революционного Комитета»³³. В июне—августе 1920 г. регистрационное управление Полевого Штаба Реввоенсовета Республики получило от Наркомата финансов свыше 3,5 млн руб. кредитных билетов «царскими», среди которых преобладали купюры в 500 руб., хотя были и другого достоинства — в 25 и 100 руб.³⁴

Через Зафронтбюро в течение примерно полугода на Украину и в Крым для подпольной работы было направлено более 1 тыс. большевиков. При этом делались попытки снабдить их денежными знаками, имеющими хождение в пределах данной территории. По воспоминаниям барона П. Н. Врангеля, в начале августа 1920 г. в Крыму высадился, затопив у берега свой моторный катер, небольшой коммунистический отряд в 12 человек под командованием матроса Мокроусова, имевший при себе не только оружие, но и 500 млн руб. «романовскими», курс которых в то время в 70 раз превышал цену денег Главного командования Юга России. До этого в течение четырех месяцев областной ревком получил из Москвы 1 млн «романовскими», 10 тыс. фунтов стерлингов и на 40 млн золота в изделиях и бриллиантах³⁵. После ареста в Симферополе большевистских агентов, являвшихся местными представителями Областкама, в их квартире было обнаружено 250 тыс. руб. «царскими» деньгами в обертках со штампом Московского народного банка³⁶.

Оценивая эти данные, становится понятной цель «разгрузки» Петроградской фабрики изготовления государственных знаков. Только за 1920 г. из Петрограда было вывезено 163 вагона бумаги для производства денежных знаков, в том числе 99 вагонов в Москву. Среди отправленного в столицу груза оказалось 246 пудов бумаги, предназначенной для изготовления кредитных билетов 10 руб. достоинства «старого образца» и 1347 пудов для 500 руб. купюр. За первое полугодие 1921 г. из Петрограда в Москву было отправлено еще более 151 пуда бумаги для 500 руб. билетов образца 1912 г., а в июле 1921 г. — 120 пудов³⁷.

Внешняя торговля советской России в годы гражданской войны была сведена к минимуму. Однако уже в 1920 г. в условиях дискриминации советских государственных внешнеторговых организаций связующим звеном между рынками РСФСР и зарубежных стран становится потребительская кооперация. Так, в качестве своего коммерческого партнера на рынках стран Ближнего и Среднего Востока большевистское правительство использовало «Центросоюз». Известно, что в начале 1921 г. наркомат внешней торговли РСФСР перевел своему азербайджанскому отделению 400 млн руб. в старых, т. е. «романовских» купюрах для осуществления коммерческих операций на иранском рынке³⁸.

П. Н. Врангель отмечал, что еще в 1919 г., когда под контролем Добровольческой армии находились Киев, Одесса и Харьков, было документально установлено, что кооперативная организация «Центросоюз» и его филиалы «Центросекция» и «Днепросоюз» являются контрагентами советского правительства, получают субсидии от советской власти и выполняют ее задания по доставке товаров и фуража Красной Армии, а также в губернии Северной России. Осмотром книг «Центросоюза» и Харьковского отделения Московского Народного Банка было установлено, что «Центросоюз» получил 50 млн руб. от советского правительства, а в местных складах «Центросоюза» были обнаружены товары, заготовленные для советской России. Крупные субсидии от Советов, по мнению Врангеля, получали и другие кооперативные организации с целью обслуживания нужд советской власти³⁹.

Действительно, 25 августа 1920 г. Наркомфин распорядился выдать 10 млн. руб. «кредитными билетами старого образца 500 р. достоинства» представителю Всероссийского Центрального Союза Потребительских Обществ⁴⁰. Подобного рода выплат в 1920 г. было произведено немало. Причем, единовременные субсидии «царскими» деньгами получали самые разнообразные организации и учреждения. Так, 19 апреля 1920 г. по распоряжению заместителя наркома финансов для нужд Наркомата путей сообщения был произведен обмен 25 тыс. руб. совзнаков на такую же сумму кредитных билетов старого образца, среди которых оказалось 15 тыс. руб. в купюрах 25-рублевого достоинства с изображением на них Александра III⁴¹.

Финансовое обеспечение большевистского подполья «романовскими» купюрами и внешнеторговые операции советской власти, осуществлявшиеся с использованием «царских» кредитных билетов, объясняются тем обстоятельством, что на подпольном валютном рынке в годы гражданской войны довольно серьезное значение имели именно эти деньги. Появился лаж на «николаевские», который сохранялся до начала 20-х годов, варьируясь в зависимости от местных условий. Так, в телеграмме из Ташкента от 10 ноября 1919 г. на имя В. И. Ленина указывалось, что для торговых сношений с Бухарой и Афганистаном необходима присылка «царских» и «думских» денег. В Бухаре 500 руб. образца 1912 г. оценивали тогда в 1500 руб. «керенками», а 100 руб. образца 1910 г. — в 400 руб. В Китае «царский» рубль котировался в 16 коп. золотом, «керенский» — в 14 коп., а туркестанский — в 1 копейку. На Дальнем Востоке в июле 1920 г. за один «николаевский» билет достоинством в 500 руб. давали 3 доллара, за 100 руб. — 70 центов. В то же время советские деньги ценились гораздо меньше — за 4 тыс. руб. можно было получить лишь 1 доллар⁴².

В октябре 1920 г. в Петроградской губернии 1 тыс. рублей «царскими» деньгами в купюрах по 500 руб. оценивались в 60—75 тыс. рублей совзнаками и в 4000—4600 руб. «керенками». Товары продавались за деньги старых выпусков дешевле, чем на совзнаки. Так, в Лужском уезде соль, керосин, муку, масло можно было купить на «царские» деньги в 40 раз дешевле, чем на все прочие деньги⁴³.

Спекуляция с купюрами старых образцов, которая расцвела в годы гражданской войны и «военного коммунизма», была основана на недоверии части населения к новой власти и ее деньгам, а также спросом на «романовские», который имелся среди эмигрировавших лиц или тех, кто вел торговлю со вновь образовавшимися на западной границе государствами — Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, — в которых до появления там своей валюты обращение состояло преимущественно из российских знаков дореволюционных образцов⁴⁴.

С переходом к нэпу все острее стала ощущаться необходимость стабилизации финансовой системы страны. К началу 1921 г. доля «романовских» в структуре денежного обращения РСФСР составляла 2,4% к началу 1922 г. — всего 0,3%. По декретам СНК от 8 и 28 сентября 1922 г. «царские» деньги изымались из обращения.

Рассмотрение комплекса имеющихся по данной проблеме материалов позволяет сделать вывод о том, что до 1919 г. в Петрограде и Москве печатались и выпускались в обращение «царские» деньги всех достоинств, в 1920 г. — 100 и 500 рублевые купюры, а позже — исключительно кредитные билеты образца 1912 г. достоинством 500 руб. Их рассылка на места производилась до 1922 г. Всего с ноября 1917 г. по 1922 г. в обращение было выпущено около 13 млрд рублей «царских» денег⁴⁵. История изготовления и эмиссии «романовских» кредитных билетов показала, что большевистские руководители были не «заоблачными мечтателями», а прагматически мыслящими людьми, использовавшими в целях сохранения и упрочения власти все доступные средства. Мысль А. И. Герцена о том, что «деньги — независимость, сила, оружие. А оружие никто не бросает во время войны, хотя бы оно и было неприятельское, даже ржавое» была ими реализована почти буквально.

Примечания

- 1 *Вознесенский С. В.* Сто лет Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг. 1818—1918. Пг., 1918. С. 44.
- 2 Там же. С. 50.
- 3 РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 734. Л. 4 об.
- 4 ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 13. Л. 17, 32.
- 5 *Глейзер М. М.* Советский червонец. СПб., 1993. С. 7.
- 6 РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 734. Л. 13 об.
- 7 Вопросы денежного обращения. Пг., 1918. С. 80.
- 8 ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 13. Л. 34.
- 9 Наше денежное обращение: Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М., 1926. С. 75.
- 10 ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 4. Д. 1. Л. 48 об.
- 11 *Лебедев Н. В.* События в Государственном банке в дни Октябрьской революции // Красная летопись. 1923. № 6. С. 340.
- 12 ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 5. Д. 493. Л. 46.
- 13 Там же. Ф. 1255. Оп. 3. Д. 1. Л. 18, 33, 65, 80, 92, 96, 109, 121.
- 14 Там же. Л. 109, 121.
- 15 Там же. Д. 41. Л. 57 об., 85 об., 129 об.
- 16 Там же. Оп. 1. Д. 564. Л. 10.
- 17 Там же. Д. 390. Л. 14.
- 18 Там же. Д. 451. Л. 2—2 об.
- 19 Там же. Д. 390. Л. 49.
- 20 Там же. Д. 451. Л. 8 об.
- 21 Там же. Оп. 3. Д. 41. Л. 93, 169, 181, 200, 214, 239 об. — 240, 255, 264.
- 22 Наше денежное обращение. С. 76.
- 23 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 7. Л. 1.
- 24 Там же.
- 25 ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 3. Д. 98. Л. 26 об.—27.
- 26 Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 91, 95.
- 27 *Стасова Е. Д.* Страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 157—158.
- 28 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 34. Л. 2.
- 29 *Плотников И. Ф.* Героическое подполье. Больше-вистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920). М., 1968. С. 259.
- 30 Дальневосточная политика Советской России (1920—1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционно-го комитета. Новосибирск, 1996. С. 114.
- 31 РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 16. Д. 14. Л. 76.
- 32 Там же. Л. 30.
- 33 Там же. Л. 72.
- 34 Там же. Л. 2, 6.
- 35 Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 2. М., 1992. С. 308.
- 36 Там же. С. 310.
- 37 ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 633. Л. 9 об., 71 об.—72.
- 38 *Макеев Д. А.* Внешнеторговые связи Советской России со странами Ближнего и Среднего Востока в 1917—1922 годах // Вопросы истории. 1985 № 3. С. 21.
- 39 Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 2. С. 387.
- 40 РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 16. Д. 14. Л. 81.
- 41 Там же. Л. 1.
- 42 Дальневосточная политика Советской России. С. 108—109.
- 43 *Атлас Э. В.* Социалистическая денежная система. М., 1969. С. 121—122.
- 44 Наше денежное обращение. С. 17.
- 45 Там же. С. 75—78.

Р. Ш. Ганелин

Петроград 23 февраля 1917 г.

Старый спор о стихийном или организованном характере Февральской революции и о политических силах, сыгравших роль в ее происхождении (с некоторых пор чуть ли не первое место среди них отводится масонству), имеет, как представляется, в качестве важнейшего пути своего решения непредубежденное и последовательное рассмотрение с этой точки зрения хода революционных событий с самого их возникновения!

Утро 23 февраля 1917 г. в Петрограде было ясным, с легким морозцем, вспоминал Н. Ф. Рябов, работавший на Металлическом заводе². «Погода отличная — солнечная. Мороз при полном безветрии градусов 5–6», — отметил в своем «Дневнике последнего петроградского градоначальника» ген. А. П. Балк, добавив, имея в виду все последующие февральские дни: «Такая погода продолжалась все время»³. Обычный трудовой четверг — это был Международный день работницы — на многих предприятиях Выборгской стороны начался с того, что женщины организовали митинги на тему о войне, дороговизне, положении рабочих, выливавшиеся в приостановку работ. Лозунги гласили поначалу: «Хлеба!» и «Долой войну!». Как указывалось в полицейской «Сводке сведений о ходе рабочих беспорядков в городе Петрограде, возникших 23 февраля 1917 г.», недостаток хлеба особенно чувствовался в Выборгском районе, «где по наблюдениям местной полиции за последние дни многие совершенно не могли получить хлеба»⁴. Градоначальник Балк считал, однако, что продовольственные трудности не были из ряда вон выходящими. По его словам, в городских запасах находился недельный резерв муки для прокормления трех миллионов жителей, помимо того, существовали военные запасы, которые в крайнем случае также могли быть использованы. Перебои в подвозе муки он объяснял пробками на железных дорогах, из-за которых, начиная с 14 февраля, требовавшиеся ежедневно 40 вагонов поступали не все, часть их застревала в пути. Но специальные толкачи, посланные Министерством земледелия, и министр путей сообщения обещали перемены к лучшему. «Телеграммы получались со всех сторон, что мука идет в большом количестве и что вот-вот столица будет залита мукой», — писал он. «Голода не было, — утверждал он. — Достать можно было все, а к хвостам привыкли. Хлеб вкусный и питательный выдавался по 1 1/2 фунта на человека, а рабочим и войскам по два. У многих была припасена мука, сухари. Волновали слухи, распространяемые паникерами, что скоро мука перестанет доставляться и выдача хлеба будет производиться по карточкам, а потому надо делать запасы сухарей. Во всяком случае вопрос о наступающем голоде был раздут самой публикой, к сожалению, не без участия интеллигенции, и получилась общая паника, вынесенная кем-то на улицу. А затем хождение и вопли «хлеба, хлеба», очевидно, всем нравилось,

было приятное занятие ставить полицию в глупое и смешное положение. И таким образом многие вполне лояльные люди, а в особенности молодежь, бессознательно подготовляли кровавые события, разыгравшиеся в последующие дни...»⁵.

Панические слухи относительно будущих хлебных норм, действительно, распространились по городу (те, о которых упоминал Балк, были, по-видимому, нормами отпуска в одни руки). Говорили о фунте на взрослого и полфунте на ребенка, продовольственные трудности широко обсуждались и в печати. «В течение последующих последних четырех дней, — писал Балк командующему войсками Петроградского военного округа ген. С. С. Хабалову в этот день, в момент, когда движение уже началось, на Выборгской стороне бастовало 15 000 рабочих и ожидалось распространение забастовки, — почти вся столичная пресса посвящала ряд статей и заметок вопросу о введении в Петрограде карточной системы на хлеб». Он объяснял это тем, что городское общественное управление обсуждало этот вопрос без ведома уполномоченного председателя особого совещания по продовольствию В. К. Вейса. Газетные сообщения, считал он, и «вызвали волнения, в особенности в рабочей среде, и в течение двух истекших суток выпекаемый хлеб быстро расхватывался ранее пришедшими в лавки покупателями, очевидно, в запас, позже же приходившим рабочим уже ничего не оставалось»⁶. (Заметим на будущее, что Балк говорил о «двух истекших сутках».) Градоначальник сообщал, что по распоряжению Вейса в «Русской воле», «Новом времени», «Петроградской газете» и «Вечернем времени» как наиболее распространенных газетах столицы были помещены статьи, разъясняющие истинное положение дела, и добивался, «чтобы цензура не допускала статей, трактующих о возможном сокращении потребления продуктов первой необходимости, так как это вызывает повышенные требования на продукты со стороны населения и затрудняет снабжение его продовольствием»⁷.

Голода в городе не было, но очереди у булочных и керосиновых лавок в этот день, 23 февраля, дали толчок движению не только в Выборгском районе, где работникам, занятым на фабриках в утренние и дневные часы, хлеба попросту могло не достаться, но и на Петроградской стороне, где в очередях было больше прислуги и домашних хозяек, хоть Балк и утверждал, что «в очередях приходилось ждать, но не более того времени, к которому привыкло население»⁸.

Как бы то ни было, настроение на предприятиях Выборгской стороны, было, по словам И. Мильчика, ближе всего знавшего обстановку на заводе Эриксона, «настолько единым», что «руководящие группы» рабочих «без предварительного сговора вынесли однотипное решение: бастовать и выходить на улицу, снимать другие заводы». Даны были лозунги: «Долой самодержавие!», «Долой войну!», «Требуем хлеба!». Рабочие ораторы инструктировали товарищей, как вести себя на улице. В качестве целей называли свержение самодержавия, в котором видели «основную причину всех народных бедствий», а также прекращение войны. Ораторы предостерегали против «соблазна громить лавки», чтобы «не потопить в погромах» политические цели движения, призывали назавтра в обычный час приходиться на заводы, но к работе не приступать⁹.

Как указывалось в «записке о происшествиях»¹⁰, движение на предприятиях Выборгской стороны и забастовки на них начались с 9 часов утра, а выход рабочих на улицу — около часа дня. И. И. Мильчик же утверждает, что рабочие заводов Эриксон и Новый Лесснер вышли на Сампсониевский проспект около 11 часов.

На улицах появились красные флаги и революционные лозунги, останавливались под влиянием женщин «мужские предприятия». За воротами Металлического завода на Безбородкинском проспекте стояла колонна работниц фабрики «Гаванера», с которой соединились металлисты. В это же время выходили рабочие Арматурного завода, заводов «Промет», «Розенкранц» и «Феникс». Образовался мощный поток демонстрантов, устре-

мившийся к мосту Александра II (Литейному), чтобы попасть в центр города. У трактира Казнова на Безбородкинском проспекте возник импровизированный митинг, на котором одна из участниц «снятия» с работы Металлического завода заявила: «Мужчины, что вы молчите? наших мужей на фронте бьют, а мы здесь день и ночь маемся. Довольно терпеть. Объявим всеобщую забастовку». Затем заговорила другая женщина, по-видимому, из очереди: «Тяжелее нашей женской доли нет: или работай, или стой в очередях, а кормить семью не знаешь чем. Дети мрут, мы недосыпаем, когда же все это кончится? Давайте настойчиво требовать улучшения жизни»¹¹.

Прохожие останавливались, лавочники закрывали лавки. При одной из встреч с казаками, описанной И. Мильчиком, толпа стала неуверенно приближаться к ним, «инстинктивно, безо всяких указаний, не выбрасывая лозунгов «Долой войну», «Долой самодержавие», с возгласами: «мы голодны», «мы вышли требовать хлеба»». Казакам предлагали курево, женщины убеждали их не мешать шествию, говоря: кончим войну и вы поедете домой. Демонстрация повернула на Нижегородскую ул. После происшедшего тут слияния с колоннами Металлического завода, завода Розенкранца толпа насчитывала, как считает И. Мильчик, тысяч около 15-ти.

Городовые пытались воспрепятствовать шествию. Как бы в ответ на это недалеко от завода «Новый арсенал» народ стал громить булочную и мелочную лавку, а на площади у Финляндского вокзала при попытке разогнать направляющуюся на вокзал толпу был избит младший помощник пристава Гротгус¹². В хронике февральских дней, составленной А. И. Ульяновой-Елизаровой и М. И. Ульяновой по горячим следам событий и напечатанной в «Правде» под заглавием «Ход событий» сейчас же после возобновления выхода газеты¹³, отмечено, что на сахарном заводе Кенинга полиция пробовала было вмешаться, но отступила под градом камней. Были схватки и в других местах. По данным Балка, при попытке воспрепятствовать толпе ворваться на Невскую бумагопрядильную фабрику пострадал околоточный надзиратель Смирнов. Прекратилось трамвайное движение через Сампсониевский мост и на Сампсониевском проспекте, 85 поездов вернулись в Петроградский трамвайный парк. На углу Нижегородской ул. и Финского переулка старший помощник пристава Каргельс был ранен при задержании рабочего, отнявшего ключ у вагоновожатого (таким способом останавливали трамвайное движение и в других местах). По сведениям полицейской сводки, около 1 часа дня движение охватило весь Выборгский район. «Забастовщики, — говорилось в ней, — энергично разгоняемые нарядами полиции, рассеиваемые в одном месте, вскоре собирались в других, проявляя в этом особое упорство»¹⁴.

Часть демонстрантов решила направиться к Невскому проспекту, «сняв» по пути Орудийный завод, другие устремились на Симбирскую ул. «снимать» Арсенал, который как военное предприятие продолжал работу. Арсенальцы работу бросили, но к толпе не присоединились и разошлись по домам. «Сняты» были также 4000 рабочих Патронного завода. У пустых заводов были выставлены пикеты, чтобы не допустить на них ночные смены.

Около 4000 рабочих-выборжцев по Сампсониевскому мосту отправились на Петроградскую сторону, но на углу Большой и Малой Дворянских улиц были рассеяны нарядом конных городовых. Часть толпы успела пройти на Троицкую площадь, где, по сообщению полицмейстера полковника Н. П. Спиридонова, была разогнана конными городовыми под его начальством. При этом за подстрекательство толпы к неисполнению требований полиции был задержан крестьянин Петр Утан¹⁵.

Балк пишет, что получил сведения о начале движения на Петроградской стороне около 12 часов дня, в хронике «Ход событий» указывается, что «часа в 3 дня весь район заволновался». В донесениях приставов находим сообщения о том, что в 2 часа 45 мин.

толпы рабочих, преимущественно подростков, «сняли» картонажную фабрику «Киббель» на Большой Ружейной ул. и пытались сделать это на трубочном заводе и фабрике конторских книг «Ф. Кан» (Кронверкская ул., 7 и 21). Около 3 часов на Большом проспекте, 61 очередь разгромила известную в городе булочную Филиппова и масса женщин двинулась по направлению к булочной «Пекарь» на Каменноостровском проспекте. Там заявили, что хлеба нет, и только железные шторы спасли булочную от разгрома. Городовые не вмешивались, говоря: «Нам своя жизнь дороже». Согласно полицейской сводке, до 4-х часов дня нарядам полиции, охранявшим мосты и набережные, удавалось не допускать рабочих с Выборгской стороны на другую сторону Невы, но около этого часа часть рабочих по одиночке перешла по мостам и по льду в разных местах на левый берег. Сосредоточившись на прилегающих к набережной улицах, рабочие сумели почти одновременно прекратить работу на некоторых заводах и провести на Литейном и Суворовском проспектах демонстрации, которые полиции удалось разогнать, — указывалось в полицейской сводке¹⁶. Донесения приставов дают возможность изложить это более подробно. Около 5 часов дня толпа человек в двести подошла к запертым воротам оружейного завода (Литейный пр., 3) и, сорвав засов, ворвалась в раздевальную. Полицейский надзиратель Шавкунов, вынув шашку и револьвер, заставил толпу отхлынуть. Но, — в противоречие с этим говорилось в сводке, — часть ее проникла в мастерские и «сняла» рабочих числом в 1900 человек. При уходе толпы из раздевальной было похищено 10 пальто и разбито 20 стекол. Одновременно участники движения проникли со стороны Шпалерной улицы в мастерские гильзового отдела завода и сняли с работы около 3000 женщин, другие — числом до 200 человек — пытались попасть на завод через ворота на Сергиевской ул., но были встречены полицейским надзирателем Волковским с шашкой и револьвером и городовым Коваленко. Толпа отхлынула и с криками: «хлеба, хлеба!» направилась по Литейному проспекту. Она была рассеяна конной полицией под руководством полицмейстера полковника М. П. Шалфеева. Но около часа спустя рабочие образовали на Литейном тысячную толпу, которая направилась к Невскому, держась наравне с разъездом из 15 казаков во главе с офицером. Только тогда, когда у дома № 59 толпа была остановлена полицией, казаки рассеяли ее. При этом «за демонстративный отказ расходиться» был задержан рабочий Путиловского завода Александр Ядринцев, 23 лет.

На Суворовском проспекте около половины седьмого собралась толпа, двигавшаяся к Невскому. Наряд полиции, высланный из 1 участка Рождественской части, лишь шел за ней. По пути она останавливала трамваи и громила лавки и магазины, причем из овощной лавки Соколова было расхищено товара и выручки на 75 руб. Около Знаменской площади и Пушкинской улицы, выйдя на Невский, участники движения продолжали останавливать трамваи, иногда разбивая в них стекла. Сосредоточение рабочих с остановкой трамвайного движения на Инженерной и Садовой улицах и на самом Невском проспекте в хронике «Ход событий» также приурочивалось к 4 часам¹⁷. Донесения приставов относят это к 4–5 часам.

Однако на самом деле центр города выглядел необычно с самого утра еще до появления в нем рабочих. Снова обратимся к дневнику градоначальника Балка. По сути дела этот важный для нас источник — не дневник, а мемуары, написанные автором в эмиграции в югославском городе Сараево. Балк датировал их 23 мая 1923 г. (очевидно, это дата их завершения). Мемуарам своим Балк придумал, однако, дневниковую форму, возможно, используя при этом какие-то дневниковые записи, хотя и без упоминания об этом¹⁸. Запись, датированная 23-м февраля, начинается словами: «На это число никаких злоеших указаний не было». «В 10 часов утра, принимая доклады у себя в кабинете, — писал Балк, — стал получать по телефону сведения об оживленном движении на Литейном и Троицком мостах, а также по Литейной ул. и Невскому проспекту. Быстро выяснилось,

что движение это необычное, — умышленное. Притягательные пункты: Знаменская площадь, Невский, городская дума. В публике много дам, еще больше баб, учащейся молодежи и сравнительно с прежними выступлениями мало рабочих. Колесное и трамвайное движение — нормальное. К 12 часам дня донесли о таком же движении на Петроградской стороне по Большому и Каменноостровскому проспектам. Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам, оживленно разговаривала, смеялась и часам к двум стали слышны заунывные подавленные голоса: хлеба, хлеба... И так продолжалось весь день всюду. Толпа как бы стонала: «хлеба, хлеба». Причем лица оживленные, веселые и, по видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста»¹⁹.

Нарисованная Балком почти веселая картина не совпадала с другими дошедшими до нас описаниями сцен «хлебного бунта». Вот одно из них: «Это было жуткое зрелище: толпа женщин, девчонок, подростков-мальчишек и старух, мирно стоявшая в очереди перед хлебной лавкой, вдруг, как один человек, соскочила с тротуара на мостовую, и громкие крики, смешанные с рыданиями и проклятиями, наполнили пустынную тонущую в белом снежном тумане раннюю улицу.

— Хлеба! Хлеба! — пронзительно кричала, прерывая крики рыданиями, костлявая высокая женщина с ребенком на руках»²⁰.

«О создавшемся совершенно неожиданным положением» Балк сделал доклад Хабалову, в результате чего в распоряжение градоначальника были даны 9-й запасной кавалерийский и 1-й Донской казачий Ермака полки. 9-й полк помещался в казармах поблизости от Таврического полка. Командовал им полковник Мартынов. Донской казачий полк после пополнения только что прибыл в Петроград. Командовал им полковник Троилин, который впоследствии, при Деникине, стал ростовским градоначальником. Казаки были поставлены при полицейских нарядах в определенных пунктах города, а 9-му полку Балк приказал очищать от публики тротуары на Литейном и Невском. В три часа он отправился в объезд по городу и поначалу остался очень доволен тем, как выполнялось его распоряжение. «Кавалеристы действовали энергично и разумно: спокойно въезжали на тротуары и требовали от публики не останавливаться и расходиться в боковые улицы», — писал Балк. Но незаконное и бессмысленное распоряжение, требовавшее запрета хождения по тротуарам, разумеется, прямо толкало публику на проезжую часть улицы и лишь затрудняло кавалерийские разъезды. «Их слушались, — продолжал Балк, — но как только разъезд удалялся, сейчас же опять заполняли и сгущались на тротуарах, шли медленно, спокойно, тихо и заунывно повторяя: хлеба, хлеба. На Невском на моих глазах публика бросилась с тротуаров на середину улицы и стала группироваться против Городской думы. Наряды полиции тщетно уговаривали разойтись. Толпа все больше росла и шумела»²¹. Между тем у Казанского собора Балк увидел полусотню конных казаков во главе с офицером, «безучастно смотревших по сторонам». Выйдя из автомобиля, он подошел к офицеру и, назвав себя, приказал карьером прибыть к толпе у Городской думы и разогнать ее, не употребляя оружия. Совсем молодой офицер подал команду «вялым голосом». И хотя казаки двинулись, Балк сам крикнул: «карьер». «Офицер перевел свою лошадь на “ходу”, казаки тоже, — писал Балк, — но чем ближе приближались к толпе, тем медленнее был аллюр и, наконец, совсем остановились. Толпа заревела от восторга, но не надолго. Из Казанской улицы вылетел галопом разъезд конной полиции и устремился на толпу. Мгновение — и все разбежались».

Эпизод этот служил предзнаменованием того, что полицейские силы окажутся без поддержки со стороны казаков и солдат. Но в тот момент он, по-видимому, несколько приободрил Балка. По приезде в градоначальство он вновь стал анализировать происходящее. Наряду со сведениями о том, что на отдаленных улицах «группы хулиганов и подростков» останавливают извозчиков и грузовики, градоначальнику было доложено: «За-

воды работают. Красных флагов нигде не замечалось; агитаторов и руководителей беспорядков тоже не видно»²². К фразе о заводах он приписал, что по официальным донесениям в 50-ти фабрично-заводских предприятиях забастовало 87 530 человек. Это были данные участковой полиции, охранное отделение давало другие цифры — 143 предприятия с 78 443 рабочими²³.

Однако данные донесений приставов были, как мы знаем, для властей куда более мрачными. Очевидно, эти донесения были значительно полнее тех сведений, которые градоначальство получало с мест в течение дня. «В итоге дня, — писал Балк, — причина народного движения непонятна. Ни департамент полиции, ни Охранное отделение на мои запросы не могли указать мотивы выступления. При вечернем докладе начальник Охранного отделения генерал-майор Глобачев не имел сведений, объяснявших случившееся. Не исключалась случайность. Хорошая погода тоже сыграла роль»²⁴.

В 11 часов ночи в большом зале градоначальства по инициативе Балка состоялось заседание под председательством Хабалова. Как и те заседания, на которых разрабатывались планы подавления ожидавшихся массовых выступлений²⁵, и это заседание было неофициальным, чисто служебно-полицейским. По самому его характеру и составу участников оно не должно было и не могло обсуждать политическую сторону дела. А ею не занимался ни Совет министров, ни какой-либо другой правительственный орган. В заседании в градоначальстве участвовали начальник штаба военного округа генерал-майор М. И. Тяжелников, полковник В. И. Павленков, заменявший уехавшего на отдых в Кисловодск командира гвардейских запасных частей ген. А. Н. Чебыкина (Балк подчеркивал особую популярность Чебыкина в гвардии, как бы давая понять, что если бы не его отсутствие, дело могло принять другой оборот), командиры 9-го запасного кавалерийского полка полковник Мартынов, казачьего — полковник Троилин, начальники военных районов, установленных еще до 14 февраля, адъютант Хабалова лейб-гвардии Финляндского полка поручик Мацкевич, ген. К. И. Глобачев, командир жандармского дивизиона генерал-майор М. И. Казаков, полицмейстеры действительные статские советники Г. А. Значковский и В. Н. Мораки, генерал-майор Г. Н. Григорьев, полковники Н. П. Спиридонов, М. П. Шалфеев, А. Б. Пчелкин, начальник резерва подполковник В. В. Левисон, начальник сыскного отделения старший советник Кирпичников, начальник речной полиции генерал-майор Наумов, секретарь градоначальника А. А. Кутепов и все чины, состоявшие для особых поручений при градоначальнике. Ознакомив участников заседания с событиями дня, Балк для себя самого установил лишь, что казачий полк бездействовал во всех случаях. Полковник Троилин, по словам Балка, «очень симпатичный и выдержанный человек», объяснил бездействие своих подчиненных тем, что полк только что пополнен, казаки неопытны в обращении с толпой и могут действовать только оружием, и лошади у них не приучены к городу. Когда же один из начальников военных районов спросил, почему казаки не разгоняли толпу нагайками, оказалось, что нагаек в полку нет. И Хабалов распорядился немедленно отпустить по полтиннику на казака для обзаведения нагайками.

Решено было назавтра войскам быть в готовности занять соответствующие городские районы, т. е. стать в так называемое третье положение. Охрана города была оставлена на ответственности Балка, и он тут же отдал приказание о том, чтобы завтра «все ответственные пункты города» были заняты с помощью мобилизации всей полиции, усиленной казачьими и кавалерийскими запасными полками и жандармским дивизионом. Речной полиции поручалась охрана переходов через Неву. Все это было сделано утвержденным царем ноябрьским планом²⁶.

«По окончании заседания, — писал Балк, — разошлись все в спокойном настроении. У военных была полная уверенность, что при вызове войск порядок будет немедленно

но водворен. При прощании ген. Глобачев еще раз доложил мне, что для него совершенно непонятна сегодняшняя демонстрация и возможно, что завтра ничего и не будет»²⁷.

Между тем член ПК и Выборгского райкома большевиков И. Д. Чугурин «в своем замасленном большом пальто, никогда не застегивавшемся», бегал этим вечером по заводам и квартирам, собирая заседание Выборгского райкома. По словам Н. Ф. Свешникова, заседание должно было состояться в Языковом переулке у Марии Серяковой, но так как комната была мала, и хозяйка ненадежна, была найдена другая квартира у Александрова в Головинском переулке. Хотя пришлось вести участников от одной квартиры к другой, заседание было многочисленным. Присутствовал весь райком, представители почти всех крупных предприятий района, члены ПК, Бюро ЦК. Свешников запомнил А. К. Скороходова, И. Д. Чугурину, К. И. Шутко, П. А. Залуцкого, П. А. Алексева, С. С. Лобова, В. Н. Нарчука, И. Ф. Антюхина, А. П. Ефимова²⁸. «В этот вечер мы обсуждали создавшееся положение, нами было учтено то обстоятельство, что при желании публики завтра начать снова забастовку, мы удерживать ее не будем. После такого решения, для того чтобы забастовка прошла активнее, мы стали предлагать, чтобы все рабочие шли на другие заводы и агитировали за то, чтобы и они пристали к забастовке. Так было сделано», — писал Чугурин, добавив, что решено было призвать массу идти на Невский, а не к Государственной думе²⁹. В изложении Свешникова эти решения выглядят более определенными — усиление связи и агитации среди солдат, приобретение оружия, продолжение забастовки, устройство 24 февраля демонстрации на Невском. Рекомендовано было с утра приходить на предприятия, но к работе не приступать, а провести летучее собрание с тем, чтобы вывести рабочих на демонстрацию против войны к Казанскому собору³⁰.

И. Мильчик в сущности подтверждает сообщения об этих решениях, говоря о них как о программе на завтра, принятой вечером 23 февраля рабочими. Она состояла, по его словам, в том, чтобы продолжать выходить на улицу, оказывать вооруженное сопротивление мобилизуемой полиции, переходить, где можно, в нападение, снимать по другим районам еще работающие заводы, усилить агитацию против погромов. Лозунги, — писал И. Мильчик, — сохранились прежние, двигаться рекомендовалось прямо в центр, на Невский³¹.

Довольно подробное обоснование позиции Русского бюро ЦК РСДРП, как она проявилась в решениях 23 февраля, оставил в своих работах А. Г. Шляпников. Исходных ее пунктов было два, ими служили вопросы о вовлечении в революционную борьбу солдат и о вооружении рабочих. Они были тесно связаны между собой, так как создание боевых дружин рабочих могло способствовать натравливанию на них солдат. Поэтому тем партиям, которые ставили вопрос о вооружении для отпора полиции, рекомендовалось взять казармы и таким образом приобрести оружие, которого, — заметим от себя — у партийных органов не было. Охлаждающий характер этой рекомендации был несомненен. Что касается солдат, то, по словам Шляпникова, большевистский центр, имея кое-какие сведения о планах властей использовать солдат против народа, рассчитывал на отказ солдат от участия в подавлении — «может быть, не сразу, может быть, дорогой ценой, ценой крови пролетариев». «Начавшееся 23 февраля движение в тот день мы не считали еще началом решительного наступления на царский трон, — писал Шляпников. — Но учитывая объективные условия — резкое ухудшение экономического положения рабочих, недовольство войной, недовольство буржуазии неудачами войны, а также все растущую хозяйственную разруху и разгул реакции, мы допускали возможность революционного урагана даже от незначительного толчка. Поэтому движение 23-го было встречено нами со всей осторожностью, внимательностью, и всем организациям была дана директива развивать движение, не ограничивать его каким-либо сроком, как это было в ходу в те времена»³². Обязательного значения директива поэтому явственно не имела.

К вечеру толпы на улицах схлынули. В «записке о происшествиях» указывалось, что в районе Выборгской части порядок был восстановлен к 7 часам. Однако по донесениям приставов в половине восьмого на Лесном проспекте группа рабочих опрокинула трамвайный вагон. В 9 часов рабочие собрались у Арсенала, чтобы не допустить на работу ночную смену. При появлении полиции они ушли, но рабочие ночной смены разошлись по домам. А на Петроградской стороне около 7 часов 1500 рабочих литейного завода «Вулкан» подошли к механическому заводу 1-го Российского товарищества воздухоплавания (он назывался еще заводом Щетинина) на Корпусной улице и стали ломиться в ворота. Полицейский надзиратель Башев (по другим сведениям, Батов) с револьвером в руках требовал, чтобы манифестанты разошлись, однако был побит, револьвер у него отняли, завод был остановлен.

А Шляпников, под вечер отправившийся в город с квартиры Бюро ЦК (Сердобольская, 35), принадлежавшей супругам Д. А. и М. Г. Павловым, вспоминает, что на Литейном мосту стояла полиция, продолжая не пропускать в центр города рабочих. «Каждый трамвай останавливался, — писал Шляпников, — и все ехавшие подвергались осмотру. В вагон трамвая входил околоточный надзиратель и пара городских. Они обходили пассажиров и каждого осматривали. Если одежда ехавшего или его руки свидетельствовали о его рабочем происхождении, то такого пассажира немедленно высаживали и возвращали назад. Возражавшим или протестовавшим угрожали немедленным арестом ... по пути виднелись патрули городских. По Невскому проспекту разъезжали конные городовые. Пешие городовые охотились за отдельными рабочими, появлявшимися на Невском проспекте»³³.

Можно предположить, что эта охота на рабочих была одной из тех последних капель, которые переполнили чашу рабочего терпения, тем более, что полиция ошибалась (как впоследствии иногда и советская историография), считая движение чисто пролетарским: на Невском проспекте и прилегающих к нему улицах было много активно выступавшей публики различного толка.

Росту воинственного настроения рабочих способствовало и закрытие в этот день Путиловской верфи по распоряжению администрации с объявлением расчета рабочим.

Но, как бы то ни было, к вечеру город, казалось, успокоился. У ворот собирались кучки женщин, обсуждавших события. Открылись чайные. Появились подвыпившие обыватели. В ночь с 23-го на 24-е было разгромлено несколько табачных лавок и магазинов готового платья³⁴.

Балк завершил раздел своего дневника, посвященный 23 февраля, словами: «Ночь прошла совершенно спокойно»³⁵. В этом сказалось, вероятно, то обстоятельство, что он обольщался насчет будущего. Однако гораздо удивительнее другое: подавляющее большинство оставивших свои свидетельства не участников, а наблюдателей Февральских событий вовсе как бы не заметили того, что произошло в первый их день, или не придали этому значения. Так, офицер генерального штаба Э. А. Верцинский, уверяет, что был 23-го у начальника штаба округа ген. М. И. Тяжельникова и никаких тревожных разговоров не было³⁶. Деятель городского общественного управления Д. И. Демкин вспоминал, что особое движение на улицах было заметно лишь с 24 февраля³⁷. Еще дальше идет князь С. П. Мансырев, утверждающий, что и в последующие три дня событий в городе многие как бы не замечали, не сознавая или игнорируя их характер. «Волнения в Петрограде, — писал Мансырев, — как известно, начались 23 февраля, но насколько помню, ни в широких думских кругах, ни в обществе им особенного значения не придавали. Нормального хода жизни они не нарушали... Так, 24-го я был в заседании «общества помощи военнопленным», разговор был все время сосредоточен на подготовке приближавшегося общего собрания, а утром на улицах была стрельба [возможно, что речь идет о каком-то единич-

ном случае, в целом же 24-го стрельбы еще не было. — Р. Г.]. 25-го, сообщал Мансырев, в одном из политических салонов обсуждался вопрос о Триесте и Фиуме, «а 26-го, менее чем за 12 часов до революции, было мирное собрание членов «Общества славянской взаимности», где читался годовой отчет и происходили выборы совета... О событиях почти ни слова... В 11 часов утра 27 февраля было назначено очередное заседание бюджетной комиссии [Государственной думы. — Р. Г.] по рассмотрению сметы тюремного управления»³⁸.

К этим трагикомическим обстоятельствам, относящимся ко всем первым революционным дням, нам предстоит еще обратиться. Пока же, возвращаясь к 23 февраля, отметим, что Государственная дума посвятила в этот день большую часть своего времени обсуждению продовольственного вопроса. А. И. Шингарев заявил, что министру земледелия А. А. Риттиху с призывом о единении следовало бы обратиться не к Думе, а к Совету министров, а сам, поддержанный другими ораторами, призвал всех, кто может, выпустить на рынок все хлебные запасы. С этим Риттих согласился, что же касается остального, сказанного Шингаревым, то он объявил это сведением личных счетов. Остальные ораторы по продовольственному вопросу высказались против твердых цен на продовольствие. Несмотря на разногласие между правыми и левыми представителями прогрессивного блока, в их речах были точки соприкосновения по вопросу о тесной связи между продовольствием и полицией, — отметил составитель хроники «первые дни Февральской революции» Н. Авдеев³⁹. Как видим, и в Думе дыхание начавшейся революции еще почти не ощущалось. Это относилось и к Совету министров. Министр иностранных дел Н. Н. Покровский вспоминал, что в четверг, 23-го, и особенно в пятницу «стали ходить слухи о сильных беспорядках на заводах в связи с продовольственными затруднениями»⁴⁰. Не более того. Протопопов ни 23-го, ни даже 24-го не счел нужным сообщить о событиях в Петрограде ни царю в Могилев, ни царице в Царское село⁴¹. Служащий Петроградского отделения американского Нэйшнл Сити бэнк Лейтон У. Роджерс пишет о четверге, который он ошибочно считает 24-м, а не 23-м февраля, как о «голодном, но спокойном дне, несмотря на нараставшее возбуждение»⁴².

С другой стороны, в нескольких источниках мы находим сведения о том, что не только 23-го, но и в предыдущие дни в Петрограде происходили также события, которые давали основания говорить о начинавшейся революции. Н. Суханов услышал это слово 21-го в разговоре о продовольственных трудностях, о скандалах в очередях, о волнениях среди женщин и о попытке разгрома лавки. Разговор этот вели между собой две барышни-машинистки в одном из управлений Министерства земледелия, где он, несмотря на нелегальное положение, под своим собственным именем работал в качестве экономиста⁴³. «В следующие дни, — в среду и четверг, 22–23 февраля, уже ясно определилось движение на улицах, выходящее из пределов обычных заводских митингов, — писал он. — А вместе с тем обнаружилась и слабость власти. Пресечь движение в корне — всем аппаратом, налаженный десятилетиями, — уже явно не удавалось. Город наполнялся слухами и ощущением “беспорядков”. По размерам своим, такие беспорядки происходили перед глазами современников уже многие десятки раз. И если что было характерно, то это именно нерешительность власти, которая явно запускала движение. Но были “беспорядки”, революции еще не было. Светлого конца еще не только не было видно, но ни одна из партий в это время и не брала на него курса, стараясь лишь использовать движение в агитационных целях»⁴⁴.

Вероятно, привычка к «беспорядкам», о которой пишет Н. Суханов, и привела к тому, что грань между событиями, происходившими до 23-го, и теми, которые начались в этот день, оказалась размытой в памяти и двух других современников, хотя они и были профессиональными журналистами. Е. П. Семенов в «Дневнике журналиста: Февральские и

мартовские дни 1917 г.» писал: «День 19 февраля, несомненно, должен быть отмечен как перелом в настроении мирного до того населения. “В хвостах”, на улице, везде стали уже слышаться угрозы и проклятия по адресу правительства. С 21-го февраля начали распространяться по городу слухи о разгромленных лавках сначала на Петроградской стороне, а затем и в других кварталах города»⁴⁵. Он утверждает даже, что «мирные манифестации толпы, требовавшей “хлеба”», происходили уже 22-го. Эти сведения, собственно, повторяет и Адриан Полли⁴⁶. Полицейские документы их, однако, не подтверждают, единогласно указывая в качестве дня начала движения 23-е. И хотя многими в Петрограде события этого дня не были замечены, политически искушенные сторонники царского режима именно в них увидели грозный для него смысл.

Вот сцена в аристократическом Английском клубе вечером 23-го в описании одного из присутствовавших — В. К. Коростовца, чиновника Министерства иностранных дел, впоследствии много лет интенсивно занимавшегося публицистической деятельностью в эмиграции. Он сидел за обедом рядом с Н. А. Маклаковым, который в возбужденном тоне излагал князю Н. Е. Туманову (Коростовец считал его командующим военным округом, но на самом деле в это время округом командовал сменивший его Хабалов) свой план действий. Он состоял в том, чтобы немедленно положить конец всем революционным приготовлениям и успокоить население раздачей по дешевой цене всего хлеба из городских и государственных запасов. За то время, на которое этих запасов хватило бы, Маклаков предлагал вывести из столицы в разных направлениях большую часть гарнизона, поскольку в его составе были рабочие в солдатских шинелях, а затем арестовать «революционных вожаков» и «принять все возможные меры, чтобы прибрать к рукам непокорную столицу». «Без этого, — заключил Маклаков, — поверьте мне, все опрокинется, и меня, как и Вас, князь, повесят на первом же фонарном столбе»⁴⁷.

«В этот момент, — продолжал Коростовец, — вошел Протопопов с бегущими глазами и бормочущий что-то себе самому. Даже в этом кругу люди избегали садиться поблизости от него, в нем видели злой дух времени. Только Штюрмер сел за ним в величественном молчании. Обед продолжался в тишине и без столкновений как-будто все присутствовавшие помнили, что вряд ли правильно упоминать о веревке в доме повешенного. Но за кофе начался возбужденный разговор, пересказывали слухи о разгромах булочных во многих частях города, о марше казаков по Невскому под дружественные приветствия населения»⁴⁸. Можно ли видеть в застольном монологе Н. А. Маклакова косвенное подтверждение существования у властей провокационного плана вызвать массы на выступление с тем, чтобы решительно его подавить?

О существовании такого плана властей говорили и писали и сразу по следам февральских событий, и позже. По-видимому, однако, такой план принят не был, и Маклаков досадовал по этому поводу.

Примечания

- 1 См. археографический и историографический обзор в предисловии к сборнику документов и материалов «Февральская революция 1917 г.» / Составитель, автор предисловия и примечаний О. А. Шашкова. Отв. редакторы А. Д. Степанский, В. И. Миллер. М., 1996.
- 2 *Рябов Н. Ф.* Долой царя! // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 — февраль 1917 г.) / Сост. Р. Ш. Ганелин, В. А. Уланов Л., 1986. С. 263.
- 3 *Балк А. П.* Последние пять дней царского Петрограда (23–28 февраля 1917 г.). Дневник последнего петроградского градоначальника. / Публ. Р. Ш. Ганелин, А. Ю. Гурьянов // Сумерки. № 13. IX–XII. 1991. СПб. С. 133.
- 4 Февральская революция в документах // Пролетарская революция. 1923. 1 (13). С. 288.
- 5 *Балк А. П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 133–134.
- 6 Пролетарская революция. 1923. 1 (13). С. 293–294.

- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 135. Существовала тенденция объяснить перебои в хлебной торговле распоряжением Балка, сделанным им хлеботорговцам по приказанию Протопопова. Оно состояло в том, чтобы они не выпекали хлеба больше указанной нормы, которая была недостаточной. Поэтому де в лавках была мука, а хлеба не было (*Полк. Г. П. Перетц*. В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля — 23 марта 1917 г. Изд. 2-е. Петроград. 1917. С. 11).
- 9 *Мильчик И.* Рабочий февраль. М.; Л., 1931. С. 60–62.
- 10 Такая записка составлялась секретным образом для рассылки приставам по поручению Балка с 1 декабря 1916 г. Последний ее выпуск, помеченный 24-м февраля 1917 г., содержал сведения о событиях 23 февраля (*Акаемов Н. Ф.* Агония старого режима // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. 6).
- 11 *Рябов Н. Ф.* Долой царя! С. 263–264.
- 12 Там же; *Балк А. П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 160.
- 13 Ход событий // Крушение царизма. С. 223–236. При составлении хроники был частично использован второй номер «Осведомительного листка» Русского бюро ЦК РСДРП, который был, по словам А. Г. Шляпников, закончен им 26 февраля и распространялся 27-го и 28-го (*Шляпников А. Г.* Семнадцатый год. Кн. 1. Изд. 2-е. М. Б. Г. С. 241).
- 14 Февральская революция в документах. С. 289.
- 15 Мы пользуемся обзором донесений приставов за 23 февраля (*Акаемов Н. Ф.* Агония старого режима. С. VIII–XI).
- 16 Февральская революция в документах. С. 289.
- 17 Крушение царизма. С. 227.
- 18 В настоящем дневнике вряд ли были бы возможны такие ошибки, как отнесение ранения полк. Шалфеева, полученного им 25 февраля, к 24-му, а визита Балка к нему в клинику — к утру 25-го. Впрочем, мемуарист, по-видимому, сам заметил это, зачеркнув текст о первом факте (хотя и восстановив его) и отчеркнув фразу о втором (*Балк А. П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 138–139). Впрочем, ошибки такого рода носят единичный характер.
- 19 *Балк А. П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 133.
- 20 З. [Предположительно Ефим Зозуля — Р.Г.] Что запомнилось. Февральские дни в Петрограде // Огонек. 1925. 15 марта. № 12 (103).
- 21 *Балк А. П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 134.
- 22 По донесениям приставов, на заводах было всего два случая неприсоединения к движению, но оба они не давали Балку оснований для оптимизма. Около 5 часов тысячная толпа рабочих направилась по Большеохтинскому проспекту к заводу морского ведомства и потребовала прекращения работ, ремонтно-механическая мастерская не примкнула к забастовке, и в ней были разбиты окна. Находившийся на заводе караул из 14 человек от 86 пешей вологодской дружины ни во что не вмешивался. Около 6 часов в механической мастерской Франко-русского завода (Наб. р. Пряжки, 17) собрался трехтысячный митинг, обсуждавший вопросы о недостатке хлеба и выступлении против правительства. Решение было отложено, и рабочие разошлись, когда прибыла для охраны завода рота Кексгольмского полка. Но завод забастовал еще накануне.
- 23 Публикуя сводку с этими сведениями, А. Г. Шляпников отметил неполноту списков бастовавших в этот день предприятий. В них в частности отсутствовал Путиловский завод, вместе с верфью насчитывавший 32 000 чел. (Февральская революция в документах. С. 289).
- 24 *Балк А. П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 134.
- 25 *Ганелин Р. Ш.* После Распутина // Историк и революция. Сб статей к 70-летию со дня рождения О.Н.Знаменского. С-Пб. С. 117–135.
- 26 «План охраны столицы, а также инструкция совместных действий войск и чинов полиции были выработаны мною при полном согласии с военным начальством еще в ноябре месяце, — писал по этому поводу Балк. — Секретная инструкция была отпечатана в типографии Градоначальства и всем, кого она касается, разослана. Министр двора барон Фредерикс доложил об этом государю. Государь заинтересовался и рассмотрел внимательно план Петрограда, на котором в красках были нанесены места расположения войск и чинов полиции до вступления войск в третье положение. Остался вполне доволен, но заметил, что в случае если народ устремится по льду через Неву, то никакие наряды его не удержат, что и оправдалось впоследствии» (*Балк А. П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 136. Данное курсивом вписано им в вариант дневника, хранящийся в Бахметьевском архиве, см. вступит. статью Р. Ш. Ганелина и А. Ю. Гурьянова).
- 27 Там же.
- 28 *Свешников Н. Ф.* Отрывки из воспоминаний. С. 233.
- 29 *Чукурин И. Д.* Из автобиографии. С. 253.
- 30 *Свешников Н. Ф.* Отрывки из воспоминаний. С. 233–234.
- 31 *Мильчик И.* Рабочий февраль. С. 66–67.
- 32 *Шляпников А. Г.* Февральские дни в Петербурге // Пролетарская революция. 1 (13). С. 82.
- 33 Там же. С. 81. О выискивании полицией рабочих в шедших в центр трамваях сообщает применительно к 24 февраля и Т. К. Кондратьев (Воспоминания о подпольной работе // Крушение царизма. С. 278).
- 34 *Мильчик И.* Рабочий февраль. С. 65.
- 35 *Балк А. П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 3.

- 36 *Верцинский Э. А.* Год революции. Таллинн, 1929. С. 5.
- 37 *Демкин Д. И.* Петроградская городская дума в первые дни смуты // Русская летопись. Кн. 6. Париж, 1924. С. 145.
- 38 *Мансырев С. П.* Мои воспоминания о Государственной Думе (окончание) // Историк и современник. III. Берлин, 1922. С. 24.
- 39 Пролетарская революция. 1923. 1 (13). С. 21.
- 40 *Ганелин Р. Ш.* Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского ун-та // Отечественная история. 1992. № 5. С. 158.
- 41 Февральская революция в документах. С. 288; Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 206.
- 42 *Rogers Leighton W.* An account of the March revolution, 1917. P. 6. // Коллекция Л. Роджерса в Гуворовском институте войны, революции и мира. США.
- 43 *Суханов Ник.* Записки о революции. Кн. Первая. Пб., 1919. С. 13–14.
- 44 Там же. С. 16.
- 45 Исторический вестник. 1917. Март. С. 2.
- 46 *Polly Adrian.* Der Umsturz der Russischen Kaiserreiches (1917). Nach eigenem Erleben. Berlin, 1919. S. 42–43.
- 47 *Korostovetz V.* Seed and harvest. L. N.d. P. 262.
- 48 Ibid.

М. А. Тумшис, А. А. Папчинский, А. В. Кулыгин

Звезда и смерть Виктора Журавлева

«Прошу освободить меня от работы Наркомом НКВД СССР по следующим мотивам: 1. При обсуждении на ПБ 19.11.38 заявления начальника УНКВД по Ивановской области тов. Журавлева целиком подтвердились изложенные в нем факты...»

Из письма наркома НКВД СССР Н. И. Ежова
от 23 ноября 1938 года в Политбюро ЦК ВКП(б)

Русский философ-эмигрант Г. Г. Федотов как-то заметил, что в политической борьбе слишком привычным стало концентрировать ненависть к врагу, воплощая ее в самом ненавистном типе неприятельского строя. Так русские революционеры воплощали дух самодержавия в жандарме. В свою очередь, противники большевизма представляли типического коммуниста непременно «чекистом», совершенно излишне демонизируя этот образ и наделяя его зачастую какими-то сверхъестественными отрицательными чертами...

Сегодня мы все яснее видим, что и первые чекисты «школы Дзержинского», и их малопривлекательные преемники времен Ежова и Берия не были ни героями, ни чудовищами. И дело не в положительных или отрицательных свойствах их характеров, а в том, что они стали послушными функционерами коммунистической карательной системы, которую они создавали, и которая формировала их самих. А в тоталитарной системе, и особенно в такой военизированной и засекреченной ее отрасли как органы ВЧК—ОГПУ—НКВД, роль личности неизменно стирается и стремится к функции анонимного винтика. Как верно заметил А. Зиновьев: «Система рушит все четкие разграничительные линии и здравые критерии оценок. [...] Она может возвеличить ничтожество и низвести до уровня ничтожества выдающуюся личность, может придать статус эпохальности мелкому событию и обойти молчанием действительно эпохальные события»¹.

Иногда на крутых поворотах ведомственной истории ВЧК—ОГПУ—НКВД, из серой анонимной массы функционеров, на поверхности появляется чье-то лицо и через мгновение снова скрывается с глаз...

Так случилось и с начальником УНКВД по Ивановской области Виктором Павловичем Журавлевым, неожиданно «попавшим в случай» сталинскому Политбюро. «Звездный час» периферийного чекиста, выдвинувшегося на массовых политических репрессиях 1936—1938 годов, настал после его «своевременного» сигнала в адрес Политбюро о подозрительных методах руководства «железного наркома» Ежова, когда Сталин только искал повод для его устранения.

В два—три месяца Журавлев продвинулся на позиции, сулящие головокружительную служебную карьеру — стал начальником УНКВД по Московской области и кандидатом в члены ЦК ВКП(б)...

Но история нашего героя началась далеко от Москвы — в селе Имис Минусинского уезда Енисейской губернии, где в 1902 году он появился на свет в зажиточной крестьянской семье. Настоящее имя-отчество Журавлева — Филипп Филатович², но в 1919 году он по каким-то причинам стал называться Виктором Павловичем. С четырнадцати лет Журавлев начал работать на рыбных промыслах Туруханского края, крестьянствовал на земле отца. Окончив два класса начального училища, в 1917 году он поступил в Минусинскую учительскую семинарию, откуда через год вернулся в родное село.

В 1919 году, после прихода колчаковцев Журавлев ушел в лес к красным партизанам. В свои неполные 17 лет стал командиром взвода, роты партизанской армии Петра Щетинкина. После разгрома Колчака, в 1920 году, был направлен учиться на командные курсы в Омск, вступил в партию. Но военная карьера молодого командира быстро завершилась: в марте 1921 года Журавлева мобилизовали на работу в органы ВЧК³.

Свою чекистскую службу он начал со скромной должности оперативного комиссара Омской губЧК. За 12 лет чекистской работы он не выбился в крупные чины, но прошел все ступени роста: помощник уполномоченного и уполномоченный ОГПУ по Тарскому и Славгородскому уездам, уполномоченный Секретно-Политических отделов (СПО) Хакасского и Барнаульского окрестделов ОГПУ. Лишь в 1933 году Журавлев наконец достиг первой руководящей должности — начальника СПО Томского оперативного сектора ОГПУ, затем работал заместителем начальника и начальником Томского горотдела НКВД⁴. Кажется, была достигнута та планка, выше которой Журавлеву уже было не подняться. Честолюбия и служебного рвения ему было не занимать, но не слишком он вписывался в среду сибирских чекистов тех лет: молод и по возрасту, и по партийному стажу, слишком «размытое» социальное происхождение, да и какая-то неясная история с братьями, якобы раскулаченными в начале 30-х годов.

Но чувство того, что жизнь чего-то недодала, и начальство «затирает» смышленного крестьянского парня, вызывало горечь и обиду.

Некоторые подробности жизни Журавлева и его непосредственного руководителя (начальника Томского оперсектора НКВД) М. М. Подольского сохранились в материалах следственного дела на А. И. Успенского⁵. Последний, работавший в то время заместителем начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю, сообщал, что «...Журавлев и Подольский жили обывательски..., имели квартиры во дворе горотдела и ...свои хозяйства: кур, свиней и другой скот, который обслуживался фельдгерским и кучерским составом горотдела...» Успенский, которого иначе как «кремлевский вельможа» никто в УНКВД за глаза и не называл, был довольно невысокого мнения о Журавлеве, считая его «человеком низкого уровня, для общения неподходящим»⁶. Зато Журавлев и Подольский близко сошлись со вторым заместителем начальника УНКВД по ЗСК А. К. Залпетером, и когда последнего назначили начальником УНКВД по Красноярскому краю, то он активно содействовал переводу Журавлева в Красноярск, заместителем начальника СПО УНКВД края.

Анса Карловича Залпетера⁷, старого чекиста, можно считать тем начальником, который первым способствовал продвижению Журавлева по служебной лестнице. Ясно, что последний и сам обладал теми качествами, которые особо ценил его новый шеф: исполнительностью, деловитостью и крестьянской находчивостью. Журавлев не был тугодумом, бездарностью, или кичливой выскочкой «с амбицией без амуниции». Длительная низовая работа в органах ВЧК—НКВД выработала в нем те качества, которые стали главными в 1937 году: преданность и готовность на все.

Потрясающая наших современников звериная жестокость следователей НКВД существовала не сама по себе, а как неперенный элемент этой готовности: она требовалась для того, чтобы выжить, сохранить то, что есть и подняться еще выше. И почва для такого роста у Журавлева была: при его активном участии в крае проводились массовые аресты местной партийно-советской номенклатуры, «бывших людей», членов различных антисоветских партий (эсеров, кадетов, анархистов, меньшевиков), священников, учителей, железнодорожников, колхозников и рабочих. О свирепой жестокости тех дней говорит такой факт: «...во дворе Канской тюрьмы расстреляли около 500 человек и тут же во дворе закопали... Когда убитые не вмещались в яму, рубили их шашками на куски, чтобы было плотнее...»⁸.

Бурная деятельность Журавлева в Красноярске по «выявлению врагов народа» не осталась незамеченной, тем более, что продвижения по службе своего протеже добивался А. К. Залпетер, ставший начальником 2-го (Оперативного) отдела ГУГБ НКВД СССР. После непродолжительного пребывания в Москве, в октябре 1937 года Журавлев выезжает в Куйбышев в качестве представителя Наркомвнудела СССР в комиссии ЦК ВКП(б). В столице были недовольны слабым размахом репрессий в Куйбышевской области. Главной «недоработкой» в деятельности областного УНКВД, руководимого И. П. Попашенко, нарком Ежов считал сосредоточение основной тяжести репрессий на среде т. н. «социально-чуждых элементов» (бывших царских чиновниках, жандармах, купцах, кулаках и т. д.)⁹, в то время, как аресты среди партийно-советского руководства области были незначительны.

Первый секретарь обкома партии П. П. Постышев, напуганный своим переводом с поста всесильного 2-го секретаря ЦК КП(б) Украины в один из второстепенных обкомов, «смотрел в рот» начальнику УНКВД, опасаясь проявить в вопросах карательной политики какую-либо самостоятельность. Известную свободу действий Попашенко придавало и то, что он принадлежал к так называемой «северо-кавказской группе» чекистов, занявшей в НКВД СССР руководящие посты. Работая в 1934—1936 годах заместителем начальника УНКВД по Азово-Черноморскому краю, Попашенко установил дружеские отношения с М. П. Фриновским, Н. Г. Николаевым-Журидом, И. Я. Дагиным, В. М. Курским и другими будущими чинами центрального аппарата НКВД¹⁰.

Комиссия ЦК ВКП(б) в составе секретаря ЦК А. А. Андреева, работника аппарата ЦК Н. Г. Игнатъева и Журавлева, имевшая широчайшие полномочия, стала быстро «выкорчевывать вражеское подполье». За короткий срок в области было распушено более 30 райкомов партии, руководство которых было объявлено врагами народа. Среди них оказались — секретари Куйбышевского горкома Сусман и Кутузов, 1-й секретарь Сызранского горкома Соловейко, 1-й секретарь Ульяновского горкома Белов, 1-й секретарь Куйбышевского обкома ВЛКСМ Левочкин и другие.

Напуганный Постышев и сам старался изо всех сил в поисках врагов, не желая отставать от московских визитеров. Как отмечали очевидцы тех событий «у Постышева появился стиль другой. Он везде и всюду стал кричать, что нет порядочных людей, что много врагов...». Несколько недель, например, весь аппарат по приказу Постышева бегал с лупами, выискивая фашистскую свастику на обложках школьных тетрадей, на обертках от печенья и конфет¹¹. К тому же Постышев направил в Москву ряд докладных о преступной деятельности Попашенко. Эти материалы, в той или иной степени перекликались с информацией, поступающей в Центр от Журавлева. Все это стало причиной смещения Попашенко, и лишь заступничество начальника ГУГБ НКВД СССР М. П. Фриновского спасло его от ареста.

После отзыва Попашенко в Москву, с октября 1937 года начальником УНКВД по Куйбышевской области стал Журавлев. За второе полугодие 1937 года в области было

арестовано 11 720 человек, расстреляно свыше 3 000 (основная часть в октябре—декабре).¹² Расстрелы производились в такой поспешности, что расстреливались даже лица, приговоренные к заключению. Лишь в ноябре 1938 года комиссией НКВД СССР был установлен следующий факт: 30 декабря 1937 года расстрелян (приговоренный «тройкой» УНКВД к 10 годам заключения) счетовод из Сызрани П. Е. Ивлев. Он был единственным из двенадцати участников «церковно-монархической организации», кто был осужден к заключению в лагерь (остальные приговорены к ВМН), но на него по ошибке была сделана выписка из протокола «тройки» как на осужденного к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение в тот же день.

В ноябре 1938 года сотрудникам УНКВД была дана уникальная по своей бюрократической запутанности отписка: «указанная ошибка произошла вследствие организационной неслаженности и обезличия ответственности за выполняемую работу при сличении (сверке) оформленных протоколов заседания тройки и выписки из них с подлинными документами (повестками), докладываемыми на тройке...»¹³. Материалы этого инцидента не стали основой для возбуждения уголовного дела в отношении руководства УНКВД, документы просто ушли в архив.

Действия Журавлева поощрялись руководством НКВД в Москве, и по его просьбе область получила расширенные лимиты на производство арестов и расстрелов. На совещании в январе 1938 года Ежов одобрил действия начальников УНКВД, добившихся астрономических цифр репрессированных, и в первую очередь Журавлева. Все огрешности осенней операции в Куйбышеве были свалены на Постышева, который якобы «фактически заставил Журавлева пересадить весь партийный актив области»¹⁴.

В феврале 1938 года В. П. Журавлева переводят на новый ответственный пост — начальником УНКВД по Ивановской области. С его появлением в Иваново начался сбор компрометирующих материалов, а затем и аресты среди руководства. В поле пристального внимания Журавлева попали 1-й секретарь обкома ВКП(б) Симочкин, 2-й секретарь обкома Коротков, 2-й секретарь Ивановского горкома Аралов и другие.

Дальнейшие действия Журавлева во многом объясняются и желанием оградить себя от обвинений в связях с врагами народа: в Москве в «опалу» попал А. К. Залптер, некогда выдвигавший его на руководящие посты.

Снятый с должности начальника отдела ГУГБ НКВД СССР Залптер в марте 1938 года был переведен на работу в лагерную систему и назначен заместителем начальника строительства гидроузла и начальником 3-го отдела Самарского ИТЛ НКВД. Последовавший за этим (22 мая 1938 г.) арест Залптера, напугал его бывшего выдвиженца. Страх, желание выжить и удержаться у власти толкнули Журавлева к развертыванию новой волны репрессий в области...

Арестам среди ивановского партийного руководства пытались воспрепятствовать бывший начальник УНКВД А. П. Радзивилловский (работавший к тому времени в центральном аппарате ГУГБ НКВД) и начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР А. С. Журбенко. Радзивилловский охарактеризовал многих областных партработников как «людей честных и безупречно преданных партии коммунистов»¹⁵. Одновременно с попыткой ареста партийных бонз, в областном УНКВД было арестовано около 15 сотрудников (в т. ч. начальник Отдела пожарной охраны Равер, начальник оперотделения Отдела мест заключения Чангули, помощник начальника УНКВД Грицан, начальник Отдела кадров УНКВД Зирнит, начальники отделений СПО — Клебанский, Троицкий, Герасимов)¹⁶. Скрытыми мотивами к арестам послужило то, что все арестованные получали в бытность начальником УНКВД Радзивилловского выдвижения и награды (так, Клебанский являлся одним из ведущих специалистов по делу «областного центра правых» в 1937 г.). Следствие в отношении арестованных чекистов велось «исключительно варварскими средневековыми ме-

тодами пыток... прижигания огнем, колотья шилом, обливания водой, медленное отдавливание пальцев на конечностях, выдавливание кишок, и как самое распространенное... битье... резиной и выламывание ребер...»¹⁷.

Вмешательство Радзивиловского в ивановские события 1938 года и попытка защитить арестованных разозлили и раззадорили Журавлева — он просто забросал Наркомвнудел письмами с просьбами разрешений на арест Симочкина и других. Все эти письма сопровождалось ссылками на показания, «выбитые» у арестованных сотрудников областного УНКВД. И все же сопротивление Радзивиловского и Журбенко сыграли свою роль: Симочкин, Коротков и другие были арестованы лишь после снятия Журбенко с должности и ареста Радзивиловского в сентябре 1938 года.

В конце лета 1938 года в НКВД СССР произошла серьезная кадровая перестановка: 1-м заместителем наркома НКВД был назначен Л. П. Берия. Поворот еще не наступил, но что-то сдвинулось, и чуткий к любым колебаниям почвы Журавлев совершает решительный шаг. Он собирает всю информацию о столкновениях с ближайшими сотрудниками «железного наркома» (Литвиным¹⁸, Радзивиловским, Журбенко и др.) по делам Постышева, Симочкина и переправляет ее в адрес Политбюро ЦК ВКП(б), лично И. В. Сталину. Автор заявления, описывая подозрительное поведение ряда работников НКВД, «которые пытались замять дела отдельных врагов народа», обращает внимание вождя на то, что об этом неоднократно сообщалось и лично Николаю Ивановичу Ежову¹⁹. Обвинения в письме были направлены и против И. И. Шапиро — начальника Секретариата НКВД (ближайшего помощника и личного друга Ежова), который вернул более 800 дел по шпионажу Куйбышевскому УНКВД, «снятых с рассмотрения в Особом Совещании НКВД в связи с их низким качеством оформления...». Журавлев усмотрел в действиях Шапиро «вражескую руку»²⁰.

Заявление начальника УНКВД по Ивановской области было как нельзя кстати. Руководство в лице Сталина намеревалось начать «инквизицию инквизиторов», которая как всегда решала для вождя несколько задач сразу: уничтожались лишние свидетели, ликвидировалась опасность усиления неконтролируемого могущества ведомства Ежова, вышались еще более преданные и более исполнительные молодые кадры без «героических» биографий, создавалась иллюзия торжества справедливости, неотвратимости возмездия за «нарушения соцзаконности». По этой причине записка Журавлева сразу же стала предметом обсуждения членов Политбюро ЦК. Разбор письма превратился в настоящую проработку Ежова. Последнему, кроме обвинений со стороны Журавлева, припомнили и побег начальника УНКВД по Дальневосточному краю Люшкова в Маньчжурию, исчезновение наркома НКВД Украины Успенского, аресты перед ноябрьскими праздниками 1938 года руководства Отдела охраны ГУГБ НКВД (И. Я. Дагин, Д. В. Усов, Б. Я. Гулько и др.)²¹. Результатом этого разбирательства стало покаянное письмо Ежова и его увольнение из НКВД СССР.

Иначе все складывалось у Журавлева: он был назначен начальником УНКВД по Московской области, получил внеочередное спецзвание старшего майора госбезопасности, а на XVIII съезде ВКП(б) (февраль 1939 г.) был избран кандидатом в члены ЦК²².

Но ревностная служба сама по себе никого еще от расправы не спасала. Напротив, слишком большая осведомленность и соучастие в темных делах наиболее прямой путь к могиле. Журавлев в тот момент был, пожалуй, единственным из большого племени ежовских «соколов», кто еще оставался на свободе. Но в недрах аппарата особоуполномоченного НКВД СССР на него уже имелось довольно внушительное досье, а с новыми арестами в руководстве НКВД оно стало пухнуть как на дрожжах. Теперь на Журавлева давали компрометирующий материал И. А. Жабрев, С. П. Попов, Д. Д. Гречухин, А. П. Радзивиловский, А. И. Успенский, А. К. Залпегер, М. М. Подольский, А. В. Гуминский, Н. И. Ежов,

А. А. Наседкин, М. Г. Бузулуков и другие²³. В Куйбышеве к этому времени была арестована группа чекистов во главе с начальником УНКВД И. Я. Бочаровым, работавшим у Журавлева заместителем²⁴.

В показаниях этих сотрудников много места занимали показания о преступной деятельности и многочисленных нарушениях соцзаконности Журавлевым. Новое руководство наркомата понимало, что держать такого человека в аппарате УНКВД Московской области просто невозможно, и над Журавлевым нависла угроза ареста и осуждения. Но по меркам того времени он отделался легким испугом: помня его «заслуги» в деле Постышева, Акулинушкина и Ежова, Берия снимает его с должности и направляет на работу в Караганду начальником лагеря НКВД.

В 1930 году по приказу Г. Г. Ягоды Управление лагерей ОГПУ СССР начало «осваивать» территории Карагандинской и Актюбинской областей. Вскоре здесь был образован Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (Карлаг). Так сформировался один из крупных «островов» «архипелага ГУЛАГа». Общая площадь Карлага составляла 21 000 кв. километров (это практически половина территории Швейцарии)²⁵. Основой существования лагеря являлось сельское хозяйство: здесь выращивали свиней, овец, сеяли рожь и пшеницу, выращивали овощи и фрукты. Кроме того, заключенные работали на швейной и валяльной фабриках, ремонтно-механическом, стекольном, фарфоровом, сахарном и сушильном заводах, на фабрике по производству биопрепаратов и т. д. В Карлаге содержалось более 40 тысяч заключенных, а также находились «дома младенцев» на 470 детей. Контингент заключенных возрастал из года в год, так как в лагерь часто завозилась так называемая «отработанная рабочая сила» преимущественно с крупных строек ГУЛАГа. Перед руководством Карлага ставилась цель «восстановления рабочей силы и приведение ее в надлежащее состояние».²⁶ Прежнее руководство оставило дела лагеря в плачевном состоянии: лагерь из года в год терпел огромные убытки и лишь дотации центра спасали ситуацию. В 1938 году убыток составил свыше 13 млн рублей (дотаций направлено 12 млн руб.), в 1939 году убыток — 7,7 млн рублей (дотации — 32 млн руб.)²⁷. Лагерь фактически находился на грани экономического краха...

Вот в такой «колосс на глиняных ногах» прибыл новый начальник — В. П. Журавлев, и именно ему предстояло переломить ситуацию в экономической жизни Карлага. Вскоре все почувствовали его целеустремленную волю: в этом напоре была видна трудовая сметка, экономность и расчетливость зажиточного сибирского кулака, который с умом и достоинством оборачивает свои хозяйственные и торговые дела.

В лагере стали лучше кормить, появились лекарства и вольные врачи, введены пайки для больных цингой и дистрофией, устанавливались нужные деловые связи с потребителями и смежниками. Был даже открыт так называемый «дом отдыха» под видом филиала лагерной больницы, через него прошли наиболее «ценные» для лагеря заключенные (например, там отдыхала жена расстрелянного троцкиста Мрачковского)²⁸.

Журавлев восстанавливал работоспособность заключенных и лагерных структур с энергией и жестокостью волевого администратора своего времени. Ему вскоре удалось обуздать и деятельность оперативно-чекистского отдела, прокуратуры и суда лагеря, у которых, по его мнению, «появилась странная манера сажать и судить, как можно больше и без разбора».²⁹ Руководство этих подразделений Карлага довольно скоро оказалось под пятой нового начальника.

Благодаря этим быстрым и умелым действиям ситуация в лагере изменилась уже в 1940 году. Лагерь стал выходить из финансового прорыва: впервые за годы своего существования Карлаг получил прибыль свыше 7 млн рублей, в 1941 году прибыль возросла в три раза, и в Москву (опять впервые) было перечислено свыше 14,5 млн рублей. Успехи лагеря неоднократно отмечались руководством, по итогам Всесоюзного Соревнования

лагерей и строек НКВД СССР за 1942 год Карагандинский ИТЛ занял первое место, коллективу была вручена премия (50 000 руб.) и вручено переходящее Красное Знамя НКВД СССР. Лично Журавлев многократно поощрялся денежными премиями и личными благодарностями наркома Внутренних Дел СССР Берия³⁰.

Новое положение Журавлева вскружило ему голову, он стал менее осторожным и расчетливым в своих делах, стал все чаще использовать огромную власть и средства в целях личной выгоды и наживы. В Наркомате уже имелись некоторые материалы о том, что в лагере происходят разного рода хозяйственные махинации. Однако оперативные службы НКВД предпочитали пока копить информацию, и лишь случай толкнул высоких чинов к выяснению положения в лагере...

10 декабря 1943 года заместителем наркома Внутренних Дел СССР Б. П. Обручниковым на имя Берия была направлена служебная записка следующего содержания: «9 декабря с/г от УНКВД Московской области были получены данные, что на один из складов УИТЛК поступило большое количество неизвестно кому принадлежащих продуктов. К складу подъезжали автомашины, на которых продукты увозились...»³¹. В результате оперативных проверок выяснилось, что продукты принадлежали торговому отделу Карлага НКВД и предназначались якобы «для родственников сотрудников лагеря». Резолюция Берия была краткой — «тов. Обручников вместе с тов. Чернышевым немедленно расследовать». Расследование инцидента показало, что часть продуктов (в виде посылок) предназначалась руководству ГУЛАГа — его начальнику Наседкину, его заместителям Добрынину, Усиевичу и Завгороднему, начальнику секретариата Луферову и другим (всего 9 человек). В общей сложности Журавлев направил для гулаговского начальства 153 кг продуктов (вино, масло, сыр, колбаса, варенье) и около тонны овощей (картофель, лук, соленые огурцы и помидоры)³². Данные посылки являлись ничем не прикрытой взяткой со стороны Журавлева, и таковая была принята начальством ГУЛАГа (лишь один — Усиевич — отказался от получения такой «продовольственной помощи»).

Последняя выходка Журавлева и толкнула руководство на проведение проверки в лагере. В декабре 1943 года в Долинку³³ прибыла комиссия НКВД СССР. Материалы комиссии приоткрывают интересные картины жизни и деятельности Журавлева в 1940—1943 годах. Руководители Карлага в массовом порядке совершали махинации с продовольствием, повсеместно совершали запрещенные законом обменные операции. Для порядка следует сказать, что причиной ряда махинаций служило отсутствие налаженного материального снабжения лагеря из Москвы. Огромное хозяйство Карлага требовало много бензина, мазута, стали, цемента, минеральных удобрений, промышленного оборудования. В течение 1940—1941 годов, а особенно с началом войны лагерь испытывал в этом крайнюю нужду, а заявки, направляемые в ГУЛАГ НКВД, удовлетворялись в крайне малых объемах. Именно эта ситуация толкнула Журавлева к совершению обменных операций с другими предприятиями — в обмен на продукты питания лагерь получал необходимые материалы. Но даже при этом руководство ИТЛ ухитрялось часть продовольствия утаивать для использования в целях личной наживы.

Результаты проверки прямо указывали на то, что строго нормированные в условиях военного времени, промышленные и продовольственные товары в Карлаге разбазаривались. Так в 1943 году в адрес 1-го Московского медицинского института было направлено два вагона с продовольствием (картофель, капуста, сыр, масло и т.д.), всего 11,5 тонн. Как оказалось, продукты были отпущены администрации института «за принятие на учебу без экзаменов сожительницы Журавлева Сафоновой». В будущем «за лестное отношение к своей подруге» Журавлев обещал послать еще три вагона с продовольствием³⁴.

До 1943 года карточной системы (которая была по всей стране) в лагере не существовало. Но и после ее введения, Журавлев разрешил получать помимо карточек допол-

нительное количество (в зависимости от должности) продуктов из лагерного резерва, что позволяло лагерному руководству и в период военного времени жить на широкую ногу.

Здесь опять отличился Журавлев: с Акмолинской швейной фабрики (на ней работали заключенные) лично им было получено шелкового полотна и готовых изделий на сумму свыше 21 000 рублей, причем большая часть из них предназначалась Сафоновой³⁵. Сама Сафонова получила в Центральной пошивочной мастерской лагеря 73 предмета (обувь, платья, блузки, жакеты, головные уборы), что в общей сложности составило 2 333 талона, или норма на 18 лет.

Не отставали от Журавлева и другие чины лагеря: для начальника торговдела Красиловского изготовлено было 63 предмета (на 1 760 талонов, норма на 3 года), для заместителя начальника ИТЛ Игнаткина — 108 предметов (на 3 580 талонов, норма на 9 лет)³⁶.

Журавлев и К^о умудрились наложить руку и на торговую систему лагеря. Лишь за 3 месяца 1943 года через один из магазинов лаготделения было реализовано без талонов («избранным») 503 предмета (шелковые, шерстяные изделия, дорогие ткани) на 13 303 талона.

Простым работникам лагеря за это же время было продано 1295 предмета (в основном зубные щетки, гребешки, пиалы для чая).³⁷

Начальник Карлага Журавлев пытался отбиться от нападков Комиссии с надеждой, что его поддержат подчиненные, но так как он «не ладит с судом и прокуратурой, с Егоровым [начальник Политотдела Карлага. — *авт.*] и еще кое с кем, что он зарвался, поссорился со всеми», то на него от них московским чекистам стали поступать «объективки» с осуждением его действий³⁸. Особенно в этом преуспел Егоров, ибо именно во взаимоотношениях с Политотделом проявился властный характер Журавлева. Последний «игнорировал руководящих работников-коммунистов, на производственных собраниях, в присутствии заключенных, позволял подвергать своих подчиненных-коммунистов незаслуженной критике». В самый ответственный момент разбирательства большинство сотрудников лагеря заявило, что система Журавлева «была порочной и антигосударственной», на что Журавлев в дальнейшем писал не без ехидства смешанного с горечью: «...хотя ни один из них до этого передо мной никаких вопросов по этому поводу не ставил и считал нормальным и в порядке вещей приходить ко мне и помимо всего требовать еще и еще дополнительно продуктов»³⁹.

Результатом работы Комиссии НКВД в Карлаге стал приказ НКВД СССР о снятии Журавлева с работы и передаче материалов в отношении него в Особую инспекцию (ОИ) НКВД СССР. По заключению, составленному ОИ НКВД в январе 1944 года предлагалось «арестовать Журавлева и привлечь к уголовной ответственности». Свои подписи под этим документом кроме начальника ОИ НКВД Стефанова поставили и два зама Берия — Обручников и Круглов. Для ареста требовалось лишь подпись Лаврентия Павловича, но ее так и не появилось. Данное заключение еще дважды (в феврале и мае 1944 г.) подавалось в Секретариат наркома Внутренних Дел, но подписи так и не последовало. Скорее всего, дела 1937—1938 годов создали Журавлеву такой «кредит», что он смог оставаться на свободе даже в случае совершения тяжкого преступления, такого, как «расхищение государственных средств»...

Итогом «дела Карлага» стало заключение ОИ НКВД от 9 июля 1944 года с решением «объявить Журавлеву строгий выговор с предупреждением и понизить в должности, направив его в Управление строительства Дальнего Севера НКВД, г. Магадан начальником участка...»⁴⁰.

Дальнейшая судьба Журавлева вкратце такова: в августе 1944 года он прибыл в Магадан и был назначен начальником промкомбината Дальстроя. Затем Журавлев сменил несколько участков работы: работал начальником прииска Верхний Ат-Урях, директором

совхоза «Эльген». 10 октября 1946 года он был уволен из системы Дальстроя МВД СССР, указывалась и причина увольнения: статья 47 пункт «б» (уволен вследствие приостановки работ) КЗОТ РСФСР. После улаживания своих дел в Магадане, 1 декабря 1946 года Журавлев выезжает в Москву... И вдруг неожиданная смерть...

В сохранившихся материалах это звучит сухо и коротко: «...18 декабря умер в пути следования от Находки до Хабаровска, труп снят в Хабаровске...». Причину смерти почем-то не указали, но по некоторым данным, В. П. Журавлев покончил жизнь самоубийством. И для этого были довольно веские основания: в Москве, в которую он возвращался, сменилось руководство в МВД (Круглов вместо Берия) и в МГБ (Абакумов вместо Меркулова), которое плохо помнило его «заслуги» в 1938 году, но зато имело довольно объемное досье (14 томов) компрометирующих материалов. Ряд ивановских чекистов, прошедших через журавлевскую «мясорубку» 1938 года, вернулись в годы войны в НКВД—НКГБ, и постоянно напоминали начальству о том, что один из главных виновников их бед полного наказания так и не понес. Ко всему этому прибавились и личные мотивы: семья (а у Журавлева было пятеро детей) стояла на грани развала. Журавлев остался один: без поддержки сильных мира сего, без друзей, без товарищей, без семьи. И скорее всего — он сам подвел итог своей жизни...

Авторы благодарят сотрудников пресс-центра УФСБ по Санкт-Петербургу и области и Отдела по работе с личным составом УВД Самарской области за помощь в получении и подборе материалов при подготовке настоящей статьи.

Примечания

- 1 Хенкин К. Охотник вверх ногами / Предисл. А. Зиновьева. М., 1991. С. 5.
- 2 Центральный архив МВД РФ (ЦА МВД РФ). Ф. 14. Оп. 13. Д. 32. Т. 1. Л. 206.
- 3 Волжская коммуна. 1937, 8 декабря.
- 4 Архив УВД Карагандинской области (Республика Казахстан), архивное личное дело № 76281 на Журавлева В. П.
- 5 Успенский Александр Иванович (1902–1940). В органах ГБ с 1921 г., до 1935 г. работал заместителем начальника УНКВД по Московской области, заместителем коменданта Московского Кремля. В 1936–1937 гг. — заместитель начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю, затем начальник УНКВД по Оренбургской области, с 1938 г. — нарком Внутренних дел Украинской ССР. В конце 1938 г., опасаясь ареста, бежал из Киева, используя фальшивые документы, и лишь в апреле 1939 г. арестован. Расстрелян.
- 6 ЦА МВД РФ. Ф. 14. Оп. 13. Д. 32. Т. 1. Л. 248.
- 7 Заппетер Анс Карлович (1899–1939). В органах ГБ с 1920 г. В 1936–1937 — начальник УНКВД по Красноярскому краю, затем заместитель начальника и начальник Оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР. С марта 1938 г. — заместитель начальника строительства Куйбышевского гидроузла НКВД и начальник 3 отдела Самарлага НКВД. Расстрелян. Реабилитирован.
- 8 ЦА МВД РФ. Ф. 14. Оп. 13. Д. 32. Т. 1. Л. 252.
- 9 Архив УФСБ по Самарской области, архивное личное дело № 1871 на Деткина Н. А.
- 10 М. П. Фриновский работал 1-м заместителем наркома Внутренних Дел СССР и начальником ГУГБ НКВД СССР, Н. Г. Николаев-Журид — начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР, И. Я. Дагин — начальник Отдела охраны правительства ГУГБ НКВД СССР, В. М. Курский — заместитель наркома Внутренних Дел СССР и начальник Контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД СССР.
- 11 Хлевнюк О. В. 1937-й, Сталин, НКВД и советское общество, М., 1990. С. 110.
- 12 Центральный архив ФСБ РФ, архивно-следственное дело № Н-14963 на Попашенко И. П. Л. 394, 382.
- 13 ЦА МВД РФ. Ф. 14. Оп. 13. Д. 32. Т. 1. Л. 141.
- 14 См.: Там же. Т. 4. Л. 60.
- 15 См.: Там же. Т. 4. Л. 117.
- 16 См.: Там же. Т. 4. Л. 102–104.
- 17 См.: Там же. Т. 4. Л. 96.
- 18 Литвин Михаил Иосифович (1892–1938), в 1937–1938 гг. начальник Секретно-Политического отдела ГУГБ НКВД СССР, затем начальник УНКВД по Ленинградской области, в ноябре 1938 г. застрелен. Конфликт Журавлева с Литвиным произошел в 1937 г., после получения Журавлевым показаний, уличающих Постышева в связях с врагами народа. Литвин как бывший партийный работник, долго работавший с Постышевым, пытался отсто-

- ять последнего, что вызвало у Журавлева подозрения в отношении самого Литвина.
- 19 Исторический архив. 1992. № 2. С. 14.
  - 20 ЦА МВД РФ. Ф. 14. Оп. 13. Д. 32. Т. 4. Л. 133.
  - 21 Люшков Генрих Самойлович (1900–1945). В 1936–1937 гг. — начальник УНКВД по Азово-Черноморскому краю, затем начальник УНКВД по Дальневосточному краю. В ночь с 12 на 13 июня 1938 г. перешел границу и сдался японцам. Работал в информбюро японской разведки. Застрелен японским офицером. Усов Дмитрий Васильевич — заместитель начальника Отдела охраны правительства ГУГБ НКВД СССР и Гулько Борис Яковлевич — заместитель начальника Отдела охраны правительства ГУГБ НКВД СССР, расстреляны в 1940 г., реабилитированы.
  - 22 Приказ НКВД СССР по личному составу № 7 от 3 января 1939 г.
  - 23 Жабрев Иван Андреевич (1898–1939) — начальник УНКВД по Каменец-Подольской области, расстрелян; Попов Серафим Павлович (1904–1940) — до 1937 г. в органах ГБ Западно-Сибирского края, затем начальник УНКВД по Алтайскому краю, расстрелян; Гречухин Дмитрий Дмитриевич (1903–1939) — до 1936 г. в органах ГБ Западно-Сибирского края, в 1937–1938 гг. — начальник УНКВД по Красноярскому краю, Одесской и Ростовской областям, расстрелян; Подольский Матвей Мионович (1894–1939) — до 1938 г. — помощник начальника Оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР, расстрелян; Гуминский Александр Викторович (1902–1938) в 1937–1938 гг. — начальник УНКВД по Калининской области, расстрелян; Наседкин Алексей Алексеевич (1897–1940) до 1938 г. — начальник УНКВД по Смоленской области, затем нарком Внутренних Дел Белорусской ССР, расстрелян; Бузулуков Михаил Григорьевич (1900–?) до 1936 г. — в органах ГБ Восточной Сибири, в 1936–1937 гг. — начальник СПО УГБ УНКВД по Красноярскому краю, осужден на 15 лет лишения свободы.
  - 24 Бочаров Иван Яковлевич (1906–1940) до 1937 г. в органах ГБ Западно-Сибирского края, затем заместитель начальника и (с 1938) начальник УНКВД по Куйбышевской области, расстрелян.
  - 25 ЦА МВД РФ. Ф. 14. Оп. 13. Д. 32. Т. 2. Л. 134.
  - 26 См.: Там же. Т. 2. Л. 154.
  - 27 Архив УВД Карагандинской области (Республика Казахстан), архивное личное дело на Журавлева В. П. № 7228.
  - 28 ЦА МВД РФ. Ф. 14. Оп. 13. Д. 32. Т. 2. Л. 2.
  - 29 См.: Там же. Т. 2. Л. 154.
  - 30 См.: Архивное личное дело на Журавлева В. П. № 7228.
  - 31 ЦА МВД РФ. Ф. 14. Оп. 13. Д. 32. Т. 11. Л. 1.
  - 32 См.: Там же. Т. 2. Л. 5.
  - 33 Поселок Долинка — административный центр Карлага НКВД СССР.
  - 34 ЦА МВД РФ. Ф. 14. Оп. 13. Д. 32. Т. 2. Л. 101, 106, 107.
  - 35 Фамилия изменена авторами по этическим соображениям. Сафонова с 1939 г. по 1942 г. прошла путь от обычной медсестры до заместителя начальника Санитарного отдела лагеря (окончив лишь школу медсестер).
  - 36 ЦА МВД РФ. Ф. 14. Оп. 13. Д. 32. Т. 5. Л. 138.
  - 37 См.: Там же. Т. 12. Л. 2.
  - 38 См.: Там же. Т. 2. Л. 130.
  - 39 См.: Там же. Т. 2. Л. 136.
  - 40 См.: Там же. Т. 11. Л. 2—3.

С. Г. Веригин

Финские военнопленные на территории Северо-Запада России в период Зимней войны 1939—1940 гг.

В российской историографии Зимней войны 1939—1940 гг. есть еще немало неисследованных вопросов, к которым несомненно относится и проблема финских военнопленных, попавших в плен Красной Армии в годы Зимней войны.

Длительное время (1950—1980-е гг.) данная тема по идеологическим соображениям была практически закрыта для исследователей. Историки не имели доступа ко всем архивным документам, отражающим положение военнопленных армий противника на территории СССР.

Положение стало меняться с конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда были сняты идеологические ограничения на исследование проблем истории второй мировой войны. А главное, историки наконец-то получили доступ к ряду архивных документов, которые ранее хранились под грифом «Секретно». Только в последние годы начали появляться первые публикации, в основном в виде небольших по объему статей, затрагивающие некоторые аспекты данной темы¹. Однако специальных работ, которые бы в комплексе рассматривали эту проблему, до сих пор не опубликовано.

Сложность темы заключается в том, что в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг. противоборствующие стороны не вели отдельного учета по своим военнопленным, фиксируя лишь пропавших без вести. При этом, по официальным данным с советской стороны пропали без вести в это время 39 369 человек, а с финской — 3 273 человека².

К сожалению, исследователям в архивах пока так и не удалось обнаружить точных данных о количестве финских военнопленных, находившихся в 1939—1940 гг. на территории СССР. В финляндской историографии эта цифра колеблется от 825 до 1 000 человек. В публикациях российских авторов, в выступлениях на различных научных конференциях общее количество финнов-военнопленных варьирует от 800 до 1 100 человек³.

С началом войны в полосе действий 7-й, 8-й, 9-й и 14-й армий советских войск были созданы специальные пункты приема для финских военнопленных (Мурманский, Кандакшский, Кемский, Сегежский, Медвежьегорский, Петрозаводский, Сестрорецкий и др.). Предполагалось, что война станет для СССР победоносной, финская армия будет разгромлена, а все оставшиеся в живых военнопленные взяты в плен. С этой целью надо было подготовиться к приему пленных. Это было возложено на созданное в сентябре 1939 г. Управление по делам военнопленных (далее — УПВ) НКВД СССР.

В конце декабря 1939 г. начальник этого Управления майор госбезопасности Сопруненко рапортовал в Наркомат внутренних дел о готовности 6 лагерей к приему финских

Suomen armeijan sotilaat! Suurkas minuun esimerkiksi, — siirtyään OTTO KUUSISEN johtamaan Keskusvaikuttajain Keskusliittoon suostu!

SUOMEN ARMEIJAN SOTILAAT!

Pääkiriä Ryhmä väkensä kullakin oja tein tuonastavallat, Kotipöytäniin väkensä väkensä perustuu kullakin tein ym-pöri maata sinun tavallaan. Loppu silloin näillä Suomen up-pouk ja pelit: potkivat talonni ja tuhosivat karkun. Kokenut kyllä he ovat muuttaneet tulleita. Mäi sopeutun.

Te pöytäni, alette näillä ja muuttaneet kullakin etujen puolesta.

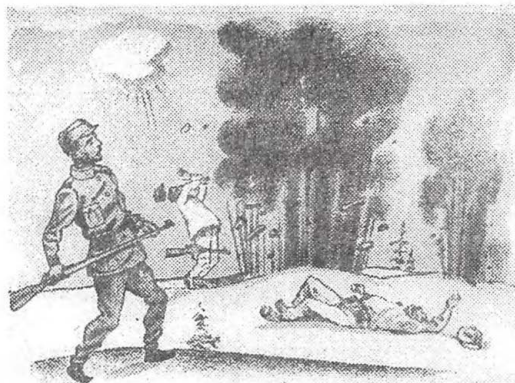
Kiitkiä vettä ruodatus suurikokoinen, kullakin ja kuu-radilla etujen kyllä, jolla ovat muuttaneet kullakin imperia-tilla etujen suostuun ja silloin.

Suomen kassa ei tein oja!

Loppuun oja!

Kiitkiä alette suostuun ja kullakin vettä!

Siirtyään Otto Kuusisen johtamaan Suomen Keskusliittoon suostu!

Suomen sotilas! Sillä aikaa, kun sinä käyt sotaa...

...pakkaavat ministerit, jotka ovat syösseet sinut surman suuhun, matkalaukkujaan livistääkseen karkuun.

Советские листовки, адресованные финским военнослужащим.

военнопленных общим лимитом на 27 тысяч человек. Все эти лагеря уже «использовались» военнослужащими польской армии, интернированными осенью 1939 г. в СССР в результате военных действий Красной Армии по присоединению к Советскому Союзу территории Западной Белоруссии и Западной Украины⁴. В качестве резерва держали еще три лагеря — Карагандинский (Спасо-Заводской), Тайшетский и Велико-Устюженский.

Однако говорить о полной готовности было трудно. УПВ НКВД СССР не справлялось с поступавшей массой интернированных военнослужащих польской армии, к приему и размещению которой НКВД СССР с его отлаженным механизмом ГУЛАГа оказался практически не готов. Так, начальник Особого отдела НКВД, проведя инспекцию одного из лагерей, предназначенного для пленных финнов, — Южского, отмечал в докладной записке на имя начальника УПВ Сопруненко, что лагерь не подготовлен для нормального содержания военнопленных⁵.

В решении этого вопроса советским властям «помогли» сами финны. Количество пленных было небольшим, на что явно не рассчитывало советское руководство. Так, по нашим подсчетам, за декабрь 1939 — март 1940 гг. Петрозаводский приемный пункт военнопленных, один из самых крупных среди других действующих пунктов, принял от 8-й и 9-й армий только около 260 человек⁶. В итоге единственным лагерем, в котором содержались пленные финны, стал Грязовецкий лагерь Вологодской области (расположен в 7 км от г. Грязовец).

В книге учета этого лагеря значатся имена 600 финских военнопленных, но надо учесть, что в нем не указаны те, кто умер в советском плену. Общие сведения об умерших финнах в документах Центрального аппарата и политотдела ГУПИ НКВД СССР отсутствуют.

Следует учесть и то, что не всех пленных финнов отправляли в Грязовецкий лагерь. Проведенный нами анализ архивных документов, содержащихся в Архиве МВД РК (протоколы допросов военнопленных, состав этапных списков из Петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь и др.), показывает, что раненых, тяжело больных, обмороженных военнослужащих оставляли в госпиталях г. Петрозаводска⁷. Кроме того, часть военнопленных финнов не отправлялась в лагерь, а использовалась советскими органами для проведения пропагандистской и разведывательной деятельности.

В период зимней войны финская пропаганда утверждала, что всех военнопленных большевики расстреливают или отправляют в Сибирь. Но это было не так. Как мы уже отмечали, большинство пленных было отправлено в Грязовецкий лагерь Вологодской области. Сохранились воспоминания некоторых из них. Так, бывший военнопленный Тадеус Сарримо вспоминает: «Ухаживали за нами хорошо. Раненым давали чистые бинты, от холода сразу дали водки... По прибытии в лагерь дали щи, чай и гречневую кашу с подсолнечным маслом. Мы были сыты... Кормили в лагере в общем-то хорошо, только финские желудки не были приучены к шам, и военнопленные жаловались... В комнатах у военнопленных был шкаф, где они хранили хлеб и сахар. Санитарные условия были хорошие. Вшей было очень мало. Ночью люди играли в карты и шашки. Днем не работали...»⁸.

Ввиду небольшого количества оставшихся архивных документов трудно в настоящее время дать обстоятельную картину жизни и быта финских военнопленных в СССР. Отчет старшего инспектора 4-го отдела УПВ НКВД, приехавшего с проверкой в Грязовецкий лагерь в начале февраля 1940 г., остался, по существу, единственным официальным документом, зафиксировавшим условия содержания пленных финнов.

В нем отмечалось: «Помещения для военнопленных оборудованы нарами сплошной системы в один, два и три яруса в зависимости от состояния здания (ветхости и кубатуры воздуха)... Беспорядочное нагромождение нар, без соблюдения требуемых между ними проходов, имеет следствием скученность контингента и делает невозможным уборку помещений. На одного военнопленного приходится 0,6 кв. м, что крайне недостаточно... Одеяд и простыней для военнопленных нет»⁹.

Тяжелые бытовые условия органы НКВД старались компенсировать политической и культурно-воспитательной работой среди военнопленных. Большинство пленных финнов были выходцами из рабочих и крестьян, среды близкой «стране победившего социализма». Поэтому, в основу политической работы с пленными был положен тезис о том, что главная задача Красной Армии в военной кампании состоит в освобождении финских трудящихся от гнета помещиков и капиталистов.

Tuhoakaa mannerheimiläiset—Suomen kansan pyövellit!

Vuonna 1918 Nikolai II verihertat—mannerheimiläiset murhasivat taikaa ja aikaa. Vuonna 1939 he syöksivät teidät rikolliseen sotaan Neuvostoliiton vastaan ja muuttivat Suomen hirralpaitten ja kahleitten maaksi.

Nikolai sille täistatetta Puolasta Armeijaa vastaan, joka tuo Suomelle vapauden. Siirtykää Puolaisen Armeijan puolelle!

С этой целью еще в самом начале войны советская печать сообщила, что в г. Териоки, занятом частями Красной Армии, «по соглашению между представителями левых партий и восставших солдат» создано Народное правительство во главе с О. В. Куусиненом. Оно опубликовало «Декларацию Народного Правительства Финляндии», объявило об образовании Финляндской Демократической Республики (ФДР), а также заключило «Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР».

Советское руководство надеялось на поддержку правительства Куусинена со стороны финского населения. Определенная роль при этом отводилась и военнопленным. В карельских архивах нами изучены протоколы допросов более 260 финских военнопленных. Наряду с обычными вопросами, которые задавали следователи на пунктах приема военнопленных: к какой части принадлежите? какое имеется вооружение, снаряжение и обмундирование? каково настроение солдат? и др., были и политические: что вы знаете о народном правительстве Куусинена и его программе? знаете ли вы, что войну против СССР начала кровавая финская буржуазия? хотели бы вы остаться в СССР? и др.

На допросах следователи пытались также выявить среди пленных членов политических партий и организаций Финляндии, особенно их интересовали шюцкор и Карельское Академическое Общество. В СССР их считали контрреволюционными, антисоветскими организациями.

Прослойка чинов шюцкора была довольно значительной. Судя по документам этапных списков военнопленных из Петрозаводска в Грязовецкий лагерь, она колебалась от 1/4 до 1/3 всех пленных¹⁰.

Часть военнослужащих, зная интерес советских органов к этим организациям, пыталась скрыть свое членство в них. Некоторые старались объяснить это тем, что вступили в шюцкор по молодости и неопытности. Однако были и такие военнопленные, которые заявляли, что вступили в шюцкор добровольно, оказывая посильную помощь своей Родине.

Среди военнопленных встречались также члены Аграрной партии Финляндии («Малайс литто»), женской организации «Лотта Свьярд», и даже Коммунистической партии Финляндии. Так, по этапному списку из Петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь 18 января 1940 г. из 29 военнопленных шюцкор представляли 7 человек; крестьянскую партию — 1; Компартию — 1 (Онни Сааринен): по этапному списку 5 января 1940 г. из 41 человека: шюцкор — 5 человек; Карельское Академическое Общество — 1; «Лотта Свьярд» — 1 (Сирка Урасмаа)¹¹.

Начиная с февраля 1940 г. в списках военнопленных армии Финляндии стали выявляться добровольцы из Швеции, Норвегии и других стран. Так, согласно этапному списку военнопленных от 1 марта 1930 г. из Петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь было отправлено 28 человек, среди них два шведа-летчика: командир эскадрильи Пер Стегнер, прапорщик-летчик Оне Юнг¹².

Что касается последнего, то два года назад в Петрозаводске побывала группа кинематографистов из Швеции, которая снимала фильм об Оне Юнге. Члены группы обратились к автору с просьбой познакомиться с архивными материалами о нем. Удалось установить, что самолет О. Юнга был сбит под Ухтой (Калевалой), затем он был направлен в Грязовецкий лагерь, а потом в ходе обмена военнопленных вернулся на Родину.

В допросах военнопленных на приемных пунктах принимали участие члены редколлегии газеты «Кансан Валта» (печатный орган правительства Куусинена), а также представители Народного правительства. Особое внимание при допросах уделялось тем военнослужащим, которые добровольно сдались в плен Красной Армии. Справедливости ради стоит отметить, что таких было немного.

Основная часть финских военнопленных не поддерживала идею создания Териокского правительства, финны заявляли, что они защищают свою Родину от завоевания СССР¹³.

Судя по архивным документам, в результате широкой пропагандистской работы лишь небольшое число финских пленнх дало свое согласие на сотрудничество с советскими разведорганами. С их помощью готовились письма и обращения к солдатам финской армии, часть из которых в виде небольших по формату антивоенных листовок с портретами военнопленных забрасывалась в тыл противника¹⁴, другая часть — в качестве пропагандистских материалов публиковалась в органах печати Териокского правительства.

Приведем пример одной из листовок¹⁵.

«Финские солдаты приветствуют Народное правительство.

Мы, солдаты финской армии, 12 отдельной строительной роты, находясь в плену у Красной Армии, узнали о том, что в Финляндии, в г. Териоки создано новое правительство, которое является действительным представителем и выразителем воли трудящихся. Это правительство даст мир финляндскому народу, установит контроль над крупными фабриками и заводами, уничтожит безработицу, голод и нищету трудового народа. Поэтому мы, как и каждый рабочий, крестьянин, солдат Финляндии, приветствуем новое Народное правительство и опубликованную им Декларацию. Мы будем всеми силами помогать ему в осуществлении поставленных им задач.

Урье Торикиака, Калле Лахти».

Советские политические органы пытались использовать финских военнопленных в своих пропагандистских целях и через радиопередачи на финском языке различных радиостанций. Активно работала радиостанция Народного правительства. Только с 1 по 28 января 1940 г. вышло 154 радиопередачи. Уже сам перечень названий радиопередач говорит о желании советской стороны расколоть финляндское общество, найти в нем поддержку правительства Куусинена: «Новый год — год побед!» (1 января), «День присяги Народной Армии» (2 января), «Конституция Финляндии под сапогом реакции» (4 января), «Маннергейм — палач финского народа» (4 января), «Обращение к солдатам финской армии» (8 января), «В освобожденных деревнях Финляндии» (9 января), «Куда ведут страну белофинские генералы» (18 января) и другие¹⁶.

По радио неоднократно передавались обращения к финским солдатам членов Народного правительства и руководства Финской Народной Армии с призывом сложить оружие и прекратить сопротивление Красной Армии. С 15 января 1940 г. практически ежедневно в радиопередачах стали зачитываться письма финских военнопленных.

В период зимней войны резко увеличила число и объем передач на финском языке Программа вещания Сектора оборонных передач Ленинградского радиокомитета. Значительное место в них также отводилось «пропагандистским выступлениям» финских военнопленных.

Серьезное внимание в работе с военнопленными отводилось повышению их культурного уровня. В Грязовецком лагере у финнов была изъята «шовинистическая литература» и Евангелие. Вместо этого был рекомендован список партийных трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Молотова, Берия, а также произведения классиков мировой и русской литературы: Сервантеса, Гете, Жюль Верна, Пушкина, Тургенева, Чехова и др.

Однако реализовать эту задачу не удалось. Плен для финнов оказался недолгим. Уже в апреле 1940 г. между СССР и Финляндией начался обмен военнопленными.

Несмотря на все усилия советских органов, эффективность идеологической деятельности среди финских военнопленных была весьма низкой. Так, после многочисленных уговоров остаться в СССР, угроз о том, что после возвращения в Финляндию военнопленные будут расстреляны, лишь небольшая часть финнов приняла решение остаться в Советском Союзе. По документам трудно установить точную цифру таких людей. В книге учета Грязовецкого лагеря из 600 финских военнопленных только 14 человек проходили с отметкой «добровольно остался в СССР»¹⁷. В действительности их было немногим больше.

С самого начала военных действий большой интерес к финским военнопленным стали проявлять и советские разведорганы. Уже в ходе первых допросов финнов на приемных пунктах военнопленных их сотрудники особое внимание уделяли «классово близким элементам — рабочим и крестьянам», никогда не состоявших в шюцкоре, Академическом Карельском Обществе и других, как считали в СССР, антисоветских организациях. У таких лиц выявляли мотивы вступления в финскую армию, настроение, с которым они воевали, имеют ли данные люди родственников в СССР (прежде всего в Карелии) и т. п.

Особым вниманием и доверием спецслужб пользовались те финны, которые добровольно сдались в плен Красной Армии. Как правило, они давали подробную информацию о составе и командовании своих частей, рассказывали, кто среди их сослуживцев состоял в шюцкоре и других военизированных формированиях и другую «полезную» для советских органов информацию. Именно среди таких людей велась вербовка агентов.

В последние годы нам удалось познакомиться с некоторыми прежде секретными архивными документами периода зимней войны. В карельских архивах мы обнаружили списки финских военнопленных, которые были завербованы органами НКВД, прошли соответствующую разведподготовку в СССР и затем в качестве агентов в 1940—1941 гг. заброшены на территорию Финляндии.

Однако анализ этих архивных материалов показывает, что эффективность вербовки и «работы» этих агентов на Родине была низкой. Большинство из них либо было арестовано спецорганами Финляндии как шпионы, либо они сами после переброски в Финляндию добровольно обращались в эти органы, заявляя, что были завербованы НКВД. Многие «агенты» не только давали подробную информацию об их подготовке в разведшколах на территории СССР, раскрывали свои «задания», но и обещали сообщать в соответствующие органы, если на них выйдут «русские шпионы».

Недолгим было время пребывания финнов в советском тылу. Согласно мирному договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г. предусматривался обмен военнопленными. С 14 по 28 апреля 1940 г. в г. Выборге состоялось 6 заседаний смешанной комиссии по обмену военнопленными между СССР и Финляндией. Стороны сделали заявление о количестве военнопленных: в Финляндии по официальным данным находилось 5395 советских военнослужащих, в СССР — 806 финских военнослужащих.

Были также составлены списки раненых и больных (советских военнопленных — 170; финских — 53), которых передающая сторона обязывалась доставлять своими средствами до вагонов принимающей стороны. Первый обмен военнопленными состоялся 17 апреля 1940 г. на границе СССР и Финляндии в районе ст. Вайниккала¹⁸.

Финская сторона проявляла завидную настойчивость в этом вопросе. На каждом заседании ее представители делали запросы о всех пропавших без вести в годы войны, о гражданском населении, которое оказалось на оккупированной территории, уточняла неправильно записанные фамилии пленных. На ответ советской стороны об отсутствии у них того или иного человека, запросы продолжались. В результате этой деятельности большинство пленных финнов смогло вернуться на Родину.

Изучение проблемы финских военнопленных на территории СССР в период зимней войны, как впрочем и позже в годы Великой Отечественной войны (в Финляндии ее называют «война-продолжение») в российской историографии еще только начинается. Предстоит исследовать многие аспекты темы: проанализировать организацию приема и эвакуации финских военнопленных с линии фронта в тыловые районы СССР; рассмотреть документы, регулирующие пребывание военнопленных на территории Советского Союза (приказы УПИ НКВД СССР, нормативно-правовые акты НКВД и НКВД СССР относительно финских военнопленных и др.); определить правовое положение (статус) финских военнопленных по международному и советскому праву; дать характеристику социаль-

но-психологического климата среди пленных; раскрыть основные направления работы с ними и др.

Однако уже сейчас на основе имеющегося материала можно отметить, что попытка советских политических и разведорганов использовать финских военнопленных в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг. в своих целях не принесла ожидаемых результатов.

Примечания

- 1 Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39—46; Носырева Л., Назарова Т. Пойдем на Голгофу, мой брат... // Родина. 1995. № 12. С. 99–105.
- 2 По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 45.
- 3 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч. С. 99; Международная встреча-конференция историков, политологов и общественных деятелей России и Германии «Эра примирения». Петрозаводск, 1995. 30.06.1996; и др.
- 4 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч. С. 99.
- 5 Центр хранения историко-документальной коллекции (далее — ЦХИДК). Ф. 1е. Оп. 3. Д. 3. Л. 492; Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч. С. 99.
- 6 Подсчитано по данным: Архив Министерства внутренних дел Республики Карелия (далее — Архив МВД РК). Д. 1, 1/1, 2. Т. 1, 2.
- 7 Там же.
- 8 Из воспоминаний Тадеуса Сарримо «В плену в России», предоставленных финским историком Тимо Мальми. Цит. по: Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч. С. 100.
- 9 Цит. по: Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч. С. 100.
- 10 Подсчитано по данным: Архив МВД РК, особые папки. Д. 1, 1/1, 2. Т. 1, 2.
- 11 Там же. Д. 2. Т. 1. Л. 12, 61, 63.
- 12 Архив МВД РК. Д. 2. Т. 1. С. 12.
- 13 РЦХИДНИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 47. Л. 4—31.
- 14 ГА ОПДФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278. Л. 18—19.
- 15 Там же.
- 16 РЦХИДНИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 33. Л. 1—14.
- 17 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч. С. 101.
- 18 Там же. Л. 104.

И. З. Захаров

Радиоразведка ВМФ СССР (октябрь 1917 — июнь 1941 г.)

Революция, гражданская война и иностранная военная интервенция

У становление Советской власти в России, сопровождавшееся началом Гражданской войны и иностранной военной интервенции, привело к роспуску старого и созданию нового, Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ) (декрет Совнаркома РСФСР от 29 января 1918 г.). В начальный период своего существования военно-морские силы Советской Республики переживали все трудности, выпавшие на долю страны: развал управления, отсутствие топливных ресурсов, проблемы кадрового состава, обусловленные сходом части командного и рядового состава на берег и т. п.

Тем не менее и в этих условиях развивалось управление службой связи и действовавшей в ее составе разведкой вообще и радиоразведкой в частности. В то время радиоразведка имела в своем составе центральную станцию радиоперехвата, 10 периферийных станций радиоперехвата и 10 пеленгаторных станций. Ее руководитель — талантливый инженер, создатель пеленгаторных радиостанций, второй флагманский минер и начальник разведывательного отделения штаба Балтийского флота, капитан 2 ранга И. И. Ренгартен после захвата власти большевиками перешел на преподавательскую работу в Военно-морскую академию. Сложившейся при нем структуры радиоразведки теперь не существовало.

На Балтийском флоте перехватом работы неприятельских радиостанций занималась только радиостанция «Новая Голландия»; на Черноморском флоте радиоразведывательная деятельность практически была прекращена. Когда в начале 1920 г. было принято решение о восстановлении Черноморского флота, СНиС флота продолжила вести наблюдение и перехват иностранного радиообмена. В ее составе тогда насчитывалось всего четыре шифровальщика и два переводчика. С апреля по июнь 1920 г. было развернуто до 25 наблюдательных постов, 6 промежуточных и узловых телеграфных станций.

Если и можно говорить о достижениях в перехвате радиообмена вражеских станций на морях и реках во время Гражданской войны, то только как об отдельных локальных эпизодах, предоставлявших командованию ценную информацию о замыслах противника. Приведу несколько примеров. На Волжской военной флотилии во второй половине октября радисты перехватили несколько радиogramм противника об обстановке в районе Гальяны на Каме и тотчас доложили об этом Командованию. И оно, пользуясь полученными данными, организовало налет на Гальяны в целях освобождения пленных красноармейцев и советских работников, уведенных белыми на барже при отступлении из Сарпула. В Гальяны под Андреевскими флагами направились миноносцы «Прочный»,

«Прыткий» и «Ретивый». Расчет был дерзок и прост — обмануть белых на берегу, воспользовавшись незнанием ими состава своей флотилии.

План освобождения баржи с 600 пленными красноармейцами и советскими работниками полностью удался. Баржа с пленниками стояла на Каме против Гальян. А у пристани под парами находился буксирный пароход «Рассвет». Ему с нашего головного миноносца был передан семафор от имени командующего белой флотилии адмирала Л. Н. Старка «взять баржу на буксир и вести ее к устью реки Белой». Буксирный пароход выполнил команду, взял баржу и повел ее вниз по течению Камы. Около деревни Пещеры к барже подошла наша канлодка «Волгарь Добровolec». Матросы под командованием боцмана С. Белова быстро перешли на баржу и разоружили караул. Затем отряд без противодействия миновал берега, занятые противником¹.

В первой половине 1920 г. Волжско-Каспийская флотилия вышла на морской простор и обеспечивала радиосвязью боевые действия частей Красной Армии по освобождению берегов Каспия. Каспийские радисты после занятия форта Александровский сумели убедить белогвардейцев, что форт красными не взят и по-прежнему остается в их руках. И их командование продолжало передавать форту много весьма полезных для нас сведений. Так радист эсминца «Карл Либкнехт» Н. Чемнуков, работавший на радиостанции форта, принял 5 мая 1919 г. радиограмму о переходе из Петровска в Гурьев на пароходе «Лейла» генерала Гришина-Алмазова, который шел для установления более тесного взаимодействия между войсками Деникина и Колчака.

Радиотелеграфист Кузьма Равков перехватил переговоры между «Лейлой» и сопровождавшим его английским вспомогательным крейсером «Президент Крюгер». Используя разведанные, наше командование разработало операцию по захвату «Лейлы». Вскоре после того, как крейсер расстался с судном, оно было захвачено красным эсминцем «Карл Либкнехт». Генерал и его адъютант застрелились. А сопровождавшие Гришина-Алмазова 29 офицеров попали в плен. Среди них были английский офицер Дикс и французский офицер Ренар, советники белогвардейских генералов. В руки наших моряков попали очень важные документы, среди которых были план совместного похода Деникина и Колчака на Москву, их личная переписка и многое другое².

По распоряжению С. М. Кирова, руководившего обороной Астрахани, все радиограммы, принимавшиеся от белогвардейских радистов, тотчас передавались в штаб 11-й армии. А там в них вносились нужные изменения и передавались в белогвардейские штабы, чтобы запутать их управление войсками. Радиоперехватом занимались не только береговые, но и корабельные радиостанции. 5 апреля 1920 г. радисты эсминца «Карл Либкнехт» перехватили радиограмму, приписывавшую генералу Толстову со штабом погрузить золото и серебро и ждать приказаний. Стало ясно, что белые готовятся к эвакуации в германский порт Энзели. Вышедший к расположению части белых эсmineц, после успешного боя с двумя вспомогательными крейсерами «Милютин» и «Опыт», которые вынуждены были отступить, подошел к берегу и, нацелив пушки на расположение врага, заставил его сдаться, захватив в плен двух генералов, 77 офицеров, 1088 казаков и 90 пудов серебра.

В годы Гражданской войны родилась радиоразведка Красной Армии. Она обнаруживала радиообмен береговых и судовых радиостанций противника. Ее формирование началось в конце 1918 г. В ноябре этого года в составе Регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики было создано первое подразделение радиоразведки — приемоконтрольная радиостанция. В январе 1919 г. в Серпухове была сформирована приемоинформационная радиостанция, предназначенная для перехвата передач иностранных информационных агентств.

В январе 1919 г. на фронтах началось формирование пеленгаторных и приемоинформационных радиостанций — первых подразделений фронтальной радиоразведки, на

Начисел батални минимална јед

ВСТУПИЛ НА СЛУЖБУ В РККА 1 Октября 1931 г.

16. Служба в рядах Красной Армии и в запасе
17. Служба в рядах Красной Армии и в запасе
18. Уволен в запас
19. Зачислен в отставку со званием
20. Аттестация

Наименование части	Наименование должности	Год	Месяц и число	Чей приказ	№
Взвод связи 1-го полка	Курьер	1931	1/х		
Команда 1-го полка	Камандир	1931	4/х		
Личный состав 1-го полка	Камандир	1931	1/х		
3-й батальон 1-го полка	Старшина	1938	3/х	№ 199	0251
3-й батальон 1-го полка	Старшина	1938	3/х	№ 199	0250
1-й батальон 1-го полка	Командир	1939	9/х	499	0200
1-й батальон 1-го полка	Командир	1940	29/х	499	0514
1-й батальон 1-го полка	Командир	1941	10.9	499	0481
ОКР в Оценцири	Командир	1941	3.11	499	0677
Группа стрелков	Командир	1945	19/5	-	064
Группа стрелков	Командир	1945	15.15	29	0508
Группа стрелков	Командир	1945	1/х	-	0748
Группа стрелков	Командир	1946	5.х	"	0089
Группа стрелков	Командир	1946	11.05	"	0155
Группа стрелков	Командир	1950	10.07	В.И.И.	0150
Группа стрелков	Командир	1950	27.х	КАВСО	0311
Группа стрелков	Командир	1953	26.03	ЗКВМС	065
Группа стрелков	Командир	1953	23.05	МОД	0273
Уволен в запас	59 п. 2	1954	27.10	В.И.И.	01
Уволен в запас	59 п. 2	1955	5/х	2к В.И.И.	02
Уволен в запас					
Зачислен в отставку со званием					
по какой должности	Окончательный вывод аттестации			Дата	

Послужная карта одного из участников описываемых событий.

которые возлагались также задачи по контролю за своими радиопередачами. В том же году на Западном, Юго-Западном, Южном, Туркестанском, а к концу года и на Кавказском фронте радиоразведку вели 24 приемных и 6 радиопеленгаторных станций. А в следующем, 1920 г., их число соответственно выросло до 80 и 8. Тогда же фронтовая радиоразведка Красной Армии эпизодически вела перехват радиообмена и выявляла деятельность кораблей и судов белых на Каспийском и Черном морях. Так, в ноябре 1919 г. радиоразведкой РККА была вскрыта доставка военного имущества и продовольствия для Уральской белой армии на судах «Австралия», «Азия», «Европа», «Слава», «Африка» и «Президент Крюгер», входивший в состав Каспийской флотилии белых.

Радиоразведка Юго-Западного фронта в 1920 г. обнаружила корабли интервентов на Черном море у берегов Крыма и подвоз на судах боеприпасов, оружия и снаряжения для войск Врангеля в Крыму, установила также радиосвязь Врангеля с Антантой и вела перехват работы радиостанций белых в Севастополе с Парижем, Варшавой, Константинополем, Бухарестом и Афинами. С начала наступления войск Южного фронта на Крым 28 октября 1920 г. радиоразведчики вскрыли передислокацию штабов белогвардейцев, добыли сведения о боевой деятельности войск, о военных кораблях и транспортах неприятеля.

Таким образом, в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции родилась и приобрела первый положительный опыт радиоразведка Красной Армии. Однако военно-морская радиоразведка функционировала слабо, по существу она была развалена и нуждалась в возрождении.

Балтика

И этот процесс начался с общего восстановления Балтийского и Черноморского флотов в 1921 году. Оживление деятельности радиоразведки происходило, как и накануне и в годы Первой мировой войны, в рамках СНиС Балтийского моря. Ее штат в 1923 г. был определен в 298 человек. Специалисты Службы связи и ее составной части — радиоразведки нуждались в оснащении современной техникой. С этой целью по представлению начальника Морских Сил РККА был учрежден Научно-технический комитет Морского ведомства (НТКМ). В его структуре была секция связи. Ее первым председателем стал в апреле 1924 года видный инженер, заведующий кафедрой радиотехники, профессор электротехнического института (ныне университет) И. Г. Фрейман. Во главе с ним секция разработала основные технические задания на перспективную систему связи и наблюдения в ВМФ. Главное в ней — радиооружие флота. К ее осуществлению Иммануил Георгиевич приобщил своего аспиранта, выпускника 1925 года Военно-морской академии по кафедре радиосвязи А. И. Берга, который и возглавил секцию после кончины И. Г. Фреймана в 1929 г. А. И. Берг добился создания научно-испытательного полигона связи (НИПС) и разработал первую систему радиооружия флота, получившую условное наименование «Блокада-1». Система включала в себя семь типов длинноволновых (таких как «Ураган» диапазоном 900—1900 м), два типа коротковолновых радиостанций (таких как «Бухта» диапазоном 10—120 м), один тип УКВ радиостанции и четыре типа радиоприемников: «Ветер» (с диапазоном 200—3000 м), «Якорь» (30—120 м), «Дозор» (200—2500 м) и «Куб-4» (10—120 м)³. Со дня принятия названных радиостанций на вооружение кораблей и частей флота их использовали до конца 30-х годов и для ведения радиоразведки. Специальных подразделений, занимавшихся радиоразведкой, в начале 20-х годов не было, как не было и постоянных дежурных вахт радистов. Однако это не означало, что связисты Балтийского и других морей не интересовались радиообменом в зарубежных флотах. Отдельные, наиболее опытные советские радисты на Балтийском, Черном и других морях

принимали радиограммы сопредельных зарубежных флотов и пополняли знания об их работе.

Постоянный, регулярный поиск за радиостанциями зарубежных флотов начался с создания первой в Советском Союзе части для ведения радиоразведки. Это произошло 28 сентября 1927 г. В тот день была учреждена телефонно-телеграфная станция № 3. Она функционировала в системе службы СНИС Морских сил Балтийского моря. С этой даты фактически и началась история советской военно-морской разведки.

Почему колыбелью ее стали Морские силы Балтийского моря? Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, флот на Балтике в тот период был наиболее сильным из всех флотов. Во-вторых, здесь сохранялась память о работе русской флотской радиоразведки в период Первой мировой войны и были живы некоторые специалисты, участвовавшие в этой работе.

Местом рождения телефонно-телеграфной станции № 3 стала дача Шитто, расположенная в трех километрах от Ораниенбаума. Ее состав был определен 16 специалистами. За десять лет развития она превратится в 1-й Береговой радиоотряд особого назначения (1 БРО). В выписке из исторического журнала о рождении части и ее развитии, помещенной в 356 фонде Центрального военно-морского архива, названы четыре ее основателя: И. А. Авраменко, Т. Г. Савалин, С. С. Титов и С. З. Дьяковский⁴. Все четверо были опытными радистами, знавшими теорию и практику радиосвязи.

В 1928 г. она была переименована в 4-е отделение СНИС БМ. В 1929 г. — в Информационный центр СНИС со штатной численностью личного состава в 60 человек и подчиненностью: по организационно-строевым вопросам — СНИС, по разведывательной деятельности — Разведотделу (РО) Штаба КБФ.

Осенью 1929 г. была сформирована 1-я радиопеленгаторная станция (РПС) с дислокацией в дер. Ручьи (Лужская губа) со штатной численностью в 6 человек. Начальником РПС-1 в конце 1930 г. был назначен Н. И. Леонтьев, воспитанник ленинградской школы связи. Весной 1930 г. состоялось формирование РПС-2 с дислокацией в поселке Струги Красные (тогда Ленинградской, а ныне — Псковской области). Начальником этой станции стал М. В. Казин. Осенью 1931 г. в деревне Бродки под Полоцком была создана РПС-3. На всех станциях еще не было пеленгования по радиокомандам. Поэтому оно осуществлялось по постоянным заданиям.

Балтийские радиоразведчики вели перехват радиообмена и пеленгование работающих станций военно-морских сил Финляндии, Швеции, Эстонии, Латвии, Литвы и Германии. Объектами радиоразведки становились военно-морские корабли Великобритании и других стран, если они заходили в Балтику из Северного моря. В то время Германия не могла быть главным объектом слежки: у нее были ограничения по Версальскому мирному договору. Зоной радиоразведки в основном была акватория Балтийского моря. Специальных обрабатывающих подразделений в части не было. В ее штате отсутствовали переводчики, поэтому использовали переводчиков из Ленинграда. Обработку радиоматериала вели Т. Г. Савалин и С. С. Титов. Значительная часть материала не обрабатывалась и часть радиоразведывательных сведений терялась.

В 1929 г. РПС № 3 была реорганизована в Информационный радиоразведывательный центр (ИРРЦ) СНИС Мс Бм. Штат 60 человек. Двойное подчинение ИРРЦ: начальнику СНИС и разведотделу. ИРРЦ взаимодействовал с другими видами разведки флота, что повышало эффективность его работы.

Положительно проявили себя радиоразведчики во время перехода линкора «Парижская коммуна» («Севастополь») и крейсера «Красный Профинтерн» («Красный Крым») с Балтийского на Черное море (22 ноября 1929 — январь 1930 г.). На этот переход была выделена группа радиоразведчиков ИРРЦ в составе главного старшины Т. Г. Савалина и

старшин 2 статьи Никулина, Выбрина и Гриневича. Перед группой стояла задача обеспечения командования отряда кораблей разведанными об обстановке в районе перехода и слежение за радиосвязью разведываемых сил, слабо прослушиваемой береговыми постами радиоразведки. Это была первая в советском флоте специально организованная группа для ведения радиоразведки боевых кораблей. С поставленными задачами она справилась. За успешное выполнение заданий старший радиоразведгруппы Т. Г. Савалин был награжден часами.

С 1930 г. в ИРРЦ стали назначать командный состав, окончивший военно-морские и военные училища (школы). В феврале 1930 г. на должность начальника РПС 1-го класса, разместившейся при ИРРЦ в Ораниенбауме прибыл А. В. Стороженко. По рекомендации А. И. Берга он защитил в училище дипломный проект на тему «Корабельный радиопеленгатор». А. В. Стороженко был первым инженером в советской военно-морской радиоразведке. Он оказал большую помощь командиру части И. А. Авраменко в вопросах организации и использовании технических радиоразведывательных средств. Он служил в ИРРЦ до ухода в Военно-морскую академию в октябре 1931 г. Тогда же в часть прибыли после окончания ВМУ им. Фрунзе В. В. Обухов, знавший английский язык, П. Ф. Пинтаев, владевший немецким языком. Потом прибыли переводчики с латышского и эстонского языков.

Балтийский ИРРЦ превратился в базу кадров для радиоразведки других флотов. В. В. Обухов был послан на ТОФ, на Северный флот — А. С. Гохберг, на Краснознаменную Амурскую флотилию — Т. Г. Савалин. Воспитанником части был талантливый поэт-маринист Алексей Лебедев.

Из радиоразведки с должности командира отделения радистов Алексей Лебедев поступил учиться в ВМУ им. Фрунзе, успешно закончил его, получил звание лейтенанта и удостоился назначения штурманом подводной лодки «Л-2». На второй день войны с фашистскими захватчиками он писал матери: «Мама, единственная моя! Пришло время больших испытаний, молю тебя, родная моя, быть такою же непоколебимой духом, какой я всегда знал тебя, и верить в то, что мы разгромим этого иуду-Гитлера... Молю тебя, береги себя, потому что твоя жизнь мне дороже собственной. Я уверен в том, что мы выдержим эту войну, навязанную нам, и я еще долгие годы буду видеть тебя счастливой и радостной. Не закрываю глаза на то, что впереди много тяжелого и трудного, но кому же бороться за Родину, как не ее сыновьям.

Светлая моя мама, радость и тепло моей жизни, еще раз целую твои милые руки, и глаза, и волосы. Пожелай мне бодрости и успеха, и твои пожелания неизменно сбудутся. Я же с тобой сердцем, где бы ни был... Обнимаю тебя со всей любовью и нежностью, будь здорова и невредима, моя ненаглядная. Всегда твой Алексей. 23.VI.41 г.»⁵.

Воспитанник морской радиоразведки и ВМУ им. Фрунзе Алексей Алексеевич Лебедев погиб на подводной лодке «Л-2» в ноябре 1941 г. у о. Кери.

В марте 1935 г. Информационный центр переименовывается в 10-е отделение РО Штаба КБФ со штатной численностью в 125 человек и полным подчинением ему. Ноябрь 1936 г. стал временем формирования 4-й РПС в районе г. Невеля (ныне Псковской области).

В апреле 1937 г. 10-е отделение РО переименовывается в 1-й Береговой радиоотряд (1 БРО) КБФ, а 1, 2, 3 и 4-я РПС получают название береговых радиопунктов (БРП). В октябре 1939 г. организуется 5-й БРП с дислокацией в г. Белосток (тогда БССР, ныне Польшая республика).

В связи с вводом советских войск в Эстонию в сентябре 1939 г. по решению Военного Совета флота в ноябре того же года в Палдиски (40 км западнее Таллина) был размещен за рубежом первый в истории советский военно-морской радиоразведки БРП-4 под командованием лейтенанта В. М. Адамова.

30-е годы ознаменовались широким применением иностранными флотами передающих радиостанций на коротких волнах. Чтобы пеленговать такие станции, нужны были коротковолновые пеленгаторные станции. Их первые испытания были проведены на о. Котлин при участии представителя ИРРЦ КБФ А. В. Стороженко. Испытываемый образец имел название «Парус Б» диапазоном 30—100 м. В 1933 г. он был испытан в ИРРЦ КБФ. Но в серию из-за габаритов не пошел. На вооружение был принят стационарный пеленгатор «Памир» с неподвижной гониометрической антенной системой, осуществление идеи видного ученого А. Н. Щукина. Дальнейшему развитию техники радиоразведки способствовало создание Научно-исследовательского морского института связи. Его начальником стал А. И. Берг, до того возглавлявший секцию связи в НТМК. Вскоре в радиоразведывательные части стали поступать специально разработанные пеленгаторы: длинноволновый «Плавник», средневолновые «Градус Б-1» и «Градус», коротковолновый «55-пк-2», а потом «55-пк-3» и «55-пк-3а».

Оснащение радиоразведки новой техникой совпало с организационным преобразованием ИРРЦ в Отдельный радиоразведывательный отряд (ОРРО) в 1935 г. и в 1936 г. последний в Первый Береговой радиоотряд (1 БРО). Их командиром на Балтике по-прежнему оставался И. А. Авраменко. Во второй половине 30-х годов в 1 БРО для продолжения службы прибыли выпускники ВМУС им. Орджоникидзе: Ф. С. Тихоненко, А. И. Ермолаев, В. Е. Локтин, Д. И. Войналович, В. М. Адамов, В. А. Васильев, Ю. Н. Корниенко и другие. Их усилиями было повышено качество добывания и обработки разведматериала.

Радиоразведка давала о себе знать и на крупных войсковых учениях. В 1936 г. группа радистов-разведчиков КБФ в составе 20 человек участвовала в двухстороннем учении войск Киевского и Ленинградского военных округов. В 1937 г. во время похода линейного корабля «Марат» КБФ в Великобританию на его борту находились радисты-разведчики, которые вели радиоразведку действий кораблей немецкой эскадры, участвовавшей в войне с Республиканской Испанией.

Ценный опыт обрели советские морские радиоразведчики в Испании и Китае. Первая группа балтийских радиоразведчиков отбыла в Испанию 16 октября 1936 г. В ее составе были радисты Н. Миронов, В. Соколов, Я. Шульц и Я. Яблочников. В выполнении интернационального долга в Испании также участвовали: Я. Бормотин, Н. Иванов, П. Панков, А. Каргишин, Н. Райский, С. Пахомов, А. Лавренев, Г. Кузнецов, Г. Клебанов, М. Алтшулев, А. Власов, П. Устинов и другие. Почти все они были награждены советскими боевыми орденами, а в 1966 г. удостоились медалями «Участнику национально-революционной войны в Испании в 1936—1939 гг.». Испанскую республику защищали воспитанники 1 БРО, добровольно явившиеся из запаса. В их числе А. Клюев, награжденный орденом Ленина. Он и его товарищи по Балтике Н. Щечков, Н. Миронов, Г. Кузнецов и А. Богданов после окончания войны в Испании добровольно поехали в Китай для оказания ему помощи в войне с Японией.

РОРККФ перед БРО флотов и флотилий поставил конкретные оперативные задания на 1938 г. Например, 1 БРО они были определены по Германии, Финляндии, Швеции, Эстонии, Латвии и Польше.

Конкретно по Германии: 1. Уточнить организацию и состав БО (места батарей, калибр и проч.). 2. Вести непрерывное наблюдение за деятельностью вновь вступивших в строй кораблей, добываясь сведений об их тактико-технических данных и ловить все переговоры о технических неполадках во флотах. 3. Обратить больше внимания на деятельность морских ВВС. Уточнить расположение аэродромов и посадочных площадок. Выявить полные данные о составе морских ВВС и типах самолетов. 4. Следить и немедленно предупреждать о всех походах германских кораблей в восточную часть Балтийского моря

и устье Финского залива и за посещением портов Финляндии, Эстонии и Польши. 5. Наблюдать за переходами кораблей ВМФ в Северном море⁶.

По Финляндии, Эстонии, Латвии и Польше: 1. Наблюдение за продвижением и деятельностью флотов в Финском заливе и за взаимодействием их между собою. 2. Фиксировать факты посещения портов данных стран кораблями прочих государств и случаи взаимопосещения портов и районов Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии и Польши.

По Финляндии: 1. Наблюдение за характером боевой подготовки, проводимой в шхерных районах. 2. Наблюдение за оборонным строительством на островах и в восточной части Финского залива. 3. Выявить организацию, расположение батарей и состав БО.

По Швеции: 1. Выявить характер учений, проводимых в шхерных районах. 2. Подробнее освещать учения, проводимые кораблями у западных берегов Швеции. 3. Особое внимание обратить на деятельность эскадренных миноносцев и подводных лодок⁷.

Далее были определены общие и специальные задачи по наблюдаемым флотам.

В соответствии с поставленными задачами в каждом БРО были составлены собственные планы организации радиоразведки. В них указывались задачи всех подразделений по их реализации.

В предвоенные годы руководители радиоразведки большое внимание уделяли техническому оснащению БРО. Этому был посвящен Первый Всесоюзный сбор личного состава военно-морской радиоразведки, состоявшийся с 15 по 25 апреля 1939 г. в Ленинграде на полигоне 4-го отдела НИМИСа. В РГА ВМФ хранился Протокол заседаний этого сбора, представленный заместителем начальника НИМИСа, военинженером 1 ранга А. В. Стороженко. Из документа видно, что в сборе участвовали М. А. Нефедов, М. Ф. Филин, И. Я. Лаврищев, Якуницкий, А. А. Филипповский, П. Н. Грунский, Г. Я. Белозерцев, Ф. С. Тихоненко, П. М. Куприяненко, Т. Г. Савалин, Краснов, Ф. В. Еремеев, П. А. Зайцев, С. Е. Иванов, И. Д. Кац, А. С. Гохберг, всего 16 человек. А вместе с сотрудниками НИМИСа и другими приглашенными 42 человека⁸.

Сбором руководил начальник 10 отделения РО РК ВМФ капитан 3 ранга М. Ф. Филин. Сбор открыл начальник РО РК ВМФ капитан 2 ранга М. А. Нефедов, который охарактеризовал очередные задачи радиоразведки РК ВМФ и определил линию взаимодействия НИМИСа и местных радиоотрядов. «Вам, практика радиоразведки, — сказал он, — надо поставить здесь на сборе прямые вопросы и получить прямые ответы»⁹.

Первый основной доклад о технике сделал доктор технических наук, профессор А. Н. Щукин. Доклад инженера А. Б. Беленького был посвящен средневолновому и длинноволновому радиопеленгованию. Автоматизации и телемеханизации радиопеленгования посвящался доклад научного сотрудника И. С. Кукеса. Военинженер 3 ранга В. В. Фенютин посвятил свой доклад специальной технике.

В обсуждении докладов первым выступил командир 4 БРО П. Н. Грунский, который сказал, что до 1938 г. НИМИС не принимал участия в выборе мест для радиопунктов. Желательно прибытие его специальной бригады по выбору и дальнейшему усовершенствованию РП и обеспечению внедрения аппаратуры в эксплуатацию. Эта бригада должна работать на местах и по проверке заземлений, калибровке радиопеленгаторов и т. д. И далее он заметил, что хорошие идеи, вложенные в аппаратуру, у нас губят плохие детали, у «Памира» переключатели, трансформаторы¹⁰.

Для понимания хода дискуссии, ее направленности и конкретности суждений много дало выступление ответственного за разработку техники и аппаратуры для радиоразведки А. В. Стороженко. Касаясь истории этой проблемы, он сказал, что с 1929 г. ему пришлось добиваться организации и развития самостоятельной лаборатории по разведке. Даже заместитель НИМИСа Г. Г. Мидин «не понимал этой необходимости». И сам начальник института А. И. Берг «прямо проявлял к берегу, к разведке пренебрежение». Лишь с осени 1932 г.

создалась пеленгаторная лаборатория по береговым и корабельным пеленгаторам. В 1933 г. была проведена первая командировка на Север. Составили сами тактико-технические задания на оборудование театра. Интерес командование НИМИСа проявляло лишь к материалам связи. В 1934—1935 гг. изучали Чф и Сф и старались им помочь. В этом отношении большие заслуги имеет А. Н. Щукин. В 1935—1936 гг. мы имели уже состав в 5—6 человек, который частично выполнял роль руководящего центра по радиоразведке.

«Со стороны Разведупра РККА мы поддержки не имели, — продолжал Александр Васильевич. Сейчас положение немного улучшилось. Начальник Связи ВМФ В. М. Гаврилов и сейчас готов отбросить от себя заботу о разведке и о нашем 4 отделе». Но А. В. Стороженко и его единомышленники в 1937 г. добились разрешения вопроса об организации отдела радиоразведки. Тот разворот «позволил дать настоящее положение. Но и в этих условиях новый начальник института Я. Г. Вараксин, сменивший А. И. Берга, не поддерживал такого развития 4 отдела, чтобы он стал «институтом» в институте. «Логически, — завершал свое выступление Стороженко, — бесспорно нужно создать все возможности для развития научно-технического центра разведки в любом виде при РО РК ВМФ»¹¹.

Созданная сбором редакционная комиссия (Лаврищев, Масалиев, Грунский, Савалин, Еремеев, Белозерцев, Куприяненко) выработала тексты резолюций.

Внимание к технической оснащенности радиоразведки не ослабевало, а усиливалось. Поэтому начальник 1 Управления РУ НК ВМФ капитан 1 ранга Н. И. Зуйков и военком полковой комиссар Елисеев наметили на базе 4 отдела НИМИСа в Ленинграде и его полигоне в Стрельне провести с 5 по 28 мая 1940 г. сбор руководящего технического состава БРО. Сбор состоял из трех частей. Первую составили доклады: капитана 3 ранга М. Ф. Филина «Задачи сбора руководящих работников БРО»; военинженера 3 ранга И. Я. Лаврищева «Задачи работы помощников командира БРО по технике»; доктора технических наук, профессора А. Н. Щукина «Краткий курс: а) теория распространения и пеленгования радиоволн, б) практика эксплуатации радиоприемных и радиопеленгаторных устройств»; научного сотрудника НИМИСа И. С. Кукеса «Характеристика современных радиоприемных устройств и способов радиосвязи», заместителя начальника НИМИСа, военинженера 1 ранга А. В. Стороженко «Основы проектирования новых ПЦ и РП БРО ВМФ»; военинженера 3 ранга В. Г. Масалиева и научного сотрудника НИМИСа Беленького «Указания по улучшениям электропитания и эксплуатации аппаратуры в действующих ПЦ и РП БРО ВМФ».

Вторая часть состояла из практических занятий по материалам и лабораторным работкам НИМИСа новой аппаратуры для БРО и ознакомление с имеющимися проектами и действующими ПЦ 3 БРО.

Третью часть составляло занятие на Харьковском заводе № 193 и Московском НИИ № 10 по ознакомлению с производственными образцами, выпускаемой и подготавливаемой к выпуску аппаратуры для нужд радиоразведки, а также практическое ознакомление с имеющимися проектами и действующим ПЦ 3 БРО в Севастополе.

Из программы видно, что участники сбора совершенствовали свои знания в Ленинграде, Стрельне, Севастополе, Харькове и Москве. Итоги сбора были подведены в докладе капитана 3 ранга М. Ф. Филина и военинженера 3 ранга И. Я. Лаврищева¹². Руководящие работники БРО целеустремленно заботились о внедрении в радиоразведку новой техники и аппаратуры. С особым удовлетворением принимали они от промышленности такие современные пеленгаторы как «55-пк-3а». Он признан лучшим среди коротковолновых пеленгаторов всех государств, воевавших во Второй мировой войне. Его главное достоинство состояло в том, что он обладал очень высокой чувствительностью, позволявшей радиосту-пеленгаторщику при слышимости сигнала в 3 балла (по девятибалльной системе) давать уверенный пеленг на наблюдаемую (работающую) станцию.

Забота о новой, самой совершенной технике и аппаратуре сочеталась с подготовкой кадров радистов высокой квалификации. Программа специального обучения радистов ВМФ для подготовки радиоразведчиков по технике приема буквенных и цифровых знаков азбуки Морзе на слух предусматривала подготовить такого радиоразведчика, который безошибочно принимает по правилам международной корреспонденции: а) латинизированный текст 100 знаков в минуту, б) русский текст — 90 знаков в минуту, в) цифровой текст — 80 знаков в минуту, г) смешанный текст — 90 знаков в минуту.

Для учебных отрядов ТОФ и АКФ прием азбуки Катакана — 80 знаков в минуту¹³.

Активно действовала наша радиоразведка в советско-финской войне (ноябрь 1939 г. — март 1940 г.). Ее специалисты действовали с 48 боевых постов. Из них 26 вели поиск, сложение и перехват радиограмм, 12 — пеленгование неприятельских станций, 7 — обеспечивали телефонную связь, 2 — радиосвязь и 1 — звукозапись. Командование флота получило от радиоразведки ценные сведения о действиях финских военно-морских сил. В докладе о боевых действиях КБФ за период с декабря 1939 г. по март 1940 г. начальник штаба КБФ, капитан 1 ранга Ю. А. Пантелеев указывал, что БРО в основном задачу выполнил, ряд его донесений был подтвержден авиацией и подводными лодками. Им были выявлены характер, организация, район морских перевозок противника, подтвержденные визуальным наблюдением. С сожалением заметил докладчик об имевших место случаях необоснованного недоверия к данным радиоразведки. В апреле 1940 г. положительную оценку деятельности радиоразведки дал Народный комиссар ВМФ Н. Г. Кузнецов.

В предвоенные месяцы 1941 г. на радиоразведчиков КБФ легли особо тяжелые задачи. В составе БРО были ПЦ и Штаб (Таллин), пять береговых радиопеленгаторных пунктов (Гаккво, Невель, Палдиски, Лиепая, Белосток). У радиоподразделений было 16 постов перехвата и 10 постов пеленгования. Ими разведывались ВМС Великобритании, Германии, Финляндии и Швеции. Радиоразведкой охватывались просторы Балтийского моря и Проливной зоны. Она хорошо помогала штабу КБФ видеть деятельность флотов Германии и Финляндии. Это видно по недельным сводкам штаба. Например, в недельной сводке № 9, подписанной начальником штаба КБФ контр-адмиралом Ю. А. Пантелеевым и временно исполнявшим должность начальника РО капитаном 3 ранга С. Е. Ивановым, отмечалось, что корабли германского флота, базирующиеся на Мемель, Данциг, Готенхофен, Свинемюнде в период с 26.5 по 1.6.41 г. проходили боевую подготовку в районах: Риксгофт — полуостров Хела, северная часть Динцитской бухты, зюйд-остовая часть Балтийского моря.

С 26.5 по 29.5 от 6 до 14 кораблей (в том числе подводные лодки) в районе Риксгофт — полуострова Хела проводили торпедные стрельбы. Буксировка торпед обеспечивалась конвойными кораблями типа «Ф-1». В период с 26.5 по 1.6 гидроавиация, базирующаяся на аэродромы Балтийского моря, проводила учебно-тренировочные полеты в зюйд-остовой и зюйдовой частях Балтийского моря. Выводы: 1. По сравнению с предыдущей неделей, деятельность кораблей германского флота понизилась. 2. Немецкие ВВС ведут постоянную разведку средней части Балтийского моря. 3. Германия продолжает поставлять финнам грузы военного характера.

В течение прошедшей недели корабли финского флота: броненосцы «Вайнямейнен», «Илмиринен», канонерские лодки «Каряда», «Хямеенмаа», две подводные лодки «Веси-хииси» (название второй не установлено) и один неопознанный корабль, проводили ночную боевую подготовку в районе Корпо и Нагу. В течение времени с 23.5 по 1.6 самолеты, базирующиеся на аэродромы Сантихамина и Турку, продолжали активную воздушную разведку всего Финского залива и Або-Аландского архипелага. Выводы: 1. Корабли проходят боевую подготовку в районе островов Корпо и Нагу. 2. Велась активная и

систематическая воздушная разведка района учений КБФ, а также Або-Аландского архипелага¹⁴.

В то время балтийские радиоразведчики прослеживали интенсивные перевозки морем немецких войск и вооружений в Финляндию, а также эпизодические походы военно-морских кораблей Германии в северную часть Балтийского моря. Отмечались случаи нарушения немцами воздушного пространства. Их самолеты появлялись в районах военно-морских баз КБФ. День за днем фашистская Германия приближалась к войне против СССР. О тревожностях июня сорок первого года на Балтике Народный Комиссар ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов писал: «Буквально не проходило суток, чтобы В. Ф. Трибуц не сообщал мне с Балтики о каких-либо зловещих новостях. Чаще всего они касались передвижения около самих границ немецких кораблей, сосредоточения их в финских портах и нарушений нашего воздушного пространства»¹⁵.

Учитывая нарастающую опасность, Нарком приказал всем флотам перейти на боевую готовность № 2. Это было 19 июня. На эту готовность перешел и БРО КБФ. Один из лучших радистов Отряда, служивший в нем с 1935 года, старшина группы радистов, чуваш, член ВКП(б), главстаршина Петр Ильич Митрофанов первым из сослуживцев обнаружил немецкие подводные лодки во второй половине дня 21 июня в западной части Финского залива в районе Хельсинки. Тогда же его сослуживцы отметили работу новых немецких радиостанций в районе Хельсинки, Турку, Раума. Добытые сведения немедленно стали достоянием РО штаба КБФ. Командование Отряда распорядилось открыть в ПЦ новые вахты для разведки военно-морских и военно-воздушных сил Германии. Исходя из полученных разведывательных сводок, Н. Г. Кузнецов в 23 часа 37 минут 21 июня 1941 г. ввел на КБФ оперативную готовность № 1, что означало для БРО вместо 16 боевых постов открыть 20.

Продолжение следует.

Примечания

1 Служба связи Военно-Морского Флота (История развития). М., 1976. С. 159—160.	7 Там же.
2 Там же. С. 168.	8 Там же. Л. 39.
3 Там же. С. 181.	9 Там же.
4 Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 356. Выписка из исторического журнала фонда. Л. 17.	10 Там же. Л. 44.
5 Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Т. 1. М., 1991. С. 259—260.	11 Там же. Л. 58.
6 РГА ВМФ. Ф.Р. 2045. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.	12 Там же. Л. 171.
	13 Там же. Л. 182.
	14 ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 488. Л. 464, 456, 466.
	15 Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1966. С. 317.

Н. А. Ломагин

Власть и народ: настроения населения Ленинграда в 1941—1942 гг.

«Наше правительство допустило немало ошибок, мы пережили моменты отчаяния в 1941—1942 гг., когда наша армия отступала, потому что не было другого выхода. Другой народ мог бы сказать правительству: “Вы не оправдали наших ожиданий. Уходите. Мы создадим другое правительство, которое заключит мир с Германией...” Русский народ, однако, не пошел по этому пути».

Сталин, 24 мая 1945 г.

Основной составляющей социальной истории является изучение настроений. К сожалению, в отечественной и зарубежной историографии практически ни один из аспектов этой проблемы не получил достаточного освещения.

Предлагаемая статья посвящена изучению массовых политических настроений ленинградцев в годы Великой Отечественной войны, которая была мощнейшим катализатором для переосмысления политических и нравственных ориентиров, которые были сформированы в советское время. Неудачи Красной Армии на фронте, суровые условия блокады, постоянная угроза смерти, умелая пропаганда немцев, призывавшая к прекращению сопротивления — все это оказывало влияние на умонастроения и поступки людей. Для ленинградцев и защитников города блокада была временем постоянных размышлений, сомнений, глубоких разочарований и отчаяния, приводивших иногда к трагическим поступкам.

Хронологические рамки статьи ограничиваются военными месяцами 1941 г. и первой блокадной зимой. В этот период происходили изменения в нормах выдачи продовольствия, имевшие трагические последствия для ленинградцев. По сути дела именно осенью и зимой 1941—1942 гг. населению города пришлось искать ответ на вопрос о путях выживания, делать свой выбор. Одни довольствовались тем, что давала власть (и в большинстве своем погибали), другие стремились, не вступая в конфликт с законом, обрести новый статус для получения продкарточек более высокой категории и этим обеспечить свое спасение, третьи пытались «решить» проблему голода за счет других, четвертые вставали на путь борьбы со сталинским режимом, видя в нем причину бед и страданий населения.

Особое внимание уделено деятельности органов НКВД, игравших ключевую роль в обороне города и обеспечении стабильности «внутреннего фронта». Известно, что в городе проводились подготовительные мероприятия на случай его сдачи противнику. Не является секретом и позиция немцев в отношении будущего Ленинграда после установле-

ния блокады. Обреченность на страдание населения была запрограммирована позицией обеих сторон — Гитлер не хотел принимать капитуляцию Ленинграда и не собирался проявлять какое-либо беспокойство в отношении его населения. Сталин же, в свою очередь, приоритетной задачей в период битвы за Ленинград считал сохранение не города и его населения, а частей Ленинградского фронта. В таком положении понятна особая роль УНКВД в развитии внутривнутриполитической ситуации в осажденном городе — любой «взрыв» внутри Ленинграда мог вызвать цепную реакцию и критическим образом повлиять на части действующей армии, находившиеся в непосредственной близости к городу или дислоцировавшиеся в нем.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы НКВД о настроениях населения не дают нам возможности проследить эволюцию настроений конкретного инженера Иванова или рабочего Петрова на протяжении всего периода блокады. Ведомство, призванное защищать государственную безопасность, фиксировало главным образом потенциально или реально опасные настроения, удаляя при этом малейшие ростки оппозиционности режиму. Как правило, период времени между первым проявлением нелояльности того или иного лица и его арестом составлял несколько дней, уходивших на допрос свидетелей и получение санкции у прокурора. Поэтому «первый выход на сцену» обвиняемого в антисоветской деятельности был одновременно и последним, отмеченным в спецдонесении УНКВД. Однако «горизонтальный срез» морально-политического состояния различных слоев общества представлен в документах НКВД очень детально. Они позволяют воссоздать общее развитие настроений ленинградцев в период битвы за Ленинград, особенно тех, что непосредственно граничили с оппозиционностью. Надо все же отметить, что в период кризиса 1941—1942 гг. УНКВД приводило примеры и типично просоветских настроений, хотя это, скорее, было исключением.

Напротив, документы партийных органов с большой полнотой высвечивают спектр лояльных настроений и, наоборот, куда в меньшей степени отражают негативные настроения. Но уникальность материалов ВКП(б) состоит в том, что, во-первых, главным образом в них мы можем найти информацию об изменении настроений самих партийцев (привлечение к уголовной ответственности даже за контрреволюционную деятельность осуществлялось только после исключения обвиняемого из рядов ВКП(б)). Именно протоколы заседаний райкомов и горкома ВКП(б) являются тем источником, который лучше, чем какой-либо другой позволяют ответить на вопрос о том, как вели себя рядовые коммунисты в наиболее тяжелые месяцы блокады. Сколько коммунистов поддавалось панике и спешно стало «терять» партийные билеты? Как изменялась динамика численного состава Ленинградской парторганизации в годы блокады? Много ли желающих было вступить в партию в условиях блокады и возможной сдачи города (это было мужественное и однозначное решение, поддерживающее режим)? И, наконец, только архивы ВКП(б) содержат информацию о настроениях среднего и высшего партийного звена. Подчас это стенограммы выступлений, реплики в ходе обсуждений, пометки на документах, переданных для ознакомления, воспоминания, написанные после окончания войны.

Важным источником для изучения настроений населения в годы блокады являются документы немецких разведывательных служб, важнейшей из которых, безусловно, была служба безопасности СД. 17 октября 1941 г. СД в сводке № 116 отмечалось, что «одной из важнейших задач Айнзатцгруппы А в отчетный период является создание структуры для ведения разведывательной работы в Петербурге».

Информацию о положении в городе немецкая разведка получала через допросы перебежчиков и военнопленных, а также свою агентуру. В центре внимания германских спецслужб были изучение общей политической ситуации в городе, настроений населения, вопросы обеспечения горожан продовольствием, информация о руководстве города и об

ответственных должностных лицах, а также целый ряд чисто военных вопросов, которые представляли «исключительный интерес» для командования 18-й немецкой армии. Речь шла прежде всего о расположении военных и промышленных объектов Ленинграда¹.

Начало войны. В плену иллюзий

Войну не ждали, но к ней готовились и были уверены, что пятилетки стахановского труда не пропали даром. Советские люди были уверены, что страна в военно-техническом отношении превосходит Германию. Кроме того, довоенная пропаганда способствовала распространению «шапкозакидательских» настроений как среди партийной элиты, так и рядовых граждан. «Врага будем бить на его территории», — уверял своих читателей журнал «Большевик». Печальный опыт финской кампании замалчивался. Многим казалось, что война будет недолгой, что Красная Армия быстро разобьет немцев. По мнению одного из секретарей РК ВКП(б) «в начале войны партактив и большинство трудящихся недоценили врага, надеялись на быструю победу»². Ленинградцы не отдавали себе отчета в том, какие трудности их будут ожидать на фронте, хотя в городе первые дни войны характеризовались появлением огромных очередей в магазины. Люди скупали сахар, соль, спички, пытались создать запас продовольствия. Сберкассы также оказались переполнены. Посетители стремились продать госзайм 1928 г. и заложить займ 3-й пятилетки, а также забрать свои сбережения³.

Первые недели войны характеризовались патриотическим подъемом ленинградцев, стремлением внести личный вклад в разгром врага. Успешно проведенные мобилизационные мероприятия в городе, формирование многотысячной армии народного ополчения — все это свидетельствовало о желании защищать свою страну и город от вероломного нападения фашистской Германии. Случаи уклонения от мобилизации и нежелание идти в народное ополчение носили в целом единичный характер, хотя в ряде организаций Ленинграда были отмечены факты уклонения половины лиц призывного возраста от мобилизации⁴.

Документы партийных и правоохранительных органов практически не содержат свидетельств о каких-либо значительных негативных настроениях в связи с призывом в действующую армию.

По данным начальника штаба охраны войскового тыла Ленинградского фронта полковника Дреева с начала военных действий и по 19 декабря 1941 г. частями и органами ОВТ ЛФ, городской, областной милицией, железнодорожной милицией дорожного-транспортного отдела Октябрьской и Ленинградской железных дорог в тылу Ленинградского и ранее Северного фронта было задержано 4738 человек, уклонившихся от призыва и мобилизации, причем основная масса задержанных приходилась на август — начало октября 1941 г.⁵

Практически все без исключения мероприятия военных и партийных органов в Ленинграде в течение первого месяца войны находили положительный отклик у населения. Информаторы райкомов сообщали, что общее настроение рабочих здоровое, паники во время воздушных тревог не было⁶. Тем не менее, приводился ряд примеров критики довоенных отношений СССР и Германии. В частности, рабочие говорили, что «не надо было давать немцам хлеб и нефть», так как сами голодали и плохо подготовились к войне и, как следствие, оказались застигнутыми врасплох⁷, что «зря кормили немцев — не русские люди нами управляют, а евреи, поэтому так и получилось»⁸. Уже в конце июня появились первые слухи о том, что «Красной Армии воевать нечем», что на фронте дела плохи и «Гитлера не удержат», что сам Гитлер обладает рядом выдающихся качеств⁹.

В период проведения мобилизации были зафиксированы несколько случаев антисемитских настроений. Рабочие выражали радость по поводу призыва в армию ев-

реев, занимавших «теплые» места на предприятиях (нормировщиков, кладовщиков и т. п.)¹⁰.

Основные тревоги женщин Ленинграда были связаны с эвакуацией детей, которая далеко не всегда проводилась организованно. По инерции народ с недоверием относился к подписанному с Великобританией соглашению о совместных действиях в войне против Германии¹¹.

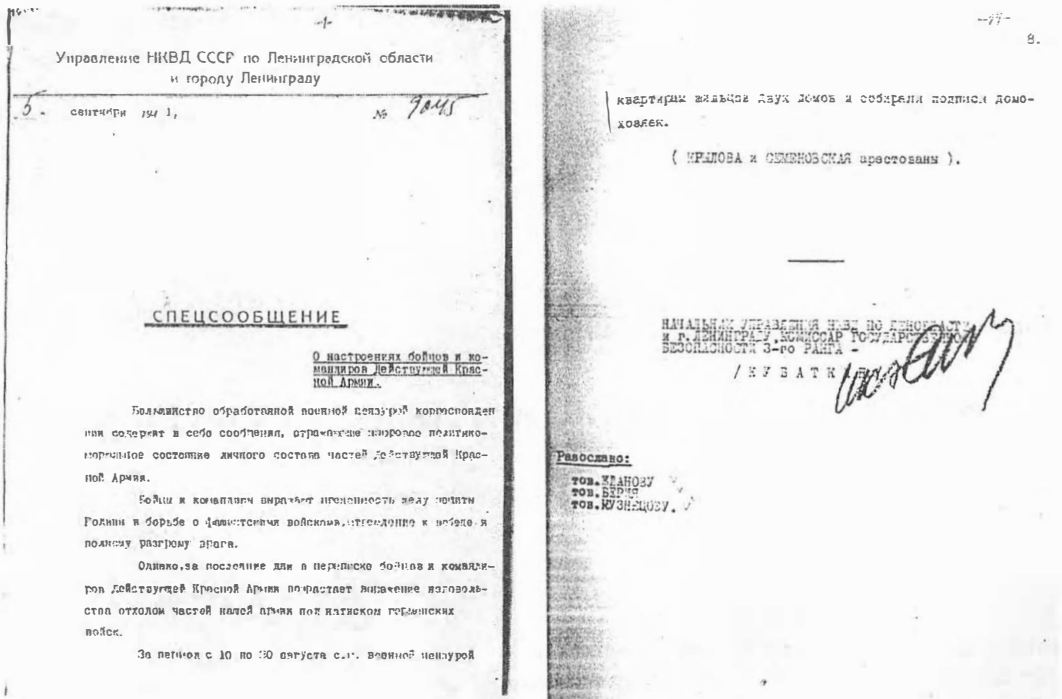
В первой половине июля в городе получил распространение слух о том, что отступление Красной Армии связано с изменой маршала Тимошенко, «перешедшего к Гитлеру»¹².

Август — начало сентября. Шоковая терапия «по Гитлеру»

Стремительное приближение немцев к Ленинграду, общее ухудшение положения в городе при отсутствии разъяснения причин военных неудач привели во второй половине августа 1941 г. к довольно широкому распространению всевозможных слухов по поводу сложившейся ситуации и перспектив войны. Характерно, что какого-либо системного анализа случившегося у масс не было. В различных вариантах среди рабочих повторялись тезисы о евреях и коммунистах как виновниках во всех бедах, обрушившихся на страну, об «обиде» красноармейцев-крестьян на советскую власть за насильственную коллективизацию, об измене и вредительстве военачальников. Подобные настроения захватили значительную часть горожан, о чем свидетельствует внимание партийных органов к этому явлению.

20 августа 1941 г. на ленинградском партактиве, посвященном рассмотрению вопроса о задачах коммунистов в связи с обороной города, А. А. Жданов отметил, что «...необходимо скрутить голову пятой колонне, которая пытается поднять ее, начинает шевелиться», что надо «...решительно покончить с профашистской агитацией насчет евреев. Это конек врага: бей жидов, спасай Россию! Бей евреев и коммунистов!». Далее он указал, что обычными методами работы правоохранительных органов обойтись нельзя, что формальностям мирного времени не должно быть места, что надо действовать «по-революционному, по-военному, действовать без промедления»¹³. Заведующий отделом пропаганды и агитации Кировского РК ВКП(б) вспоминал, что в домохозяйствах района женщины открыто начали вести агитацию, заявляя, что «всем коммунистам скоро будет конец», что «с приходом немцев они помогут уничтожить коммунистов»¹⁴. По городу прокатилась очередная волна слухов. Широкое распространение получило мнение, что народ обманули, сказав, что есть запасы продовольствия на 10 лет; появилось много очевидцев «фашистского рая». «Часть этих очевидцев, — продолжает М. Протопопов, — просто изымали органы (НКВД. — *Н. Л.*)... Мы хорошо были осведомлены о том, что творится в домохозяйствах, наиболее отсталых мы убеждали»¹⁵. В некоторых домохозяйствах были разбиты и выброшены бюсты Ленина и Сталина. Упаднические настроения нашли некоторое распространение и среди коммунистов. В Кировский РК ВКП(б) обращались «несколько коммунистов» с просьбой изъять у них произведения Ленина и Сталина: «придут, мол, немцы и за такую литературу вешать будут»¹⁶. Аналогичные факты были отмечены в Ленинском РК ВКП(б). «Хоть и при закрытых дверях, но задавали вопросы о том, когда можно уничтожить партбилет, уничтожить ли книги Ленина и по истории партии, спрашивали, когда выдадут паспорта на другую фамилию, чтобы обеспечить переход на нелегальное положение»¹⁷.

В специальном постановлении Кировского райкома ВКП(б) «Об антисоветских слухах, антисемитизме и мерах борьбы с ними», датированном 29 августа 1941 г., отмеча-

Страницы одного из спецсообщений НКВД.

лись факты проявления антисемитизма среди рабочих Кировского завода, фабрики «Равенство», на ряде номерных заводов, а также в домохозяйствах¹⁸. Неуверенность и растерянность оставшихся в Ленинграде коммунистов и даже целых партийных организаций советской группы Дзержинского района после ухода основной части актива на фронт была характерной для этого периода обороны города¹⁹. Пораженческие настроения захватили даже некоторых работников УНКВД, личные дела которых рассматривались на заседаниях бюро Дзержинского РК ВКП(б)²⁰.

В конце августа малочисленные пока пораженческие настроения под влиянием немецкой пропаганды²¹ приобрели вполне определенный характер — появились призывы к сдаче Ленинграда и превращению его в открытый город. Так, инструктор по информации Дзержинского РК ВКП(б) 22 августа 1941 г. сообщил в горком партии о том, что в районе трижды расклеивались объявления, в которых содержались призывы к женщинам с целью спасения детей идти в Смольный и просить, чтобы Ленинград объявили «свободным городом»²².

Рабочие Пролетарского завода вспоминали, что «жизнь становилась все хуже и хуже, немец подходил к Ленинграду, все наши пригороды были забраны, народ ходил панически настроенный, некоторые да и большинство ждали его как Христа. Рабочие говорили, что придет немец и перевешает всех коммунистов»²³.

Неблагоприятное воздействие на морально-психологическое состояние ленинградцев оказывало значительное количество дезертиров, которые вместе с беженцами являлись носителями негативных настроений и слухов. Например, только с 16 по 22 августа в Ленинграде было задержано 4 300 человек, покинувших фронт, с 13 по 15 сентября — 1 481, а за 16 сентября и первую половину 17 сентября — 2 086 дезертиров²⁴.

В этот период ленинградское руководство оценивало ситуацию в городе как критическую. На случай сдачи города производилось минирование важнейших объектов, создавалось подполье.

В спешном порядке в конце августа 1941 г. в городе было произведено «изъятие контрреволюционного элемента»²⁵.

Кроме того, в результате трех массовых облав с целью выявления дезертиров и лиц без прописки в Ленинграде и пригородах в период с 26 августа по 5 сентября 1941 г. было задержано 7 328 человек²⁶.

Таким образом, к моменту блокады в городе с населением в 2 457608 человек не должно было остаться политически неблагонадежных лиц. Поэтому носителями приводимых ниже настроений были самые обычные люди.

Блокада. Нарастание внутреннего кризиса

«У нас нет иллюзий, что они (русские люди) воюют за нас. Они воюют за Родину».

Сталин, сентябрь 1941 г.²⁷

В течение наиболее трудного для ленинградцев периода войны — осени и первой блокадной зимы — проявились основные тенденции развития антисоветских настроений. Впервые с момента начала войны органы УНКВД стали давать статистическую картину динамики изменений настроений, хотя она не совпадала с тем, как оценивали положение в городе сами ленинградцы и немецкая разведка. Имеющиеся в нашем распоряжении документы УНКВД свидетельствуют о том, что пик народного недовольства пришелся на январь—февраль 1942 г., когда около 20% горожан обнаружили те или иные «негативные настроения и проявления» социально-экономического и политического характера, причем доля экономических преступлений, связанных с голодом, втрое превосходила число «контрреволюционных» преступлений. В то же время, сами горожане, и это вполне естественно, говорили о том, что «все недовольны», что «98% процентов выступают за сдачу города немцам». СД также считала, что народ готов прекратить сопротивление, но партия и НКВД жестко контролируют ситуацию и надежды на спонтанное выступление масс против власти практически нет.

Главный предмет внимания НКВД — высказывания народа о власти. Что говорит, как определяет ее (главари, вожди, правительство, коммунисты и евреи, тов. Сталин, тов. Молотов, «вредитель» Попков). Институциональные представления о власти равны нулю — власть — это «они», которые опираются на НКВД, и решают «нашу» судьбу. Нет ни одного упоминания о реальных институтах власти — о ГКО, Военном Совете фронта, ЦК, СНК, Верховном совете и т. п. Основное назначение власти — в обеспечении минимума нормальной жизни, прежде всего в продовольственном снабжении. «Дайте хлеба!» — основное требование горожан в период блокады. Представления об идеальной власти — «хлеб за 40 копеек», «народу все равно какая власть будет, лишь бы кормили». Идеальная власть в представлении интеллигенции — возврат к «старому» — к дореволюционному периоду (самоуправление, республика и т. п.) или к НЭПу. Характерно, что ни один из противников Сталина (за исключением племянника Зиновьева Родомысльского) не назывался в приводимых НКВД высказываниях. В этом могла сказываться боязнь власти или «деполитизация» масс после процессов. Способы воздействия на власть были самыми разнообразными — «сбунтоваться», «сделать забастовку», громить магазины, писать письма и требовать хлеба и мира, угрожать и т. п. Вместе с тем для подавляющего большинства горожан характерным была боязнь власти — «надо действовать организованно, всех не расстреляют».

А. Гарриман вспоминал, что в сентябре 1941 г. Сталин очень беспокоился относительно непопулярности партии и себя самого как ее лидера. Именно поэтому он считал необходимым пресечь контрреволюцию в самом зародыше. «Будучи революционером, Сталин знал, каким образом подпольное движение начинается и как оно развивается дальше»²⁸.

На самом деле, в Ленинграде УНКВД установило практически тотальный контроль за населением, выявляя и уничтожая в самом зародыше малейшие ростки потенциальной оппозиционности. Материалы УНКВД дают представление о динамике развития негативных настроений в городе. В конце сентября агентура УНКВД фиксировала по 150—170 антисоветских проявлений ежедневно, во второй декаде октября — 250, а в ноябре — уже 300—350. Военная цензура также отмечала рост числа задержанной корреспонденции и различного рода негативных настроений, выраженных в письмах ленинградцев. Если в начале войны их доля составляла около 1%, то в августе — 1,5—1,7%, в октябре — 2—2,5%, в ноябре — 3,5—4%, в декабре — 2,3—7%, а в январе—феврале 1942 г. — около 20%²⁹. Все чаще в городе распространялись написанные ленинградцами листовки, направлялись анонимные письма в адрес руководителей военных, партийных и советских организаций, а также в редакции газет и радиокомитет. В ноябре их количество достигло 15 в день³⁰.

Всего за «контрреволюционную» деятельность с 15 октября по 1 декабря Управлением НКВД было арестовано 957 человек, в том числе была «раскрыта» 51 контрреволюционная группа общей численностью 148 человек. Эти цифры красноречиво свидетельствуют об отсутствии в Ленинграде сколько-нибудь значительного организованного сопротивления власти. В среднем в каждой «группе» было менее трех человек, а более 800 арестованных никакими «организационными» узлами связаны друг с другом не были. Главная причина этой разобщенности состоит в том, что государство вырезало под корень малейшие ростки нелояльности, которые пробивалось наружу из глубин народного недовольства.

В сентябре 1941 г. материалы, полученные агентурно-оперативным путем, давали основание УНКВД утверждать, что «враждебная деятельность антисоветских и фашистских элементов велась в направлении:

- а) усиления подготовки к оккупации города, составления списков коммунистов, активных советских работников для выдачи немецким войскам;
- б) разработки мероприятий по организации хозяйственно-экономической жизни города на капиталистических началах, привлечения к контрреволюционной деятельности антисоветски настроенной интеллигенции для помощи немцам в случае оккупации города;
- в) распространения контрреволюционных листовок и анонимок, авторы которых, используя продовольственные трудности, начали призывать к организованным выступлениям»³¹.

За 12 дней сентября 1941 г. в Ленинграде органами НКВД были ликвидировано семь групп, ставивших перед собой задачу по оказанию помощи германским войскам в случае занятия ими города³².

Группа русской молодежи (8 человек) изготовила на гектографе антисоветские листовки, призывавшие население к выступлению против власти. Группа учителей средних школ Выборгского и Кировского районов — Машеро, Сабодаш, Ульянович, Сабодин и др. составляли и распространяли среди населения листовки с призывом к населению Ленинграда и бойцам Красной Армии о сдаче города немцам³³.

Значительное распространение получили слухи о хорошем обращении немцев с пленными и населением, оставшемся на оккупированной территории («немцы хорошо приняли, накормили и отпустили»). УНКВД отмечало, что высказывания вернувшихся из захвачен-

ных немцами районов практически не отличались от содержания листовок противника, сбрасывавшихся с самолетов. Агентурой УНКВД были отмечены случаи изменнических намерений: «...Немцы находятся в нескольких километрах от Ленинграда, т. е. в Лигово. Я собираюсь пробраться туда, чтобы дать знать немецким войскам, что ленинградцы ждут прихода немцев и всячески будут помогать немецким войскам завершить победу над Советским Союзом, т. к. нам все это уже надоело не только за период военного времени, а на протяжении всего существования Советского строя, но только до сего времени не было удобного случая сделать измену советской власти. Одновременно попрошу передать через немецкие войска Гитлеру: “Чем можем, всем будем помогать Вам, господин Гитлер” (бухгалтер расчетного отдела Кировского завода Анисимова, арестована)³⁴.

Во Фрунзенском и Кировском районах несколько домохозяйек ходили по магазинам и уговаривали стоявших в очередях женщин идти на передовую и просить красноармейцев прекратить сопротивление. В Выборгском районе были арестованы домохозяйки Крылова и Семеновская, составившие обращение в Ленсовет с просьбой заключить перемирие с германским командованием, открыть фронт и эвакуировать из Ленинграда детей³⁵.

Пораженческие настроения захватили и рабочих. В спецдонесении УНКВД от 27 сентября 1941 г. отмечались «брест-литовские настроения», что в период нарастающего кризиса было весьма симптоматично. Ленинский урок 1918 г. о возможности достижения мира пусть даже ценой потери территории был усвоен населением хорошо... Очень отчетливо проявились и прогерманские настроения, нашедшие свое выражение в том, что немцы «освободят от большевизма», «наведут порядок», «немцы — народ культурный» и т. п. Успехи вермахта начали быстро вытеснять представления о советской власти как власти сильной и стабильной. Информация партийных органов также свидетельствовала о росте интереса к фашизму и Гитлеру («Гитлер несет правду», «С приходом Гитлера хуже не будет» и др.)³⁶.

Партийные функционеры также переживали кризис, боясь признаться себе в том, что произошло со страной. Заведующий отделом пропаганды и агитации Свердловского РК ВКП(б) И. Турков вспоминал, что «в тот период времени мы карту почти совершенно изъяли, чтобы не показывать наглядно наше отступление. У всех было очень тяжелое настроение»³⁷. Передовики производства отказывались вступать в комсомол и в кандидаты в члены ВКП(б), опасаясь прихода немцев³⁸.

С первых же дней блокады проявилась еще одна характерная черта ленинградцев — политическая пассивность и надежда на то, что «все само собой образуется», что кто-то другой должен начать действовать во имя спасения города и его населения.

«Немцы в ближайшее время возьмут Ленинград. Наше правительство к этой войне было совершенно не подготовлено. Сейчас же нет никакой возможности, чтобы наладить производство и снабжать Красную Армию. Нужно, чтобы женщины высказывали возмущение тем, что Красная Армия не снабжена оружием, чтобы они поднимали вопрос о перемирии, даже позорном с отдачей Украины, Киева и Ленинграда» (электромонтер завода «Русский дизель» Помяшковский, арестован).

«...Немцы на днях войдут в Ленинград и у нас будет новый хозяин. Немецкая армия технически оснащена и вооружена лучше, чем наша. Руководители наши бежали из Ленинграда. Остался на своем посту только Ворошилов. Немцы разбрасывают листовки (!), в которых указывается, что сопротивление бесполезно, так как регулярные войска Красной Армии разбиты, нет оружия и некому руководить бойцами. Окопы, которые мы роём, немцы занимают и используют против нас» (переплетчик завода «Союз» Никитин, арестован).

«...Рабочим крупных заводов нужно взять в руки оружие и свергнуть советское правительство, чтобы оно не мучило народ. Ленинград все равно нам не удержать. Немцы

ничего плохого нам не сделают. Мы их должны благодарить за то, что они нас освобождают. За 23 года большевики не сумели подготовиться к войне и ничего не сделали для народа» (рабочий коксо-газового завода Иваненко, арестован).

Важно отметить, что немецкие спецслужбы не поспевали за стремительным развитием ситуации в Ленинграде и не оказывали существенной поддержки развитию оппозиционных настроений. Безусловно, пропаганда за сдачу города велась постоянно и достаточно активно как через распространение листовок, так и через засылаемых в город агентов. Однако первая задача решалась преимущественно армейскими органами — ротами пропаганды и авиацией, и вторая — только немецкой разведкой. Материалы СД свидетельствуют о том, что первые сообщения о положении в Ленинграде попали в сводки на имя шефа немецкой службы безопасности только в середине октября 1941 г., то есть значительно позже, чем возникли объективные условия для развития недовольства в широких слоях населения Ленинграда. Так, еще 9 августа 1941 г. четыре советских офицера-перебежчика из 16-й дивизии говорили немцам о необходимости предпринимать усилия для того, чтобы поднять рабочих Ленинграда на восстание.

В октябре 1941 г. характер антисоветских настроений в основном сохранился:

- а) Красная Армия к войне не подготовлена и в боях с немецко-фашистскими войсками несет большие потери;
- б) Ленинград необходимо сдать и не подвергать мирное население бомбардировкам и артобстрелу;
- в) войну Советский Союз проиграет, поэтому надо заключить перемирие с Германией и прекратить войну³⁹.

О том, что пораженческие настроения «не единичны», свидетельствовали и партийные информаторы⁴⁰. В частности отмечалось, что продовольственное положение в Ленинграде сотрудники Музея Революции называли «полным коммунизмом»⁴¹.

Одной из форм протеста горожан было распространение листовок. Их опускали в почтовые ящики, расклеивали на стенах домов, а также в бомбоубежищах. В большинстве своем они были написаны от руки, хотя встречались листовки, изготовленные печатным способом. Стиль и содержание этих документов свидетельствуют об их «народном» происхождении. Весьма широка была и «география» листовочной агитации. Она не ограничивалась каким-либо одним районом, а охватывала практически весь город. Например, в ночь на 3 октября в Кировском районе было обнаружено 13 листовок «повстанческого» содержания; в ящике для писем в доме № 27 по Коломенской улице 1 октября была обнаружена изготовленная литографским способом листовка, озаглавленная «За что?» В доме № 13 по Малодетскосельскому проспекту также в ящике для писем была найдена листовка «погромно-террористического характера». В бомбоубежище дома № 33 по пр. Либкнехта была изъята листовка, призывавшая к сдаче Ленинграда и свержению советской власти.

В спецсообщении отмечалось, что некоторые антисоветские листовки были написаны от имени групп и организаций, а в ряде случаев анонимные письма заканчивались приписками: «от бойцов Ленинградского фронта», «от матерей бойцов», «от матерей детей» и т. д.⁴²

Вполне естественно, что военные успехи немцев пробуждали интерес к ним у населения. Советская власть слаба и может пасть не сегодня-завтра, а из города никак уже не выбраться. Что делать в этих условиях? Материалы УНКВД свидетельствуют о том, что негативные настроения захватили значительную часть интеллигенции, которая, «восхваляя фашизм, высказывается за изменение существующего строя, пытается доказывать, что наша печать тенденциозно освещает обращение немцев с населением в оккупированных районах». Для подтверждения этого тезиса составитель документа ссылался на высказывания ряда видных представителей интеллигенции, которые были уверены в неиз-

бежности гибели советской власти как таковой: «...Войну Россия, как национальное государство выиграет, но советскую власть проиграет. СССР оказался неспособным обороняться. После окончания войны, которая закончится поражением Германии, благодаря усилиям Америки и Англии, несомненно будет установлена какая-то форма буржуазной демократии. О социализме придется забыть надолго» (режиссер киностудии «Ленфильм» орденоносец Блейман); «...нужно отбросить представление о национал-социализме, которое годами распространялось советской агитацией. В национал-социализме есть умение подойти к подлинным демократическим интересам масс, в то время как так называемый советский демократизм по сути дела далек от народа и представляет собой пустую фразу» (заведующий информбюро сценарного отдела «Ленфильм» Левин).

Примечательно, что негативные настроения отмечены и в среде рабочих. Так, например, рабочий завода им. 2-й Пятилетки Давыдов в беседе со своими товарищами говорил: «Я ничего не имею против захвата немцами Ленинграда. Нас 20 лет угнетали и сейчас угнетают. В случае сдачи Ленинграда положение рабочего класса будет лучше. Гитлер имеет поддержку среди населения захваченных им государств и областей».

Разговоры о слабости Красной Армии, некомпетентности руководства и, как результат, неизбежности сдачи Ленинграда и поражения СССР в войне также были весьма распространены среди рабочих. Агентура УНКВД доносила об усилении агитации среди рабочих за организацию восстания, уничтожение коммунистов и оказание практической помощи немцам, хотя, по-прежнему, приводимые в спецдонесениях УНКВД материалы свидетельствовали с выжидательной позиции недовольных властью. Арестованный плотник завода 189 Сергеев среди рабочих заявлял, что «...к восстанию готовы моряки Балтийского флота. Дело теперь только за рабочими...». Следствием по делу было также установлено, что краснофлотец транспорта 531 Александров поддерживал контакты с Сергеевым, разделял его повстанческие намерения и при встречах с ним говорил, что восстание будет поддержано моряками Балтийского флота.

Далее в донесении УНКВД указывалось на то, что повстанческие настроения особенно усилились на судостроительных заводах Ленинграда, рабочие которых имели возможность общаться с моряками Балтфлота. Однако вновь обнаружилось то же настроение, что и в сентябре — ожидание прихода немцев, которые «наведут порядок»: «...Я был на Балтийском заводе и кое с кем говорил. Там все говорят, скорей бы пришли немцы, навели порядок и разогнали бы всю эту свору. Немецкие войска надо встречать. Для этого народ подберется, а мы этому делу должны помочь».

Рабочий завода 189 Гребешков неоднократно высказывался среди рабочих о том, что «...советский строй не может существовать, так как он не ценит труд рабочих. Мне рассказывали, что во флоте сейчас много изменников. Гитлер установит у нас новый порядок и жить станет лучше»⁴³.

В конце октября стали распространяться слухи о якобы готовящемся в Ленинграде военном перевороте и наличии в Красной Армии заговорщической организации. Подобные настроения были отмечены среди рабочих «Пролетарской фабрики» № 1, завода «Красный треугольник» и ГЭС № 2⁴⁴.

Так, например, рабочий ГЭС № 2 Аверченко среди своего окружения заявлял, что «терпение рабочих скоро лопнет. Рабочий класс должен восстать».

В этот же период УНКВД раскрыло несколько групп, которые готовились к проведению практических мероприятий по оказанию помощи немцам.

Всего же к концу октября 1941 г. с начала войны за «контрреволюционную деятельность» было арестовано 3 374 человека. Кроме того, 466 человек были привлечены к ответственности за ведение антисоветской агитации и их дела для ведения следствия были переданы в органы прокуратуры.

Сопоставление этих цифр с довоенной статистикой безоговорочно свидетельствуют о стремительном росте числа зафиксированных органами НКВД если не антигосударственных преступлений, то, во всяком случае фактов проявления активного недовольства значительной частью населения создавшейся ситуацией в целом и существующей системой власти в частности.

Немецкая разведка о положении в городе

Германская служба безопасности также отмечала рост пораженческих настроений в Ленинграде, широкое распространение среди населения разговоров о бесполезности сопротивления и особенно выделяла молодежь, среди которой началось формирование оппозиционных групп. Однако обсуждение ими вопроса о необходимости свержения советской власти еще не означало, по мнению немцев, того, что эти группы смогут в обозримом будущем перерасти в организации движения сопротивления из-за отсутствия у них оружия⁴⁵.

Айнзатцгруппа «А» обращала внимание Берлина на распространение антисемитизма в Ленинграде и на рост недоверия горожан к советской прессе. Обе названные тенденции подкреплялись примерами — популярными среди населения анекдотами и высказываниями. Например, среди ленинградцев широкое распространение получило обсуждение «урока» антисемитизма, преподанного немцами русским военнопленным: «группа русских солдат по приказу немцев должна была заживо похоронить группу евреев-красноармейцев. Русские отказались это сделать, на что немцы тут же ответили другим приказом, адресованным на сей раз евреям — похоронить русских. Евреи без колебания взялись за лопаты»... Отношение к советской прессе и сообщениям о победах Красной Армии было проиллюстрировано расхожей в народе поговоркой: «Наши бьют, а немцы берут»⁴⁶.

На основании показаний военнопленных немецкая разведка подчеркивала, что в солдатской среде обсуждался вопрос о том, какую цену запросит немецкая сторона за мир — территорию или смену правительства⁴⁷.

В последующие две недели (конец октября — начало ноября) настроения ленинградцев, по данным немецкой разведки, не претерпели существенных изменений. Как и ранее наиболее активными противниками продолжения сопротивления были женщины. Немцы сообщали, что «километровые» очереди за продуктами по-прежнему являются главным очагом распространения всевозможных слухов. «Открытое недовольство советским руководством является здесь обычным явлением несмотря на присутствие милиции. Брань и драки отнюдь не редкость. Особое озлобление народа вызывает тот факт, что руководящие партийные функционеры как и ранее снабжаются без ограничений из спецмагазинов. В очередях ругают красноармейцев и призывают их к тому, чтобы они повернули оружие против своих командиров, а не продолжали оказывать сопротивление»⁴⁸.

Немецкая разведка подчеркивала, что «поступили новые подтверждения того, что почти половина рабочих большинства предприятий Ленинграда открыто выступает за сдачу Ленинграда», что рабочие проявляли большой интерес к немецким листовкам. В частности сообщалось, что работники одного из ремонтных участков на Витебском вокзале во время перерыва передавали друг другу немецкие листовки и открыто обсуждали их. Когда же один из присутствующих при этом начальников пригрозил доносом, он был обруган и высмеян рабочими⁴⁹. Существенным в характеристике настроений рабочих было и то, что они не хотели допустить разрушения своих предприятий. (Впоследствии это нашло свое подтверждение в рассуждениях периода «индивидуализации» — я рабочий, Гитлеру тоже нужны рабочие, но рабочему надо где-то работать. Таким образом, инстинктивно рабочие были за

сохранение заводов и в этом их интерес расходился с интересом Москвы).

Равнодушие, усталость от войны и работ по укреплению города — вот наиболее характерные черты настроений ленинградцев по данным немецкой разведки⁵⁰.

Выводы немецкой стороны о положении в городе во многом совпадали с данными УНКВД ЛО. Однако, и это вполне естественно, немецкая сторона была весьма ограничена в источниках информации. Анализ немецких документов показывает, что СД не располагала достоверными данными о руководящих органах в Ленинграде. Например, в сообщении 24 ноября 1941 г. СД сообщала в Берлин, что «правой рукой Жданова в обороне Ленинграда является председатель горисполкома Попков», а «руководителем НКВД является Герасимов»⁵¹.

Продолжение следует.

Примечания

- 1 The U.S.National Archives. Der Chef der Sicherheitspolizei und des SD. Ereignismeldung UdSSR Nr. 116. S. 3–4. Т-175. R. 234.
- 2 ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1095. Л. 3.
- 3 ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 3. Д. 355. Л. 28; Ф. 408. Оп. 1. Д. 1114. Л. 31.
- 4 ЦГАИПД. Ф. 408. Оп. 2. Д. 377. Л. 86; об аналогичных настроениях в Москве см.: *John Barber. Popular. Reactions in Moscow to the German Invasion of June 22, 1941 // Soviet Union, 18, Nos.1–3 (1991). P. 5–18.*
- 5 Архив УФСБ ЛО. Ф. 21/12. Оп. 2. П.н. 19. Д. 1. Л. 31. Подробнее о результатах мобилизации в Ленинграде см. Ленинград в осаде. С. 131.
- 6 ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 3. Д. 353. Л. 1–18.
- 7 Там же. Д. 350. Л. 15.
- 8 Там же. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1115. Л. 31.
- 9 Там же. Л. 17; Д. 352. Л. 14; Д. 357. Л. 2–3.
- 10 Там же.
- 11 Там же. Л. 25; Ф. 409. Оп. 2. Д. 294. Л. 46–47.
- 12 Там же. Л. 22.
- 13 Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города. СПб., 1995. С. 211–212.
- 14 ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1380. Л. 4.
- 15 Там же. Л. 16 об.
- 16 Там же. Л. 17.
- 17 Там же. Д. 771. Л. 4.
- 18 Ленинград в осаде. С. 212.
- 19 ЦГАИПД. Ф. 408. Оп. 2. Д. 51. Л. 60.
- 20 Там же. Д. 16. Л. 7–8.
- 21 *Ломагин Н. А. Борьба Коммунистической партии с фашистской пропагандой в период битвы за Ленинград (1941 — январь 1944 гг.). На материалах Ленинградской партийной организации, политорганов Ленфронта и Краснознаменного Балтийского Флота. Канд. дис. Л., 1989.*
- 22 Там же.
- 23 Там же. Д. 1131. Л. 38 об.
- 24 Ленинградская эпопея. С. 213.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 *Harriman W. A. Stalin at War. P. 41.*
- 28 *Harriman W. A. Ibid. P. 41.*
- 29 Ленинградская эпопея. С. 215, 225, 231, 234.
- 30 Там же. — О характере и количестве писем на имя А. А. Жданова за ноябрь 1941 г. см.: Ленинград в осаде. С. 468–469.
- 31 Ленинградская эпопея. С. 214.
- 32 Там же.
- 33 Архив УФСБ. Ф. 21. Оп. 12. П.н. 11. Т. 1. Д. 4. Л. 1–5.
- 34 Там же. Л. 13.
- 35 Там же. Л. 13–14.
- 36 Ленинградская эпопея. С. 214.
- 37 ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 717. Л. 5.
- 38 Там же. Ф. 408. Оп. 2. Д. 50. Л. 34–35.
- 39 Ленинград в осаде. С. 215.
- 40 ЦГАИПД. Ф. 408. Оп. 2. Д. 39. Л. 13.
- 41 Там же. Л. 14.
- 42 Архив УФСБ ЛО. Ф. 21/12. Оп. 2. Д. 4. Л. 6–8; Ленинградская эпопея. С. 216.
- 43 Ленинградская эпопея. С. 218–219.
- 44 Там же. С. 220.
- 45 Den 24. Oktober. 1941. № 123. Т. 175. R. 233. S. 1.
- 46 Ibid. S. 2.
- 47 Ibid. S. 6.
- 48 Den 24. November. 1941. Ereignismeldung UdSSR Nr. 137. S. 11.
- 49 Ibid.
- 50 Den 10. December. 1941. Nr. 144. S. 8.
- 51 Ibid. Nr. 137. S. 14.

П. В. Петров

Гибель подводной лодки «С-2»

В истории советского кораблестроения есть одна серия подводных лодок с необычайно схожей, трагической судьбой. Речь идет о подлодках IX-й серии, типа «С» («средняя»), — «С-1», «С-2» и «С-3»¹, построенных в 1935—1938 гг. на Балтийском судостроительном заводе имени С. Орджоникидзе в Ленинграде и ставших первыми средними подлодками Советского Военно-Морского Флота отечественной постройки. Лодки этой серии имели очень хорошие по тому времени мореходные и боевые качества и, несомненно, являлись «новым словом» в отечественном кораблестроении, которое не имело еще достаточного опыта в проектировании и постройке подлодок такого класса.

Благодаря публикациям последних лет, появилась возможность прояснить судьбу тех или иных кораблей Советского ВМФ, погибших в годы Великой Отечественной войны. В данном случае, из 3-х подлодок IX-й серии в самом начале войны погибли сразу две: ПЛ «С-1» (награжденная орденом Красного Знамени во время советско-финляндской войны) была взорвана в Лиепае 23 июня 1941 года с целью не допустить ее попадания в руки противника, а последняя лодка серии — «С-3» — погибла ранним утром 24 июня 1941 г. в Рижском заливе, в районе маяка Ужава, в неравном бою с германскими торпедными катерами². Но мало кто знает, что третьей подлодке из этой серии — «С-2» — не довелось участвовать в боевых действиях Великой Отечественной войны: она погибла за 1,5 года до вышеописанных событий. А произошло это 3 января 1940 года, в самый разгар советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Об этом — практически неизвестном — эпизоде войны на море и пойдет сейчас речь.

Гибель подводной лодки «С-2» в проливе Сёдра-Кваркен (Южный Кваркен) 3 января 1940 г. вплоть до недавнего времени оставалась неизученной страницей в истории отечественного флота. В наиболее авторитетных трудах по истории Советского ВМФ, при описании боевой деятельности Краснознаменного Балтийского Флота (КБФ) зимой 1939/40 гг., о потере этой подлодки ничего не говорилось³. Первое упоминание о лодке «С-2» содержится в монографии В. И. Дмитриева и О. Г. Чемесова, посвященной истории Советского подводного флота. В этой книге делается лишь робкое замечание, что ПЛ «С-2» «по неизвестным причинам [для кого неизвестным? — П. П.] не вернулась в базу»⁴. Более определенные сведения о гибели этой ПЛ появились в недавно вышедшем коллективном труде «Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917—1941». В нем приводятся краткие сведения о последнем боевом походе «С-2» и содержится предположение о ее вероятной «гибели на минном заграждении при форсировании пролива Сёдра-Кваркен»⁵. Точно такой же версии придерживается и В. Ф. Бильдин в своей статье в журнале «Гангут», посвященной подлодкам IX-й серии⁶.

журнал и другие документы, пропали вместе с самой ПЛ. Отчет Командира ПЛ о первом боевом походе, к сожалению, в архиве не хранится. Поэтому в работе над данной статьей автору приходилось пользоваться крайне ограниченным количеством документов и материалов, хранящихся в фондах Р-92 (Штаб КБФ, Оперативный отдел) и Р-107 (Подводные силы КБФ).

К началу советско-финляндской войны подводная лодка «С-2»⁷ входила в состав 13-го дивизиона⁸ 1-й бригады⁹ подводных лодок КБФ. К 30 ноября 1939 г., из состава 1-й бригады ПЛ ПЛ полностью подготовленными к выполнению боевых задач оказались лодки 13-го и 21-го дивизионов, а также ПЛ «Л-1» из 12-го дивизиона. Все они были отнесены к подлодкам 1-й линии. Лодки 16-го ДПЛ были только что приняты от промышленности и поэтому к боевым действиям готовы не были¹⁰.

Подлодка «С-2», которой командовал опытный подводник капитан-лейтенант И. А. Мороз, боевую подготовку по КПЛ [курсу подводной лодки. — П. П.] проходила нормально, то есть последовательно, имея по отработанным задачам оценки «хорошо» и «отлично». Весь личный состав лодки, будучи стабильным, всей системой БП [боевой подготовки. — П. П.] был хорошо подготовлен к походам и к выполнению боевых задач. В июне 1939 г. ПЛ «С-2», приказом по КБФ, была переведена в 1-ю линию. В течение летних кампаний 1938 и 1939 г. ПЛ неоднократно несла дозорную службу на позициях в Финском заливе и в северной части Балтийского моря. Осенью 1939 г., еще до начала боевых действий, «С-2» в составе своего дивизиона была перебазируется для отработки дальнейшего плана БП на порт Таллин¹¹.

12 ноября 1939 г. директивой Штаба КБФ № 1оп/60бсс перед 1-й, 2-й и 3-й бригадами подводных лодок КБФ были поставлены боевые задачи. Согласно директиве, от подводников Балтики требовалось: «а) с началом боевых действий уничтожить ББО ББО [броненосцы береговой обороны. — П. П.], не допустив их ухода в Швецию; б) вести разведку за развертыванием и деятельностью шведского флота, не нарушая терводы Швеции; в) прекратить подвоз снабжения через Балтийское море в Финляндию и из портов Швеции в Ботническом заливе»¹². Лодкам следовало находиться на позициях из расчета полной автономности, а смену с позиций осуществлять по приказанию. Неограниченную подводную войну требовалось начинать «только после правительственного объявления о зонах действий наших подлодок и получения особых указаний», а до этого момента разрешалось топить только финские военные и торговые корабли, с соблюдением международных правил¹³.

15 ноября Начальник Штаба флота капитан 1-го ранга Ю. А. Пантелеев вместе с Начальником Оперативного отдела Штаба капитаном 2-го ранга Г. Е. Пилиповским утвердили «Указания Штаба КБФ по развертыванию ПЛ ПЛ» и «График развертывания ПЛ ПЛ». Согласно первому документу, командирам лодок при развертывании надлежало уделять особое внимание запретным районам для плавания, объявленным Швецией и Финляндией. Развертывание подлодок необходимо было произвести точно, согласно графику, следя за движением соседних по времени лодок¹⁴. При этом подчеркивалось, что «соблюдение графика является основой обеспечения развертывания, однако, слепое его выполнение не должно допустить возможностей встреч в море своих ПЛ ПЛ». Всего было намечено 19 позиций для подлодок, из них 5 — в Финском заливе, 7 — в Балтийском море, 4 — в Аландском море и 4 — в Ботническом заливе. Подводной лодке «С-2» досталась позиция № 16 в Балтийском море — севернее острова Готланд, в р-не Фарэ¹⁵.

28 ноября 1939 г. в 22 часа Командующий КБФ флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц отдал приказание командирам подлодок «С-2», «С-3», «Щ-320», «Щ-309» и «Щ-310» развернуться на позициях в Балтийском море и начать разведдейств¹⁶. В 23 ч. 10 мин. командир 2-й бригады подлодок капитан 1-го ранга Д. М. Косьмин отдал устное приказание командирам

12-го, 13-го, 17-го и 22-го дивизионов ПЛ ПЛ и шифровкой — Командиру 24-го ДПЛ о приготовлении подлодок к развертыванию. На основании приказа командира 2-й БПЛ¹⁷, Начальником Штаба бригады капитаном 2-го ранга В. Г. Якушкиным было отдано распоряжение командиру 13-го дивизиона подлодок о приготовлении ПЛ «С-2» к выходу на позицию в 00 ч. 30 мин. и ПЛ «С-3» к выходу на позицию в 01 ч. 30 мин. Одновременно с этим, было отдано приказание флагманским специалистам о проверке материальной части ПЛ ПЛ к выходу в море и о переводе Штаба 2-й БПЛ на готовность № 2¹⁸.

В 00 ч. 30 мин. 29 ноября Начальник Штаба 2-й БПЛ собрал командиров дивизионов ПЛ ПЛ и командиров подлодок и ознакомил их с обстановкой на театре, а через 15 минут было проведено совещание работников Политотдела бригады и произведено их распределение по частям. Наконец, в 1 ч. 45 мин. в Штабе бригады была получена разведсводка, по состоянию на 00 ч. 00 мин. 28 ноября 1939 г., о фактическом местопребывании финских кораблей¹⁹.

В 2 ч. 7 мин. 29 ноября 1939 г. подводная лодка «С-2» вышла из гавани Таллина для перехода на позицию № 16 с задачей наблюдения за деятельностью Шведского флота и действий по призовому праву на коммуникациях противника. Боевой поход «С-2» оказался, в принципе, малоинтересным: каких-либо соприкосновений с боевыми кораблями противника лодка не имела²⁰. За время нахождения на позиции № 16, «С-2», в отличие от других наших ПЛ ПЛ, практически не обменивалась радиограммами ни со Штабом флота, ни со Штабом 1-й БПЛ. Сама позиция была выбрана весьма неудачно — никакого движения транспортов за это время обнаружено не было. По сути дела, позиция оказалась «пустой». Здесь надо заметить, что первые же дни боевых действий подлодок КБФ показали, что движение транспортов в Балтийском море свернуто. Транспорта шли, в основном, шхерами под шведским берегом, придерживаясь территориальных вод Швеции. В Аландском море ТР ТР ходили преимущественно в темное время суток, направляясь в близлежащие порты Финляндии. Поэтому пребывание наших ПЛ ПЛ в Балтийском море стало явно нецелесообразным. 4 декабря 1939 г. Командующий КБФ В. Ф. Трибуц получил шифровку № 4404 из Главного Морского Штаба, где говорилось, что «Народный Комиссар считает возможным сократить число позиций ПЛ в средней части Балтморья за счет снятия с позиций ПЛ «С-2», «Щ-309» и «Щ-310»²¹. На следующий день, 5 декабря, в 11 ч. 15 мин. Начальник Штаба КБФ Ю. А. Пантелеев отправил радиограмму Заместителю Командующего КБФ капитану 1-го ранга В. А. Алафузову, в которой потребовал снять позиции №№ 16, 17 и 18. Подлодкам «Щ-309» и «Щ-310» следовало возвратиться в Таллин, а ПЛ «С-2» — в Лиенау, где они должны были находиться в резерве. В 19 ч. 45 мин. Начальник Штаба 2-й БПЛ направил Командиру «С-2» радиограмму, где сообщил ему о том, что позиция № 16 снимается и приказал возвратиться в Лиенау²². В соответствии с приказом, ПЛ «С-2» ушла с позиции и направилась в свою базу. 6 декабря, в 13 ч. 59 мин. лодка вошла в гавань Лиенау, проведя, таким образом, 7 суток в боевом походе (из них 1,5 суток ушло на переходы)²³.

Весь декабрь 1939 г. подводка «С-2» провела в Лиенау. Дело в том, что до 24 декабря на ПЛ производился ремонт винта, поврежденного в боевом походе²⁴. За это время в жизни экипажа лодки произошло важное событие: 17 декабря приказом Наркома ВМФ СССР Н. Г. Кузнецова на ПЛ «С-2» был назначен новый командир — капитан-лейтенант И. А. Соколов. До своего назначения на «С-2» Соколов около трех лет командовал подлодкой «Щ-304» и около года — ПЛ «С-8» из состава Отряда вновь строящихся и капитально ремонтирующихся кораблей КБФ и считался грамотным и достаточно опытным командиром-подводником²⁵.

В то время как «С-2» ремонтировалась, Командование КБФ уже подумывало над тем, какую боевую задачу поставить перед Командиром ПЛ. 17 декабря 1939 г. в 16 ч.

35 мин. Военный Совет КБФ направил Командиру 1-й БПЛ, а также Замкомфлоту радиogramму, в которой потребовал «приготовить для обслуживания позиций в Ботническом заливе ПЛ «Щ-309» с комдивом [Командиром дивизиона. — П. П.], ПЛ «С-2» с комбригом [Командиром бригады. — П. П.] БПЛ 1»²⁶. Но подлодке «С-2» на этот раз повезло — вместо нее в Ботнический залив отправилась ПЛ «С-1» капитана-лейтенанта А. В. Трипольского. Окончательное решение об использовании «С-2» на позиции в Ботнике было принято несколько позже и на более высоком уровне.

Еще 16 декабря Народный Комиссар ВМФ Н. Г. Кузнецов в телеграмме № 4584, посланной Военному Совету КБФ, заметил, что «объявленная блокада побережья Финляндии полностью своей цели не достигает». 26 декабря Нарком ВМФ, вновь возвращаясь к этой теме, оценил действия наших подлодок по блокаде побережья Финляндии как «пассивные» и потребовал «более решительных действий подлодок», заметив, что «без должного риска боевых задач выполнять нельзя». Но одних только призывов было мало, поэтому Кузнецов решил уточнить, что же именно требуется от подводников КБФ. 29 декабря 1939 г. в своей очередной директиве № 4794, адресованной Военному Совету КБФ, Нарком ВМФ приказал: «1. Подлодки, действующие в Ботническом заливе, квадратами не ограничивать, отвести каждой подлодке район...; 2. Действия подлодки «Щ-319» распространить от границы вод Аландского архипелага до берегов Финляндии... дав возможность «Щ-319» действовать во внутренних водах Аландского архипелага; 3. Выслать одну подлодку «С» в Ботнический залив для действий по призовому праву, установив ей разгранлинию с востока — граница объявленной блокадной зоны, с севера — южнее Северного Кваркена и с юга — границей вод Аландского архипелага»²⁷. По сути дела, с этого момента и начинается отсчет последних часов существования ПЛ «С-2».

Военный Совет КБФ без изменений передал директиву Наркома ВМФ Замкомфлоту и Командирам 1-й и 2-й бригад подлодок Балтфлота. 30 декабря в 2 ч. 20 мин. Начальник Штаба КБФ приказал Командиру 1-й БПЛ форсировать подготовку лодок типа «С» для отправки на задание. Командир 1-й Бригады подлодок заверил Пантелеева, что делает все возможное для этого²⁸. Однако в 23 ч. 52 мин. Начштаба флота запросил Замкомфлота Алафузова, когда же ПЛ ПЛ типа «С» выйдут в Ботнический залив для действий по призовому праву и какие вообще лодки готовятся в Ботнику²⁹. Вскоре ситуация прояснилась, и 31 декабря в 5 ч. 14 мин. В. А. Алафузов доложил Начальнику Штаба Ю. А. Пантелееву: «...В Ботнику для действий по призовому праву готовится ПЛ «С-2». Время выхода донесу по готовности...». Командир 1-й БПЛ К. М. Кузнецов, в свою очередь, пообещал Замкомфлоту, что подлодка «С-2» сможет выйти 31 декабря с расчетом на рассвете 1 января 1940 г. форсировать пролив Кваркен. И наконец, в 16 ч. 11 мин. Заместитель Командующего КБФ уже вполне определенно доложил Начальнику Штаба флота: «ПЛ «С-2» 1.1.40 г. 18 ч. на позицию № 7, форсирует Кваркен по особому приказанию»³⁰.

Перед командиром «С-2» И. А. Соколовым была поставлена следующая задача — прорыв в Ботнический залив и действия на коммуникациях противника. Район крейсерства лодки ограничивался Северным и Южным Кваркеном, вне зоны блокады, не нарушая при этом территориальных вод Швеции. Срок пребывания в крейсерстве определялся до 18 января 1940 года³¹. Задача, определенная для ПЛ «С-2», не являлась такой уж необычной. В декабре 1939 г. четыре наши подлодки из состава 1-й и 2-й БПЛ БПЛ — «Щ-311», «Щ-317», «Щ-319» и «С-1» (причем, «С-1» — дважды) успешно прорывались в Ботнический залив через пролив Южный Кваркен и также удачно, без каких-либо значительных повреждений, уходили через него обратно. Наибольшую опасность для советских подлодок, форсирующих пролив Южный Кваркен, представляли минные заграждения³², шведские и финские корабли противолодочной обороны, охранявшие конвои, и

подводные скалы. Как правило, лодки проходили Южный Кваркен либо ночью в надводном положении, либо днем в подводном положении.

Перед выходом в море Командир ПЛ Соколов получил приказание от Командира 1-й БПЛ: пролив Кваркен форсировать только по получении приказа, а на период ожидания использовать позицию № 7. С проходом Кваркена следовало дать по радио условный сигнал «Прошел»³³.

В конце концов, все приготовления к походу были закончены, и 1 января 1940 г., в 18 часов дня ПЛ «С-2» капитана-лейтенанта И. А. Соколова, при обеспечении Командира 13-го ДПЛ капитана 3-го ранга Г. И. Тутышкина, под проводкой буксира во льду вышла из порта Лиепая для следования на боевую позицию в Ботнический залив. В 23 ч. 30 мин. Начальник Штаба КБФ Пантелеев «подбросил» Командиру «С-2» свежую информацию о том, что «из Стокгольма выходят финские транспорта, а также шведский ТР с оружием и топливом». С 1 по 3 января двухсторонняя связь по радио ПЛ «С-2» с плавбазами «Полярная Звезда» и «Смольный» была нормальной. Лодка следовала на позицию № 7 у входа в Южный Кваркен³⁴.

В 00 ч. 40 мин. 3 января Командир ПЛ Соколов запросил по радио Командира 1-й БПЛ: «Свободна ли позиция № 7?» Замкомфлот В. А. Алафузов приказал Командиру «С-2» доложить «свое место и действия». В ответ на это требование, в 1 ч. 20 мин. Командир «С-2» доложил Заместителю Командующего КБФ: «Нахожусь в районе маяка Богшер. Иду на позицию № 7»³⁵. В 1 ч. 25 мин. Алафузов дал приказ Командиру ПЛ: «Форсировать Кваркен». На полученное приказание Соколов в 4 часа 20 минут 3 января дал квитанцию³⁶. На этом связь с ПЛ «С-2» прекратилась, и ни на какие запросы лодка больше не отвечала.

4 января Замкомфлота приказал по радио Командиру «С-2» показать свое место и действия, но ответа не последовало. Вечером того же дня Алафузов доложил Военному Совету флота, что донесения о прорыве Кваркена лодкой «С-2» он не имеет³⁷. 5 января Командование КБФ решило использовать для связи с исчезнувшей ПЛ лодку «С-1», находившуюся примерно в этом же районе. Для этой цели Командир «С-2» был предупрежден по радио о предстоящем сеансе связи. Но из этой затеи ничего не вышло: 6 января Командир «С-1» Трипольский донес Замкомфлоту, что связи с ПЛ «С-2» он не имеет³⁸. Оперативная сводка № 154 по КБФ на 19.00 6 января четко зафиксировала следующее: «С ПЛ «С-2» нет связи с 3.01.40...».

Допуская, что у подлодки «С-2» вышел из строя коротковолновый передатчик, а дальности длинноволнового передатчика не хватает, для ПЛ ежедневно, ночью с 3 по 29 января 1940 г. включительно, полной мощностью радиостанций Кронштадта и Ленинградской РВ-53, давались запросы — «Покажите место и свои действия», — но ответных радиogramм от «С-2» никто не принимал. За этот период времени отдельные корабли Балтфлота (плавбаза «Смольный» и лидер «Минск») слышали слабую работу радиостанций на варианте волн, отведенных для подлодок 1-й Бригады ПЛ ПЛ³⁹. Например, 14 января радист ПБ «Смольный» трижды принял работу, предположительно, ПЛ «С-2», а именно: в 10 ч. 09 мин. принял позывные, но текст не принял, так как было плохо слышно, в 12 часов связь прервалась, позывные приняты неуверенно — работа рации была слабой. Наконец, в 13 ч. 14 мин. были приняты позывные, подписанные № 1300, и знак конца работы, но сам текст не принят из-за очень плохой слышимости. Больше за это время 1-я Бригада подлодок работу передатчика «С-2» не принимала⁴⁰.

17 января 1940 г. Командир 1-й БПЛ К. М. Кузнецов напомнил Начальнику Штаба КБФ Ю. А. Пантелееву, что автономность ПЛ «С-2» была определена в 18 суток, ввиду размеров района действий, и высказал пожелание возвратить лодку. Поэтому 18 января, в 22 ч. 16 мин., Штаб КБФ отправил на ПЛ радиogramму: «Возвращайтесь в базу Либавы [Лиепая. — П. П.]»⁴¹. Как и в предыдущих случаях, никакого ответа с «С-2» не последовало.

21 января лидер «Минск», вышедший в северную часть Балтийского моря для встречи с ПЛ «С-1», возвращавшейся в базу, и слушавший эфир на варианте волн для лодок 1-й БПЛ, донес в 2 ч. 41 мин.: «ПЛ «С-2» слышу, связи не имею». На эту радиограмму Военный Совет флота отдал приказание Командиру лидера «Минск»: «Продолжаете ли слышать ПЛ «С-2», по возможности вступите с ней в связь». Несмотря на ряд принятых мер, связи с лодкой «С-2» лидеру установить не удалось. В 15 ч. 41 мин. Начштаба КБФ приказал лидеру «Минск» с темнотой перейти к маяку Флетуан, не заходя в ледяное поле, для установления связи с «С-2». Все полученное от ПЛ следовало передать Начальнику Штаба флота⁴².

22 января в 12 часов Командир Отряда Легких Сил капитан 1-го ранга Б. П. Птохов, находившийся на лидере «Минск», доложил Военному Совету КБФ: «Полтора суток вызывали «С-2», в час по 3 раза — связи нет... Прошу сообщить, была ли связь с ПЛ «С-2» после 4.01...». Начштаба флота Ю. А. Пантелеев был вынужден сообщить Командиру ОЛС'а, что связи с ПЛ «С-2» нет⁴³. До 8 часов 23 января ЛД «Минск» выполнял полученное приказание, но связь с пропавшей ПЛ так и не была установлена. В результате, утром 23 января «Минск» покинул район Южного Кваркена и направился в Лиепаяу.

Практически в это же время, всем подлодкам («С-1» и «Щ-311»), находившимся в Ботническом заливе, было приказано вызывать ПЛ «С-2» по радио и вступить с ней в связь на длинных волнах. Но и в этом случае связи установить не удалось⁴⁴.

В 23 часа 45 минут 23 января Военный Совет КБФ затребовал от Командира 1-й БПЛ списки личного состава с «С-2», участвовавшего в последнем походе⁴⁵. Тем самым в судьбе экипажа ПЛ «С-2» была поставлена точка. К этому моменту уже полностью вышел срок автономности плавания подлодки, и рассчитывать на чудо не приходилось. Впрочем, какая-то надежда все еще оставалась: Командующий флотом распорядился 24 января произвести самолетами поиск «С-2» в надводном положении в районе Южного Кваркена и далее в Ботнику, вне зоны блокады. Об обнаружении лодки следовало доносить немедленно. По приказу Командующего флотом самолеты из состава 10-й Авиабригады ВВС КБФ, базировавшейся на северном побережье Эстонии, несколько раз просмотрели район, назначенный для крейсерства ПЛ «С-2» и особенно — Южный Кваркен, но так и не обнаружили подлодку⁴⁶.

Помимо этих мер, Разведывательному Отделу Балтфлота была поставлена задача — выявить все имеющиеся у противника сведения относительно пропажи «С-2», а также проверить их по другим иностранным источникам⁴⁷. К сожалению, и этот шаг не привел к какому-либо положительному результату: о ПЛ «С-2» никаких данных не поступило.

После того, как все возможные меры к розыску исчезнувшей подлодки были приняты и никаких результатов не дали, Военный Совет КБФ 3 февраля 1940 г. отправил Наркому ВМФ СССР Н. Г. Кузнецову доклад о гибели ПЛ «С-2» и список личного состава на 1 января 1940 г. Изложив вкратце тактико-технические характеристики подлодки и ее предысторию, Командование Балтийского флота затем рассмотрело несколько различных версий гибели ПЛ и пришло к следующим выводам. Основываясь на данных радиообмена, Военный Совет, во-первых, предположил, что лодка «С-2», видимо, «застряла еще в Кваркене или на подходах к нему»⁴⁸. Таким образом, лодке не удалось форсировать пролив, и она погибла в самом начале прорыва — после 4 ч. 20 мин. 3 января 1940 г. Далее, были последовательно проработаны три вероятные причины гибели ПЛ: 1) встреча с финской подлодкой; 2) навигационная авария; 3) подрыв на mine.

Первую версию ВС флота отверг по той причине, что наши ПЛ ПЛ форсировали Южный Кваркен «только днем в подводном положении» [это неверно, так как были случаи прорыва и ночью, в надводном положении. — П. П.] и, таким образом, встреча с финской ПЛ была маловероятной⁴⁹. Но при этом Командование флота забыло то обстоя-

тельство, что ПЛ «Щ-324» капитана-лейтенанта А. М. Коняева, оперировавшая в Аландском море, на подходах к Южному Кваркену, дважды (5 и 9 декабря 1939 г.) сталкивалась с финской подлодкой типа «Ветехинен», ходившей в надводном положении⁵⁰. Правда, это имело место днем, а «С-2» пропала, как известно, ночью. Но тем не менее, эту версию все же нельзя отвергать полностью. Вторая причина гибели лодки — навигационная авария, по мнению Военного Совета КБФ, также была маловероятной, ибо в этом случае Командир ПЛ успел бы дать о себе аварийный сигнал⁵¹. В принципе, с таким обоснованием можно согласиться, хотя и оно не бесспорно.

И, наконец, оставалась последняя версия — подрыв на неприятельской мине. Именно к этой причине катастрофы «С-2» и склонялся Военный Совет Балтфлота. По мнению ВС, лодка «могла оказаться на минном поле в результате неточного исчисления пути, или вследствие неизученных глубинных течений». Следует заметить, что район Южного Кваркена был нами очень плохо изучен: лоции по нему отсутствовали, карты не отвечали требованиям, течения также не изучены. Кроме того, все штатные ограждения были шведами сняты, а маяки — погашены⁵². Эта причина выглядит наиболее убедительной из всех вышеприведенных — во всяком случае, ее нельзя каким-либо образом опровергнуть. Наоборот, в ее пользу говорят многие обстоятельства. Например, некоторые моменты боевого похода ПЛ «Щ-319» капитана-лейтенанта И. С. Агашина, действовавшей на позиции № 12. При форсировании пролива Южный Кваркен, в районе Ш=60°16'7", Д=19°07'5", в подводном положении, личный состав 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 7-го отсеков лодки по правому борту ясно слышал скольжение минрепов⁵³. Интересны также выводы, сделанные по результатам боевого похода «Щ-319» Начальником Штаба КБФ Ю. А. Пантелеевым: «...Имевшиеся карты Кваркена не удовлетворяли безопасного плавания ПЛ ПЛ в Ботническом заливе и, особенно, узкости пролива Южный Кваркен. Мал масштаб, глубины не соответствовали глубинам на местности и в большинстве случаев на картах были сплошные белые пятна — все это усложняло оценку обстановки и затрудняло командиров ПЛ ПЛ при выборе правильного решения о курсах...»⁵⁴. Итак, достаточно было Командиру «С-2» лишь немного отклониться от курса, проложенного ПЛ «Щ-319» и другими лодками, как ПЛ неминуемо оказалась бы на минном поле противника и в этом случае ее гибель была неизбежной. Вероятно, благодаря каким-то косвенным данным, Командование флота сумело даже «вычислить» предполагаемое место катастрофы «С-2». На «Схеме форсирования пролива Южный Кваркен» оно определено между маяком Меркет и затопленным голландским транспортом⁵⁵. Так это было или иначе, теперь сказать трудно.

Справедливости ради следует заметить, что существует еще и четвертая версия гибели «С-2» — уничтожение ее при встрече с кораблями ПЛО противника. Она фигурирует в докладе Командира 1-й БПЛ К. М. Кузнецова о боевой деятельности подлодок бригады. Похоже, не очень доверяя этой информации, Кузнецов берет ее под сомнение, поэтому выражается весьма осторожно: «Если верить шведской печати, обстоятельства таковы: «неизвестной ПЛ был подожжен шведский ТР, горел целый день, ПЛ была атакована шведскими миноносцами...»⁵⁶. Эта версия, не такая уж и невероятная, больше не встречается ни в каких других отчетах, ни в позднейших исторических исследованиях, а главное, не подтверждается конкретными фактами.

Таким образом, из всех вышеприведенных причин гибели ПЛ «С-2» в проливе Сёдра-Кваркен, наиболее вероятной является подрыв на минном ограждении, поставленном шведами. Конечно же, это только предположение, ибо прямых доказательств у нас нет. Тем не менее, отечественные исследователи придерживаются именно этой версии. В такой ситуации, для нас являются особенно важными свидетельства зарубежных источников. Еще в докладе ВС КБФ содержалась мысль о том, что «благодаря наличию большого количества постов наблюдения на Аландских островах, катастрофа с ПЛ «С-2» может

стать известна противнику»⁵⁷. И действительно, потеря нашей ПЛ не осталась незамеченной неприятелем. В ряде зарубежных публикаций подтверждается факт гибели «С-2» в проливе Южный Кваркен. К примеру, такой авторитетный специалист по истории флота, как Юрген Ровер, в своей статье о боевых действиях советских подлодок в годы Второй мировой войны, вполне уверенно пишет, что «при форсировании пролива Кваркен 3.01.40 г. погибла на финском [это спорный момент. — П. П.] минном заграждении ПЛ «С-2»»⁵⁸. Такое единодушие наших и иностранных авторов позволяет с некоторой долей уверенности утверждать, что именно подрыв на минах стал причиной гибели «С-2».

Тем не менее в этой истории еще рано ставить точку. Совершенно недостаточное количество источников (Доклад Военного Совета и разрозненные радиограммы «С-2» в журналах боевых действий Подводных Сил и 1-й Бригады подлодок КБФ) не дает нам повода к столь категоричным выводам. Обстоятельства гибели «С-2», в принципе, так и остаются для нас загадкой. Прояснить их, наверное, удастся нескоро, а может быть — никогда.

Гибель подводной лодки «С-2», несмотря на ее кажущуюся незначительность (по сравнению с потерей 102 подлодок в 1941—1945 гг.), явилась заметной вехой в истории Советского подводного флота. Во-первых, это была первая боевая потеря советских подводников. Во-вторых, «С-2» оказалась самым крупным по водоизмещению кораблем, потерянным ВМФ СССР в ходе советско-финляндской войны 1939—1940 гг. И наконец, в-третьих, это был, вероятно, первый случай столь массовой гибели личного состава флота во время боевых действий — пропал без вести весь экипаж лодки⁵⁹. Итак, на долю ПЛ «С-2» выпала печальная участь возглавить длинный список подлодок отечественного флота, погибших в боевых условиях.

Примечания

- 1 Подводные лодки IX-й серии — «С-1», «С-2» и «С-3» (до 20.10.1937 г. — «Н-1», «Н-2» и «Н-3» («немецкая»). Проект ПЛ «С» серии IX был разработан совместно советскими (Специальное конструкторское бюро под руководством С. Г. Туркова) и немецкими (фирма «Дешимаг-Везер») специалистами. Головная лодка — «С-1» была заложена 31.12.1934 г., спущена на воду — 8.8.1935 г., а 11.9.1936 г. вступила в строй. Тактико-технические характеристики серии: водоизмещение — 840/1070 тонн, главные размерения — 77,6×4,2×4,2 м, мощность энергетической установки — 4000/1100 л. с., дальность плавания — 9800/148 миль, скорость — 19,5/9 узлов, вооружение 6 533-мм торпедных аппаратов (4 носовых и 2 кормовых), 1 100-мм и 1 45-мм орудия, экипаж — 60 человек (См.: *Бережной С. С.* Корабли и суда ВМФ СССР 1928—1945. Справочник. М., 1988. С. 53—54; *Морской энциклопедический словарь* / Под ред. В. В. Дмитриева. Т. 3. СПб., 1994. С. 81.
- 2 Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941—1942. М., 1992. С. 125—126; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 376—377; *Бильдин В. Ф.* «Эски» гибнут первыми... // Гангут. 1992. Вып. 3. С. 100.
- 3 Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. Изд. 4-е, испр. и доп. / Под ред. А. В. Басова. М., 1988; Дважды Краснознаменный флот. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общей ред. А. В. Косова. М., 1978; *Дмитриев В. И.* Атакуют подводники. М., 1973; *Морской Атлас: Военно-исторический. Описание к картам.* Т. 3. Ч. 2. М., 1966 и др.
- 4 *Дмитриев В. И., Чемесов О. Г.* В глубинах Балтики. М., 1988. С. 34.
- 5 Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917—1941. М., 1993. С. 649.
- 6 *Бильдин В. Ф.* Указ. соч. С. 100.
- 7 Подводная лодка «С-2» (Командир — капитан-лейтенант И. А. Мороз) с 17/25 декабря 1939 г. — капитан-лейтенант И. А. Соколов) была заложена 31 декабря 1934 г., спущена на воду 12 декабря 1935 г., вступила в строй — 23 сентября 1936 г. Тактико-технические характеристики ПЛ: водоизмещение — 828/1362 тонн, главные размерения — 77,75×6,4×4,4 м, энергетическая установка — 2 дизеля по 2000 л. с. для надводного хода и 2 электромотора по 550 л. с. для подводного хода, скорость — 20/9 узлов, дальность плавания экономическим ходом — 9560/148 миль, автономность — 50 суток, предположительное пребывание под во-

- дой — 72 часа, вооружение — 6 533-мм торпедных аппаратов (4 носовых и 2 кормовых) с 12 торпедами, 1 100-мм и 1 45-мм орудия, экипаж [в последнем боевом походе. — *Л. П.*] — 50 человек. — Сост. по: Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 583. Л. 1; Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 23. Л. 299; Д. 26. Л. 5.
- 8 13-й Дивизион ПЛ ПЛ (Командир — капитан 3-го ранга Г. И. Тутышкин) к 30 ноября 1939 г. состоял из трех подлодок — «С-1» (командир — капитан-лейтенант А. В. Трипольский), «С-2» (командир — капитан-лейтенант И. А. Мороз) и «С-3» (командир — капитан-лейтенант К. И. Малофеев) и базировался в гавани Таллина. — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 573. Л. 3; Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 26. Л. 4—5.
- 9 1-я Бригада ПЛ ПЛ (Командир — капитан 1-го ранга К. М. Кузнецов, Начальник Штаба — капитан 2-го ранга В. Г. Якушкин (с 15 января 1940 г. — капитан 3-го ранга А. К. Аверочкин), военком — полковой комиссар А. П. Байков (с 24 января 1940 г. — полковой комиссар В. В. Смирнов)) к 30 ноября 1939 г. состояла из четырех дивизионов — 12-го, 13-го (см. комм. 8), 16-го и 21-го общей численностью в 12 подлодок. 12-й ДПЛ (Командир — капитан 3-го ранга А. К. Аверочкин) включал в себя три подлодки — «Л-2» (командир — капитан-лейтенант С. С. Могилевский), базирующуюся в Таллине, и «Л-2» и «Л-3», которые находились в Ленинграде на ремонте и не участвовали в боевых действиях. 16-й ДПЛ (Командир — капитан-лейтенант М. Ф. Хомяков) состоял из трех лодок — «С-4» (командир — капитан-лейтенант Д. С. Абросимов), «С-5» (командир — капитан-лейтенант Б. И. Паскин (с 17 декабря 1939 г. — капитан-лейтенант А. А. Башенко)) и «С-6» (командир — капитан-лейтенант В. Ф. Кульбакин) и базировался в Лиенае (до этого — в Ленинграде). 21-й ДПЛ (Командир — капитан 3-го ранга А. Е. Орёл) имел в своем составе три подлодки — «Щ-309» (командир — капитан-лейтенант С. С. Веселов), «Щ-310» (командир — старший лейтенант И. М. Овечкин (с 17 января 1940 г. — капитан-лейтенант Б. В. Иванов)) и «Щ-311» (командир — капитан-лейтенант Ф. Г. Вершинин) и находился в Кронштадте. Бригада также располагала плавбазой «Смольный» (в Ленинграде) и спасательными судном «Коммуна» (в Кронштадте). — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 573. Л. 2—3, 21; Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 23. Л. 275—279, 307; Д. 26. Л. 1—8.
- 10 РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 573. Л. 4.
- 11 Там же. Д. 583. Л. 2.
- 12 Там же. Д. 572. Л. 2; Д. 574. Л. 2.
- 13 Там же. Д. 572. Л. 2.
- 14 Там же. Л. 5.
- 15 Там же. Л. 5, 8—9; Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 70. Л. 1.
- 16 Там же. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 7.; Д. 574. Л. 3.
- 17 Подлодки из состава 1-й и 3-й бригад ПЛ ПЛ, базировавшиеся в Таллине, подчинялись в оперативном отношении Командиру 2-й Бригады ПЛ ПЛ, в целях лучшего управления.
- 18 РГА ВМФ. Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 64. Л. 1.
- 19 Там же. Л. 2.
- 20 Там же. Д. 24. Л. 112.
- 21 Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 117. Л. 9.
- 22 Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 574. Л. 20, 24; Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 66. Л. 5.
- 23 Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 573. Л. 64; Д. 574. Л. 29.
- 24 Там же. Д. 574. Л. 99.
- 25 Там же. Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 23. Л. 299; Ф. Р-927. Оп. 2. Д. 583. Л. 2.
- 26 Там же. Р-92. Оп. 2. Д. 574. Л. 79.
- 27 Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 117. Л. 28, 43, 54.
- 28 Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 574. Л. 143—144, 147.
- 29 Там же. Л. 151.
- 30 Там же. Л. 151—152; Д. 510. Л. 182; Д. 574. Л. 152.
- 31 Там же. Д. 583. Л. 2.
- 32 6 декабря 1939 г. Главный Морской Штаб сообщил, что Финляндия объявила о постановке контактных мин в прибрежных водах Аландского архипелага к западу от меридиана 21°20' и к югу от параллели 60°25'. Также ГМШ сообщил, что Швеция объявила о постановке мин в Южном Кваркене между Ш=60°21', Ш=60°15', Д=18°52' и следующей точкой пересечения прямых — Ш=60°21', Д=18°89'. Одновременно, датская РТС «Ожа» сообщила о постановке шведами мин в р-не Ш=60°21', Д=19°18', Ш=60°15', Д=19°08' (См.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 574. Л. 30).
- 33 РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 583. Л. 2.
- 34 Там же. Л. 1, 3; Д. 574. Л. 158.
- 35 Там же. Д. 574. Л. 163; Д. 583. Л. 3; Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 68. Л. 30.
- 36 Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 574. Л. 163; Д. 583. Л. 3; Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 68. Л. 31.
- 37 Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 574. Л. 165—166.
- 38 Там же. Л. 255; Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 68. Л. 41.
- 39 Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 583. Л. 3.
- 40 Там же. Д. 574. Л. 210, 214.
- 41 Там же. Л. 215, 221.
- 42 Там же. Л. 190; Д. 583. Л. 3.
- 43 Там же. Д. 574. Л. 197.
- 44 Там же. Д. 583. Л. 4.
- 45 Там же. Д. 574. Л. 198.
- 46 Там же. Л. 198; Д. 583. Л. 4.
- 47 Там же. Д. 583. Л. 4.
- 48 Там же.
- 49 Там же.
- 50 Там же. Д. 573. Л. 17.
- 51 Там же. Д. 583. Л. 4.
- 52 Там же.
- 53 Там же. Д. 573. Л. 30.
- 54 Там же. Л. 30—31.
- 55 Там же. Д. 576. Л. 1; Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 91. Л. 1.
- 56 Там же. Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 24. Л. 113.
- 57 Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 583. Л. 5.

- 58 Rohwer J. Die sowjetische U-Bootwaffe in der Ostsee 1939—1940 // Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1956. Heft 10. S. 553.
- 59 Экипаж ПЛ «С-2» на момент ее выхода из Лиепая 3 января 1940 г. насчитывал 50 человек: Командир 13-го ДПЛ капитан 3-го ранга Г. И. Тутышкин, Флагманский Штурман БПЛ старший лейтенант В. К. Колесников, Командир ПЛ капитан-лейтенант И. А. Соколов, Военком ПЛ старший политрук И. В. Затеев, Помощник Командира ПЛ старший лейтенант Ф. М. Замятин, Командир БЧ-5 военинженер 3-го ранга А. В. Писулин, Командир БЧ-1 лейтенант П. В. Преловский, Командир БЧ-3 лейтенант П. С. Евплашов, Командир группы движения воентехник 1-го ранга Н. П. Голофаст, лекарский помощник ПЛ «Л-1» военфельдшер И. К. Щербаков, старшины П. В. Васильев, Г. С. Голда, В. В. Кистэ, В. Д. Ломакин, И. Л. Федоров, командиры отделений М. Г. Бернадский, А. И. Веселков, М. П. Завьялов, А. П. Крайнов, В. С. Саленко, И. В. Самин, И. И. Тиин, Я. Н. Тимошенко, К. А. Трофимов, краснофлотцы С. Е. Ашурков, Г. Т. Базаров, М. М. Бондаренко, И. Т. Бондарь, В. А. Борисов, Н. Е. Видоренко, П. В. Гарин, А. К. Гридасов, Н. И. Евдокимов, М. Е. Ефимов, А. Г. Жохов, А. М. Зюзько, В. М. Иваненко, Б. И. Иванов, И. Е. Киккулов, Н. Ф. Киркин, А. А. Коченков, В. Ф. Кузьмин, Ф. Г. Машинисток, И. В. Медведев, Г. П. Приставка, Ф. М. Рубанов, М. М. Сазанов, И. Ф. Талахно, В. М. Шумаков, Г. Е. Яцура (См.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 583. Приложение. Л. 1—3).

От редакции:

В портфеле «Нового Часового» находится статья петербургского историка Ю. В. Кольцова, который предлагает иную версию гибели подводной лодки «С-2». В следующем номере журнала мы познакомим читателей с этим материалом.

А. Я. Массов

О реальности «русской угрозы» пятому континенту во второй половине XIX — начале XX вв.

Специалистам по истории Австралии хорошо известен феномен русофобии, который получил широкое распространение в австралийском обществе во второй половине XIX — начале XX в. Напряженность в отношениях между Англией и Россией, продвижение Российской империи на Дальний Восток и укрепление ее военно-политических позиций в северной части Тихого океана вызвали понятную настороженность у британских переселенческих колоний. Появление у австралийцев собственных экспансионистских устремлений в Океании делало общественное мнение Австралии еще более чувствительным к любой небританской активности в тихоокеанском бассейне. Отмеченные обстоятельства и послужили причиной зарождения и укоренения в Австралии анти-русских настроений.

Начиная со времени Крымской войны, в общественном сознании переселенческих колоний прочно утвердилась мысль о неизбежности русского военно-морского десанта на пятый континент в случае начала вооруженного конфликта между Англией и Россией. Уверенность в подобном развитии событий разделялась в военных и политических кругах Австралии. Страх перед русским вторжением активно использовался в ходе предвыборных баталий на местной политической сцене. Во время визитов кораблей российского флота в австралийские порты на страницах колониальной прессы нередко публиковались статьи антирусской направленности. Моряки из России обвинялись в шпионаже, а сами визиты расценивались как преддверие грядущей атаки русских кораблей на побережье пятого континента. Необходимость отпора вероятным рейдам русского флота против Сиднея, Мельбурна и других австралийских городов была положена в основу оборонной доктрины Австралии и предопределила характер военного строительства¹. Во второй половине XIX — начале XX в. русофобия выступила, таким образом, как один из существенных факторов внутривосточного развития австралийских переселенческих колоний.

До сих пор в научной литературе нет документально аргументированного ответа на вопрос о реальности русской военной угрозы для Австралии. При этом в работах австралийских историков не существует какой-либо общепринятой точки зрения. Часть авторов (главным образом, те, кто не является специалистом по истории России или истории международных отношений) считает возможность нападения русского флота на Австралию вполне реальной или даже не подлежащей сомнению. С таких позиций, например, исследует военную тревогу в переселенческих колониях 1863—1864 гг. Д. Маккаллум². Как «постоянную угрозу» Австралии рассматривает Россию Б. Р. Пенни, и это, по его мнению, делало опасение австралийцев относительно военно-морского вторжения на пятый

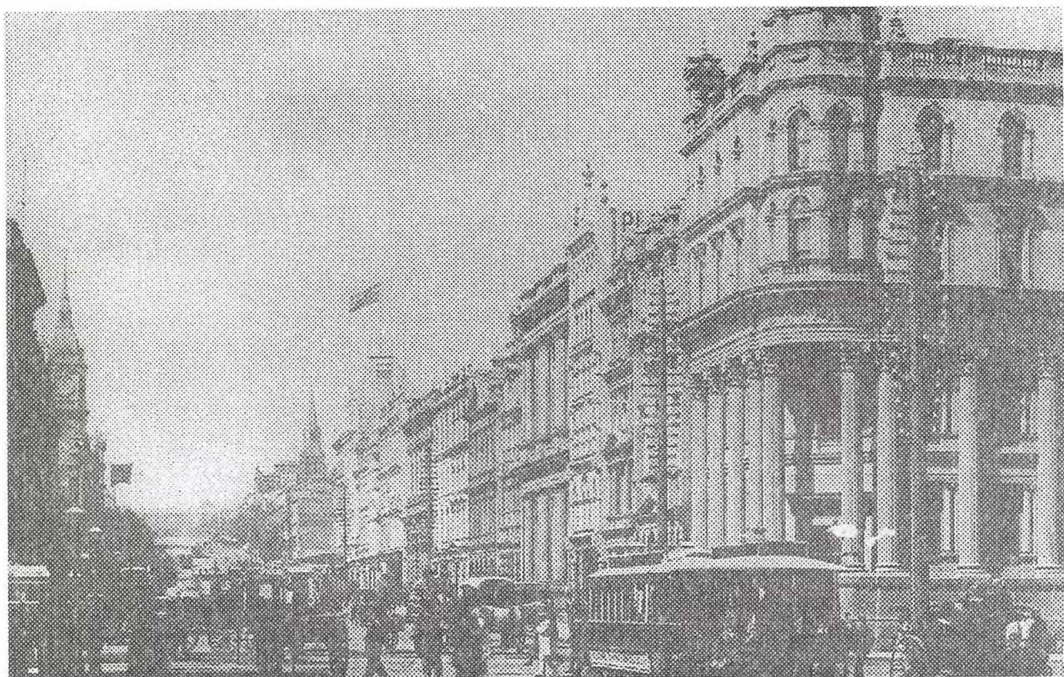
Фото 1. Оркестр «Рынды».*

континент отнюдь «не просто надуманными страхами»³. К. Лэк, в свою очередь, исходит из того, что несомненная угроза Австралии вытекала из общей направленности внешней политики России на Дальнем Востоке. Явно преувеличивая агрессивность этой политики, К. Лэк пишет: «Русские имели территориальные притязания в бассейне Тихого океана, в том числе в отношении австралийских колоний. Империалистическая Россия вплоть до своего поражения в войне с Японией... рассматривала Тихий океан как русское озеро»⁴. К работам такого рода примыкают статьи Ф. Гари и Т. Гвин-Джонса, где уверенность в реальности русской угрозы для Австралии XIX в. во многом подпитывается настроениями, характерными для приснопамятной эпохи «холодной войны» века XX⁵.

Большая часть историков, в том числе исследователи международных отношений и колониальной политики в Океании, не разделяют, однако, столь однозначных выводов о вероятности русского военно-морского десанта. С их точки зрения угроза русского вторжения в Австралию была маловероятна и, во всяком случае, значительно преувеличивалась самими австралийцами⁶. Примерно тех же взглядов придерживается и А. Ю. Рудницкий — единственный из отечественных авторов, коснувшийся истории антирусских настроений в Австралии. Не привлекая архивных документов, он делает чисто логическое заключение: «В условиях натянутых или же откровенно враждебных отношений с Великобританией русское тихоокеанское командование не могло не рассматривать гипотетическую возможность «австралийского рейда». Австралийцам, вместе с тем, «свойственно было преувеличивать силу своего потенциального противника»⁷.

Еще более скептически оценивают реальность русской угрозы для Австралии те авторы, кто занимается непосредственно историей русско-австралийских отношений. «Паника о возможности русского вторжения, — указывает в этой связи К. Хотимский, —

* Снимки, подписи к которым помечены (*), сделаны моряками корвета «Рында» во время пребывания в Австралии в 1888 г. Есть вероятность, что автором некоторых фотографий является мичман «Рынды» Великий князь Александр Михайлович.

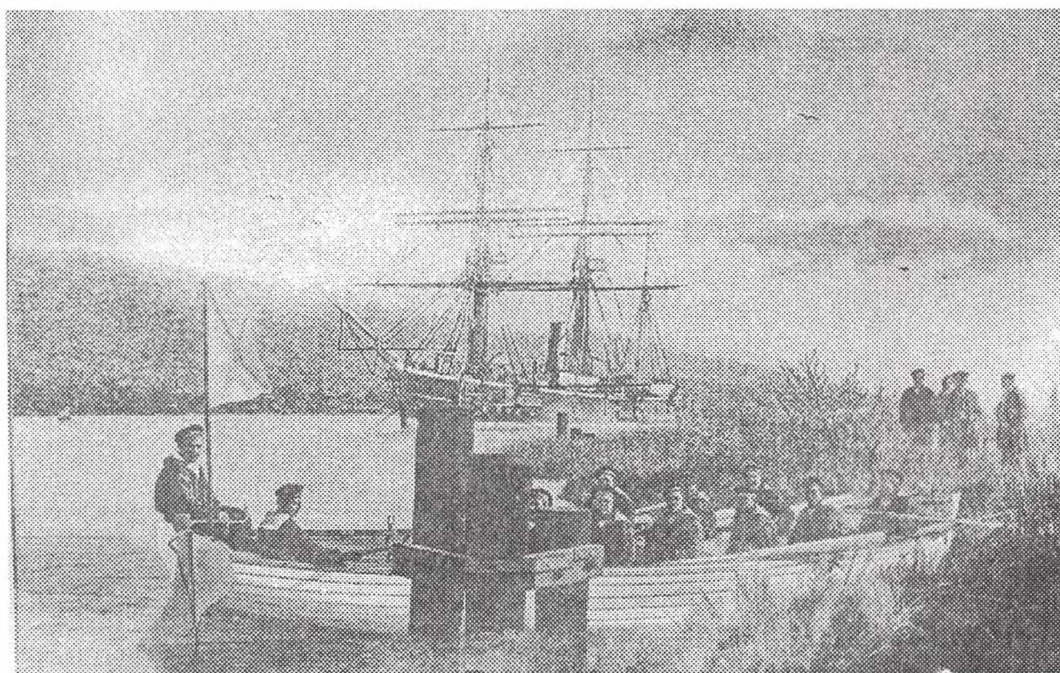
Улица в Мельбурне, какой ее увидели русские моряки.*

лишила жителей [Австралии. — А. М.] здравого смысла», на пятом континенте «не предусматривали и не обсуждали вопрос о том, как могли бы русские осуществить такие планы»⁸. «Очевидно, — делает вывод К. Хотимский, — что боязнь русского вторжения или колонизации Австралии были необоснованными»⁹.

Сходные позиции занимают В. Фитцхардинг, Г. Баррат, а также Дж. Сиглер — автор статьи «Русские в Австралии» в 3-м и 4-м изданиях Австралийской энциклопедии¹⁰. Однако и эти исследователи, не имея доступа к русским архивным материалам, приходят к своим выводам умозрительным путем. Именно поэтому В. Фитцхардинг, считая нападение русских кораблей на побережье Австралии «невероятным»¹¹, признает тем не менее гипотетическую возможность разработки в русских военно-морских кругах по крайней мере в 60-е годы XIX в. планов альянса между Россией, Японией и Америкой для того, чтобы «очистить» моря от англичан¹². Канадский историк Г. Баррат, приходя к выводу о бесосновательности страхов по поводу русского вторжения в Австралию и Новую Зеландию, также оговаривается, что наличие или отсутствие планов русского нападения на эти страны еще должно быть изучено по архивным материалам¹³.

Изучение архивных документов, прежде всего из Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), а также знакомство с русской публицистикой XIX в. по военно-морской тематике действительно позволяют оценить степень заинтересованности соответствующих кругов России ходом оборонного строительства в Австралии и уяснить планы русского командования на случай начала военных действий в акватории Тихого океана. Попробуем, опираясь на архивные материалы, определить насколько обоснованы были антирусские предубеждения австралийцев. Имел ли под собой реальные основания страх перед русским вторжением на пятый континент?

До начала и в ходе Крымской войны военно-морские силы России на Дальнем Востоке были невелики. К началу войны в дальневосточных водах находилось 5 военных транспортов, 3 фрегата, 1 корвет и парусно-паровая шхуна. Далеко не все они были при-

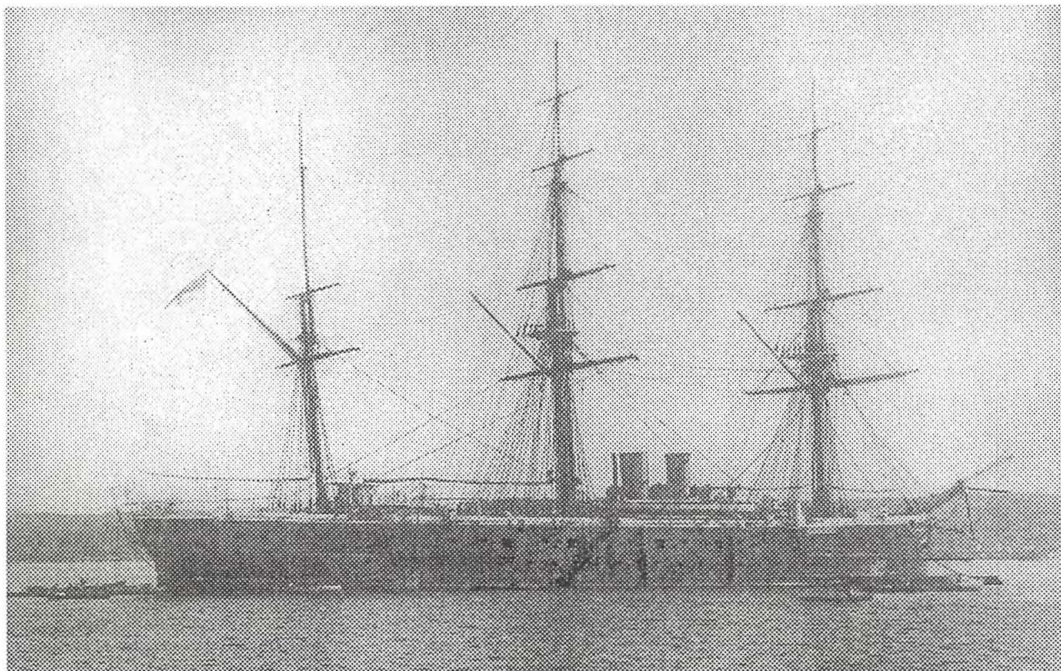

Клипер «Вестник» на р. Теймар (Тасмания) в 1886 г.

годны для дальних морских переходов, рейд в южную часть Тихого океана и нападение на Австралию были для российского флота делом абсолютно нереальным.

Быстрое усиление русского военно-морского присутствия в Приморье началось вскоре после окончания Крымской войны. С одной стороны, правительство России извлекло уроки из попыток англо-французского флота захватить Петропавловск-Камчатский в 1854 г., с другой — и это обстоятельство имело гораздо более существенное значение — быстро шло освоение русскими Дальнего Востока, а затем и прилегающих к владениям России территорий Северо-Восточного Китая и Кореи. Защита экономических и политических интересов России в этом районе земного шара требовала усиления русского военно-морского присутствия в северной части бассейна Тихого океана. Уже в 1856 г. была образована Приморская область Восточной Сибири с центром в Николаевске-на-Амуре. Этот город стал базой Сибирской флотилии, а ее командир являлся военным губернатором области. Однако большая часть кораблей этой флотилии была речными судами, предназначенными для плавания по Амуру. С 1857 г. началось формирование на Тихом океане флота открытого моря. На Дальний Восток из Кронштадта была направлена эскадра в составе 3 корветов и 3 клиперов. В том же году в Восточный океан ушел фрегат «Аскольд», а в следующем, 1858 г., — корветы «Рында», «Гридень» и клипер «Опричник»¹⁴.

Увеличение флота открытого моря продолжалось и в последующие годы. Соединение военно-морских сил России в Тихом океане, юридически оставаясь частью Балтийского флота, формировало особый отряд судов Тихого океана. Название этого подразделения иногда несколько видоизменялось. К концу XIX в. русское военно-морское соединение носило название эскадры Тихого океана. Количество и класс кораблей этого отряда постоянно менялись, однако общая тенденция к усилению огневой мощи и расширению боевых возможностей кораблей прослеживается вполне отчетливо. С 1872 г. главной базой отряда судов Тихого океана становится основанный еще в 1860 г. Владивосток. В 80-е годы на Дальнем Востоке появились броненосные корабли. По английским данным, кото-

«Рында» в Сиднее.*

рые использовали австралийцы, в 1886 г. в русский отряд судов на Тихом океане входило 3 бронированных и 6 небронированных кораблей, способных к дальним морским переходам¹⁵. К концу XIX в. русская эскадра Тихого океана насчитывала 7 крейсеров первого ранга, 2 крейсера второго ранга, 1 эскадренный броненосец, 6 канонерских лодок, 2 минных крейсера, 7 миноносцев и 3 миноносные лодки¹⁶. В 1898 г. Россия арендует у Китая Порт-Артур, что позволяет затем переместить главную базу Тихоокеанской эскадры в Желтое море.

Неуклонное усиление русского военно-морского присутствия в водах северной части Тихого океана на протяжении второй половины XIX в. выглядит достаточно впечатляющим и грозным.

Естественно, что главным потенциальным противником отряда русских кораблей в Тихом океане выступал английский флот. Русское командование поэтому тщательно следило за состоянием и боевой мощью военно-морских сил Британской империи в Тихоокеанском бассейне. При этом в расчет принимался не только флот самой Англии, но и флоты ее тихоокеанских колоний, в том числе, разумеется, и Австралии.

Сведения о формировании и положении дел в военно-морских силах австралийских колоний поступали в Петербург из трех главных источников. Во-первых, командующие отрядом судов в Тихом океане и, соответственно, командиры каждого из кораблей имели инструкции, в которых предписывалось составлять подробные описания береговых укреплений и иностранных военных кораблей в тех портах за рубежом, которые посетят корабли отряда. «Цель, — указывалось, например, в инструкции 1869 г. командующему эскадрой капитану 1 ранга К. П. Пилкину, — ... должна состоять в доставлении министерству самых подробных и положительных сведений о всех прибрежных пунктах.., о всех английских, французских, испанских, голландских и других колониях Тихого океана с подробным описанием степени их важности как мест снабжения и с указанием на... слабые стороны»¹⁷. В предписании командиру крейсера «Джигит» капитану 2 ранга Д. Г. Фель-

керзаму в сентябре 1889 г. подчеркивалось, что «главное внимание должно быть обращено на укрепления, войска, склады угля, мин и друг[их] материалов..., если есть подводный телеграф или кабель, то точное указание места его выхода на берег..., вообще на все, выясняющее стратегическое значение порта»¹⁸. Командиры кораблей получали специальные развернутые программы по сбору такого рода сведений¹⁹.

Эти инструкции скрупулезно исполнялись, и командиры всех без исключения русских военных кораблей, посетивших во второй половине XIX — начале XX в. Австралию, в свои отчеты включали данные о военных укреплениях австралийской береговой полосы и боевых возможностях дислоцированных на пятом континенте кораблей английского и колониальных флотов. Нередко в маршрут плавания намеренно включалось посещение одного или двух австралийских портов — специально для того, чтобы обновить имеющиеся сведения об их военных укреплениях. Так, например, начальник отряда судов Тихого океана контр-адмирал М. Я. Федоровский в письме от 18 января (ст. ст.) 1871 г. извещал российского морского министра Н. К. Краббе, что маршрут плавания клипера «Изумруд» предусматривает посещение Австралии и Новой Каледонии, что обеспечит получение необходимых данных о портах этих стран²⁰. В Петербурге собранные материалы подвергались анализу и систематизации. На их основе Главный морской штаб составил специальные подборки под названием «Военно-географическое описание портов Тихого океана»²¹.

Сбор сведений о состоянии обороны и флотах австралийских колоний, который проводили командиры посещавших Австралию русских кораблей, ни в коей мере не может рассматриваться как шпионская деятельность. Собранные материалы не были результатами специально организованных разведывательных операций, а являлись итогом прежде всего визуальных наблюдений с борта своего корабля и знакомства со статьями по «оборонной тематике» в местной прессе. Сбор данных об оборонительных сооружениях и военных кораблях, дислоцированных в порту посещения, всегда являлся рутинной практикой всех флотов мира.

Вторым — и не менее важным — источником информации русских военно-морских кругов о состоянии английского и австралийского флотов стала деятельность военно-морских агентов России в Англии. Исполнявшие эту должность офицеры флота были официально аккредитованы в Лондоне. В их обязанность входил контроль за исполнением русских военно-морских заказов на английских заводах и отслеживание изменений в английском флоте и английской военно-морской политике. Они собирали и пересылали в Петербург всю доступную им документацию по этой проблематике, закупали новые книги, делали вырезки из английских газет, следили за всеми новациями в английской морской науке.

А. А. Попов

Н. К. Краббе

в нем сделаны изменения»²². В ноябре 1887 г. П. А. Мордвинову было предложено представить дополнительные сведения о Ньюкасле как важном торговом порте Австралии и одной из главных баз снабжения углем военных кораблей: «Важно знать, укреплен ли этот пункт или нет»²³. Предлагалось также сообщить о планах укрепления залива Кинг-Джорд-Саунд в Южной Австралии и острова Терсди в Торресовом проливе, указать, какие суммы ассигнованы на создание австралийского флота²⁴. На протяжении 90-х гг. XIX в. военно-морские агенты регулярно сообщали в Петербург тактико-технические данные новых кораблей, направлявшихся на службу в Австралию²⁵.

С середины 90-х годов после учреждения в 1894 г. штатной консульской службы в Австралии появился третий источник получения информации о военно-морских силах австралийских колоний. По специально разработанной морским министерством программе российские консулы собирали сведения о портах и военно-морских силах Австралии²⁶. В марте 1896 г. справку по этому вопросу направил в министерство иностранных дел императорский российский консул в Мельбурне Р. Р. Унгерн-Штернберг²⁷. В апреле 1896 г. она была передана в Главный морской штаб²⁸. В мае 1896 г. МИД переслал в Главный морской штаб сообщение Р. Р. Унгерн-Штернберга о портовых сооружениях и каменноугольных станциях Австралии²⁹. В сентябре 1896 г. российский консул сообщил о выступлениях в Мельбурне видного английского военно-морского деятеля, губернатора Виктории лорда Брассея по проблемам военной защиты интересов Британской империи в Тихом океане и переслал в российское посольство в Лондоне изданную в Мельбурне брошюру лорда «Наше военно-морское положение в 1896 г.»³⁰. В морском министерстве были весьма удовлетворены полученными материалами, оценив их как «обстоятельный и ценный вклад» в имеющуюся информацию о военно-морских силах иностранных государств³¹. В 1900 г. морское министерство вновь обратилось в МИД с просьбой помочь в сборе сведений о военно-морских флотах зарубежных государств. Соответствующие указания МИД направил русским дипломатическим представителям за границей, в том числе консулу в Мельбурне Н. П. Пассеку³². В июле 1900 г. Н. П. Пассек принял это поручение к исполнению³³.

Подтверждением активного интереса русской военно-морской общественности к состоянию дел на Тихом океане и, в частности, к расширению в этом районе англо-авст-

Переписка чиновников Главного морского штаба России с русскими военно-морскими агентами в Лондоне свидетельствует о значительном интересе в Петербурге к состоянию дел в австралийском военном флоте. Так, в сентябре 1887 г. исполнявший обязанности начальника Главного морского штаба П. П. Тыртов в ответ на сообщение военно-морского агента в Лондоне П. А. Мордвинова о решениях Межколониальной конференции 1887 г. о создании «дополнительной эскадры» англо-австралийского флота выдвинул перед агентом целый ряд новых требований. «В виду того, что нам весьма важно знать по возможности точнее силу флота, которым английское правительство будет располагать в австралийских водах, — писал П. П. Тыртов, — прошу Вас сообщить, одобрен ли означенный план австралийским парламентом или какие

ралийского военно-морского присутствия могут служить многочисленные публикации по этой проблеме в российской морской периодике. Русская пресса тщательно следила за планами оборонительного и военно-морского строительства в Австралии, пополнением состава колониального флота, информировала своих читателей о всплесках опасений по поводу «русской угрозы» пятому континенту³⁴.

Вместе с тем несомненная заинтересованность русских военно-морских кругов в получении полной и точной информации о состоянии обороны и флота Австралии отнюдь не означает неперемного наличия планов высадки русского военно-морского десанта на пятый континент или обстрела его городов силами российского флота в случае войны с Англией. Рейд в Австралию был невозможен по целому ряду причин. Прежде всего, Австралийский континент находился слишком далеко от основных баз снабжения российского флота. Между тем, паровые корабли второй половины XIX в. нуждались в достаточно частом пополнении запасов угля и зависели от наличия угольных станций на маршрутах своего плавания.³⁵ В мирное время русские корабли использовали угольные базы английских и французских колоний в Океании. В случае войны этот источник снабжения углем становился для них недоступен. Отдаленность главных пунктов базирования создавала для российского флота ситуацию, при которой даже в случае удачного рейда против австралийских берегов его кораблям было бы практически невозможно без потерь вернуться назад. При переходе из южной части тихоокеанского бассейна на север слишком велика была бы вероятность перехвата русских кораблей англичанами. При этом нельзя не учитывать, что и в чисто военном плане соотношение сил российского и английского флотов в тихоокеанском бассейне никогда не было в пользу России. Даже по данным австралийского публициста Дж. К. Крейга — убежденного русофоба и англо-австралийского шовиниста, общий тоннаж русского флота на Тихом океане в 1895 г. составлял 58 838 тонн, а противостоящего ему английского (без учета военно-морских сил австралийских колоний) — 59 908 тонн.³⁶

Вот почему, хотя побережье Австралии и входило в оперативную зону действия русского отряда судов в Тихом океане³⁷, конкретных планов нападения на пятый континент не существовало. Ни при обсуждении в Главном морском штабе вариантов действий в акватории Тихого океана в случае начала войны с Англией, ни в соответствующих инструкциях командующим тихоокеанской эскадрой вопрос о каких-либо акциях на австралийском побережье даже не поднимался³⁸. Основное внимание было сосредоточено на решении задачи по блокированию торговых путей между Австралией и Канадой, что предусматривало боевую деятельность кораблей российского военно-морского флота прежде всего в северной и центральной частях тихоокеанского бассейна. Именно эта задача считалась главной на протяжении всей второй половины XIX в. На ее решение ориентировал командиров судов в 1863—1864 гг. командующий эскадрой Тихого океана контр-адмирал А. А. Попов³⁹, об этом писал в 1869 г. в своей инструкции командующему отрядом судов в Тихом океане капитану 1 ранга К. П. Пилкину морской министр Н. К. Краббе. «Малочисленность судов Тихого океана и их ранг, — жаловался министр, — устраняет возможность вести ими правильную морскую войну, в особенности противу первоклассных морских держав, а потому главная цель... в военное время должна состоять в нанесении большего вреда неприятельской торговле захватом его судов»⁴⁰.

Действие против торговых путей в Тихом океане все еще рассматривались как основная задача флота и в конце XIX в.⁴¹ При этом в инструкциях предписывалась особая осторожность при соприкосновении с кораблями английского флота — важно было не потерять ни одного корабля и сохранить боеспособность и без того не слишком многочисленного русского отряда судов в Тихом океане. «В случае войны с Англией, — говорилось в своего рода «типовой» инструкции командующему эскадрой Тихого океана, —

следует решительно избегать боя, даже со слабейшим противником, имея в виду, что и самый блестящий бой мало повлияет на общий ход войны». То же относилось и к рейдам против английских колоний. И лишь в случае, если война начнется с более слабым нежели Англия противником, дозволялось действовать более решительно: можно было напасть и на суда, и на колонии противника⁴². Командир эскадры, так же как и командиры кораблей, должны были при этом самостоятельно определять район и конкретные цели предстоящих операций.

В ходе изучения мемуарной литературы и широкого круга документов из Архива военно-морского флота, относящихся ко второй половине XIX в. и затрагивающих вопрос о возможном районе боевых действий в Тихом океане в случае войны с Англией, удалось обнаружить только два упоминания об Австралии как зоне возможного противостояния с противником. Участник плавания на Дальний Восток на фрегате «Паллада» писатель И. А. Гончаров вспоминает, как в начале Крымской войны находившийся на «Палладе» вице-адмирал Е. В. Путятин и командир фрегата капитан-лейтенант И. С. Унковский «неоднократно решались на отважный побег к берегам Австралии для захвата английских судов, и... только неуверенность, что наша старая добрая «Паллада» выдержит еще продолжительное плавание от Японии до Австралии, удерживало их»⁴³. В 1864 г. командующий эскадрой Тихого океана контр-адмирал А. А. Попов в инструкции командиру корвета «Рында» предписывал в случае войны с Англией осуществлять крейсерские операции по перехвату торговых кораблей и грузов в Южном полушарии от «Западного берега Америки до Восточной Австралии». При этом корвет должен был, «пробежав вдоль восточного берега Австралии и коснувшись трактов Новой Зеландии..., с западными ветрами появиться у берегов Южной Америки... на тракты богатых призов»⁴⁴.

Как видно из этих документов, речь идет не о высадке в Австралии и не об обстреле ее городов, а только лишь о крейсерских операциях в ее водах. Кроме того, в обоих случаях планы боевых действий в этом районе не были оперативной установкой, исходящей от центральных военно-морских ведомств России, а являлись всего лишь так и не реализованными проектами среднего командного звена флота.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении архивных материалов позволяет, таким образом, с достаточной степенью определенности утверждать, что ни военных действий у берегов Австралии, ни высадки военно-морского десанта на ее побережье русским командованием не предусматривалось. Планов такого рода не существовало. Указанный вывод, в свою очередь, предопределяет ответ на вопрос о реальности «русской угрозы» для австралийских переселенческих колоний. Опасности непосредственного русского вторжения на пятый континент во второй половине XIX — начале XX в. не было, и страхи австралийцев по этому поводу были лишены каких-либо оснований. «Русская угроза» представляла собой не более, чем миф, своего рода фантом, который, однако, оказал определенное воздействие на внутрисполитическое развитие Австралии и в известной мере повлиял на формирование геополитических представлений и внешнеполитических ориентиров австралийцев.

Примечания

1 Подробнее о проявлениях русофобии в Австралии см.: *Массов А. Я.* Англо-русские отношения и «военные тревоги» в Австралии во второй половине XIX в. // *Россия и страны Южных морей: историко-культурные связи. Тезисы докладов 21-й научной конференции по изучению Австралии и Океа-*

нии. М., 1995; *Массов А. Я.* Визит доброй воли или секретная миссия? (Пребывание в Австралии эскадры контр-адмирала А. Б. Асланбегова в 1881—1882 годах) // *Гангут.* Вып. 5. СПб., 1993.
2 *MacCallum D.* The Alleged Russian Plans for the Invasion of Australia, 1864 // *Journal of the Royal*

- Australian Historical Society. 1959. Vol. 44.
- 3 Penny B. R. The Age of Empire. An Australian Episode. // Historical Studies of Australia and New Zealand. November 1963. Vol. 11. № 41. P. 33, 34.
  - 4 Lack C. Russian Ambitions in the Pacific; Australian War Scares of the Nineteenth Century. Brisbane, 1968. P. 1.
  - 5 Garie F. Detente, Adelaide 1882 // Sabretache. Journal and Proceedings of the Military Historical Society of Australia. January 1978. Vol. 19. № 1; Gwyn-Jones T. The Russians are Coming // Geo: Australia's Geographical Magazine. December 1985 — February 1986. Vol. 7. № 4.
  - 6 См., напр.: Hooper M. The Naval Defence Agreement of 1887 // The Australian Journal of Politics and History. 1968. Vol. 14. № 1. P. 54; Serle G. The Rush to be Rich. A History of the Colony of Victoria, 1883—1889. Melbourne, 1971. P. 202; Millar T. B. Australia in Peace and War: External Relations 1788—1977. Canberra, 1978. P. 58; Thompson R. C. Australian Imperialism in the Pacific. The Expansionist Era 1820—1920. Melbourne, 1980. P. 70.
  - 7 Рудницкий А. Ю. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. М., 1991. С. 31, 33.
  - 8 Хотимский К. М. Русские в Австралии. III. Боязнь русского вторжения // Журнал Русского клуба. 1986. Март. С. 48.
  - 9 Хотимский К. М. Русские в Австралии. Мельбурн, 1957. С. 10.
  - 10 Cigler M. J. Russians in Australia // Australian Encyclopaedia. 2nd ed. Vol. 5. Sydney, 1983. P. 1—3.
  - 11 Fitzhardinge V. Russian Naval Visitors in Australia, 1862—1888 // Journal of the Royal Australian Historical Society. 1966. Vol. 52. Pt. 2 P. 155.
  - 12 Fitzhardinge V. Russian — Australian Relations in the Nineteenth Century. Master of Arts Thesis. Canberra, 1964. P. 240.
  - 13 Barrat G. R. V. Russophobia in New Zealand 1838—1908. Palmerston North, 1981. P. 159.
  - 14 Краснознаменный Тихоокеанский флот. Военно-исторический очерк. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1981. С. 24—25.
  - 15 Brassey T. The Australian Squadron // Brassey's Naval Annual 1887. L., 1888. P. 79.
  - 16 Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 28—29.
  - 17 РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3064. Л. 4 об.—5. — Аналогичную инструкцию начальнику отряда судов Тихого океана капитану 1 ранга М. Я. Федоровскому от 11 февраля (ст. ст.) 1871 г. см.: Первое продолжение обзора заграничных плаваний судов русского военного флота. Т. 1. СПб., 1878. С. 532.
  - 18 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 538. Л. 8.
  - 19 См., напр., подобный документ в: Приложение к дневнику командира крейсера «Африка» капитан-лейтенанта Е. И. Алексеева // Центральный Военно-морской музей, рукописно-документальный фонд, инв. № В-8042.
  - 20 РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. Д. 3207. Л. 262 об.
  - 21 Подборка с данными по австралийским колониям см.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 205, 869, 1471.
  - 22 РГА ВМФ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 1358. Л. 160 об.
  - 23 Там же. Л. 186 об.
  - 24 Там же. Л. 189—190. В 1888 г. подробные сведения об укреплениях острова Тереди и о порте Ньюкасл по просьбе морского министерства собрала команда корвета «Рында». См.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 224. Л. 98; Д. 360. Л. 16, 22 об. — 25.
  - 25 См.: РГА ВМФ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 1594.
  - 26 Тексты программы см.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 184. Оп. 520. Д. 469. Л. 54—54 об.; РГА ВМФ. Ф. 417, Оп. 1. Д. 517. Л. 10—11; Д. 2146. Л. 1—4.
  - 27 АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 16.
  - 28 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1510. Л. 19.
  - 29 Там же. Л. 20.
  - 30 АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 80—80 об.; Brassey T. Our Naval Position in 1896. Melbourne, 1896.
  - 31 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2146. Л. 7.
  - 32 АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 469. Л. 23—23 об.
  - 33 Там же Л. 56.
  - 34 Английская летучая эскадра в Мельбурне // Морской сборник. 1870. № 3; Прибытие английского монитора «Церберус» в Мельбурн // Кронштадтский вестник. 14.05.1871; С клипера «Алмаз» // Кронштадтский вестник. 1.09.1871; Австралия // Яхта. 29.01.1877; Оборона Австралии // Морской сборник. 1882. № 10; Канонерская лодка для обороны Мельбурна // Морской сборник. 1882. № 12; Австралийский флот и оборона Австралии // Морской сборник. 1883. № 8; Австралийские лодки «Виктория» и «Альберт» // Морской сборник. 1884. № 3; Состав английского колониального флота // Морской сборник. 1885. № 1; Лондон, 8-го (20-го) сентября // Новороссийский телеграф. 20.09.1887; Конференция по вопросу об обороне английских колоний // Морской сборник. 1887. № 10; Колониальный флот Виктории // Морской сборник. 1887. № 11; Оборонительные средства Великобритании и ее колоний // Морской сборник. 1888. № 7; Спуск австралийского крейсера «Персиан» // Морской сборник. 1890. № 4; Крейсеровка австралийской эскадры // Морской сборник. 1890. № 11; Австралийская эскадра // Морской сборник. 1891. № 5; Оборона Великобритании и ее колоний // Морской сборник. 1898. № 10; см. также: Австралийский броненосец «Цербер» // Всемирная иллюстрация. 1876. Т. 15. № 382; Воска Австралии // Мировые отголоски. 18.07.1897.
  - 35 См.: Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954. С. 223.
  - 36 Craig G. C. The Federal Defence of Australasia. Sydney, 1897. P. 74—75.
  - 37 См., напр.: Инструкции командующим эскадрой Тихого океана вице-адмиралам П. Н. Назимову

- (1889 г.) и С. П. Тыртову (1892 г.) // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 543. Л. 8; Д. 955. Л. 12.
- 38 См. дело 1877—1878 гг. «О рассмотрении предложений о мерах по подготовке русского флота к военным действиям в Тихом океане в случае войны с Англией» (РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4040) и дело 1880—1894 гг. «О составлении плана крейсерской войны и военных действий в Тихом океане на случай войны» (РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 429). Ничего не говорится о планах вторжения в Австралию и в достаточно подробных и откровенных дневниках И. А. Шестакова — морского министра России в 1882—1888 гг. (см.: РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1—14).
- 39 РГА ВМФ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 1. Л. 37 об.
- 40 Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 3063. Л. 42—42 об.
- 41 См.: Инструкции П. Н. Назимову и С. П. Тыртову // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 543. Л. 8, Д. 955. Л. 12.
- 42 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 543. Л. 8, 8 об.
- 43 *Гончаров И. А.* Из воспоминаний и рассказов о морском плавании // Складчина: Литературный сборник, состоящий из трудов русских литераторов. СПб., 1874. С. 544.
- 44 РГА ВМФ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 1. Л. 37—37 об.

Е. Ф. Подсобляев

Какой флот нужен РСФСР?

**(по материалам дискуссии, прошедшей после
Первой мировой войны)***

Методологические аспекты проводимой дискуссии были изложены в выступлении профессора Б. Б. Жерве, предложившего использовать «академический метод». Он говорил, что «наука... знает три метода подхода к решению вопроса о том, какой флот нужен государству. Первый метод — это когда исходят из вполне определенных... стратегических задач... Второй... — намечают задачи морских сил вообще, исходя из реальных ресурсов страны. Третий... — “экономический”, когда размеры задач морской силы определяются по отпущенным государством ресурсам на эту силу... Метод, при коем в основу кладутся конкретные стратегические задачи, является наиболее простым, ... но... прежде всего, эти задачи требуют наличия единого плана подготовки государства к войне». Для его составления необходимо знать, «с кем произойдет или возможно столкновение, ибо готовиться к борьбе без определенного противника просто нецелесообразно... Базируясь на это остается определить состав морских сил, способных решить данную стратегическую задачу... Программа строительства морских сил должна соответствовать, с одной стороны, реальным ресурсам и возможностям, с другой — отвечать политической обстановке. Политика может указать, какие противники являются наиболее вероятными..., экономика — насколько мы должны сократить программу подготовки, в какие посильные рамки поставить создание вооруженной силы. В свою очередь, это потребует такого сужения стратегических и политических задач, что придется, быть может изменить политику»¹.

Предложенный метод не является чем-то новым в военно-морской науке. Именно им руководствовался Морской генеральный штаб, составляя свой первый программный документ — всеподданнейший доклад «О состоянии, воссоздании и реорганизации флота» от 2 октября 1906 г. У этого метода было два слабых места. Первое — сложность определения с достаточной вероятностью будущего противника. Именно «шаткость идеи предопределенного противника, против которого строился и готовился флот, вынудила Россию к самой губительной операции — перемене противника почти накануне войны [русско-японской. — *Е. П.*]. Эта операция стоила нам гибели флота и вместе с тем потери не только международного престижа, но государственной безопасности»². На это положение указал, выступавший вслед за Жерве, комиссар Морских сил ЧФ А. В. Баранов, отметивший, что «когда события меняются с революционной быстротой..., очень трудно искать вероятных противников и строить против них флот»³. Второе — сложность чисто субъективного характера, заключающаяся в невосприимчивости государственным руководством

* Продолжение. Начало в № 4, 5.

рекомендаций военного и морского ведомства по ведению политики. Обратная связь, определяющая влияние стратегии на политику, крайне тонка. Будучи системой законов и взглядов на подготовку и ведение войны, стратегия является производной от войны. Война же, являясь, по определению Клаузевица, «продолжением политических взаимоотношений», зависит от политики, которая диктует стратегии свои условия. Это положение теории Клаузевица очень хорошо было усвоено политиками, стоявшими у власти. И очень мало кто из них помнил о важнейшем дополнении к этой формуле — она справедлива лишь в том случае, «если политика верна», т. е. если она соизмеряет свои замыслы с «имеющимися для войны средствами»⁴. Для того, чтобы перекрыть возможные ошибки политиков, при определении структуры будущего флота МГШ при составлении всеподданнейшего доклада исходил из худшего варианта возможного развития событий. Аналогичный подход предложил использовать и А. В. Баранов, высказавший мысль, что «противником ... при настоящей политической конъюнктуре является весь мир» и, следовательно, необходимо быть готовыми к отпору агрессии в любую минуту. Поэтому, «учитывая нашу экономическую бедность», создавать флот необходимо, «сообразуясь с ресурсами страны», используя для этого «лучшие корабли старого флота» и вырабатывая «путем напряженной работы ...максимальную способность побеждать»⁵.

Логика постановки перед армией и флотом оборонительных стратегических задач в условиях существующей обстановки оправдана и понятна. Она диктовалась и политической ситуацией, и экономическим состоянием республики. Именно оборонительные задачи прозвучали в декларативной записке помощника главнокомандующего всеми Вооруженными Силами Республики по морским делам Э. С. Панцержанского, которую перед началом заседания зачитал А. В. Домбровский, начальник Морского штаба Республики. Однако идеологический лозунг о готовности поддержать мировую революцию заслонил собой реалии политической обстановки даже среди представителей академической школы. Б. Б. Жерве в своем выступлении отмечал, что «характер стратегии, который силою вещей должен вытекать из идеологии, которой живет русский народ... наступательный в своем конечном итоге...»⁶. Следовательно, флот необходим активный, т. е. линейный. Эта точка зрения была поддержана большинством выступавших, в том числе и комиссаром Морских Сил Республики В. И. Зофом. Он полагал, что «...наиболее главной задачей является иметь боеспособный красный рабоче-крестьянский флот, который в любой момент, при любой обстановке мог бы и защищать наши морские границы и в случае надобности мог перейти в посильное для него наступление против того или иного врага...»⁷. Для этой цели, по мнению М. В. Викторова, начальника Морских сил Балтийского моря, «флот должен быть небольшой, но способный к активным действиям»⁸.

Наиболее прагматичным, опирающимся не на идеологические лозунги, а реальное положение дел, было выступление начальника оперативной части Морского штаба Республики А. А. Тошакова на тему «Стратегическое значение Балтийского, Черноморского, Беломорского и Каспийского театров и задачи морской вооруженной силы на них», которым открывалось второе заседание Аудитории 16 февраля 1922 г. Докладчик сразу остудил горячие головы сторонников активного флота, указав на то, что «...РСФСР значительно стеснена в отношении обладания морскими выходами и по географическому своему положению является страной континентальной, а потому... наши морские силы на различных театрах впредь до приведения их в должное состояние не могут иметь самостоятельных морских задач. Поэтому основной задачей флота является совместная работа с Красной Армией»⁹.

В зависимости от имеющихся в составе флота сил можно, по мнению Тошакова, выделить следующие задачи Красного флота на морских театрах. На Балтике: «1. Оборона подступов к Кронштадту и Петрограду... 2. Обеспечение владения морем в пределах,

позволяющих вести маневренную войну..., чтобы иметь возможность прервать водные пути или лишить противника возможности подвоза морским путем войск и средств борьбы... 3. Владение Балтийским морем с целью не допустить в него прорыва флота какой-либо из морских держав Европы со стороны Атлантического океана...». Каждая из этих задач могла быть решена флотом определенного состава. В первом случае географические условия позволяли использовать «минную оборону», поддерживаемую огнем корабельной артиллерии и атаками подводных лодок. Второй вариант требовал наличия «активного флота, способного вести борьбу не только на подступах к нашим берегам, но и вне их пределов...». Третья задача не могла быть решена без «мощного активного флота, способного вести борьбу, начиная с Бельтов и Зунда всеми современными средствами».

На Черном море, полагал докладчик, необходимо, «держать флот такого состава, чтобы он: 1. Имел возможность затруднить прорыв неприятеля через Босфор и 2. Мог оказать всевозможное противодействие его свободе действий у наших побережий»¹⁰.

Выступившие в прениях отмечали, что состав сил на Балтике позволяет надеяться на успешное решение лишь первой задачи, но стремиться необходимо к возможности «иметь влияние во всем Финском заливе». Аргументы в поддержку этой мысли были приведены в выступлении преподавателя Морской академии А. Н. Гарсова: «Во всех случаях борьба на подступах к Петрограду приняла бы характер борьбы за Финский залив... В этой борьбе преимущественная роль принадлежала бы флоту линейному, так как подводный флот не сможет дать исчерпывающей поддержки армии». Однако в отличие от других, Гарсов полагал, что для ведения активных наступательных действий линейный флот не всегда является необходимым, выполняя скорее обеспечивающую роль. «...Изоляция стран Малой Антанты от помощи извне могла бы быть вполне осуществлена подводным флотом, но при обязательном условии владения Финским заливом. Борьбу с флотом Большой Антанты», по его мнению, следовало вести, используя в первую очередь «минные заграждения, подводные лодки и подводные заградители»¹¹. Это было новым взглядом на соотношение сил флота — линейных кораблей и подводных лодок, и решаемые ими задачи. Взгляд этот развивал идеи, высказанные основателем Лиги обновления флота Н. Н. Беклемишевым в 1908 г. и преобразованные с учетом уже опыта Первой мировой войны.

Впервые с академической трибуны прозвучало предложение представителя сухопутной авиации Г. Григорьева строить «воздушный флот» вместо «флота морского». Авиаторы, в частности Г. Шварев, справедливо отмечали, что достижение цели морской войны — завоевание господства на море, «в настоящее время должно быть связано неразрывно с господством и на воздухе»¹². Несмотря на то, что Б. Б. Жерве в прениях отметил необходимость разумного сочетания морских сил и авиации, поскольку «только гармоническое сочетание всех трех видов вооруженных сил... обеспечивает неприкосновенность страны», выражая тем самым общую точку зрения моряков, спор между сторонниками авиации и флота продолжился после закрытия заседания на страницах журналов «Морской сборник», «Красный флот», «Вестник воздушного флота» и др.

Первая открытая дискуссия в Аудитории военно-морского дела на тему «Какой РСФСР нужен флот?», прошедшая 10 и 16 февраля 1922 г. не дала окончательного ответа на поставленный вопрос. Чисто научный подход, предложенный представителями «академической школы», отражавший взгляды ведущих морских держав на вопросы строительства и применения флота, натолкнулся на катастрофическое состояние экономики республики, не позволяющее осуществлять и самого скромного финансирования флота без нанесения ущерба обороноспособности страны. Без денег флот потихоньку умирал. Несмотря на достройку и ремонт в 1921—1923 гг. ряда кораблей на Балтийском и Черном морях, общий тоннаж флота с 548 тыс. т в 1917 г. снизился к 1923 г. до 82 тыс. т. Численность личного состава флота с начала 1921 г. в течение трех лет уменьшилась с 87 тыс. до

32 745 человек. Говорить в столь сложных условиях о строительстве линейного флота было бесперспективно, по крайней мере в ближайшем будущем. В конце 1922 г. Б. Б. Жерве это фактически признал, предложив своим единомышленникам, отойдя от классической теории господства на море, заняться разработкой вопросов «малой морской войны» — теории, применимой к конкретным условиям конкретной обстановки.

В это время на страницах флотской печати все большую активность начали развивать сторонники воздушного флота. Опираясь на данные практических опытов по бомбометанию, проводимых в американском и британском флотах, авиаторы К. Е. Вейгелин и Г. Григорьев всерьез стали предлагать заменить морской флот воздушным. В «Морском сборнике» № 11 за 1922 г. вышла статья Вейгелина «Воздушные и морские силы», вызвавшая ответные публикации сторонников классического флота. Н. Горский в статье «Флот и авиация» (МС. № 11, 1922 г.) и Г. Н. Пелль в статье «Аэроплан против линейного корабля» (МС. № 1—2, 1923 г.) дали резкий отпор нападкам на морскую составляющую военной мощи государства и ее установившийся состав. Разногласия во взглядах послужили причиной проведения очередной открытой дискуссии в Аудитории военно-морского дела, которая с ноября 1922 г. была реорганизована в Военно-морское научное общество под председательством помглавкомора Э. С. Панцержанского. Это был последний всплеск открытой теоретической дискуссии на тему «Какой РСФСР нужен флот?», свободной от идеологического противостояния и очевидно поэтому наиболее продуктивной. Хотя попытки отыскать в военной теории дух «буржуазной идеологии» уже стали предприниматься в стенах Морской академии, куда после реорганизации в марте 1922 г. был произведен «набор слушателей из рядов бойцов, закаленных в империалистической и гражданской войнах в борьбе за пролетарскую революцию»¹³.

Дискуссия на тему «Два флота: флот морской и флот воздушный» продолжалась в стенах Военно-морской академии шесть дней. Первое заседание 20 апреля 1923 г. открылось вступительным словом заместителя председателя Военно-морского научного общества А. К. Сивкова, который сразу же определил конструктивную направленность спора, подчеркнув, что «дискуссия не преследует цель вести атаку на воздушный флот, доказывать, что он не играет никакой роли»¹⁴. Целью являлось показать необходимость тесной и постоянной связи в работе «военно-морской и воздушной мысли», попытаться выработать единство во взглядах на роль и место воздушного и морского флотов в системе обеспечения безопасности государства. Именно с выяснения роли морского и воздушного флотов и решаемых ими задач начал свой доклад Б. Б. Жерве. Рассмотрев исторические этапы развития военно-морского флота, он пришел к выводу о том, что «...воздушный флот только тогда сможет заменить собой морскую вооруженную силу, когда он станет способным выполнять все те стратегические задачи, которые до сего времени ложились на морскую силу: охранять свои и прерывать неприятельские пути сообщений; обеспечивать свое побережье от вражеского вторжения с моря и производить высадку крупного десанта на неприятельские берега; способствовать армии в ее прибрежных операциях, поддерживая ее приморский фланг и обеспечивая ее морскую коммуникацию»¹⁵. Пока же, по мнению докладчика, как показал опыт мировой войны, с решением этих задач может успешно справляться лишь морская сила, имеющая в основе линейный флот. «Единственной не решенной еще мировой войною проблемой в области борьбы на море является способность подводных крейсеров бороться с морскими сообщениями противника, линейный флот которого господствует на море»¹⁶.

Невозможность постройки линейного флота заставляет искать новые средства и способы ведения борьбы на море, с тем, чтобы с их помощью решать стратегические задачи, отмечал Б. Б. Жерве. В этой связи обращает внимание «новый взгляд на авиа-матку, который устанавливают американцы, сравнивая ее с линейным кораблем, а аппараты со сна-

рядами. Таким образом рождается идея нового типа линейного корабля, вооруженного вместо крупной артиллерии аэропланами. Важность такой разновидности линейного корабля особенно понятна, так как она позволяет начинать бой с очень дальних дистанций и захватить в свои руки инициативу нанесения удара неприятельскому флоту. Но вместе с тем, такой тип корабля вовсе не исключает артиллерийского линейного корабля и всех других классов военных судов, а лишь пополняет его ряды новой разновидностью. Появление такого типа военного судна не вносит ничего нового, ниспровергающего правила и нормы борьбы на море, а лишь усилит средства истребления и усложнит обстановку морского боя»¹⁷. Это лишь одно из новшеств. «Для успешного решения стоящих перед флотом задач... наша военная мысль, рождающаяся из недр Революции, должна быть дерзновенной и особенно напряженно искать... новые средства и методы, могущие возместить экономическую и промышленную слабость Советской России и обеспечить ей успех в неизбежной борьбе с капиталистическим миром»¹⁸.

Последующие выступления и моряков, и авиаторов были направлены на поиск наиболее эффективных способов ведения морской войны более слабым флотом. Были сделаны выводы, которые во многом предвосхитили развитие военно-морского искусства во Вторую мировую войну. Г. Н. Пелль в своем докладе указал на «...громадное значение, которое трудно переоценить, комбинации подлодки с воздушным разведчиком, связанным с ней по радио, на торговых путях океана. Особенно это важно для изолированной страны, прижатой к стене численно и экономически подавляющим противником». Это лишь один из возможных вариантов использования флота и авиации совместно. В выводах Г. Н. Пелль подчеркнул ряд важнейших моментов, которые необходимо учитывать при строительстве флота. Они не потеряли своей актуальности до сих пор, верность же их была проверена в ходе боевых действий на море во Вторую мировую войну. Вот они: «1. Авиация в комбинации в подводным флотом, в большой степени увеличивает возможности малой войны; с другой стороны, воздушные средства значительно стесняют действия подводных лодок вблизи берегов и в узкостях, ими охраняемых, почему действия подводных судов вероятно будут развиваться на торговых путях океанов. 2. Воздушные средства борьбы, главным образом, авиация — раздвигают широко горизонт морских сил... Флот, не имеющий мощных воздушных средств, будет всегда поставлен в тяжелое, а иногда и гибельное положение. 3. В море удары авиации наиболее действительны в комбинации с ударом морских сил. 4. Воздушные средства борьбы, особенно авиация, весьма усложняют устройство морских баз и условия пребывания в них флота... 6. Однако одни воздушные средства без поддержки береговых и морских средств не в состоянии защитить береговых рубежей страны»¹⁹.

Обсуждение доклада Г. Н. Пелля продолжалось на протяжении всего третьего дня дискуссии. В нем приняли участие специально прибывшие из Москвы представители Центрального военно-научного общества — авиатор Григорьев и председатель Инженерного комитета Главного военно-инженерного управления Билевич. Выступил в прениях и К. Е. Вейгелин, который уже не высказывал крайне радикальных взглядов, ограничившись констатацией сильного влияния авиации на операции морской и континентальной войны.

На четвертый день с большим докладом «Воздушные силы в операциях на море» выступил М. А. Петров. Развивая выступление Б. Б. Жерве на первом заседании общества, он сформулировал главные стратегические задачи, которые должен решать современный военно-морской флот, указав, что именно они будут намечать общий смысл боевых действий на море. Рассмотрев наиболее типичные морские операции, которые служили этим целям, докладчик пришел к выводу, что «авиация играет в них огромную, а при охране побережья, в известных условиях, казалось бы исчерпывающую роль, но все же всего авиация сделать не может и роль флота, решающего судьбу владения морем — главного фактора в их решении, остается пока незыблемой»²⁰.

25 мая с завершающим докладом выступил Б. Б. Жерве, подводя итог всей шестидневной дискуссии. Изложив коротко теорию господства на море Колумба, докладчик особо остановился на операциях «малой войны» и на участии в них авиации. По его мнению задачи слабейшего флота состоят в необходимости «беспокоить противника, разбрасывая мины на путях его маневрирования, атакуя его подводными лодками и миноносцами, стремясь всячески ослабить его силы и подравнять их со своими, чтобы перейти дальше к решительному удару, к возобновлению борьбы за обладание морем... Воздушный флот может облегчить эти операции малой войны постановкой мин на путях противника, воздушными атаками на его суда и, особенно, ночными налетами на его операционную базу, которая должна находиться не больше, чем в 100 милях от линии блокады. Наконец, на слабейший флот может лечь задача обороны некоторых особенно важных в стратегическом отношении для сухопутного театра войны морских участков. Наиболее характерным методом ведения операций в данном случае является позиционная война»²¹.

Закончив общую часть, профессор Жерве перешел к рассмотрению вышеизложенного в конкретной обстановке, существующей на момент обсуждения на морских границах СССР. При этом он пришел к выводу, что «...задачи, вытекающие не из империалистических, фантастических замыслов, а из простого самосохранения, обеспечения возможности независимого нашего существования и внутреннего хозяйственного строительства» могут быть решены лишь при условии обеспечения безопасности своих границ, «из которых особенно уязвимыми являются границы морские. Это может быть обеспечено только флотом... И этот флот, исходя из сути всех отдельных заданий, которые могут быть ему предъявлены, должен иметь в своем составе и линейные корабли, и крейсера, и миноносцы, и подводные лодки и, наконец, морскую авиацию. Воздушный флот нам также необходим, ...так как морской флот особенно нуждается в нем для обеспечения решения своих задач». В заключительном слове Жерве отверг упреки в том, что представители Военно-морского научного общества предлагали строить морскую силу по какому-то иностранному образцу. «Ни о каком образце речи не было, и все выводы... были сделаны применительно к строгим стратегическим задачам, которые должны быть предъявлены нашей морской силе применительно к существующей обстановке. Этот... подход является единственным, который допускает стратегия при решении подобного рода вопросов»²².

В принципе, цели дискуссии были достигнуты. Удалось выработать общий с авиаторами подход к определению роли и места морских и воздушных сил в составе вооруженных сил Республики. Были определены новые черты боевых действий на море, обусловленные новыми средствами борьбы — в первую очередь, широким применением подводных лодок и авиации. Своевременными были выводы о необходимости создания и развития сбалансированного по родам сил и классам кораблей флота. Был дан толчок к детальной разработке способов ведения боевых действий слабейшим флотом в условиях «малой войны». Таким образом, теория господства на море получила свое дальнейшее развитие применительно к конкретным условиям, в которых находился наш флот.

Хотелось бы особо отметить тот факт, что в выступлениях не было и намека на кризис теории владения морем. Более того, теория «малой войны» целиком вписывалась в рамки теории Мэхэна-Колумба, рассматривая существующее положение флота как временное. Широта стратегического мышления «носителей буржуазно-революционных теорий в советской военной науке», к которым в конце 20-х годов были отнесены практически все представители академической школы, позволяла им смотреть вперед в своих исследованиях и выводах, предвидя время, когда страна сможет приступить к строительству океанского флота. И это время пришло гораздо раньше, чем ожидали многие. Однако мало кто из теоретиков старой школы дожил до 1939 г. и услышал критику своих про-

тивников, звучавшую как реабилитация «буржуазной идеалистической школы морской стратегии старой Николаевской Морской академии, которую возглавлял в свое время идеалист и мистик Н. Л. Кладо». Оправдательные слова были написаны профессором Военно-морской академии Владимиром Александровичем Белли в работе «Основы ведения операций на море», которая до сих пор считается краеугольным камнем теории военноморского оперативного искусства. Он отмечал: «Неправильна и вредна «концепция»... о якобы происходящем отмирании класса линейных кораблей под влиянием развития подводных лодок и авиации. Эта концепция «обосновывалась фальсификацией опыта мировой войны и послевоенного строительства флотов капиталистических государств»²³. Сама же фальсификация во многом происходила в ходе дискуссии о «малой войне», дискуссии, в основе которой лежало не стремление к достижению конструктивной цели, а политическая и идеологическая конъюнктура.

Примечания

- 1 Морской сборник. 1922. N 1—2. С. 89—91.
- 2 РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1437. Л. 2.
- 3 МС. 1922. № 1—2. С. 93—94.
- 4 *Клаузевиц К.* О войне. М., 1937. Т. 2. С. 384.
- 5 МС. 1922. № 1—2. С. 94.
- 6 Там же. С. 91.
- 7 Там же. С. 99.
- 8 Там же. С. 101.
- 9 Там же. С. 104.
- 10 Там же. С. 107—108.
- 11 Там же. 1922. № 3—4. С. 5—7.
- 12 Там же. С. 9.
- 13 Там же. 1924. № 3. С. 119.
- 14 Там же. 1923. № 5. С. 178.
- 15 Там же. С. 188.
- 16 Там же. С. 186.
- 17 Там же. С. 198.
- 18 Там же. С. 189.
- 19 Там же. 1923. № 6. С. 162.
- 20 Там же. С. 187.
- 21 Там же. С. 205.
- 22 Там же. С. 206—107.
- 23 Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. 1917—1940. М., 1965. С. 732.

Л. И. Брылевская

Работа С.А.Бурачека над гидрореактивным двигателем

Известный инженер-кораблестроитель Степан Анисимович Бурачек (1800—1876) впервые выступил с проектом гидрореактивного двигателя — водопротоков в период своей работы в Комиссии для производства опытов относительно приспособления электромагнитной силы к движению машин по способу профессора Якоби. В то время Бурачек уже был авторитетным корабелом, имеющим значительный практический опыт и недюженную научную подготовку. Степан Анисимович занимал профессорскую кафедру в офицерских классах Морского корпуса, где он читал лекции по корабельной архитектуре, теории и практике кораблестроения. Его опыт кораблестроителя и изобретателя был весьма полезен в работе Комиссии. Архивные документы подтверждают самое живое участие С.А.Бурачека в процессе работы академика Б.С.Якоби над проектом электрохода.

7.10 (24.09).1838 г. подполковник Бурачек представил записку «Результаты, могущие последовать от применения электромагнетизма, как двигателя, к военному кораблю и целому флоту»¹. Всем членам Комиссии было предложено ознакомиться с ней и высказать свое мнение о ее содержании². На заседании комиссии от 7.11.1838 г. состоялось обсуждение предложений С.А.Бурачека. Эта записка представляет определенный интерес для историков науки, она содержит оценку изобретения Б.С.Якоби, ряд новых технических идей, прежде всего, проект водопротоков, а также знакомит с довольно распространенным среди специалистов того времени взглядом на проблемы отечественного флота.

Степан Анисимович восторженно отзывался о результатах испытаний электрохода. Он писал: «В летописях практической механики не было еще примера, чтобы какой-нибудь двигатель, только что придуманный, едва измеримый, был сразу же удовлетворительно применен к движению машин. Самые грубые осязательные двигатели требовали несколько десятилетий для постепенных попыток, требовали тысячи умов теоретических и практических для решения вопроса удовлетворительно со всех сторон. Если ко всему этому взять еще в рассуждение, что природа и законы электромагнетизма до сих пор так мало известны, что эта невидимая сила едва уловима в ее действиях и путях, то по всей справедливости можно сказать, что труды Комиссии, Высочайше утвержденной для приложения электромагнетизма к движению машин, при первом опыте увенчались успехом слишком достаточным»³. И особенно отрадно было то, что приоритет в этой области принадлежал России. «И так русские, — писал С.А.Бурачек, — вышли на состязание с Европой и Америкой — и премия досталась им, и в придачу — новая опытность, которой недостает еще нашим соискателям»⁴. Но чтобы закрепить приоритет в этой области, не-

обходимо было продолжить изыскания.

Бурачек, как опытный кораблестроитель, прекрасно осознавал важность поисков новых двигателей. Парусный флот доживал свой век. Паровой двигатель с большим трудом пробивал себе дорогу. В истории техники известны многочисленные препятствия, чинимые судовладельцами изобретателям и строителям новых судов для нужд водного транспорта. Военные моряки также с недоверием относились к паровому двигателю. Объяснялось это отчасти недостатками конструкций кораблей, а именно, громоздкостью, незащищенностью и несовершенством, использовавшихся в то время движителей — гребных колес, располагавшихся, главным образом, по бортам, вдоль которых размещалась корабельная артиллерия. В результате, внедрение парового двигателя на военном флоте осуществлялось медленно, и только когда гребные колеса были заменены винтом, началось активное строительство военных кораблей с паровым двигателем.

С. А. Бурачек

Из представленной записки видно, что Бурачек разделял бытовавшее в то время среди специалистов мнение, что паровая машина никогда не будет выгодным двигателем для военного корабля. Он полагал, что паровой двигатель и необходимый для работы котлов запас топлива способны вытеснить с корабля артиллерию, и кроме того, легко уязвимы не только гребные колеса, достаточно попадания одного ядра в район машинного отделения, чтобы вывести корабль из строя⁴. В дальнейшем Бурачек отказался от этой ошибочной точки зрения и сам занялся разработкой новых паровых котлов. Но к 1838 г. недостатки парового двигателя были известны всем, а трудности, к которым приводило использование гальванической батареи, казались не столь существенными, их надеялись преодолеть в ходе дальнейших изысканий. Успех казался очень близким. В письме к Фарадею Якоби говорил о том, что за один год сможет построить корабль в 40—50 лошадиных сил, если небо сохранит ему расстроенное здоровье. Не удивительно, что С. А. Бурачек связывал будущее военного флота именно с электродвигателем, и со свойственным ему темпераментом устремился на защиту проекта академика Якоби.

В докладе комиссии Бурачек нарисовал захватывающую картину изменений, к которым должно было привести применение нового двигателя на флоте. Многие из его суждений сейчас нам кажутся наивными. Дороговизну гальванического прибора Бурачек объяснил исключительно необходимостью разнообразных дорогостоящих усовершенствований в процессе работы, он полагал, что впоследствии, когда конструкция будет окончательно разработана, все будет обходиться много дешевле. Приведем небольшой фрагмент его записки: «гальванический прибор никак не дороже парового; и чего бы впрочем ни стоил, но если он с каждого корабля убавит 200—300 матросов, то он уже слишком дешев.

Со стороны места и простора смело можно сказать, что гальванический движитель, судя по первому опыту, далеко оставляет за собою ветер и пар; его присутствие почти не будет ощутительно для корабля ни по весу, ни по месту; потому что место в кораблях возрастает пропорционально кубам его размерений, а гальванический прибор — частью, пропорционален простым размерениям, а частью квадратам их. Один взгляд на шлюпку показывает, что весь механизм занял место только четырех гребцов. Шлюпка и теперь

помещает 10 пассажиров в корме, двух или трех дирижеров в середине, и одного человека на носу, всю батарею, бутылки с кислотой и котел с раствором. Напротив, паровой котел с машиной и углем, совершенно бы загрузил ее и занял бы всю внутренность.

Но первейшее условие для всякого движителя, приложенного к кораблю, должно быть то, чтобы он был совершенно скрыт и безопасен от ядер. Ни парусность, ни паровой механизм в нынешнем виде этому не удовлетворяют, напротив, электромагнетизм в совершенстве удовлетворителен»⁵.

Уровень развития науки и техники того времени не мог обеспечить создания мощного источника электрической энергии на судне, поэтому надежды С.А.Бурачека не оправдались. Процесс совершенствования электродвигателя потребовал весьма значительного времени, от мелких суденышек, оснащенных электродвигателями, к крупным (надводным) кораблям смогли перейти только к концу XIX — началу XX в.⁶ Однако Бурачек одним из первых попытался теоретически обосновать необходимость замены парусности новым двигателем, он горячо поддерживал развитие электротехники и не ограничивал применение изобретения Б.С.Якоби только флотом, видя в нем и средство механизации. Он писал: «Я не хочу и входить в исчисление бесчисленных приложений того же движителя в береговых потребностях: от пильной мельницы до типографского станка и железной дороги. Важность его для общежития так велика, что нет никаких издержек, трудов и усилий, которых можно бы пожалеть для дальнейшего усовершенствования этой новой отрасли практической механики»⁷.

Важность проводимых экспериментов была неоспорима, но очевидные недостатки электрохода ставили под вопрос возможность продолжения опытов. Прежде всего это низкая скорость: против течения составляла максимум 1,5 узла. Малая мощность электромагнитной машины не могла обеспечить электроходу приемлемую скорость. Бурачек всеми силами пытался помочь Якоби, с целью увеличения скорости он варьировал форму корпуса судна, но за счет этого невозможно было получить ощутимых результатов; он просил Якоби максимально снизить вес гальванической батареи, что в какой-то мере удалось сделать^{8,9}. Когда встал вопрос о целесообразности дальнейшего финансирования, Бурачек предложил заменить малоэффективные, по его мнению, гребные колеса движителем совсем иного типа — сквозными водопотоками, которым посвящена вторая часть его записки¹⁰. В этой части содержалось описание оригинального проекта водопотоков — устройства, предложенного еще Д.Бернулли (1700—1782), но так и не получившего применения на практике*.

Так выглядел проект первого в России гидрореактивного движителя, который состоял из двух металлических труб (*a*), расположенных параллельно друг другу и симметрично продольной оси корабля; и гидравлического горизонтального колеса (*b*), находящегося в резервуаре, соединяющем носовые части труб с кормовыми, колесо должно было приводиться в движение электромагнитной машиной, его вращение обеспечивало бы постоянный ток воды по водопотоку. Весь механизм предполагалось компактно разместить на дне корабля, его ширина не должна превосходить диаметра колеса. При этом мощность механизма очевидно зависит от мощности гальванической батареи. Однако, увлекшись, Бурачек сильно завысил к.п.д. водопотока, он писал: «Если батарея в 300 лошадей, и ток воды станет двигать корабль с силою 300 лошадей. Это устройство обеща-

* К 1730 г. Д.Бернулли подготовил свою знаменитую работу «Гидродинамика или записки о силах и движении жидкости», которая была опубликована в 1838 г. В 1750—1755 гг. Д.Бернулли занимался вопросами использования водяной струны для приведения в движение судов и других механизмов. В 1752 г. он предложил проект, использующий винт Архимеда, установленный в короткой трубе за кормой судна, впереди руля. Бернулли предложил конструкцию насоса, который должен был поднимать воду в районе одной части судна и выбрасывать ее за кормой, сообщая судну движение

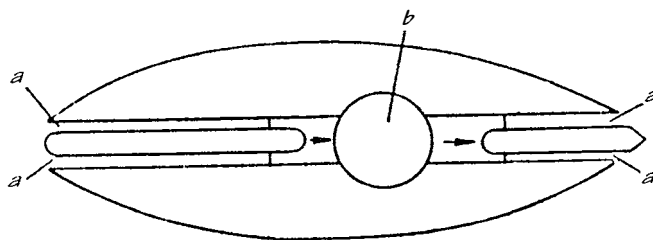

Схема гидрореактивного двигателя С. А. Бурачека.

ет наименьшую потерю полезного действия»¹⁰. Таким образом сквозные водопотоки, по мнению Бурачека, вполне могли решить основные проблемы электрохода.

При всей наивности отдельных суждений Бурачек очень точно определил преимущества гидрореактивного движителя: защищенность движителя, расположенного внутри корпуса корабля (например, в сравнении с гребными колесами); простота и надежность управления судном (без использования руля, который можно потерять в боевых или сложных погодных условиях); небывалая по тем временам маневренность; мелкая осадка судна и способность плавания на мелководье; возможность использования специального механизма, связанного с водопотоками, в противопожарных целях и механизма откачивания воды на случай пробоины и течи.

Устройство сквозных водопотоков и гальванического двигателя на военных кораблях, по мнению Бурачека, могло привести к невиданным изменениям в морском деле, когда при сохранении числа флотских офицеров матросы вообще будут не нужны, «будут одни артиллеристы и солдаты. Свободный от всех изнурительных работ, неразлучных с управлением парусами, он беспрестанно может быть занят только фронтным и артиллерийским учением. ...Ежегодные примерные эволюции для упражнения людей и офицеров, не потребуют и четвертой доли того времени и издержек, какие нужны теперь для маневров парусных судов. Штиль, противный ветер, даже та позиция, которая для нынешнего флота тесна — тогда все равно: флот будет учиться. Вообще в мирное время флот будет гораздо меньше в употреблении, будет сохраннее, долговечнее, а морское войско — искуснее... Когда убавится число матросов почти на половину, убавится и провизий, и воды и всяких запасов, тогда необходимо уменьшится, при той же артиллерии, размер кораблей, и стало быть прямые издержки на весь флот. ...И так приложение электромагнетизма к кораблю поведет к существенному преобразованию, упрощению и усовершенствованию корабельной архитектуры, морской тактики, науки кораблеуправления, корабельного хозяйства и сократит издержки казны. В этом нет ни малейшего сомнения»¹¹.

Воодушевление Степана Анисимовича действовало гипнотически на окружающих, нарисованная им картина грядущих изменений, которые непременно должно было вызвать применение электромагнетизма на флоте, была захватывающей. Несмотря на то, что характеристики как двигателя Якоби, так и водопотоков еще не были достаточно изучены, а результаты опытов, увы, нельзя было назвать вполне удовлетворительными, выводы, содержащиеся в записке, были поддержаны всеми членами Комиссии, которая «единогласно благодарила г. подполковника Бурачека за такое живейшее участие в деле ей порученном и сообщила г.Якоби эту записку во французском переводе, с тем чтобы он воспользовался предполагаемыми г.Бурачком усовершенствованиями»¹².

Обстоятельства сложились так, что несмотря на единогласное одобрение Комиссии сквозные водопотоки не были испытаны непосредственно на электроходе. Однако

предложенный Бурачеком проект особо заинтересовал известного изобретателя в области горной механики генерал-лейтенанта Александра Александровича Саблукова (1783—1857), занимавшегося в то время разработкой центробежных и осевых вентиляторов и насосов. А.А.Саблуков был председателем IV отделения Вольного экономического общества, мастерская которого в конце 1839 г. взяла заказ Комиссии на изготовление электромагнитной машины нового образца¹³. Он решил самостоятельно провести испытания водопротоков. Задача построения нового движителя Саблукову казалась очень простой: конструкция не требовала поднимать воду, достаточно было только придать ей горизонтальное движение. Изобретатель решил применить к движению судов не электродвигатель, как предлагал Бурачек, а созданные им и испытанные в горном деле механизмы. Свой аппарат Саблуков назвал водогоном. При этом применялись два вида движителей: один, основным элементом которого был центробежный насос, и второй, использовавший винт Архимеда. Устройство механизмов, разработанных Саблуковым, подробно описано в его мемуаре, посвященном конструкции и применению вентиляторов и новому приложению того же принципа к перемещению жидких тел¹⁴. Мемуар представлял собой текст доклада, сделанного Саблуковым в 1840 г. на заседании Парижского политехнического общества, почетным вице-президентом которого он являлся. Прежде чем обнародовать свой проект генерал-лейтенант предусмотрительно обратился к властям с прошением о выдаче привилегии на изобретение. При этом на проект С.А.Бурачека он нигде не ссылаясь.

В докладе Саблуков сообщил о положительных результатах использования насосов для обеспечения движения судов. В своем мемуаре он скромно заметил, что результаты опытов совсем не отвечали его надеждам. Он не учел того, что за видимой простотой идеи могут скрываться непреодолимые для современного ему уровня развития техники проблемы. В мемуаре был описан и аппарат, использовавший Архимедов винт. Он состоял из винта диаметром 9 дюймов с несколькими оборотами винтовой линии (винт был размещен в цилиндре из листового железа) и труб — водопротоков, герметично соединенных с цилиндром. Аппарат производил весьма незначительный эффект, что объяснялось, по мнению изобретателя, его малым диаметром. Саблуков тщательно исследовал механизм, изменял его параметры: высоту отверстия для выброса воды, длину водопротоков, угол по которому вода поднималась по водопротоку и т.д. Другой аппарат диаметром 18 дюймов при одном обороте винтовой линии был установлен без цилиндра, снаружи позади судна. Он работал лучше и дал результаты, подтверждающие преимущества механизмов такого рода.

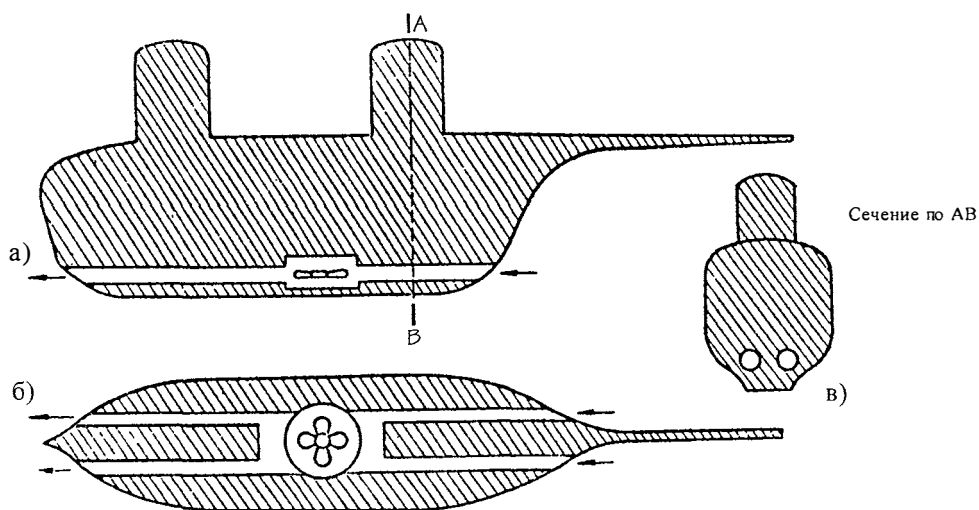
Осенью 1840 г. состоялись публичные испытания водогона, установленного на небольшой шлюпке, механизм приводился в действие двумя матросами, вращавшими рукояти привода центробежного насоса. Выброс воды осуществлялся в виде фонтана в атмосферу. Скорость шлюпки была ничтожной, в результате чего представители Морского ведомства отказали в дальнейшем финансировании работ по усовершенствованию водогона. Присутствовавший на испытаниях С.А.Бурачек видел причину неудачи в конструкции водопротоков: они были слишком узки и расположены слишком высоко, таким образом большая часть мускульной силы матросов уходила на образование фонтанов за кормой шлюпки, а не на движение. Кроме того, он считал более эффективным использование в конструкции Архимедова винта вместо центробежного насоса.

Благодаря публикации Саблукова конструкция сквозных водопротоков и результаты первых испытаний стали хорошо известны за границей. Попытки создания гидрореактивного движителя предпринимались и за рубежом, и некоторые из них были довольно успешными, достаточно вспомнить водометную установку Рутвена¹⁵. Однако русские изобретатели шли своим оригинальным путем.

Работа над перспективными проектами, такими как электромагнитный двигатель, сквозные водопотоки, как правило не останавливались окончательно в связи с прекращением финансирования. Исследователи терпеливо ждали удобного случая для возобновления работ, часто в рамках других проектов.

В январе 1840 г. приступил к работе «Временный комитет о подводных опытах», созданный по ходатайству известного военного инженера генерала-адъютанта Карла Андреевича Шильдера. Среди членов Комитета были академик Б.С.Якоби и генерал-лейтенант А.А.Саблуков. Основой недостаток подводных лодок первой половины XIX века был тот же, что и у электрохода Якоби — низкая скорость. А.А.Саблуков, разработавший систему вентиляции для подводных лодок К.А.Шильдера, предложил испытать «водогон» для увеличения скорости хода. Шильдер воспользовался советом Саблукова и к осени 1840 г. оснастил одну из своих лодок двумя сквозными водопотоками; основным элементом двигателя было гидравлическое колесо, представлявшее собой центробежный насос.

В качестве двигателя предполагалось использовать батарею гальванических элементов, однако недостаток средств не позволил изготовить дорогостоящую электромагнитную машину, и так же как на опытных лодках Саблукова гидравлическое колесо приводилось в движение мускульной силой экипажа, что и предопределило результат публичных испытаний водогона на подводной лодке Шильдера, которые состоялись в Кронштадте 21.09.1840 г.

«Водогон» конструкции А. А. Саблукова: а — вид сбоку; б — вид в плане; в — поперечное сечение.

В истории создания водометного двигателя 1840 год оказался на редкость неудачным, малая эффективность нового двигателя вызвала скептическое отношение к возможности его усовершенствования. Начальник Главного Морского Штаба, лично присутствовавший на испытаниях, счел сквозные водопотоки неперспективным двигателем и отказал в предоставлении средств для продолжения работ.

Бурачек не отказался от идеи использования сквозных водопотоков, он отстаивал ее несколько десятилетий, и несмотря на неудачи, к ней стали обращаться изобретатели. В Морской Ученый Комитет периодически поступали предложения о замене на паровых судах колес и винта новым двигателем. В 1853 г. преподаватель практической механики

Корабельно-инженерного училища Николай Николаевич Божерянов (1811—1876) создал и провел успешные испытания небольшой модели судна, которая с помощью водопротоков получала поступательное и вращательное движение. Но результаты опытов не оправдывали возлагавшихся на них надежд. И резолюции Комитета становились более категоричными: «Признавая, что движение посредством выбрасывания воды из подводных труб, помещенных в кормовой части, как это предлагает г-н Ж., есть мысль весьма не новая, неоднократно предлагавшаяся Морскому ведомству и отвергнутая по неудобноисполнимости, Комитет положил предложение это принять к сведению»¹⁶.

Суждения Бурачека подчас не отличались особой объективностью, но в целом интуиция его не подводила. Несмотря ни на что, он настойчиво продвигал идею водопротоков, полагая, что этот движитель по своим характеристикам превзойдет не только гребные колеса, но и гребной винт¹⁸. Финансирование работ по созданию электрохода прекратилось. Водопотоки не были реализованы в рамках этого проекта. Отчасти связывала руки и привилегия на изобретение, которой добивался А.А.Саблуков. Финансовое положение не позволяло Бурачеку проводить дорогостоящие испытания за свой счет. Но и столь сложная ситуация не могла остановить изобретателя, он занялся разработкой теории гидрореактивного движителя.

Именно в отсутствии теории вопроса Бурачек видел один из основных факторов, тормозивших разработку водометных движителей. Начало теоретических исследований было положено еще Д.Бернулли: он открыл и сформулировал закон о течении жидкости через трубы разного сечения, разработал вопрос о реактивных силах истекающей жидкости, об ударе падающей жидкости о поверхность¹⁹. Спустя сто лет, в 1840 г. Бурачек предпринял первую попытку теоретически обосновать возможность и целесообразность применения гидрореактивного принципа для движения судов. Затем он занялся теорией сопротивления, в 1847 г. им была найдена и затем проверена на практике формула сопротивления воды движущемуся кораблю. В 1860 г., исходя из полученных результатов, Бурачек в своей работе¹⁷ попытался разработать основы для расчета и проектирования водометных движителей в зависимости от заданных параметров.

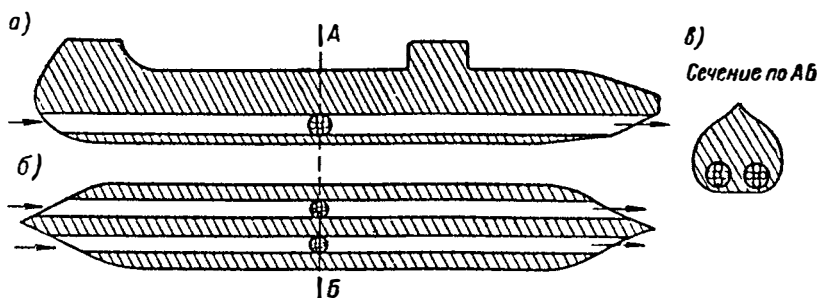
В статье было приведено описание конкретного проекта и его теоретическое обоснование. Предполагаемая скорость судна составляла 14 узлов. Это первый проект гидрореактивного движителя разработанный не опытным путем, а на основе теоретических исследований. В Центральном Военно-Морском музее в Петербурге хранится модель кормовой части фрегата с предложенной С.А.Бурачеком конструкцией водопротоков. Проект не был реализован. Статья Бурачека содержала ряд ошибочных положений, тем не менее это не умаляет ее значения. Стройная теория водометных движителей и методика их расчетов была создана много позже, начало этой теории положили работы Н.Е.Жуковского (1847—1921).

После весьма неутешительных результатов испытаний водопротоков едва ли можно было тешить себя надеждой на получение средств из казны для проведения дальнейших изысканий. Поэтому Бурачек попытался опробовать водопотоки в ходе работ над другим проектом. Он поддержал проект подводной лодки, предложенный изобретателем Иваном Федоровичем Александровским*, и добился повторного рассмотрения и одобрения изобретения Морским Ученым комитетом. С.А.Бурачек был неистощим на новые идеи, при обсуждении он высказал целый ряд предложений и замечаний, которые по сути своей составляли основу нового проекта. В частности, он предложил испытать на лодке Алек-

* Александровский И.Ф. (1817—1894) — профессиональный художник, имел лучшее в Петербурге фотоателье. В свободное время изучал математику, механику, физику, химию. Был известным изобретателем в области фототехники. Воодушевленный патриотическим желанием помочь русскому флоту разработал проект подводной лодки, который поначалу был отклонен Морским ученым Комитетом.

сандровского свои изобретения: заменить гребные винты и руль сквозными водопотоками; вместо паровой машины установить паровую турбину с котлом собственной конструкции; применить выдвижные горизонтальные рули, расположенные в районе меделя.

Проект подводной лодки с системой водопротоков и «внутренними» винтами: а — вид сбоку; б — вид в плане; в — поперечное сечение.

На строительство лодки были выделены значительные средства, а руководство постройкой и контроль за использованием средств были возложены на С.А.Бурачека. Александровский был многим обязан Бурачеку, и скорее всего, согласился бы на некоторые изменения в проекте, чтобы дать возможность опробовать на лодке какое-нибудь из этих предложений, но нетерпеливому Степану Анисимовичу хотелось испытать все и немедленно. В результате от изначального проекта не оставалось почти ничего, с этим Александровский смириться не мог и решительно отказался от использования предложений Бурачека. В 1863 г. Балтийскому заводу был дан заказ на строительство лодки, и в 1866 г. появилась первая подводная лодка, приводившаяся в движение не мускульной силой, а механическим двигателем.

В 1863 году произошло событие, которое заставило Бурачека более активно искать возможность проведения испытаний водопотоков. 10.07.1863 г. бельгийское общество «Коккериль» получило в России привилегию на изобретенный иностранным инженером Сейделем и уступленный обществу гидравлический двигатель для паровых судов. В конструкции использовались идеи движителя Рутвена. В килевой части судна располагалось круглое отверстие, через которое вода проникала в цилиндрический ящик, из которого выходили два искривленных канала, соединенных водопроводными трубами с наружной поверхностью судна. В цилиндрический ящик помещался центробежный насос, приводившийся в действие паровой машиной. Насос втягивал воду со дна ящика выбрасывал ее через боковые каналы и трубы. Выброс воды осуществлялся через выпускные трубы, закреплявшиеся на боковых поверхностях судна, они были изогнуты под прямым углом и вращались на осях, расположенных в поперечном направлении к судну. С помощью их вращения осуществлялось управление судном. Общество представило проект движителя как для гражданского, так и для военного судна. Как видно из описания, конструкция Сейделя отличалась от проекта Бурачека, но сам факт выдачи привилегии иностранной фирме не оставил Степана Анисимовича равнодушным.

В октябре 1863 г., когда проводимые С.А.Бурачеком работы стали достаточно известны, изобретатель обратился с просьбой о выдаче ему привилегии на предложенные им усовершенствования в «паровой механике и пароходстве»²⁰. При этом в Морском Министерстве возникли сомнения, не может ли в этом случае служить препятствием факт выдачи обществу «Коккериль» привилегии на гидравлический двигатель для паровых су-

дов, на что Бурачек ответил: «Конечно, лучше было бы не отдавать иностранцам русскую собственность, 20 лет тому назад обнародованную для безмездного всеобщего употребления. Но как я еще с 1860 г. критиковал односторонность и скудность этой формы движителя, который поднимает воду со дна судна и бросает ее через борт (с.н. статью мою о сквозных водопотоках, 1860), и доказал превосходство их; то оставаясь при моей неотъемлемой собственности и первенстве изобретения, я с полным правом ввожу свое прежнее изобретение в некую систему Механизма, состоящего из Водопотоков, Парового Колеса, производящего прямо, без всяких посредников, вращательное движение, и герметического котла, без тяги на волю, но с тягой на работу, действующего вместе и продуктами горения (упругими газами), и паром; где малым количеством топлива, а котел небольшого размера, производится потребное количество рабочей силы, высокого давления газов и пара, работающих вместе и вместе исчезающих после работы в воде. ... между привилегией мною просимой и выданной бельгийскому обществу кроме имени — Гидравлический Движитель, ничего нет общего или у них заимствованного...»²¹. Морской ученый комитет поддержал прошение С.А.Бурачека о выдаче привилегии, однако был получен отказ, причину которого объясняли недостаточной ясностью представленного проекта.

Летом 1863 г. С.А.Бурачек и А.И.Шпаковский получили разрешение на проведение испытаний ряда усовершенствований в паромеханике и паромеханике, на что было выделено 30 000 рублей. Основными элементами этих усовершенствований являлись водопотоки и паровой котел оригинальной конструкции.

Бурачек с большим энтузиазмом взялся за дело, но подготовка и проведение эксперимента у постороннего наблюдателя вызывали массу вопросов. Не было понятно, почему Бурачек хотел провести испытания непременно в том же 1863 году. Времени до заморозков оставалось не так много, к тому же заказ на изготовление деталей механизма был размещен на нескольких частных заводах, что усложняло задачу. В письме от 23.10.1863 г. Бурачек сообщал Комитету: «...я должен быть на заводе Огарева (9 верста по Петергофской): исправить и принять котел, приготовленный там для шлюпки, на которой устроены водопотоки и центробежная турбина; и будут последовательно испытываться и остальные из предложенных мною усовершенствований, краткость времени, остающегося до близких заморозков и множество мелкой работы по сборке всех отделяющихся частей механизма, заставляют меня находиться почти безотлучно при работах, разбросанных на больших расстояниях»²².

В ноябре 1863 г. в Главном адмиралтействе С.А.Бурачек и А.И.Шпаковский провели испытания водопотоков на специально оборудованной шлюпке. Несмотря на то, что работники конструкции постарались избежать повторения ошибок своих предшественников, результаты опытов никак не соответствовали ожиданиям. Опубликованная в «Кронштадском вестнике» статья «Водопотоки»²³ Евгения Бурачека (сына Степана Анисимовича) содержит описание обстановки, в которой проходила подготовка испытаний, и результаты последнего эксперимента.

Более 30 мастеровых участвовали в изготовлении механизма, недочеты их работы можно было обнаружить лишь при окончательной сборке. Котел, сделанный на заводе Огарева, помимо прочих недостатков имел объем в 2 раза больший, а нагревательную поверхность труб в 2 раза меньшую, чем требовалось (несмотря на такие недочеты, котел был принят!). Подходящую «машинку» для котла Шпаковский нашел в заведении Шрейбера, опробовать ее без котла не представлялось возможным, при общей сборке она оказалась мало пригодной. Весь механизм пытались отладить на месте, насколько это было возможно. К 14 ноября в Адмиралтейство доставили «готовую к испытаниям» шлюпку, которая сразу потекла при спуске на воду. Шлюпка, рассчитанная на меньший котел, была перегружена, что уменьшало ходкость. Давление пара в котле держалось на 4,5 атмосфе-

рах (при необходимых 7—9). Для работы вхолостую на берегу механизм требовал давления в 3 атмосферы. Даже если признать некоторую необъективность Евгения в восприятии событий, картина подготовительных работ производит удручающее впечатление.

Результаты последнего опыта 29 ноября были таковы: при давлении 5,5 атмосфер, что обеспечивало для турбины 240 оборотов в минуту вместо необходимых по расчетам 600—1000, скорость шлюпки против течения составила 1,5 узла. В конце 1863 г. С.А.Бурачеку и А.И.Шпаковскому было предписано прекратить работы над водометным двигателем и сдать остаток денег. Такой финал был тяжелым ударом для С.А.Бурачека. После 1863 года он больше не возвращался к водопотокам.

Все, что было связано с этими испытаниями, вызывало крайнее недоумение у всех, кто интересовался водопотоками. Чем объяснить эту поспешность, граничащую с халатностью, и тем более в отношении реализации проекта, которому было отдано столько сил? В след за статьей Е.С.Бурачека в том же «Кронштадтском вестнике» появилась заметка «Водопотоки в руках неискусного адвоката, неблагоприятной торопливости и дурной распорядительности»²⁴, содержащая больше вопросов, нежели ответов. При всей язвительности тона в ней чувствуется досада на столь нелепо израсходованный шанс продемонстрировать возможности водопотоков. Долгие годы Бурачек ждал случая испытать свое изобретение на практике, но когда наконец такой случай представился, он распорядился им далеко не лучшим образом. Спешность проведения испытаний в 1863 г. объяснялась, вероятно, опасением потерять финансирование, так как испытания водопотоков были связаны с реализацией проекта Александровского, от участия в котором Бурачек был отстранен в связи с настойчивым стремлением реализовать свой вариант проекта²⁵.

Водопотоки были любимым детищем С.А.Бурачека, он постоянно возвращался к идее гидрореактивного двигателя на протяжении всей своей долгой карьеры. Им была сделана первая в нашей стране попытка теоретического обоснования целесообразности применения такого двигателя и построения основ теории гидрореактивного двигателя. Развитие техники того времени не могло обеспечить его конструкцию двигателем достаточной мощности, что обрекало на неудачу любые попытки ее реализации. Ему не суждено было увидеть приемлемой реализации своего проекта водопотоков, как и некоторых других своих изобретений. Оттого в одной из своих статей он так охарактеризовал результаты своей 50-летней научной работы: «...все это было глас пятьдесят лет вопиющего в пустыне, никто не удостоил даже милости обличить заблуждения»²⁶. Однако с этой фразой едва ли можно согласиться, к мнению С.А.Бурачека прислушивались многие. Его роль в популяризации гидрореактивного двигателя очень велика. До появления более совершенных двигателей оставалось совсем немного времени, спустя 15 лет после испытаний Бурачека наблюдается новый всплеск интереса к этой конструкции. Ее использовали в своих проектах П.А.Зарубин, Н.Я.Шестунов, И.С.Костович и др., а в 1885 г. проект был осуществлен и испытан на подводной лодке С.К.Джевецкого, в начале же XX века открылась новая страница в истории гидрореактивного двигателя.

Примечания

- 1 *Бурачек С.А.* Результаты могущие последовать от применения электромагнетизма, как двигателя, к военному кораблю и целому флоту. Маяк современного просвещения и образованности, 1840. Ч.5. Гл.Ш. С. 68—75.
- 2 Архив РАН, ф.44, оп.1, д.8, л.17, 18.
- 3 *Бурачек С. А.* Результаты... С. 68.
- 4 Там же. С. 69.
- 5 Там же. С. 70.
- 6 *Константинов Н.Н.* Краткий исторический очерк электрического судодвижения. Доклад на первом Всероссийском электротехническом съезде. Петербург, 1900.
- 7 *Бурачек С. А.* Указ. соч. С. 74.
- 8 Архив РАН. Ф.44. Оп.1. Д.8, Л.24—25.
- 9 Архив РАН, Ф.187, Оп.1, Д.74, Л.12.
- 10 *Бурачек С. А.* Указ. соч. С. 71.
- 11 Там же. С. 72—73.
- 12 Архив РАН. Ф.44. Оп.1. Д.8. Л.18.
- 13 Архив РАН. Ф.44. Оп.1, Д.8. Л.33—34.
- 14 *Sablukoff A. de.* Memoire concernant quelques applications et la construction des machines generalement connues sous le nom de ventilateurs ou tarares et l'application nouvelle du meme principe pour le deplacement des corps liquides. Paris, 1841
- 15 *Быховский И.А.* Как создавался водометный двигатель? Л., 1956. С. 31
- 16 Краткий отчет о заседаниях морского комитета в ноябре 1855 г. // Морской сборник. 1856. Т. XX. № 1. С. 31.
- 17 *Бурачек С.А.* Возможность заменить винтовой двигатель иным, более выгодным и безвредным. СПб., 1860. С. 3.
- 18 *Бурачек С. А.* Указ. соч. 1860. С. 1.
- 19 *Bernulli D.* Hydrodinamica, sive de viribus et motibus fluidorum commentarii. Strassburg, 1738.
- 20 ЦГА ВМФ. Ф.162. Оп.1. Д.1044. Л.19.
- 21 ЦГА ВМФ. Ф.162. Оп.1. Д.1044. Л.27—28.
- 22 ЦГА ВМФ. Ф.162. Оп.1. Д.1044. Л.25.
- 23 *Бурачек Е.* Водопотоки. // Кронштадтский вестник. 1863. № 148 (от 29.12). С. 588.
- 24 *Березин.* Водопотоки в руках неискусного адвоката, неблагоприятной горючести и дурной распорядительности // Кронштадтский вестник. 1864. № 6(328) (от 12.01). С. 23—24.
- 25 *Бурачек С. А.* Результаты... С. 68.
- 26 *Бурачек С.А.* Попытка упростить, удешевить, обезопасить паромеханику и вообще отопление. СПб., 1867. С. 31.

В. Е. Лукин

Главный калибр Советского Союза

В июле 1998 г. исполнилось 120 лет знаменитому Ржевскому полигону (С.-Петербург). За истекшие годы на полигоне были испытаны и отработаны практически все принятые на вооружение нашей армии и флота образцы артиллерийского, реактивного и стрелкового оружия, средств ближнего боя и боеприпасов к ним, а также ряд комплексов управления артогнем, средства артиллерийской и электронной разведки, топогеодезического и метеорологического обеспечения, индивидуальной бронезащиты и экипировки.

Редакция «Нового Часового» поздравляет коллектив Ржевского полигона с прошедшим юбилеем и публикует материал начальника отдела полигона В. Е. Лукина.

В пятом номере «Нового Часового» за 1997 год была опубликована статья вице-адмирала в отставке Л. А. Коршунова, в которой он рассказал о проекте строительства в конце 30-х годов самого мощного корабля Советского Союза с одноименным названием. В данной публикации речь пойдет о проектировании, изготовлении и испытании уникальной артиллерийской установки этого корабля.

После окончания Гражданской войны корабельная и береговая артиллерия нашего Военно-Морского Флота значительно отставала от соответствующей артиллерии ведущих капиталистических государств. В то время работала целая плеяда талантливых конструкторов морских артиллерийских систем и организаторов их серийного производства: И. Иванов, М. Крупчатников, Б. Коробов, Д. Бриль, А. Флоренский и другие.

Крупнейшим успехом советских конструкторов и артиллерийских заводов стало создание уникальной и сложнейшей 406-мм артиллерийской системы — прототипа пушек главного калибра новых линкоров. В соответствии с новой программой в 1938 г. на стапелях судостроительных заводов заложили линейные корабли «Советский Союз» и «Советская Украина», в следующем — «Советскую Белоруссию» и в 1940 г. — «Советскую Россию». Полное водоизмещение каждого из линкоров, воплотивших традиции отечественного кораблестроения и новейшие достижения науки и техники, составляло 65,1 тыс. т. (стандартное — 59,1 тыс. т.). Силовая установка 231 тыс. л. с. должна была обеспечивать им скорость 28 узлов.

Основное оружие линкоров — девять 406-мм орудий — размещалось в трех бронебашнях, две из которых находились в носовой части. Такое расположение главного калибра позволяло наилучшим образом направлять и концентрировать огонь «шестнадцатидюймовок», выбрасывающих тысячекилограммовые снаряды на 45 км. В артиллерийское вооружение новых линкоров входили также двенадцать новых 152-мм орудий, восемь

Семен Маркович Рейдман — руководитель испытаний 406-мм артустановки. В годы войны главный инженер НИМАП. Фото 1944 г.

100-мм универсальных пушек, а противовоздушную оборону каждого корабля обеспечивали тридцать 37-мм зениток и восемь 12,7-мм пулеметов. Наведение артиллерии осуществлялось с помощью новейших дальномеров, автоматических приборов управления огнем и четырех гидросамолетов-корректировщиков, для запуска которых предусматривалась катапульта.

Разработка тактико-технического задания (ТТЗ) на 406-мм башенную артустановку, наблюдение за проектированием и отработкой артустановки было возложено на Артиллерийский Научно-Исследовательский Морской Институт (А НИМИ) в Ленинграде. В 1936 г. ТТЗ на артустановку было разработано и утверждено. В этом же году предприятия промышленности и НИИ приступили к проектированию материальной части и боеприпасов. Проектирование и разработку рабочих чертежей по стволу орудия Б-37 с затвором осуществило конструкторское бюро (КБ) завода «Большевик» под руководством главного конструктора Е. Г. Рудняка. Разработку конструкции канала орудия выполнил генерал-майор технических войск, доктор технических наук М. Я. Крупчатников, кон-

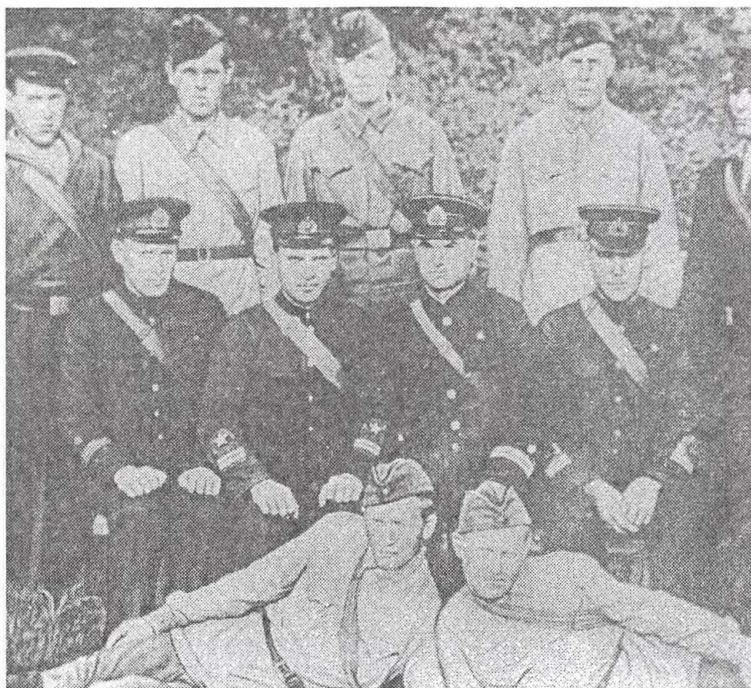
струкцию затвора разрабатывали конструкторы Г. П. Волосатов, Б. Г. Лисичкин и К. М. Баронин.

Изготовление орудия Б-37 с казенником и затвором поручалось заводу «Баррикады» в Сталинграде.

Проектирование и разработку рабочих чертежей по качающейся части, башни МК-1 и станку МП-10 для испытаний на научно-испытательном морском артиллерийском полигоне (НИМАП) в Ленинграде выполнило КБ во главе с профессором Д. Е. Брилем. Вместе с ним работали конструкторы А. Г. Литвинчук, А. И. Устименко, Г. И. Анохин, В. Н. Седов и другие. Изготовление люльки с механизмами станка МП-10 было возложено на Новокраматорский машиностроительный завод им. И. В. Сталина. Проектирование и разработку рабочих чертежей бронебойных, фугасных и фугасно-практических снарядов для артустановки МК-1 выполняли ленинградские НИИ. Изготовление 406-мм бронебойных и фугасных снарядов осуществил завод «Большевик», фугасно-практических — завод «Красный Профинтерн». Взрыватели и пороха проектировались и изготавливались Наркоматом боеприпасов.

Проектирование, изготовление и испытание орудия Б-37 являло собой классический пример создания сложного артиллерийского образца. На проектирование, изготовление и испытание 406-мм орудия Б-37, качающейся части МК-1 и полигонного станка МП-10 было затрачено 4 года.

Задание на проектирование порохов А НИМИ получил в конце 1937 г. В 1938 г. представили проекты расчета пороха и зарядов, которые в этом же году были рассмотре-

Орудийный расчет 406-мм артиллерийской установки НИМАПа. 1942 г.

ны и утверждены Артиллерийским Управлением (АУ) ВМФ. Заводы изготовили пороха и отправили их для испытаний на НИМАП уже в 1939 г.

Разработка ТТЗ, проектирование и разработка рабочих чертежей для артиллерийской установки МК-1 были осуществлены за два года с 1936 по 1938 гг. Начальник АУ ВМФ генерал-лейтенант береговой службы И. С. Мушнов в своем докладе 3 декабря 1940 г. привел такой пример: один комплект чертежей для 406-мм системы составил 30 тысяч ватманских листов. Если разложить их полосой в ширину ковровой дорожки, то она протянулась бы на 200 км.

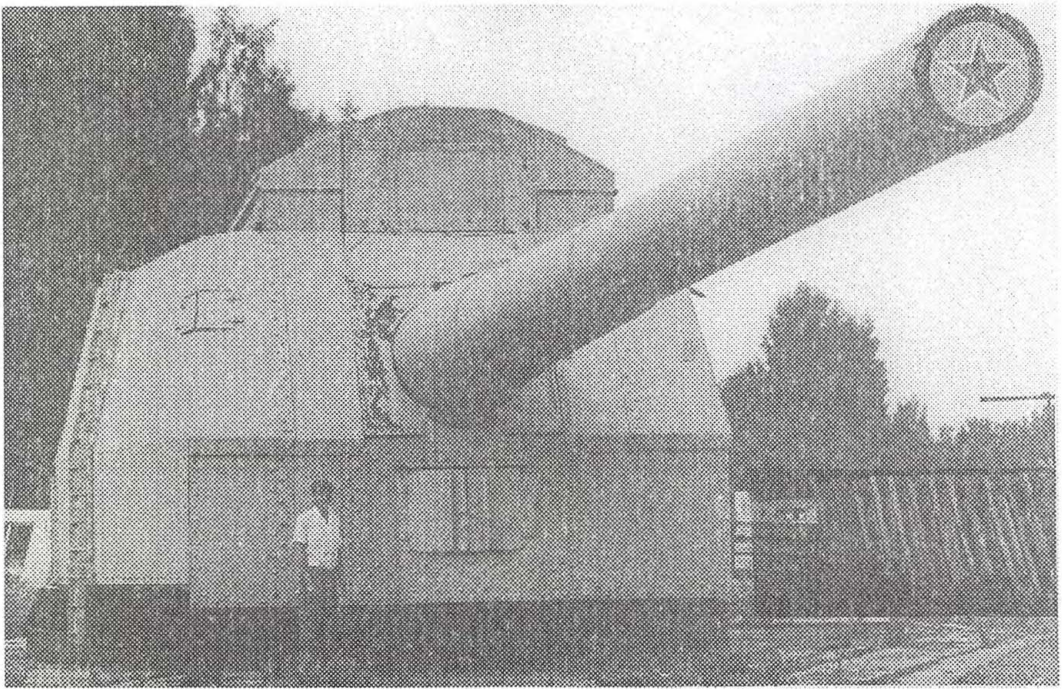
Сама опытная артиллерийская установка была изготовлена меньше чем за год.

О создании новой мощной артиллерийской установки народный комиссар ВМФ флагман 2 ранга Н. Г. Кузнецов писал: «... за 1939 г. и начало 1940 г. изготовлена артиллерийская система МК-1 (406-мм) и приборы управления к ней. Выполнение этой работы является большим вкладом в дело создания мощного Военно-Морского Флота».

6 июля 1940 г. были начаты ее полигонные испытания.

Состав комиссии для производства полигонных испытаний 406-мм орудия Б-37, качающейся части МК-1 к орудию, полигонного станка МП-10, порохов, зарядов, снарядов и взрывателей под председательством контр-адмирала И. И. Грена был назначен приказом Народного Комиссара ВМФ вице-адмирала Н. Г. Кузнецова № 0350 от 09.06.1940 г. Программа испытаний, разработанная А НИМИ ВМФ, была утверждена начальником АУ ВМФ генерал-лейтенантом береговой службы И. С. Мушновым. Руководителем испытаний назначался старший инженер отдела испытаний НИМАП военинженер 2 ранга Семен Маркович Рейдман.

В процессе полигонных испытаний предстояло выяснить: 1) Тактико-технические характеристики (ТТХ) орудия, боеприпасов к нему, качающейся части, станка и установить их соответствие ТТЗ. 2) Пригодность орудия и боеприпасов к принятию на вооружение.

406- мм орудие. Современный вид.

ние. 3) Мероприятия по устранению недостатков, выявленных в ходе испытаний. Устанавливался следующий порядок испытаний: 1) испытание порохов и зарядов; 2) испытания орудия и снарядов на прочность; 3) испытание снарядов на стойкость снаряжения; 4) испытания снарядов на кучность стрельбой по местности; 5) испытание снарядов на бронепробиваемость; 6) испытание взрывателей; 7) испытание без стрельбы.

Общий объем испытаний определялся в 173 выстрела при ожидаемой живучести ствола 150 выстрелов.

Конструктивные характеристики ствола орудия Б-37 были следующие: длина ствола с казенником — 20 720 мм, наибольший диаметр по кожуху — 1280 мм, крутизна нарезки — 30 калибров, нарезка двухпроцентная, глубина нареза — 12 мм, ширина нареза — 20 мм, объем зарядной камеры — 438,5 дм³.

Максимальная скорость отката при выстреле была 7м/с, длина отката орудия — 1460 мм. Противооткатные устройства состояли из четырех гидравлических тормозов отката-наката веретенного типа и двух пневматических накатников, которые располагались симметрично, два тормоза и накатник, сверху и снизу от орудия.

Баллистические характеристики орудия были следующие: начальная скорость полета снаряда при его весе 1105 кг — 830 м/с, дульная энергия — 38 800 т.м., максимальное давление пороховых газов в канале ствола — 3200 кг/см², максимальная дальность полета снаряда — 45,5 км. Вес качающейся части — 198 тонн, отношение дульной энергии к весу качающейся части — 196,5. Здесь для сравнения привожу характеристики 406-мм орудий того времени некоторых зарубежных стран:

— английское 406/45 орудие: вес снаряда — 952 кг, начальная скорость полета снаряда — 900 м/с, дульная энергия — 39 000 т.м.;

— японское 405/50 орудие: вес снаряда 993 кг, начальная скорость полета снаряда — 850 м/с, дульная энергия — 36 500 т.м.;

— германское (ВМФ) 406/50 орудие: вес снаряда — 960 кг, начальная скорость полета снаряда — 800 м/с, дульная энергия — 31 320 т.м.

Кучность по дальности стрельбы орудия характеризовалась отношением: $Vd/x = 1/300$; где Vd — рассеивание снарядов, x — дальность стрельбы.

Снаряды к орудью имели коэффициент формы 1,12. Длина бронебойного снаряда составляла 1904 мм, фугасность — 25,5 кг или 2,3%. Длина фугасного снаряда составляла 2083 мм, фугасность 101 кг или 9,1%.

Бронебойный снаряд, по данным испытаниям, обеспечивал пробивание 406 мм брони борта на дальностях до 75 кбт; 203 мм брони палубы от 100 до 240 кбт; 330 мм брони борта до 130 кбт.

Орудие Б-37 имело поршневого затвор.

Заряжение картузное (снаряд и два полузаряда) с помощью цепного приборника с электротехническим приводом в составе автоматического поста заряжания.

Скорострельность орудия составляла 2,6 выстрела в минуту. При компановке в башне МК-1 межорудийное расстояние составляло 2700 мм. Каждое орудие могло функционировать самостоятельно. Заряжались орудия на постоянном угле заряжания 6°. Механизмы наведения были электрогидравлические с универсальными регуляторами скорости типа «Дженни». Наибольшая скорость наведения 60 %. Наводка башни и орудий могла производиться по данным центрального поста и автономно из поста командира башни.

Для обеспечения возможности испытаний орудий Б-37 морским полигоном были проведены большие подготовительные работы. На главной батарее НИМАП был построен мощный фундамент под основание полигонной установки МП-10, на которую накладывается качающаяся часть (КЧ) МК-1. Фундамент должен был выдерживать нагрузку при выстреле более 500 тонн, поэтому представлял собой значительное железобетонное сооружение. Новокраматорским машиностроительным заводом был построен и смонтирован на полигоне козловой кран грузоподъемностью 250 тонн. Проектирование, изготовление, перевозка и монтаж крана заняли по времени около года. В тот же период были построены и подкрановые пути.

Трудности строительства усугублялись тем, что стрельбы в 1939—1940 гг. проводились днем и ночью.

Большие работы были проделаны на полигоне в этот период по подготовке измерительной базы, которая к 1940 г. достигла весьма высокого уровня и позволяла в практике испытаний широко применять приборные методы контроля, в том числе и осциллографирование динамических процессов.

Подготовка и проведение испытаний были напряженными и трудными, особенно в части подготовки боеприпасов (вес снаряда — 1105 кг, заряда — 319 кг). Много времени занимало их выкапывание из грунта при стрельбе и доставка в лабораторию для осмотра и обмеров. Многие эксперименты в процессе испытаний нашли нетрадиционный характер. Так, при стрельбе на дистанцию 25 км, для выяснения причин повышенного рассеивания снарядов пришлось строить баллистические рамы высотой... 40 метров! В то время начальная скорость полета снарядов определялась только по хронографам, поэтому после каждого выстрела на этих рамах-мишенях необходимо было менять поврежденную снарядом проволочную навивку, что также представляло трудности. Каждый выстрел из орудия Б-37 имел высокую стоимость, поэтому испытания строились очень продуманно в интересах всего комплекса задач.

В процессе испытаний 406-мм орудия были проверены технические характеристики двух стволов — скрепленного и лейнированного. Лучшие результаты показал лейнированный ствол.

2 октября 1940 г. полигонные испытания орудия Б-37, качающейся части МК-1, станка МП-10 и боеприпасов были закончены. В заключении отчета комиссии отмечалось следующее: «Проведенные испытания 406/50 орудия Б-37, качающейся части МК-1 и полигонного станка МП-10 дали вполне удовлетворительные результаты». Вот так лаконично отмечен многомесячный напряженный труд десятков тысяч конструкторов, инженеров, рабочих, офицеров и матросов.

Качающаяся часть МК-1 с орудием Б-37 рекомендовалась комиссией для серийного изготовления с внесением некоторых конструктивных изменений.

По результатам испытаний снарядов следовало, что они обеспечивают пробивание бортов и палубы корабля на соответствующих дальностях и отвечают требованиям технического задания. Кучность стрельбы орудия Б-37 соответствовала требуемой. Удовлетворительные результаты показали также пороха, заряды и взрыватели для фугасного и бронебойного снарядов.

19 октября 1940 г., в связи с обострением международной обстановки, советским правительством было принято постановление о сосредоточении усилий на строительство малых и средних боевых кораблей, и на достройку заложенных крупных кораблей с большой степенью готовности. Линкор «Советский Союз» в число последних не входил, поэтому серийное производство 406-мм орудий развернуто не было. Единственное в Советском Союзе орудие к началу Великой Отечественной войны так и оставалось на Ленинградском полигоне. Оно вошло в батарею № 1, в которую также входили одно 356-мм и два 305-мм орудия. Это были самые крупнокалиберные орудия полигона. Батареей командовал воентехник 2 ранга А. П. Кухарчук.

После окончания Великой Отечественной войны решением командования ВМФ на 406-мм орудии была установлена мемориальная плита, которая сейчас хранится в Центральном военно-морском музее. На этой плите начертано:

«406-мм артустановка
Военно-Морского Флота
Союза СССР

Это орудие Краснознаменного НИМАПа с 29 августа 1941 г. по 10 июня 1944 г. принимало активное участие в обороне Ленинграда и разгроме врага.

Метким огнем оно разрушало мощные опорные пункты и узлы сопротивления, уничтожало боевую технику и живую силу противника, поддерживало действия частей Красной Армии Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота на Невском, Колпинском, Урицко-Пушкинском, Красносельском и Карельском направлениях.

Уходят годы, но еще многим и многим поколениям людей эти слова будут говорить о замечательной, о славной странице, которую вписали в историю блокады морские артиллеристы-испытатели.

В 50—60 годы 406-мм орудие еще принимало участие в испытаниях, под его калибр проектировали снаряд с ядерным зарядом. Были также предложения сменить нарезной ствол на гладкий, чтобы стрелять авиабомбами. Шла «холодная война», и конструкторы артиллерийского вооружения без дела не сидели.

Но эти опытные образцы в серийное производство запущены не были, и до войск не дошли.

А 406-мм артустановка и сейчас находится на закрытой территории Ржевского полигона, но уже в качестве памятника. Давно уже покинул ее орудийный расчет. И стоит гигантский исполин в полном одиночестве, безмолвный и неподвижный. А ведь это единственной орудие, которое было и остается ГЛАВНЫМ КАЛИБРОМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. И нет сегодня таких сил и средств, чтобы переместить его на Вечную стоянку к Военно-историческому музею артиллерии, инженерных войск и войск связи или к Цент-

ральному военно-морскому музею, где орудие смогли бы увидеть многие. Но если это невозможно, то почему бы в той части Ржевского полигона, где оно находится, не создать филиал Музея обороны и блокады Ленинграда, полностью воссоздав обстановку батареи № 1 того времени. Тем более, что легендарная Дорога Жизни проходит от нее всего лишь в 500 метрах. И тогда сюда можно будет водить экскурсии. И не беда в том, что это не исторический центр города. Ведь есть же вдали от него другие мемориальные места, которые посещаются с неменьшим интересом. Здесь есть над чем подумать.

А. М. Агафонов (Глянецев)

Схватка над пропастью

(Главы из новой книги*)

Чайки из пункта «А» чайкам в пункт «Б»

Радиотелеграфист Ганс отодвинул стул и, потягиваясь, встал. Он устал и был угрюм. Небо скоро посветлеет: в Восточной Пруссии июньские ночи коротки. Посмотрел на часы — полчетвертого. Сменят его в 6-00. За это время единственной работой Ганса было поймать передачу норвежского радиста. Никакого интереса! Какой-то передатчик, перетаскиваемый в горах группкой партизан. Каждую ночь в 3 часа 48 минут он связывался с Лондоном и отстукивал сообщение из десятка зашифрованных групп. Ганс знал: в Норвегию уже была послана группа специалистов с задачей локализовать передатчик. Дело это было нелегким: горы создавали экран помех и это усложняло поиски. Пробовали, конечно, кружить над районом, погрузив аппаратуру на маленький самолет-разведчик. Но как только этот Фюзелер Шторх появлялся над фьордами, передатчик умолкал, и разведчикам, до капли израсходовав горючее, приходилось возвращаться ни с чем.

Конечно, придет время, и его накроют: их всегда накрывали. Ну и что? Ганса абсолютно не волновал этот норвежский подпольщик: он передавал в Лондон, а Лондон был обречен. Тексты передач, которые Гансу удалось записать и которые немецкие службы пытаются расшифровать, вскоре найдут в оригиналах в лондонском бюро. Гитлер, без сомнения, отложил высадку в Англию, но это не что иное, как отступление на шаг, чтобы лучше прыгнуть. Одряхлевшего льва оставили на закуску. А пока будут на ломти резать советского медведя. Четыре дня назад, 22 июня 1941 года, стальные дивизии вермахта перепрыгнули через Буг и смяли гусеницами приграничные части Красной Армии. И с этой даты генштаб стал скупко освещать детали операции. Это хороший признак. В мае 1940 года, в начале наступления, сохраняли точно такую же сдержанность: зачем снабжать отступавших французских генералов точными информацией? А теперь очередь за русскими не знать точно, где проходит линия фронта. Нет, им об этом сообщать незачем! Через несколько дней, когда дело будет в шляпе, немецкое радио передаст, предваряя это треском и громом победоносных фанфар, специальное сообщение о разгроме Красной Армии. Но Ганс не будет участвовать в параде перед Кремлем: он останется здесь, занятый перехватом сообщений радио-фантома.

Радист подошел к окну и прикоснулся лбом к холодному стеклу. Его подслушивающая станция находилась в нескольких сотнях метров от Балтийского моря. Меланхолично

* Рукопись публикуется в авторской редакции.

он посмотрел на дюны, которыми был богат пляж. В это утро чайки его покинули, улетев в глубь суши. Это предсказывало грозу, которая наступила днем. Но Ганс не знал этой приметы: он прибыл из гор Баварии. Скука прусского ландшафта давила и увеличивала его угрюмость. Он вернулся к столу, надел наушники, настроил аппаратуру на надлежащую волну в 15465 килогерц, — волну норвежского передатчика, и без волнения услышал сигнал позывных, прозвучавших в эфире точно в 3 часа 48 минут.

Только что прочитанные строки являются почти целиком мистификацией. Автору неизвестна личность немецкого радиотелеграфиста, которому в ночь с 25 на 26 июня надлежало перехватить передачу норвежского радиста. И ему абсолютно неизвестно состояние его души. Но он вправе предположить, что стекла того бюро были холодными; а вот действительно ли Гансу (а может и не Гансу) захотелось прислонить к ним свой лоб, этого автор не знает. Неизвестны автору и миграции прусских чаек, и он совершенно вольно предположил, что днем 26 июня 1941 года будет гроза.

Если автору захотелось из Ганса сделать баварца, удрученного тем, что он не участвует в «Drang nach Osten», он также может изобразить рослого парня, очень довольного, что ему не довелось глотать пыль русских дорог, или же нациста-фанатика, со сжатыми челюстями хищно ожидающего передачу проклятого норвежца. На самом же деле, если бы автор базировался лишь на проверенных свидетельствах, которые до него дошли, он должен был ограничиться такими фразами:

Станции подслушивания в Кранце, городе в Восточной Пруссии, была поставлена задача перехвата подпольных передач. В ночь с 25 на 26 июня 1941 года один из радистов настроил свой приемник на волну какого-то норвежского передатчика. Но вместо того, чтобы услышать привычные позывные подпольщика, он записал дотеле неизвестные: KLK от RTX — KLK от RTX — KLK от RTX. За этими позывными последовали группы шифров. Радист составил соответствующий рапорт об обнаружении нового подпольного передатчика и отметил длину его волны. Вот так и началась история, которая обернется кошмаром для рейхсфюрера Гимmlера и адмирала Канариса — шефов двух немецких секретных служб, история, которая заставила Гитлера сообщить 17 мая 1942 года: «Большевики превосходят нас в единственной области — в шпионаже». А в тот день Гитлер был еще очень далек от того, чтобы знать хотя бы сотую долю достоинства и превосходства «Красной Капеллы»!

***

Лев (Леопольд) Захарович Треппер, герой этой истории, был польским евреем, родившимся 23 февраля 1904 года в Новом Тарге, местечке близ Закопане. Его отец, мелкий торговец, тратил все свои силы, чтобы содержать семью из десяти детей. Мальчик отличался небывалой живостью ума, и его близкие решили пожертвовать всем, чтобы дать ему образование. Польша в это время была настроена по своей вековой традиции антисемитски, находилась под сапогом военной диктатуры. Она была обескровлена войной и содрогалась под ударами экономического кризиса. Эти злополучные условия сильно осложняли потуги Трепперов. И было как на «Медузе», когда мореплаватели жертвовали частью своего скудного рациона, чтобы дать силы одному из них взобраться на вершину мачты и быть «вперед смотрящим».

Леопольд окончил гимназию во Львове, затем поступил в университет Кракова на факультет истории и литературы. Ему тогда было 18 лет. «Жидкая» стипендия и помощь родных позволяли ему перебиваться с хлеба на квас. Его профессора были им очень довольны. Годом позже новая волна экономического кризиса потрясла Польшу, и краковский студент вступил в долгую борьбу с Голодом. Победил Голод.

Он прервал свою учебу, стал вначале каменщиком, затем слесарем. Кризис ударил и по кустарщикам, и он, кубарем слетев со своей мачты, очутился на земле, даже под зем-

лей: в шахтах Катовиц. Два года спустя он из них выбрался, чтобы стать рабочим на литейном заводе в Домброве. Его все время мучил голод. Вся Домброва страдала от голода. Обезумев от нищеты, рабочие устраивали мятежи, которые польские уланы быстро ликвидировали. Одним из организаторов рабочего движения был Треппер. Его арестовали и бросили в тюрьму. Ему было тогда 22 года.

Одна фотография подпольной коммунистической ячейки, в которой состоял Треппер, ускользнула во время обысков от польской полиции, затем от гестапо. С десятка очень юных ребят, с бритыми головами, с упрямыми лицами. Они все похожи друг на друга: напряженность придает их чертам одинаковую суровость. Они отчаянны и нелюдимы. Если бы эта группа бритоголовых была одета в летные комбинезоны, вместо этих куцых курточек, то она бы была похожа на бригаду японских камикадзе. На этой фотографии легко узнать Треппера. Даже после того, как годы и испытания сильно изменили его лицо, вытесанное в то время будто из гранита, его можно узнать по светло-карым глазам. Эти глаза способны выразить поочередно как неумолимую решимость, так и неожиданную нежность.

Восемь месяцев Треппер провел в застенках диктатора Пилсудского, где пытки, применявшиеся к членам подпольной коммунистической партии, по своей жестокости превосходили пытки в гестапо. Самой обычной была пытка водой, заимствованная из средневековья. Затем Треппер был освобожден, не будучи даже подвергнутым суду. Он отправился в Варшаву. От Домбровы он сохранил четыре первые буквы: в течение будущего десятилетия его псевдоним будет «Домб». Затем он станет «Большим Шефом». Именно так его называли как свои, так и сотрудники гестапо.

В Варшаве ему не предоставили никакой работы, как юноше, участвовавшему в беспорядках в Домброве. Он ходатайствует о выездной визе во Францию, но в ней ему отказано: французские власти не желали принять рабочего активиста. Треппер знал однако, что в Польше оставаться ему нельзя: тут разрешат ему лишь помереть с голоду.

Организация «Хешалуц» была его последней надеждой. И он постучался в ее дверь. Ему ее открыли, и так он смог покинуть пределы Польши. «Хешалуц» был сионистским органом, субсидированным богатыми американцами. Он содействовал еврейской иммиграции в «Обетованную землю». Палестина была еще во власти англичан, а они всячески препятствовали въезду в страну массам несчастных, которым через несколько лет доведется закончить судьбу в топках Освенцима, — чего, впрочем, в то время англичане не могли предвидеть. Задачей «Хешалуца» было отобрать привилегированный контингент, которому британские функционеры каждый год приоткрывали двери Земли Обетованной. С чисто американским взглядом на коэффициент полезного действия финансисты «Хешалуца» боролись с коммунизмом, покровительствуя в то же время сионизму. Таким образом, привилегии предоставляли кандидатам, которые могли бы стать легкой добычей для вербовщиков компартии. С его раненым честолюбием, тяжелым прошлым и очень неопределенным будущим, Леопольд Треппер подходил по всем статьям. Его снабдили малой толкой денег, посадили в поезд, привезший его через Вену и Триест в Бриндизи, откуда он был переправлен в Палестину. Ему было уже 24, но он не знал, что и Голод едет с ним.

Голод, верный его спутник, настиг его на причале Хайфы. Вначале ему пришлось дробить камень и мостить им дороги. Затем он стал рабочим-аграрником в одном из кибуцев. Самым приятным занятием было, когда он стал подмастерьем на предприятии электроконструкций. В итоге казалось, что все самопожертвования семейства Трепперов были напрасными и что Леопольду никогда так и не взобраться на вершину мацгы. Однако некоторые свидетельства указывают, что в 1929 году он становится членом ЦК Палестинской компартии. Таким образом, именно финансисты «Хешалуца» зря растранижили свои доллары...

Во всяком случае, группа «Единство» была его заслугой. Вдохновленный коммунистическими идеями, он силился развить единство действий между евреями и арабами против английских оккупантов. Треппер и его люди были разоблачены полицией в 1930 году и брошены в тюрьму. Предупрежденный, что их хотят депортировать в Кипр, Треппер объявляет голодовку. Вначале ее не приняли всерьез, но забастовщики упорствовали. Им удалось связаться с волей, и вся Палестина заволновалась. Дошло это и до британской прессы, депутаты-лейбористы засыпали запросами. Представителям короны в Палестине пришлось избавиться от этих неудобных узников. После семнадцати дней голодовки ввиду истощения их на носилках вынесли из тюрьмы и оставили перед воротами.

Через несколько недель Треппер тайно перебрался во Францию. Ему удалось сохранить два документа, имевших цену золота: рекомендацию ЦК компартии Палестины и транзитную визу. Он стал мойщиком посуды в ресторане, затем прибыл в Париж, где начал работать маляром. Это занятие было последним в длинной серии разнородных работ, выпавших на долю Леопольда Треппера. Теперь он найдет свое истинное призвание. Тот, кто вскоре станет «Большим Шефом», начал свою стажировку.

***

В это время во Франции успешно действовала советская разведсеть, базировавшаяся на системе рабкоров — рабочих-корреспондентов. Идея была заложена самим Лениным. Революция вынудила большинство русских журналистов, принадлежавших к буржуазии, эмигрировать, и ввиду отсутствия профессионалов, способных их заменить, обратились к любителям. Как в селах, так и на заводах рабочие без специальной подготовки становились корреспондентами прессы и наводняли советские газеты статьями о местных проблемах, донося на «предателей и саботажников». Милиция, само собой, извлекала из этого свою пользу. Эта система была распространена и на заграницу. На этот раз плоды стали пожинать секретные советские службы.

В 1929 году во Франции насчитывалось три тысячи рабкоров, из которых некоторые работали в национальных арсеналах, где на заводах изготовляли стратегические материалы. Статьи, которые они пересылали в коммунистическую прессу, были направлены на разоблачение неблагоприятных условий труда, который приходилось выполнять и, само собой, было необходимым кое-что сообщать и о самой работе. Самые разоблачительные статьи не публиковались — их передавали в советское посольство в Париже, которое пересылало их в Москву. Если кто-нибудь из рабкоров владел элементами особо интересной информации, на него выводили разведчика, чтобы тот вытянул из него все необходимое.

Эта эффективная организация просуществовала без инцидентов три года. В феврале 1932 года во французскую полицию пришел донос. Несмотря на подобную удачу, комиссару, ведшему расследование, потребовалось более шести месяцев, чтобы вскрыть эту разведсеть. Его рапорты не скупятся на похвалы шпионам, которых он силился арестовать. К примеру, их руководитель отличался удивительной ловкостью в искусстве «обрывать слежку, заматывать следы и нюхом чувствовать западню». Казалось, что он составил полный список домов в Париже с двойными выходами. Приведенные в отчаяние и одновременно восхищенные, полицейские ищейки прозвали его «Фантомас»-ом. Когда же его наконец схватили, узнали, что он был польским евреем, прибывшим во Францию из Палестины. Ему было 28 лет, и звали его Исааком Биром. Его помощнику было 27 лет; как и Бир, он был польским евреем и прибыл тоже через Палестину. Имя его было Альтер Штром.

Их профессионализм удивил французских полицейских. Вместо какого-то Фантомаса арестовали «Господина Толпа». Бир, руководитель сети, жил в третьесортной гостинице, не получал писем, к нему не приходили посетители. Его основные связи с группой осуществлялись молодой женщиной, которую все принимали за его любовницу. Подоб-

ная техника не была блестящей, зато была продуктивной. Внутренняя изолированность была настолько строгой, что большинство членов сети избежали ареста. В том числе Леопольд Треппер (Альтер Штром был его другом детства). От Фантомаса он получил основные уроки. Люди гестапо, которым несколько лет спустя довелось гоняться за ним по пятам, нашли бы в рапортах французского комиссара много полезного, но, как кажется, они их не просматривали: они хорошо знали Леопольда Треппера, но ничего, абсолютно ничего не слышали о Лейбе Домбе.

Трепперу уже исполнилось 28, когда ему удалось оторваться от слежки полицейских, вскочив в поезд. Как только он приехал в Берлин, сразу же вступил в контакт с советским посольством. Через несколько дней ожидания ему приказано было прибыть в Москву. На станции назначения он подождет выхода пассажиров, оставаясь в своем купе, — за ним придут. Так и было сделано. Он не имел понятия, что ждет его в будущем, но, без сомнения, надеялся быстро получить новое задание. Этого пришлось ждать четыре года. Несмотря на его бурное прошлое, богатое опытом и полученными навыками разного сорта, несмотря на его активность под сенью Фантомаса, он был для Москвы не более, как обещающим подмастерьем.

Через восемь лет, как он покинул университет в Кракове, он вновь сел за парту.

***

Так закончилась первая часть жизни Большого Шефа. Мы ее пробежали легким шагом, перемахнув через этапы: из Польши в Палестину, из Парижа в Москву, как переходят реку вброд, перескакивая с камня на камень.

Но гораздо легче правдиво описать двадцать лет жизни человека, чем дать отчет о каждой четверти часа подобной жизни. Например, памятный момент встречи Треппера с Жоржи де Винтер. Это произошло в Брюсселе в 1939 году. Жоржи — дочь расхлябанного американца, красивого молодого человека, вроде Гари Купера с примесью Гари Гранта. Он работал декоратором в студии «Парамаунт» в Голливуде и готовился к роли актера. Вернувшись с матерью в Бельгию, Жоржи вела жизнь девушки из хорошей семьи, посещая курсы классического танца. Ей 21 год, и она очень красива. Фотографии доказывают ее великолепие, грацию, блеск глаз, совершенство форм. Даже двадцать лет спустя, когда выжившие рассказывают об их истории, упоминание о Жоржи представляется неким оазисом красоты и свежести среди всего пройденного жуткого пути.

Трепперу 35 лет. Он не очень красив. С правильными чертами лица, волнистыми волосами блондина и удивительным взглядом, среднего роста и с предрасположенностью к полноте. Его обольстительность в другом: он обладает очарованием, сотканным из светящейся в нем силы воли, смешанной с душевной теплотой. При его присутствии все становится простым. Он мог бы быть отличным исповедником.

***

Жоржи входит в кондитерскую. В момент, когда она собирается заплатить, роняет перчатки. Треппер бросается их поднять. Тронутая его поспешностью услужить и заинтересованная его словами, она соглашается на встречу. Прошло несколько месяцев, Брюссель был оккупирован вермахтом. Она прогуливалась с подругой. Напротив прогуливается один из немецких офицеров и случайно роняет перчатки. К нему мчится какой-то человек, поднимает и с улыбкой протягивает их офицеру. Треппер! Жоржи решает, что это, видимо, его мания. Она его не окликает: он запретил это, если он или она будут в компании с кем-нибудь.

Они встречаются. Жоржи, конечно, видит в нем лишь человека, каким он ей представился и на кого похож: торгового дельца. Откуда бы ей знать, что этот человек с прият-

ной наружностью был повстанцем в Домброве, палестинским камнетесом, соучастником Фантомаса? Она не могла ни знать, что он приехал из Москвы, ни подозревать, чем он там занимался.

С 1932 по 1937 год он учился в университете нацменьшинств им. Мархлевского (по фамилии первого его ректора). Затем, когда его закрыли (следствие партийной чистки), он продолжает учебу в институте иностранных языков и ведет рубрику культуры в одной из газет для русских евреев. В 1936 году его друг Штром, из группы Фантомаса, после освобождения из тюрьмы приезжает в Москву. Он ставит под сомнение бытовавшую версию, основанную на материалах органов Французской Безопасности и адаптированную советской разведкой, о событиях, приведших к разгрому группы. Для всех виновником был некто Рикье, журналист «Юманите». Но Штром не убежден в его предательстве и требует, чтобы в Париж на разбор этого дела отправили Треппера. Управление Коминтерна одобряет эту кандидатуру и предлагает ее генералу Берзиню. Так и произошло знакомство Треппера с генералом, и после длительного разговора с ним он едет во Францию с фальшивым паспортом на имя Зоммера. Треппер не только устанавливает невинность Рикье, чем обеляет ФПК, но и находит настоящего виновника. Им был голландский еврей, бывший руководитель советской разведсети в США. Арестованный органами F.B.I. и перевербованный, он продолжал снабжать информацией американские службы даже после того, как Москва его переместила во Францию. Донос, полученный французской Службой Безопасности, был ей передан из F.B.I. Треппер передал об этом в Москву, куда вернулся с люксембургским паспортом на имя Мижериса. Своим шефам он докладывает, что необходимо заняться в Париже сбором документов, которые бы самым решительным образом восстановили истину. Через пять месяцев он вновь едет во Францию, чтобы прихватить оттуда толстую пачку фотокопий писем, которыми обменялись голландский предатель и американский военный атташе в Париже.

Деловой человек, как считала Жоржи, и которого она встретила в брюссельской кондитерской, на самом деле находился в Бельгии, чтобы там развернуть разведсеть, руководителем которой — «Большим Шефом» — на этот раз станет он сам. Как это произошло?

***

Генерал Ян Берзинь руководил службой разведки Красной Армии. Старый большевик, он до революции был дважды приговорен к смерти и дважды бежал. Во время гражданской войны он командовал полком латышей и эстонцев, задачей которого была охрана Ленина и правительства. Руководители большевиков были и впрямь истыми интернационалистами, раз доверяли свою охрану иностранцам!

Параллельно Коминтерн имел собственные секретные службы со своими «антеннами» во всех странах. Иностранные национальные секции занимались сбором политической и экономической информации. Основной причиной основания этой организации было то, что СССР долго оставался лишенным дипломатических отношений с другими странами. А хорошо известно, что информация чаще всего пересылается дипломатическим путем, почему и становится понятным, что для СССР существование иностранных национальных секций заполнило эту брешь.

Составной частью советской разведки являлся НКВД. Соответственно с возложенными на него обязанностями внутренней безопасности он выискивал иностранных агентов на советской территории. Со временем власть НКВД увеличивалась. Ему была поручена и безопасность советских граждан за рубежом, а затем и слежка за белоэмиграцией, которая почти повсюду продолжала организовывать заговоры и диверсии против СССР. В итоге НКВД занимался деятельностью как внутри, так и вне страны, и часто соперничал со службами военной разведки, в которые внедрил своих собственных агентов.

Иностранные посольства в Москве с самого начала революции стали контрреволюционными очагами. В посольстве Великобритании, например, «просперировал эмбрион» Интеллидженс Сервиса — некто Локкарт, у которого не было другой амбиции (мечтать всегда можно!), как сбросить правительство. Он вошел в контакт с экстремистами, имевшими такую же цель — сбросить большевизм. Берзинь узнал, что Локкарт стремится завербовать военных, солдат и офицеров, которые бы согласились участвовать в заговоре. Встретившись с ним, он сообщил, что командует полком, который только и думает, как повернуть оружие в другую сторону. В полку якобы люди, недовольные новым режимом, а разочарование масс, обманутых революционерами, достигло предела; Россия катится к катастрофе; все ожидают мер оздоровления... И Берзинь перед собеседником будто бы сам себя вопрошает, какие необходимы мероприятия, чтобы остановить это сползание в пропасть.

Локкарт, слушавший его вначале недоверчиво, угодил в западню. Мало-помалу они составили план, как сбросить правительство. Мероприятие подобного масштаба требовало больших средств. И Берзинь запросил немедленной выдачи «аванса» в сумме десяти миллионов рублей. Локкарт вручил их, не моргнув глазом.

Затем они разработали детали контрреволюционного мятежа. Он был прост и смел: проект состоял в том, что здание, где заседает правительство, будет окружено и члены правительства арестованы. Они продумали все вплоть до судьбы, уготованной Ленину. Православный священник, имя которого было известно и который изъявил свое согласие, предоставит церковь для похорон коммунистического вождя!

Берзинь спрятал выданную ему сумму в надежное место. В назначенный день все произошло, как и было предусмотрено: группа повстанцев подошла к зданию правительства, а полк Берзиня ее окружил. Локкарт был арестован и изгнан из страны.

Таковым был первый большой успех Берзиня. А дальше он целиком посвятил себя организации Управления советской разведки.

Берзинь пользовался всеобщим уважением, Его личность абсолютно не схожа с портретом-роботом специалиста разведки. Самое большое значение он придавал человеческим качествам тех, кого вербовал. Он говорил: «Агент советской разведки должен обладать тремя свойствами: холодной головой, горячим сердцем и стальными нервами!» (Позже эти слова Берзиня были приписаны Дзержинскому.) Вопреки обычаю в службах шпионажа он никогда не оставлял своих людей в беде. И никогда никем не пожертвовал. Для него каждый агент был человеком с большой буквы.

Между Берзинем и его резидентами за границей всегда устанавливались личные отношения. Именно поэтому с одним из самых крупных советских разведчиков, Рихардом Зорге, его связывала глубокая и искренняя дружба.

В своих воспоминаниях Треппер так рассказывает о первой своей встрече с Зорге в Брюсселе в 1938 году:

«Зорге был человеком очень высоких качеств. Он был членом немецкой компартии и автором многих трудов по экономике. Он работал в Китае, откуда его в 1933 году вызвали в Москву. Берзинь назначил ему встречу в шахматном клубе, излюбленном немцами. Сразу же, как рассказал мне Зорге, Берзинь затронул корень дела:

— Какая, по-твоему, в данный час самая большая опасность для Советского Союза?

— Даже не отбрасывая гипотезу столкновения с Японией, — ответил он ему, — думаю, что самая реальная опасность кроется в нацистской Германии». (Этот разговор происходил через несколько дней после захвата Гитлером власти.)

Берзинь продолжил:

— Вот именно! Именно поэтому мы тебя и вызвали... Мы хотим, чтобы ты закрепился в Японии...

— Почему в Японии?

— Потому что в Токио, при том сближении, которое вырисовывается между Германией и Японией, ты узнаешь намного больше о военных приготовлениях...

Зорге, который начал понимать, на какую работу его нацеливают. прервал Берзиня:

— Как, ехать в Японию и стать шпионом, но я же журналист!

— Ты говоришь, что не хочешь быть шпионом, но знаешь ли ты точно, что такое шпион? Что ты об этом думаешь? Тот, которого ты называешь «шпионом», это человек, ищущий сведений, которые дадут его правительству возможность использовать слабые стороны его противника. Мы, большевики, не ищем войны, но должны знать о подготовке врага, знать слабые стороны его брони, чтобы не быть застигнутыми врасплох, если он на нас нападет...

И Берзинь продолжил:

— Наша задача, чтобы ты в Японии создал группу, готовую бороться за мир. Ты займешься вербовкой лиц из японского высшего общества, и вы сделаете все возможное, чтобы их страна не была втянута в войну против Советского Союза...

— И под какой фамилией я поеду туда?

— Под своей собственной...

Зорге не мог прийти в себя от недоумения. Сотрудники Берзиня, присутствовавшие при этой встрече, не прятали своего ужаса:

— Но он же числится в черных списках немецкой полиции за свою активность в рядах компартии! Хоть это и не сейчас (Зорге был активистом немецкой компартии в 1918—1919 годы), но, можете им поверить, — они не утеряти его следов...

— Я это знаю, — ответил Берзинь. — Я хорошо знаю, что мы рискуем. Но знаю также, что никогда не ходят легче, чем в собственных ботинках. Я не уверен, что гестапо унаследовало досье немецкой полиции... Прежде чем старое дело Зорге увидит свет, Москве-реке хватит времени, чтобы ее вода протекла под всеми мостами. И даже если до гестапо дойдет это раньше, чем мы предполагаем, разве человек, бывший коммунистом пятнадцать лет назад, не мог бы за это время изменить свои политические взгляды?!

На этом Берзинь повернулся к сотруднику, который занимался Германией и спросил:

— Устрой, чтобы его аккредитовали в Токио как корреспондента «Frankfurter Zeitung» (известная газета).

И обратился к Зорге:

— Видишь, в подобном качестве у тебя не будет чувства, что ты играешь в шпиона!

«Берзинь установил как золотое правило, что крыша агента не должна быть только фасадом. То, что он предвидел, произошло: Зорге действительно был нанят как корреспондент «Франкфуртера». Его статьи, высоко оцененные официальными японскими лицами, широко открыли ему ворота в круги, обычно самые недостижимые. Он познакомился с послем Рейха и с военным атташе. Его стали считать «своим». Самые конфиденциальные информации, посылаемые из Берлина заграничным представителям, проходили и через его руки.

Два или три года перед началом войны, гестапо послало в Токио своего представителя, чтобы следить за работниками посольства. Зорге быстро сдружился с ним. И однажды произошло то, чего остерегались сотрудники Берзиня: дежурный гестаповец в Токио получил из Берлина «Досье Зорге», где говорилось о его предыдущих связях с коммунистами...

— Итак, — сказал он ему. — Ты здорово тогда отличился!

Зорге вспомнил совет своего шефа:

— Да, были времена, ошибка юности. Но это же так давно!

И вскоре у него хватило нахальства вступить в национал-социалистическую партию. Его игра оказалась такой убедительной, что когда он был разоблачен японцами, немецкий посол в Токио изъявил официальный протест по поводу ареста одного из его, как он отметил, «самых лучших сотрудников»».

***

Треппер вновь встретился с Берзином, когда тот по личной инициативе вернулся из Испании, узнав об аресте Тухачевского и ликвидации всего генштаба Красной Армии. Вернулся, чтобы протестовать перед Сталиным за учиненные им уничтожения настоящих коммунистов. Конечно, он знал, что этим сам себе подписывает смертный приговор. Но пока... пока жизнь продолжается и надо работать...

За время своих путешествий по Европе Треппер начертил план, как лучше и правильнее организовать там разветвленную разведку, и предложил его генералу Берзину... Перед лицом нацистской угрозы необходимо вживить в саму Германию и в соседние страны гнезда антифашистских борцов, которые вступят в действие, как только немцы вступят в войну с Европой. На ближайший же период, надо создать базы, которые бы, имея задания по разведке, обеспечили бы ее связью, крышей и финансированием.

Ввиду того, что вопрос финансирования за время военных действий встретил бы непреодолимые трудности, Треппер предложил основать уже сейчас торговые импортно-экспортные предприятия, которые бы открыли в Бельгии и которые бы обзавелись филиалами в других странах.

На вопрос, сколько бы потребовалось средств на первое время, Треппер ответил, что ему надо десять тысяч долларов.

— Как вы думаете, этой суммы вам будет достаточно, чтобы покрывать все расходы во время войны? — удивился Берзине.

— Да. Будущие торговые сделки принесут необходимые плоды.

Этот разговор происходил в 1937 году, но лишь в марте следующего года, когда Треппер потерял всякую надежду, что план его будет осуществлен, телефонный звонок вызвал его в Управление.

— Пора приступать к работе. Мы потеряли уже шесть месяцев, нельзя терять более ни минуты, — сказал ему вызвавший его незнакомый капитан.

На вопрос удивленного Треппера, где же Берзине или хотя бы его сотрудники, ему ответили, что они переведены на другие должности. Лишь несколько лет спустя он узнал, что генерал Берзине расстрелян как «враг народа».

Вот так и оказался Треппер в Бельгии.

Встречи с Жоржи увенчались любовью. Это могло бы быть красивым дебютом, даже если бы конец его оказался ужасным. Жоржи находилась на пятом месяце беременности, когда ее жених испарился. И Треппер со свойственной ему добротой решил изменить Любе, подруге в тяжкие времена. Расскажем и о ней.

Встретил он ее в Палестине, где она участвовала в группе «Единство». Ей было столько же лет, сколько и Трепперу; она, как и он, еврейка и полька; их юность одинаково окрашена серыми красками нищеты и подпольной борьбы в Польше. В годы, когда Леопольд верил, что взберется на вершину мачты, она работала на шоколадной фабрике и училась по ночам, готовясь стать учительницей. Активистка компартии, она была членом ячейки во Львове. И вот один польский провокатор-агент произвел опустошение в их рядах. На него произвели два покушения. Безуспешно. Еврейская ячейка приняла решение его уничтожить, и Люба это исполнила. Пришлось бежать в Палестину, где она стала работать вместе с Треппером. Схваченная во время запрещенной коммунистической демонстрации и приговоренная к тюремному заключению, она избегает изгнания, вступив

в фиктивный брак с гражданином Палестины. И, наконец, чтобы присоединиться к Трепперу во Франции, она использует паспорт одного сирийского араба и заимствует имя своей сестры «Сара».

Можно согласиться, что чета, закаленная огнем подобных испытаний, не следует правилам буржуазных водевилей и их легкомысленных супружеских измен. Треппер, впрочем, не замедлил познакомить Жоржи с Любой. Видимо, секреты он блюдет во всем, кроме как в любовных делах. В момент сцены с перчатками в кондитерской Люба с двумя мальчиками ждут его в их роскошной брюссельской квартире. Первый их сын родился в Париже 3 апреля 1931 года, но родители, нелегально прибывшие во Францию, не могли оформить метрики. Второй рожден в Москве в конце 1936 года. Сам их отец в своих воспоминаниях сообщает, что первого он хотел назвать именем «Анмрти», чтобы отметить освобождение из тюрьмы Андрэ Марти, но пришлось назвать Мишелем. В те времена было модно давать подобные имена детям, автор знал многих, и поныне носящих имена «Сталина», «Октябрина», «Ленина». Что же касается второго, то Треппер сообщает и его имя — Эдгар. Ребенок же, которому суждено будет сыграть некую роль в этой истории, не рожден Любой и Леопольдом: это ребенок, которым еще тяжела Жоржи.

***

Каждый генерал оставляет на своем пути отчетливые следы. Известно, каковой была его униформа, его должность. Знают, какие он вел сражения; располагают текстами его приказов, его сообщений, а часто и его мемуарами. Если дело идет, например, о маршале Жукове, нет необходимости выдумывать, что в тот день он проснулся якобы от боли в печени. Достаточно написать, и это будет вполне достоверно, что, мол, в такой-то день перед ним встала проблема, как форсировать, например, Днепр.

Шпион напротив без цвета, без запаха и без вкуса, даже без видимой оболочки. Он обязан быть экспертом в своем искусстве (если нет, то о нем и писать не будут). Итак, это «Человек-Невидимка». Практически никто не знает ни о его времяпрепровождении, ни о его планах, ни о его заботах. Даже сами его действия бесцветны и не представляют особого интереса: он назначает встречи на углах улиц, там происходит краткий разговор или обмен документами, после чего он отправляется к другому перекрестку. Иногда полиции удастся его задержать. Но он с завидной легкостью скользит между пальцами биографа. И он, этот биограф, стремится «раскрасить» его так, чтобы он был хотя бы немножко осязатим и созерцаем. Биограф храбро старается погрузить нас в его душу и мысли, даже снабжает его особыми тиками, характерными жестами, привычками. Если шпион вызван своим шефом в святая святых секретных служб, чтобы получить наставления или новые задания, — биограф рядом, — он как бы спрятался под столом и записывает диалог, или хотя бы его предполагает. Таким образом, из всех исторических рассказов и романов, те, в которых идет речь о шпионаже, оказываются самыми блещущими в деталях, самыми живописными. Несомненно, это — полный парадокс, если учесть, что подобные факты, самые-самые недоступные и сложные для ведения расследования. Большинство произведений, посвященных Рихарду Зорге, смело представляют детальный отчет о его действиях и о его мыслях; даже вкладывают в его уста те или иные слова, которые он якобы произносит в определенные моменты, даже когда находится с такой-то любовницей. Описывают и жесты, им употребляемые, подчеркивающие ту или иную фразу... Все это основано на той же технике, которую употребил автор, чтобы описать выдуманную им личность Ганса, радиотелеграфиста в Кранце.

Сравнение с Зорге здесь не случайно. В том же 1939 году, когда Треппер основывает в Бельгии свою сеть, сеть Зорге уже работает в Токио. «Большой Шеф» вскоре нагонит упущенное им время. По мнению всех специалистов по шпионажу, с которыми автору

довелось консультироваться, Треппер был равнозначен Зорге по важности собранной информации и был намного опытней и выше в технике организации. Что же касается личной судьбы этих двух мастеров разведки, то она не была одинаковой. Судьба Зорге была совершенно закономерной: он шпионил, был разоблачен и повешен. А вот на долю «Большого Шефа» выпало другое, намного сложнее... И дело не в том, что автор преклоняется перед заслугами советского шпионажа, а в том, что он исполнился огромным уважением как за мужество, так и за душевные качества мужчин и женщин, принимавших участие в «Красной Капелле». И он проникся величайшей симпатией к этим людям, в большинстве своем подвергшимся крайне жестокому финалу судьбы-злодейки, но до конца сохранивших лицо настоящего идейного человека. Когда одной из агентов этой сети, Кэт Фолькнер, немецкий военный трибунал вынес приговор отрубить голову, она, улыбаясь, приветствовала это поднятым кулаком и словами: «Я счастлива, что мне удалось сделать кое-что на пользу коммунизму». Автора немного коробит, что ему пришлось повторить эту подлинную, красивую и твердую, как гранит, фразу на страницах этого полудокументального произведения. Это единственная фраза, за которую автор может ручаться, что она действительно была произнесенной Кэт Фолькнер, — она была зафиксирована в протоколе трибунала. Поэтому мы и не вложим в ее уста дополнительных фраз. Не будем выдумывать и о встрече Жоржи и «Большого Шефа». Все, что мы знаем, это то, что они полюбили друг друга, что она не оттолкнула Любу, а наоборот подружилась с ней и что согласилась на рождение ребенка. Когда он появился на свет 29 сентября 1939 года, Треппер принес в роддом огромную корзину орхидей. Он нагнулся над колыбелью и произнес «Я буду его любить, как своего родного!».

Это было в высшей степени благородно. Но Вторая мировая война родилась на месяц раньше Патрика, и надо себя спросить, можно ли факт усыновления во время войны шпионом считать благословением?

Продолжение следует.

В. Н. Степаков

Песни финской войны

Среди обширнейшего песенного наследия сталинской эпохи наибольшей популярностью, пожалуй, пользуются произведения Великой Отечественной войны. «Темную ночь», «В землянке», «Синий платочек» знают и любят не только ветераны, но и молодежь.

Однако в преддверии войны «большой» по северо-западным рубежам СССР огненным сполохом прошла война «малая» — советско-финская. И в ней тоже, оказывается, нашлось место для песен.

«Принимай нас, Суоми-красавица» — так называлась первая из них. Авторство ее принадлежит композиторам братьям Дмитрию и Даниилу Покрасс и поэту Анатолию д'Актилю (Френкилю). А чуть ли не единственным исполнителем стал Ансамбль красноармейской песни и пляски Ленинградского военного округа под управлением А. Анисимова.

Благодаря кропотливой поисковой работе петербургского журналиста и коллекционера Б. Метлицкого удалось отыскать редчайшую пластинку выпуска 1939 г. с записью «Принимай нас, Суоми-красавица». И сегодня мы можем воспроизвести ее полный текст:

Сосняком по околкам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица.
В ожерелье прозрачных озер.
Ломят танки широкие просеки.
Самолеты жужжат в облаках.
Невысокое солнышко осени.
Зажигает огни на штыках.
Мы привыкли брататься с победами.
И опять мы проносим в бою.
По дорогам, исхоженным дедами.
Краснозвездую славу свою.

Много лжи в эти годы наверхено.
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывайте ж теперь нам доверчиво.
Половинки широких ворот.
Ни шутам ни писакам юродивым.
Больше ваших сердец не смутить.
Отнимали не раз вашу родину —
Мы приходим ее возвратить.
Мы приходим помочь вам расправиться.
Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми-красавица.
В ожерелье прозрачных озер¹.

За давностью лет сложно сказать, насколько удачно этот оптимистический марш вписался в суровый финский поход. Но то, что век песни оказался коротким — не более двух недель — это точно.

Авторство другой песни, к сожалению, установить не удалось. Скорее всего «Раскинулись ели широко» — самодельное солдатское творчество и не одного, а, вероятно, целой группы авторов:

Раскинулись ели широко.
Вдали за оврагом стоят.
Засел на опушке глубоко.
В снегу белофинский отряд.
Мы больше не в силах в дотах сидеть.
Сказал офицер генералу —
советское войско идет и идет.
И быть безусловно обвалу.
Вот рвутся снаряды и рвется шрапнель.
Советская близко пехота.
И вот офицер, запахнувшись в шинель,
Ползет, побледневший, из дота.
Пугает их танков советских разбег.
Пугают советские пушки.
И валяются шишками с елок на снег
Подбитые пулей «кукушки».
Саперы под снегом проводят шнуры.
Мелькнула во тьме наша спичка.
И дот их, стоявший до этой поры,
На воздух взлетает как птичка.
А сам Маннергейм — англо-финский подлец.
Два дня как сидит без обеда.
Предчувствует маршал свой близкий конец.
И помощи просит у шведа.
Товарищ, споем эту песню с тобой.
Веселую песню, простую.
Споем эту песню и двинемся в бой —
За Родину нашу родную!²

Судьба и этой песни, по сути, завершилась в марте 1940 г. Непопулярность финской войны в народе и короткий междувоенный промежуток времени сделали свое дело — «Раскинулись ели широко» постепенно забылась.

Примечания

1 См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1993. 25 декабря.

2 Текст песни записан в 1989 г. со слов ветеранов советско-финляндской Громова В. В. (младший командир 222 стрелкового полка, 49 стрелковой дивизии) и Ушакова А. В. (младший командир 30 артиллерийского полка).

К истории одного сообщения ТАСС

В декабре 1939 г. газете «Правда» появилось короткое сообщение: «Ленинград. 1 декабря (ТАСС). Сегодня в г. Териоки по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии — Народное правительство Финляндской Демократической Республики. В состав Народного правительства вошли: Отто Куусинен — председатель правительства и ми-

нистр иностранных дел, Маури Розенберг — министр финансов, Аксел Анттила — министр обороны, Тууре Лехен — министр внутренних дел, Армас Эйкия — министр земледелия, Инкери Лехтинен — министр просвещения, Пааво Прокконен — министр по делам Карелии.

Народное правительство выпустило Декларацию с изложением своей программы¹.

В этом же номере газеты с пометкой «Радиоперехват. Перевод с финского» была опубликована и «Декларация Народного правительства Финляндии».

В истории советско-финляндской войны 1939—1940 годов создание «Народного правительства» занимает одно из значительных и наиболее негативных мест. Достаточно сказать, что благодаря новоявленному правительству война не завершилась в декабре 39-го, а продолжалась до марта 1940 г. Впрочем, объективная оценка деятельности О. Куусинена и его кабинета содержится в работах современных историков, так что повторяться здесь не имеет смысла.

Однако до настоящего времени остается малоизвестным такой момент этих событий, как действия официальной пропаганды по поддержанию среди широких слоев советского народа уверенности в реальном существовании в Финляндии «Народного правительства». Поэтому с помощью очевидца добавим небольшой штрих к этой некогда тайной странице истории «Зимней войны».

Вспоминает Григорий Лазаревич Ходаков, в то время слушатель инженерно-технического факультета Военной академии связи им. С. М. Буденного:

«О создании Народного правительства Финляндии стало известно в декабре 1939 года из сводки ТАСС, со ссылкой на «радиоперехват».

Население Ленинграда восприняло это сообщение как должное, поскольку сомневаться в то время было опасно. Но для того, чтобы поддерживать в народе уверенность, на заводах, фабриках и во многих учреждениях Ленинграда на митингах зачитывали этот «радиоперехват».

Наша академия не стала исключением. У нас выходила многотиражка «Буденновец-электрик», и комиссар нашего факультета Потапов решил для большей убедительности поместить в газету какой-либо материал о том, что слушатели академии на учебной радиостанции тоже перехватили данное сообщение финнов.

Выбор комиссара пал на двух слушателей: меня и Камалягина Александра Федоровича. Почему именно на нас? Мы оба были отличниками, к тому же беспартийными, что служило как бы доказательством нашей беспристрастности в этом вопросе. Также на этот выбор в немалой степени повлияло и то, что мы были известны в академии как радисты-коротковолновики. Мы с Камалягиным в 1937 г. на коротковолновых станциях приняли вторую радиограмму Кренкеля с Северного полюса, а весной 1938 г. встречали Папанинскую полярную экспедицию.

Комиссар Потапов вызвал нас в свой кабинет и предложил дать в академическую многотиражку заметку о том, что мы на коротковолновых станциях приняли обращение финского Народного правительства, то есть помимо сообщения ТАСС подтвердить факт «радиоперехвата» и нашим радиоприемом.

Мы отказались, сославшись на незнание финского языка. Нам предложили принять текст радиограммы на английском языке. Мы продолжали отказываться. Тогда довольно строго нам начали внушать, что мы пытаемся оспаривать достоверность сообщения ТАСС. Комиссар принялся подводить политическую базу, что дескать я и Камалягин подвергаем сомнению все сводки правительства и открыто указал на то, чем это грозит слушателям академии. Мы были вынуждены согласиться. С нас взяли подписку о неразглашении. А для большей достоверности Потапов предложил преподнести весь «радиоперехват» в телеграфном режиме (знаками Морзе), то есть представить принятую радиограмму как не-

поняту, но которая при расшифровке оказалась обращением Народного правительства Финляндской Демократической Республики»².

Примечания

1 Правда. 1939. 2 дек.

2 Воспоминания Г. Л. Ходакова записаны в 1993 г., хранятся в архиве публикатора.

«Встретят вражескую конницу в упор Наши пули и каленые клинки...»¹ (советская кавалерия на финской войне)

В истории любой из войн сокрыто немало малоизвестных событий и фактов. В этом отношении советско-финляндская война 1939—1940 годов не стала исключением. Даже, пожалуй, наоборот. История этой скоротечной войны еще долгое время будет притягивать современных историков и публицистов своими «белыми пятнами».

Начальный период боевых действий в Финляндии для Красной Армии оказался довольно успешным. Однако к концу декабря 1939 г., встретившись с отчаянным сопротивлением финнов, советские войска перешли к обороне. Неудача вынудила советское командование предпринять ряд экстренных мер, направленных на исправление ситуации. Одна из мер предусматривала переброску на фронт дополнительных резервов из Белорусского, Киевского и другие военных округов страны. С последних чисел декабря и практически до самого окончания войны, в северо-западном направлении плотным потоком двигались эшелоны с живой силой и боевой техникой. Среди резервов, отправляемых на фронт, оказались и четыре кавалерийских соединения: 7-я, 24-я, 25-я и 36-я дивизии.

Сложно сказать, чем была вызвана необходимость бросать в кровавую стужу финской войны конные части. Возможно, то был далекий стратегический расчет — сломив сопротивление финских оборонительных рубежей, ударить вглубь Финляндии подвижным конномеханизированным кулаком. А может просто не обошлось без заключения удачного рубаки С. Буденного, дескать, что же это за война без кавалерии?² Но так это или нет, а факт остается фактом: в дремучих финских лесах, среди глубоких снегов, незамерзающих болот и гранитных валунов замелькали казачьи папахи, бурки, башлыки. На Карельский перешеек прибыли 7-я, 24-я и 36-я дивизии, 25-я кавалерийская дивизия была направлена в район города Питкяранта на Петрозаводское направление.

Появление в районах боевых действий кавалерии вызвало большое недоумение в рядах красноармейцев:

«Зачем только кавалерию направили на финский фронт? Казаков в казацкой форме — бурка, папаха, клинок. Лошади, как на парад, поджарые, черные, на морозе дрожат. Кого они могли рубать в такой местности, где через сто метров то лес, то болото, то гора?!» (Куртеев И. П., мл. командир, 260-й гаубичный артиллерийский полк)³.

Однако война быстро расставила все по своим местам.

«Наши кавалерийские полки двигались вплотную за пехотой, танковыми, артиллерийскими, саперными частями и выполняли обязанности по закреплению занятой в боях территории» (Иванов И. А., мл. командир, 7-я кавалерийская дивизия).

Основная обязанность была следующей: конные разезды с приданными легкими бронемашинами охраняли фронтовые коммуникации от отрядов финских лыжников-диверсантов. Но очень скоро отдельные части кавалеристов спешили и, наскоро обучив хождению на лыжах, начали использовать как пехоту. На Петрозаводском направлении 25-я кавалерийская дивизия всю войну провела в пешем строю, прибываясь на помощь окруженной группировке советских войск.

«Мы не были готовы к такой войне. У нас в большинстве служил народ с Северного Кавказа. На лыжах мы не ходили и понятия об этом не имели. Вот и представьте, что для нас было встать на лыжи! Мы напоминали чучело и служили хорошей мишенью для противника» (Ивченко В. К., мл. командир, 24-я кавалерийская дивизия).

Ввиду многочисленных ошибок и просчетов командования финский поход обернулся для Красной Армии тяжелейшим испытанием. Кавалерию также не обошли стороной фронтовые лишения и трудности, усугубленные необходимостью заботы о боевом коне. По свидетельству участников войны, морозы в ту зиму отличались поистине космическим холодом, таким, что ночных морозов не выдерживали лошади и для них приходилось строить специальные укрытия. Серьезные трудности были и с фуражом из-за несвоевременного подвоза последнего. Считалось большой удачей обнаружить не сожженный финнами стог сена. Однажды действовавшая в районе Койвисто⁴ группа лыжников-краснофлотцев напоролась на засаду. Спрятавшийся в стогу финский пулеметчик не жалел патронов, а моряки вместо того, чтобы уничтожить пулемет вместе со стогом, были вынуждены брать противника живьем, поскольку прекрасно знали о бедствиях кавалерии.

Финляндия как театр военных действий полностью исключала применение в соответствии с боевым уставом кавалерии РККА сокрушительных сабельных атак. И тем не менее, память ветеранов сохранила несколько эпизодов именно сабельных ударов по противнику. Так, на Карельском перешейке в феврале 1940 г. отличились несколько кавалерийских эскадронов, совместно с моряками лыжного батальона выбившие финских солдат из прибрежных укреплений в районе пролива Бьеркезунд. Другой случай произошел под городом Терийоки⁵, где в конном строю была уничтожена группа диверсантов.

И, наконец, уже в самом конце войны сорвалась операция с участием довольно внушительных сил кавалерии. Впрочем, слово очевидцу:

«11 марта наш полк получил приказ войти в прорыв линии фронта в районе г. Выборг, окружить группировку финнов и препятствовать противнику подбрасывать в город живую силу и материальное обеспечение. Этим замыслом не суждено было осуществиться. Мы сумели продвинуться всего на 200—300 метров от шоссе и кони увязли в глубоких снегах. Тут же последовал приказ отойти на исходные позиции и ждать нового приказа, но его не последовало» (Иванов А. И., мл. командир, 7-я кавалерийская дивизия).

Эта казачья лава стала первой и последней массированной кавалерийской атакой в истории советско-финской войны. 13 марта в силу вступили соглашения Мирного договора, остановившие безжалостные жернова жесточайшей из войн.

Примечания

1 Строка из песни «То не тучи, грозовые облака» (Музыка Дм. и Дан. Покрасс, слова А. Суркова).

2 См.: Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992. С. 164—165.

3 Воспоминания ветеранов советско-финляндской войны записаны в 1989—1993 гг., хранятся в архиве автора.

4 Ныне г. Приморск Ленинградской области.

5 Ныне г. Зеленогорск Ленинградской области.

Донат Константинович Жеребов

1916—1998

24 июля 1998 года умер Донат Константинович Жеребов, полковник в отставке, известный журналист и активный сотрудник «Нового Часового».

Он родился в 1916 году в Уфе. Окончив ленинградский Институт инженеров промышленного строительства в 1939 году, он надел солдатскую шинель, стал сапером и на протяжении всей Великой Отечественной войны находился на фронте под Ленинградом, занимая различные командные должности в саперных войсках: дивизионный, позже корпусной инженер, начальник штаба инженерных войск Волховского фронта и другие. Он участвовал в самых сложных и кровавых операциях Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов: Лужской, Тихвинской, Любанской, Смердынской, в прорыве и снятии блокады Ленинграда. Его можно было встретить в самых опасных местах. Уверенно и умело руководил Донат Константинович вверенными ему войсками. А бывало, что сам он брался за разминирование немецких мин новой конструкции, снабженных хитроумными ловушками, рискуя при этом жизнью. Потом он создавал инструкции по разминированию для саперных войск. Боевые заслуги Доната Константиновича были высоко оценены командованием. Он был награжден орденами Отечественной войны I-й и II-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Заполярья», «За взятие Вены», «За победу над Германией» и многими другими медалями. За боевые заслуги ему было присвоено звание Почетного гражданина города Кириши.

Завершил войну Донат Константинович в Вене. Под его руководством происходило разминирование австрийской столицы. После окончания войны он долгое время продолжал служить в армии. Был заместителем начальника училища в городе Пушкине, работал в Сибири. Демобилизован в 1964 году.

Память о войне не оставляла его. Постоянные размышления о событиях военного времени, анализ отдельных боевых операций Донат Константинович воплотил в своих журнальных и газетных статьях. «Удивляюсь, что остался жив! — говорил он. — А сколько рядом со мной погибло хороших людей! В их память и пишу». Количество его статей

превышает, вероятно, четыреста пятьдесят. Редко кто может похвастать таким творческим наследием! Кроме того, он был составителем нескольких сборников, посвященных боям под Ленинградом, активно участвовал в деятельности ветеранских организаций, выступал на военно-исторических конференциях.

Труды Доната Константиновича имеют огромное значение для изучения Великой Отечественной войны в целом и битвы за Ленинград в частности. Хорошо известно, что многочисленная советская литература о войне посвящена главным образом нашим победам. Неудачи и поражения редко анализируются. Донат Константинович, много видевший на войне, обладал большой гражданской совестью. Он глубоко переживал недостатки ведения боевых операций на Волховском и Ленинградском фронтах. Особенно потрясли его гигантские неоправданные потери в пехотных частях, намного превосходившие потери противника. Стремление разобраться в причинах этого, понять ошибки командования в неудачных операциях стало лейтмотивом его творчества. Он осветил многие темные пятна Ленинградской битвы, о которых раньше говорить не полагалось.

В статьях Доната Константиновича мы найдем картины конкретных боевых событий, которые он наблюдал на фронте, поразительные по яркости и точности. Такова, например, сцена выхода остатков 2-й ударной армии из окружения летом 1942 года: полумертвые, опухшие, в рваном зимнем обмундировании, таща своих раненых, тянулись солдаты перед глазами Доната Константиновича... Невозможно забыть описание типичной атаки вновь прибывших солдат пополнения, жителей азиатских республик. Не обученные, едва понимавшие по-русски, они были поставлены в три цепи и в рост атаковали роту Слон под Киришами. Попав под огонь пулеметов и артиллерии противника, который пристрелял здесь каждый куст, они остались лежать на поле боя. «Посылать необученных солдат в бой, это значит подписать им смертный приговор», — любил говорить Донат Константинович, цитируя слова какого-то английского генерала. Таких ярких сцен в статьях Доната Константиновича великое множество.

Однако большинство его работ имеет обобщающий характер. Он стремился выявить движущие силы событий, главные их причины. Такова, например, статья «Сталин и Любанская операция 1942 года» (Газета «Киришский факел», 1996, № 4—10), удивительно цельная и компактная по форме. Здесь нет рассуждений, нет описаний. Здесь только документы: приказы, цитаты из распоряжений Ставки, командующих фронтами и армиями. Сопоставляя факты, Донат Константинович с неотразимой силой показал противоречия и несогласованность в боевых решениях, разрозненность действия фронтов, соперничество мелких личных интересов, непрофессионализм и, в результате, — огромные потери и неудача операции. Таких статей написал он немало. Он был вдохновителем и главным создателем фильма «Битва за Ленинград» (Студия «Ленфильм») — первой картины на эту тему в послеперестроечное время.

Лет 25—30 тому назад, в годы господства официальной, ура-патриотической, советской историографии, появление многих статей Доната Константиновича было почти невозможно. И все же он писал! Да и в наши дни редко кто решается столь открыто выступить с правдивым рассказом о войне. Здесь раскрывается сила характера Доната Константиновича, его мужество. Без колебаний выбрал он свой путь и твердо стоял до конца на своих позициях, несмотря на злобную критику идейных противников. На обсуждении его работ он умел не поддаваться глубокому нажиму, не ввязывался в ссору, а спокойно и убедительно приводил факты, опровергающие возражения оппонентов. Его слова имели всегда неотразимую силу.

Его статьи интересны всем, взрослым и юному поколению. Особенно много дают они ветеранам, которые чувствуют облегчение, узнав истину. Полвека они несли в себе недоумение и множество вопросов. Каким образом наша армия, «лучшая в мире», оказа-

лась в столь страшной ситуации? Зная, что правда оглашена, ветеранам спокойнее доживать оставшиеся годы.

Война никогда не была для Доната Константиновича далеким прошлым. Его творчество всегда связано с современностью. В этом его пафос и его сила. Я бы сказал, что это творчество направлено не в прошлое и не в настоящее, а в будущее. Для чего нужно сейчас писать о темных сторонах войны, о потерях, о промахах генералов? Да прежде всего, чтобы это не повторилось! Я помню, как переживал Донат Константинович чеченские события: «Совсем, как в Синявино!» — восклицал он.

В нашей стране грядет реформа в армии. Вряд ли возможна полноценная перестройка в войсках (и в умах военачальников!) без правильной оценки минувшей войны. И Донат Константинович был одним из первых, кто заложил свой камень в фундамент новой российской армии. В этом его патриотизм и горячая любовь к вооруженным силам, в которых он так долго служил.

И, наконец, хочется сказать, что это был милый человек, интересный собеседник, доброжелательный и симпатичный, обладающий острым умом и чувством юмора.

Мы навсегда сохраним о нем самые теплые воспоминания.

Ветеран Волховского фронта Николай Никулин

Д. К. Жеребов

«Любанская» операция 1942 г.*

Первый закон истории — не отваживаться ни на какую ложь, затем не страшиться никакой правды...

Цицерон

В начале 1942 г. Сталин мог прорвать блокаду Ленинграда, но только в Южном Приладожье, где это и было сделано в январе 1943 г. В декабре 1941 г. Сталина не волновала судьба ленинградцев, десятками тысяч погибавших от голода. Он мог прорвать блокаду, но во имя тактических задач он использовал патриотизм безропотно умиравших людей. В начале декабря 1941 г. Сталин единолично пытался решить другую, свою задачу...¹

В середине декабря, когда советская пресса все еще праздновала отступление немцев из-под Москвы, Сталин уже лично занимался планами контрнаступления, которое должно было отбросить их туда, откуда они пришли. Далеким от реалий боевых действий, Сталин видел на карте манящие победы и возможности. Планируемые им операции должны были проводиться от осажденного на севере Ленинграда до осажденного на юге Севастополя.

Свои планы Сталин хранил в тайне. Даже Г. Жуков, член Ставки, узнает о них лишь 5 января 1942 г., директиву на наступление штаб его Западного фронта получит лишь 7 января². На 20 суток позднее, чем К. Мерцков.

* Продолжение. См.: Новый Часовой. 1998. № 6—7.

Первым, кого Сталин подключил к решению своих авантюрных планов, был командующий 4-й отдельной армией, освободитель Тихвина, генерал К. Мерецков. 12 декабря 1941 г. он стал командующим новым Волховским фронтом.

17 декабря 1941 г. К. Мерецков, находившийся со своим штабом в Неболчи³, получил директиву Сталина, в которой его фронту в составе 4-й, 59-й, 2-й «ударной» и 52-й армии ставилась задача: «...перейти в общее наступление, имея целью разбить войска, оборонявшиеся по западному берегу Волхова, и главными силами армий выйти на фронт ст. Любань, ст. Чолово. В дальнейшем наступать в северо-западном направлении, окружить противника под Ленинградом и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта окружить и пленить, а в случае отказа сдаться в плен, истребить его»⁴. (См.: Новый Часовой. 1998. № 6—7. С. 234. Схема 1).

Командующий Ленинградским фронтом генерал М. Хозин должен был лишь содействовать К. Мерецкову в решении этой задачи. Первыми в наступление от Ладого до Черного моря должны были пойти солдаты Волховского фронта под командованием «активного участника гражданской войны, члена партии с 1917 г., патриота и интернационалиста, талантливого штабного работника...», 44-летнего генерала армии К. Мерецкова⁵.

К. Мерецков с армиями своего «фронта» должен был прорваться от Киришей и Новгорода на запад на 200—300 км (См.: Схема 1).

В директиве от 17.12.41 г. ставились конкретные задачи и армиям фронта.

«4-й армии (генерала П. Иванова) [...] наступать в общем направлении Кириши, Тосно и во взаимодействии с 54-й армией (генерала И. Федюнинского) Ленинградского фронта окружить и уничтожить противника, выдвинувшегося севернее Мги к Ладожскому озеру [...].

59-й армии (генерала И. Галанина) [...] наступать в направлении Грузино, Сиверская, Волосово [...].

2-й ударной армии (генерала Г. Соколова, с 10.01.42 генерала Н. Клыкова) [...] наступать в направлении Чаща, разъезд Низовский с дальнейшим ударом на Лугу.

52-й армии (генерала Н. Клыкова, с 10.01.42 генерала В. Яковлева) [...] овладеть Новгородом и в дальнейшем наступлении в направлении Сольцы обеспечивать наступление Волховского фронта на северо-запад...»⁶

Любань
Кириши Александровский
Фронт, который пошел
Волхов, выдвинулся к северу
длина Волховского фронта
справа, сами командующие
Великое дело в борьбе
Т.В. чтобы преодолеть на
существенно Волховского
фронта не разрывалось
на основные события и во
многом да в единую линию
или удар вправо. Это
существенно, что все не
старается преодолеть
это наступление и в
в единую линию удар
на вправо, и в результате
войска все решено на
многом + захватчиков.

Жму руку
Мерцков
И. Сталин
29.12.41

Записка Сталина К. Мерецкову.

В директиве не было ни слова как о совместном ударе двух армий на Любань, так и о начале с 7.01.42 г. Любанской операции. 54-я армия, взаимодействуя с 4-й, а не со 2-й ударной армией, должна была наступать из-под Погостья на Тосно, оставляя Любань в стороне.

Так должны были развиваться события по планам Сталина у Ладоги, под Ленинградом и Новгородом в самом начале января 1942 г. — события не «Любанской» операции 1942 г., а части сталинского наступления от Ладоги до Черного моря⁷.

Героем успешного исхода этих событий должен был стать командующий Волховским «фронтом» — генерал армии, будущий Маршал Советского Союза, К. Мерецков.

* * *

Не было у К. Мерецкова фронта. Было название — Волховский. Были номера четырех армий и двадцати одной стрелковой дивизии⁸, в которых не было главного: солдат-резервистов, а было пополнение. Не пройдя, как правило, никакой подготовки, оно в начале 1942 г. было задействовано Мерецковым на 150-километровом фронте от Киришей до Новгорода. В первых же атаках, боях до 60—80% погибло или попало в полевые госпитали⁹. На смену прибыло новое пополнение.

Это была трагедия, беда для тех, кого, одев в серые шинели, Мерецков и его генералы стали считать в своих планах солдатами. Они ими не были.

Все началось с «фрунзенской реформы» 1924—1928 гг., когда Красную Армию сократили с 5 500 000 до 562 000. Ежегодная численность призывного контингента была в тот период более 900 000, но призывали на службу около 300 000. Каждый год до 600 000 не проходили войсковой подготовки, не становились солдатами-резервистами, оставались необученным будущим пополнением.

К лету 1941 г. миллионы людей, не прошедших срочной военной службы, составляли значительную часть призывников. Для них, как и для многих командиров, поспешно вставших в строй вместо уничтоженного Сталиным офицерского корпуса, первые уроки «ликбеза» войны стали последними. Учиться воевать стране пришлось на большой крови. К началу 1942 г. безвозвратные потери Красной Армии составили более 3 000 000¹⁰. На войну из тыла страны везли не солдат, а необученное пополнение.

К концу декабря 1941 г. у К. Мерецкова был не фронт, а лишь группа армий: две действующие и две формируемые в тылу. 4-я и 52-я армии были обескровлены жестокими боями на тихвинском и маловишерском направлениях. В их дивизиях оставалось мало «активных штыков». В армиях не хватало снарядов, мин, продовольствия, фуража¹¹. 26-я и 59-я резервные армии формировались в это время в районе Вологды и в Приволжском военном округе. Выйти в назначенные им районы на Волхове они могли реально не ранее середины января 1942 г. Личный состав этих армий был набран в основном из жителей степных районов, не был готов действовать в условиях суровой зимы на лесисто-болотистой местности. Многие солдаты просто боялись лесов¹².

Переименованная во 2-ю ударную, 26-я армия по своему составу была равна всего лишь стрелковому корпусу¹³. До 40 лыжных батальонов было введено в состав этой армии на наших глазах, через горловину прорыва, «просеку Эрика», у Мясного Бора. Мы называли эту «ударную» армию: пехе-конно-лыжная.

Не мог не понимать генерал армии К. Мерецков, участник разработки плана «Гроза», что задача, поставленная ему Сталиным, не решаема! Г. Жуков 5 января 1942 г. доложил Сталину о том, что под Ленинградом операция обречена на провал¹⁴. К. Мерецков на это не отважился и безропотно принял к исполнению директиву от 17.12.41 г.

Что руководило Мерецковым, что сыграло при этом главную роль? Страх перед возможным вторым ударом кнута вождя, который наверняка был бы уже смертельным, или

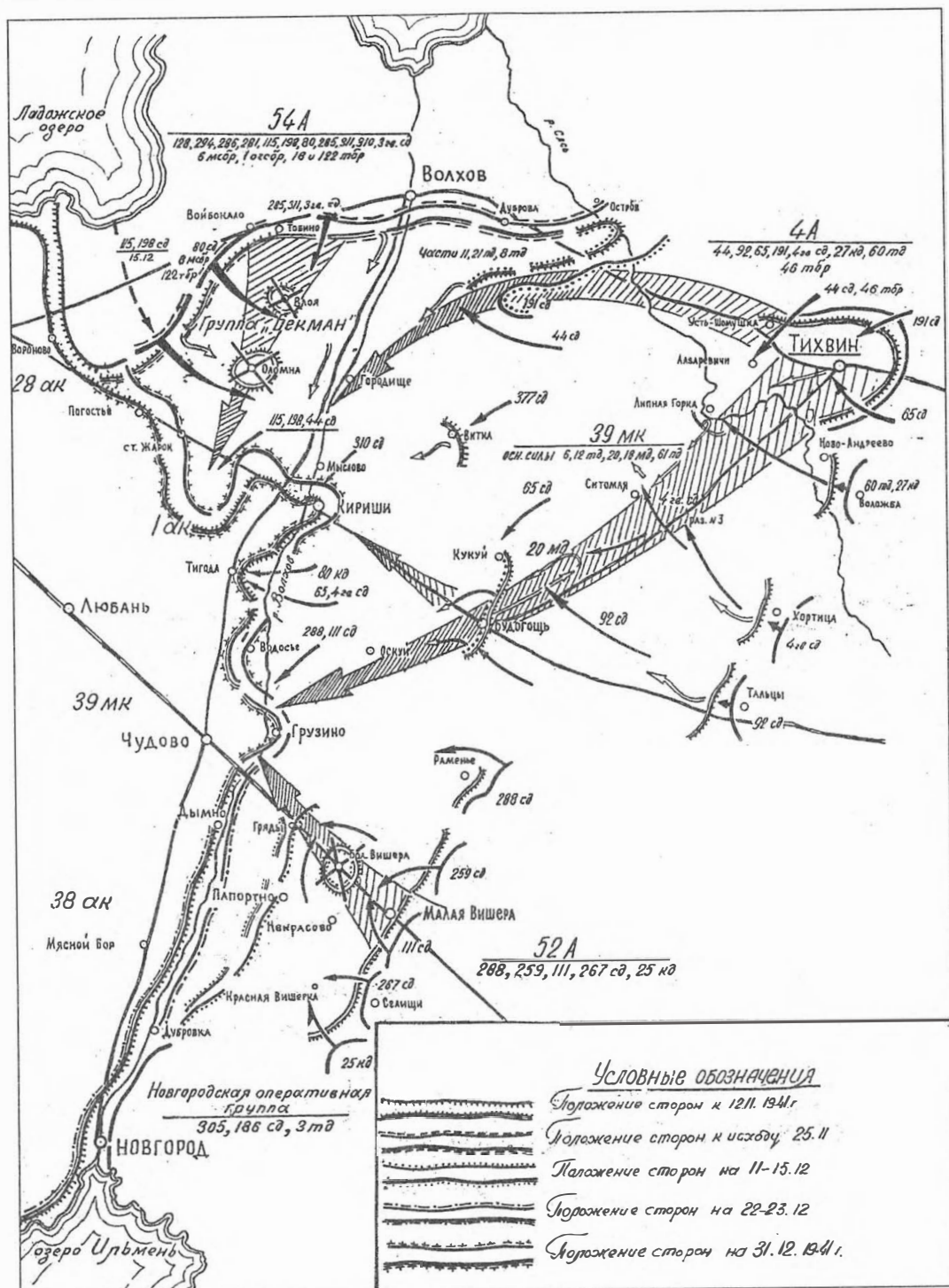

Схема 1. Тихвинская стратегическая наступательная операция. 10 ноября — 30 декабря 1941 г.

утраченное чувство стыда, порядочности за неизбежную, бесцельную гибель десятков тысяч своих солдат?

Решающую роль в принятии решения сыграла, на наш взгляд, личная записка Сталина, привезенная 29.12.41 г. в Неболчи «толкачом» Верховного Л. Мехлисом¹⁵. Прибыв в штаб фронта, Мехлис торопил его, не давал покоя, связывался со Сталиным.

Записка была для Мерецкова «пряником» вождя. Она должна была как-то загладить удар кнута, который получил Мерецков от Сталина в первый день войны¹⁶. Бережно хранил всю жизнь эту записку Мерецков в партийном билете как символ признания его полководческих талантов и благожелательного отношения к нему Сталина¹⁷.

Утром 7 января 1942 г. в частях и подразделениях «фронта» был зачитан приказ К. Мерецкова: «...Войскам Волховского фронта 7 января сего года всеми своими силами перейти в решительное наступление на врага, прорвать его укрепленные позиции, разгромить его живую силу, преследовать неотступно остатки разбитых частей, окружить и пленить их, а если немцы не сдадутся, истребить их всех до единого...»¹⁸. (Схема 2)

Успеха войска «фронта» не имели. Наступление было перенесено на 13.01.42 г. Так начал К. Мерецков свой путь к полному провалу директивы от 17.12.41 г. У каждого была своя война...

О Любани, о Любанской операции двух армий, речи тогда никто на нашем фронте не вел. Об этом заговорили лишь в конце февраля, когда 2-я «ударная» армия намертво застряла в «любанском мешке».

* * *

Решение о постановке далеко идущих стратегических задач К. Мерецкову в директиве от 17.12.41 г. было принято, на наш взгляд, и в связи с успехами шедшей с 10 ноября 1941 г. Тихвинской операции трех армий¹⁹. Создавая Волховский фронт, Сталин решил повернуть стрелы, идущие от Тихвина, Войбокало, Малой Вишеры на запад, протянув их на 200—300 км. (Схемы 3 и 1)

Гитлер, захватив Тихвин, стремился удержать его. Он назначил на этот участок фронта «специалиста по обороне» генерал-лейтенанта фон Арнима, который в первом приказе войскам писал: «Противник понял решающую роль Тихвина на северном участке и прилагает все усилия, чтобы снова захватить его [...] Пусть противник здесь, в русском болоте, натолкнется на германский гранит, и он не пройдет»²⁰.

Не устояли завоеватели Парижа под натиском защитников Ленинграда — солдат 4-й отдельной армии. Захваченный нашими разведчиками «язык» заявил: «Те, кто взял Париж, не могут сдать какой-то Тихвин». 9 декабря 1941 г. Тихвин был освобожден. Петля, которой Гитлер душил брошенный на произвол судьбы Ленинград, стала слабее.

При освобождении Тихвина особенно отличились части 191-й стрелковой дивизии полковника П. С. Виноградова, часть сил 44-й дивизии полковника П. А. Артюшенко, часть сил 65-й дивизии полковника П. К. Кошевого, впоследствии маршала²¹.

Когда в блокированном морозном городе на Неве радиорупоры разнесли весть об освобождении Тихвина, Вера Инбер записала: «Мы дышим. Мы немного глубже дышим. Нами взят Тихвин. Может быть, отсюда начнется спасение Ленинграда».

Сталин не воспользовался победой под Тихвином. Блокада была прорвана лишь в январе 1943 г., когда из 2 540 000 ленинградцев, попавших в блокаду, в городе осталось лишь 626 300 человек²².

Тихвинская наступательная операция явилась одним из первых серьезных поражений Гитлера. В ней было задействовано 20 наших дивизий и 4 бригады, всего 192 950 человек. Наши потери составили 48 901 чел. Среднесуточные — 959²³.

К 27 декабря 1941 г. части 4-й армии, вошедшей с 17 декабря в состав Волховского

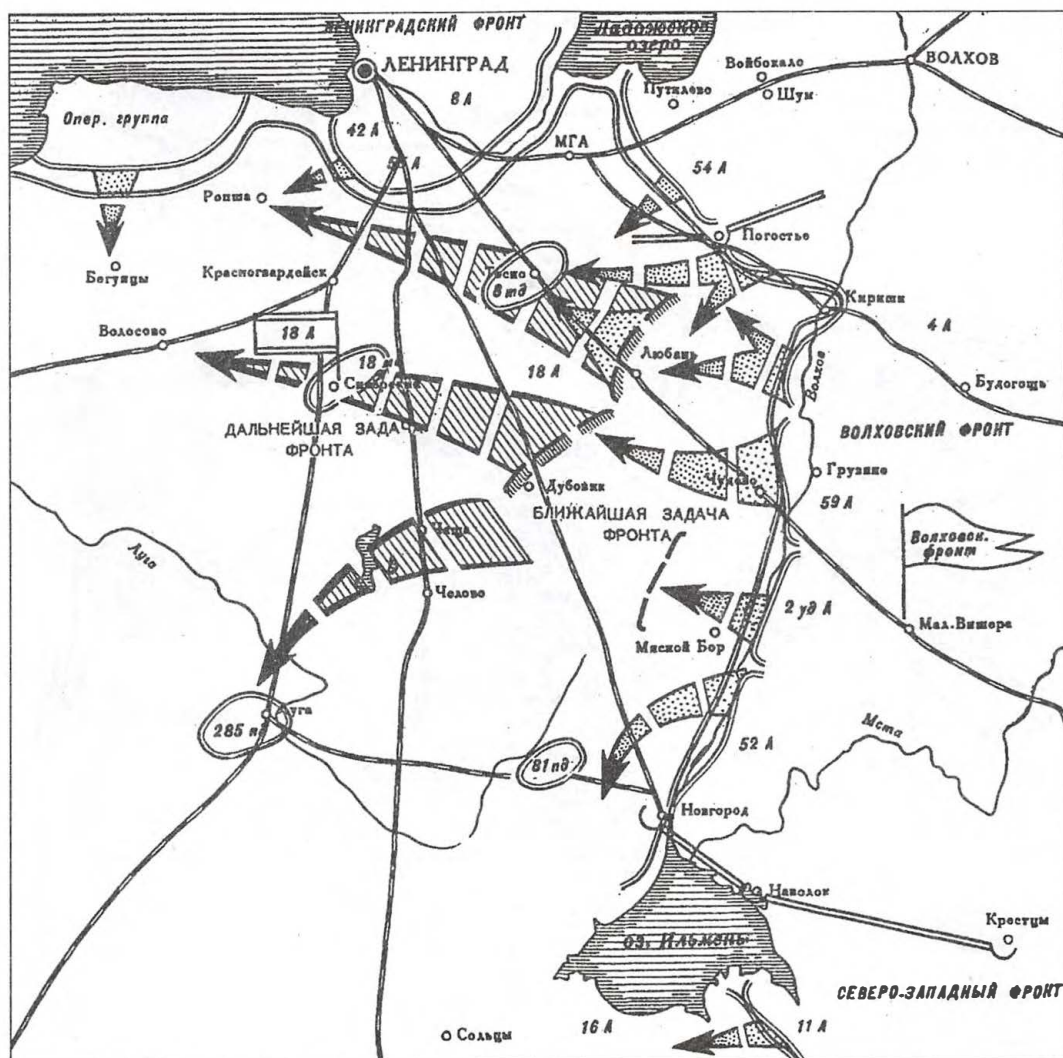

Схема 2. Задачи Волховского «фронта» в наступлении «от Ладоги до Черного моря»
(по замыслу К. Мерецкова).

фронта, освободив Будогощь, вышли к реке Волхов на участке Кириши—Грузино. Части 54-й армии вышли на линию ж.д. Мга—Кириши, в районе Погостье—Жарок. 52-я армия, освободив 20 ноября Малую Вишеру, вышла к Волхову на участке Грузино—Дымно. (См.: Схема 2)

Под Тихвином начался мой путь в саперы, офицеры инженерных войск. 30 ноября 1941 г. приказом по 4-й отдельной армии я был назначен старшим адъютантом 539-го отдельного минно-саперного батальона, вместо погибшего накануне капитана И. А. Железнякова.

Утром 8 ноября к КП нашего батальона подошел генерал К. Мерецков со свитой. Выслушав доклад командира батальона старшего лейтенанта В. Гусарова, он приказал поставить 200 наших саперов в боевые порядки 27-й кавалерийской дивизии. К. Мерецков выглядел озабоченным, уставшим. Так началось мое знакомство с К. Мерецковым, прошедшее через весь Волховский фронт и закончившееся в конце 1944 г. на Карельском фронте.

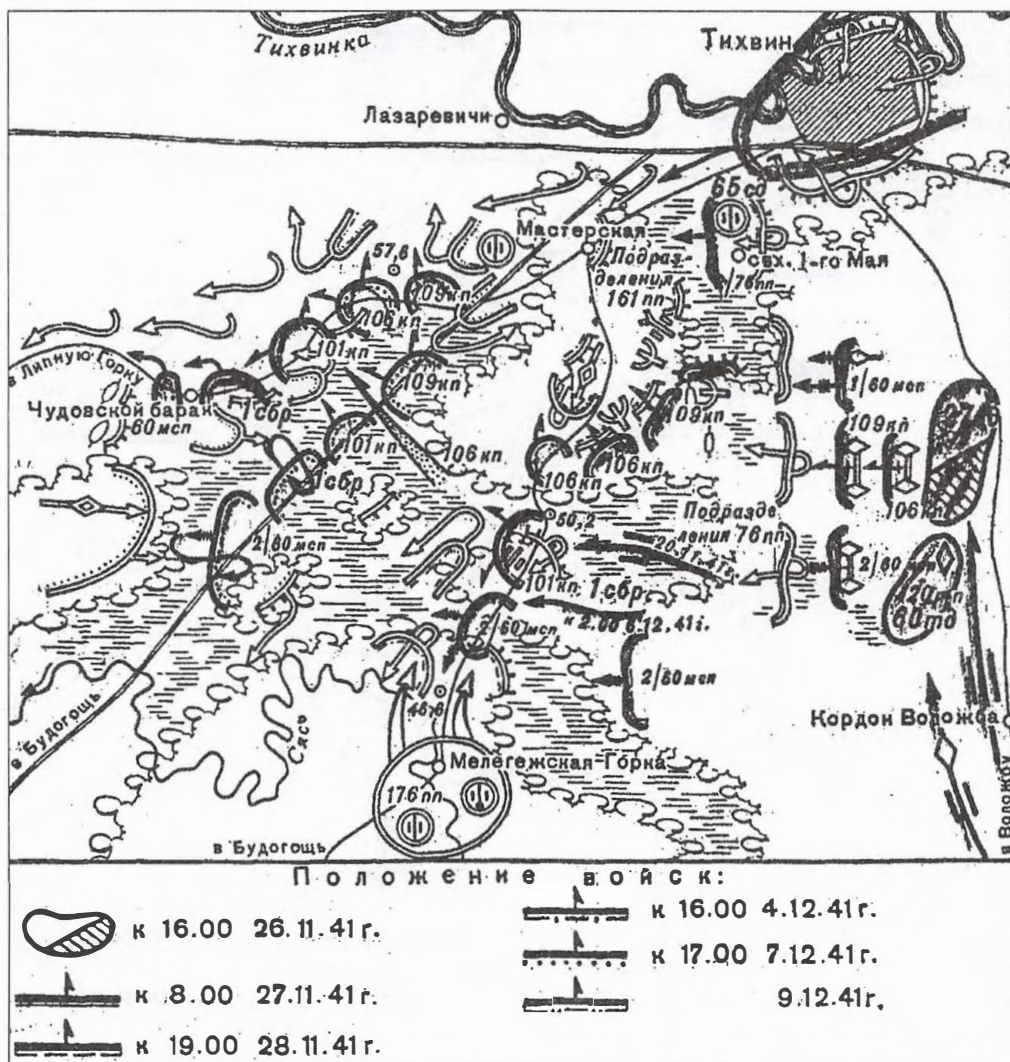

Схема 3. Боевые действия группы генерала А. Павловича с 26 ноября по 9 декабря 1941 г.

Выполняя приказ Мерецкова, мы отправились в роты и повели их к спешным кавалеристам, чтобы вместе с ними пробиваться через дремучие тихвинские леса к дороге, идущей от Тихвина на Липную Горку, Будогошь.

В ночь на 9 декабря наши саперы участвовали в последней атаке на ускользавшие из Тихвина части противника. (См.: Схема 3)

В 5 часов утра 9 декабря на наших глазах последние большие грузовые машины с гитлеровцами вырвались из Тихвина. Началось их преследование²⁴.

Часов в 12 9 декабря с комиссаром В. Богачевым на полutorке шофера Прокофьева стали мы пробираться в Тихвин. Дорога не была заминирована. Саперы фон Арнима не успели этого сделать, они спешили оставить Тихвин. Пленить немецкие части в городе К. Мерецкову не удалось.

В Тихвине было пусто. Жители еще не начали возвращаться. Город был сильно разрушен. Занятый немцами 8.11.41 г., Тихвин почти каждую ночь подвергался ударам со-

ветской авиации дальнего действия, а днем по нему «работали» наши артиллерия и минометы. Так было около 30 суток. У каждого города была своя военная судьба...

* * *

В декабре 1941 г. главную опасность для осажденных солдат Ленинградского фронта и ленинградцев представляли уже не военные действия прочно окопавшегося у стен города противника, а голод и холод. Еще 12 сентября 1941 г., когда Лееб готовился к штурму, прибыл приказ Гитлера: Ленинград не брать!²⁵ Это был результат задержки Лееба на Лужском рубеже и упорных боев на южных подступах к городу²⁶.

Миф о том, что Г. Жуков спас Ленинград в сентябре 1941 г., не выдерживает критики. Ленинград тогда нужно было спасать уже не от захвата его Гитлером, это сделали солдаты Ленинградского фронта, ополченцы, а от грозившей ему **голодной** блокады. Г. Жуков не сумел этого сделать²⁷. Обстоятельства оказались сильнее Жукова, и Сталин, понимая, что будущего «непобедимого» полководца нельзя подставлять, что он не должен иметь поражений, отозвал его в Москву²⁸.

Голод был не только «наемным убийцей» фашистов. Утверждение, что «голод блокады был враг, засланный фашизмом», на наш взгляд, неточное²⁹.

Голод и холод подарили в союзники Гитлеру Сталин и Жданов, оставившие Ленинград накануне войны без запасов продовольствия и топлива, отказавшиеся от дополнительных эшелонов с продовольствием, которые стал направлять в начале войны в город А. Микоян, не создавшие надежный воздушный мост через Ладогу³⁰.

В декабре 1941 г. в Ленинграде наступил пик голодной блокады. В городе «тьма, холод, голод»³¹. Уже ушли из жизни более ста тысяч ленинградцев из 1 580 000 приговоренных к голодной смерти 19.11.41 г.

Наблюдая из Смольного за гибелью от голода ленинградцев, А. Жданов призывал их «мужественно переносить тяготы блокады и терпеливо воспринимать уменьшение карточных выдач», но сам не испытывал ни холода, ни голода³².

Несколько профессоров Ленинграда в эти тяжелые, трагические дни были приняты одним из генералов штаба Ленинградского фронта. Они хотели выяснить перспективы города. Генерал был вполне любезен, даже предупредителен. Картина, обрисованная им, сводилась к четырем положениям:

1. Главная задача — уничтожить фашистских захватчиков, как сказал товарищ Сталин.
2. Мы не скрываем, что Ленинград — фронт.
3. Гражданское население, конечно, всегда мешает военным властям.
4. Которые поздравее — выживут все-таки.

Среди присутствовавших был люди, начавшие жизненный путь с иной идеей служения народу. Последние два положения их явно смущали. Генерал поспешил заметить: «Надо уметь жертвовать, жертвовать...»³³.

Перед лицом наступавшей неумолимой голодной смерти взрослые ленинградцы высказали тогда многое, что было воспринято как «антисоветчина», «контрреволюция». Многие из них правильно поняли существо режима, уготовившего им голодную блокаду.

«... положение в Ленинграде катастрофическое. Население города вымирает. Со стороны нашего правительства было бы честнее, если бы всех ленинградцев расстреляли. Это лучше, чем смерть от голода».

«... успехов на Ленинградском фронте нет. На прорыв блокады надеяться нельзя...»

«... Наша армия обречена на постоянные поражения потому, что у русских людей исчез идеал, за который можно драться. Крестьянин не хочет драться за колхозы, так как колхозная идея провалилась...»

«... После войны жизнь страны изменится, введут новую экономическую политику. Будет предоставлена частная инициатива в торговле и сельском хозяйстве».

«... Вы скажете, мы, ленинградцы, герои. Ну, какие мы герои. В первые месяцы шевелились, прятались в бомбоубежища, силы у людей пока еще были. Пожалуй, мы тогда были герои. Жили жизнью страны, жадной победы над врагом. А сейчас радио молчит, и мы не знаем, что делается в стране. Газет не получаем, писем тоже и живем в полном неведении. От этого настроение падает каждый день. Как обреченные, мы не реагируем уже ни на что и ждем смерти-избавительницы от кошмара действительности. Очевидно, нами жертвуют для блага страны...»³⁴

Платой за такие разговоры и мысли, высказанные в письмах, были аресты и расстрелы.

Настроения, мысли в блокадном, вымирающем от голода Ленинграде, были разными, как и по всей стране³⁵.

Они были диаметрально противоположными, от гордого «сознания» героического подвига, совершаемого блокадным городом во имя «светлого будущего», до реального понимания того, что в действительности происходит. Понимание, которое пришло ко многим из нас через десятилетия, а к некоторым не пришло и до сих пор.

Такими, в декабре 1941 г., были события в Ленинграде, у Новгорода, в Южном Приладожье, перед началом сталинского наступления «от Ладоги до Черного моря».

Примечания

- 1 *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 44, 57.
- 2 *Жуков Г.* Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 253, 255. — О Ставке Г. Жуков пишет: «Я был членом Ставки от первого до последнего дня войны. Собиралась ли когда-нибудь Ставка для обсуждения стратегических и других вопросов? Нет. Кто был в Ставке, вел там разговоры? Сталин. Сталин — это Ставка. Он командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным. Сталин говорит — это есть приказ окончательный, обжалованию — не подлежит...».
- 3 *Егоров П.* Маршал Мерецков. М., 1974. С. 104—106. — В эти дни саперы нашего батальона строили надежные убежища в Неболчи, для К. Мерецкова и А. Запорожца. По приказанию начальника инженерных войск фронта генерала С. Чекина готовились к разминированию дорог, населенных пунктов.
- 4 Военно-исторический журнал (далее — ВИЖ). 1966. № 2. С. 35.
- 5 *Якулов Н.* Трагедия полководцев. М., 1992. С. 327.
- 6 ВИЖ. 1966. № 2. С. 36.
- 7 Информация о «Любанской операции 1942 г.», данная советскими историками в 1985 г., не соответствует действительности. (См.: Великая Отечественная война Советского Союза. Энциклопедия. М., 1985. С. 424.)
- 8 На Волховском фронте. М., 1982. С. 357.
- 9 *Вишневский А. А.* Дневник хирурга. М., 1967. С. 109—146.
- 10 Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 146.
- 11 *Крупица К.* Боевые действия 2-й ударной армии в Любанской наступательной операции. Любанская наступательная операция. СПб., 1994. С. 4—75.
- 12 Ленинград в борьбе. Месяц за месяцем. 1941—1944. СПб., 1994. С. 93.
- 13 *Мерецков К.* На службе народу. М., 1968. С. 260.
- 14 *Жуков Г.* Указ. соч. С. 254.
- 15 *Егоров П.* Указ. соч. С. 106.
- 16 *Жеребов Д.* Кнут и пряник вождя // Аничков мост. 1991. № 35.
- 17 *Цунц М.* В огне четырех войн. М., 1972. С. 46—47.
- 18 *Егоров П.* Указ. соч. С. 108.
- 19 Гриф секретности снят. С. 172—173; Тихвин, год 1941-й / Сост. Д. К. Жеребов. Л., 1974; *Жеребов Д. К.* Письма сержанта и дневник генерала // Трудовая слава. Тихвин. 6.12.81.
- 20 Бои на Волхове. Ярославль, 1945. С. 31.
- 21 Освобождение городов. М., 1985. С. 240.
- 22 *Жеребов Д.* Блокада — главное сражение в битве за Ленинград // Киришский факел. 11.2.97.
- 23 Гриф секретности снят. С. 172.
- 24 *Жеребов Д. К.* Саперы огненной реки. Л., 1973. С. 57. Рукопись. Архив автора.
- 25 *Митчем С., Мюллер Д.* Командиры третьего рейха. Смоленск, 1997. С. 84.
- 26 *Кринов Ю. С.* Лужский рубеж. Год 1941-й. Л., 1983. С. 11—12; *Крюковских А. П.* Лужское сражение: неизвестные страницы // Новый Часовой.

1997. № 5. С. 162; На ближних подступах к Ленинграду. Л., 1986. С. 13—15.
- 27 Жеребов Д. Генерал убит, город остался в блокаде // Смена. СПб., 23.9.93.
- 28 Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Смоленск, 1997. С. 109—110.
- 29 Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб., 1994. С. 5, 22.
- 30 Микоян А. В блокаде // ВИЖ. 1977. № . С. 45.
- 31 Лукницкий П. Сквозь всю блокаду. Л., 1964 С. 177—194.
- 32 Кураев А. Если Бог есть любовь... Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. М., 1997. С. 31.
- 33 Криптон К. Осада Ленинграда. Нью-Йорк, 1952. С. 210.
- 34 См.: Ломагин Н. А. Настроения защитников и населения Ленинграда в период обороны города, 1941—1942 гг. // Ленинградская эпопея. СПб., 1995. С. 200—259.
- 35 Россия XX век. Другая война. 1939—1945. М., 1986. Кн. 3. С. 303—312, 383—389 и др.

Послужной список П. В. Жадана — одного из последних Георгиевских кавалеров русской армии

Павел Васильевич Жадан родился 25 декабря 1901 г. в крепкой крестьянской семье, переселившейся из средней полосы России в Ставропольский край. По свидетельству одного из друзей, его семья принадлежала к той лучшей части крестьянства, на которой держалось благосостояние России. Он учился в Ставропольской гимназии, когда грянула революция и последовавшая за ней Гражданская война. Не задумываясь, Павел Жадан сделал свой выбор — как и многие тысячи русских юношей, он вступил в ряды Вооруженных Сил Юга России, где и сражался вплоть до последних дней Белого движения. В 17 лет за мужество, проявленное в одном из боев на полях Таврии в сражении с частями конного корпуса Д. П. Жлобы, он был удостоен редчайшей по тем временам награды — солдатского Георгиевского креста 4-й ст. (№ 157064). Известно, что представление к боевым наградам Русской Императорской армии в рядах ВСЮР, а потом и Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля являлось крайне не частым событием. Есть все основания считать Павла Васильевича одним из последних русских Георгиевских кавалеров...

Осенью 1920 г. вольноопределяющийся П. В. Жадан был ранен, затем — эвакуация в Галлиполи, училище, суровый быт русского офицера на чужбине. Но всю свою жизнь он отдал России в соответствии с собственным пониманием долга перед Родиной. Жажда продолжения Белого дела привела его в 30-е гг. в Югославию в ряды Национально-Трудового Союза Нового Поколения. В 1942 г., как и многие другие члены Союза, он стремился попасть на оккупированные территории, куда въезд эмигрантам был строжайше запрещен. Но он смог пробраться во Псков и устроиться инженером-электриком в местном самоуправлении, параллельно занимаясь нелегальной работой среди местной молодежи. После окончания войны некоторое время жил в западной оккупационной зоне в Баварии, а в 1951 г. вместе с женой Лидией Владимировной Жадан переехал в США, в штат Коннектикут.

Он много писал, и плодом усилий Павла Васильевича стали мемуары «Русская судьба» — непритязательный рассказ о своей судьбе одного из тысяч покинувших Родину, но оставшихся духовно с ней неразделимым. Павел Васильевич Жадан скоропостижно скончался 21 августа 1975 г. в Хартфорде, завещав похоронить себя под флагом России, которой он оставался верен всю жизнь.

Редакция выражает глубокую признательность и благодарит Лидию Владимировну Жадан за предоставленную возможность публикации.

Послужной список

Корнета 2-го Кавалерийского полка

Жадана Павла Васильевича

I. Чин, имя, отчество и фамилия.	Корнет Жадан Павел Васильевич		
II. Должность по службе.	—		
III. Ордена и знаки отличия.	Георгиевский Крест 4 ст. Нагрудный знак в память пребывания 1-го Армейского Корпуса в Галлиполи в 1920—1921 гг.		
IV. Когда родился.	1901 г. Декабря 12-го		
V. Из какого звания происходил и какой губернии уроженец.	Из крестьян Ставропольской губ.		
VI. Какого вероисповедания.	Православного		
VII. Где воспитывался.	Окончил 8 кл. Ставропольской 2-й мужской гимназии. Николаевское Училище по 1-му разр. в 1922 г.		
VIII. Получаемое на службе содержание.	По занимаемой должности		
IX.			
Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением, по какому случаю; по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемиловнейшие рескрипты, Высочайшие благоволения.			
	Год	Мес.	Чис.
В службу вступил в 3-й Ставропольский Офицерский полк на правах вольноопределяющегося 1-го разряда	1918	Июня	8
Убыл из полка по демобилизации учащихся	«	Дек.	1
Вступил по собственному желанию в Сводный полк 9-й Кавалерийской дивизии	1919	Мая	21
Убыл в отпуск в гор. Ставрополь	«	Окт.	8
При отступлении частей Добровольческой Армии поступил в 3-ю Северо-Кавказскую Учебно-Стрелковую роту	1920	Янв.	10

IX.			
Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением, по какому случаю; по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемиловнейшие рескрипты, Высочайшие благоволения.			
	Год	Мес.	Чис.
Отступал в составе роты до гор. Армавир, где рота вошла в состав 3-го Корниловского полка	«	Марта	1
3-й Корниловский полк переименован в Сводно-Добровольческий полк	«	«	15
Переименован в мл. унтер-офицеры (Прик. полку № 14)	«	«	18
Отступал в составе полка по Туапсинской ж. д. до гор. Туапсе с по	1920 «	Марта «	1 26
Эвакуировался из гор. Туапсе в Крым	«	«	27
Зачислен в 6-й Кавалерийский полк в Уланский Бугский эскадрон	«	«	29
Награжден за боевые отличия Георгиевским крестом 4 ст. № 157064 (Прик. 1-му Арм. Корп. № 505 1920 г.)	«	Авг.	1
Ранен в правое плечо ружейной пулей у с. Дмитриевки	«	«	7
Эвакуирован на излечение	«	«	8
По излечении прибыл в полк	«	Сент.	20
По оставлении Крыма Русской Армией, эвакуировался в пределы Турции	«	Ноября	1
Прибыл в город Галлиполи	«	«	17
По переформировании Кавалерийской Дивизии 6-й Кавалерийский полк вошел в состав 2-го Кавалерийского полка	«	«	
Командирован для прохождения курса в Кавалерийское Военное Училище (Прик. Кав. Див. 60)	1921	Марта	12
Кавалерийское Военное Училище переименовано в Николаевское Кавалерийское Училище (Прик. Р. А. № 281 19 июля 1921 г.) Имеет право на ношение нагрудного знака в память пребывания 1-го Армейского Корпуса в Галлиполи в 1920—1921 гг. Удостоверение № 2587 (Прик. Р. А. № 369 от 15/XI 1921 г. и 1-му Армейск. Корп. № 845)	«	Авг.	3

Составлен на основании
документов.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ

Кавалера Го Кавалерійского полка
Удана Павла Васильевича

31 Июля 1915

IX.			
Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением, по какому случаю; по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемиловейшие рескрипты, Высочайшие благоволения.			
	Год	Мес.	Чис.
В составе Училища отбыл из Галлиполи на пароходе «Керасунд»	«	Дек.	9
Прибыл в Королевство С. Х. С.	«	«	12
Переведен на старший курс	1922	Февр.	1
Произведен в мл. портупей-юнкера	«	Сент.	26
По окончании полного курса Училища по 1-му разряду, приказом Главнокомандующего Русской Армии от 5-го Ноября 1922 г. за № 309, произведен по экзамену в корнеты, с назначением во 2-й Кавалерийский полк (Ячейку 9-го Уланского Бугского полка) Со старшинством с	1920	Сент.	1
Зачислен в офицерский эскадрон, прикомандированный к Училищу	1922	Ноября	5
Назначен в распоряжение Командира 1-й бригады Кавалерийской Дивизии и к месту назначения убыл	«	«	14
XI.	Холост		
Холост или женат, на ком; имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания.			
XII.	—		
Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное.			
XIII.	Не подвергался		
Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе; когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке.			
XIV.	Против большевиков С 1918 г. Июля 8-го по « Декабря 1-е С 1919 Мая 21-го по « Окт. 8-е С 1920 г. Янв. 10-го по « Ноября 1-е		
Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям, или от начальства.			

	Ранен ружейной пулей в правое плечо — 1920 г. Авг. 7-го
<p>Начальник Училища Генерального Штаба Генерал-Лейтенант Говоров 31 Января 1923 г. № 455 г. Белая Церковь Адъютант Училища Ротмистр (подпись)</p> <p>Итого в сем послужном списке пронумеровано, прошнуровано и казенной печатью припечатано четыре (4) листа.</p> <p>Адъютант Училища Ротмистр 31 января 1923 г. № 455 г. Белая Церковь</p>	

Из мемуаров П. В. Жадана «Русская судьба»

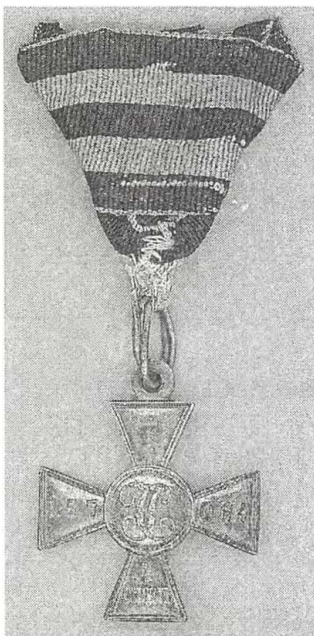
Глава 7. Разгром армии Жлобы

Красные войска под командой Жлобы в это время вели наступление на Мелитополь, тесня наш Донской корпус. У них было до 12 000 всадников и 7 500 человек пехоты. С нашей стороны были сосредоточены: на правом фланге — две Донских дивизии, в центре — Корниловская дивизия, левее ее — Дроздовская, а еще левее — Тринадцатая пехотная дивизия, которой были приданы три бронепоезда, всего 11 000 человек. Белые войска были расположены полукругом, в центре которого находились войска Жлобы. Вторая конная дивизия ген. Морозова, в которой я был вахмистром первого эскадрона Девятого Бугского уланского дивизиона, заняв местечко Вальдгейм на рассвете 20 июня, замкнула круг с севера.

Наш дивизион был отведен в балку, где нам объявили, что мы будем резервом и прикрытием штаба дивизии, расположенного на кургане к востоку от нас. Дивизия ушла на юг, откуда была слышна орудийная стрельба. Все офицеры дивизиона были вызваны в штаб. Остался только Олег Доброгорский, с которым мы подружились в боях и походах 1919 года. Около полудня дозорные донесли, что с юга к нам приближается в туче пыли кавалерия. В бинокли мы видели, как по открытой равнине прямо на нас движется быстрым аллюром несколько тысяч всадников; видны были также артиллерийские упряжки и пулеметные тачанки. Нужно было быстро что-то предпринимать, чтобы эта несущаяся лавина не растоптала наш дивизион в 160 всадников и не захватила штаб дивизии. Учитывая, что красные сильно потрепаны наступающими добровольческими частями и в панике бегут на север, я предложил Доброгорскому подождать, пока их кавалерия подойдет к нам совсем близко, и атаковать ее. У нас уже не было времени уйти вправо или влево. Надо сказать, что поручик Доброгорский, проявлявший иногда большую храбрость, ровностью характера не отличался. Он заявил, что плохо себя чувствует и просит меня принять командование.

Было мне тогда 18 лет. Я принимал участие в войне со второго кубанского похода и приобрел достаточный опыт. Не медля ни минуты, я скомандовал: «Дивизион, слушай мою команду, по коням садись!» Выстроив дивизион развернутым фронтом, я приказал пулеметчикам занять позицию — два пулемета на правый фланг, два на левый, и приказал стрелять по моему знаку.

Находясь в балке, мы не были видны красным. Все наше внимание было сосредоточено на них. Нервы были сильно напряжены. Только внезапный, неожиданный натиск мог смутить противника, силы которого в десятки раз превосходили наши 160 шашек. Гул конницы усиливался, и уже простым глазом виден был командир, скакавший на серой

Георгиевский крест 4-й степени и
Галлиполийский крест корнета
П В Жадана

лошади. К нему жалось несколько всадников, потерявших строй, а за ними артиллерия и пулеметы на тачанках. Когда красные приблизились на расстояние 200—300 шагов, я дал знак пулеметчикам, и они открыли огонь. Лошади и всадники противника стали валиться на землю. Среди большевиков возникло сильное замешательство. Они бросились в правую сторону, открывая нам свой левый фланг. Время было для атаки. Не знаю, слышна ли была моя команда в общем гуле тысяч конских копыт и пулеметных выстрелов, но я крикнул изо всех сил: «Шашки вон, пики к бою, в атаку марш, марш!» и выскочил из балки. Дружно, с места в карьер, дивизион бросился за мной. Врезавшись в обезумевшую жлобинскую кавалерию, мы рубили шашками и кололи пиками тех, кто пытался сопротивляться, минуя тех кто соскакивал с лошадей и бросал оружие. Врезаясь в гущу неприятельской кавалерии, мы вносили смятение и панику не только в близкие к нам ряды, но и в остальную конницу. Скоро она рассеялась по обширной равнине. Многие хлестали лошадей, стараясь ускакать от нас. подальше, остальные бросали оружие и сдавались в плен. На поле боя были брошены артиллерийские орудия и тачанки с пулеметами. Наша атака оказалась удачной потому, что мы напали неожиданно и потому, что атаки с пиками наперевес всегда наводили панику на красных. Преследовать неприятеля не имело смысла, и я собрал дивизион. Выяснилось, что у нас ранен только один всадник. Раненых красных в поле перевязывал наш фельдшер Яченя со своим помощником. Я выделил из дивизиона нескольких всадников для охраны многочисленных пленных и для сбора брошенных лошадей. Когда все успокоилось, я передал командование поручику Доброгорскому. Потом мы узнали, что из штаба дивизии наблюдали нашу атаку. Скоро оттуда вернулись наши офицеры. Командир дивизиона полковник Дриневиц стал благодарить поручика Доброгорского за удачную атаку. Поручик ответил: «Господин полковник,

дивизионом командовал и повел его в атаку вольноопределяющийся Павел Жадан».

Примерно месяц спустя, на одной из наших непродолжительных стоянок на отдыхе, нашему дивизиону приказано было выстроиться в пешем строю. Пришел командир полка и вызвал меня перед строем. Почтя выдержку из приказа по 1-му Армейскому корпусу за № 505 от 1920 года, командир полка украсил мне грудь Георгиевским крестом.*

* По окончании Гражданской войны выяснилось, что в дальнейшем Георгиевским крестом никого более не награждали. Таким образом, Павел Васильевич оказался последним георгиевским кавалером. — Л. В. Ж. (Лидия Владимировна Жадан).

Послесловие редакции «Нового Часового»

Корнет П. В. Жадан был одним из последних русских Георгиевских кавалеров. Известны еще несколько Георгиевских кавалеров, удостоенных этой награды позднее. В конце лета 1920 г. Георгиевским крестом 4-й ст. был награжден доброволец Сводно-Гвардейского полка 1-й кавалерийской дивизии Русской армии Игорь Константинович Соломоновский за храбрость, проявленную в кавалерийской атаке у деревни Ключевой на Днепре¹.

В боях за город Крупень в Сербии, которые вели 27—29 ноября 1941 г. 1-я и 2-я дружины 1-го отряда Русской Охранной Группы², совершил подвиг доктор Н. А. Голубев. 28 ноября, будучи раненым, под огнем противника он перевязывал чинов дружины, пока не был ранен вторично, при этом тяжело. За храбрость он был награжден Георгиевским крестом 3-й ст.³

8 декабря 1941 г. партизанами И. Б. Тито под командованием полевого командира «Вука» был атакован рудник «Столица». Охрану рудника несли 1-я и часть 2-й юнкерских сотен 1-го отряда Русской Охранной Группы под командованием полковника М. Т. Гордеева-Зарецкого. Контратакой юнкеров противник был отброшен и выбит с господствующей высоты «Козья гора». В контратаке был тяжело ранен юнкер 4-го взвода 1-й сотни Сергей Шауб, награжденный в госпитале лично командиром Группы генерал-майором Б. А. Штейфеном Георгиевским крестом 4-й ст.⁴

К. М. Александров

Примечания

1 Бахметьевский Архив Колумбийского Университета. Коллекция материалов И. К. Соломоновского. Автобиография.

2 Русский Корпус на Балканах во время Второй Великой войны 1941—1945 гг. Нью-Йорк, 1963. С. 41. — 18 ноября 1941 г. Русский Охранный Корпус переименован в Русскую Охранную Группу;

полки — в отряды, батальоны — в дружины, роты — в сотни.

3 Там же.

4 Там же. С. 74; см. также: Личный архив Александрова К. М. Фонотека. Воспоминания Я. А. Трушновича. Франкфурт-на-Майне, 1993.

Вениамин Водопьянов

В плену у японцев

Воспоминания русского офицера о русско-японской войне 1904–1905 гг.

Несмотря на то, что уже почти столетие отделяет нас от войны с Японией 1904–1905 годов, в семейных архивах продолжают обнаруживаться неизвестные материалы, написанные участниками и очевидцами тех героических и трагических событий.

Листки публикуемого дневника о повседневной жизни обитателей японского лагеря военнопленных в г. Мацуяме, долгое время хранились автором в своей семье. Лишь в 1941 г. они были переписаны им и оформлены как иллюстрированный очерк. В 1943 г. Вениамин Петрович Водопьянов скончался в г. Ашхабаде, где и погребен. В 1948 году во время ашхабадского землетрясения погибли его жена Лидия Петровна и дочь Елена. Младшая дочь Татьяна, прибыв на похороны родных, чудом извлекла из-под обломков дома многие документы рода, в том числе наградные грамоты и публикуемую ниже рукопись отца. После кончины Татьяны Вениаминовны в 1977 г. в г. Москве рукопись дневника хранилась в г. Киеве в семейном архиве Игоря Вениаминовича, после смерти которого дневник унаследовал его сын Владимир Игоревич. В августе 1997 года рукопись родного дяди моей матери поступила к автору публикации в связи с составлением четвертого тома родословной книги, называемого «На службе престолу и Отечеству».

Выход в свет этого исторического материала был тогда по известным причинам опасен для жизни многих людей, представленных не только в тексте, но и на многочисленных (около двухсот) фотографиях, используемых в очерке в качестве иллюстраций. К сожалению, до нашего времени фотографии не сохранились, за исключением нескольких. Перу автора дневника уже принадлежат два печатных труда. Его очерк «Оренбуржцы в Туркестане» опубликован в Военно-историческом сборнике за 1916 г. Подготовленная к изданию незадолго до революции, история 6-го полка Оренбургского казачьего войска получила высокую оценку рецензента, но почти восемь десятилетий хранилась в государственных архивных фондах г. Москвы. Лишь в 1996 г. этот труд Вениамина Петровича был издан московским издательством «Первопечатник» при содействии Культпросветцентра.

Автор дневника предстает перед нами как доблестный представитель Оренбургского казачества и достойный сын России. Поэтому автор публикации счел необходимым ознакомить читателя с краткими родословными сведениями о Вениамине Петровиче.

Вениамин Петрович Водопьянов родился 10 октября 1865 года в станице Степная в семье войскового старшины Оренбургского казачьего войска Петра Титовича Водопьянова. Дед его по мужской линии, Тит Никитич Водопьянов, вел свой род от москов-

ских стрельцов, ставших в период петровских реформ донскими казаками, а затем неших сторожевую службу в составе гарнизона Красноуфимской крепости Оренбургского края. С 1742 г. прадед Вениамина Петровича, потомственный казак Никита Водопьянов, был причислен к сформировавшемуся Оренбургскому казачьему войску и служил в Чернореченской крепости. Дед Вениамина Петровича по женской линии, есаул Оренбургского казачьего войска Лев Докшин, был участником Бородинской битвы 1812 г.

Представители оренбургской ветви рода Водопьяновых вошли в число первых гвардейцев войска, посланных в столицу на службу в гвардию по Высочайшему повелению Государя Императора от 14 октября 1846 года. Среди 30 гвардейцев вторым по именованному списку согласно ранжиру был Александр Водопьянов из Верхнеуральской станицы, состоявший на службе в 5-м полку. В 1856 г. при генерал-губернаторе графе Перовском, согласно Высочайшему повелению, из Оренбурга в Петербург для службы в гвардии была направлена новая команда из 15-ти казаков, среди которых на третьем месте по списку был Николай Водопьянов из Челябинской станицы, состоявший на службе в 8-м полку.

Общее образование Вениамин Петрович получил в Оренбургской военной прогимназии, военное — в Оренбургском казачьем юнкерском училище (1881—1884 гг.), которое окончил по 1-му разряду и выпущен подхорунжим. Офицерская служба его началась в 1-й Оренбургской казачьей отдельной сотне, а затем проходила в составе второго и пятого Оренбургских казачьих полков. Имея от роду 19 лет и два месяца, произведен в хорунжие. С 1896 по 1898 г. состоял в должности атамана Великопетровской станицы. В 1898 г. произведен в сотники, в 1899-м г. — в подъесаулы. Высочайшим приказом в 1904 году добровольно мобилизован в 7-й Сибирский казачий полк с назначением младшим офицером 2-й сотни. В составе полка пересек границу Российской империи и 4 мая 1904 года вступил в район театра военных действий на станции Маньчжурия. В стычке у Сюяна 29 мая при ранении командира сотни принял сотню во временное командование. 14 июня 1904 года при отступлении на Долинском перевале, выполняя личное приказание генерала Левенстама по обеспечению летучей связи, был ранен ружейной пулей навывлет в левую ступню и пленен японцами. В военных сводках числился пропавшим без вести. Из плена возвратился 16 ноября 1905 г. на прежнее место службы в 5-й Оренбургский казачий полк. За отличие в делах против японцев Высочайшим приказом от 4 августа 1906 г. произведен в есаулы. В чине войскового старшины — с 26 сентября 1913 г. На основании медицинского освидетельствования врачебной комиссией признан не способным к продолжению службы и в 1914 г. уволен на пенсию по состоянию здоровья.

Своей первой наградой, орденом Св. Станислава 3 ст., Вениамин Петрович пожалован 6 мая 1897 года. По представлению Главнокомандующего 16 ноября 1905 года награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами с утверждением Высочайшим Указом от 16 мая 1907 г. 12 мая 1910 года отмечен орденом Св. Анны 2 ст. Высочайшим Указом от 8 декабря 1911 г. пожалован орденом Св. Владимира 4 ст. «За 25 лет».

Женат на дочери отставного подполковника Генриха Яковлевича Ветберга, Лидии Петровне, принадлежавшей к польско-шведской королевской династии Густава Ваза. От брака имел трех сыновей — Георгия, Олега, Игоря и четырех дочерей — Елену, Евгению, Марию, Татьяну. Все дети Вениамина Петровича имели высшее образование и внесли свой вклад в защиту Отечества. Старший сын, Георгий Вениаминович, был участником двух войн: финской и Великой Отечественной 1941—1945 годов. Он командовал 72-м отдельным пулеметно-артиллерийским Ижорским батальоном, являлся лауреатом премии Совета Министров СССР, почетным гражданином г. Колпино. Старшая дочь, Елена Вениаминовна, дороги Великой Отечественной войны прошла военврачом. Младшая дочь, Татьяна Вениаминовна, в 1925 г. окончила Московский государственный университет

по специальности астрономия. С началом войны окончила курсы медсестер при университете и 11 сентября 1941 года добровольцем, как и отец, ушла в Красную Армию. Воевала на Западном фронте в качестве младшей, а затем старшей операционной медицинской сестры 8-й Краснопресненской стрелковой дивизии на рубеже Ярцево, Ельня, река Десна.

Несмотря на сложную жизнь, Татьяна Вениаминовна смогла написать несколько книг и статей по космической астрологии. Это была яркая и одаренная личность.

При подготовке текста дневника к публикации расшифрованы сокращения (заключены в квадратные скобки), сохранены все особенности стиля и орфографии. Авторские подстрочные примечания оговорены.

Владимир Александрович Водопьянов

Введение

В начале русско-японской войны в январе 1904 года было мобилизовано Сибирское казачье войско, но в мобилизованных полках не хватало офицеров до полного штатного состава. Чтобы пополнить этот недочёт, войсковой штаб Сибиряков через штабы других казачьих войск обратился к офицерам с предложением поступить добровольцами в мобилизованные сибирские казачьи полки.

Я, казак Оренбургского казачьего войска в чине подьесаула, предполагая, что наши полки не будут мобилизованы, принял предложение Сибиряков и в феврале в качестве добровольца явился в г. Омск, центр войскового управления. Войсковой штаб определил меня в 7-й полк, в составе которого началась моя походно-боевая жизнь, закончившаяся, к великому моему сожалению, так скоро и так трагически для меня.

5-го мая 7-й полк прибыл в г. Ляоян, где сосредоточивалась наша действующая армия. В это время японцы, завладев западным материковым побережьем Японского моря, наметили для развертывания своей армии три исходных пункта: Корею и в Манчжурии порта Дагушан и Бидзиво³, откуда должно было начаться её наступление тремя группами на Ляоян. Командующий армией г[енера]л Куропаткин, определив план действий Командующего японской армией маршала Оямы, вопреки заветам великого Суворова — «быстрота и натиск», отказался от всяких контрнаступлений и, уступая тем инициативу действий японцам, предпочел ограничивать свои действия пассивной обороной, укрывши свою армию за рядом укреплений, возводимых вокруг Ляояна. С целью оградить армию от всяких возможных случайностей и иметь противника на виду по приказанию Командующего армией были выдвинуты к трем пунктам ожидаемого наступления японцев в виде авангардов три передовых отряда из трех родов оружия, а для непосредственного соприкосновения с противником были высланы передовые конные отряды с конной артиллерией. Восточное направление Ляоян-Дагушан занял передовой отряд ген[ерал]-майора Левенштама. Впереди оперировал конный отряд г[енера]ла Мищенко, в состав которого вошел и наш 7-й полк. 9-го мая мы выступили к месту нашего назначения и после четырехдневного марша через Далинский перевал соединились с отрядом г[енера]ла Мищенко, оперировавшего в окрестностях г. Сюяна.

День за днем мы медленно отходили назад. На всякой удобной позиции отряд спешивался и открывал по наступающим японцам ружейный и артиллерийский огонь и только с наступлением вечера мы располагались биваком. Но в полночь отряд снимался и, соблюдая полную тишину, оставляя костры горящими и прикрываясь ближними разъездами, отходил на новый бивак, ограждая себя этими маневрами от возможного окруже-

ния. В конце мая мы подошли к Далинскому перевалу, который был занят авангардом восточного передового отряда. Здесь боевая деятельность конного передового отряда закончилась. Г[енера]л Мищенко, получил новое назначение, 7-й же полк присоединился к авангарду г[енера]ла Левенстама. К 13-му июня авангард Дагушанской японской армии вплотную подошел к Далинскому перевалу. Наш авангард готовился к бою. Вечером этого дня я получил личное приказание от г[енера]ла Левенстама установить связь между штабом Забайкальской казачьей бригады.

Выйдя к исходному пункту, я с полусотней казаков двинулся в данном мне направлении, расставляя в течение всей ночи посты летучей почты. Наступающий день был для меня роковым.

Часть первая

Подневольное путешествие по маньчжурии

Глава 1. Пленение

С наступлением рассвета 14/27 июня 1904 г[ода] я поставил последний пост летучей почты у подножья громадной сопки Эрдагоу, вершина которой высоко поднималась над окружающей местностью. Она составляла продолжение невысокого горного хребта «Далин», тянувшегося с севера на юг. Этот горный массив служил для нашего передового восточного отряда оборонительной позицией для защиты Далинского перевала.

Она заканчивалась сопкой Эрдагоу, которая таким образом составляла левый фланг обороны. С установкой последнего поста, я выполнил первую часть моей задачи — установить связь между штабом восточного отряда и левым флангом обороны. Предстояло выполнить вторую задачу: войти в личную связь с начальником этого участка и остаться в его распоряжении. Со стороны Далинского перевала доносилась артиллерийская канонада, а за Эрдагоу слышалась частая оружейная пальба. Скат сопки был чрезвычайно крут, от 35 до 40°, и видно было, как по нему сползали группы солдат. Достигнув подошвы горы, они быстро восстанавливали стрелковую цепь и медленно отходили назад. Что же, отступление? Значит установленная связь и предстоящее свидание с начальством является совершенно ненужной и запоздалой мерой? «Но выполнять приказ я все же обязан», — подумал я. В это время ко мне подошел поручик, начальник цепи. «Что это значит, разве мы отступаем? — спросил я его. Да, мы не могли сдержать натиск превосходных сил япон-

П.И. Мищенко

к Далматскому перевалу, который был самым удобным
 для быстрого передвижения в горах.
 Здесь самая удачная точка военного перевала отпра-
 да оказалась. Там Мененко получил письмо из
 Эматини, в котором он просил присоединиться к аба-
 тану с. м. Меленкам.
 К 13-му июня авангард Дурумманской Армии
 Армии Сибирского полка к Далматскому перевалу.
 Вскоре стало ясно, что перевал можно пройти
 от г. м. Меленкам, и стали двигаться в горах между
 горами в горах в горах. Тогда же была узнана
 новая, более удобная позиция у с. м. Арта-
 ну. Ввиду быстрого темпа, а с полусотней
 казаков двинулись в данном направлении,
 расставшись в течение всей ночи почти не
 тугой ночью.
 Наступающий день был для нас роковым.

Страница вводной части дневника В.П. Водопьянова.

цев! — ответил он мне, и, как видите, отступаем. Здесь рота Сибирского Иркутского полка и охотничья команда и, если кто остался в долине за Эрдагоу, то убитые, раненые и почему-либо отставшие. Там же и наш начальник участка капитан Р., но жив он, или погиб, сказать не могу». На этом наш разговор прекратился и он направился к своей части.

Я приступил к выполнению второй моей задачи. Большая часть полусотни казаков, которую я вел, заняла посты, при мне же оставалось не больше 15-ти человек. Чтобы избежать излишних потерь в людях, я оставил их на посту и решил ехать один, бывший при мне трубач Угренинов просил взять его с собой; я не возражал и мы рысью тронулись в дальнейший путь. Дорога огибала подножье сопки и представляла из себя траншею, настолько глубокую, что мой конь совершенно скрывался в ней и только была видна верхняя часть моего корпуса. Вскоре, влево от дороги, раздались сначала одиночные выстрелы, перешедшие затем в учащенную пальбу, очевидно, огонь был направлен на нас, но,

пока что пули пролетали мимо или, срывая ветви с придорожных кустов, впивались в верхний край траншеи. Через полчаса езды, вправо от дороги, открылась узкая долина, языком вдававшаяся в горный массив. С трех сторон она была ограждена крутыми горными скатами. В это время ко мне подошел солдат и на мой вопрос, где их Казак — трубач начальник, указал на груды камней на дне долины. Я подъехал к ней и окликнул, из-за камней поднялся высокий пожилой капитан. Я доложил ему о цели моего приезда. «Все это напрасные запоздалые меры и Ваше присутствие здесь не нужно, можете ехать в свою часть, если это выполнимо», — ответил мне капитан и грузно опустился в свое укрытие.

Я осмотрелся. Положение было безвыходным. Два ската у дороги, по которой я ехал, были уже заняты японцами, и только третий скат, путь отступления наших, был свободен. Скат покрывала сплошная поросль низкорослого корявого дубняка, крона которого непроницаемой завесой нависла над землей. Поросль кончалась, не доходя до гребня шагов двадцать. В это время японские цепи поливали долину свинцовым дождем по участкам с целью уничтожить все живое. Посоветовавшись с Угрениновым, мы решили по скату добраться до гребня и спуститься на противоположную сторону. Спешились и начали свое восхождение. Вскоре трубач Угренинов был ранен, конь его убит и он от меня отстал. Я продолжал свой путь. В полускате конь мой вздыбил, заржал громко и протяжно, как стон, и рухнул на землю мертвым, его сразило сразу несколько пуль. Порывом натянутого повода был выдернут клинок из ножен, я же упал и всего меня охватила смертельная усталость. Тело мое как бы не жило, мысль не работала. Я припал лицом к земле и жадно вдыхал исходящий от неё прохладный воздух. Это меня оживило, я мог встать и двинуться дальше. Наконец, я добрался до гребня, увенчанного длинной скалой, как каменная стена, и только в середине передо мной она была как бы разорвана и образовала трещину, через которую можно было пролезть. Через неё я решил пробраться на противоположный скат, но вход в расщелину был уже занят нашим стрелком, намеревавшимся проделать то же самое. Увидев меня он крикнул: «Не ходите сюда, здесь смерть». В это время пуля пронизала ему горло и он, мертвый, распластался на земле. Очевидно японцы заметили нас и усилили огонь. Жужжание пуль слилось в одну дикую скрежущую какофонию звуков.

Я почувствовал сильный удар по ступне и скатился вниз до первой площадки. Я лежал в каком-то забытьи и, когда открыл глаза, увидел перед собой нашего солдата. Он предложил укрыться в дубняке. С его помощью я подлез под нависшую его крону. Прошло некоторое время, послышался японский говор. Приближалась японская цепь, за ней шли китайцы, несшие на плечах связки ружей, брошенные нашими при отступлении. Как только японцы поравнялись с нашим убежищем, Мартынов, мой телохранитель, очевидно с перепугу, выскочил из укрытия, сдался в плен и выдал меня. Несколько японцев заглянули под крону и, видя мою беспомощность, вынесли на площадку гребня, в стороне от скалы. Итак, я в плену.

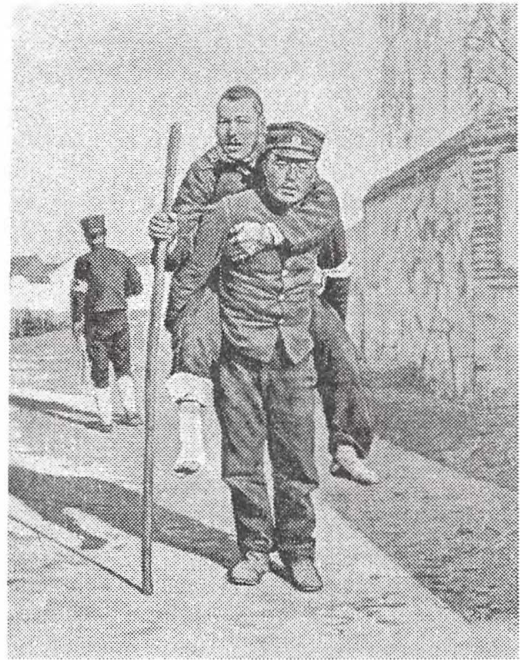
Рана давала себя чувствовать. Ступня ноги сильно ныла. При помощи Мартынова я снял сапог и перевязал рану. Оказалась пробита пятка левой ноги, кость цела, лишь слегка задета пулей. Солнце начало сильно припекать, был десятый час. Стоявший около меня часовой-японец, заметивши на мне часы, с угрожающим видом стал требовать их. Я исполнил его желание, но бывший поблизости японский унтер-офицер, заметив мародерские наклонности своего собрата, с криком подскочил к нему, выхватил часы и возвратил их мне, мародера же заменил другим часовым. Время шло. Я стал наблюдать, как часовой японец, снявши из-за плеч мешок, извлек из него консервную банку, алюминиевую чашку, палочки для еды и сверток, обернутый тряпкой, в котором находился комок отваренного риса величиной в два сложенных кулака — дневной хлебный паек. Он отделил от него в чашку небольшой кусочек, туда же опустил несколько ломтиков мясных консервов, залил все это водой из фляжки и начал завтракать, ловко орудуя своими палочками. При

таким скромным солдатским аппетитом японскому правительству, наверно, недорого обходится содержание своей армии в сравнении с другими государствами. Тем временем японцы начали готовиться к выступлению. За это время на площадку японцами было приведено 20 пленных здоровых солдат. Их выстроили в две шеренги, повернули направо, протянули между ними веревку и привязали к ней кисти их рук. Этот позорный прием указывал, что в сынах Восходящего солнца живут самурайские наклонности былых времен. Для меня хотели устроить носилки, но я категорически отказался от них, не желая обременять пленных своей тяжестью при наступившей жаре. Я вооружился крепкой дубинкой. Нас окружил конвой. Впереди встал начальник конвоя со свернутым флажком в руке. Он взмахнул им и распустил белое полотнище, величиной с квадратный полуметр, с красным кружком в середине — эмблема Восходящего солнца Японии, и мы двинулись в путь по направлению к Далинскому перевалу. Прошел уже час, а мы все шли. Солнце достигло зенита и жгло немилосердно. Все утомились. Наконец конвойный начальник взмахнул флажком, свернул его и колонна остановилась на привал. Японцы принялись завтракать, а мы, пленные, не имея никаких запасов, могли только мечтать об этом. Я вспомнил свой выюк, притороченную к седлу шинель. Все это осталось на спине моего погибшего вороного.

Неожиданно к нам подошел громадного роста китаец, упитанный, с богатой мускулатурой. Он был нагой, только бедра были прикрыты лоскутом. Его темнобронзовая, жирная кожа блестела на солнце. В руках он держал громадный меч с усеченно-расширенным концом. Размахивая им, он принялся ходить перед нами взад и вперед, бросая на нас грозные взгляды и что-то громко выкрикивая, но никто на него не обращал внимания. После непродолжительного отдыха взвился флажок начальника, его полотнище развернулось, и мы двинулись в дальнейший путь. По крутому скату спустились в знакомую мне долину. Несколько дней тому назад здесь был наш бивак, а теперь в разных местах виднелись распластанные трупы наших солдат, погибших при отступлении. Солнце склонялось уже к западу. Впереди, на горизонте показалось облачко. Оно быстро разрасталось и вскоре закрыло все небо. Над нами нависла грозная туча. Полил дождь. После нескольких привалов мы, наконец, достигли к вечеру селения Вандзяпудзы — штаба японского авангарда. Меня ввели в обширный двор и остановили у крыльца богатой фанзы. Вскоре в дверях показался бригадный генерал Кавелура, питомец нашей Академии Генерального штаба. Он отлично говорил по-русски, и задал мне несколько отвлеченных вопросов. Очевидно, вид мой был неважный, моя промокшая гимнастерка плохо грела меня. Он сказал что-то своему адъютанту, тот скрылся в фанзе и вскоре вернулся с рюмкой на подносе. Генерал предложил мне выпить, чтобы согреться. Я не отказался. То был коньяк высокой марки. Затем по его приказанию принесли шинель, снятую с убитого нашего солдата, и набросили ее мне на плечи. На этом закончилась аудиенция. Затем меня отвели в канцелярию, где японский офицер через переводчика хотел допросить меня, но я категорически заявил, что ничего не могу сказать о расположении наших войск, т. к. последние дни находился в разъездах. Начался обыск. Из моего кармана извлекли кошелек, в котором находилось несколько золотых монет. Офицер пересчитал их, опустил в кошелек, но одну монету задержал. Он долго ее рассматривал с явным намерением оставить ее у себя, но я молчал и он неохотно опустил обратно в кошелек, который возвратил мне. Допрос окончился и я, в сопровождении японца, вышел из канцелярии.

Уже темнело. Погода резко изменилась. Небо заволокло тяжелыми тучами. По-осеннему моросил дождь. Тело охватывали сырость и холод. Сопровождающий японец провел меня в глубь двора к небольшому каменному строению — амбару. Внутренность его была перегороджена двумя деревянными заборками с прорезанными посередине входами. В проходе уже находились несколько японцев с переводчиком. Вверху тускло светил фо-

нарь. Я шагнул за перегородку и очутился в сусеке. За мной тотчас же заложили вход деревянными брусками на высоту плеч взрослого человека, что давало возможность для наблюдения часовому. В полумраке я увидел лежащих на полу восемь человек, закутанных в шинель, — то были пленные офицеры. При моем входе они встали. Началось знакомство, пожатие рук. Все были голодными. Мы решили по случаю встречи поужинать. Нам не стоило больших трудов уговорить переводчика закупить какой-нибудь снеди, снабдили его деньгами и он ушел. Все мы оживились, завязался общий разговор на тему о пережитых нами за эти последние дни злоключениях. Даже один из пленнх с погонами подполковника запел какой-то романс, и пустота амбара наполнилась звуками приятного сильного баритона, но стоявший у загородки часовой грозно рявкнул на него, показывая на гитик, давая этим понять певцу, что петь нельзя. Сконфуженному подполковнику пришлось замолчать. В это время вернулся переводчик и передал через загородку лепешки, вареные яйца и чайник с кипятком. Голодные, мы с большим аппетитом принялись за ужин. Для меня это была первая еда за весь прошедший день. После ужина мы закутались в шинели и растянулись на полу, плотно прижавшись друг к другу, чтобы сохранить теплоту. Утомленные длительным переходом, мы скоро уснули крепким сном.

Японский санитар.

Глава 2. Переход от Вандзяпудзы до Сюяна

15—17 июня. Наступило утро следующего дня. Нас вывели из амбара на широкий двор, где были уже собраны пленные нижние чины; число их значительно увеличилось до 50-ти человек. Они стояли небольшими группами, понурые, тихо переговариваясь о чем-то между собой. Показались несколько японцев с корзинами в руках. Они подходили к каждому пленному и наделяли его одним коlobком отваренного риса, завернутого в тряпку. Дали и нам, пленным офицерам. Я попробовал кусочек, оказалась какая-то отвратительная снедь. То был рис, он отваривается у них без соли, её заменяет стебель какой-то морской травы, положенный в рис, на вкус горький, терпкий, с дурным запахом. Все мы офицеры, а также некоторые нижние чины отказались от такого угощения. Мы хотели уже вернуть наши порции, но к нам подошел пленный солдат могучего телосложения, и попросил отдать ему наши коlobки. Получивши 9 наших порций, прибавив свою десятую, он отошел от нас в сторону и начал их уплетать с большим удовольствием. Покончив с ними, он самодовольно улыбнулся, разглаживая свой набитый живот. Мы были поражены его аппетитом, японцы же положительно пришли в ужас от его обжорства. Завтрак окончен. На двор вступил усиленный конвой. Пленные построены в две шеренги. Появилась позорная веревка и началась процедура привязывания руки. Мы громко высказывали протест против варварского обычая, но японцы не обратили на это никакого внимания.

Все восемь офицеров, кроме меня, были здоровы, поэтому должны были идти пешком, но их не коснулась позорная веревка. Меня усадили на арбу-платформу. Смешно было смотреть на упряжку этой допотопной колесницы. В нее были впряжены пять разнокалиберных животных, в корню корова и лошак, в уносе 3 осла, все они были привязаны на длинные веревочные постромки. На передок арбы взгромоздился китаец с длинным хлыстом. Кортёж был готов к выступлению. Но тут вышел курьезный казус. Наш переводчик раздобыл где-то казачьего оседланного конька, с трудом взгромоздился на него, но как только опустил в седло, маштак сделал козла, поддал задом и злополучный наездник очутился на земле в грязи, а маштак повернулся кругом, и, задравши хвост трубой, помчался полным корвером разыскивать своих товарищей. Конвой занял свои места, взвился развернутый флаг в руках начальника, и мы двинулись в путь. Наша арба поплыла по грязи. Несчастные животные с трудом ее волокли. Несъезженные, они часто путались в веревках, приходилось останавливаться распутывать их. Возница, махая своим хлыстом, кричал, ругался, но это нисколько не ускоряло нашего движения, скорость которого не превышала двух километров в час. Пешая партия опередила нас и вскоре скрылась из вида. Арба двигалась, сопровождаемая конвойным взводом. Нам часто приходилось переезжать через бурливые потоки, арба с трудом преодолевала эти препятствия, японцы же смело переходили вброд, не обращая внимания на глубину. Так мы двигались весь день, делая частые остановки, и только к полуночи достигли ночлега. Моя колесница остановилась у фанзы, вход в которую был освещен фонарями. Изнутри, через раскрытую дверь, слышался громкий разговор и веселый смех. Из фанзы вышло несколько японских офицеров. Они окружили меня и, подогретые вином, стали громко что-то мне говорить. Переводчик перевел мне: «Вас приветствуют г[оспода] офицеры и сожалеют, что я не поспел к их ужину, но все же они вам оставили часть курицы». Офицеры удалились из фанзы. Ко мне подошел японец и подал мне тарелку с куриной ножкой, но тщательно обглоданной. Я возвратил ему его приношение, и арба двинулась вглубь двора. Мы подъехали к небольшому сараю. Я вошел в отведенное мне помещение. За мной тотчас же затворилась дверь, щелкнул замок, и я остался один в пустом сарае. Чувствовался сильный голод. Я завернулся в свою мокрую шинель, растянулся на полу, несмотря на охватившую меня сырость, от утомления скоро уснул. Рано утром я проснулся. Через дверные щели проникал слабый свет. Я рассмотрел свое узилище, стены которого были грубо расписаны углем изображениями голых мужчин и женщин в безобразных эротических позах. Мои наблюдения были прерваны щелканьем отворяемого замка. Распахнулась дверь и в сарай вошел казачий офицер одного со мной войска. То был хорунжий У. Я не был с ним знаком, но несчастье сроднило нас, и мы крепко обнялись. Начались рассказы о пережитых нами несчастиях. В это время вошел японец и подал на тарелке какое-то мясо, пояснив, что это курица, но нам показались подозрительными ее кости, похожие скорее на кости кошки. Не прикасаясь к кушанью, мы возвратили его японцу. По нашей просьбе переводчик купил кое-какой снеди и мы позавтракали. Через некоторое время в сарай вошли конвойные, которые вывели нас на двор, где было все готово к выступлению. Число пленных нижних чинов значительно увеличилось. Они стояли попарно гуськом и их руки были привязаны к веревке. Состав офицеров был тот же, они стояли в стороне. Взметнулся флажок, кортеж двинулся в путь и без особых приключений к вечеру ... вступил в Сюань.

Глава 3. Три дня в Сюане

18—20 июня. Г[ород] Сюань являлся этапным пунктом японской армии. В нем имелся громадный госпиталь и продовольственные склады. За последние дни у меня разболе-

лась нога и я об этом заявил переводчику. По приезде в Сюян меня прямо доставили в госпиталь. На носилках перенесли в отдельную комнату и уложили в постель. Явились несколько сестер милосердия, доктор, который тщательно перевязал мою ногу. На утро я был перенесен в операционную. Вскрыли образовавшийся на ране нарыв, аккуратно перевязали ногу и отнесли обратно в постель. В таком состоянии я пролежал два дня. Утром на третий день ко мне явился переводчик и предложил мне присутствовать на панихиде по умершему пленному солдату Иркутского полка Урасову. Такое предложение меня заинтересовало, больная нога меня особенно не беспокоила и я выразил свое согласие.

Я вышел на госпитальный двор. У стены пристроен был небольшой навес, под которым возвышалось подобие алтаря, уставленного бронзовыми божками, колокольчиками, светильниками и другими религиозными атрибутами. Подле алтаря на скамейках стоял гроб с усопшим Урасовым. Он был одет в новую мундирную пару и в сапогах. Явился бонза (буддийский священник), он облекся в парчевую ризу, напоминающую нашу фелонь, на голову одел светложелтый колпак из тонкой шелковой материи. Началась панихида. Бонза заунывно пел, бормотал какие-то молитвы, звонил в колокольчики. Издали доносился приглушенный звон гонга. Через полчаса вся эта комедия окончилась. Гроб подняли и, в сопровождении бонзы, похоронная процессия направилась через ворота на кладбище, которое примыкало к госпитальной стене. Гроб установили на край могилы. Кладбище занимало невысокий холм, по скату которого виднелись могильные бугорки. Вершину холма венчала братская могила, где были погребены, как пояснил переводчик, сорок японских солдат и командир батальона, погибшие в бою с казаками 29-го мая под Сюяном.

Эта дата напомнила мне первое боевое крещение полка, в котором я служил. В этот день наш полк, состоявший в передовом отряде г[енерал]м[айора] Мищенко, выступил по направлению к Сюяну для производства глубокой разведки в тылу противника. Полк прошел несколько верст, как вдруг с ближайших сопок раздалась ружейные залпы. Очевидно японцы узнали о нашем движении и устроили в этом месте засаду. Эта неожиданность явилась вследствие того, что головной отряд, прикрывавший наше движение, ошибся в направлении и при раздорожье уклонился влево, оставив настоящий путь следования полка открытым и неразведанным. С первого же залпа был убит командир полка войс[ковой] стар[шина] С., ранены: его помошник войс[ковой] стар[шина] В., мой командир сотни есаул Т. и несколько нижних чинов. Произошло некоторое замешательство. Потребовалось значительное время, пока полк перестроился из походного порядка в боевой. Наконец, часть сотен спешила, заняла боевую позицию. Завязалась перестрелка. На выстрелы из главного отряда прискакал артиллерийский взвод забайкальской конной батареи, быстро занял позицию и открыл по противнику шрапнельный огонь. Японцы, не имевшие артиллерии, не выдержали нашего меткого огня и, после двух часового боя, понесли значительные потери в людях, отступил к Сюяну. Памятником этому событию у японцев служит братская могила на Сюянском кладбище.

Между тем гроб все еще стоял на краю могилы. Японцы о чем-то между собой переговаривались, наконец, переводчик заявил мне, что они похоронят Урасова без меня, и предложил возвратиться в госпиталь. Из этого я понял, что японцы ждут моего ухода, чтобы раздеть покойника и нагим бросить в могилу. В сопровождении конвойного я отправился в свое помещение, представляя себе ту отвратительную сцену, которая происходит на кладбище. Утром следующего дня я оставил госпиталь. Меня усадили на арбу и я присоединился к партии пленных, которая уже выступила по дороге на Дагушан, — конечную цель нашего подневольного путешествия по Маньчжурии.

Продолжение следует.

Б. М. Михайлов

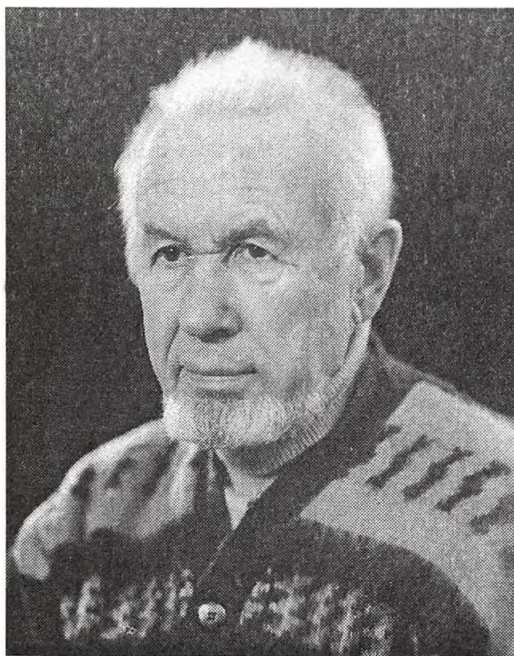
На дне блокады и войны

Воспоминания, с которыми мы хотим познакомить наших читателей, принадлежат перу известного российского геолога, главного научного сотрудника ВСЕГЕИ, доктора наук, профессора Бориса Михайловича Михайлова.

Б. М. Михайлов родился в 1925 г. в Ленинграде, в знаменитом «Кировском» доме на Кронверкской. Когда началась Великая Отечественная война, Борис Михайлович начал работать в качестве подручного печатника в литографии. А затем — блокада, страшная первая блокадная зима... На грани дистрофии летом 1942 г. юношу эвакуировали через Ладогу. Оказавшись в Казахстане, еще не оправившись от пережитого ада, Б. М. Михайлов устроился работать паровозным кочегаром. В 1943 г. он был призван в армию, окончил Термезское стрелково-минометное училище и был отправлен на фронт. С боями прошел по дорогам Молдавии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии. День Победы он встретил в дивизионном медсанбате после очередного ранения, будучи гвардии лейтенантом — командиром звзда противотанковых пушек.

После войны Борис Михайлович экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости, окончил геологический факультет Ленинградского университета и связал свою дальнейшую судьбу с геологией. За его плечами — более сорока полевых сезонов в различных уголках земного шара, множество открытых месторождений бокситов, железных руд, титановых россыпей... Он автор десяти монографий и более двухсот научных статей.

Будучи участником драматических событий полувековой давности, фронтовиком-орденоносцем, председателем Совета Ветеранов ВСЕГЕИ, Б. М. Михайлов занимается общественной, литературной деятельностью. Отрывки из его блокадного дневника в 1990 г. напечатал журнал «Сельская молодежь».

Б. М. Михайлов

Публикуемые ниже страницы воспоминаний являются своего рода преамбулой к обширной рукописи, с которой мы намереваемся познакомить читателей в последующих номерах «Нового Часового».

Я верю, все это пройдет. К тому времени — уже в XXI веке мое поколение уйдет в небытие и правдивые рассказы очевидцев суровых тридцатых — сороковых годов займут место среди исторических раритетов.

Я помню. Много помню о давно минувшей предвоенной жизни. Она была совсем непохожей на ее мертвые стереотипы, созданные писателями-«очевидцами». По-своему помню и тридцать седьмой год, как «все это было», а:

Это было, когда улыбался
Только мертвый — спокойствию рад,
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Уже шли осужденных полки,
И тревожную песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звезды смерти стояли над нами
И невинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

(А. Ахматова)

Было это 60 лет тому назад, 4 марта 1937 г. Мне исполнилось 12 лет. 5 часов вечера. Улица Скороходова на Петроградской стороне. Недалеко от Кировского проспекта на правой ее стороне издали виден красивый в стиле модерн дом — бывший особняк князя Горчакова, где сегодня помещается ЗАГС Петроградского района. Чуть наискосок еще не так давно стоял неказистый трехэтажный дом 17-го отделения милиции. В 1937 г. коридор второго этажа этого отделения, если повернуть налево, упирался в тяжелую обитую оцинкованным железом дверь просторного кабинета. В кабинете — стол с зеленым сукном. За столом — большого размера военный с двумя «шпалами» в петлицах — майор. Меня, зареванного и униженного после допроса и двухчасового содержания в примыкающем к кабинету темном чулане, снова допрашивает майор:

— Говори, кто тебя послал фотографировать дом? Этот? Этот?

Через пелену слез я смотрю на шевелящиеся в его руках фотографии незнакомых мужчин и реву.

— Пока не скажешь — не выпущу! Сдохнешь в карцере! Сядь! Встань!

Милиционер больно дергает меня за шиворот. Сквозь слезы я слышу за дверьми женский крик. В кабинет, отталкивая милиционеров, вбегает мама. Плача, она падает на колени, ползет к майору и пытается целовать руку. Майор отталкивает ее.

— Единственный сын! Отпустите!.. Видит Бог, он не виноват!.. Всю жизнь буду молиться за вас!..

(До нас с сестрой Ниной у мамы было еще трое детей, но все они умерли в голодовку восемнадцатого-двадцатого годов).

— Заставь своего выродка признаться. Пусть скажет кто, отпустим.

И снова у меня перед глазами мелькают безликие на одно лицо фотокарточки 9×12.

— Ну, сынок, ну скажи, тебе ничего не будет!

Мама прижимает меня к себе. Появляется еще милиционер. Меня вырывают из маминых рук, и я уже реву во весь голос. Я не знаю, что мне говорить, что от меня хотят:

— Дядя! Я больше не б-у-ду!

Мне страшно еще и потому, что мы — мелюзга огромных коммунальных квартир — наслышаны друг от друга и от взрослых про разные «страсти-мордасти», как ночью приезжают «черные маруси», забирают из квартир женщин и увозят их куда-то, где они всю ночь моют полы, залитые кровью, как ловят и расстреливают шпионов. В Александровском парке мы пугливо обходим наглухо заколоченные двери павильона «Грот» (недалеко от памятника «Стережущему», сегодня там кафе «Грот»). Мама рассказывала, что в восемнадцатом году там расстреливали буржуев, а сейчас по ночам расстреливают шпионов. Недавно в темном коридоре нашей квартиры на дверной ручке повесился работавший в Смольном сын старой алкоголички — «Бухводички». Говорят, «допился до чертиков». Мы — квартирные огольцы, пугаем друг друга этими чертями и со страхом обходим ту ручку...

Да, так за что же меня забрали в милицию?

Этот день, как и большинство ребячьих дней рождения, начинался радостно. Мама подарила мне давно обещанный фотоаппарат «Пионер» со штативом и кассетами 6×9. Мы с квартирным другом Юркой сразу выскочили на парадный двор, расставили штатив, я накрылся черной тряпкой, протянул руку «Юрка, давай кассету!» Тут меня кто-то больно схватил за запястье и завернул руку за спину: милиционер! Рядом с ним сыщик! Мы фотографировали «секретный объект» — дом, в котором жили не только мы, но также партийное и советское руководство Ленинграда!

Юрка смылся и, петляя по дворам, через черный ход вернулся в квартиру:

— Борьку взяли!

В квартире начался переполох. На кухне затопили печь и жгли «крамольные» книги. Ждали обысков и арестов. Но моя «сорочка» все уладила. Мы с мамой благополучно вернулись домой.

Теперь, читатель, остановись на минутку на углу Кронверкской и Большой Пушкинской около нашего дома 23/59. С него, чуть погодя, начнутся мои рассказы о Блокаде и о Войне. А пока что несколько слов о доме, ибо он этого стоит.

Наш дом

Наш дом — ленинградский аналог московского «Дома расстрелянных» («Дома на набережной»).

Наш дом огромный. Скорее это не дом, а жилой квартал, занимающий территорию между Кронверкской улицей и Кировским проспектом, где значится под № 26/28. Дом построен в 1913—1914 гг. Российским страховым обществом по последнему слову тогдашней техники. Он имел автономные электро- и радиостанции, котельную, паровое отопление, лифты красного дерева, во все квартиры подавалась холодная и горячая вода, кухни были снабжены холодильными камерами и невиданными до войны газовыми плитами. На парадных лестницах дежурили швейцары и лежали ковровые дорожки. Отдельные квартиры площадью по 200—300 кв. м заселялись чиновниками высшего ранга. Например, наша 35-я квартира принадлежала члену Государственной думы Раевскому — отцу известного пушкиниста Раевского, в 60—70-е годы написавшего «Когда портреты заговорят» и «Портреты заговорили». Весной 1920 г., как рассказывала мама, в нашу квартиру позвонил высокий худой юноша и просил со слезами: «Мне ничего не надо, разрешите взять только мою библиотеку, мои книги...». Новые жильцы — рабочие завода «Крас-

ногвардеец» и рады были бы отдать книги, но они все уже «сожглись» в огромной коммунальной плите на кухне — единственном теплом месте квартиры, ибо в зиму 19—20 гг. паровое отопление в доме не действовало.

После революции чиновники исчезли, а их апартаменты на верхних этажах плотно заселили рабочие заводов Петроградской стороны: Логензибена, Михельсона, Кибеля, Макса Гельца, Печатного двора и др. В бельэтаж же въезжала сформировавшаяся к началу 20-х годов партийная и советская элита. По нашей лестнице на двери кв. 26 (второй этаж) я помню долго висевшую медную дощечку: Зиновьев Григорий Евсеевич (с ноября 1917 по март 1926 г. бывший «мэром» Петрограда—Ленинграда. Расстрелян в 1936 г.). Этажом выше в кв. 28 жил революционер Цыперович, успевший вовремя (в 1932 г.) умереть, и поэтому с почестями похороненный на Поле жертв Революции.

После того, как исчез Зиновьев и умер Цыперович, наша 3-я парадная, расположенная в правом («плебейском») крыле дома, захирела. Из вестибюля исчезло огромное зеркало, с парадного марша — ковровая дорожка, из дворничкой — большая семья швейцара. Парадные же левого крыла, а также соседнего дома № 21 постепенно стали возрождать дореволюционный лоск. Там заработали лифты, вновь появились зеркала и ковры, а входящих с поклоном встречал швейцар в золоченой ливрее. По обе стороны Кронверкской прохаживались «сыщики» и дежурили милиционеры. Именно у этих парадных в 37—39 гг. чаще всего по ночам скрипели тормоза «черных марусь». Из нашей половины дома взрослые со злорадным любопытством и страхом смотрели на внезапно пустевшие квартиры советских «нуворишей». Но «свято место пусто не бывает», и вскоре там на окнах появились кружевные занавески новых хозяев, неведомыми путями пробиравшихся к лакомоту пирогу. Вряд ли кто-нибудь из них переезжал в наш дом с мыслями о всеобщем равенстве, братстве и социализме, не говоря уже о коммунистических идеалах. Там «правила бал» кровавая борьба за власть. В разные годы в нашем доме поселялись и уезжали на расстрел практически все довоенные «мэры» Ленинграда: И. Ф. Кадацкий (1930—1937, расстрелян в 1938 г.), В. И. Шестаков (1937, расстрелян в 1938 г.), А. Н. Петровский (1937—1938, расстрелян в 1939 г.), П. С. Попков (1939—1948, расстрелян в 1950 г.), П. Г. Лазутин (1948—1949, расстрелян в 1950 г.).

Я хорошо запомнил фамилию Прохоров.

В 1938 г. это был высокорослый холеный оболтус-новичок, появившийся в нашем 5-г классе 5-й школы Петроградского района (угол пр. Карла Либкнехта и ул. Красных Зорь). Его отец получил в очередной раз освободившуюся в нашем доме квартиру с балконом на третьем этаже, прямо над 8-й парадной (кв. 108). Мы подсматривали из-за угла, когда Прохоров возвращался из школы, швейцар в ливрее вставал и распахивал перед ним двери. Вскоре Прохоров исчез.

В книге «На Аптекарском острове», посвященной истории завода «Красногвардеец» (Ганчиев, 1967) на стр. 177 упоминается «революционный вожак заводского партийного коллектива, в 20-е годы председатель райсовета Петроградской стороны Сергей Прохоров». Не этот ли Прохоров, пововаев с басмачами и кулаками, в середине 30-х вернулся к родным пенатам, чтобы быть здесь расстрелянным? А что это было именно так, опосредованно свидетельствует мемориальная доска на нашем доме и информация, помещенная в «Огоньке» (№ 40 за 1989 г.). Из этих материалов следует, что в 1939 г. в квартире 108, где раньше жил Прохоров, поселился председатель Исполкома Ленгорсовета Попков, который и жил там до ареста и расстрела в 1950 г. Для них путь из нашего дома был один — арест, тюрьма, лагерь или расстрел.

Возможно, Прохоров-отец сейчас реабилитирован, а Прохоров-сын получил все «льготы невинно пострадавшего». Все может быть. Прохоровы, появляясь «из грязи в князи», первым делом окружали себя подхалимами и отгораживались ливрейными дер-

жимордами от недавно себе подобных людей. А этих людей я тоже помню: бежавшие от голода из деревень в рваной, много раз латаной одежде из «чертовой кожи», в «колодках» (брезентовые ботинки на деревянной подметке), они мостили булыжником под асфальт нашу Кронверкскую. Асфальт варили в больших круглых котлах, вмонтированных в печи, а потом укатывали паровыми катками, а чаще вручную, впрягаясь в каток, как бурлаки на Волге.

Двадцать два двора нашего дома — это целый мир. Особенно мы любили нашу «девятку», куда выходили черные лестницы квартир правого крыла дома и окна коммунальных кухонь. «Девятка» в те годы чаще других дворов становилась сценой для концертов бродячих музыкантов, шарманщиков с попугаями и свинками, циркачей с обезьянками, цыган с медведем, закованным в цепь и др. Тогда открывались окна всех шести этажей и дом смотрел, слушал, хлопал в ладоши, а потом по мере возможности зрителей и таланта артистов одаривал их завернутыми в бумажку или тряпочку медяками.

Регулярно наведывались сюда и мастеровые точильщики, стекольщики, паяльщики и др., а также обязательный в те годы «шурум-бурум» — огромный с редкой бородой страшный татарин-старьевщик. Он вывозил на середину «девятки» большую тележку и громовым голосом кричал: «тряпкипосудупокупамразныйшурумбурум!», а потом ходил по квартирам. Большая передняя нашей квартиры при появлении старьевщика превращалась в страстную барахолку. Хозяйки на все лады, не стесняясь, чихвостили «басурманататарина», который обкрадывает их и за бесценнок скупает еще совсем хорошие вещи. А он молча и деловито перебирал обноски и устанавливал цену. Мы в это время болтались между ног мам и бабушек, выклянчивая тяжелые темно-медные пятаки «на ириски». Маковые ириски (на копейку пара) продавал китаец, сидевший около будки дворника Николаича. Будка стояла у калитки в парадный двор, который на ночь закрывался большим ключом. У китайца был большой лоток, где кроме ирисок магнитом притягивали нас яркие бумажные вееры, растягаи и прочие ребячьи ценности. Николаич, естественно, был нашим злейшим, но по сути дела добрейшим врагом. Его метла часто прохаживалась по нашим тощим задницам, и когда, я помню, бабушка при регулярных коммунальных перебранках считала целесообразным кого-то из оппонентов отправить к Николаю Чудотворцу (известная в Петербурге психиатрическая больница), то мне это представлялось: «К Николаичу дотворцу» — страшнее кошки зверя нет.

Раннее-раннее утро в доме начиналось с прихода тяжело нагруженных бидонами молочниц-чухонек. Молоко на телегах привозили из Парголово. Там жили «чухны-парголовские». Потом начинали гудеть заводы: подъем! (ведь часы в те годы были редкостью). Каждый гудел по-своему. Первой визгливым дискантом нарушала тишину «Дунькина фабрика» — завод Кулакова, чуть позже — басил «Светоч». Нас мама не будила до третьего гудка Дуньки (она первая начинала работу). Те же заводы все вместе гудели в «минуту молчания» — день памяти Ленина. Тогда на улицах останавливались трамваи и замирали прохожие. Следили за этим строго. Но этот ритуал продержался недолго, ибо преемнику Ленина было не до него.

Туманно, но помню, как на масленицу из окрестных деревень приезжали чухны на вейках — впряженных в розвальни и разукрашенных цветными лентами низкорослых чухонских лошадаках. Мама катала нас с Ниной, крепко прижимая меня к себе (вероятно, мне было лет пять, не больше). Стоило катание «рицать копек».

Наша рабочая петербургская семья попала в «дом на Кронверкской» в 1918 г. на волне «экспроприации экспроприаторов», поскольку мама в то время работала на «Казенном заводе медицинских приготовлений» (потом завод «Красногвардеец»), а отец воевал где-то на севере в составе Петроградского рабочего батальона. Предки бабушки когда-то пришли в Петербург из Галича на поденную работу и довольно быстро поднялись до уровня

известных на Васильевском острове строительных подрядчиков. В 17 лет бабушка сбежала из дома с «соблазнителем», который вскоре запил. Пошли дети. Нужда гоняла семью с места на место и, наконец, опустила в городскую клоаку — Новую Деревню, в то время полуцыганское сплошь деревянное и непролазно-грязное поселение на правом берегу Черной речки. Дед работал на заводе Логензибена, был «закладным пьяницей» и прихожанином Сампсониевской церкви. Пьяницы делились на три категории: «закладной», «записной» и «горький пропойца». Церковь, как могла, боролась с пьянством. Закладной пьяница — тот, кто добровольно (или по настоянию жены) приходил в церковь, писал на бумажке обязательство перед Богом не пить неделю—две и закладывал записку за икону. Безграмотные — могли записаться в специальную церковную книгу (записной пьяница). Как рассказывала бабушка, дед выдерживал срок, но потом наступал запой. «Горький пропойца» — это уже полное горе семье.

Среди родителей и предков отца в основном выделялись нижние чины царской армии. Кто-то имел Георгиевский крест за Шипку. Все они были прихожанами Сампсониевской церкви.

Если по маминой линии, кроме русских, в роду никого не было, то про отца этого не скажешь. Были там украинцы, белорусы и даже чухны. Как рассказывал отец, родители на все лето отправляли его к бабке-чухонке из-под Нарвы. Там деревенские русские ребята дразнили его:

Митэ сана перккала
За веревку тэркала,
А веревка оборвалась,
Митэ сана ...

Мама, после окончания двух классов Новодеревенской каменной школы, построенной народниками для детей Новой Деревни, была отдана «в услужение» богатому дяде, убежала от него, помогала бабушке «стирать господское белье», в семнадцать лет пошла работать в литографию Кибеля (угол Кронверкской и Ружейной, сегодня — 2-я офсетная). Судьба ее как будто списана с песни тех времен:

На окраине, где-то в городе
Я в рабочей семье родилась,
И девчонкою горемычною
На кирпичный завод нанялась.
.....
Тут пришла война буржуазная
Озверел и озлился народ,
И по камешкам, по кирпичикам
Разобрали мы этот завод ..

Ну, кажется хватит, пора переходить к войне. Или нет. Расскажу еще один эпизод из жизни нашего дома — и все.

Мне, вероятно, лет 6—7. Киров еще жив. Он живет в нашем доме, но со стороны ул. Красных Зорь, 26/28. Часто все ленинградское начальство после работы на машинах подъезжает к дому 21 по Кронверкской и оттуда Киров идет в сопровождении нескольких человек к себе через проходные дворы, т. е. через наш мир. Огольцы постарше договариваются, кто будет выпрашивать у Кирова «на конфеты», а то и «на хлеб». В те годы попрошайничество, по крайней мере в нашей среде, не считалось зазорным. Жили мы небога-

то: булка — только к чаю (один батон или хала на всех), сахар — по выдаче каждому и т. д. В нашей семье были бабушка, мама, сестра и я. Киров давал. Среди нас ходил рассказ, как Киров однажды дал «целый рупь». Я обычно оказывался на задах дворовой компании, но все же однажды, осмелев, пристроился к идущей группе «начальников», выбрал среди них Кирова (который повыше и поважней), забежал сбоку и с замиранием сердца выпалил: «Дядя Киров, дай рупь» — «Пшел вон отсюда! Какой я тебе Киров!» Настоящий Киров то ли шел впереди, то ли его вообще не было. Мое знакомство с Кировым, к сожалению, не состоялось.

На выпрошенные деньги мы покупали «сен-сен» в аптекарском магазине на Большом, рядом с булочной «У Лора», а когда «фартило», то и монпансье у «Иван-Иваныча» (продуктовый магазин наискосок от Лора).

Хотел на этом кончить. Но, коль скоро рассказал о неудачном знакомстве с Сергеем Мироновичем, то волей-неволей просится на язык поведать о его соратниках — других жильцах нашего дома, а точнее, той половины, где селились и, не задерживаясь долго, убывали в небытие партийные и правительственные «отцы города» 30-х, 40-х и 50-х годов.

Большинство из них репрессировано и расстреляно, т. е. проиграло в свирепой борьбе за власть. Но все, кто больше, кто меньше успевали вкусить свою толику «сладкой жизни», царившей в левой половине «дома на Кронверкской» и сохранявшей комфорт и роскошь ее первых обитателей.

«Только в 49—50 годах в Ленинграде арестовали и осудили к смертной казни и длительным срокам тюремного заключения более 200 партийных и советских работников, а также их близких и дальних родственников» (Бережков, «Внутри и вне “Большого дома”», 1995). Я не удивлюсь, если узнаю, что многие из них жили в нашем доме.

Итак, кто же они — ныне реабилитированные временные жильцы нашего дома — эти политические однодневки времен сталинских репрессий? Сегодня, после чтения хлынувшей на страницы газет и журналов «разоблачительной» публицистики, я бы поделил их на три не совсем равные «половины».

ПЕРВАЯ «ПОЛОВИНА» — революционеры царских времен. Люди одержимые, идеалисты, шедшие на каторгу ради воплощения своих благородных в основе идей создания общества всеобщей справедливости и благоденствия. Эти революционеры, глубоко веря в силу человеческого разума, способного покорить и преобразовать Землю, творили по принципу: «Не ждать милостей от Природы! Взять их — наша задача!». А многие: «Железной рукой заставить людей войти в социализм!» Только сейчас на восьмом десятке жизни нашего общества для советских людей наступает прозрение: человечество — часть Природы, и переделать его столь же сложно, как изменить среду нашего обитания, точнее говоря, — невозможно. Все созданные до сих пор умами человеческими теории различных «социализмов» (от утопического, через национал-социализм до «перестроечного»), находятся в вопиющем противоречии с естеством человека и поэтому обречены на гибель. В это не могли поверить революционеры-идеалисты, в это до сих пор не хотят верить марксисты-материалисты.

В конечном счете, революционеры царских времен, захватив власть в семнадцатом году и сев в министерские кресла, перегрызлись в борьбе за право создать общество по своему идейному замыслу, и к середине 30-х годов один за другим, каждый по-своему, ложились на илистое дно Леты.

ВТОРУЮ «ПОЛОВИНУ» составили люди, пришедшие к власти на гребне революционного вала. Это пена революции. У них не было светлых идей подвижников-революционеров. Перед глазами маячила лишь ненасытная жажда денег и власти. Как правило, они выходцы из беднейшего крестьянства — батраки и бедняки, либо деклассированные

люмпен-пролетарии. Заняв места царской элиты, никто из них уже не хотел возвращаться назад в беспросветную деревенскую бедность. Да и не могло быть этого возврата. Отказ от борьбы при создавшейся системе означал отказ от жизни. Платить приходилось дорого: предавали матерей, отцов, детей, жен, по первому приказу рвали на части друзей, лизали задницы палачам... Ничего святого!.. Бога нет!.. Оставались лишь животные чувства пищи и секса («сладкой жизни»).

Может быть, я сгущаю краски?

Как-то мне попались на глаза воспоминания двоюродной внучки Николая Чаплина — Генерального секретаря комсомола СССР (тоже одно время жившего в нашем доме), опубликованные в журнале «Смена» (№ 15, 1988). Его судьба характерна для второй «половины», поэтому я позволю себе несколько подробней остановиться на ней.

Николай родился в 1902 г. в семье многодетного священника из захудалого прихода Смоленской епархии. В 1917 г., бросив учебу в реальном училище Смоленска, он «с головой ударился в революцию». Вскоре пришла головокружительная карьера: в 20-м году — председатель Смоленского комитета комсомола, в 21-м — секретарь губкома в Тюмени, оттуда Николай был направлен в Москву секретарем «Цекамола», в 24-м году — он уже «Первый», а затем — Генеральный секретарь Комсомола.

В 1928 г., как «скромно» пишет внучка, Чаплин «простился с комсомолом, с друзьями, определился на торговое судно и помощником кочегара отбыл в Европу» (Черт-те что! Это Генеральный-то секретарь ВЛКСМ!). Кочегарство, вероятно, не подошло Николаю, и в начале 30-х годов он становится Председателем Всекопита СССР — как пишет внучка, «руководит общественным питанием страны». Как неудавшийся кочегар «руководил», свидетельствуют сегодня обнародованные архивные материалы о гибели в 1931—1932 гг. от голода миллионов (!) его сородичей.

В 1932 г. Киров сказал: «В Ленинград скоро приедет отличный работник». И «в огромном доме на Каменноостровском проспекте (это все тот же наш дом — Б. М.) поселился Николай Чаплин — начальник политуправления Мурманской ж. д.».

В июне 1937 г. уже Сталин сказал: «Пора тебе, Чаплин, выходить на большую дорогу». Через несколько дней этой дорогой оказался путь на Лубянку, куда его — начальника Юго-Восточной ж. д., доставили ночью 29 июня 1937 г. и вскоре там же расстреляли...

В восемнадцать лет Чаплин писал: «Я горы готов свернуть». И он, действительно, «ворочал горы», не замечая, а, может быть, и не думая о гибели миллионов людей, населявших их. Не хочу, но иногда ловлю себя на крамольных мыслях: а что было бы, если б Сталин периодически не отправлял на тот свет зарвавшихся нуворишей? Ну, может быть не надо было их расстреливать, но изолировать от общества социально опасных монстров, подобных Чаплину, Жданову, Кузнецову, Ежову, Попкову и иже с ними, безусловно было необходимо. Пусть бы «ворочали горы» Верхоянского хребта на Колыме, Яне, Индигирке. Ан нет, их, как мух клейкая бумага, манили к себе апартаменты «большого дома на Кронверкской».

Сегодня чаплины — герои. Они — «невинно пострадавшие», репрессированные. На памятник им в банке России открыт счет. По обе стороны нашей 3-й парадной дома 23/59 по Кронверкской улице повесили мемориальные доски в честь никогда не живших в ней Попкова и Кузнецова, «белые одежды» которых залиты кровью полутора миллионов действительно невинных младенцев, детей, женщин, стариков, голодом умерщвленных в блокаду. Подумать только, что же творится? Царь Ирод, издавший указ об умерщвлении нескольких десятков младенцев, появившихся на свет в день рождения Христа, стал именем нарицательным, а этих нелюдей возводят в ранг героев!! Но об этом мои рассказы впереди.

ТРЕТЬЮ «ПОЛОВИНУ», также весьма многочисленную, составляют сородичи первой и второй. Эти не менее азартно играли в кровавые игры сталинизма, но, будучи более

беспринципными, изворотливыми, предусмотрительными, а может быть, просто везучими, оказались в выигрыше. Сегодня, чтобы остаться «на плаву», они пытаются влиться в общий хор хулителей сталинизма. Обратите внимание, что они пишут: «Мы жили, как слепые и глухие...», «...мы не знали...», «...мы твердо верили, что все решения Сталина мудры и справедливы...», «...мы были загипнотизированы...», «...мы не представляли...», «мы... мы... мы...». Сейчас у них Сталин — исчадие ада, а тогда...

«Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет,
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет!»

Ведь никто из них, ни С. Михалков, ни К. Симонов, ни А. Твардовский, ни жившие в нашем доме Ал. Прокофьев, Н. Черкасов, А. Толстой и многие другие не хотят искренне рассказать, как они подымали руки, отправляя на каторгу, расстрел себе подобных, чтобы не лишиться благ «дома на Кронверкской».

Да, это было. И я помню, как мы — дворовая мелюзга, с вождением поглядывали на сытые окна «начальников», откуда иногда нам бросали куски хлеба и даже булки. Особенно почему-то запомнилось, как из окна второго этажа (окно во двор — двумя этажами выше, там, по 8-й парадной, в войну поселился генерал Говоров) холеная дочка очередного «руководителя» бросала нам огрызки ананасов и шкурки бананов. Мы, стыдно говорить, дрались за них и догрызали. Кто жил в этой квартире? Кто вырос из этой дочки? Не она ли пишет воспоминания о своих невинно осужденных и сегодня реабилитированных родителях? Недавно на этом месте поставили гранитный столб с большой головой Шостаковича, тоже успевшего пожить в нашем доме, но в первой парадной.

Кому же построят будущий мемориал?

«Так кого же мы возьмемся защищать в “трудном прошлом”? Тех, кто играл? Или тех, кто вопреки и наперекор всему не проиграл? Тех, кто из доносов и процессов лепил пирамиду карьеры, культа и зарабатывал очки? Или тех, кого, как потом выяснилось, совершенно неоправданно (!) положили в основание этой пирамиды?» (А. Афанасьев).

Не укладывается в голове, как можно сегодня одевать в белые одежды, например, начальника управления кадров ЦК ВКП(б), члена оргбюро ЦК ВКП(б), ведавшего в конце 40-х годов подбором кадров, куратора работников Госбезопасности (по сути, главного кадровика СССР) — А. А. Кузнецова, расстрелянного вслед за Попковым в 1951 г., и при этом говорить, что он ничего не знал и не ведал о злодеяниях Сталина?

Во главе с такими руководителями наша страна — мы вошли в ВОЙНУ.

Продолжение следует.

И. Г. Ромм

Высота 213

В начале 1998 г. в редакцию нашего журнала были переданы фрагменты воспоминаний петербургского архитектора, участника Великой Отечественной войны Ильи Георгиевича Ромма. По жанру это историко-биографические очерки, написанные чутким, наблюдательным человеком. Они посвящены драматическим эпизодам одного из величайших сражений в истории человечества — Курской битвы.

В марте 1998 года Ильи Георгиевича не стало... Редакция «Нового Часового», публикуя первый из имеющихся в ее распоряжении очерков, отдает дань памяти и уважения И. Г. Ромму и всему тому поколению, которому суждено было пройти через тяжкие испытания войной.

Илья Георгиевич Ромм родился 31 января 1913 года в Женеве. Детство провел за рубежом, первое время в Париже, потом — в буржуазной Литве, где обучался в классической гимназии. После переезда в 1926 году в СССР окончил советскую школу в Ленинграде. После окончания школы работал чертежником на заводе «Красный выборжец» и нормировщиком на ряде ленинградских строек. Окончив в 1939 году архитектурный факультет Ленинградского института инженеров промышленного строительства, некоторое время работал архитектором в заполярном Кировске.

Вернувшись в Ленинград к началу войны, окончил в ноябре 1941 года курсы младших лейтенантов при 72-м запасном артиллерийском полку Ленинградского фронта. Воевал на Волховском, Воронежском и Первом Украинском фронтах. Участвовал в битве на Курской дуге, в отражении германского контрнаступления на Киев осенью 1943 года, в Львовско-Сандомирской операции, в боях за перевал Дукла, в освобождении Кракова и Верхней Силезии. Последняя

операция, в которой автор принимая участие, был захват Дрездена и выход на соединение с американцами в Торгау. Начав войну в должности командира взвода артиллерийской разведки, демобилизовался в 1946 году уже будучи заместителем начальника штаба артиллерии Четвертого гвардейского Кантемировского танкового корпуса (по штату мирного времени — дивизию).

Все послевоенные годы Илья Георгиевич работал в Ленинградском институте проектирования городов (Ленгипрогор), последовательно занимая должности от рядового архитектора до начальника технического отдела института. В связи с тем, что Ленгипрогор работал преимущественно для периферийных городов России, архитектурные проекты автора связаны с городами Орлом, Березниками, Читой, заполярным Кировском, Северодвинском. В качестве строящего архитектора работал в строительных зонах ГУЛАГа, в частности, на «Великой стройке коммунизма» Куйбышевгидрострое. В Петербурге наиболее крупной постройкой автора является комплекс Дома культуры им. В. А. Шелгунова на Петроградской стороне.

В следующем номере «Нового Часового» мы продолжим публикацию историко-биографических очерков И. Г. Ромма.

***

Начало Курской битвы застало меня в составе резервного Степного фронта, в ста пятидесяти километрах от линии фронта. Четвертый гвардейский Кантемировский танковый корпус, в состав которого входил наш минометный полк, проводил в тот день полевые учения с боевыми стрельбами с участием танков, артиллерии, авиации и мотопехоты. Три взвода танков условно обозначали при этом три танковые бригады, а взвод мотострелков — мотострелковую бригаду. Наш минометный полк условно обозначала одна батарея. Авиационную поддержку имитировали два корпусных кукурузника. Рации работали на укороченных антеннах, чтобы не условный, а реальный противник нас не слышал. Весь день шли «бои на промежуточных рубежах». К ночи наша колонна почему-то надолго застряла перед железнодорожным переездом. В голове колонны гудели танки, потом и они заглушили моторы.

Ночь была холодной. Стоя у командирского «Виллиса», как мы называли тогда американские «Джипы», я кутался в плащ-палатку. Колонна стояла без света, так как в небе уже слышалось прерывистое гудение немецких ночных бомбардировщиков. Курить было запрещено, но кое-кто, не вытерпев, курил, маскируясь палаткой. Над горизонтом беспокойно металась лучи двух прожекторов. Они то скрещивались, то снова расходились, напряженно обшаривая ночное небо. На северо-западе, где-то у Воронежа, начался воздушный налет. В ночном небе беззвучно вспыхивали и гасли белые звездочки зенитных разрывов. Потом также беззвучно возникли две оранжевые вспышки. Противник сбросил бомбы.

— Сходил бы ты, начальник штаба, в штаб полка узнать, долго ли нам еще тут торчать, — недовольно сказал мне мой командир дивизиона, старший лейтенант Кузора. — По-моему, нам пора взять этот паршивый городишко и возвращаться домой спать.

В этот момент мимо нас на полной скорости с включенными фарами пронесся в голову колонны легкий броневик. Ему кричали, ругались, но он и не подумал выключить свет. Кто-то сказал, что это офицер связи из штаба фронта. Им разрешено ездить со светом. Вскоре броневик пронесся в обратном направлении, а по колонне передали команду: «Командиров частей в голову колонны!» Машины разворачивались. К рассвету приказано было выступить к линии фронта. Началось германское наступление под Орлом и Курском, и часть соединений резервного Степного фронта перебрасывалась на помощь действующим фронтам. Шли весь день, глотая густые клубы пыли. К ночи над нашими головами снова послышалось прерывистое гудение ночных бомбардировщиков. Время от времени ослепительно вспыхивали осветительные ракеты. Движение колонны мгно-

венно замирало, а шедшая по обочине пехота ложилась на землю. Шли секунды томительного ожидания, потом с тягучим свистом неслись к земле бомбы. Падали они в стороне, где по параллельным просекам шли другие колонны. Опускаясь на шелковых парашютиках, осветительные ракеты медленно гасли, рассыпаясь огненными каплями. Колонна снова приходила в движение.

На рассвете, под Ливнами, стал явственно слышен гул огромного сражения. Здесь маршрутные карты кончились, и офицер связи ушел в штаб фронта за новыми картами. Мы ждали, что это будет район Орла, но нам выдали листы «Курск—Обоянь». Там противник наносил свой главный удар. Круто повернув на юг, мы устремились к Курску, обгоняя идущие форсированным маршем колонны Двадцать седьмой полевой армии.

Сталинградская битва была длительной. Она вдохновила многих писателей — от Виктора Некрасова до Василия Гроссмана. О скоротечной Курской битве написано мало, а правды о ней сообщалось и того меньше. Посвященный ей фильм изобилует развесистой клюквой. Среди нашего поколения история Курской битвы обросла легендами и небывлицами, вплоть до рассказней об участии в битве неких потусторонних сил, остановивших немецкие танки.

Есть хорошая русская пословица: «За одного битого двух небитых дают». После тяжелых провалов наших наступательных операций летом 1942 года, советское верховное главнокомандование поняло, что соотношение сил еще не таково, чтобы нам начинать наступление первыми. Возможность разбивать себе лоб о заранее подготовленную оборону была предоставлена противнику. Согласно официальным данным, численное соотношение сторон в Курской битве по танкам, артиллерии и авиации было примерно равным. При прочих равных условиях такое соотношение сил заранее должно было обречь германское наступление на неудачу, если бы не существовала разница в качестве советского и германского вооружения. К началу Курской битвы германской промышленности удалось полностью перевооружить танковую, противотанковую и самоходную артиллерию длинноствольными пушками огромной пробивной силы, в то время как на вооружении наших бронетанковых войск и противотанковой артиллерии оставались еще короткоствольные пушки. Это в корне изменило соотношение сил на поле боя. К тому же у противника появились тяжелые танки «Тигр» и штурмовые орудия «Фердинанд», толщина лобовой брони которых почти в полтора раза превышала лобовую броню нашей «Тридцатьчетверки». Теперь не только «Тигры», «Пантеры» и «Фердинанды», но и серийные средние танки «Т-IV», могли безнаказанно подбивать наши «Тридцатьчетверки» с расстояния в полтора—два километра. Мы же могли подбить «Тигра» только при стрельбе в упор, и то не в лоб, а в борт. Еще хуже обстояло дело с нашей самоходкой «СУ-122», которую после Курской битвы пришлось снять с вооружения. Совсем никуда не годились легкие американские танки «Валентайн», поставленные нам по ленд-лизу. У них было очень слабое бронирование и игрушечная полуторадьюмовая пушконка. Ни один из них не пережил Курской битвы. Именно техническое превосходство позволило противнику прорвать четыре полосы нашей обороны и продвинуться вдоль шоссе Курск—Белгород на тридцать пять километров. По существу, германские танки уже готовы были ворваться в оперативную глубину нашей обороны, так как лежавшая перед ними полоса оборонительных сооружений еще не была занята войсками. Чтобы занять этот оборонительный рубеж, из резерва и была выдвинута Двадцать седьмая армия, но она явно не могла успеть занять оборону до подхода германских танков. Поэтому вперед был брошен наш танковый корпус, с задачей задержать противника до подхода армии. Одновременно во фланг прорвавшимся германским танкам была брошена Пятая танковая армия.

Исход Курской битвы решила случайность. Если бы Пятая танковая столкнулась с противником на открытой местности, она была бы разгромлена. Но масса советских и гер-

манских танков столкнулась неожиданно для обеих сторон на поросшем кустарником и перелеском поле у Прохоровки. Танки перемешались, связь и управление с обеих сторон были потеряны, и началась неуправляемая свалка. В этих условиях советские танки, вооруженные короткими пушками, получили возможность расстреливать в упор мало поворотливые немецкие машины с их непомерно длинными орудиями, снабженными набалдашниками дульных тормозов. Когда же Ватутин попытался ударом в основание немецкого клина отрезать и окружить прорвавшиеся в его тыл войска, ему пришлось убедиться в подавляющем перевесе новых немецких танков на открытой местности. Танковый корпус, брошенный в атаку в открытом поле, был еще издали встречен убийственным огнем длинноствольных немецких пушек и, понеся тяжелые потери, вынужден был отступить.

После танкового побоища у Прохоровки фельдмаршал Манштейн еще не считал сражение проигранным и собирался ввести в бой резервы. Высадка британских войск в Сицилии перечеркнула его планы. Неспособность итальянцев оказать сопротивление британскому десанту создавала прямую угрозу южному флангу рейха. Теперь боеспособные резервы были Гитлеру нужнее не на Курской дуге, а в Италии. Он приказал Манштейну прекратить наступление и отвести войска на исходные позиции.

Когда наш корпус, растянувшись поперек шоссе Курск—Белгород на пространстве в двадцать километров, занял оборону перед Медведским, впереди, в районе Прохоровки, слышался гул большого танкового сражения. С НП в бинокль разглядеть что-либо было невозможно. Эскадрильи ИЛов тяжелым плотным строем проходили над нами на штурмовку. Вдали было видно, как они на кого-то пикируют. Обрато они летели врассыпную, перестраиваясь на лету. Каждый раз я с беспокойством пересчитывал самолеты: все ли вернулись? Нам раздали листовку: «Согласно агентурным данным, у противника появился тяжелый танк «Маус» с сильным лобовым бронированием и пушкой большой мощности. Артиллерист, бей по ходовой части. Бронебойщик, бей по смотровым щелям». Из текста этой листовки можно заключить, что до начала Курской битвы наша разведка сведений о «Тиграх» и «Пантерах» не имела. Под кодовым названием «Маус» («мышь») велась разработка сверхтяжелого танка, которая так и не дошла до производства.

Всю ночь мы не спали, напряженно вслушиваясь в непрекращающийся шум боя, который по-прежнему слышался все из того же района, не приближаясь и не удаляясь. Расчеты спали у минометов. На следующий день шум боя стал заметно стихать. Нагнавшие нас походные колонны полевой армии, не задерживаясь, шли дальше.

Весь конец июля и начало августа у нас шла подготовка к контр наступлению. Шла перегруппировка войск. Чтобы ввести противника в заблуждение, построенные части отводились густыми колоннами днем, свежие подходили ночью и рассредотачивались по лесам и перелескам. Днем движение машин к фронту было запрещено. Машины, подвозившие к переднему краю продовольствие и боеприпасы, утром отгонялись в тыл колоннами, имитируя отвод войск. Эти меры действительно ввели в заблуждение германское командование, которое начало переброску боеспособных дивизий с Курской дуги на запад, на итальянский фронт.

В начале августа Кузора со мной, командирами батарей и начальником разведки выехал на двух «Виллисах» на рекогносцировку. Проводить рекогносцировку должен был командир полка, майор Богданович, но он почему-то задерживался. Прождав его около часа на указанном нам по карте месте, в ложине рядом с полевыми кухнями, Кузора решительно поднялся с камня, на котором сидел:

— Пошли. Сами проведем рекогносцировку.

Бывший донецкий шахтер, потом кадровый офицер-дальневосточник, он под Сталинградом командовал батареей. Показывал мне на руках шрамы от мелких осколков и

пробитые ими дырки в полах шинели. Это был толковый и решительный командир, авторитет которого в дивизионе был безусловен. Кроме нас двоих, ни у кого больше фронтального опыта не было. Два из трех наших командиров батарей и начальник разведки были девятнадцатилетними юнцами, только что окончившими ускоренный курс офицерского училища. Только командир пятой, лейтенант Рейз, в прошлом главный бухгалтер какого-то завода, был постарше, но и он не нюхал еще пороха. Мы спустились в траншею второй линии и двинулись гурьбой за Кузорой в поисках хода сообщения, который привел бы нас в следующую лошину. Траншея извивалась по склону плоской высоты. Мы плутали, то и дело попадая то в какие-то обходы, то упираясь в тупики. Я предложил вернуться и спросить дорогу к ходу сообщения у поваров полевых кухонь, но Кузора отверг мое предложение. Он приподнялся над бруствером и огляделся. Между нами и нужной нам ложиной простиралось плоское поле, поросшее густым бурьяном. Над линией фронта стояла полная тишина. Этот участок фронта вообще считался спокойным. Обе стороны сидели здесь в обороне уже более полугода.

— Тут метров триста. Перебежать по одному плевое дело, — решительно заявил Кузора. — Первым побегу я. Когда я добежу до оврага, побежит начальник штаба. Остальные так же, по одному. Из пулемета он сюда не достанет, а из пушки по одиночкам стрелять не будет.

Он неторопливо выбрался на бруствер и побежал размеренно, придерживая одной рукой висящий за спиной автомат. Кузора был решительным парнем, но он совсем не подумал о том, как будет реагировать на нашу перебежку немец на своем НП. На первого бегущего он вряд ли обратит внимание. Когда же побежит второй, он насторожится. Когда же в поле зрения его стереотрубы появится третий, а тем более — четвертый, он поймет, что происходит групповая перебежка и наверняка откроет огонь. Кузора об этом не подумал, а ребята, оставшиеся в окопе, это поняли. Не успел я пробежать и десяти шагов, как с ужасом услышал за своей спиной топот восьми ног. Я побежал что есть мочи, но расстояние между мной и моими преследователями быстро сокращалось. Немец не мог, конечно, упустить такую цель. Свист падающих снарядов бросил нас всех на землю. Раздалось два разрыва, и на голову мне посыпались комья земли и обрывки бурьяна. К счастью, никто не был ранен, но дальнейший путь нам пришлось проделать ползком через заросли бурьяна. Самым глупым во всей этой истории было то, что ход сообщения находился совсем рядом с тем местом, где Кузора затеял нашу злополучную перебежку. Кузора, правда, решил не показывать вида, что совершил глупость.

— Ничего, — сказал он нам, — вам полезно. Дальше вы еще набегаетесь и наползаетесь.

И все же он решил больше не рисковать. Оставив офицеров за небольшим бугорком, мы отправились к передовой траншее с ним вдвоем. Глубокая лоштина, по которой мы шли, открывалась в сторону противника. Занятая немцами высота была отсюда видна, как на ладони. Если мы видели их, то они видели и нас. Мы решили не искушать судьбу и повернули в сторону хода сообщения, вырытого по другую сторону ложины. Немецкий артиллерист только того и ждал. Свист снарядов снова бросил нас на землю. Снаряды дали перелет, выбросив вверх два фонтана болотной грязи. Вскочив на ноги, мы сломя голову бросились к ходу сообщения. Не успели наши подошвы коснуться дна траншеи, как совсем рядом два снаряда разорвались у самого края хода сообщения. Мы побежали, пригнувшись, по ходу сообщения и, только пробежав шагов пятьдесят, остановились отдышаться. По другую сторону оврага, по тропинке шли неторопливо навстречу друг другу два солдата с котелками, один, видимо, с пустым, другой — с полным. Они остановились, перекинулись несколькими словами и преспокойно разошлись в разные стороны. Немец не стрелял.

— Понял? — с веселым удивлением спросил меня Кузора. — Местных не трогает. Ты вот что, начальник штаба: в другой раз не надевай полевую сумку. Сразу видно что офицер.

Я подумал, что его пестрый маскировочный комбинезон тоже достаточно явно отличал Кузору от местных солдат, к которым немецкий артиллерист давно успел приглядеться. Конечно, нам не следовало так открыто болтаться на виду у противника. Вероятно, не мы одни не соблюдали должной маскировки. По ходу сообщения, ведшему из второй линии окопов в овраг, параллельный переднему краю, днем валила такая толпа, что немецкая воздушная разведка не могла ее не заметить, а артиллеристы, не успевшие оборудовать и замаскировать свои позиции ночью, продолжали работы и днем. Штаб армии оказался далеко не на высоте в обеспечении скрытности сосредоточения войск, и противник этим воспользовался. Когда утром восьмого августа стрелковая цепь пошла в разведку боем, немецкие окопы были уже пусты. Немецкое командование отвело свои войска из-под удара нашей артиллерии. Разведка сразу пошла в преследование.

Ввод нашего танкового корпуса в прорыв начался во второй половине дня после того, как саперы разминировали колонный путь. Наш минометный дивизион был придан мотострелковой бригаде и следовал в хвосте ее колонны. Он был до такой степени разворочен танками и прошедшими за ними машинами мотострелков, что каждый метр дороги стоил нам невероятных усилий. Уже в сумерках нам удалось вытащить последнюю машину на твердую дорогу. Хвост ушедшей вперед бригадной колонны удалось нагнать в ближайшем селе уже в полной темноте. Колонна почему-то стояла. Я начал было ее объезжать, но тут из темноты раздался яростный крик:

— Кто объезжает колонну?! Немец в одном километре, а они мне тут кордебалет устраивают. Убери машину с дороги, сукин сын!

Я понял, что дело серьезно и приказал глушить моторы. Вскоре ко мне подошел Кузора.

— Нет хуже, как быть приданным, — пожаловался он. — Ходишь за ним, как нищий, а потом сам же будет орать, что артиллерия не поддержала. Теперь полюбуясь: своих они из деревни уводят, а нас оставляют. Мол, не свои, приданные, так хрен с вами, пусть бомбят.

Он приказал командирам батарей рыть щели и зарыть машины и ящики с минами. Всю ночь люди рыли окопы, загоняли в них машины и складывали в ровики мины. На рассвете они заснули на дне окопов и щелей тяжелым сном вконец измученных людей. Подошедший к нам перед рассветом командир первого дивизиона сказал Кузоре пренебрежительно:

— Зря мучаешь людей. Лучше дал бы им отдохнуть.

Машины его дивизиона, шедшего в резерве, стояли под стенами хат, замаскированные ветками. Кузора молча выслушал командира первого дивизиона. Только когда тот отошел, он проворчал:

— Больно умный. Сразу видно, что не воевал.

Опыт, полученный Кузорой в степи под Сталинградом, не пропал даром. Не успели мы с ним и с его замполитом расположиться в одной из ближайших хат, как торопливое хлопанье мелкокалиберных зениток возвестило о начале воздушного налета. Шестерка «Юнкерсов», перестраиваясь над селом, заходила в круг для бомбежки. Вскоре земляной пол нашей хаты, на котором мы расположились под вой падающих бомб, заходил ходуном от тяжелых разрывов. Одна из бомб попала в оставленный противником склад боеприпасов, которые стали взрываться, со свистом разлетаясь во все стороны. Этот адский концерт продолжался минут десять. Отбомбившись, «Юнкерсы» неторопливо уходили от цели. Над ними кружили истребители прикрытия, обстреливая село из пулеметов. Потом улетели и они.

В глубокой ложине, где наш дивизион рассредоточился после бомбежки на пшеничном поле, я увидел сидящего на кочке майора Чистякова, начальника артиллерии мотострелковой бригады. Он курил огромную самокрутку, в четверть газетного листа, и его круглое мясистое лицо было окутано табачным дымом. На мой вопрос об обстановке, я услышал:

— Обстановка? Обстановка, лейтенант, как говорится, неясная. Фриц дорогу переродил, дальше не пускает. Пробовали обойти, не получилось. Придется прорыв делать.

Наши минометы окапывались в глубокой промоине. Вскоре Кузора ушел вперед занимать НП. На обращенном к нам склоне высоты 213 стояли на исходных позициях в шахматном порядке пятьдесят танков. Сидя на земле, командир бригады давал последние указания своим офицерам, энергично рубя воздух сжатой в кулак рукой:

— «Тигр» опасен только издали. Атаковать на предельной скорости, с огоньком. Скажите своим экипажам, чтобы ни в коем случае не задерживались и не маневрировали. Подходить в упор, бить в борт.

Десанты стали усаживаться на танки, когда завывание десятков «Катюш» дало сигнал начала артиллерийской подготовки. Вслед за ними заговорили наши минометы и десятки артиллерийских батарей. Окутываясь черным дизельным дымом, танки двинулись вверх по склону высоты, все убыстряя движение и один за другим скрываясь за гребнем высоты. Оттуда доносились частые хлопки танковых пушек.

Артиллерийская подготовка была короткой. Она смолкла, как только танки подошли к окраине занятого противником села Казачья Лисица. В телефонной трубке слышались частые удары.

— Слышишь, как кладет? — услышал я в трубке голос Кузору. — Только что чуть не накрыл. А, черт... — голос Кузору на мгновение умолк, потом он громко спюнул: — Тьфу! Я думал опять, а это болванка. В общем, начальник штаба, село заняли. Фрицам наклали по первое число. Нашим, правда, тоже досталось. Двенадцать «коробок» потеряли и автоматчиков наших много погибло...

Да, десантникам доставалось больше всех. У немцев пехота следовала за танками на бронетранспортерах. Наша промышленность бронетранспортеров вообще не производила. Все производственные мощности использовались для производства танков. Это позволило нам вскоре добиться огромного превосходства по числу выпускаемых танков, но расплачиваться приходилось за это превосходство танковым десантам.

— Ты имеешь связь со штабом полка? — продолжал Кузора.

Я признался, что связи не имею. Посылал туда офицера связи с пакетом, но он вернулся, так и не найдя штаб. Кузору это начинало беспокоить.

— Слушай, начальник штаба, это как-то неудобно получается. Мы же не отдельный дивизион. У нас есть командир полка. Попробуй, поищи сам.

Я обнаружил штабной автобус довольно далеко в тылу, за позициями «Катюш». Все три помначштаба, делопроизводитель, писарь и дежурный телефонист сидели рядом с автобусом в окопах.

— У вас что — сильный обстрел, что вы сидите в окопах? — спросил я первого помначштаба, передавая ему донесение.

— Нет у нас никакого обстрела, — зло отвечал помначштаба. — Майоры уставов начитались.

Под майорами он подразумевал командира полка, майора Богдановича и начальника штаба — майора Осипова. Оба были преподавателями военно-артиллерийского училища и на фронт попали впервые. Поэтому все их представления о войне ограничивались до последнего времени уставами и наставлениями. Майор Осипов относился, правда, к уставным истинам довольно скептически. Я слышал, как он говорил командиру полка:

— Не кажется ли вам, товарищ майор, что мы забиваем головы наших людей всяким ненужным вздором? Наши уставы безнадежно устарели. Мы заставляем людей зубрить про телефонные двуколки и прочую требуху, которой в армии давно нет.

— Все это так, — согласился Богданович, хитро щурясь, — но уставчики учить надо. Пока нет новых уставов, будем учить старые. Армия не может жить без уставов.

Иногда мне казалось, что обоих майоров следовало поменять местами. Высокий, плечистый Осипов, говоривший густым басом и не стеснявшийся в выражениях, скорее подходил на роль командира полка, чем невысокий и худощавый Богданович, никогда ни на кого не повышавший голос. Он был прирожденным преподавателем. Полк, который он принял в Теджене, состоял из наспех обученных, а по существу совершенно необученных узбекских хлопкоробов и младших лейтенантов, тоже наспех обученных в военных училищах по сокращенной программе. Богдановичу стоило невероятных усилий сделать это случайное сборище совершенно невоенных людей вполне боеспособной частью. Он непрерывно обучал своих людей в эшелоне, по пути к фронту, и во время нашего стояния во фронтовом резерве. Полк был на лучшем счету в корпусе...

Пока я разговаривал с помначштаба, раздался телефонный зуммер. Вызывали командира полка. Телефонный аппарат стоял почему-то не в автобусе, а в окопе. Богданович быстро спустился из автобуса по металлической стремянке и подошел к аппарату. Говорил начальник штаба корпуса генерал-лейтенант Нагайбаков. Даже стоя в стороне, я явственно слышал весь разговор.

— Товарищ Богданович, — слышал я голос Нагайбакова, — вы знаете, где находится ваш второй дивизион?

— Конечно, — уверенно ответил Богданович, взглянув в мою сторону. — Сейчас как раз прибыл начальник штаба дивизиона с донесением.

— С донесением, — хмыкнул Нагайбаков. — А где вы сами находитесь, товарищ Богданович?

— В своем штабе.

— А позвольте вас спросить, что вы делаете в своем штабе? — В голосе генерала слышалась нескрываемая насмешка.

Богданович насторожился.

— Мой второй дивизион придан бригаде. В соответствии с уставом, я нахожусь со своими главными силами.

— Товарищ Богданович, — резко оборвал его генерал. — Сейчас не время для шуток. Извольте немедленно прибыть на командный пункт бригады и доложить мне об исполнении.

Телефонная трубка щелкнула и умолкла. Богданович выпрямился и с минуту стоял в полной растерянности. Его уставные представления о войне рушились, столкнувшись с реальной боевой обстановкой.

— Вы знаете, где расположен КП бригады?, — спросил он меня.

Я ответил, что знаю: на высоте 213, рядом с треугольной вышкой. Богданович усмехнулся:

— Не слишком остроумно. Ни один грамотный артиллерист не расположился бы рядом с таким ориентиром.

Он уже пришел в себя после неприятного телефонного разговора, и к нему вернулась его обычная насмешливая самоуверенность. На полевых учениях я привык видеть Богдановича не с обычной офицерской планшеткой или полевой сумкой, а с большой черной папкой вроде тех, в которых носят ноты ученики музыкальных школ. Он и сейчас уселся в свой «Виллис» с этой «нотной» папкой. На заднем сидении мы уселись втроем с помначштаба и адъютантом. У подножия высоты 213 мы оставили машину и направились пешком к вершине высоты, на которой темнели какие-то человеческие фигуры.

Справа, выше по склону, взметнулся разрыв, вскоре еще один разрыв возник левее, следующий — еще левее. Немец одним минометом прочесывал по карте наш склон высоты. Дойдя до левого края склона, немец увеличил прицел и повел обстрел слева направо, явно пересекая нам дорогу. Будь я здесь старшим, я приказал бы рассредоточиться и бе-

гом выйти из опасной зоны, но лейтенант не может приказывать командиру полка. Мы по-прежнему шли тесной кучей, причем Богданович шел нарочито медленно, пружинистой походкой, беспечно размахивая своей нотной папкой. Те, там наверху, должны были видеть, что командир минометного полка не трус и что если он и сидел у себя в штабе, то вовсе не потому, что боится.

Шипение падающей мины заставило меня броситься плашмя на землю, но разрыв опередил ее падение. Я почувствовал удар в голову и в живот. Первой мыслью было: рана в голову и в живот — это конец. Я торопливо ощупал лоб. Рука была в крови, но раны я не нашупал. На животе обмундирование тоже не было разорвано. Как потом оказалось, микроскопический осколок, оставив почти незаметное отверстие в гимнастерке и в брюках, застрял в коже живота. Я попробовал встать на ноги. Рядом со мной поднялись адъютант и помначштаба. Их, кажется, вовсе не задело. Плоская воронка чернела всего в двух шагах от нас. Мина разорвалась выше по склону и осколки пронеслись над головой тех, кто успел броситься на землю. Богданович этого сделать не успел. Он лежал, запрокинувшись на спину. На его животе расплывалось темное кровавое пятно. В углах рта пузырилась кровавая пена. Мы подняли его на руки и понесли вниз, к перевязочному пункту, откуда нам навстречу уже бежал врач в белом халате. Руки майора совершали какие-то неестественные балетные движения. Он хрипел:

— Воздуха... воздуха... Везите меня скорее...

Адъютант сел в санитарную машину, в которую поставили носилки с майором. С минуту мы еще постояли с помначштаба, провожая глазами удаляющуюся зеленую санитарку. Потом помначштаба бросился к «Виллису», а я зашагал на огневые позиции. Богданович скончался по пути в медсанбат, и его опустили в могилу прямо у дороги, проводив в последний путь тремя пушечными выстрелами.

Через месяц, после того, как остатки корпуса отвели в тыл на формирование, я стоял с майором Осиповым навтыжку перед командиром корпуса. Осипов исполнял обязанности командира полка, а я — лейтенант — исполнял при нем обязанности начальника штаба. Сколько я ни встречался с генерал-лейтенантом, будущим маршалом бронетанковых войск Полубояровым, я никогда не слышал, чтобы он на кого-либо повысил голос. Он и сейчас говорил очень тихо, но от его тихого голоса майора Осипова мороз по коже продирали, так как слова генерала относились не к нам обоим, а лично к нему, Осипову.

— Лучшего командира полка вы зарыли как собаку. До конца этой недели вы перезахороните своего командира полка с военными почестями в центре города Грайворон и об исполнении доложите.

В самые трагические минуты внимание бывает почему-то приковано к самым случайным пустякам. Слушая генерала, я не мог отвести глаз от рукава его гимнастерки. Я думал при этом не о том, как найти могилу Богдановича, затерявшуюся среди безымянных холмиков, а о том, кто пришьет пуговицу командиру корпуса. Найти могилу Богдановича было действительно нелегко. Единственный свидетель его погребения — адъютант — был тяжело ранен и эвакуирован в глубокий тыл. Выехавший на поиски могилы помпохоз нашел ее каким-то непонятным чутьем. Труп уже сильно разложился, и помпохоз опознал его по звездочкам на погонах, выточенным полковым умельцем из трехкопеечных монет. Сегодня прах майора Богдановича покоится в центре Грайворона — первого города, освобожденного нами после прорыва немецкой обороны.

За годы войны на моих оперативных картах промелькнуло немало высот, отметки которых давно выветрились из моей памяти, но обозначение этой высоты, под которой погиб Богданович, я до сих пор помню: 213.

Х. Ю. Отте

В Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздале.

Сентябрь—ноябрь 1943 г.

**Из воспоминаний летчика Люфтваффе,
побывавшего в советском плену***

Говорят, что у старых людей воспоминания о прошлых событиях, даже давно происходивших, зафиксированы определенным образом. Они могут вспомнить вещи, людей, радостные или печальные происшествия десятилетней давности. Они могут в любое время вызвать их из памяти, оживить их снова. Так либо случается, либо нет. Для меня вызываемо все, что связано с именем Суздаль.

Когда 26 октября 1985 г., более чем через 42 года, я вновь проходил в те же ворота Евфимиевском монастыря, мне стало это ясно до испуга. Было ощущение, что нужно лишь листать книгу, страницу за страницей, и читать, как тогда все было.

Так, снова совершенно отчетливо предстал передо мной день 5 сентября 1943 года, когда мы, 40 офицеров на марше из Владимира в Суздаль, скорее ползли, чем маршировали. Жалкий остаток бывшей когда-то солдатской доблести! Голодные, несколько дней ничего не евшие, с тупым взором, многие в рваных мундирах мы, никакого внимания не обращавшие на широкие просторы, — после многих вынужденных привалов, даже если охранники этого не хотели и нам кричали: «Давай-давай, пойдем!» — увидели перед глазами Суздаль. Ноги отказывались служить. Те, кто постарше, тянулись вперед чуть не ползком. Только не отставать, кто знает, что сделают тогда охранники. И вот мы стоим в начале раскинувшегося, типичного для этих мест ландшафта, у стен огромного, напоминающего крепость монастыря.

Не было никаких сил рассматривать многочисленные церкви и монастыри, мимо которых мы проходили. На улицах почти не было людей — гнетущая тишина в этом городке. Устремив взгляд в землю, из последних сил плелись мы мимо старых, маленьких домиков.

Затем открылись большие ворота и закрылись за нами на целых два месяца. Сегодня монастырь основательно отреставрирован и открыт для посещений. Когда я в 1985 году был в монастыре, я мог мысленно реконструировать любое место, особенно прежние кельи монахов, которые были нашим жилищем.

От кривых бесконечных ходов с маленькими окошками вверх, едва пропускавшими свет, небольшие двери вели в отдельные кельи. Каждая келья имела маленькое, утопающее в толстой стене оконце. Четыре двухэтажных деревянных топчана с набитыми соломенной мешками, под окошком маленький стол, кривой деревянный стул и несколько табуреток — таково было убранство. Угнетающая узость этих келий, в которых должны были разместиться 8 заключенных, сентябрь-месяц, однако все еще летняя жара — все это гарантировало нам, наряду с другими непривычными новшествами, к которым я должен

* Продолжение. См. «Новый Часовой». 1997. № 5. Пер. с нем. Е. П. Парфеновой.

был приспособиться, например, к длительному голоду, — что эти недели в Суздале не будут курортом.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы я пришел в себя от напряжения последних дней. Более чем скромная еда делала меня все более стройным и, тем самым, более подверженным болезням.

Большинство военнопленных в этом лагере были «сталинградцами». Только теперь из многих разговоров я узнал, что на самом деле случилось полгода назад в Сталинграде. Размер катастрофы, которую от нас скрыли, и страшная судьба переживших ее солдат до и после пленения заставили меня, находившегося всего пару недель в плену и, кроме того, имевшего счастье (если тут вообще уместно говорить о «счастье») быть сбитым летом, в буквальном смысле содрогнуться. Что я по сравнению с этим вообще пережил! По внешнему виду «сталинградцев» можно было определить испытанные ими мучения первых недель плена, когда большинство из них заразились сыпным тифом.

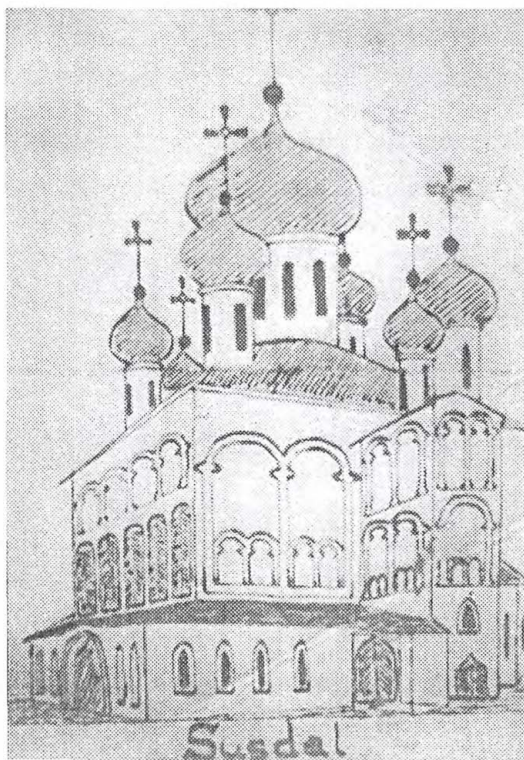
Я сразу вспоминаю лейтенанта Фридриха Коля из Вены. Он летчик, как и я, (был сбит уже в начале 1942 года) — один из восьми пленных, которые лежали в нашей камере, т.е. монашеской келье. Мы удивлялись, что он такой откормленный и из-за этого отличается от всех. Когда я одному пленному выразил по этому поводу мое удивление, он ответил совершенно пугающе: «Успокойтесь, ради бога, и не говорите, не подумав, ни одного слова Колю. Он русский доносчик!» Я не хотел сначала этому верить.

Перед каждой кормежкой он пропадал. Вскоре мы догадались, где он принимал пищу, и я составил себе мнение о нем, так как он относился к «избранным», хорошо знал русский и был одним из тех, в этом я теперь уже был уверен, кому действительно подходило определение «доносчик».

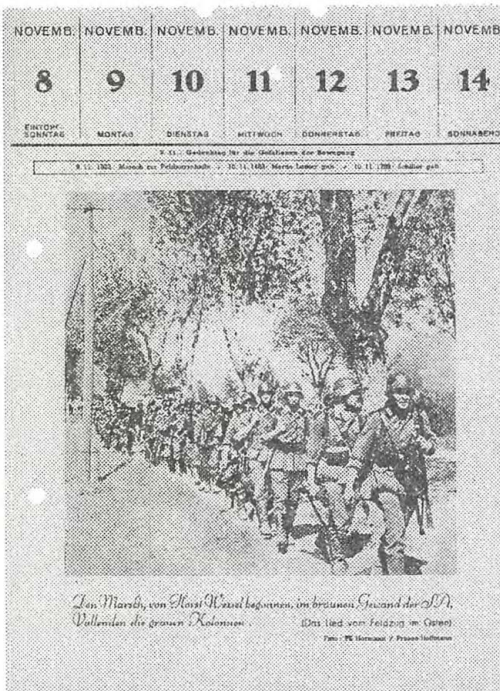
Мы были в наших разговорах очень осторожны, он же все время пытался убедить нас в необходимости и даже неизбежности коммунизма.

Несмотря на критическое и осторожное дистанцирование от него, я не мог подавить в себе определенное уважение к его позиции, потому что он стал «русским крепостным» в какое-то время, когда еще не ясно было, что Германия эту войну проиграет. Однако почему этой, возможно, честной убежденности должен сопутствовать донос и значительно лучшая жизнь в лагере — этого я ни тогда, ни позже в аналогичных случаях в Елабуге одобрить не мог.

В этом кроется и главная причина моего отказа вступить в «Национальный комитет «Свободная Германия»» или в «Союз немецких офицеров». Я не хотел быть «русским крепостным» и подпевалой, но, с другой стороны, не был и тупицей, кичащимся верностью присяге и утверждающим свою позицию. Некоторые идеи и кое-какие взгляды НК меня даже привлекали и заставляли постоянно задаваться вопросом относительно моей

Собор в Спасо-Евфимиевском монастыре.
Рисунок автора. 1943 г.

Листок из немецкого военного календаря.

позиции, так как внутренне я уже за короткое время в плену освободился от национал-социализма, который, к собственному моему удивлению, спал с меня очень быстро.

Рут фон Майербург, эмигрантка, которая подчинялась Политическому Главному управлению Красной Армии, ПУРККА, весьма впечатляюще, по моему мнению, описала различные типы характеров пленных. Среди них были «люди, которые имели немало грехов на совести, несли в себе страшные тайны немецких военных преступлений, слепые антибольшевики, и те, кому наконец открылись глаза, лицемерные доносчики и ловкие наушники отхожих слухов, недалекие, которым казалось предательством то, что было вновь завоеванным знанием, и опять же другие, быстрое перерождение которых было действительно предательством именно в чистом деле антифашизма, так как оно в результате этого приводило к недоверию. Кто там коварный негодяй, а кто отщепенец? И вдобавок они еще не совсем уверены, кто победит в войне...».

Я не считаю, что в этом описании распознаны правильно все типы отношений между пленными. Ведь были еще и те, кто просто хотел выжить и кого политика, что бы под ней ни подразумевалось, ничуть не заботила. Однако установлено, что так называемых хитрецов, которые всегда держат свой нос по ветру, на протяжении тех лет, когда поражение Германии стало неминуемым, становилось все больше. Вступающих в Национальный комитет и в СНО, начиная с середины 1944 года, молниеносно прибавилось. Это, очевидно, было связано с тем, что военное счастье улыбнулось союзникам и приближался крах Германии.

Кроме этих групп, остается еще одна, к которым относились люди, хотя внутренне уже давно освободившиеся от национал-социализма, прежде всего после того, как они все больше узнавали о творившихся в концлагерях жестокостях, ставших известными после их освобождения, которые невзирая ни на что придерживались принципа: за колючей проволокой для нас не существует никакой политической деятельности! Мы не нападаем на наших товарищей на фронте со спины!

Из тех, кто так думал, не все были нацистами и неперевопитуемыми фашистами, какими их считали русские.

Это положение было усилено коррупцией, господствовавшей в лагерях, обманами и однозначным предпочтением русскими «антифасов». Фактически было так: часто мы находились под бóльшим давлением антифашистов, нежели русских. В каком мы, собственно, плену находимся — в русском или в немецком? — так мы часто спрашивали себя.

Один офицер рассказал такой эпизод: во время допроса его спросили, почему он отказывается в плену от любой политической деятельности. На это он ответил, что Карл Маркс написал своему другу Кугельману, что арестант не должен заниматься политикой, и что якобы Ленин написал в свою редакцию в Петербурге из ссылки, что человек за колючей проволокой в своих решениях не является свободным.

Собственно о допросах — они ни в коем случае не прекращались в первые недели плена. По непонятным чаще всего причинам нас всегда вдруг и неожиданно доставляли на «разговор». Я вспоминаю немецкого эмигранта Книттеля, который часто пытался на меня воздействовать. Он в 30-е годы бежал в Советский Союз, и теперь у него была задача допрашивать немецких военнопленных и, если это было возможно, идеологически их перевоспитать. В первое время мне удавалось избегать его давления под тем предлогом, что я сначала должен получить информацию о марксизме-ленинизме, а потом принимать решение. Достаточно обширная библиотека — как и та в Елабуге — дала мне возможность интенсивно заняться коммунизмом, по крайней мере, теоретически.

Не всегда было просто успокоить бунтующий желудок марксистскими тезисами, но, с другой стороны, чтение отвлекало от голода, хоть и незначительно. В остальном Книттель был достаточно безобидный человек. В противоположность ему политинструктор Вагнер в Елабуге был человеком совсем другого калибра. Но часто человека считают более опасным, чем он есть на самом деле. Книттель вскоре понял, что его попытки убедить меня не имеют успеха и он не может сделать из меня коммуниста.

Когда-то в Суздале нам положили первый номер газеты организованного 12 июля 1943 года «Национального комитета “Свободная Германия”». Некоторые считали, что все это фальшивка. Такой призыв к созданию комитета генералы и другие офицеры не подписали бы. Но вскоре стало ясно, что обмана тут не было.

Среди нас, пленных офицеров, здесь в Суздале господствовали хорошие товарищеские отношения. Мы держались вместе и помогали друг другу, как могли. Так, я часто вспоминаю д-ра Хеккера из Оберхаузена. Я ему обязан тем, что моя левая рука не стала неподвижной. С неиссякаемой энергией он заставлял меня каждый день приходить к нему, массировал мою руку и в конце концов добился того, что от травмы почти ничего не осталось.

Приблизительно в середине октября-месяца я заболел. Уже на протяжении нескольких дней у меня сильно болело горло, и я чувствовал ужасную слабость. Русская врач из амбулатории считала, что у меня дифтерия и меня нужно изолировать. Освободили небольшую комнатку над нашими камерами. Мне пришлось туда переехать и провести там две недели, не видя ни одного из товарищей, ни разу не поговорив с ними. Только врач и те, кто приносил еду, заглядывали периодически ко мне.

Ужасное время. Не понимаю, как я пережил его без психических травм. К счастью, добрые друзья дали мне книги из лагерной библиотеки. Таким образом, я, по крайней мере, мог проштудировать Маркса и Энгельса. Времени у меня было предостаточно. Я установил, что оба они были вполне «читабельны». Такими, как их представляли у нас дома, они вовсе не были, вовсе не дьяволы в человеческом обличье, и не так уж невозможно было то, что они хотели, и то, как они представляли себе лучший мир.

Когда через две недели мне снова разрешили находиться среди людей — к счастью, это оказалась не дифтерия — я смог опять петь в хоре. Музыкальный директор Адам из Кельна, «сталинградец», организовал хор. Я с воодушевлением занимался в нем — хор давал хорошую возможность, наряду с марксистскими штудиями и монотонным однообразием лагерной жизни, насладиться приятной страницей бытия. Адам записывал, когда у него появлялась бумага, по памяти ноты или сам сочинял. Так, например, он написал «Песню пленных».

Однажды объявили о высоком визите из Москвы. Хор должен был спеть этим гостям несколько песен. «Что это будет за визит?» — думали мы. В общем, с большим усердием мы начали учить гимн «Радость прекрасным искрам Божьим» из «Оды к радости» Бетховена. И вот они появились — русские офицеры, а также несколько гражданских. Среди них бывший депутат Рейхстага от коммунистов Вильгельм Пик. О чем нам могло

говорить это имя? Мы, молодые, его не знали, но некоторые более взрослые хорошо помнили этого солидного пожилого мужчину, который сейчас в русском мундире без погон стоял перед нами. Нашим пением он был так тронут, что слезы стояли в его глазах. Правда, речь его была чем угодно, но только не трогающей, с полным перечнем таких знакомых нам русских пропагандистских тезисов.

Скорее случайно, чем сознательно, после моего освобождения из изолятора я начал писать. Бумага была исключительно дефицитна. Коричневая бумага, в которую заворачивали табак — периодически его нам выдавали — использовалась как писчая. Я разглаживал ее в воде. Затем заботливо сушил ее, нарезал на страницы (нож к тому времени я себе купил — за хлеб), которые сшивал нитками, вытянутыми из полотенца и протянутыми потом через мыло. В конце концов я развил в себе такую исключительную способность к писанию и переплетному делу, что сам этому удивлялся.

Однажды мне удалось украсть книгу из библиотеки и сделать из неотпечатанных частей и рантов маленькую книжицу. Она стала первым томом моего многочисленного и с годами все увеличивающегося собрания стихов. Я также начал вести дневник. К сожалению позже я уничтожил первые заметки. Они показались мне слишком опасными, так как было категорически запрещено держать что-либо рукописное. Жаль, ибо мои страхи оказались позже совершенно необоснованными. Если бы я мог предугадать, как просто окажется провести мои поэтические тома и более поздний дневник домой...!

Я рисовал также на табачной упаковочной бумаге замечательнейшие здания церквей нашего монастыря, колокольню и церковь Христа-Спасителя, вход в монастырь с башней у ворот и вид через стену на колокольню церкви Смоленской Божьей матери. Названия эти я узнал только в 1985 году.

Позже, в Елабуге, я перенес эти рисунки в один из моих поэтических томиков. Через 42 года мне удалось сравнить друг с другом и то, и другое — оригинал и рисунок.

Нелегко было найти в 1985 году, когда я там был, исходный пункт, место, с которого я в 1943 г. рисовал. Монастырь находился в состоянии капитальной реставрации, чтобы вернуть свой первоначальный облик.

Лишь в 1985 году я узнал, что этот монастырь уже в XVIII столетии был переделан Екатериной Великой в тюрьму для политических и религиозных заключенных. Для этого монастырь, как мы это поняли на собственной шкуре, был очень хорошо приспособлен.

Так проходили недели. В октябре зима стала подавать о себе знаки. Выпал первый снег, и по утрам лужи затягивались тонким ледком. Мы боялись зимы. Как нам выстоять в наших мундирах-обносах и такой обуви?

Продолжение следует.

А. Л. Марков

Поединки в русской армии

Редакция «Нового Часового» продолжает знакомить читателей с интересными материалами, публиковавшимися в Русском Зарубежье. В этом номере журнала мы обращаемся к страницам «Русского Военно-Исторического Вестника», издававшегося в Париже Обществом Любителей Русской Военной Старины. «Вестник» выходил на правах рукописи под редакцией А. К. Савицкого и Ю. А. Топоркова. Воспроизводимый ниже материал А. Л. Маркова был опубликован в № 10 за 1952 год.

***

Начиная с библейских времен и на протяжении долгих веков человеческой истории поединки между представителями двух враждующих ратей перед общим сражением являлись повсеместным обычаем. Рыцарская Европа средних веков перенесла обычай поединка, или, как его стали называть, «турнира», и в свой мирный обиход, не только, как военное упражнение и народное развлечение, но и как форму судопроизводства, когда поединок между двумя тяжущими сторонами переносился из зала суда в поле, где «суд Божий» должен был разрешить спор, неразрешимый другими способами.

Впоследствии этот обычай средневековой Европы был перенесен на Московскую Русь, где такого рода «суды Божии» происходили иногда даже в присутствии самого Государя, как об этом имеются упоминания в русской исторической литературе.

Европейское рыцарство передало обычай поединка, как разрешение оружием спора между двумя противниками, своему преемнику — дворянству, которое в свою очередь, как сословие военное, ввело его в армию.

Вместе с иностранным воинским строем, введенным в России Петром Великим, в числе других традиций был введен и обычай поединка, или «сатисфакции» между офицерами.

Петр, однако, к этому нововведению отнесся отрицательно и со свойственной ему крутостью в разрешении вопросов, и дал «патент о поединках», в котором предписывал: «вешать убитого на дуэли за шею, а убитого за ноги». В последующие после Петра царствования, дуэль, хотя и запрещалась законом, однако, считаясь с духом времени, на нее смотрели уже более или менее снисходительно и общественное мнение, дравшихся на поединках, отнюдь не осуждало.

В царствовании Императрицы Екатерины Великой дуэль стала довольно обычным явлением среди офицеров, но особенное распространение она получила позднее, в царствовании Императоров Павла и Александра I-го.

Как известно, Император Павел, будучи Великим Магистром Мальтийского ордена, одобрял все рыцарские обычаи и сам, как коронованный рыцарь, мечтал даже разрешать международные столкновения путем поединка между заинтересованными государствами.

С этого времени и вплоть до революции 1917 г. обычай дуэли, как способ восстановления чести, твердо держался в русской военно-дворянской среде. «Обычай дуэли является среди цивилизации символом того, что человек может и должен в известных случаях жертвовать самым дорогим для него благом — жизнью, за веру, родину и честь» сказал один из знаменитых адвокатов России Спасович, защищая на суде человека, убившего на поединке своего противника.

Уж не говоря о военной среде, в которой понятия о чести были особенно развиты, дуэль почиталась необходимым злом даже в кругах принципиально ее отрицавших. Лучшим примером этого является в 1910 г. дуэль известного юриста Набокова В. Д., который за две недели перед тем выступал в СПб. юридическом обществе с докладом, в котором осуждал поединки, и требовал приравнения их к простому убийству.

В военной среде старого времени дуэли происходили на основании французского обычая, на огнестрельном оружии, преимущественно на гладкоствольных, специально для дуэлей назначенных, пистолетах Кухенрейтера без мушки, при соблюдении известных условий, главным образом в присутствии свидетелей и секундантов. Эти последние приглашались для себя каждым из противников, по своему выбору, из близких друзей, или лиц равных им по своему чину или социальному происхождению. Быть секундантом считалось честью и отказываться от этого было неприлично. Секунданты обеих сторон, собравшись вместе, вырабатывали все условия поединка и назначали час встречи, согласно указаниям и желаниям противников.

Кроме этих, так сказать, классических условий дуэли, в прежнее время происходили частые отступления от правил. Помимо пистолетов, поединки имели место на револьверах, саблях и шпагах. Расстояние обмена выстрелами также варьировалось в зависимости от желания участвовавших сторон, степени оскорбления и т. д. Люди стрелялись и в 10 шагах и в 40, бывали даже дуэли «через платок», т. е. противники стреляли по команде друг в друга в упор одновременно, в то время, как их секунданты держали между ними платок, закрывавший цель.

Бывало, что противники обменивались лишь одним выстрелом и дуэль прекращалась, независимо от результатов: бывали случаи, что поединок длился независимо от числа выстрелов до смерти, или выхода из строя одного из противников. На шпагах и саблях обыкновенно дрались «до первой крови», или до выхода из строя одного из противников. Наконец, существовала т. н. «американская дуэль» всегда имевшая трагический конец, так как противники бросал жребий и затем тот, кто его вынимал, должен был под честным словом покончить с собой в известный срок. Такие дуэли происходили обыкновенно тогда, когда общественное положение противников не позволяло обыкновенной дуэли и дело не должно было получить огласки.

Постепенно, обычай поединка в России был перенесен из чисто военной среды, в близкую ей среду дворянства, а, в самое последнее царствование по французскому образцу, и в парламентские круги.

Дуэли в России, как и везде, происходили по самым разнообразным поводам. В центре обычно стояла женщина, из за которой с времен глубокой древности скрещивались дубины, ножи, мечи и шпаги и гремели выстрелы. Были столкновения на почве служебной, личной, спортивной и в последнее время на политической. В основе их лежали мотивы иногда пустяковые, иногда весьма серьезного свойства.

В царствование Императора Александра Благословенного, обычай дуэли был весьма распространен, будучи на ряду с идеями энциклопедистов и лозунгами французской революции привит в русском обществе. За поединки в это царствование преследовали слабо и на служебной карьере военных они не отражались. Доказательством может служить пример генерала П. Д. Киселева, который в 1823 г. убил на дуэли командира бригады ген.-майора Мордвинова 3-го, что ему не помешало год спустя занять должность начальника штаба 2-ой Армии.

В 1809 г. Александр Иванович Нарышкин, офицер Егерского полка, был убит на дуэли графом Федором Ивановичем Толстым, известным в обществе под прозвищем «американца». Играли в карты у гр. Толстого в Большом Парголове. В избе было жарко и многие сняли мундиры, по примеру хозяина. Покупая карту, Нарышкин сказал Толстому: «Дай туза!»

Толстой встал, засучил рукава и, выставя кулаки, возразил с улыбкой: «Изволь». Это была шутка, но она не понравилась Нарышкину, он обиделся, бросил карты, сказав: «Постой же, я дам тебе туза!», и вышел из комнаты. Гости Толстого успокаивали Нарышкина, говоря, что Толстой даже намерен извиниться. Но Нарышкин хотел во что бы то ни стало драться на дуэли, говоря, что если бы другой сказал это, то он первый принял бы эти слова за шутку, но от известного дуэлиста, который привык властвовать над другими страхом, он не стерпит никакого неприличного слова.

Толстого посадили в крепость, но потом он был прощен.

Император Николай Павлович строго запретил дуэли и безжалостно карал всех участников, тем не менее ни в какую эпоху не было столько поединков, как в николаевские времена. Нельзя не упомянуть о смерти в эту эпоху поэтов А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, убитых офицерами Кавалергардского полка Дантесом и Мартыновым. Эти дуэли слишком хорошо известны, чтобы о них писать. Более счастливо окончилась дуэль третьего столпа русской литературы А. С. Грибоедова, имевшая место при гораздо менее известных обстоятельствах.

На сцене Императорского балета этого времени имела большой успех танцовщица Авдотья Истомина, которой Пушкин посвятил прекрасные стихи и счастливым покровителем которой был молодой кавалергард В. В. Шереметев. Одновременно с тем за Истоминой ухаживали А. С. Грибоедов и молодой граф Завадовский, жившие на одной квартире. Однажды, Истомина посетила их, что стало известно приятелю Шереметева, гвардейскому улану А. И. Якубовичу, впоследствии, в декабрьском восстании 1825 г. сыгравшем сомнительную роль. Якубович подбил Шереметева вызвать на дуэль Грибоедова, обещав со своей стороны поставить к барьеру Завадовского. Грибоедов, знавший о роле в этом деле Якубовича, предложил поменяться противниками. Первая из этих дуэлей имела место на Волковом поле при чем секундантами в ней были доктор Ион и известный кутила-гусар П. П. Каверин, также воспетый Пушкиным. У Завадовского оказалась простреленной пола сюртука, Шереметев же был убит на месте. Следственная комиссия, производившая расследование по этому делу, установила для участников довольно легкое по тому времени наказание, а именно: граф Завадовский был выслан за границу, Якубович

был переведен из гвардии в Нижегородский драгунский полк на Кавказ, участие Грибоедова было замято его родственником графом Паскевичем.

Впоследствии, в Тифлисе Грибоедов стрелялся с Якубовичем и был ранен в кисть руки. По изуродованному пальцу его труп был опознан впоследствии в Персии, когда персидская чернь перебила весь состав нашей миссии в Тегеране.

В те же николаевские времена имела место дуэль между офицерами Александрийского гусарского полка корнетом Меллером и поручиком Эраси из за оскорбления словами первым второго. Во время дуэли, происходившей во дворе квартиры его эскадронного командира, Меллер был убит. Император Николай Павлович подтвердил это дело так. «Поручика Эраси, вынужденного защищать свою честь, подвергнуть церковному покаянию, секунданта поручика Никитина заключить в крепость на четыре месяца, а штабс-ротмистра Амонда, принимавшего участие в дуэли, тогда как он, как прямой начальник обязан был ей воспрепятствовать и, дозволившего взять для дуэли казенные pistols, разжаловать в рядовые, с назначением в один из Сибирских полков».

Несколько позднее произошла дуэль между двумя молодыми гусарами, поручиком Зиновьевым и корнетом Кошкиным, очень дружившими между собой. Их дружбу погубил прибывший в полк корнет Али-Гассан, который поссорил приятелей. Кончилось это тем, что оба бывших друга вышли на поединок, вызванный сплетнями кавказца, выступившего в качестве секунданта на дуэли и сделавшего все от него зависящее, чтобы воспрепятствовать примирению. Во время дуэли Кошкин был убит наповал. Убивший своего друга Зиновьев, поняв, что сделался орудием в руках своего секунданта, вызвавшего это несчастье, потребовал этого последнего немедленно к барьеру. Струсивший Али стал просить прощения и от дуэли отказался.

Император Николай I-ый чрезвычайно мудро подтвердил доклад по этому делу. «Секунданта поручика Н., — гласила его резолюция, — посадить на месяц в крепость, поручика Зиновьева никакому наказанию не подвергать, а корнета Али Гассана по лишению всех прав состояния сослать на двадцать лет в каторжную работу в сибирские рудники».

В то же царствование, в Белорусском гусарском полку состоялась дуэль поручика Ляхова с квартировавшим совместно с ним корнетом Болотовым. Причиной послужило то, что Ляхов, продавая свою верховую лошадь одному из товарищей, сослался на Болотова, который будто бы может засвидетельствовать ее достоинства. На это Болотов, весьма основательно, ответил, что не только за чужую, но и за свою собственную лошадь, он ручаться не может. Из за этого загорелся весь сыр-бор и бывшие приятели стали врагами у барьера. Болотов выстрелил на ходу и перебил пулей ногу Ляхову. Последний, упав на одно колено, пригласил противника подойти к барьеру и прострелил ему грудь. По счастливой случайности, пуля не задела важных органов и он остался жив, хотя долго болел.

Тот же поручик Ляхов, являвшийся модным в то время типом «бреттера», т. е. специалиста по дуэлям, державшегося вызывающе по отношению к окружающим, в 1849 г. имел другую дуэль с корнетом Протасьевым. Ссора вышла из-за неодобрительного отзыва Ляхова об офицерах полка, куда Протасьев только что вышел из училища. Дело кончилось поединком в Сокольниках близ Ширяева поля. Протасьев, не моргнув глазом, выдержал выстрел противника, пуля которого сорвала у него с головы клочок волос. в тот момент, когда они оба подходили к барьеру. Затем корнет Протасьев не пожелал стрелять в Ляхова и около барьера признал, что погорячился и просил извинения.

Последнее обстоятельство рисует военную молодежь николаевского времени: гордость, доходящая до заносчивости, не уничтожала благородства и чувства великодушия в этих юношах, понятия которых являлись взглядами их среды, времени и воспитания.

Цесаревич Константин Павлович, имея весьма вспыльчивый характер, был вместе с тем человеком самых рыцарских правил и разделял взгляды своего времени. Однажды, производя развод Третьему Линейному полку в Варшаве, Цесаревич за какую-то ошибку рассердился на прапорщика Шуцкого и сгоряча приказал ему взять солдатское ружье и стать в ряды.

Офицеры полка очень оскорбились этим и вечером в гарнизонном собрании, в присутствии своего начальника дивизии, Шуцкой заявил о своем намерении вызвать Цесаревича на дуэль. Начальник дивизии счел подобные слова за дерзость и засадил не в меру гонорового фендрика на гауптвахту.

Наследник, однако, узнав о происшествии, взглянул на дело иначе. Он явился лично на гауптвахту, где сидел Шуцкой, в сопровождении своего начальника штаба генерала Куруты и, заявил Шуцкому, что явился к нему, чтобы принять вызов...

«Смотрите на меня не как на брата Монарха и не как на генерала, но как на товарища, который очень сожалеет, что оскорбил Вас, такого хорошего офицера. Все мои дела в порядке, — прибавил Цесаревич, — и генерал Курута получил все указания на случай моей смерти»...

Шуцкой ответил, что он вполне удовлетворен словами Цесаревича и отказывается от поединка.

«Если Вы удовлетворены, то обнимите меня,» — сказал Великий Князь. Шуцкого немедленно выпустили из под ареста и Константин Павлович на другое утро вызвал его перед фронтом полка и извинился перед ним публично. Случай этот великолепно характеризует рыцарские понятия, которыми руководствовались на службе офицеры николаевского времени, начиная от прапорщика и кончая Наследником престола.

Другой случай произошел с Великим Князем Константином Павловичем в царствование Императора Александра I-го, в Кавалергардском полку. Офицеры его сочли себя оскорбленными каким-то замечанием Великого Князя во время учения. Узнав об этом, Император приказал брату извиниться перед полком. На другой день, подъехав к строю кавалергардов, находившихся в конном строю, Константин Павлович громко сказал: «Я слышал, что гг. офицеры оскорблены моими словами, приношу за них извинение, но если кто-либо этим не удовлетворен, я к его услугам»...

После слов Великого Князя из строя выехал ротмистр Лунин, будущий декабрист, и отдав честь палашом, сказал: «Слишком много чести, Ваше Высочество, чтобы отказаться». Общество офицеров, однако, потребовало от Лунина прекратить дело, зная о его революционных взглядах.

Гвардейский офицер Князь Вяземский часто посещал в Москве семейство г-жи Б., состоявшее из нее, ее дочери и двух сыновей офицеров, служивших на Кавказе. Г-жа Б. во что бы то ни стало решила выдать замуж дочь за князя, почему под разными предлогами зазывала его к себе, оставляя наедине свою дочь с гостем и, наконец, объявила Вяземскому, что он скомпрометировал ее дочь и обязан на ней жениться. Поняв план г-жи Б., князь, не чувствующий за собой никакой вины, наотрез отказался жениться, тогда взбешенная дама заявила ему, что братья молодой девушки заступятся за честь сестры и принудят его жениться.

Вызванные с Кавказа, оба молодые человека явились к князю Вяземскому и предложили ему жениться на их сестре, или дать им удовлетворение. Вяземский принял вызов, хотя условия его были для него очень тяжелыми, а именно он должен был драться со старшим Б., пока один из противников не ляжет мертвым. В случае, если старший Б. будет убит, его заменит младший на тех же условиях. Во избежание судебных преследований, каждый из противников должен был иметь во время поединка на себе записку со словами: «прошу никого не винить в моей смерти: я убил себя сам». Мертвое тело, по

обоюдному согласию, должно было остаться на месте поединка. Дуэль состоялась в Петровско-Разумовском в одном из отдаленных углов его огромного парка. Старший брат Б. был убит на месте, а князю Вяземскому пуля пробила фуражку у виска. Младший брат после этого отказался от продолжения поединка и все его участники, оставив тело убитого на месте, удалились. Когда через три дня труп был обнаружен полицией, убитый оказался обокраденным и записка исчезла. Следствие, тянувшееся больше года, доставило Вяземскому много хлопот и испортило массу крови, пока все это происшествие, за неразысканием виновников, было предано на волю Божию.

В послужном списке Александра Александровича Нарышкина, орловского помещика, тайного советника, члена Государственного Совета по выборам и уважаемого всеми человека, находился следующий абзац: «был под судом и следствием за поединок, кончившийся нанесением им раны противнику — дворянину Кандаурову, за что приговором Орловского Окружного Суда от 18 февраля 1874 г. подвергнут заключению в крепость на 4 недели». Только через двенадцать лет последовало постановление комитета министров не считать Нарышкину означенную подсудность препятствием к службе. Это решение показывает, что в царствование Императора Александра Второго поединки карались русским законодательством, хотя и менее сурово, чем при Императоре Николае Павловиче.

Еще либеральнее стали смотреть на поединки в царствование Александра III-го, в эпоху которого было несколько громких дуэлей. Так в свое время наделал много шума поединок между двумя кавалергардскими офицерами князем Арсением Карагеоргиевичем, братом Короля Сербии Петра, и графом Мантейфелем. Князь Арсений, женатый на красавице Авроре Демидовой, потребовал удовлетворения за оскорбление своей семейной чести. Прекрасный стрелок, он тяжело ранил в живот своего противника, после чего потребовал развода.

В царствование Императора Николая Второго поединок был признан военным законодательством и стал обязательным для офицеров при известных условиях. Дуэль между офицерами стала считаться единственным средством смыть нанесенное оскорбление и восстановить честь мундира. Участники ее совершенно освобождались от наказания, если при поединке были соблюдены предписанные законом правила.

Среди офицерства Императорской армии столкновения между собой вносились на рассмотрение суда чести, имевшегося в каждой воинской части и последний выносил свои беспепелляционные решения. Подчинение решению суда чести было обязательным, в противном случае, отказавшийся от дуэли офицер исключался из рядов армии.

Дуэль согласно правилам принятым в армии происходила на огнестрельном оружии, в соответствии с правилами, детально разработанными на этот счет в специальном кодексе Дурасова.

Благодаря новому положению вещей дуэли в последнее царствование имели официальный характер и не скрывались от властей, почему о них было широко известно обществу.

Так в конце прошлого века произошла дуэль между офицерами Лейб-Гв. Павловского полка князем Н. П. Вадбольским и поручиком Ломоносовым. Ссора произошла за карточным столом, при чем проигравшийся Ломоносов без всякого повода оскорбил князя. Все попытки к примирению не привели ни к чему и на состоявшейся дуэли Вадбольский убил своего противника. Присужденный к трем годам крепости, так как поединок имел место еще до выхода нового законодательства о поединках, князь вскоре был помилован и впоследствии, окончив Академию, был генералом и командиром корпуса.

На почве служебных недоразумений произошел поединок между двумя лейб-гусарами Безобразовым и Лихачевым, во время которого последний был тяжело ранен. Бо-

зобразов, как известно, стал затем генералом и популярным командиром гвардейского корпуса.

Из за балерины Павловой имела место дуэль между конногвардейцем Дерюжинским и лейб-гусаром Маркозовым. Дуэль эта не имела трагического конца.

Из за спортивных счетов произошла дуэль между ахтырским гусаром ротмистром Лисаневичем и адъютантом командующего Одесским военным округом поручиком Папа-Лазаревым. Пуля, скользнувшая по аксельбанту, спасла жизнь Папа-Лазареву.

Также из за спортивных недоразумений стрелялись ротмистр Нарвского гусарского полка барон Рэнэ и штабс-ротмистр Петриченко, раненый в ногу. Гораздо более трагически закончилась дуэль между офицером Императорского Конвоя св. князем Александром Сайн-Витгенштейном и подполковником Максимовым, только что возвратившимся с англо-бурской войны. Князь был убит наповал.

Из за варшавской артистки дрались два офицера Л.-Гв. Гусарского полка Половцев и Ильенко. Последний был ранен в щеку, в то время как пуля, скользнув в шнурах венгерки, сбила с ног Половцева.

Много шума наделала в СПб в свое время дуэль между офицером Л.-Гв. Конного полка графом Мантейфелем и графом Николаем Феликсовичем Сумароковым-Эльстон, старшим братом убийцы Распутина. Дуэль, имевшая место из-за оскорбления семейной чести, окончилась смертью Эльстона.

За несколько лет до войны 1914 г. произошла дуэль между офицерами Конной Гвардии Золотницким и Бискупским из за женитьбы последнего на певице А. Д. Вяльцевой. По традиции старого времени, брак офицера с артисткой, кто бы она ни была обязывал его покинуть полк, как это случилось с офицером Л.-Гв. Уланского полка Корибут-Дашкевичем, женившимся на артистке Императорских театров Иравиной. Золотницкий напомнил Бискупскому именно этот случай, что послужило причиной дуэли. Золотницкий был ранен в ногу, после чего оба покинули полк.

Поединки в военной среде имели место в России далеко не только между молодежью с горячими головами и кровью. Хроника армии знает немало случаев генеральских дуэлей, когда к барьеру становились заслуженные люди в чинах и с седой головой. Так в царствовании Императора Александра Первого произошла оригинальная американская дуэль между князем М. П. Долгоруким, генерал-адъютантом Императора, и ген.-лейтенантом Н. А. Тучковым 1-м, впоследствии, павшим героем на Бородинском поле.

В сражении под Иденсальми, в Финляндии, 15 октября 1808 года прибывший по поручению Императора кн. Долгорукий предъявил ген. Тучкову притязание на командование его войсками. Тучков возразил, что он назначен на свой пост Главнокомандующим и не уступит начальствование над своими войсками другому лицу, да еще младшему в чине, без особого приказа. Горячий Долгорукий, в запальчивости, вызвал Тучкова на дуэль. Этот последний, однако, возразил, что в виду неприятеля, накануне атаки, двум генералам на войне стреляться немыслимо, и, вместо этого предложил князю выйти вместе с ним на передовую линию и предоставить решение спора судьбе, т. е. пуле или ядру неприятеля. Долгорукий согласился и шведское ядро убило его наповал. Любопытно при этом отметить, что в тот же день, к вечеру, в Иденсальми прискакал фельдегер от Императора, привезший производство Долгорукого в генерал-лейтенанты, орден Св. Александра Невского и согласие Императора и вдовствующей Императрицы Марии Федоровны на брак кн. Долгорукого с Великой Княжной Екатериной Павловной.

В царствование Императора Александра Второго произошла другая американская дуэль и также между двумя высшими генералами, а именно: в 1861 г. между Наместником царства Польского генерал-адъютантом графом Карлом Карловичем Ламберт и генерал-губернатором Варшавы генерал-адъютантом Алексеем Даниловичем Герштенцвейгом

произошло столкновение на служебной почве, окончившееся вызовом на поединок. Так как оба генерала занимали высшие посты в царстве Польском, то было решено прибегнуть к американской дуэли. Жребий вытянул ген. Герштенцвейг, который и застрелился на следующий день. Дело не получило официальной огласки, но граф Ламберт, явившись в СПб, доложил правду Государю Александру II-му и, подав в отставку, уехал навсегда за границу, где и умер на о. Мадейре.

В том же царствовании Императора Александра II-го произошла дуэль, за границей, между фельдмаршалом князем Александром Ивановичем Барятинским, наместником Кавказа и его адъютантом полковником В. П. Давыдовым из-за жены последнего. Дуэль окончилась благополучно, после чего кн. Барятинский вышел в отставку и женился на г-же Давыдовой.

В царствовании Императора Александра III-го имел место поединок между генералом бароном Бистром и ген. Баумгартеном, носившими одну и ту же форму Уланского Его Величества полка. Дуэль была следствием столкновения на служебной почве. Пуля пробила сюртук ген. Баумгартена, но он остался невредим.

В царствование Императора Николая II-го генеральская дуэль на саблях произошла в 1905 г. в СПб. между защитниками Порт-Артура генералами Фок и Смирновым, комендантом сдавшейся японцам крепости, из за показаний на суде, разбиравшем это дело. Генерал Смирнов был ранен. Одна из последних дуэлей в России произошла между жандармским полковником Мясоедовым и журналистом Борисом Сувориным, из за статьи этого последнего в газете «Новое Время», задевавшей репутацию Мясоедова. За несколько лет до этого тот же Мясоедов дрался на дуэли с депутатом Государственной Думы А. И. Гучковым, впоследствии министром Временного Правительства.

А. Б. Егоров

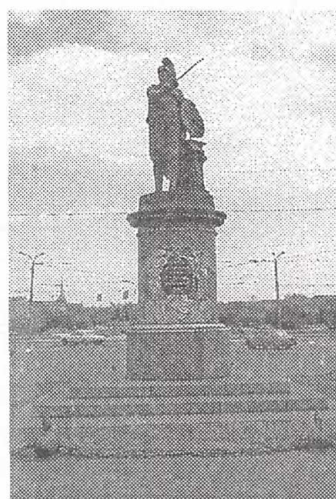
Римская военная символика в Петербурге

Россия и Рим. Две Империи, две исторические судьбы — разные и схожие. При «линейном» рассмотрении истории сопоставление может показаться абсолютно неправомерным, а по сравнению с экономическим развитием, произошедшим в России за три века, эпоха Римской Империи может показаться временем полного застоя. Вместе с тем, есть много общего в процессе формирования и развития двух крупнейших держав. Естественно, что более поздняя империя не могла не проявлять интереса к империи более ранней.

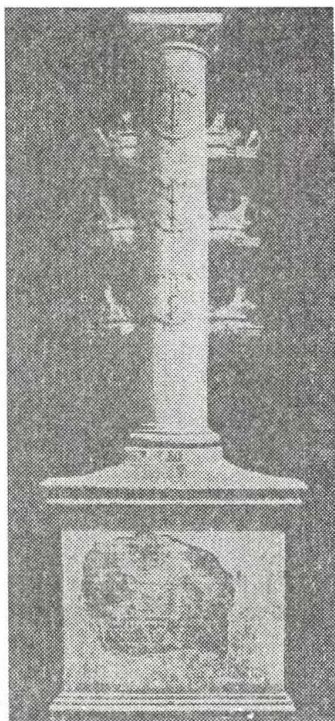
В архитектуре Петербурга, пропитанной античной тематикой, можно обнаружить целый ряд важнейших элементов и признаков, характерных для римской архитектуры. Интересно, что если Греция воспринималась и воспринимается потомками прежде всего как средоточие культуры, а греческое искусство по преимуществу отвечало эстетическим запросам скульпторов и живописцев, то Рим больше привлекал и привлекает внимание военным и имперским величием, монументальностью архитектурных изображений и, в немалой степени, воинской направленностью своего искусства.

Естественно, война играла немалую роль и в греческой жизни, однако отражение ее в искусстве кажется менее значительным. Эллинская архитектура меньше отражает войну как таковую и даже памятники, специально посвященные военным событиям (например, знаменитый Пергамский алтарь), содержат скорее мифолого-аллегорическое толкование происходящего. Греческие скульптуры часто изображают воинов, однако последние больше интересуют авторов как выражение эстетического идеала человека и гражданина.

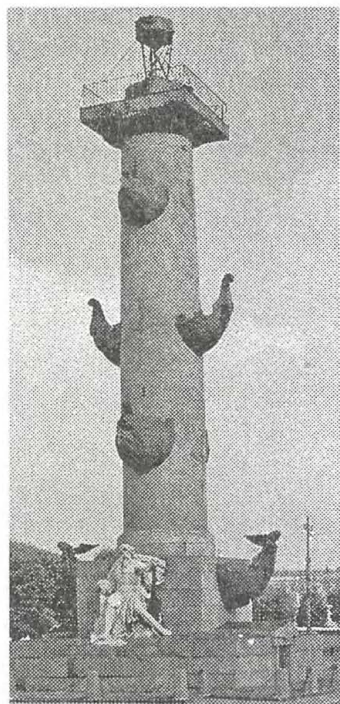
Римляне относились к военной теме несколько иначе. Военное государство, созданное силой оружия и сделавшее войну одним из главных условий существования, Рим постоянно отражает эту тему в своих изобразительных памятниках. Именно римляне, в полном смысле этого слова, создают военную символику, и именно они в широких масштабах вводят ее в архитектуру, декор и изобразительное искусство. Изображения воинов, оружия, боевых знамен, военных машин, триумфальные арки и колонны переполняли мировую столицу и должны были символизировать подавляющую военную мощь, на которой покоилась всемир-

Памятник А. В. Суворову на Марсовом поле (М. И. Козловский, отк. в 1801 г.) Санкт-Петербург

Ростральная колонна Г Дуиллия в Риме (установлена в III в. н. э.)

Ростральная колонна (Ж Тома де Томон, 1805—1810 гг.) Санкт-Петербург

ная держава. Конечно, нельзя ограничивать образ Рима только этим образом города-воина, однако военная тема была крайне важна для римского искусства, а римская военная символика была особенно устойчива в искусстве последующего времени.

В архитектуре Петербурга можно найти целый ряд элементов, характерных именно для архитектуры Рима. Санкт-Петербург тоже создавался в значительной степени как столица военной державы, и многие традиции римской военной архитектуры нашли отражение в зодчестве нашего города. Известные петербургские памятники говорят о глубоком знании создателями города римских традиций и о сильном влиянии на них римской военной символики.

Римская традиция видна и в планировке Дворцовой площади с Александровской колонной в центре, и в архитектуре кафедральных соборов, и в планировке стадионов, напоминающих римские амфитеатры. Римская символика хорошо прослеживается также и в памятниках, более тесно связанных с военными традициями, например, в символике Марсова поля, Ростральных колонн, Триумфальных арок, арки Главного Штаба. Она же видна и в изображениях полководцев и царей, как, например, в памятниках М. И. Кутзову и М. Б. Барклаю де Толли у Казанского собора или в конной статуе Николая I, имеющей много сходства с конными статуями римских императоров.

Впервые отрубленные носы вражеских кораблей были использованы римлянами как элемент архитектурного украшения города в 338 г. до н. э., когда консул Гай Мений распорядился поставить на форуме носы кораблей, захваченных в крупном вольском городе Анции, с которым Рим вел тяжелые войны. Позднее носы кораблей (по латыни — *rostrae*) установил консул Гай Дуиллий, одержавший первую в истории Рима морскую победу над карфагенянами при Милах в 260 г. до н. э. Их примеру следовали многие римские флотоводцы, в том числе и император Август, поставивший аналогичные трофеи своей победы над флотом Антония и Клеопатры при Акции (31 г. до н. э.). Петербургские Ростральные колонны были установлены одновременно со зданием Биржи (1805—1810 гг.) по проекту архитектора Ж. Тома де Томона. В этом архитектурном ансамбле они служили символом петровских побед при Гангуте и Гренгаме, а также — других побед русского флота. У подножия колонн были установлены изваяния с аллегориями русских рек — Волги, Днепра, Волхова и Невы, высеченные из пудостского камня по моделям скульпторов И. Камберлена и Ж. Тибо. Показательно, что и Россия, и Рим, долгое время бывшие сухопутными державами, особенно гордились именно победами на море над более опытными морскими противниками.

Александровская колонна на Дворцовой площади (О Монферран; откр в 1834 г.) Санкт-Петербург

Колонна Марка Аврелия в Риме (II в. н. э.)

Конная статуя Марка Аврелия в Риме (II в. н. э.)

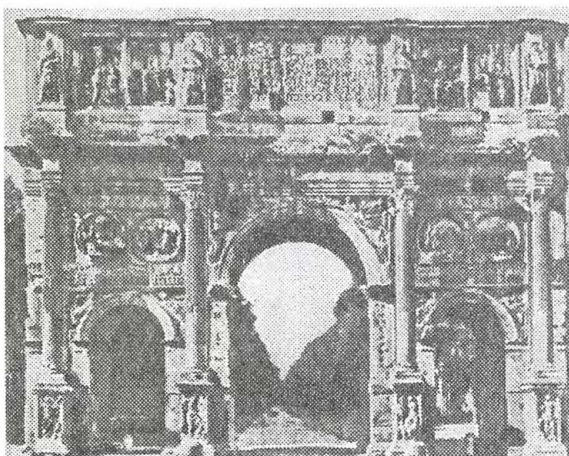

Конная статуя Николая I на Исаакиевской площади (арх. О Монферран, ск. П. К. Клодт; 1856—1859). Санкт-Петербург

Большое Потешное поле, ставшее уже в начале XVIII века местом военных парадов, фейерверков и народных гуляний, с начала XIX века получило название Марсова. Марсово поле в Риме представляло собой низменность между рекой Тибром и холмами Капитолием и Квириналом, а также — городским районом Пинцием и было изначально посвящено богу Марсу, вначале бывшему мирным божеством плодородия, а затем ставшему богом войны. На римском Марсовом поле происходили собрания центуриатных комиций (римского народного собрания), имеющих военный характер. По аналогии с Римом, Марсовы поля появились в ряде городов Германии и Франции, а затем и в России. Некоторым новшеством в архитектуре Петербурга — Ленинграда стало превращение его в мемориал жертвам революции, однако, быть может, и это восходит к традициям Рима. 5 ноября 1957 г. в центре мемориала был зажжен вечный огонь. Общечеловеческий символ — вечный огонь имел для Рима особенное значение, а его поддержание должно было обеспечить нормальное существование города.

Нарвские ворота были сооружены для торжественной встречи русской армии, возвращавшейся из заграничного похода 1813—1814 гг., самого значительного похода в Европу в истории Российской Империи. Московские ворота стали символом победы русского оружия над Персией и Турцией в 1828—1829 гг. Центром композиции здания Главного штаба тоже является Триумфальная арка, которую венчает колесница Победы с шестеркой коней. Как архитектурное сооружение, арка является изобретением римлян, а основаниями для постройки как римских, так и российских триумфальных арок были победы в больших войнах, завершавшихся триумфом — торжественным прохождением армии по городу.

Смысл арок заключался не только в символике победы, но и в их очистительном значении. Благодаря аркам, обычай триумфа приобретал важный религиозный смысл: при прохождении под ними солдаты очищались от скверны, которой они покрывались во вре-

Арка Константина в Риме (IV в. н. э.)

Арка Главного Штаба на Дворцовой площади (К. И. Росси; 1819—1829 гг.). Санкт-Петербург

Нарвские триумфальные ворота (В. П. Стасов; 1827—1834 гг.) Санкт-Петербург

Арка Тита в Риме (I в. н. э.)

мя пребывания в чужой стране за пределами города. Российские арки очень напоминают римские, особенно арки Септимия Севера (III в. н. э.) и Константина (IV в. н. э.).

Именно идея триумфальной арки показывает сложное отношение к войне как римлян, так и россиян. Идея триумфа и триумфальной арки отражают как радость победы и возвращения солдат живыми с войны, так и выражение имперского могущества и, вместе с тем, осознание трагедии войны, глубокого понимания необходимости очищения от зла, которое человек неизбежно видел и часто должен был совершать на войне. Вместе с тем, российская традиция несколько переосмыслила идею триумфальной арки: если римляне ставили их как памятники захватнической войне, то триумфальные арки Петербурга связаны прежде всего с Отечественной войной 1812 года, спасшей независимость России.

Римское наследие также отражают памятники А. В. Суворову в центре Суворовской площади и М. Б. Барклаю де Толли у Казанского собора. Изображение А. В. Суворова в виде бога войны Марса перекликается с римской традицией изображения императоров в виде богов. В памятнике Барклаю де Толли можно обратить внимание на жезл фельдмаршала, поразительно сходный с жезлом римского полководца, и на поверженного орла, изображение которого играло большую роль в римской символике.

В популярности римской темы в России значительную роль играло влияние западноевропей-

ского искусства, для которого римская традиция была важнейшим историческим фундаментом. Как европейская столица России, Петербург был обращен на Запад, и, как известно, его облик во многом отличается от традиционного облика русского города. Показательно и то, что римская атрибутика была особенно характерна для определенного стиля, в частности, высокого классицизма, господствовавшего в архитектуре города в 1800—1830-х гг. и олицетворявшего прославление российской государственности. Вместе с тем, римская военная тема прослеживается и в петровском, и в екатерининском, и в александровском Петербурге. Город был столицей имперского государства, и более молодая держава испытывала «равнение» на великую империю древности. В отношении к Римской Империи была и некоторая сложность. Победа над наполеоновской Францией, тоже видевшей в себе преемника Рима, Францией, которая ранее воспринималась как культурный учитель России, преломилась в сознании русского общества прежде всего как победа православного христианского государства над «безбожной» революцией, но вместе с тем воспринималась и через идею побед римлян над галлами и через идею победы России над самим Римом, а вместе с тем — как принятие исторической эстафеты.

Л. Летягин

... В карауле в Зимнем дворце. «Литературные мечтания» К. Р.

«Мы и в литературе высоко чтим табель о рангах и боимся говорить вслух правду о высоких персонах» ... К творчеству Великого князя Константина Константиновича, по крайней мере к восприятию «Стихотворений К. Р.» ближайшими современниками, мысль Виссариона Белинского имеет совсем не косвенное отношение.

И в хвалебных, и в отрицательных оценках поэтического наследия «К.Р.» слишком многое определялось социальным положением и происхождением автора.

Немало из того, что в превосходной степени прозвучало в адрес «*поэта любви и красоты*» при его жизни, диктовалось условностями этикета. Впоследствии действительные достоинства лирики К. Р. легко «уравновешивались» одной фразой классового комментария: «его умственный кругозор сложился в казарме; его любимой газетой было «Новое время»»¹.

В послереволюционные годы за Вел. кн. Константином прочно закрепляется характеристика «эпигона светского стиля». В новой культурной ситуации ему отказывалось в праве сохранить присутствие в панораме своего века хотя бы в качестве фигуры литературного фона.

Среди выдвинутых временем аргументов вовсе не спорность масштаба лирического дарования «К. Р.» была действительной причиной того, что он был «отставлен» и основательно забыт. В системе вновь заявленных категорий социологии искусства не объясненной по существу осталась недавняя культурная ситуация, в которой находили естественное, бесконфликтное примирение «негромкий поэтический голос» и «громкий публичный успех».

***

Был или не был криптоним «К. Р.» загадкой для читателя при своем появлении? На что рассчитывал член высочайшей фамилии, выпуская в свет сборник своих стихотворений под этим «скромным псевдонимом»?

Титульный лист первого издания «Стихотворений К. Р.» с автографом-посвящением Вел. кн. Александру Михайловичу (воспроизводится впервые)

Избираемое поэтическое имя не могло восприниматься в качестве абсолютно нового. И несколько ранее, а затем параллельно с ним в русской словесности сосуществовало около десятка авторов, укрывшихся за теми же литерами — без какого-либо намека на принадлежность к царствующему дому. В 1861 году именно так, в частности, оказалось возможным опубликовать неизвестные ранее стихотворения опального Кондратия Рылева².

Лишь какое-то время спустя инициалы «К. Р.» оказываются прочно соотносимыми с одной конкретной персоной, потеснив в литературе и предшественников, и современников.

Только ли в меру своей разгаданности?

Не ставя целью выделить поэтические заслуги августейшего автора из общего наследия ревнителей светского стиля, необходимо отметить одно очевидное отличие «К. Р.» от других “литературных аристократов”. Высший свет он знал не понаслышке и принадлежал к самой избранной его части по праву рождения.

Это была сфера действительной жизни, которая всегда оставалась недостижимой, традиционно-официальной, в чем-то “внеличностной”.

Великокняжеский титул, в соответствии с законодательством о Царской семье, давался по степени родства и с рождения отличал его обладателя от всякого частного человека.

“Литературное поведение” Великого князя неожиданно обозначило для читателя *другую реальность* — даже в тех случаях, когда стихи К. Р. не несли желаемой новизны образов и не выходили за пределы поэтических штампов. Каким диссонансом должен был прозвучать его лирический голос на фоне официоза восприятия жизни императорского дома :

...Смотри : не каждый ли из нас
Несовершенное создание ?
Мы жертвы слабые судьбы,
Поступки наши так понятны !..

Не все ль виновны мы во многом,
Не все ли братья во Христе ?
Не все ли грешны перед Богом ...

Если Екатерина Великая являла собою пример литературы с высоты трона, а все выходявшее из-под «высочайшего пера» приобретало характер политического документа, то совершенно противоположной оказывалась культурная функция «Стихотворений К. Р.». Можно ли было допустить любопытствующего современника к откровениям «любвеобильной души поэта» ? Лирическое чувство мира неожиданно обнаруживалось там, где ранее его встретить вряд ли представлялось возможным. Это неизбежно предполагало рассмотрение проблемы «жанрового соответствия».

Обязательные для каждого дореволюционного издания отметки: «В государственной типографии», «Дозволено цензурою» на титульном листе “*Стихотворений К.Р.*” приобретали специфическое дополнительное значение. Прежде чем пройти через цензурное ведомство, они безусловно должны были пройти цензуру «Высочайшую», и Александр III не мог в этом случае игнорировать в высшей степени охранительное “семейное мнение”.

В обозначенной ситуации самостоятельной оценки потребуют и лирический опыт «К. Р.», и жизненный опыт Великого князя Константина Константиновича. Именно взаи-

мозависимость этих «начал» позволяет сегодня говорить об интересующих нас поэтических опытах как явлении исключительном.

Племянник Александра II, кузен Александра III, двоюродный дядя последнего российского императора не должен был восприниматься особняком в окружении своих ближайших родственников.

Вместе с тем, поэт «К. Р.», оставаясь членом императорской семьи, неизбежно вынужден был нести в своем творчестве отпечаток конфликта долга и чувства. Опыт перевода Великим князем «Гамлета» имел для него явно программный, философский характер.

Особая притягательность шекспировского образа побуждала не только к литературным переводам, обстоятельному и серьезному историко-культурному комментированию, но и к многократному воспроизведению драматической ситуации в «в лицах» — в узком кругу, на частной сцене. Это вносило особый оттенок в повседневность великокняжеского дома. Как вспоминала княгиня императорской крови Вера Константиновна, «Сара Бернар, великая французская актриса, приезжала к нам в Петроград, и они на сцене вместе с отцом разыгрывали «Гамлета»»³.

«Я веду две жизни: одну — семейную, дачную, а другую — служебную, лагерную»⁴, — поделится однажды Великий князь в частном письме. Объединяющей, а во многом и примирающей все планы действительности станет для К. Р. жизнь литературная.

Нам практически неизвестна область отечественной культуры, связанная с дворцовым бытом. Положительные представления ограничивались здесь, как правило, покровительственной ролью самодержавия. Представить российского императора или близких ему лиц в естественном качестве «рядового» читателя оказывалось совсем непросто. Сфера еще недавно совсем неведомая — область авторства.

«Литературная домашность» — явление, охватывавшее когда-то почти все сословия России. Поддержанная устной или письменной традицией, она активно формировала основной фон читательских вкусов и предпочтений, накладывая отпечаток на многие стороны культурной жизни.

Литературный быт Мраморного дворца не сводился к присутствию в гостиной официально приглашенного чтеца. Не ограничивался он и областью литературного дилетантизма — стихами «на случай», благосклонно принимаемым к именинам, и прочим забавам праздного досуга.

«В свободное от службы время, — писал Великий князь И. Гончарову, — я обыкновенно читаю жене вслух, стараясь посвящать ее в прелести нашей родной письменности. Она уже познакомилась с «Демоном» и «Героем нашего времени»...»⁵.

В самом узком читательском кругу оказывались впервые представлены и лирические опыты К. Р., где, как правило, подвергались наименее лицеприятной оценке, не терпящей ни общих лирических мест, ни универсальной возвышенности планов.

Всегда строгий в оценках Афанасий Фет, поэтический авторитет которого для Великого князя будет абсолютен, тактично укажет своему августейшему ученику на «необходимость искать новизну в поэзии».

Для И. Гончарова специфическая прелесть общих лирических мест К.Р. оказывалась простительной в меру искренности автора. Вот почему он не раз берется поддержать своего постоянного адресата.

«Ваши «домашние» критики строго судили, назвав это произведение «рифмованной прозой»»⁶, — поощрительно заключает Гончаров. «Присланные мне стихи, — отметит он в другой раз, — <...> просты, искренни и трогательны, согласно натуре Вашей, и еще, может быть, потому, что набросаны «случайно, против обыкновения», т. е. вылились прямо из сердца». Гончаров сознательно дословно повторит строчки авторского комментария по по-

воду вновь присланного ему стихотворения (“эти последние стихи вылились как-то случайно и против обыкновения <...> Простите за непрошенные строки ...”)⁷. Естественность, “невольность” творческого импульса оказываются для Гончарова залогом появления наиболее удачных стихотворных опытов опекаемого им августейшего автора.

Другая отличительная авторская черта «К. Р.» — «маркированность» каждого поэтического текста. Им точно датируются даже его переводы, причем всегда указывается не только время, но и место написания стихотворения — Павловск, Стрельна, Осташево, лагерь в Красном Селе...

Подробные отметки существуют уже в рукописных текстах, что позволяет рассматривать стихотворные циклы как своеобразный дневник.

Этот лирический журнал отличают многие особенности мемуарного повествования, в котором за “размытостью метафор” и общностью поэтических мест проступают реальные биографические черты. “Письма” «К. Р.», вошедшие в первый сборник стихотворений, оказываются частью его эпистолярного наследия и всегда предполагают конкретно адресата.

Не случайно, что проясняющая лирическую ситуацию авторская атрибуция в первом издании стихотворений окажется тактично снятой. В сборнике 1886 года отсутствуют любые датировки, позволявшие хронологически соотнести поэтический «сюжет» с событиями жизни членов высочайшей семьи, великосветской действительностью. Отсутствовали и посвящения императрице, государю наследнику и др., не были названы адресаты лирических посланий.

Однако три года спустя — при повторном издании «*Стихотворений К.Р.*» — хронологические «привязки» будут восстановлены и попадут, таким образом, в сферу читательского интереса.

Период с 1886 по 1889 оказывается временем ключевого сдвига в понимании автором портретных черт его лирического героя, что позволяет рассматривать повторную публикацию как издание принципиально иное. Решительность подобной декларации вполне очевидна, так как это было первое доступное издание, поступившее в продажу.

Точное обозначение времени и места выполняло и особую эстетическую функцию, уточняя интимные стороны портрета лирического героя.

Именно теперь обозначились и некоторые дополнительные грани стихотворных текстов, не столь очевидные ранее. Так в поле зрения читателей оказалась поэтическая идиллия, написанная *в карауле в Зимнем дворце*.

Стихи, написанные в карауле (?!) — несомненная ошибка определения, вряд ли допустимая даже для Великого князя. В заявленном контексте биографический конфликт К. Р. и его “гамлетовский комплекс” отступали на второй план перед конкретными должностными оценками. Как можно было соотнести в “штатной ситуации” произведение «*чистого искусства*» и прямые службные обязанности командира гвардейской роты ?

Известная лирическая характеристика К. Р.

Я не могу писать стихов,
Когда встречаюсь порою
Средь всяких дрызг и пустяков
Со лживой пошлостью людскою ...

в меру романтической условности если и была простибельна для молодого поэта, то явно не годилась для послужного списка гвардейского офицера. По поводу эпитета «пошлые» Иван Гончаров заметит однажды своему августейшему адресату: “Не все заботы в «шумном свете» пошлы: есть много необходимых и полезных, даже почтенных, которые

приходится нести большинству людей, лишенных возможности дышать свежим воздухом «зеленых лугов»»⁸.

Однако хорошо знакомые читателю приметы идиллического пейзажа для самого автора оказывались чаще лишь фоном воспроизведения близкой ему бытовой реальности. Все социальные условности (и в первую очередь условности придворного быта) в лирике К. Р. будут устойчиво противопоставляться эмоциональному восприятию полковых будней.

Здесь далеки мы от шумного света,
Здесь далеки мы от пошлых забот...
(“В дежурной палатке”)

...Вот от того мне так милы и любы
Эти стоянки под Красным Селом,
Говор солдатский веселый и грубый,
Шепот кудрявых березок кругом,

Эта дежурная наша палатка,
Этот зеленый простор луговой...
В лагерной жизни труда и порядка
Я молодею и крепну душой.

В какой степени совмещение элитарных установок “чистого искусства” и “прозы” караульной службы было для К. Р. действительно конфликтным?

В письмах Великого князя к И. Гончарову находим интересную “прозаическую параллель” его излюбленного лирического мотива : “Лето у нас стоит хорошее. Я люблю наши воинственные упражнения под палящими лучами солнца, среди полей, где на необозримое пространство кругом расстилается пестрое море цветов, посевов, лугов. Мне кажется, всюду можно вносить свою поэзию и везде находить хоть долю прекрасного”⁹.

Шефом Измайловского полка был Государь император. Великий князь нес личную ответственность за своих солдат-измайловцев, стоявших на часах у «личных комнат» Александра III. Радостные и драматические стороны военного быта не раз послужат импульсом к появлению стихотворных опытов К. Р. — «Солдатом он стал Государевой роты в одном из гвардейских полков ...» (“Уволен”). Именно эти “полковые строки” И. Гончаров не согласится назвать “рифмованной прозой”.

Интересующее нас стихотворение, написанное в карауле в Зимнем дворце, во всех изданиях традиционно воспроизводится с пометкой “13 сентября 1885 г.”. Однако творческая история текста начинается ранее, что уточняется не только по рукописи¹⁰, но и подтверждается дневниковыми записями Великого князя :

«3 сентября <...> Павловск <...> Вечером читал жене Обломова. Потом поехал к Роберту, или вернее к его тетушке на дачу. Там провел очень прилично время. Пили чай, разговаривали, смеялись. Когда я вернулся домой, мне вдруг захотелось «теплых летних стихов», и я почти невольно выговорил два стиха :

Как хорошо бывало летом
В цветущем садике моем,
Так жарко, знойно так пригретом
Горячим солнечным лучом !

Эти последние два стиха я прибавил сегодня вечером. Пили кофе вместе женой. Я писал дневник <...> отправил письмо ...»¹¹

Авторская отметка «Въ карауле в Зимнем дворце» имеет отношение лишь к окончанию стихотворения — тем заключительным строфам, которые были дописаны непосредственно 13 сентября, дню дежурства роты Измайловского полка в стенах императорского дворца.

Начало октября — обычное время возвращения в столицу Высочайшего двора, начало великосветского сезона. Это возможный ответ на вопрос, почему августейшему автору «вдруг захотелось *«теплых летних стихов»*». Значимыми для течения дня К. Р. оказывались и простые бытовые приметы.

«13. Пятница. Жаль немного, но хорошо. В 12 ч. уехал в Роту, заходил <...> в канцелярию и завтракал у Ильинских <...> В 4 ч. был в Павловске. Получил письма, читал их. В 6 часу пошел в церковь. После обеда поехали на музыку <...> До 12 часов читал жене Обломова. Все эти дни я с увлечением читал в Военном сборнике за 1879 год Армейские записки Драгомирова, подписанные NN <...>»¹².

Великий князь делит себя между семьей и службой — Зимним дворцом и любимым, по-новому обустроенным Павловском. Дворец прадеда — любимое и преимущественное его место пребывания вне Петербурга. Здесь, в его рабочем кабинете, завершатся его дни.

Был «удивительно уютен, несмотря на огромные размеры, этот обставленный с царской роскошью кабинет. Холодноватая сухость дворцового покоя павловских времен согрета теплом интимных привычек и склонностей изящной натуры хозяина»¹³, — отметит не раз навещавший Великого князя Н. Сергиевский.

«Спокойный он очень был. Все писал в своем кабинете, стал известным поэтом», — такой по-детски наивный образ отца сохранится в памяти княгини императорской крови Веры Константиновны (отца она потеряла 9 лет от роду)¹⁴.

С этим кабинетом окажется связана и история написания известной нам идиллии 1885 года.

В связи с отсутствием Высочайшей фамилии почти на два месяца приостанавливаются записи в журнале Камер-фурьерской части — официальной придворной летописи¹⁵. В петербургской жизни естественным образом на второй план отодвигалось многое из того, что было связано с великосветскими обязанностями члена императорской семьи.

«Летние стихи» включаются в комплекс устойчивых мотивов лирики К. Р., которые представляются интересными если не в собственно поэтическом, то в литературно-бытовом отношении. В одном из писем И. Гончарову Великий князь Константин однажды заметит: «... Кончились маневры, прошла лагерная пора, христоробивое воинство водворено на покой по деревням, а мы — мужья — возвращены к нашим семьям и до начала октября можем спокойно и беззаботно греться у домашнего очага. <...> Тихая жизнь в Павловске имеет большую прелесть осеннею порою; свободного времени много, душа и тело отдыхают после летней работы и набираются свежих сил на зимние суетливые тревобления»¹⁶.

Смена житейских планов возвышает самостоятельную ценность каждого из них. В биографии Великого князя Константина десять дней сентября 1885 года окажутся заполнены несуетными домашними заботами, уединением в кругу «милых сердцу лиц» и должностными обязанностями, оставлявшими достаточно времени для поэтического досуга.

Ему только что исполнилось 27 лет. Было на исходе второе лето его семейной жизни. Через 9 месяцев появится его первенец Иоанн. Дни стояли туманные и сырые. На фоне дождливого в этот год начала сентября стихотворные строки воспринимались как поэтическая банальность. Однако есть и иной аспект восприятия «светской лирики» военного человека.

Поэтическим итогом этих дней и станет известное стихотворение К. Р., включенное им позднее в цикл “Времена года” .

***

Как хорошо бывало летом
 В цветущем садике моем,
 Так жарко, знойно так пригретом
 Горячим солнечным лучом!
 Тот запах липового цвета,
 Уж я вдыхал его, вдыхал!
 Прошли те дни тепла и света,
 Когда весь мир благоухал,
 Когда душистого горошка
 Так много было под окном...
 А уж теперь моя дорожка
 Опавшим устлана листом,
 Мои березки пожелтели,
 Уж осыпается мой сад...
 И мне сдается: не во сне ли
 Весь этот радужный наряд,
 Которым, как в волшебной сказке,
 Была разубрана земля,
 Весь этот блеск, все эти краски,
 Всю эту прелесть видел я!

В карауле в Зимнем дворце.
 13 сентября 1885

Примечания

- 1 Красный архив. 1930. Т. 6. С. 93.
- 2 Биографические записки 1861. № 14.
- 3 Родина. 1993. № 1. С. 30.
- 4 *Гончаров И. А., Романов К. К.* Незданная переписка. Стихотворения К. Р. Драма. Псков, 1993. С. 43.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 118.
- 7 Там же. С. 102, 101.
- 8 *Гончаров И. А., Романов К. К.* Незданная переписка. Стихотворения К. Р. Драма. Псков, 1993. С. 109.
- 9 Там же. С. 44.
- 10 *Бем А.А.* Рукописи Великого князя Константина Константиновича, поступившие на хранение в Рукописное Отделение Библиотеки Академии наук: Охранная опись. Пг., 1917. С. 777.
- 11 ГАРФ. Ф. 660 Оп. 1. Д. 27. Л. 42-об.
- 12 ГАРФ. Ф. 660 Оп. 1. Д. 27. Л. 48-об—49.
- 13 *Сергиевский Н.Н.* Памяти августейшего поэта // Наша старина. 1915. № 7. С. 628.
- 14 Родина. 1993. № 1. С. 30.
- 15 Александр III отбыл в Копенгаген с семьей 22 августа, о чем была сделана соответствующая запись в Камер-фурьерском журнале: “Отъезд Их Величеств со всеми Августейшими Детьми в Данию <...> для свидания с Августейшими родителями Государыни Императрицы” // РГИА. Ф. 516. Оп. 53/2048. Ед. хр. 6. Л. 411-об.— 412-об. Новая книга журнала открылась записью от 9 октября // РГИА. Ф. 516. Оп. 206/2703. Ед. хр. 59. Л. 1.
- 16 *Гончаров И. А., Романов К. К.* Незданная переписка Стихотворения К. Р. Драма. Псков, 1993. С. 116.

Е. И. Жерихина, В. Н. Яранцев

Воинские и мемориальные храмы Санкт-Петербурга

К началу 1917 г. в столице Российской империи — Санкт-Петербурге — было более 700 храмов¹. Из них воинские, военного и морского ведомства, имевшие особое духовенство, составляли десятую часть. Из общего числа 23 городских соборов (включая монастырские) военных и морских было 6. В воинских храмах хранились боевые трофеи и награды, на памятных досках высекались имена воинов, убитых в боях и скончавшихся от ран. Соборы гвардейских полков являлись символами мощи и непобедимости Российского государства; это усиливалось установкой рядом с ними памятников победам русского оружия. Посвящения воинских храмов, как и всех важнейших храмов Санкт-Петербурга, — интереснейший документ отечественной истории, запечатлевший оценку нашими предками смысла ее важнейших событий.

Город возник и строился во время Северной войны, и само его имя — посвящение святому апостолу Петру (и неразрывно связанному с ним апостолу Павлу) — включает в себя представление о высшей цели этой войны. Заданное этим посвящением уподобление Санкт-Петербурга Риму и Иерусалиму, открывшихся для России врат в Европу вратам Рая — определяет смысл происходивших в России культурных реформ, центром которых являлась новая столица. Это — реформы, благодаря которым «россы» вышли из самоизоляции, «из тьмы неведения на феатр славы всего света» и стали «к обществу политических народов присовокуплены»². Основание города в день праздника Пятидесятницы — праздника основания Церкви Христовой и первой проповеди апостола Петра — в соединении с именем города напоминало о единстве христианских народов, к которым присоединилась новая Россия — Российская империя. В пространстве города знаками его культурной ценности стали первые соборные храмы — Петропавловский и Троицкий (на день Пятидесятницы). По сей день в соборе святых первоверховных апостолов Петра и Павла хранятся трофеи Северной войны — шведские знамена, так как смысл войны — в воплощенном этим храмом открытии врат Европы и созидании Парадиза³.

Выделение особых воинских храмов происходит постепенно. Еще с петровских времен в связи со своим положением приграничного города, крепости и столицы С-Петербург отличался большим количеством воинских частей, в нем расположенных. Часто при полках молились в походных церквях, перед походными иконостасами⁴. Некоторые из них получили особую значимость — те, в которых молились накануне сражений, увенчавшихся победами. Такая походная церковь становилась тем самым мемориальной; ее (то есть ее иконостас и утварь) помещали в постоянное место. Так, например, походная церковь, в которой молились перед битвой при Лесной, была освящена во имя св. преподобного отца Харитона Исповедника (на день битвы — 28 сентября⁵) и перенесена в Си-

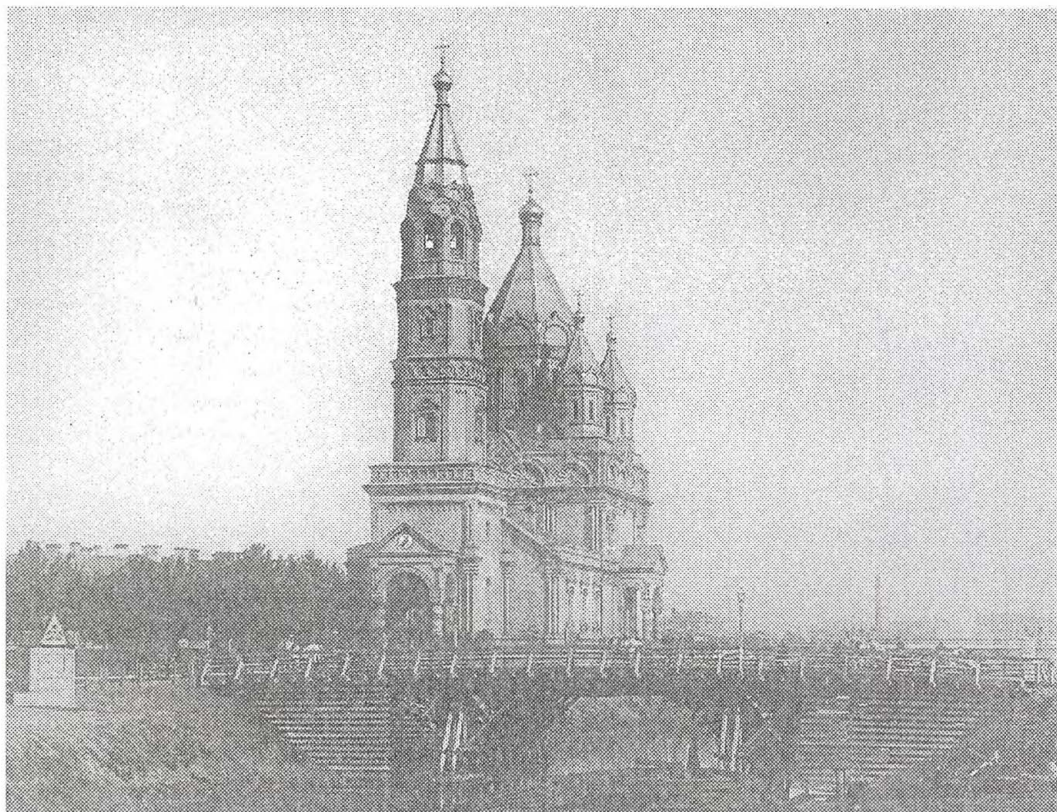

*Собор св. Сергия Радонежского всей артиллерии. Санкт-Петербург,
Сергиевская ул. 16/ Литейный пр. 6. 1796—1800. Арх. Ф. И. Демерцов.*

В 1930-х гг. перестроена до неузнаваемости в многоэтажное конструктивистское здание.

нод⁶. При Петре I войска стояли в слободах, и возводились приходские храмы полковых слобод, такие, как церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы при Ямбургском полку на Петроградской стороне, позже ставшая городской приходской церковью.

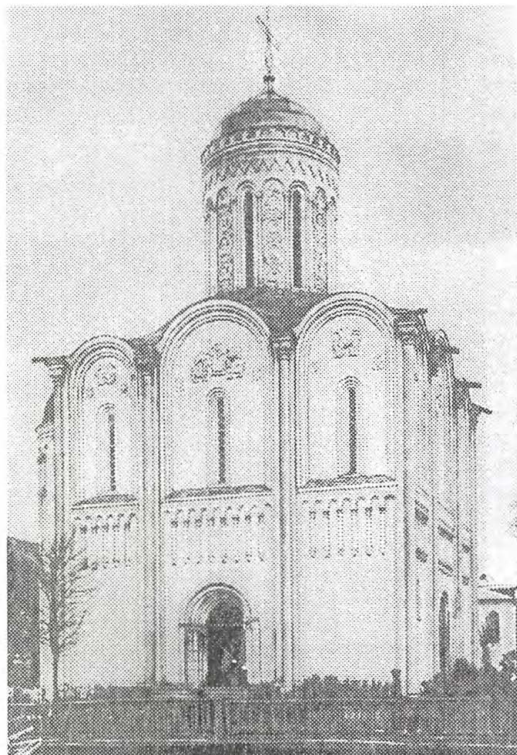
Многие строившиеся храмы возводились в честь военных побед, что выражалось их посвящением святому или празднику, на день празднования которого приходилась победа. Это весьма традиционный для русской культуры способ закрепления памяти о событии, и его широчайшее распространение в Петербурге свидетельствует о глубокой культурной преемственности знаковых систем новой столицы. Первоначально связанные с воинскими слободами или командами, со временем они становились храмами городских приходов. Их мемориальное посвящение становилось тем самым безотносительным к составу населения данного прихода, придавая храму функцию памятника для всех. Типичность для Петербурга таких мемориальных храмов отражает столичную функцию города, закрепляющего в себе национальную историю. Первыми и самыми известными мемориальными приходскими храмами С-Петербурга являются: собор св. преподобного Сампсония Странноприимца — на Полтавскую баталию 27 июня; церковь св. великомученика и целителя Пантелеймона — на Гангутское и Гренгамское морские сражения, бывшие в один день 27 июля в 1714 и 1720 гг. (первоначально — храм при Партикулярной верфи); церковь св. ап. Матфея — на взятие Нарвы 9 августа (первоначально — при солдатских слободах С.-Петербургского гарнизонного полка). Первоначально деревянные, впоследствии они все были выстроены в камне⁷.

Церковь св. Мирония и св. Петра и Павла лейб-гвардии Егерского полка. Санкт-Петербург, Обводный кан. 99 / Рузовская ул. 16. 1851—1856. Арх. К. А. Тон. Не существует.

Традиция возведения в Петербурге мемориальных храмов сохранится на протяжении всей истории Российской империи; так, на Чесменскую победу 24 июня были построены две церкви во имя Рождества св. Иоанна Предтечи⁸. Николай I настоял на том, чтобы престол полкового храма лейб-гвардии Егерского полка был освящен во имя св. мученика пресвитера Мирония, на день Кульмской победы 17 августа 1813 г.: за Кульмскую битву полк получил Георгиевское знамя; престол храма гвардии Казачьей части освящен во имя священномученика Иерофея, епископа Афинского — на день «Битвы народов» при Лейпциге 4 октября — за эти сражения Егерский и Казачий полки стали гвардейскими.

Мемориальное значение этих храмов сплеталось с традиционным значением посвящения, образуя новые семантические комплексы. Так, св. Пантелеймон, традиционно почитаемый как целитель, в Петербургском контексте оказался покровителем морских побед. Еще более сложный семантический комплекс оказался связан со св. Сампсоном, бывшим естественным покровителем каждого новоприбывшего жителя столицы как «странника» (поскольку практически все жители города были пришлыми) — то есть практически покровителем всех петербуржцев. Осмысление этого привело к созданию при храме первого общегородского кладбища для всех христиан города⁹. Тем самым в значении св. Самсония в С-Петербурге соединились воспоминание о решающей победе Северной войны, покровительство всем путешествующим и приходящим, всем жителям города при жизни и по смерти, и единство христианской веры (что, в свою очередь,

Церковь Происхождения Честных Древ Креста Господня и св. Николая (Христа Спасителя, «Спас на водах»), в память моряков, погибших в русско-японской войне 1904—1905 гг., Морского ведомства. Санкт-Петербург, Новоадмиралтейский канал у Невы. 1910—1911. Арх. М. М. Перетяткович. В 1932 г. снесена, место частично занято корпусами завода.

Невским, очень интересен. Бывший при жизни защитником Невских пределов, св. Александр — один из самых чтимых святых Новгородских земель — является их покровителем и охранителем, и тем самым — естественным покровителем Санкт-Петербурга. Но в 1704 царь Петр специально объявляет его патроном новопостроенного города¹¹. Петр I нерасторжимо связан с Александром Невским — день рождения обоих приходится на 30 мая, для религиозного сознания эпохи барокко такое совпадение очевидно провиденциально¹². Посвящение собора Александро-Невского монастыря празднику святой Живоначальной Троицы устанавливает связь монастыря с актом основания С.-Петербурга. Во имя св. Александра Невского Петр I «устроил Ковалерский Орден, да вси, носящие его на себе, были б подражатели храбрости и мужеству его»¹³. Александр Невский был также святым покровителем первого генерал-губернатора Петербурга светлейшего князя А. Д. Меншикова¹⁴.

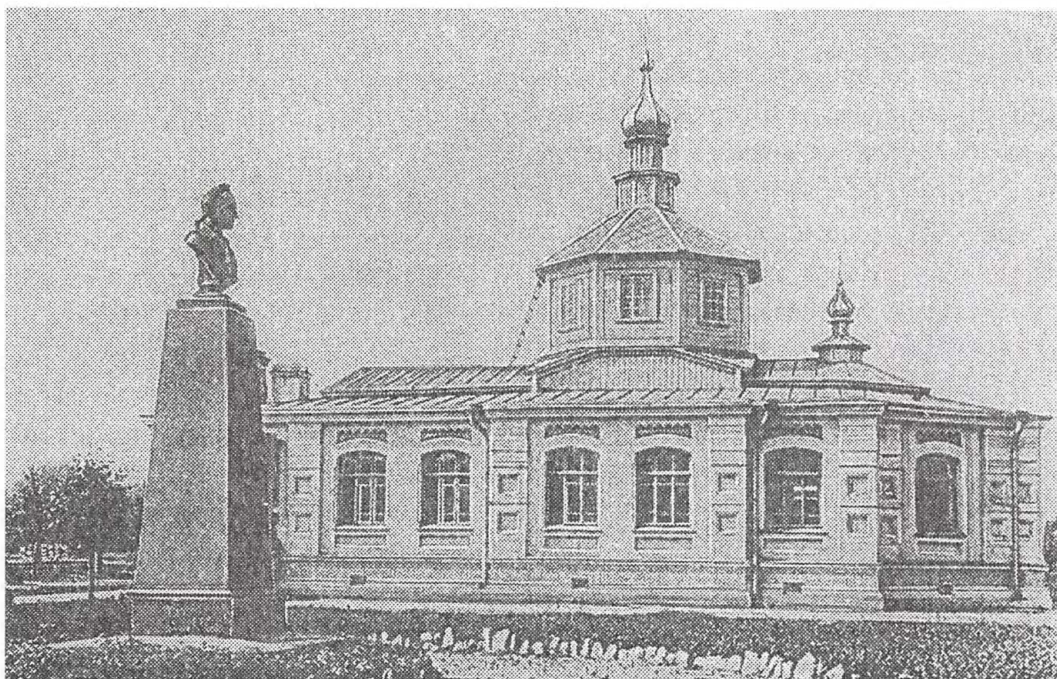
Впоследствии почитание св. благоверного князя Александра Невского — великого русского воина — воплотилось в наречении в его честь трех императоров, и многие воинские храмы его имени получали свое наименование в честь царствовавших императоров (например, в честь Александра I — церкви св. Александра Невского при лейб-гвардии Павловском полку, при 2 Кадетском корпусе; в честь Александра III — церковь 145-го

возвращает к смыслу Северной войны как средства войти в Европу) — возникший семантический комплекс, в свою очередь, достаточно очевидно соотносится с рассмотренными выше значениями, связанными с патроном города святым апостолом Петром.

К мемориальным принадлежит Александро-Невский монастырь, посвященный святому — участнику памятного события. «Для того во Имя его восхотел Государь Петр Великий Монастырь воздвигнуть, понеже сей Благоверный Князь Александр здешних Пределов Российских от нападений шведских был всегдашний охранитель ..., Того ради Государь... восхотел, да будет во Имя его построена Обитель, куда Мощи его Святыя... повелел... перенести. И тако сей Благоверный Князь Александр, именуемый Невский, чтоб по имени звания своего при Неве Реке в ...Обители Святой благоволил бы припочити, да как прежде он ...охранял здешнее место... так бы и ныне, и в предбудущие годы, всегда б был сему Царствующему Граду... бодрый защитник, крепкий поборник, и неусыпный страж...» Мощи святого Александра Невского были перенесены в новую обитель в третью годовщину Ништатского мира, «дабы оное 30-е число августа был бы день благодарственный Господу Богу ...»¹⁰.

Комплекс значений, связанных в Санкт-Петербурге со святым Александром

Мемориальная Суворовская церковь св. благ. кн. Александра Невского при имп. Николаевской военной Академии Генерального Штаба в каменном футляре (1901) и памятник А. В. Суворову (ск. Н. И. Рукавишников) Санкт-Петербург, Таврическая ул., 2 а. Церковь уничтожена в 1925 г., футляр в 1950-х, памятник также не существует.

Новочеркасского императора Александра III полка). Таким образом, в семантику этого посвящения входит и рассмотренное выше значение Александра Невского как война-защитника Невских земель, как святого покровителя Северо-Западной Руси и Санкт-Петербурга (причем последнее включает соотношение с другими патронами города), и связь с царствующими императорами, что создает сложную систему значений¹⁵. Особенно интересна семантика церкви при Николаевской Академии Генерального штаба: этот небольшой деревянный храм, защищенный каменным футляром, был перенесен из села Кончанского — усадьбы генералиссимуса кн. Александра Суворова, весьма почитавшего своего святого покровителя¹⁶.

Храм мог приобрести мемориальное значение, изначально ему не принадлежавшее. Мы уже отмечали поднесение трофеев Северной войны собору Петра и Павла. Самый выразительный пример — собор Божией Матери Казанской. Он создан как храм главной святыни города — привезенной Петром I чудотворной иконы Казанской Божией Матери. Ей как покровительнице и защитнице Российских земель молились при нашествии Наполеона, и ее храму приносили военные трофеи этой кампании; в нем похоронили М. И. Кутузова, затем установили в храме иконостас из отбитого у захватчиков серебра, а перед собором — памятники Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли. Каждый новый акт такого рода усиливал значение мемориальности храма, и тем самым создавал основу для следующего.

Первым храмом, построенным специально для полка, был собор Преображения Господня — подарок императрицы Елизаветы Петровны своей гвардии. Старейший гвардейский полк, возведший Елизавету на отеческий престол, получил имя по подмосковному селу, где была резиденция его создателя, юного царя Петра Алексеевича; село же — по своему храму. Естественно, праздником полка, созданного в селе с Преображенским хра-

*Собор Преображения Господня всей гвардии. Санкт-Петербург. Преображенская пл., 1.
Построен в 1743—1754 гг. П. А. Трезини. После пожара возобновлен в стиле ампира
В. П. Стасовым в 1827—1829 гг.*

мом, остается праздник Преображения — это определяет посвящение храма, предназначенного для полка¹⁷. Позднее Преображенский собор — старейший воинский храм столицы, созданный для первейшего полка гвардии — становится собором всей гвардии.

Гвардия стояла в Санкт-Петербурге, и с течением времени каждый гвардейский полк приобрел свою полковую церковь. Их появлению способствовал переход воинских частей от слободского квартирования к казарменному и строительство казарменных городков, что отделило полки от городских обывателей и способствовало формированию отдельных воинских приходов.

Многие из храмов гвардейских полков стали с течением времени соборными. Если Преображенский собор был престольным для всей русской гвардии, то Троицкий собор Измайловского полка стал таковым исключительно по желанию императора Николая I, как прощальный благодарственный подарок полку, где он служил в бытность великим князем. А церковь Введения во храм Семеновского полка стала собором только в 1913 г.

У каждого полка был свой полковой праздник, во время которого полковой храм посещался императорской фамилией. Этот праздник приходился на престольный праздник полкового храма, то есть определялся святым покровителем полка. Связь между историей полка и полковым праздником, которому посвящен храм, далеко не всегда прослеживается, и выявление ее представляет сложную и интересную задачу. Тем не менее можно с уверенностью заявить, что такая связь есть всегда, и искать ее необходимо.

Мы уже рассмотрели случаи, когда таким самым значимым днем для полка считалась битва, в которой полк проявил особый героизм. Также очень часто престол воинского храма освящался на день основания полка: церковь Благовещения — Конной гвардии,

Сретения Господня — Корпуса фельдъегерей, Св. Иулиана Тарсийского — Кавалергардского Его Величества полка.

Другое типичное посвящение воинского храма — Михаилу Архангелу как покровителю воителей — вождю небесного воинства (например, церковь лейб-гвардии Московского полка; весьма вероятно, что посвящение связано и с тем, что Михаил Архангел — покровитель Москвы)¹⁸. В число воинских вошла также церковь Михаила Архангела при Главном инженерном училище (Николаевской инженерной Академии) в Инженерном замке — она была создана как домовая церковь императорской резиденции, построенной Павлом I и посвященной архангелу Михаилу как покровителю европейских рыцарей и «Ангелу Истории» (по этой церкви — первоначальное название замка «Михайловский»)¹⁹. Мемориальной была домовая церковь во имя Михаила Архангела, устроенная в 1814 г. в доме, где жил перед отъездом на свою последнюю войну фельдмаршал Михаил Кутузов.

Святому великомученику Георгию Победоносцу была посвящена церковь при Главном Штабе, но во многих воинских церквях были его приделы или чтимые иконы²⁰. С возобновлением храмостроительства в современной России ему посвятили церковь в память победы в Великой Отечественной войне — это можно объяснить не только прямым значением святого воина, но и близостью праздника св. Георгия (6 мая по новому стилю) к Дню Победы и, что, по-видимому, немаловажно — св. Георгий является покровителем маршала Г. К. Жукова²¹.

Посвящения многих воинских храмов могут быть непосредственно связаны также со святыми покровителями императоров. Например, церковь во имя св. Николая при лейб-гвардии 3-м Е. И. В. Стрелковом полку в честь святого покровителя августейшего шефа — Николая II, — который сам принял участие в освящении храма 25 января 1898 г., совершенном со служением св. Иоанна Кронштадтского.

Два воинских храма — собор при Главном Адмиралтействе и церковь при лейб-гвардии Финляндском полку — были освящены в память покровителя царствующего императора Александра I (на его день рождения) — св. Спиридония, епископа Тримифунтского: Адмиралтейство заново построено в царствование Александра I, Финляндия же при нем вошла в Российскую империю.

Храмы Морского ведомства чаще всего были во имя покровителя моряков св. Николая Чудотворца (Никола-Богоявленский Морской собор в Петербурге, Никольский Морской собор в Кронштадте, нижний храм Спаса на водах — храма памяти погибших при Цусиме, и другие)²².

С появлением новых родов войск и военных профессий возникала культурная необходимость включения их в установившуюся систему ценностей, определения их святых покровителей. Церковь на Литейном дворе, ставшая собором всей артиллерии, была посвящена св. преподобному Сергию Радонежскому. Это, по-видимому, связано с традиционным представлением о появлении артиллерии в русском войске, и позволяет считать св. Сергия ее покровителем. Церковь на военных пороховых заводах была посвящена св. пророку Илию, с которым были связаны поверья о грозе и молнии. Ему же была посвящена церковь при офицерской воздухоплавательной школе (1899); тем самым св. Илия стал покровителем русских воздухоплателей и авиаторов. Во имя св. митрополита Алексия, Московского и всея Руси чудотворца — покровителя наследника цесаревича Алексея Николаевича и святого, соименного почитавшемуся Николаем II царю Алексею Михайловичу — была освящена церковь при 1-м железнодорожном полку (1911—1912).

А храм полков, охранявших императорскую резиденцию в Царском Селе — Соборного Е. И. В. Конвоя и Сводно-пехотного полка — созданный в канун 300-летия династии Романовых, — посвящен родовой иконе царствующего дома — иконе Божией Матери Феодоровской, благословением которой началась история династии. Таким обра-

зом, посвящения воинских храмов, как и любых иных, могут быть мемориальными — напоминать о событиях общеисторических, выходящих за пределы истории отдельных воинских учреждений.

Интересна история церкви Морского Кадетского корпуса, устроенной при Павле I, еще в качестве наследника бывшем генерал-адмиралом. Павел I, названный во имя апостола Павла, взшел на престол 6 ноября — в день одноименного святого Павла Исповедника, в честь которого и была освящена эта церковь. Как и во всех воинских учреждениях, этот храмовый праздник всегда сопровождался большим торжеством, в том числе многолюдным балом, открывавшим бальный сезон в Петербурге. Традиция оказалась очень устойчивой, и в советское время в корпусе, переименованном в Высшее военно-морское училище им. Фрунзе²³, балы продолжались в тот же (но уже по новому стилю) день, воспринимаясь как праздник в честь Великой Октябрьской Социалистической революции.

История воинских храмов бывала сложной, они могли менять свою функцию; например, церкви капитула Мальтийского ордена (православная и католическая) — естественно, освященные во имя покровителя ордена св. Иоанна Крестителя, — вместе со зданием отошли Пажевскому корпусу, ставшему хранителем традиций Мальтийских рыцарей.

Таким образом, посвящения воинских храмов могут соотноситься с традиционными покровителями воинов, с важнейшими событиями истории страны, самих воинских частей и учреждений, с местом комплектования полка, с покровителями императоров, причем характер связи может быть различным. Всё это нередко соединяется в сложные семантические комплексы. Тем самым посвящения воинских храмов становятся важным историческим источником, позволяющим увидеть глубинные исторические механизмы культуры.

Санкт-Петербург в этом отношении — как и во множестве иных — является уникальным явлением отечественной культуры. Стоит отметить, что в столице к 1917 г. было 4 военных собора, 21 церковь воинских частей, 2 морских собора и 5 морских церквей, 19 храмов военно-учебных заведений, 4 храма военно-медицинских учебных заведений, 9 церквей в военных госпиталях (в военное время их количество увеличилось). Были специальные благотворительные учреждения военного ведомства, в которых также были храмы (4 храма); военному ведомству принадлежали также заводы (5 храмов), кладбища (2 храма), тюрьмы (2 храма). Наряду с православными воинскими храмами существовали католические, лютеранские, даже магометанские²⁴ — в войсках, как и повсюду в Российской империи, была веротерпимость. Замечательным памятником патриотизма и веротерпимости остались мемориальные доски в память погибших в сражениях выпускников Пажевского корпуса и Николаевского инженерного училища — единственные уцелевшие до наших дней — в православных храмах этих учреждений, где равно помянуты православные, лютеране, католики, павшие за Отечество — Российскую империю.

Примечание

- 1 Берташ А. В., Жерихина Е. И., Талалай М. Г. Храмы Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1992
- 2 Из речи канцлера Г. И. Головкина при поднесении Петру I императорского титула.
- 3 Семантика посвящения Санкт-Петербурга весьма многопланова, и здесь мы ограничиваемся только теми ее аспектами, которые непосредственно свя-

заны с темой статьи. Шведские знамена в Петропавловском соборе ныне представлены копиями, по причине крайней ветхости подлинников. Собор святой Живоначальной Троицы, в котором Россия была провозглашена империей, — реликвия Санкт-Петербурга, многократно возобновлявшаяся в течение двух столетий (его всегда строили деревянным, в память первоначального, поскольку

- его посвящение связано с днем основания города), уничтожен в 1932 г.
- 4 Походные церкви были неотъемлемой частью военной жизни, они существовали и в крупных воинских соединениях, и в отдельных частях, и на кораблях. Продолжением традиций походных церквей в советское время стали переносные Ленинские комнаты, именовавшиеся в военной среде «раскладушками» (*Коровушкин В. П. Русский военный жаргон XVIII—XX вв. // Новый Часовой. 1994. № 2, с. 79*).
  - 5 Все даты по церковному календарю («старому стилю»).
  - 6 Св. Харитону был посвящен также придел Троицкого собора.
  - 7 В качестве церкви апостола Матфея была перенесена и переосвящена первоначальная деревянная соборная Петропавловская, со всею утварью, чтившаяся как «антиквитет», и лишь в 1790-х гг. ее заменили каменной, уничтоженной в 1930-х.
  - 8 Обе в готическом стиле. Одна из них — в резиденции наследника генерал-адмирала Павла Петровича на Каменном острове — впоследствии стала на время храмом православных Мальтийских рыцарей ордена св. Иоанна Предтечи — замечательный случай семантической контаминации. Вторая — при путевом дворце Екатерины II, позже обращенном в воинскую богадельню — стала храмом при ней, перейдя в военное ведомство.
  - 9 «Понеже оной Преподобный Отец Сампсон был Странноприимец, то есть приематель к себе всех странных в дом, бедных, и сирых, и немощных, и безприютных, отчего и именование себе получил Странноприимец, того ради Государь Петр Великий, по приличию онаго Святаго истории, определил, дабы умерших тела нигде у других Церквей не погребали, кроме сея, Сампсона Святаго Церкви; яко некая странноприимница для погребения странных умерших тел, то есть не толко российского народа, но и иностранной нации» (*Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. [1749–1751]. Санкт-Петербург, 1997. С. 297*). На месте этого давно упраздненного кладбища за алтарем собора поставлен конгениальный городу памятник «первым архитектором, строителям, гражданам Санкт-Петербурга» работы Михаила Шемякина
  - 10 *Богданов А. И. Указ. соч. С. 308–309*. Популярное мнение, что Петр то ли ошибочно считал выбранное для монастыря место местом битвы Александра Невского со шведами, то ли преднамеренно вводил подданных в заблуждение, якобы приписывая сражение этому месту, неверно: царь отлично знал, что битва была в устье Ижоры, и почти одновременно с основанием монастыря именованным указом распорядился строить Александроневскую церковь на месте сражения, освященную митрополитом Новгородским Иовом в присутствии царя, генералитета и церковных иерархов в 1712 г. (*Богданов А. И. Указ. соч. С. 228–229*).
  - 11 В качестве патронов столицы апостолы Петр и Павел воплощают «римское» — вселенское, общечеловеческое, имперское начало; Александр Невский — местное, национально-русское, причем связанное в первую очередь с традициями Новгорода — самого европейского города Древней Руси, предшественника Петербурга в качестве «врат в Европу». Эта система патрональных святых воплощает (или предопределяет?) значение Санкт-Петербурга как *столицы европейского государства — Российской империи*. Особое почитание святых Петра и Павла, и тем более Александра Невского — совершенно чуждо московским традициям.
  - 12 Это день святого преподобного Исаакия Исповедника, игумена Далматского. Еще в 1710 г. была построена первая церковь св. Исаакия. Вскоре она получила статус соборной, трижды возводилась заново в камне, и с 1858 г. Исаакиевский собор стал главным кафедральным храмом Санкт-Петербурга. С 1990 г. день св. Исаакия является государственным праздником России — Днем Независимости. В 1991 г. в день св. Исаакия в Ленинграде состоялся городской референдум, на котором большинство проголосовало за возвращение городу его истинного имени — Санкт-Петербургу.
  - 13 *Богданов А. И. Указ. соч. С. 309*. Орденским храмом был собор св. Троицы Александроневского монастыря.
  - 14 Владетель Усть-Ижоры: «Титул имел писатся Князем Ижерским. Потому он пожалован был сим титулом, что он имя на себе носил тезоименитаго своего патрона, Святаго Благовернаго Князя Александра Невского, чего ради ... ему Государь Петр Великий пожаловал при устии Реки Ижеры в вотчину несколько земли довольно ...» (*Богданов А. И. Указ. соч. С. 228*).
  - 15 Впрочем, высокая частотность такого посвящения могла привести к упрощению смысла. Стоит отметить, что посвящение св. Александру Невскому — второе по частотности среди петербургских храмов (48 храмов — см. *Берташ А. В., Жерихина Е. И., Талалай М. Г. Указ. соч. С. 176–178, 138*).
  - 16 Названный во имя святого воина, Суворов стал великим полководцем; он сам построил церковь своему патрону; эта церковь в глазах потомков стала мемориалом своего создателя, и в память о Суворове храм перенесли (1900) в учебное заведение, где изучали воинское искусство, — расположенное в городе, патроном которого является этот святой. Храм-реликвию уничтожили при Советской власти.
  - 17 Перенос (трансляция) культурной ценности места — села Преображенского, — обозначаемой посвящением храма, при перемещении культурной функции — дислокации гвардии. Полк сохраняет полученную культурную ценность на новом месте. Та же культурная ценность села Преображенского в другой его функции — царской резиденции — перенесена была в Стрельну, где Петром I по-

- строена церковь во имя Преображения Господня.
- 18 Посвящение св. Николаю стоит первым по частоте среди храмов Петербурга (52 православных храма, 1 старообрядческий и 1 лютеранский — см. *Берташ А. В., Жерихина Е. И., Талалай М. Г.* Указ. соч. С. 197–198, 138, 145, 159). Отчасти многочисленность Никольских храмов связана с царствовавшими императорами. Но прежде всего, как известно, Николай Чудотворец — самый популярный святой русского народа, иконы которого есть в каждой русской православной семье. Почитание его как покровителя мореплавателей, казалось бы, должно естественно подводить к представлению об органичности морского дела для русского человека. Однако морские храмы св. Николая появились относительно поздно (первая церковь на Морском Полковом дворе — предшественница Николо-Богоявленского собора — в 1743 г.). В Петровское время идею связи России с мореплаванием воплощали прежде всего храмы св. апостола Андрея Первозванного — покровителя России как государства и мореплавателей, брата апостола Петра: ему были посвящены не ведомственные, а общегородские соборы в Кронштадте и на Васильевском острове; последний был орденским храмом.
- 19 Посвящение Михаилу Архангелу может быть связано с членами императорского дома (вел. князьями Михаилом Павловичем или Михаилом Николаевичем). Выше мы уже показали, что практически всегда посвящение храма многопланово, и общее значение традиционного для данного занятия святого покровителя постоянно переплетается с ситуативными, и наоборот — кажущееся чисто ситуативно-конъюнктурным посвящение обнаруживает глубокие исторические корни. Следует отметить, что имена членов императорского дома никогда не были случайными.
- 20 Для военно-учебных заведений в Инженерном замке в 1857–58 гг. была создана также вторая церковь, освященная во имя свв. апостолов Петра и Павла. Она была устроена в комнате, где в 1801 г. был убит император Павел I, чем и объясняется ее посвящение.
- 21 Была также немецкая лютеранская церковь св. Георгия при 2-м Кадетском корпусе.
- 22 Тезоименный святой или покровитель дня рождения может стать программой, по которой человек строит свою жизнь. Так Петр I посвятил себя раскрытию врат Рая, открывая врата во всяческих границах. Военному искусству посвятили себя Меншиков и Суворов, носившие имя — Александр; Кутузов — Михаил; Жуков — Георгий. Итогом жизни становится храм, посвященный его святому, в котором первоначальное значение соединяется с памятью о человеке, воплотившем качества своего небесного покровителя. И тем самым его земная жизнь обретает ценность *sub specie aeternitatis* и включается в сакральную историю. Николай II родился в день св. Иова Многострадального, и это предопределило его отношение к своей судьбе — завершением которой стал храм св. Иова в Брюсселе.
- 23 Характерная черта советской культуры — посвящение учреждений «имени (кого-либо)» — часто без видимой связи — является несомненным развитием традиции, являющейся темой этой статьи, демонстрирующим действие культурного закона «свято место пусто не бывает». Очень актуально начать изучение системы «советских святых», пока она еще не забыта живыми носителями культуры.
- 24 Мечеть гвардии в Санкт-Петербурге, мечеть морского ведомства в Кронштадте.

Ф. Л. Севастьянов

Сенатор А. С. Макаров — руководитель «Высшей полиции» России конца XVIII — начала XIX в.

Начало XIX столетия в России проникнуто духом либерализма и сопровождалось комплексом глубоких реформ, затрагивавших самые основы русской монархической государственности. 12 марта 1801 г., по воспоминания очевидцев, напоминало праздник: в обществе существовала уверенность в том, что с началом нового царствования уходит в прошлое мрачное время павловского произвола. В этих условиях Александр I безошибочно использовал для накопления собственного политического капитала общественное недовольство многими нововведениями отца. В первые же дни нового царствования большинство из них было отменено. Особое ликование вызвал манифест 2 апреля 1801 г. об упразднении Тайной экспедиции — зловещего символа тайного сыска второй половины XVIII в. В годы павловского царствования фактическим руководителем этого органа (формальным являлся генерал-прокурор Сената) был сенатор А. С. Макаров, с уничтожением своего печально знаменитого ведомства не только окончивший карьеру, но и оставивший о себе массу добрых отзывов в мемуарах (в том числе и подследственных). И то, и другое не слишком характерно для руководителей высших полицейских структур.

Биографию Макарова отличает классическая для человека его профессии особенность: она избобилует — то тут, то там — «белыми пятнами», а многие обстоятельства жизни сенатора вообще не поддаются выяснению. И это не удивительно: многое в жизни знаменитого создателя французской «высшей полиции» Ж. Фуше или не менее известного нашего соотечественника С. И. Шешковского окутано тайной. Между тем, биография А. С. Макарова представляет большой интерес: она почти слилась с историей учреждений, в разное время возглавлявшихся сенатором, и является своего рода связующей нитью между высшими полицейскими структурами России XVIII и XIX столетий.

В первой четверти XIX в. русское правительство вело активные поиски новых форм организации «высшей полиции», как тогда говорили. Старые ее структуры, наподобие Тайной канцелярии и экспедиции, были мало эффективны в борьбе с реальными врагами государства и нагоняли леденящий ужас на общество, в котором все более утвердились идеи Нового времени — идеи «естественных прав» и законности. Александру I и его советникам долгое время казалось даже, что сама идея специального производства по делам об особо важных преступлениях не имеет права на существование, «поскольку в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы и наказуемы общею силою закона»¹.

Биография сенатора А. С. Макарова — яркая иллюстрация подобных воззрений. Возглавив в 1796 г. Тайную экспедицию, печально известную пытками, мелочными обвинени-

ями в «придерзостных словах», оскорбляющих высочайшее достоинство и т.п., Макаров, тем не менее, присутствовал при «похоронах» подобной концепции политического сыска. В первые годы царствования Александра I сенатор принимает участие в своего рода кампании по реабилитации жертв павловского произвола, а в конце жизни является активным деятелем принципиально нового — межведомственного — органа высшей полиции.

Универсальные справочные издания, такие как Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, БСЭ или СИЭ попросту обошли вниманием А. С. Макарова. Том являющегося в подобных случаях спасительным для исследователя издания — Русского Биографического Словаря — на букву «М» не вышел в свет вовсе. При издании различных мемуаров, в алфавитных указателях сенатора Макарова называют иногда просто «чиновник», а иногда и путают с многочисленными однофамильцами. Существуют лишь две более или менее целостные биографические справки об А. С. Макарове². Одна из них принадлежит известному русскому историку-генеалогу кн. А. Б. Лобанову-Ростовскому, а другая — составителю сенаторских биографий к «Истории Правительствующего Сената» Н. А. Мурзанову. Последняя отличается сверхлаконичностью, сообщая лишь три даты из жизни сенатора: «Род. в 1750 г., назначен 26 октября 1800 г., ум. в 1810 г.». Справка Лобанова-Ростовского, опубликованная в «Русской Старине», более пространна, однако вступает в противоречие со справкой Мурзанова. Ее автор сообщает, что Макаров вступил в службу в 1759 г. (официальные «списки чинов» обычно вообще не называют этого года, и лишь в одном удалось обнаружить 1765)³, а также ошибочно приписывает его к 4-му (а не к 5-му, как было в действительности) департаменту Сената. Все это вместе со справочными данными адрес-календарей исчерпывает круг литературы об А. С. Макарове.

Точная дата рождения А. С. Макарова неизвестна. Вероятно, родился он около 1750 г. В 1786 г. был произведен в чин надворного советника и, согласно уже упоминавшейся справке Лобанова-Ростовского, служил секретарем при рижском генерал-губернаторе гр. Ю. Ю. Броуне, а затем — в С.-Петербурге, при тогдашнем генерал-прокуроре Сената гр. А. Н. Самойлове. Более точно ответить на вопрос, как складывалась карьера Макарова в 60—80-е гг. XVIII в. не представляется возможным: формулярный список сенатора обнаружить не удалось.

В 1794 г. Макаров становится преемником Шешковского на посту обер-секретаря Тайной экспедиции. Однако наибольших успехов он достиг в царствование Павла I. Год смерти Екатерины II Макаров встретил в чине коллежского советника, в который был пожалован еще 17 октября 1791 г. Но уже в 1798 г. он стал действительным статским советником, в 1799 г. получил особенно чтимый при сыне Петра III орден св. Анны I-й степени, а в 1800 г. был назначен сенатором с производством в чин тайного советника⁴. Возможно, таким взлетом Макаров обязан большому вниманию, которое проявлял к тюремному делу Павел I.

Возглавив 12 апреля 1794 г. Тайную экспедицию, А. С. Макаров с недюжинной энергией стал приводить в порядок ее дела, оказавшиеся, по замечанию крупнейшего исследователя этого органа В. К. Сивкова, «после С. И. Шешковского в страшном запущении»⁵. Занялся тюремным делом. Через два дня после вступления на престол Павел I распорядился «для содержания под стражею по делам, до тайной экспедиции относящимся, изготовить дом с удобностью для содержания в крепости»⁶. Речь шла о перестройке тюрьмы Алексеевского рavelина. Мера эта являлась весьма своевременной, поскольку по результатам ревизии, проведенной в Санкт-Петербургской крепости все тем же А. С. Макаровым, эта тюрьма пребывала в весьма плачевном состоянии: «Деревянный дом находится в великой ветхости, для жительства не может более простоять, как год, — говорилось в отчете, — а казематы, по освидетельствованию, к житию совсем не способны, поелику от вала земляного своды промерзают, проходит течь и находится великая через сие сырость

и тяжелый воздух». Составленный в результате высочайшего распоряжения и мнения Макарова проект был вскоре воплощен в жизнь⁷.

Ревизия Петербургской крепости не стала, очевидно, единственной. Так, по данным М. Н. Гернета, в 1796 г. Макаров посетил с инспекционной поездкой Кексгольмскую крепость, ознакомившись не только с состоянием тюремного хозяйства, но и составив подробный доклад о содержавшихся там членах семьи Пугачева⁸.

О деятельности сенатора Макарова на посту обер-секретаря Тайной экспедиции можно судить и по другим, более чем любопытным свидетельствам. Воспоминания современников, в том числе и находившихся под следствием в этом зловещем ведомстве, в большинстве своем содержат крайне положительные отзывы о Макарове. Квинтэссенцией этих характеристик могут служить слова А. П. Ермолова, называвшего сенатора человеком «честнейшим и порядочным»⁹. (Заметим в скобках, что такой оценки из уст генерала удостаивался редкий человек.) Наиболее же яркое мемуарное свидетельство подобного рода — воспоминания несчастного пастора Зейдера, на себе испытавшего всю мощь павловской карательной машины, но несмотря на это, сохранившего самые теплые чувства к ее руководителю¹⁰.

Лифляндский пастор Зейдер попал в поле зрения рижской цензуры, поместив в газете объявление об утере им книги, незадолго перед тем запрещенной Павлом I. Библиотека незадачливого книголюба была опечатана и отправлена в Петербург вместе с арестованным пастором. Там-то и произошла его встреча с сенатором Макаровым. «Макаров — человек весьма добрый и приветливый, — пишет Зейдер, — с первого взгляда я почувствовал к нему большое доверие. Он сел возле меня и ласково сообщил причину моего ареста». Затем он сказал: «Будьте совершенно спокойны на счет исхода этого дела... Самое большее наказание... будет состоять в том, что книги эти [запрещенные. — Ф. С.] будут у вас отобраны и их предадут огню»¹¹. На протяжении всего пребывания пастора под следствием в Тайной экспедиции А. С. Макаров вел себя столь же предупредительно и вежливо. Ничто не могло поколебать веру Зейдера в добрые намерения следователя. Макаров говорит, что переведет пастора «на другую квартиру, где будет покойнее и удобнее» и отправляет его в крепость, в тот самый, очевидно, «дом с удобностью для содержания», который незадолго перед тем строили по распоряжению Павла, на основании мнения Макарова. Зейдер в ужасе: обещали квартиру, а посадили в крепость, но и здесь Макаров указывает пастору на положительные стороны его печального положения: «Эти стены... не смогут ухудшить вашего положения, — говорит он, — они дадут вам собраться с духом, чтобы с твердостью и терпением ожидать решения вашего дела»¹². Дело решилось не в пользу Зейдера. Он был сослан в Сибирь, избежав телесного наказания лишь по милости палачей. И все же, даже через сибирскую ссылку пронес пастор чувство признательности к своему тюремщику.

Может быть такая идеализация обер-секретаря Тайной экспедиции объясняется излишней доверчивостью пастора? Но интересно, что и Август Коцебу, которому тоже довелось вкусить павловской опалы, пересказывая историю пастора Зейдера в своих мемуарах, также всю вину за случившееся возлагает никак не на Макарова, а на генерал-прокурора Обольянинова и рижского цензора Тумановского¹³. В том же ключе оценивает руководителя Тайной экспедиции и В. Пассек. Оклеветанный опекуном, Пассек был освобожден лишь с началом нового царствования. В своих воспоминаниях он отмечает крайне положительную роль, которую сыграли в судьбе многих подследственных Макаров и Фукс (другой обер-секретарь Тайной экспедиции) и так передает свои впечатления: «Я нашел в Петербурге Александра Семеновича Макарова и Егора Борисовича Фукса, облегчавших сколько было в силах их... в содрогание приводящую Тайную экспедицию»¹⁴.

Справедливости ради надо отметить, что мемуарная литература содержит и весьма странные свидетельства. Так, М. Леонтьев, служивший при Павле I в гвардии, пишет: «По внушению своих недостойных любимцев И. П. Кутайсова и П. Х. Оболянинова <Павел I> учредил [? — Ф. С.] тайную экспедицию. В сем адском судилище заседал страшный уже по одной наружности своей тайный советник Николаев [? — Ф. С.], окруженный орудиями лютейших пыток...»¹⁵. Ненависть к Кутайсову и Оболянинову — характерная черта многих воспоминаний. Но почему старый гвардеец решил, что именно Павел учредил Тайную экспедицию, и кто такой Николаев? На эти вопросы ответить невозможно. Санкт-Петербургский адрес-календарь за 1801 г. называет среди членов Тайной экспедиции (кроме одного секретаря и двух чиновников) лишь А. С. Макарова и Е. Б. Фукса...¹⁶ Возможно, что под этой фамилией память мемуариста сохранила образ сенатора Макарова? Но тогда почему это едва ли не единственное обвинение, брошенное в его адрес, причем брошенное человеком, не бывшим с ним лично знакомым?

Каким был Макаров в действительности: «добрым следователем», побуждавшим сентиментальных подследственных к признанию своей лицемерной добротой, а из более упорных выбивавших его пытками, или действительно «честнейшим и порядочным» человеком, искренне старавшимся смягчить действие своего карательного ведомства? Точного ответа на эти вопросы в мемуарных свидетельствах найти не удалось. Однако назначение сенатора Макарова 15 сентября 1801 г. одним из членов Комиссии по пересмотру прежних уголовных дел говорит о многом: вряд ли палач мог быть назначен на такой пост.

В день коронации Александр I учредил особую комиссию, целью которой был поиск осужденных, «коих вины неумышлены, и более относятся ко мнению и образу мыслей того времени, нежели к делам бесчестным и действительно государству вред наносящим... дабы облегчить участь их, не ослабляя силы закона»¹⁶. Специальным указом 23 сентября деятельность Комиссии была сосредоточена на трех направлениях: 1) «люди, коих вины важны были только по обстоятельствам политическим... когда именем закона наказывалось не преступление... но единая возможность разглашения»; 2) «оскорбительные величеству слова признаны были в числе вреднейших злодеяний», однако теперь стало ясно, что «сие мнимое злодеяние»; 3) «преступления ненамеренные, без умысла»¹⁷. Также комиссия должна была смягчить наказания несправедливо осужденным.

Обнаружить фонд этой комиссии автору не удалось, но сенатское делопроизводство сохранило следы ее деятельности. В фонде генерал-прокурора и 1-го департамента хранятся дела, возбужденные по докладу комиссии¹⁸. Из этих дел явствует, что комиссия запрашивала губернаторов о содержащихся в губерниях арестантах, а также рассматривала прошения самих осужденных об облегчении их участи как индивидуально, так и целыми списками. Журналы комиссии поступали на высочайшую конфирмацию. А. С. Макаров, очевидно, был одним из активнейших деятелей этого органа: под всеми документами, исходившими из комиссии, стоит его подпись. Справедливости ради надо сказать, что лишь в одном деле автору удалось обнаружить смягчение участи арестанта: «мещанин Дмитриев в прошении своем изъясняет, что он находится на фабрике в работе, по приговору же Санкт-Петербургской уголовной палаты назначен на поселение»¹⁹, почему и было рекомендовано от работы его освободить. В остальном же заключения комиссии гласят: «Осуждены по деяниям их, согласно с законами, а не свыше меры» или «По такому его преступлению никакого с своей стороны представления к облегчению участи его комиссия сделать не может». Обратный же механизм — ужесточение более мягкого, чем полагалось по закону, приговора — не работал. В одном из дел указано: «Вместо следующего ему по законам большего наказания послан на поселение без лишения его чинов и дворянства; следовательно за силою данного Комиссия наставления по облегчению участи его ничего положить не может»²⁰.

Подобная своеобразная сакрализация буквы закона была, видимо, вполне в характере сенатора Макарова. Так, еще в случае с пастором Зейдером, Макаров неоднократно говорил подследственному, что при решении дела будет иметь значение время приобретения книг — до или после запрещения. Но во всей полноте отношении А. С. Макарова к букве закона проявляется в сенатских делах, по которым он частенько высказывал свое мнение. Наиболее интересным и значимым среди дел той поры, без сомнения, является «Дело о восстановлении утерянной Сенатом власти»²¹, возбужденное летом 1801 г. по докладу гр. П. В. Завадовского. Многие сенаторы представили по этому проекту сенатской реформы свои мнения. А. С. Макаров выступил совместно с сенаторами П. И. Пушковым, Толстым, С. И. Салаговым и И. С. Захаровым²². Этот, безусловно, ценнейший документ иллюстрирует почтитические воззрения Макарова.

Общий смысл замечаний выражает первая же поправка. Уточняя место и роль Сената среди других правительственных учреждений, Макаров и его соавторы предложили определить, что Сенат действует «на основании законов и во исполнение особенных императорского величества повелений», уничтожая, таким образом, всякую его самостоятельность. Натолкнувшись на фразу, что «из сих прав Сената» следует то-то и то-то, критики проекта Завадовского не замедлили предложить уточнение: «не лучше ли — из сей обязанности». Таким образом, мы видим, что А. С. Макаров примкнул к группе сенаторов вполне ортодоксальных монархически-самодержавных убеждений, в духе даже оформившейся позднее теории официальной народности. Представляется, что именно такой официальной заботой о народе продиктовано дополнение к предлагаемому Завадовским праву Сената увеличивать подати, в случае увеличения государственных расходов, обязанностью уменьшать их в случае, если расходы сократятся. Просматривается в документе и уважение к закону, каким бы он ни был. Характерным примером последнего может служить поправка к предложению Завадовского вершить в Сенате уголовные дела без конфирмации (утверждение-де смертных приговоров пятнает священный императорский сан). Макаров и его соавторы указали на незаконность данного положения: согласно Жалованной грамоте дворянству казнь дворянина может осуществиться лишь по прямой санкции императора.

Последней страницей в служебной карьере А. С. Макарова было вновь связанное с делами «высшей полиции» участие в Комитете 13 января 1807 года.

13 января 1807 г. в нервной военной обстановке последовал указ об учреждении Комитета охранения общей безопасности²³. В указе не скрывалось, что новый орган политической полиции учреждался прежде всего для борьбы с агентами врага: «обращая внимание на способы, которыми коварное правительство Франции, достигая пагубной цели своей разрушения всеобщего спокойствия, не переставало действовать во всех европейских государствах... бдительность полиции должна продолжать неослабное свое наблюдение», и чтобы способствовать этому создается означенный орган.

Постоянными членами нового комитета, согласно инструкции, разработанной Н. Н. Новосильцевым²⁴, были министр юстиции князь П. В. Лопухин, а также сам Н. Н. Новосильцев и А. С. Макаров, являвшийся «профессионалом» в области тайной полиции.

Очерченный в указе 13 января круг обязанностей Комитета поражает своей неопределенностью. Говоря словами законодателя, Комитету подведомственны «все дела по важным преступлениям, в коих подозреваются люди зловерные или измена противу общего спокойствия и безопасности». На практике это означало, что новый межведомственный орган должен был не только «предусматривать все то, что могут предпринять враги государства», но и, опираясь на данные, получаемые от обер-полицейстера, министра внутренних дел и из дирекции почт, собирать сведения о подозрительных иностранцах и слухах. В его компетенцию входили также все дела, касающиеся государственной измены,

заговоров и т.п., уголовные дела о подделке ассигнаций. Комитет охранения общей безопасности замыслился не как новое ведомство — сама мысль о возрождении органа, подобного Тайной экспедиции, пугала Александра I и его советников, — а как высшее межведомственное совещание по делам политической полиции с надзорно-контрольными, а не следственными функциями²⁵. Следует заметить, что последнее осталось лишь намерением.

Начиная с первого заседания, состоявшегося 15 января 1807 г., А. С. Макаров не пропустил практически ни одного, вплоть до февраля 1809²⁶. Такая аккуратность в исполнении своих обязанностей была свойственна далеко не всем членам Комитета, включая и Н. Н. Новосильцева, которому принадлежала сама идея создания нового органа.

Вопрос о дате смерти А. С. Макарова также остается не вполне ясен. Н. А. Мурзанов сообщает, что сенатор умер в 1810 г. (без указания точной даты), А. Б. Лобанов-Ростовский эту дату вообще не называет. На основании же данных источников можно лишь указать, что с февраля 1809 г. А. С. Макаров перестал посещать заседания Комитета, а с 1810 г. упоминания о нем исчезают из адрес-календарей. Представляется, что скончался сенатор Макаров либо в 1809, либо в самом начале 1810 г.

Закончилась жизнь удивительного деятеля «высшей полиции», оставившего по себе добрые отзывы своих подследственных, принимавшего участие в своеобразной «реабилитационной» кампании начала XIX столетия, присутствовавшего при «похоронах» тайной полиции XVIII в., с присущими ей зловещими атрибутами, и рождении новой, более действенной политической полиции; человека, в жизни которого, как в зеркале, отразились изменения и веяния в правительственной политике за полтора десятилетия в такой тонкой и деликатной области, как политический сыск.

Примечания

- 1 I ПСЗ. Т. XXVI. 1801. N 19. 813.
- 2 Лобанов-Ростовский А. Б. А. С. Макаров // Русская Старина. 1879. № 1. С. 150; История Правительствующего Сената. Т. 5. СПб., 1911. С. 135.
- 3 Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов на 1809 год. СПб., 1809. С. 24.
- 4 Список находящимся в статской службе чинам на 1796. СПб., 1796. С. 73; Список состоящим в гражданской службе чинам первого—пятого классов на 1800 год. СПб., 1800. С. 46; Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов на 1809 год. СПб., 1809. С. 24; Русский Архив. 1879. № 1. С. 150.
- 5 Сивков В. К. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // УЗ МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 35. Кафедра истории СССР. Вып. 2. М., 1946. С. 96—110.
- 6 Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М., 1960. С. 168.
- 7 Там же. С. 169.
- 8 Там же. С. 207.
- 9 Ермолов А. П. Записки. М., 1991. С. 26.
- 10 Зейдер Ф. Страдания пастора Зейдера // Русская старина. 1878. № 5. С. 117—156.
- 11 Русская Старина. 1878. N 5. С. 126.
- 12 Там же. С. 129.
- 13 Коцебу А. Достопамятный год моей жизни. Ч. 1. СПб., 1879. С. 141—147.
- 14 Пассек В. Отрывок из жизни В. Пассека, им самим сочиненный // Русский Архив. 1863. № 7. С. 517.
- 15 Леонтьев В. Мои воспоминания и события моей жизни // Русский Архив. 1913. № 9. С. 303—304.
- 16 Санкт-Петербургский адрес-календарь на 1801 год. СПб., 1801. С. 131.
- 17 I ПСЗ. Т. XXVI. 1801. № 20012.
- 18 РГИА. Ф. 1374. Оп. 6. Д. 1750; Ф. 1341. Оп. 1. Д. 465—467.
- 19 РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 467. Л. 25 об.
- 20 Там же. Л. 9—9 об.
- 21 РГИА. Ф. 1330. Оп. 2. Д. 62.
- 22 Там же. Л. 53—60.
- 23 I ПСЗ. Т. XXIX. 1807. № 22.425.
- 24 РГИА. Ф. 1163. Оп. т. XVI. 1807. Д. 1. Л. 1—7 об.
- 25 Подробнее об этом см.: Севастьянов Ф. Л. Комитет охранения общей безопасности: крах попытки организации службы политической полиции на межведомственной основе // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. 26 РГИА. Ф. 1163. Оп. т. XVI. 1829. Д. 16-е.

Ю. Л. Коршунов

Командир Гвардейского экипажа (Великий Князь Кирилл Владимирович)

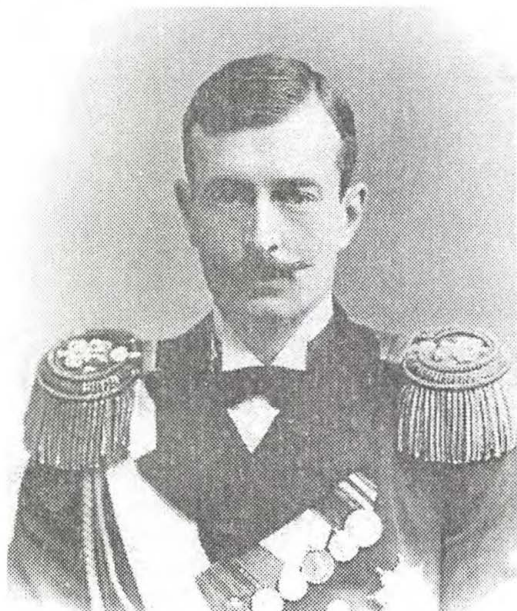
Конец февраля — начало марта 1917 г. В Петрограде бушевала революция. Бастовали заводы, вооружались рабочие окраины, на сторону восставших перешли войска. В Таврическом дворце почти непрерывно заседала Государственная Дума. Все шло к отречению императора от престола, но его пока не последовало. Чего только не насмотрелись жители Петрограда в то беспокойное время. Но вот 1 марта 1917 г. они могли наблюдать картину, которая была необычна даже для тех дней*.

По Шпалерной улице к Таврическому дворцу под красным знаменем шла колонна моряков. Это была самая элитная часть Российского флота — Гвардейский экипаж. Вел колонну командир экипажа «Свиты Его Величества контр-адмирал Великий Князь Кирилл Владимирович». Вместо флигель-адъютантских аксельбантов на его груди красовался большой красный бант. Что побудило великого князя первым из царствующей династии столь решительно перейти на сторону революции? Что представлял он из себя?

Внук императора Александра II Кирилл Владимирович родился в Петербурге 30 сентября 1876 г. Его отец, великий князь Владимир Александрович, генерал от инфантерии, командовал войсками Гвардии и Петербургского военного округа. Будучи большим любителем искусства, особенно живописи, он одновременно являлся и президентом Императорской Академии художеств. По воспоминаниям современником Владимир Александрович был в высшей степени барином и вельможей. Даже в великокняжеской среде он славился своей надменностью и реакционностью взглядов. Под стать ему была и его жена — великая княгиня Мария Павловна. В соответствии с династическим законодательством их старшему сыну судьба уготовила высокое положение в престолонаследии — Кирилл являлся третьим претендентом на российский престол. Итак, кем же был Великий князь Кирилл Владимирович?

Моряков в семье не было. Тем не менее в 15 лет Кирилл захотел служить на флоте. В его послужном списке, в графе «Где воспитывался», записано — «В Морском Кадетском корпусе»¹. Слов нет, воспитание Великого Князя в Корпусе носило весьма условный характер. Жил он, конечно, в родительском дворце, кстати, теперь это Дом ученых в Петербурге. На занятия в Корпус в лучшем случае ездил в экипаже. Чаше преподаватели приезжали к нему сами. Другое дело — летняя практика. Плавание на кораблях учебной эскадры считалось обязательным даже для великокняжеских сыновей. За четыре года учебы в Корпусе с 1892 по 1895 г. кадет Кирилл Романов провел «в море под парусами и за границей» 9 месяцев и 10 дней.

* Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

*Великий князь Кирилл Владимирович
(фото начала 1900-х гг.).*

*Великий князь Кирилл Владимирович (стоит слева)
с офицерами Гвардейского экипажа.*

В мае 1896 г. «Высочайшим приказом по флоту» гардемарин унтер-офицер Кирилл Владимирович производится в мичмана и назначается в Гвардейский экипаж «состоять флигель-адъютантом Его Императорского Величества». Первый год службы проходит «в роте Ея Величества» — строевые занятия с новобранцами, смотры, разводы, дворцовые караулы и т.д. Однако уже в мае 1897 г. молодой моряк уходит в свое первое дальнее плавание. Крейсер «Россия» направлялся в Тихий океан. Вахтенным офицером на нем шел мичман К. Романов. Плавание через Средиземное море и два океана продолжалось более девяти месяцев. В вахтенном журнале крейсера за четкой подписью «В.К. Кирилл Владимирович» можно прочитать многочисленные записи вахт великого князя. Все они будничны и лаконичны. «12 февраля. 5 ч. Разбудили команду, дали завтракать. 6 ч. Начали мытье шлюпок и принадлежностей. 6 ч. 50 м. Начали разводить пары на катере № 1. 7 ч. Спустили шестерку № 1»². «13 февраля. Стоим на Гонконгском рейде. Якорного каната на правом клюзе 67 саж. 1 ч. Развели огонь в камбузе»³. «15 февраля 8 ч. 25 м. Прекратили пары на катере № 1. Сего числа привезено провизии: мяса — 16 пуд., хлеба — 50 пуд., зелени — 8 пуд. Выброшено за борт негодной соленой капусты — 3 пуд»⁴. И так в течение всего плавания. Впрочем, какие еще могли быть заботы у вахтенного офицера на якорю? Даже если он — великий князь.

Другое дело на берегу. Здесь Кирилл Владимирович был прежде всего членом царствующей династии, а следовательно личным представителем императора. Его визиты правящим особам Китая, Кореи, Японии носили дипломатический характер, а высокое положение в престолонаследии придавало им особый вес. Вот, например, как описывает исторический журнал крейсера «Россия» один из дней пребывания Кирилла Владимировича в Токио. «Утром к Великому Князю приехал Губернатор гор. Токио... и от имени Городского Совета поднес Е.В. пару серебряных ваз и двух соколов литого серебра. От 10 до 11 ч. Великий Князь принимал представителей японских министерств и... начальников дипломатических миссий. Так как день... был воскресный, то в 11 1/4 Великий Князь в

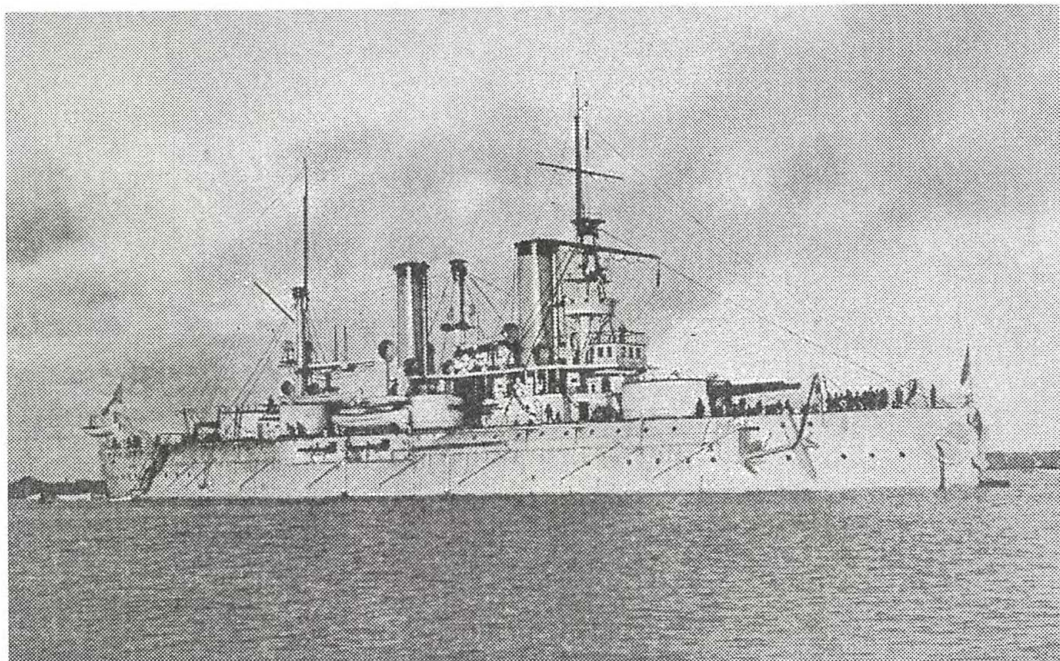
сопровождении Принца Канинга отправился в собор, где присутствовал при Божественной литургии. В 1 ч. дня у Е. В. состоялся завтрак в сюртуках, на котором присутствовали Принцы Фусима, Арисугава и Канинг, Министр-Президент, министр Двора, Военный, Морской и Внутренних дел..., Начальник Морского Штаба..., Губернатор гор. Токио и др. ... После завтрака в саду была снята фотографическая группа всех присутствовавших. Затем Великий Князь с Принцем Канингом осмотрел в саду... японских борцов и игру в поло. В 8 ч. вечера состоялся парадный обед в Миссии в вице-мундирах с лентами... В 10 ч. вечера Е. В-во вернулся во дворец Сибя-Рику, где смотрел представление японских фокусников и театр марионеток»⁵. В один из дней состоялся визит к императору. «После разговора, продолжавшегося около 20 минут, последовал выход к столу, причем Великий Князь вел под руку Императрицу»⁶. Можно только представить эту пару — миниатюрную японку под руку с красавцем гренадерского роста. «За столом по правую руку императрицы сидел император, по левую Великий Князь... За обедом император и императрица разговаривали с Великим Князем через переводчика..., а со своей соседкой принцессой Арисугавой Его Высочество говорил по-английски. Когда подали шампанское, Император поднял бокал и тост сидя за здоровье Его Императорского Высочества, на что Великий Князь отвечал тостом сидя же за здоровье Их Величеств Императора и Императрицы Японии»⁷. Что и говорить, честь и достоинство великого князя империи блюлись строго.

Наконец, 14 марта 1898 г. крейсер «Россия» отдал якорь на Порт-Артурском рейде. Экипажу предстояло осваивать новую военно-морскую базу. Так уж совпало, что русской она стала на следующий день после прихода крейсера. «15 марта в 10 ч. при собрании офицеров и команды по сигналу адмирала прочтен был приказ... содержащий... повеление Государя Императора занять вооруженными силами Порт-Артур и бухту Талиенванг, отходящие к государству Российскому в качестве арендной собственности»⁸. Эту операцию суда эскадры выполняли, «находясь в полной боевой готовности, имея десант, подготовленный к занятию береговых батарей и портовых учреждений»⁹. К вечеру Порт-Артур уже принадлежал России. На следующий день «в 8 ч. следуя адмиральскому кораблю на мачте батареи “Золотая гора” были подняты рядом русский военный и китайский флаги. Русский флаг поднимал Его Высочество Великий Князь Кирилл Владимирович»¹⁰.

Войдя в состав Тихоокеанской эскадры, крейсер «Россия» активно включился в повседневную службу. Осваивать приходилось не только Порт-Артур, но и весь Дальневосточный театр. Плавали интенсивно, хотя и не далеко. Не раз молодому моряку довелось побывать в Сингапуре, Нагасаки, Чифу, Кобе, Владивостоке и других портах Тихого и Индийского океанов.

28 ноября 1898 г. в историческом журнале крейсера «Россия» появилась запись. «Стоим на Йокогамском рейде... В 11 ч. утра после напутственного молебна (в мундирах) и прощания с командой и офицерами Его Императорское Высочество Великий Князь Кирилл Владимирович отбыл на пароход «Chine», идущий в Сан-Франциско. Его Высочество сопровождали командир и большая часть офицеров (не занятых на службе)... На пароходе ожидали Великого Князя для принесения напутственных пожеланий все чины миссии, Принц Канинг и многие японские министры. В полдень все провожающие оставили пароход. Вскоре после этого он снялся с бочки... При проходе «Chin'ы» линии правого борта крейсера произведен салют в 21 выстрел с поднятием великокняжеского флага, посылкой людей по вантам и криками «ура!»»¹¹. В Петербург Кирилл Владимирович прибыл 12 января 1899 г. Путешествие через два океана и Соединенные Штаты заняло 44 дня.

Две последующие кампании Великий князь плавал на Балтике и на Черном море. Кстати, на Черноморском флоте он служил на броненосце «Ростислав» под командой своего двоюродного дяди капитана 1 ранга великого князя Александра Михайловича.

Эскадренный броненосец «Петропавловск».

В июле 1901 г. уже лейтенантом Кирилл Владимирович снова уходит в дальнее плавание и снова на Тихий океан. На этот раз уже вахтенным начальником. Это означало, что его главной обязанностью теперь являлось самостоятельное несение вахты на ходу. Около года он плавает на броненосце «Пересвет», затем переводится на крейсер «Адмирал Нахимов». Здесь в сентябре 1902 г. великий князь становится страшим офицером крейсера. Некоторое время даже плавает за заболевшего командира.

Плавание великого князя на этот раз продолжалось почти два года. И тому были свои причины. Дело в том, что уже несколько лет, как Кирилл Владимирович был влюблен в свою кузину, герцогиню Гессенскую Викторию Мелиту. Ее отец, герцог Эдинбургский, был сыном английской королевы, а мать — дочерью Александра II, т.е. родной сестрой отца Кирилла. На любовь великого князя герцогиня отвечала взаимностью. В общем, это была трудная любовь. На пути влюбленных было много препятствий. Куда уж казалось больше, если Николай II писал своему двоюродному брату: «...ты хорошо знаешь, что ни церковными установлениями, ни нашими фамильными законами браки между двоюродными братьями и сестрами не разрешаются. Ни в коем случае... я не сделаю исключения из существующих правил... Искренне советую тебе покончить с этим делом, объяснив, ...что я безусловно запрещаю тебе жениться. Если же ты настоял бы на своем и вступил бы в незаконный брак, то предупреждаю, что я лишу тебя всего — даже великокняжеского звания»¹².

Впрочем, основное препятствие заключалось не в близком родстве. Главная причина была в том, что Викторія Мелита была замужем за Герцогом Гессенским, родным братом императрицы, и это задевало самолюбие Александры Федоровны. Не исключено, что столь продолжительное плавание в Тихом океане имело целью отослать великого князя подальше от столь любезной его сердцу замужней кузины. Так это или не так, но в Кронштадт старший офицер крейсера «Адмирал Нахимов» возвратился вместе со своим кораблем только в мае 1903 г. К тому времени это уже был опытный моряк, хорошо знающий Тихоокеанский театр и Дальний Восток. К новому 1904 г. «за отличие по службе»

Кирилл Владимирович производится в капитаны 2 ранга. Между тем, до начала войны с Японией оставалось всего 27 дней.

В Порт-Артур «на военные действия», как записано в послужном списке, великий князь выехал 15 февраля, на следующий день после возвращения из заграничного отпуска. Незадолго перед этим император проводил адмирала С. О. Макарова. В своем дневнике Николай II записал. «4 февраля... принял Макарова, кот. сегодня уезжает в Порт-Артур для... командования флотом»¹³. «24 февраля... Макаров прибыл в Порт-Артур, “Ретвизан” снят с мели... и введен во внутренний рейд»¹⁴. «2 марта... Кирилл прибыл в Порт-Артур»¹⁵.

Проходит неделя, и великий князь назначается начальником военно-морского (по современному — оперативного) отдела в штаб Командующего флотом Тихого океана. Слов нет, без собственной инициативы такое назначение вряд ли могло состояться. Оценивал ли Кирилл Владимирович опасность службы в штабе С. О. Макарова? Надо полагать, что да! Рассчитывать, что С. О. Макаров будет отсиживаться на берегу оснований не было. В то же время, как профессиональный моряк, великий князь понимал, что на корабле в бою перед смертью все равны — и матрос, и адмирал, и великий князь. Чем же он руководствовался? Скорее всего, чувством долга и известным правилом «noblesse oblige» — «положение обязывает». Так или иначе, но одну из ключевых должностей в штабе Командующего флотом Кирилл Владимирович занял. Конечно, нельзя переоценивать его влияние на оперативные решения С. О. Макарова. Об этом даже говорить не приходится. Оперативная инициатива целиком находилась в руках Командующего. Тем не менее, на немногих сохранившихся документах штаба подписи С. О. Макарова и великого князя стоят рядом. Например, на телеграмме в Петербург с требованием немедленно обеспечить береговую артиллерию снарядами для стрельбы по японским кораблям.¹⁶ Вряд ли такую подпись можно рассматривать только как украшение телеграммы.

Как офицер штаба Кирилл Владимирович не раз выходил в море. С. О. Макаров настойчиво искал встречи с японцами и неоднократно вступал в бой. Увы, численное превосходство противника каждый раз заставляло его отходить под прикрытие береговых батарей. Так было и в то роковое утро 31 марта 1904 г.

На броненосце «Петропавловск» С. О. Макаров вышел во главе эскадры на помощь крейсеру «Баян», завязавшему бой с японскими крейсерами. Сблизившись с противником, «Петропавловск» открыл огонь. Японцы начали отходить. Преследование продолжалось до тех пор, пока с мостика «Петропавловска» не увидели главные силы Того. Огромное превосходство противника вновь заставило Командующего повернуть к Порт-Артуру. Маневрируя на внешнем рейде, С. О. Макаров готовился принять бой под прикрытием береговых батарей.

Было 9 часов 30 минут, когда «Петропавловск» начал поворот вправо. Неожиданно с правого борта в носу раздался мощный взрыв. По воспоминаниям очевидцев, корабль «сразу накренился и стал уходить в воду. Над местом взрыва выкинуло громадное пламя... После этого взрыва было слышно еще несколько. Палуба мгновенно была объята пламенем. Трубы и мачты сразу куда-то исчезли, корма выскочила из воды, винт левой машины заработал в воздухе, люди падали кучами, многие попадали в винты и их размазывало»¹⁷. Через полторы-две минуты «Петропавловск» скрылся под водой.

В момент взрыва великий князь находился вместе с С. О. Макаровым на мостике. Он был контужен, получил ожоги лица, но сумел перебраться на левый борт. Его брат Борис Владимирович, также бывший в Порт-Артуре, телеграфировал отцу. «По рассказам Кирилла, он в момент взрыва бросился на левую сторону мостика и спустился на руках на палубу, где был смыт волной, потом втянут в воду на порядочную глубину и собственными усилиями всплыл на поверхность, ухватившись за плавающую крышку парового катера. Держался на ней около 10 минут и был взят на миноносец «Бесшум-

ный»¹⁸. Спасти удалось всего 80 человек, погибло 650. В их числе С. О. Макаров, практически со всем штабом, и известный художник-баталист В. В. Верещагин. Последний раз Командующего видели неподвижно лежащим на мостике, очевидно убитого обломком при взрыве. В своем дневнике Николай II записал: «31 марта, среда. Утром пришло тяжелое известие..., при возвращении нашей эскадры к П.-Артуру брон. «Петропавловск» наткнулся на мину, взорвался и затонул, причем погибли — адм. Макаров, большинство офицеров и команды. Кирилл легко раненый, Яковлев — командир, несколько офицеров и матросов — все раненые были спасены. Целый день не мог опомниться от этого ужасного несчастья»¹⁹. Все спасенные получили награды. Командир и Великий Князь «за самоотвержение, проявленное в бою под Порт-Артуром»²⁰ были награждены «золотыми саблями» с надписью «За храбрость».

В Петербург Кирилл Владимирович возвратился 25 апреля. Ожоги, контузия и купание в воде с температурой +5 требовали лечения. Отец настаивал на загранице. Император отнесся к этому неодобрительно. «Дядя Владимир завтракал с нами. Имел с ним разговор относительно Кирилла. Он настаивал на необходимости для него отдыха и заграничного лечения. Это произвело на меня тяжелое впечатление: уезжать теперь за границу!»²¹. Впрочем, к собственному здоровью в августейшей семье всегда относились с большим вниманием. Да и отказать своему старшему дяде Николай II не мог. Приказом по Морскому ведомству от 2 октября 1904 г. Кирилл Владимирович «исчисляется от службы» и уезжает за границу.

К этому времени Виктория Мелита была уже в разводе. Что произошло дальше, догадаться нетрудно. Без разрешения императора, более того, вопреки его воле, они женятся. С принятием православия Виктория Милета становится Викторией Федоровной. Справедливости ради надо отметить, это была великолепная пара — оба высокие, статные, хороши собой. Увы, будущее молодоженов оказалось далеко не безоблачным. Вскоре после свадьбы Кирилл Владимирович отправляется в Россию. Родители рассчитывали, что после заслуженного выговора он будет прощен императором. В августейшей семье такое случалось не редко. Однако не тут-то было. В Петербург великий князь приехал в 9 часов вечера. С вокзала направился во дворец родителей. Однако уже в 10 часов ему доложили — министр Двора просит его принять. Министр объявил волю императора. Немедленно покинуть Петербург, въезд в Россию великому князю запрещен. В тот же день, в полночь, Кирилл Владимирович покинул столицу.

Вряд ли столь суровые меры исходили от государя. Скорее всего — от императрицы. Оскорбленная браком великого князя с бывшей супругой своего брата, Александра Федоровна не могла не вспомнить свою давнюю неприязнь к Мелите. Возникла она давно, еще в бытность ее не русской царицей, а принцессой Гессенской²².

Вслед за изгнанием последовало и наказание. Оно заключалось в трех основных моментах: непризнание брака, отрешение великого князя и его потомства от прав на престолонаследие, прекращение отпуска причитающихся ему денежных средств²³. Правда, последнее император вскоре отменил. Надо сказать, что Кирилл Владимирович также проявил характер. Ни с одним из пунктов он не согласился, с повинной не спешил. Прощение пришло в 1907 г. В Россию великий князь возвратился с семьей лишь в 1909 г. после смерти отца. К этому времени в его послужном списке уже была сделана запись: «приказом по Морскому ведомству от 3 ноября 1908 г. определен на службу прежним чином капитана 2 ранга с прежним званием флигель-адъютанта Е.И.В. с зачислением в списки флота»²⁴. Три года великий князь служит старшим офицером крейсера «Олег», плавает на Балтике. В 1912 г. капитан 1 ранга Кирилл Владимирович назначается командиром крейсера «Олег». В этом же году «вольнслушателем» он заканчивает Николаевскую Морскую академию.

Начало Первой мировой войны Кирилл Владимирович встречает на придворной службе. Однако уже 3 августа 1914 г. он уезжает в «Действующую армию в штаб Верховного Главнокомандующего и.о. наблюдающего за морскими командами Действующей армии»²⁵. В 1915 г. великий князь производится в контр-адмиралы и назначается начальником морских батальонов и речных флотилий в Действующей армии с одновременным вступлением в должность командира Гвардейского экипажа. В этой должности он и встретил Февральскую революцию.

Что же побудило его к столь решительному переходу на сторону Временного правительства? Попробуем ответить на этот вопрос словами самого великого князя. Вот лишь несколько выдержек из газет того времени. Одно из интервью Кирилла Владимировича начиналось так: «Мой дворник и я, мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все»²⁶. Заканчивалось интервью заявлением, что он доволен быть свободным гражданином России. А вот другое высказывание: «Мы все русские люди... Нам всем надо заботиться о том, что бы не было излишнего беспорядка и кровопролития. Мы все желаем образования настоящего русского правительства»²⁷. Наконец, на вопрос, как он оценивает арест Николая II, великий князь ответил: «Исключительные обстоятельства требуют исключительных мероприятий. Вот почему лишение свободы Николая и его супруги оправдываются событиями, происходящими в России...»²⁸. Скрыта ли за этими словами личная неприязнь? Вполне возможно, особенно со стороны Виктории Федоровны. Что же касается своего будущего, то Кирилл Владимирович определил его четко: «мне кажется, что никто из нас, принадлежащих к семье бывшего императора, не должен... оставаться на занимаемых нами постах»²⁹. 11 марта 1917 г. он сдал должность командира Гвардейского экипажа избранному матроским комитетом командиру императорской яхты «Полярная звезда» капитану 1 ранга М. М. Лялину.

Что было дальше? Дальше была эмиграция, где Великий Князь провозгласил себя императором Кириллом I. Умер он в Германии в Кобурге в 1938 г. Там и был похоронен. В 1995 г. его прах вместе с прахом Виктории Федоровны был перевезен в Петербург и захоронен в великняжеской усыпальнице Петропавловского собора. Вот, пожалуй, и все, что можно рассказать о последнем моряке из царствовавшей династии Романовых.

Примечания

- 1 РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1766 («Полный послужной список Гвардейского экипажа флигель-адъютанта капитана 1 ранга Е.И.В. Великого Князя Кирилла Владимировича. Составлен января 1 дня 1911 г.»).
- 2 РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 20770а («Исторический журнал крейсера «Россия»). Л. 108.
- 3 Там же. Л. 54.
- 4 Там же. Л. 59.
- 5 Там же. Л. 108.
- 6 Там же. Л. 103.
- 7 Там же.
- 8 Там же. Л. 72.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же. Л. 149.
- 12 Красюков Р. Г. К проблеме престолонаследия в России в современном аспекте // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2 (№ 9). 1996. С. 11.
- 13 Дневник Императора Николая II // Орбита. 1992. С. 194.
- 14 Там же. С. 197.
- 15 Там же. С. 198.
- 16 Грибовский В. Ю. Катастрофа 31 марта 1904 г. (гибель броненосца «Петропавловск») // Гангут. 1992. № 4. С. 44.
- 17 Там же. С. 49.
- 18 Русский инвалид. 1904. 2 апреля. № 71.
- 19 Дневник императора Николая II. С. 202.
- 20 РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1766.
- 21 Дневник императора Николая II. С. 207.
- 22 Скотт С. Романовы. Екатеринбург, 1993. С. 152.
- 23 Красюков Р. Г. Указ. соч. С. 4—6.
- 24 РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1766.
- 25 Там же.
- 26 Половцев П. А. Дни затмения. Б.г. Париж. С. 17.
- 27 Петроградская газета. 1917. 5 марта. № 55.
- 28 Там же. 1917. 9 марта. № 58.
- 29 Там же.

А. Г. Матрошкин, К. О. Орлов

«Служба эта была для России...»

(Очерк об А. П. Перхурове)

Публикуемый ниже материал подготовили и любезно предоставили редакции «Нового Часового» внучатый племянник А. П. Перхурова Алексей Григорьевич Матрошкин, врач, сотрудник санатория «Прикарпатье» и правнучатый племянник героя очерка Кирилл Олегович Орлов, историк, преподаватель средней школы, живущие и работающие в городе Трускавце.

Глядя вслед уходящему XX веку, оценивая его историческое значение, нельзя не вспомнить о трагических событиях, которыми он был наполнен для русского народа. Это, прежде всего, пожарища войн — русско-японской, двух мировых, многочисленных региональных междоусобиц, принесших неисчислимые бедствия Отечеству. Особую историческую значимость, вслед за Октябрьским переворотом, нес 1918 год, положивший начало не имевшей себе равных братоубийственной бойне. В январе 1918 г. было разогнано избранное народом Учредительное Собрание, где большевики имели лишь четверть депутатских мест. Продолжалась «экспроприация» собственности граждан, массовые аресты заложников, бессудные расстрелы. К лету красный террор приобрел устрашающие размеры. В ночь на 17-е июля в Екатеринбурге была уничтожена Императорская семья. В стране складывалась система политического сыска, которая перемелет судьбы миллионов людей.

Все это вызывало естественное негодование и способствовало росту Белого движения в России. Одним из ярких эпизодов Гражданской войны, которому в 1998 г. исполнилось 80 лет, стало Ярославское восстание, начавшееся в ночь с 5 на 6 июля 1918 г.

Как следует из распространенного тогда воззвания к населению, целью восстания было «установление форм широкого государственного народоуправства. Народное собрание, законно и в нормальных условиях избранное, должно создать основы государственного строя, установить политическую и гражданскую свободу и на точном основании закона закрепить за трудовым крестьянством всю землю в его полную собственность. Как самая первая мера будет водворен строгий законный порядок и все покушения на личную и частную собственность граждан, в какой бы форме это не проявлялось, будут беспощадно караться»¹.

Организовать восстание, которое должна была поддержать высадка англо-французских войск в Архангельске, генерал Л. Г. Корнилов поручил полковнику А. П. Перхурову, возглавившему штаб организации «Союз защиты Родины и Свободы» под руководством эсера Б. В. Савинкова.

Провозгласив себя командующим группой войск Северной Добровольческой Армии, Перхуров стал душой и руководителем Ярославского восстания. Под знамена доброволь-

Здание ярославского театра им. Ф. Г. Волкова, в котором проходил суд над А. П. Перхуровым.

цев встало около шести тысяч ярославцев. В течение двух недель, находясь в кольце красных войск под ураганным огнем артиллерии, они защищали город. На Ярославль выпал град из 75 тысяч снарядов, унесший сотни жизней, уничтоживший бесценные памятники архитектуры, испепеливший знаменитую библиотеку Демидовского лицея². Восстание было жестоко подавлено, последствия для города и его жителей были ужасны³. Как впоследствии писал Борис Савинков: «Приходится удивляться не тому, что полковник Перхуров не разбил под Ярославлем большевиков, а тому, что почти без снарядов он смог продержаться 17 дней. Он рассчитывал на англо-французскую помощь, но она не пришла»⁴. А вот свидетельство другого современника, очевидца ярославских событий — известного эстрадного певца Юрия Морфесси, находившего на гастролях в городе: «Ярославское восстание является наглядным и поучительным примером того, что смогла сделать в борьбе с большевиками маленькая горсточка отважных бойцов, почти без артиллерии 22 дня выдержавшая осаду громадных красноармейских скопищ с десятками легких и тяжелых орудий»⁵. Трагедия восставшего Ярославля состояла в том, что он не был поддержан другими городами России.

Александр Петрович Перхуров родился 1(13) января 1876 г. в сельце Шерепове Корчевского уезда Тверской губернии в семье титулярного советника Петра Александровича Перхурова и его жены Серафимы Александровны, урожденной Дятковой. Род столбовых дворян Перхуровых уходит корнями к концу XV века. В царствование Михаила Федоровича Иван Панфилович Перхуров получил в поместье деревню Шерепово Кашинского уезда, ставшую родовым гнездом многочисленного семейства. В семье бережно хранили воинские традиции рода. Воинственность отражена и в знаках дворянского герба, на котором лев с мечом защищает крепостные башни⁶.

Дед и тезка Александра Петровича, Александр Николаевич Перхуров в чине полковника командовал Лейб-Гвардии Литовским пехотным полком, выйдя в отставку, поселился в сельце Шерепове, избирался Корчевским уездным предводителем дворянства и в

Тверской Дворянский Губернский Комитет по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян. В октябре 1858 г. в составе делегации тверских дворян ездил в Петербург к министру внутренних дел С. С. Ланскому и с открытой прямолинейностью ратовал за немедленное освобождение крестьян из крепостной неволи⁷.

Родовое воинское призвание продолжили трое внуков А. Н. Перхурова — Александр (1876 г.р.), Борис (1881 г.р.) и Сергей (1890 г.р.), которые окончили кадетские корпуса и военные училища, стали офицерами русской имперской армии, бесстрашно сражались на фронтах Первой мировой, а затем боролись за свою Родину в Сибирской армии адмирала А. В. Колчака. Борис Петрович в чине полковника занимал должность инспектора артиллерии, а впоследствии интенданта партизанских отрядов. После сдачи в красный плен в марте 1920 г., след его затерялся в скитаниях по концлагерям. Сергей Петрович в июне 1919 г. был произведен в подполковники, командовал батареей 8-й Камской стрелковой бригады. По семейным преданиям, убит под Иркутском.

Авторитетом и примером для братьев был старший — Александр, послужной список которого свидетельствует о его выдающихся качествах военачальника⁸. Перхуров окончил 2-й Московский кадетский корпус и Александровское военное училище. Службу в армии начал в 39-й артиллерийской бригаде, дислоцированной в Карской области. Продолжил курс военных наук в Николаевской Академии Генерального штаба, по окончании которой в возрасте 26 лет был произведен в штабс-капитаны.

С началом русско-японской войны Александр Петрович отправился добровольцем на фронт и в должности старшего офицера воевал в составе 1-й Сибирской артиллерийской дивизии, входившей в 14-й Сибирский корпус. По окончании войны занимал командные должности, вел педагогическую деятельность, в 1907 г. произведен в капитаны.

Когда вспыхнула Мировая война, Александр Петрович был назначен командиром 5-й батареи 16-й Сибирской стрелковой бригады и уже с 23 ноября 1914 г. находился на Германском фронте в Действующей армии. За боевые отличия 31 января 1915 г. произведен в подполковники, а в связи с награждением орденом Святого Георгия 4-й степени 28 января 1916 г. — в полковники. По указу Августейшего инспектора артиллерии Великого Князя Сергея Михайловича, Перхуров был назначен командиром 3-го стрелкового артиллерийского дивизиона, воевал на Румынском фронте, а 20 февраля 1917 г. принял должность командира 186-го Сибирского отдельного стрелкового легкого артиллерийского дивизиона Северного фронта.

Октябрьский переворот 1917 года братья Перхуровы восприняли как национальную катастрофу, а большевиков — как поработителей России. Александр Петрович руководил артиллерийскими курсами в 12-й армии Северного фронта в городе Юрьеве (ныне Тарту) и в декабре 1917 г. был демобилизован из армии как солдат, «достигший 40-летнего возраста».

За разновременные боевые отличия против неприятеля Перхуров был награжден орденами Святого Станислава 3-й и 2-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й и 2-й степени с мечами и бантом, Святого Владимира 4-й и 3-й степени с мечами и бантом и Святого Георгия 4-й степени, и кроме того, четырьмя медалями.

В январе 1918 г. в захолустном Бахмуте Екатеринославской губернии Александр Петрович расстался с семьей — женой Евгенией Владимировной и детьми — девятнадцатилетней Тамарой и шестилетним Георгием. Судьба семьи Перхурова остается неизвестной, а для Александра Петровича начался крестный путь по кровавым дорогам Гражданской войны.

Его качества талантливого организатора и опытного военачальника в полной мере проявились в дни Ярославского восстания. При активном участии Перхурова создана городская самооборона, для ярославцев было организовано питание и водоснабжение, а также лечение раненых, погребение умерших и погибших. В самые критические дни он

разработал стратегический план прорыва из осажденного города и самолично возглавил группу добровольцев для соединения с повстанческими отрядами вокруг Ярославля, чтобы вместе с ними прорвать блокаду города.

В сентябре 1918 г. Александр Петрович возглавил Казанскую бригаду, вошедшую позднее в состав 1-го Волжского корпуса генерал-майора В. О. Каппеля Сибирской армии, сражался с красными под Бугурусланом и Бугульмой. В июне 1919 г. Перхуров был произведен в генерал-майоры, а в июле назначен начальником партизанских отрядов 3-й армии. После Омской катастрофы, отступая вместе с армией Каппеля, Александр Петрович получил приказ генерала С. Н. Войцеховского идти на север озера Байкал с целью прорыва в Забайкалье.

11 марта 1920 г. после долгих переговоров с красными партизанами, Александр Петрович, его брат Борис и обессиленная горстка людей, уцелевших в походе, сдались в плен. Перхуров содержался при концлагерях Иркутска, Челябинска и Екатеринбурга; его даже взяли на работу как военспеца в штаб ПриУрВО. Однако в ночь на 20 мая 1921 г. Перхуров был арестован органами ВЧК в Екатеринбурге и препровожден в Москву, где до июня 1922 г. стал узником Бутырской тюрьмы. «Перхуров сидел в тюрьме Особого отдела ВЧК — полуголодный, без книг, без свиданий, без прогулок, которые запрещены в этой якобы следственной тюрьме»⁹. Не без давления со стороны следствия им были написаны записки о Ярославском восстании, увидевшие свет в 1930 г.¹⁰

Играя в судебный либерализм, Советская власть даже пригласила подсудимому Перхурову защитника — учителя Коммодова из мордовской деревни в Пензенской губернии. «Легко уничтожить такую величину, но приобрести ее, если бы у ней не такая окраска, очень трудно...» — закончил Коммодов свое страстное выступление в защиту Перхурова¹¹. Однако новой власти величины, подобные Александру Петровичу, были не нужны и просто опасны. Военная коллегия Верховного трибунала ВЦИК под председательством печально известного В. В. Ульриха приговорила Александра Петровича к расстрелу. Днем 21 июля 1922 г. во дворе Ярославской ГубЧК пуля из чекистского «кольта» положила предел земному пути Перхурова.

С Россией Александра Петровича было покончено, равно как спустя годы сомкнулись волны Ивановского водохранилища над родным его Корчевским краем и перхуровским Шереповом.

Перхуров относился к плеяде лучших кадровых офицеров старой армии — высокопорядочных, честных, преданных своему делу и воинскому долгу. За долгую военную службу Александр Петрович неоднократно избирался своими сослуживцами председателем суда офицерской чести. В критических ситуациях Александр Петрович всегда брал ответственность на себя, заботился о судьбах подчиненных солдат и офицеров, о чем свидетельствует составленное в преддверии красного плена его письменное заявление советским властям. «Убедительно прошу обеспечить не на словах, а на деле, полную безопасность всем без исключения чинам моего бывшего отряда, сложившим оружие. Всю вину отнести на меня, так как чины являлись только исполнителями моей воли. Также прошу всех сдавшихся поставить в такое положение, чтобы и в будущем не было преследования ни их и тем более их семей».

На братоубийственных фронтах Гражданской войны Белое дело было трагически обречено. Писатель Михаил Осоргин, размышляя в парижской эмиграции о происшедшем в России писал: «Было бы слишком просто и для живых людей и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но были и бились между собой две правды и две чести — и поле битвы усеяно трупами лучших и честнейших».

Перхуров до конца нес в себе чувство высшей справедливости и убежденности в правоте дела. Почва, его взрастившая, — это старинный русский край, древний дворян-

ский род, первоклассная военная школа, богатейшая русская культура. Александр Петрович думал о России, величие которой теперь нами просматривается и сквозь призму его цельной и самоотверженной личности, интерес к которой возрос после переиздания его книги в 1990 г. в г. Рыбинске.

Примечания

- 1 *Козляков В.* «Служба эта была для России ...» // Золотое кольцо. 1991. 26.10.
- 2 *Шевяков Ю., Мясников В.* Красный костер // Золотое кольцо. 1993. 22.04.
- 3 *Мясников В., Шевяков Ю.* Важно все-таки знать погибших // Золотое кольцо. 1995. 21.01.
- 4 *Савинков Б. В.* Борьба с большевиками // Литература русского зарубежья: Антология. Т. 1. Кн. 2. М., 1990. С. 167.
- 5 *Морфесси Ю.* Жизнь, любовь, сцена // Волга (Саратов). 1993. № 2.
- 6 *Орлов К. О.* Родословие Перхуровых. (Рукопись) 1996; Общий Гербовик дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. VIII. СПб., 1807. Л. 81.
- 7 *Джаншиев Г. А.* А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894. С. 77, 94, 95.
- 8 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 104—255.
- 9 *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918—1922. М., 1990. С. 117—118.
- 10 *Бройде С. М.* Ярославский мятеж (По запискам генерала Перхурова). М., 1930; переизд.: *Перхуров А. П.* Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990.
- 11 Материалы процесса полковника Перхурова // Ярославский архив ОК КПСС. Обстоятельства Ярославского восстания, суда над Перхуровым изложены в блестящем исследовании ярославского краеведа В. А. Мясникова «Красный туман» (рукопись).

С. Л. Фирсов

«Романтик православия»...

(к характеристике обновленческого митрополита
Александра Введенского)

*Уже не Бог, а только Время, Время
Зовет его.*

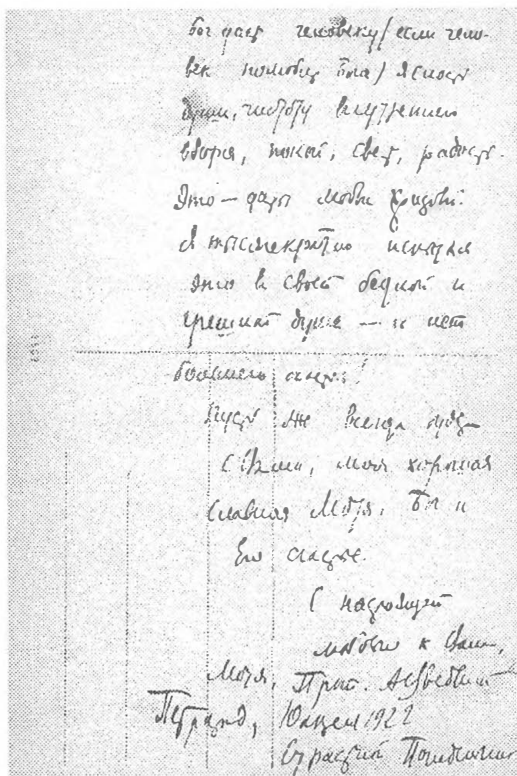
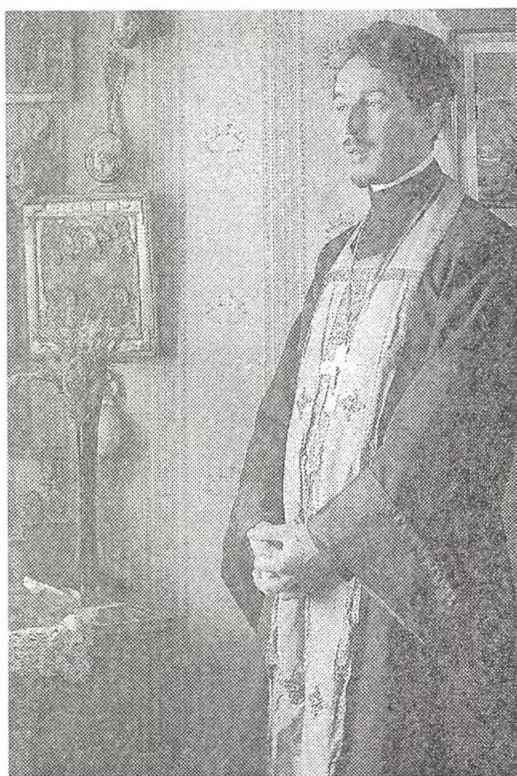
Иосиф Бродский

Передо мной лежат фотографии Александра Ивановича Введенского. На первой, датированной 10 апреля 1922 года, он еще протоиерей. Две следующие — относятся к 1924 г., когда Введенский был уже обновленческим архиереем (архиепископом и митрополитом). Его карьера поражает своей стремительностью: всего за два года молодой священнослужитель становится носителем самых громких в Православной Церкви титулов, а имя его, одними проклинаемое, другими благословляемое, — известным буквально всей стране. Что же содействовало росту такой потрясающей популярности Введенского, тем более, что об этом человеке сегодня помнят лишь историки русской Церкви, да, пожалуй, православные клирики, в большинстве своем слишком жестко его характеризующие?

...Стихией Введенского была революция, как церковный деятель он сформировался под ее влиянием. Вся его судьба — и как религиозного деятеля-христианина, и как человека, была определена этим фактом. Это — главное, своего рода стержневая ось, на которую можно «нанизывать» все известные биографические данные, имеющие какое-либо отношение к «делам и дням» Александра Ивановича...

Он родился в праздник Святого Благоверного Великого князя Александра Невского, 30 августа 1889 года, в городе Витебске. В то время его отец, Иван Андреевич, имел чин статского советника и считался вполне преуспевающим гимназическим преподавателем классических языков. Вскоре он стал директором гимназии и получил следующий, «генеральский», чин действительного статского советника. Так семья Введенских получила право на потомственное дворянство.

Правда, отец скоро умер, — Александр почти его не знал, никакого влияния на сына Иван Андреевич оказать не сумел. Другое дело — мать, Зинаида Саввишна. Она окружила своего первенца исключительной заботой и лаской, любовью и добротой. Мать Введенский всю жизнь боготворил, она была его идеалом и ангелом-хранителем. Когда в 1939-м она умерла, Введенский, пользуясь своими епископскими правами, причел ее к лику блаженных. Именно в могиле матери на Калитниковском кладбище Москвы, семь лет спустя, он нашел свой вечный покой...

А. И. Введенский. Фотография 1922 г. с подписью на обороте.

Обновленческий владыка с детства был сентиментален и чувствителен. Еще будучи гимназистом младших классов, он самостоятельно посещал раннюю обедню, истово молился, на богослужении плакал. «Введенский — странный, странный ребенок», — говорили о нем его учителя. Этот «странный» ребенок довольно рано стал читать серьезные книги, увлекся философией, начал музицировать. Можно сказать, что в последующие годы его детские интересы и пристрастия лишь укрепились: с годами он проявил себя как незаурядный проповедник, великолепный музыкант, глубокий знаток художественной и научной литературы, одинаково хорошо знакомый как с теорией относительности Эйнштейна, философской концепцией Анри Бергсона (которого, кстати сказать, считал своим учителем), так, например, и с учением Зигмунда Фрейда.

Становление Введенского как личности приходится на переломные в жизни России годы, — в эпоху «столыпинской реакции» он учится в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. Его вера в тот период времени несколько не ослабела, но даже усилилась: каждый день молодой студент посещал храм Великомученицы Екатерины, что на Васильевском острове. Недалеко от храма, на 1-й линии, Введенский снимал комнату, в которой всегда горела неугасимая лампада. (В те времена среди российского студенчества это считалось почти что неприличным.)

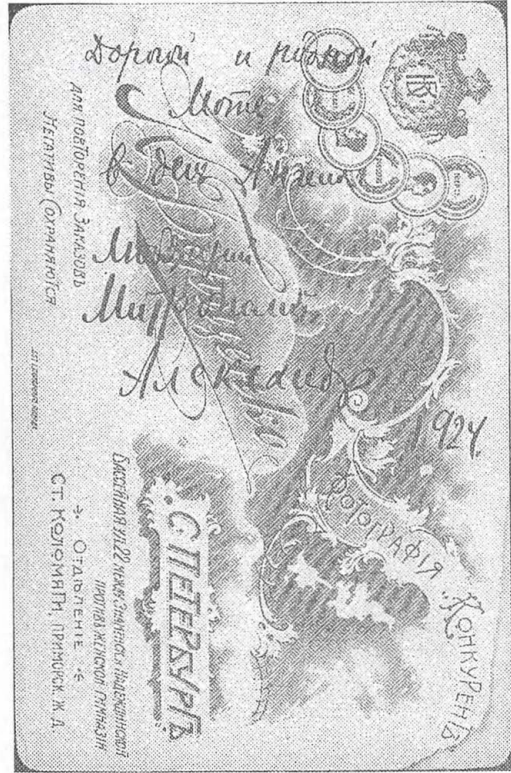
Глубокая религиозность не мешала ему, однако, интересоваться «нетрадиционной» верой отечественных «богоискателей», чье православие вызывало большие сомнения у консервативно настроенного духовенства и епископата России. В 1910-е годы Александр Введенский сблизился с четой Мережковских, стал посещать их дом. Уже тогда было совершенно понятно, что он — весьма яркий, незаурядный человек. Именно горячая вера

А. И. Введенский. Фотография 1924 г. с подписью на обороте.

заставила будущего обновленческого митрополита искать ответ на старый вопрос об атеизме отечественной интеллигенции, к которой — по рождению и воспитанию — принадлежал сам. Поэтому вполне объяснимо, почему еще будучи студентом, в 1911 г., Введенский, желая выяснить *причины неверия русской интеллигенции*, организовал опрос нескольких тысяч респондентов. Результатом стала первая его статья, опубликованная в журнале “Странник”. Так получилось, что с этими причинами, — кажущимся несоответствием религиозных догматов с прогрессом науки, а также моральной испорченностью духовенства и его (духовенства) реакционностью, — Александр Иванович боролся всю свою жизнь, порой забывая даже во имя чего он борется, оправдывая благородной целью явно негодные средства. Впрочем, это случилось потом, уже при Советской власти.

Тогда же о роли “русского Лютера” он не мог и помышлять, хотя его экспансивный характер в сочетании с глубокой верой были весьма необычным явлением на фоне религиозного индифферентизма отечественной интеллигенции и поэтому “производили впечатление”. Между тем жизнь шла своим чередом. В 1912 г., по любви, Введенский женился на Ольге Федоровне Болдыревой, дочери харьковского предводителя дворянства. А вскоре решил принять священный сан, для чего явился в столичную Духовную Академию и заявил ее ректору — епископу Анастасию (Александрову), о своем желании окончить курс экстерном. Преосвященный был серьезным ученым (доктором сравнительного языковедения и церковной истории), надевшим монашеский клобук лишь в 1911 г., после кончины жены. Данное обстоятельство, как мне представляется, сыграло свою роль. По сообщению А. Э. Краснова-Левитина (ученика Введенского), владыка принял просителя ласково и иронически: “Что вам, собственно, от нас нужно, молодой человек?” — “Зна-

А. И. Введенский. Фотография 1924 г. с подписью на обороте.

ний”. — “Ну, полно вздор нести — это после университета-то?” — “Я хочу стать священником, но меня нигде не берут, так вот я решил приобрести диплом Духовной Академии”. — “Вот это другой разговор. Правильно, молодой человек, вы нахал — так и надо — сдавайте”¹. Введенский, действительно, был потрясающе настойчивым человеком: если перед ним стояла цель, он во что бы то ни стало стремился ее достичь, любыми способами пытаясь преодолеть возникавшие при этом на его пути препятствия. Впрочем, А. Э. Краснов-Левитин считает, что Введенскому не помог бы и академический значок, не сведи его судьба с протопресвитером военного и морского духовенства о. Георгием Шавельским. Перед началом Первой мировой войны, в июле 1914 года, Александр Введенский стал священником². Согласно одной версии, священническую хиротонию совершал архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков), в дальнейшем ставший митрополитом Киевским и Галицким. Согласно другой, — рукополагал Введенского Двинский епископ Пантелеймон (Рожновский). Сведения об этом помещены в “Актах Святейшего Патриарха Тихона”, содержащих сообщение о том, что событие это произошло в 1913 г. Если это так, то Пантелеимон рукополагал Введенского буквально вскоре после того, как сам стал епископом (хиротония Двинского архиерея прошла 2 июня 1913 года). Впрочем, как мне представляется, не столько важно, когда именно будущий обновленческий лидер стал священником, сколько то, что точных сведений об этом церковные источники не содержат.

Итак, вскоре после рукоположения молодой пастырь в качестве военного священника начинает свою духовную карьеру. В 1916 г. Введенского переводят в столицу, в храм Николаевского кавалерийского училища. Источники не позволяют нам сегодня ответить на воп-

рос, почему это произошло. Можно сказать только одно: перевод свидетельствовал, что о. Александр пользовался расположением своего начальства и что его ценили. Произшедшая вскоре Февральская революция никак не помешала карьере двадцатилетнего священника. Скорее наоборот: она придала ей новый импульс и, как показал 1917 год, новое направление. Политические пристрастия Введенского, соответствовавшие духу “нового времени”, были тому порукой. Уже в марте 1917 года был образован левый “Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян”³, во главе которого, наряду с членом Государственной Думы священником Д. Я. Поповым, стал и отец Александр. Покровительство “Союзу” со стороны либерального Уфимского епископа Андрея (кн. Ухтомского) помогло организовать встречу его руководителей с Обер-Прокурором Св. Синода В. Н. Львовым. Стремление Львова опереться на белое духовенство было вызвано как его борьбой с “реакционным” епископатом, так и желанием в максимально короткие сроки “очистить” Церковь от груза “прежних ошибок”. С этой целью он привлекал “демократических батюшек” и к агитационной работе на фронте (после революции армия быстро разлагалась). В июне 1917 г. Введенский и два других священнослужителя (оо. Боярский и Егоров) по заданию Обер-Прокурора отправились на фронт. Поездка та оказалась для Введенского весьма удачной, — он показал себя блестящим оратором: революционные солдаты в восторге даже качали его на руках. О нем заговорили.

О росте популярности Введенского свидетельствовало и участие его в работе так называемого Предпарламента, — Всероссийского демократического совета, организованного Временным Правительством незадолго до Октябрьского переворота. Демонстрируя свои левые взгляды, он явно симпатизировал эсерам, с партией которых в то время сблизился. Более того: он хотел даже основать христианско-социалистическую партию (что ему, впрочем, не удалось). Введенский хорошо чувствовал время и себя в этом времени. Он пламенно говорил о необходимости сокрушения капиталистического строя, о ликвидации капитала во имя Христа. Желавший обновления русской жизни, он наивно (как и многие тогда) полагал, что очистившаяся от “скверны прошлого” Православная Церковь сможет найти себе достойное место в новой революционной России. Однако, революционный задор не помог Введенскому получить мандат на Поместный Собор, открывшийся в Москве 15 августа 1917 года. “Либералов” его типа среди делегатов было крайне мало. Это сказалось и на итоговых документах, Собором принятых: экстравагантных решений в духе Союза демократического духовенства соборяне не могли себе позволить. Данное обстоятельство, однако, удивления не вызывает: большинство делегатов были *психологически не подготовлены* к произошедшим переменам, в результате которых Православная Церковь не только перестала считаться государством “первенствующей и господствующей

Ольга Федоровна Введенская, первая жена
А. И. Введенского (1891—1963).

щей”, но (с приходом к власти партии большевиков) вскоре превратилась в гонимую. В дальнейшем, в начале 1920-х годов, когда влияние обновленцев стало весьма ощутимо (в первую очередь благодаря поддержке безбожных властей), “реакционность” Первого Поместного Собора⁴ послужила хорошим поводом для обливания грязью планомерно уничтожавшейся тогда патриаршей Церкви и лично Ее Первосвятителя — св. Тихона (Беллавина). Одним из наиболее активных разоблачителей и, увы!, сикофантов (как тогда называли в церковных кругах доносчиков) был и блестящий Александр Введенский, не стеснявшийся заявлять, что “по мере развития революции все реакционные силы сплываются около Церкви”. Себя и своих сторонников он называл при этом сторонниками подлинной евангельской традиции.

Во время гражданской войны, однако, “сторонники” не смогли проявить себя в полную силу: просто не было возможности, да и судьба коммунистического режима висела на волоске. К тому же гражданская война не давала возможности и Советской власти внимательно разобраться в различных церковных течениях, поддержать одни (“прогрессивные”) и противопоставить им другие (“реакционные”). “Заняться” *планомерной* борьбой с Православной Церковью, одним из основных условий которой было внесение раскола в церковные ряды, — по старому принципу “разделяй и властвуй”, Советская власть смогла только покончив с опасностью внешней. До этого, т. е. до 1921 года, говорить о *системе* государственно-церковных отношений не приходится. Скорее можно сказать об определенных идеологических установках большевиков, всегда заявлявших о своем непримиримом атеизме, но это несколько иная проблема.

Что же делал в эпоху гражданской войны Александр Введенский? По свидетельству ученика, он и тогда не оставлял плана церковной реформы, стремился создать широкую обновленческую организацию. С этой целью даже встречался с властителем Петрограда Г. Е. Зиновьевым. Введенский предложил ему конкордат — соглашение между *реформированной* Церковью и Советским правительством, на что получил ответ, что “в настоящее время” конкордат вряд ли возможен. “Что касается вашей группы, — заявил Зиновьев Введенскому, — то мне кажется, что она могла бы быть зачинателем большого движения в международном масштабе. Если вы сумеете организовать нечто в этом плане, то, я думаю, мы вас поддержим”⁵. Зиновьев оказался провидцем: “нечто в этом плане” было организовано, но, как и следовало ожидать, лишь после того как отгремели последние выстрелы, а Красная Армия разгромила “открытую контрреволюцию”. До этого момента ни прогрессивному Введенскому, ни его реформаторски настроенной организации власти ничего не предлагали. Более того, революционно настроенный пастырь даже “претерпел” от революции: храм Николаевского кавалерийского училища, где он настоятельствоval, в 1919 году закрыли. Введенский попал в положение безработного, одно время ему приходилось торговать газетами. Но нет худа без добра — оказавшись безработным, он блестяще использовал свое свободное время. За несколько месяцев, экстерном, Введенский сдал необходимые экзамены и получил дипломы биолога, физика, математика, юриста и кого-то еще. Любовь к знаниям у него была удивительная, — уже будучи обновленческим митрополитом в 1927 году Введенский (также экстерном) окончил курс в консерватории!

В конце концов, была решена и проблема его “трудоустройства” — отец Александр получил место настоятеля церкви Захария и Елизаветы (на Захарьевской улице в Петрограде). Можно предположить, что содействовала этому и личная близость Введенского к митрополиту Вениамину (Казанскому), которого он в скором будущем предал. Вот уж поистине: неисповедимы пути Господни! Тень этого предательства черным пятном легла на всю оставшуюся жизнь Введенского, попытавшегося осуществить свой идеал (церковного обновления) ценой безнравственного поступка. Это произошло в 1922 году, а

годом раньше молодой священник, — блестящий проповедник и умница, ценимый своим епархиальным начальством, возводится в сан протоиерея.

Впрочем, уже тот же год — 1921-й — круто изменил его судьбу. Голод в Поволжье и агитация в пользу изъятия *всех без исключения церковных ценностей* государством (для превращения их в хлеб голодающим) стали прологом обновленческой смуты. Для Советской власти голод был уникальным шансом раздавить церковную организацию, как такую, и она его не упустила.

Ситуация развивалась стремительно. В августе 1921 г. Патриарх Тихон обратился к главам отдельных христианских Церквей с призывом помочь вымиравшему населению Поволжья. Тогда же был основан Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим. Вскоре, однако, Советское правительство признало подобную организацию излишней и потребовала сдать все собранные ею денежные суммы специальному Комитету. Спустя некоторое время, в декабре, власти вновь разрешили Церкви, при посредстве органов церковного управления, сборы деньгами и продовольствием для голодающих. Не прошло и полутора месяцев, как, после резких антиклерикальных выпадов в печати, 13 февраля ВЦИК постановил изъять из храмов все драгоценные вещи, включая священные сосуды и иные богослужебные церковные предметы, что (с церковной точки зрения) являлось богохульством. Патриарх Тихон, в своем воззвании от 15 /28 февраля 1922 года, естественно, заявил об этом, самым категорическим образом выступив против возможного изъятия. Неблаговидная игра с Церковью, которой то разрешалось, то запрещалось самостоятельно помогать голодающим, завершилась. Провокация удалась, власти добились того, чего давно желали: используя благородный повод, они начали массированное наступление на “церковную контрреволюцию”. Час “прогрессивного” духовенства пробил: 24 марта в петроградской “Правде”, а 29-го — в центральных “Известиях”, появляется декларация о помощи голодающим, подписанная двенадцатью священнослужителями, в том числе и Александром Введенским, ее автором. Они готовы на все жертвы. И действительно, их “жертвы” принимаются. Уже 30 марта Л. Д. Троцкий пишет (под грифом “совершенно секретно”), пространную записку для членов Политбюро, в которой излагает программу новой церковной политики. Называя “прогрессивное” (в записке именуемое сменовеховским) духовенство опаснейшим врагом завтрашнего дня, Троцкий заявлял, что “чем более решительный, резкий, бурный и насильственный характер примет разрыв сменовеховского крыла с черносотенным, тем выгоднее будет наша позиция”. Он подчеркивал, что необходимо “заставить сменовеховских попов связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей” и “заставить довести их эту компанию внутри Церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии”. “Во время этой кампании, — продолжал он, — мы должны сменовеховским попам дать возможность открыто высказываться в определенном духе. Нет более бешеного ругателя, как оп[п]озиционный поп”⁶. В даре политического предвидения Льву Давидовичу нельзя было отказать. По большому счету, все получилось так, как он и предлагал.

Изъятие церковных ценностей вызвало сопротивление верующих, в том числе и в Москве. Результатом стал судебный процесс, проходивший в конце апреля — начале мая в здании Политехнического музея. Приговор поражал своей жестокостью: к расстрелу были приговорены 11 человек, из которых 5 казнили. Согласно частному определению суда к уголовной ответственности привлекался Патриарх. Именно в это время, неожиданно для непосвященных, и происходит церковный переворот. 12 мая к Тихону, находившемуся под домашним арестом на Троицком подворье, была допущена делегация петроградского духовенства, в состав которой входил и Александр Введенский. “Помощь” в организации этой встречи оказали, разумеется, официальные советские власти.

Не вдаваясь в подробности истории первых дней обновленческой смуты, скажу только, что результатом ее стало образование явно неканонического Высшего Церковного Управления, заместителем председателя которой, наряду со священником Владимиром Красницким, был назначен и протоиерей Введенский... Введенский *сознательно* вступил в грязную политическую игру, исход которого можно было просчитать заранее. Чем это можно объяснить? Однозначного ответа не существует, но, видимо, безмерное честолюбие молодого протоиерея сыграло здесь не последнюю роль. Честолюбие и цинизм. На первых порах духовный, а затем и официальный лидер обновленчества, как справедливо указывает профессор Д. В. Поспеловский, Введенский был человеком чрезвычайно сложным, — “идейно и морально неустойчивый, в политике — циник, он вместе с тем был блестящим оратором, в каком-то смысле даже борцом за веру и уж определенно человеком глубоко верующим, хотя и на несколько романтический манер”⁷. Действительно, чем еще можно объяснить, что всего за месяц до начала обновленческой одиссеи, вехами которой стали откровенное сотрудничество с ОГПУ, обман Патриарха и предательство митрополита Вениамина, Введенский трогательно пишет возвышенные слова о Боге, помещая их на обороте собственной фотографии, адресованной некоей Моте, по всей видимости, своей духовной дочери. *“Бог дает человеку (если человек полюбит Бога), — читаем мы, — ясность души, чистоту внутреннего зора, покой, свет, радость. Это — дары любви Христовой. Я тысячекратно испытал это в своей бедной и грешной душе — и нет большего счастья! Пусть же всегда будет с Вами, моя хорошая славная Мотя, Бог и Его счастье. С настоящей любовью к Вам, Мотя, Прот. А. Введенский. Петроград, 10 апреля 1922. Страстной Понедельник”*. Невозможно представить, что написавший такие строки человек, с юных лет страстно, хотя и несколько “по-декадентски”, веровавший, лгал.

Он хотел совместить несовместимое: социальную правду, пусть даже “большевистского образца”, со своей искренней верой, укрепленной фундаментальными знаниями. Рискну предположить: по-началу он надеялся на итоговую “примиримость” безбожного государства с обновленной Церковью, почему и с готовностью принял “помощь” работников Государственного Политического Управления. Рассказ о встрече с Г. Е. Зиновьевым можно рассматривать как аргумент, говорящий в пользу такого предположения. Он хотел реформ, любой ценой, во что бы то ни стало, не остановившись даже тогда, когда перед ним встал выбор: предать или же отойти в сторону, отказаться от начатого и, может быть, даже принять крест мученичества. Увы, искушение оказалось непреодолимым.

Епархиальный глава Введенского — митрополит Вениамин, отказался признать произведенный его клириками раскол. Попытка Введенского утвердить в Петрограде власть ВЦУ завершилась тем, что он был объявлен находящимся вне церковного общения (вплоть до покаяния). Попытки добиться отмены этого решения окончились безрезультатно: не помогли и угрозы властей. Вскоре, однако, угрозы осуществились, — за сопротивление изъятию церковных ценностей митрополита арестовали. Сохранилось сообщение, согласно которому в день ареста владыки у ворот Александрово-Невской Лавры его поджидал прятавшийся в тени “прогрессивный” протоиерей. “Сатанинская злоба и вместе нечеловеческое мучение были в глазах Введенского”, — писал Краснов-Левитин. Присутствовал Введенский в митрополичьих покоях и во время ареста Вениамина. Видимо, в те дни его мировосприятие кардинальным образом менялось, как менялись координаты добра и зла, нравственности и безнравственности. Человек, чей портрет висел у Введенского в кабинете, кто его искренне любил, и кому он был обязан своей карьерой, откровенно предавался. Впрочем, на суде (рассмотрение дела владыки началось 9 июня) Введенский хотел выступить в защиту митрополита Вениамина, представив того некомпетентным в политике человеком, которым вертели как хотели “реакционеры”. Не удалось. После первого же заседания он был ранен камнем, брошенным экзальтированной почитательницей мит-

рополита. (“Первомученик живой Церкви” назвал его обновленец Красницкий). Вскоре (в ночь с 12 на 13 августа 1922 года), митрополит и три его “поделельника” были расстреляны. Власть определилась и в своих методах антицерковной борьбы. Всем наблюдавшим церковную драму и участвовавшим в ней стало ясно, что следующей жертвой окажется Патриарх.

На таком вот фоне и происходит постепенное формирование различных толков обновленчества. В то время Введенский — хотя не первый, но все-таки один из лидеров. Он много выступает, чем дальше, тем больше приобретая известность выдающегося проповедника и оратора. Ко времени открытия так называемого Второго Поместного Собора (29 апреля 1923 г.) он имел уже всероссийскую славу. Его имя знали. Поэтому, он мог проявить и некоторую самостоятельность. Введенский покидает политизированную группу “Живой Церкви”, возглавлявшейся священником Красницким, позорно “прославившимся” на процессе митрополита Вениамина как один из наиболее злобных обвинителейладыки. В конце осени 1922 г. Введенский официально вступил в “Союз Общин Древле-Апостольской Церкви”, интеллигентной, по его словам, обновленческой организации. Тогда же он написал и программу Союза, в которой, среди прочего, заявлялось о необходимости введения института белого епископата, о пересмотре тех церковных канонов, которые потеряли свою жизненность, о необходимости закрытия всех монастырей (за исключением лишь аскетически-подвижнических) и т. д. В качестве одного из руководителей этой организации Введенский и был избран на Собор. На Соборе, как известно, была “осуждена контрреволюция”. Много усердствовал в этом и Александр Иванович. Итогом стало постановление Собора о лишении Патриарха Тихона не только сана, но и монашества. Подписал его, разумеется, и Введенский. Тогда же, в мае, после того, как решено было восстановить институт женатого епископата, он был хиротонисан во архиепископа Крутицкого. Произошло это 6 мая 1923 года. Можно ли говорить, что ко времени Собора Введенский окончательно укрепил свои позиции в обновленческой среде и стал непререкаемым авторитетом? Едва ли. Хотя он вошел в реформированный Высший Церковный Совет (бывшее ВЦУ), реального влияния на дела тогда не имел, занимаясь по преимуществу “идеологическими” вопросами. Реальная власть была у Красницкого. Однако все изменилось буквально в один момент: 16 июня власти освободили из под стражи вынужденно раскаявшегося в своей “контрреволюционности” Патриарха Тихона. А вскоре после этого начался массовый отход волей обстоятельств примкнувших к обновленчеству священнослужителей. Обновленческая организация стала сыпаться как картонный домик. Пресловутый ВЦС не имел никакого авторитета, и уже летом (в июле) был распущен. В августе, правда, собрался пленум ВЦС, но это был уже иной орган, возглавлявшийся иными лицами. Во главе его встал митрополит Евдоким (Мещерский), — авторитетный архиерей дореволюционного поставления. Все обновленческое движение объявлялось объединенным, а верховный орган управления получил привычное название Священного Синода. Вошел ли в него Введенский?

Нет. По-существу его, как личность одиозную, на тот момент решили устранить. Впрочем, именно “на момент”. К тому же его не было в Москве: в то время начинается самый яркий этап в жизни этого человека: он начинает гастролировать (другое слово трудно подобрать) по стране, выступая на диспутах с антирелигиозниками и “тихоновцами”. Широкую известность получили его споры о религии с А. В. Луначарским, очевидно проигрывавшим высококвалифицированному, как он говорил о Введенском, “религиозному гипнотизеру”. На диспуты с участием обновленческого архиерея было трудно достать билеты. Он умел и любил говорить зажигательно и проникновенно. Лицемерил ли он? Скорее всего, нет. Ведь его слово заставляло обращаться к вере даже людей к ней индифферентных. “Был выдающимся церковным деятелем и проповедником до раскола, — пи-

сал о Введенском непримиримый борец с обновленчеством, в первый раз именно за это и репрессированный, митрополит Мануил (Лемешевский), — таким оставался в годы раскола”⁸. Признание Мануила говорит само за себя.

Конечно же, среди его почитателей и слушателей большинство составляли люди образованные, пришедшие к вере тернистой дорогой размышлений и сомнений. Религиозных “простаков” среди его паствы было немного. Но им он и не был нужен. Интеллигенция же, напротив, в условиях господства казенного атеизма остро нуждалась именно в таком проповеднике: он соединял веру и знание.

Карьера его в те годы развивалась стремительно: в 1924-м Введенский возводится в сан митрополита, его роль в обновленчестве выявляется окончательно. Он — “лицо” обновленчества, неутомимый идеолог и популяризатор его идей. Второй обновленческий Собор (1925 года) явился тому доказательством. Собором этим, по мнению историков обновленчества А. Краснова-Левитина и В. Шаврова, закончился “романтический” период обновленчества и начался период прозаический, с характерными канцелярско-бюрократическими методами руководства. Завершился ли “романтический” период осуществлением каких-либо серьезных церковных реформ.

Увы, нет. Всячески пропагандировавшаяся, в противовес “монархическому началу” (т. е. Патриаршему возглавлению), “соборность” на деле оказалась трудно осуществимой. Политическая пристрастность, ни для кого не являвшаяся секретом, обычно замыкала все разговоры о реформах на критике “проклятого церковного прошлого” и желании “модернизировать” духовенство. На повестку дня встала задача охранения полученных в результате раскола храмов от влияния “тихоновцев”.

В то время Введенский больше лектор, чем администратор. Он живет в осенних лучах умирающего НЭПа, пользуясь возможностью говорить, ибо жить для него значило проповедовать, убеждать, клеймить. Он был великий артист — и в прямом и в переносном смысле слова! Уже по одному этому Введенский должен был быть плохим администратором.

Вехи его официальной биографии в то время таковы. 1924 год — управляющий Московской епархией, постоянный член обновленческого Священного Синода, курировавший просветительный отдел. Имел звучный титул “Митрополит-Апологет, Благовестник Христовой Правды”, являясь заместителем Председателя Св. Синода при митрополитах Вениамине (Муратовском) и Виталии (Введенском). В том же 1924 году А. И. Введенский был назначен на профессорскую кафедру (как доктор богословия⁹) при обновленческой Московской Богословской Академии, имея часы и в Ленинградском обновленческом Богословском Институте (читал лекции по курсу основного богословия и апологетики). В дальнейшем — ректор Богословской Академии. Номинально считался “архиепископом Лондонским и всея Европы”.

И хотя в то время он постоянно проживал в Москве, в Ленинграде оставались два храма, находившиеся в его непосредственном ведении: Пантелеимоновская церковь и церковь Захария и Елизаветы. До 1929 года богослужение там совершалось по новому стилю (в дальнейшем, среди прочих, обновленцы отказались и от этого “революционного” нововведения). До закрытия в 1931 году Храма Христа Спасителя Введенский являлся его настоятелем, в дальнейшем имея своей резиденцией последовательно: храм св. апостолов Петра и Павла на Басманной улице, где помещалась и Богословская Академия; затем (после закрытия церкви и Академии) — Никольский храм на Новослободской улице (с 1934 по 1936 гг.) ; далее — церковь Спаса на Спасской (до 1938 г.) и, наконец, Старо-Пименовскую церковь, где он прослужил вплоть до своей смерти¹⁰.

Конец НЭПа означал для обновленцев и окончание весьма относительной свободы религиозной деятельности. С 1929 года никаких диспутов о вере не проводилось. Чем дальше, тем больше власти демонстрировали, что не нуждаются в услугах никаких рели-

гиозных организаций, ибо все они — по своей сущности одинаково “реакционны”. В этих условиях Введенский просто напросто оказывается человеком, лишенным возможности заниматься проповедническо-апологетической деятельностью. И это обесмыслило его существование — быть просто “требоисполнителем” он не мог, столь “узкие” рамки явно ему не подходили.

В результате, Александр Иванович постепенно начинает превращаться в банального мещанина, страсть к всевозможным приобретениям с годами захватывает его. Он собирает коллекцию панагий, бриллиантов, картин (в его собрании были Брюллов, Коровин, Поленов и др.) Правда, как пишет А. Э. Краснов-Левитин, его все время обманывали, подсовывая подделки. Но Введенский не желал замечать этого, по-детски радуясь каждому своему приобретению. Перед войной у него появилась своя машина, что было тогда редкостью.

Митрополит вел богемную жизнь, дом его одно время напоминал великосветский салон. Там можно было встретить известных артистов, художников, режиссеров. В Сокольниках у Введенского бывали Гельцер, Качалов, Завадский. Александр Иванович был великолепным пианистом и часто музицировал, иногда даже участвуя в публичных выступлениях. Играл он и на пару — в четыре руки с известным пианистом тех лет Г. Гинсбургом.

Много лет спустя его жена с ностальгией вспоминала об этом времени: “У нас бывала вся Москва, разговоры были исключительно об искусстве, живописи, театре, о концертах, где были накануне, о спектаклях — мы редко пропускали премьеру. О политике не помню, чтобы говорили...”¹¹.

Все это слишком напоминало пир во время чумы: Церковь откровенно истреблялась, ее пастырей (как староцерковников, так и обновленцев, уже без разбора) арестовывали, расстреливали и ссылали в лагерь.

В 1935 году должен был “самораспуститься” обновленческий Синод, заместителем председателя которого Введенский официально считался. В слудующем, 1936 году, с принятием новой (Сталинской) конституции, Введенскому сообщили о запрещении произносить проповеди. В дальнейшем подобное толкование власти отвергли как ошибочное, но дело было сделано: талант проповедника, “под влиянием внешних стеснений”, навсегда его оставил. Он не был арестован в 1937 году (“чудом”), оставаясь невольным свидетелем того, как вместе с идеалами церковных реформ гибла и сама обновленческая структура, некогда созданная с помощью безбожных властей...

В те же годы происходят кардинальные изменения и в личной жизни Введенского. В 1935 г. он *официально второй раз женится церковным браком*. Избранница Александра Ивановича — скромная миловидная блондинка Анна Павловна Завьялова, служащая канцелярии Аэрофлота, на четверть века его моложе. Со своей предыдущей супругой Введенский расстался в самом начале 1920-х (развод оформили, правда, четырьмя годами позже). С Ольгой Федоровной, от которой у него было трое сыновей, Александр Иванович, тем не менее, не порвал нормальных (“товарищеских”) отношений.

Оставаясь разведенным, до встречи с Анной Павловной, Введенский в те же 1920-е жил гражданским браком с одной из поклонниц — Татьяной Николаевной Беккер, приходившейся внучкой барона Э. Ю. Нольде. От этого “брака” у него родилась дочь Мура (Мария), всю жизнь, несмотря на собственный атеизм, боготворившая отца.

Столь бурная, противоречившая всем (даже облегченным обновленческим) канонам личная жизнь архиерея не могла не быть соблазнительной для окружавших его людей. Не случайно на закате обновленчества в его рядах по большей части оставались только те, кто из-за своего семейного положения, или же очевидно скандального прошлого не мог встретить сочувствия и быть принятым в лоно Патриаршей Церкви. Обновленчество

постепенно превратилось в своеобразный религиозный “отстойник”. И личная вина в этом А. И. Введенского очевидна.

Описывая внешний облик А. И. Введенского, пристрастный современник уже в наши дни отмечал, что Александр Иванович чрезвычайно любил почести. У него было три панагии (хотя, как известно, уже вторая панагия — редкая награда для архиерея), он носил два наперсных креста. Его парчовый саккос был расшит иконами, митра имела опушку à la старообрядцы. Все его священники были митрофорными, а старший носил даже знак епископского отличия — панагию. “Экстравагантным был внешний облик А. И. Введенского, — вспоминал много лет спустя А. Ч. Козаржевский, — модный в 20-е гг. квадратик усов, мефистофильская борода (которую, правда, в 30-е гг. митрополит сбрил), нос с характерной горбинкой, торчащие вверх черные волосы, всегда полуоткрытый рот, гортанный голос, отрывистый говор, резкие движения <...> Митрополит мог себе позволить появляться в Церкви, скажем, в растегнутой до пояса футболке, поверх которой в притворе набрасывали рясу и архиерейскую мантию”¹². Это описание, думается, все-таки излишне субъективно. Введенский был красивым человеком, ярким и незаурядным. Он был необычен как православный архиерей, дававший пищу для сплетен и пересудов. Он был слишком светским человеком, *слишком человеком* — и в этом, наверное, заключается горькая правда.

В апреле 1940 года у него появилась новая должность — заместителя Первоиерарха Московского и всех Православных Церквей в СССР (Первоиерархом с середины 1930-х гг. был однофамилец Введенского — митрополит Виталий). Соборное (“коллективное”) управление приказало долго жить, всё вернулось на круги своя. Яркие противники единоличной церковной власти оказались такими же “автократами”, как и их оппоненты из Патриаршей Церкви, возглавлявшейся тогда митрополитом Сергием (Страгородским). В целом же, внешние отличия обновленцев от староцерковников в начале 1940-х гг. практически исчезли. “Обновленчество стало чем-то вроде венерической болезни, — как-то выразился сам Введенский, — о нем неприлично упоминать в обществе — и его пытаются тщательно скрывать”.

Начавшаяся вскоре Отечественная война внесла в его жизнь существеннейшие коррективы. В августе 1941 г. совершенно растерявшийся, не понимавший и не владевший ситуацией митрополит Виталий, “по чьему-то совету”, ушел на покой, затем получив бессрочный отпуск. Дела он сдал митрополиту Александру, в октябре назначенному Первоиерархом. Вступление на вершину обновленческой власти Введенский ознаменовал принятием титула “Святейшего и Блаженнейшего”. “Священный обновленческий Синод, — сообщает в своем Словаре митрополит Мануил (Лемешевский), — примерно в 40–41 г. вынес постановление о восстановлении Патриаршества, причем предreshено было это звание приподнести Святейшему Блаженнейшему Благовестнику мира митрополиту Александру Введенскому, путем избрания его на предстоящем у них Всероссийском церковном Соборе”¹³. Этого, впрочем, не произошло, хотя попытка предпринята была. 4 декабря 1941 года в Ульяновске, куда осенью было эвакуировано высшее церковное управление обновленцев (равно как и митрополит Сергей), Введенский был “возведен” в Патриаршее достоинство. Все действо, с посадением его на антиминс, развернутый на обеденном столе, происходило на частной квартире, с участием митрополита Виталия и сына Первоиерарха — дьякона Андрея. Чем была продиктована эта затея, сказать сейчас трудно, однако ее несерьезность стала очевидной достаточно быстро, что и привело к отмене “Патриаршества” самим Введенским. Несмотря на романтическое (все-таки) восприятие будущего христианства, в политике он продолжал оставаться реалистом. Еще до того, как состоялась историческая встреча Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), определившая вектор государствен-

ной церковной политики, в интимных беседах он признавался, что “обновленчество потерпело крах”. Так, когда в 1942 г. он передал в фонд обороны свои личные пантеоны огромной художественной и исторической ценности (каждая в 500 тысяч золотых рублей), Сталин поблагодарил его, направив телеграмму не как “митрополиту”, а как частному лицу — А. И. Введенскому. Это уже был тревожный симптом¹⁴.

В Ульяновске Александр Иванович жил вместе со своей женой и детьми от второго брака в небольшой квартире, которую снимал в деревянном доме на улице Радищева, 109. Буквально в доме напротив, с тремя сыновьями Введенского проживала его первая жена. “Незаконная” дочь Мура, сумев выбраться из блокадного Ленинграда (ее мать продала с этой целью оставшиеся от “прежней жизни” драгоценности), также жила в Ульяновске, с отцом. Все шесть детей были с ним.

В 1943 году в семье А. И. Введенского произошло радостное событие: после двух мальчиков (Саши, появившегося на свет в 1935 г., и двухлетнего тогда Олега) у него родилась дочь, Ольга. Это был последний, седьмой, ребенок Александра Ивановича¹⁵.

Митрополит, тогда находившийся в Москве (во время войны у него, как у обновленческого Первоиерарха был пропуск, позволявший регулярно бывать в столице), поехал в Ульяновск, к семье. Обратное, как планировал, Введенский вернуться в Москву не сумел: пропуск почему-то решили “проверить”. Именно в течение той недели, когда пропуск якобы проверяли, с обновленчеством и было практически покончено. На сей раз власти остановили свой выбор на Патриаршей Церкви, отказавшись иметь дело с экстравагантными обновленцами, давно растерявшими и без того невеликое влияние, которое у них было в 1920-х гг.

Изолированный, не получавший информации с мест от своих епископов и священников, Введенский вынужденно сидел в Ульяновске. Он вернулся в Москву лишь тогда, когда все уже завершилось. То, что он увидел и узнал, свидетельствовало о политической катастрофе обновленчества. Его покинули почти все. В 1944 г. покаялся и был принят “в сущем сане” (епископом) и бывший обновленческий Первоиерарх Виталий. Репрессированные обновленческие архиереи (как и священнослужители Патриаршей Церкви), в то время начинают выходить из лагерей и тюрем. Но никто из реабилитированных обновленцев не остается верен митрополиту Александру: Патриархия принимает их келейное покаяние и устраивает их судьбу. В итоге Первоиерарху ничего не остается, как самому попытаться найти компромисс с возглавлявшейся Патриархом Сергием (Страгородским) Православной Церковью. На Пасху 1944 года он посылает последнему приветственную телеграмму (“Друг друга обьемем!”), но та, судя по всему, не возымела никакого действия. После смерти Патриарха, Введенский безуспешно добивался приглашения на Собор, затем (в июне 1945 г.) начав переговоры о своем возможном воссоединении с Русской Православной Церковью. Переговоры эти также закончились провалом. Введенского отказались принять не только епископом (чего он добивался, заявляя о готовности изменить семейное свое положение, т. е. принять монашеский постриг), но даже рядовым профессором Духовной Академии. Лишь мирянином и сотрудником Журнала Московской Патриархии — не более. Не помогло и заступничество старого товарища — митрополита Николая (Ярушевича). Пойти же на воссоединение с Церковью рядовым сотрудником ЖМП было выше его сил.

Анна Павловна, жена Введенского, вспоминала, что в то время Александр Иванович шутиливо говорил ей: “Вот, надо раскаяться. А в чем? В «белом епископате», например. Тогда надо признать грехом нашу семью, детей”. Она, конечно же, пугалась: а вдруг он и вправду раскается. Не случилось. Искренне или нет, но Введенский считал, что его совесть перед Церковью чиста. “В чем каяться? — восклицал он. — Что стремился приблизить Церковь к жизни?”¹⁶ Видимо, если такие разговоры и велись, то уже *post factum*, —

после того, как Введенский понял: двери Московской Патриархии навсегда для него захлопнулись. Могло ли быть иначе? Едва ли.

В послереволюционной России Введенский стремился создать “передовую” (т. е. социалистическую) Церковь. Он был романтиком и до конца верил в правильность революции. Умный человек, Александр Иванович не мог не видеть как революция “пожрала своих детей” и чем обернулась для России пресловутая революционная свобода. Но... И все-таки но...

Много лет спустя, вспоминая последние годы жизни А. И. Введенского, его старшая дочь — Мария Александровна (в замужестве Климина), говорила, что отец умер от того, что его жизнь потеряла всякий смысл, оказалась по существу разбитой. Навалившиеся к тому времени на Введенского болезни лишь довершили дело. Одиноким и проигравшим он покидал этот мир. Смерть его, последовавшая 25 июля 1946 года, окончательно убила и организованное обновленческое движение.

“Кто такой Введенский? — задавался вопросом его преданный ученик и биограф А. Э. Краснов-Левитин, — Гениальный проповедник? Да! Хороший человек? Вряд ли. Плохой человек? Вряд ли. Прежде всего это человек порыва. Человек необузданных страстей. Поэт и музыкант. С одной стороны — честолюбие, упоение успехом. Любил деньги. Но никогда их не берет. Раздавал направо и налево, так что корыстным человеком назвать его нельзя было. Любил женщин. Это главная его страсть. Но без тени пошлости!

Он увлекался страстно, до безумия, до потери рассудка”¹⁷.

Действительно, это был человек, целиком состоявший из противоречий, яркий, как и сама эпоха, в которой он жил. Однако примечательно, что даже непримиримые критики-современники Введенского (такие, например, как митрополит Мануил (Лемешевский)), не позволяли себе оскорбительно-уничижительно о нем отзываться. В отличие от последующих ревнителей, они не опускались до оскорблений типа “кошунник” и “эротоман”, хотя, без сомнения, имели на это гораздо больше оснований, нежели их правоверные эпигоны; не вспоминали (“объективности” ради) его еврейские корни¹⁸ и т. п.

Введенский был глубоко верующим человеком, часто каялся в грехах со слезами на глазах, в церкви, не стесняясь при всех говорить о своем падении. Однако, был ли он церковным человеком? Формально — да, но реально, осмелюсь заявить, — едва ли. “Он был широким человеком — интерес к искусству, к науке, к общественно-политическим вопросам был присущ ему органически — он не мог не думать об этих вопросах. Он был христианским социалистом: “Я могу понять — лишь религиозное обоснование социализма”, — говорил он часто.

Вернее, его социализм был религиозно-эстетическим социализмом. “Музыка и религия, религия и музыка — вот что в жизни главное — и надо, чтоб жизнь была наполнена этими двумя божественными стихиями”, — часто говорил он”¹⁹.

С этими словами, которые можно назвать христианским завещанием мятежного реформатора, трудно не согласиться и сегодня.

Примечания

1 *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., Künsnacht (Schweiz), 1996. С. 23.

2 Относительно времени священнической хиротонии Александра Введенского существует несколько предположений. Согласно Каталогу “Русских

архиереев обновленцев”, составленному архиепископом (на момент составления) Мануилом (Лемешевским), А. И. Введенский был священником с 1915 года (См.: Каталог “Русских архиереев обновленцев”. Материал для “Словаря русских архиереев обновленцев” (1922–1943 гг.). Составил

- А[рхиепископ]. М[ануил]. Часть I. Чебоксары, 1957. (Машинопись). С. 12). В «Актах Святейшего Патриарха Тихона» (Приложение 2) упоминается 1913 год (См.: Акты... М., 1994. С. 905). Как мне представляется, прав был все-таки А. Э. Краснов-Левитин, лично знавший Введенского и непосредственно от него узнавший о перипетиях предвоенного этапа жизни последнего.
- 3 А. Ч. Козаржевский в своей статье об А. И. Введенском неверно отмечает, что о. Александр в марте 1917 г. «сколотил инициативную группу «32-х петроградских священников», которая образовала Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян». (См.: *Козаржевский А. Ч. А. И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1989. № 1 С. 56*). Как известно, группа была создана еще в годы Первой российской революции, а не в 1917 г., когда ее только восстановили. Введенский не мог «сколотить» группы: на момент ее образования ему исполнилось 16 лет.
  - 4 Собор, — писал А. И. Введенский в 1923 году, — «есть церковно-политическое собрание, а не чисто религиозное». (См.: *Введенский А., прот. Церковь и государство. М., 1923. С. 3*).
  - 5 *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Указ. соч. С. 51.
  - 6 Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922 — 1925 гг. / Изд. подготовили Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М., Новосибирск, 1997. С. 162 — 163.
  - 7 *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 68.
  - 8 Каталог «Русских архиереев обновленцев». . С. 12.
  - 9 В дальнейшем (в 1932 г.), А. И. Введенскому была присвоена и степень доктора философии.
  - 10 В Словаре Мануила (Лемешевского) ошибочно указывается иная дата принятия Введенским обязанностей настоятеля в Старо-Пименовском храме — 2 декабря 1936 г. (См.: Каталог «Русских архиереев обновленцев»... С. 12).
  - 11 *Брушлинская О.* Остался нераскаянным... // Наука и религия. 1988. № 6. С. 44.
  - 12 *Козаржевский А. Ч.* Указ. соч. С. 60, 61.
  - 13 Каталог «Русских архиереев обновленцев»... С. 13.
  - 14 *Козаржевский А. Ч.* Указ. соч. С. 64.
  - 15 В дальнейшем два его старших сына от первого брака — Александр (1913–1988) и Владимир (1921–1984) стали клириками Московской патриархии, в этом смысле продолжив дело отца. Старший Александр умер протодьяконом, а младший Владимир — протоиереем. Третий сын Введенского (от первого брака) — Андрей, также был клириком (дьяконом, затем священником при отце). По словам А. Э. Краснова-Левитина это был психически и умственно ненормальный человек, хронический алкоголик. В 1948 г. за неосторожные слова он попал за решетку и три года спустя трагически погиб в лагере при попытке к бегству (*Краснов-Левитин А.* Труды и дни. Обновленческий митрополит Александр Введенский. Creteil, 1990. С. 194–195).
  - 16 См.: *Брушлинская О.* Указ. соч. С. 45.
  - 17 *Краснов-Левитин А.* Указ. соч. С. 56.
  - 18 Дед Введенского был выкrestом из кантонистов.
  - 19 *Краснов-Левитин А.* Указ. соч. С. 179.

В. В. Козырь

Главный Инженер-Механик Флота

В 1996 году исполнилось 170 лет со дня образования первого в Российском флоте Корпуса Корабельных инженеров Балтийского флота, основу которого составили корабельные мастера и их помощники, драфцманы и тиммерманы офицерских званий¹. Через 28 лет из Корпуса Корабельных инженеров выделился Корпус Инженер-Механиков². Среди корабельных инженеров, служивших по части управления паровыми машинами и переименованных в инженер-механики, был и поручик Селянинов Николай Семенович³, которому суждено было стать первым Главным Инженер-Механиком российского флота, человеком с трудной, как и у многих инженер-механиков того времени, судьбой в период становления механической службы как организационной структуры морского ведомства.

Н. С. Селянинов родился в 1827 году в семье потомственного дворянина, коллежского секретаря, ведущего свою родословную из Тверской губернии⁴. Род Селяниновых не относился к числу именитых, что определило все те сложности по службе, которые выпали на долю четырех братьев: Матвея, Александра, Николая и Семена. Восьмилетним мальчиком 21 августа 1835 года отец определил Николая на обучение в Учебно-морской Рабочий экипаж в Кронштадте. Во время занятий он успешно осваивал арифметику, геометрию, черчение, начертательную геометрию, дифференциальные и интегральные исчисления, статику, динамику, гидростатику, гидродинамику, теорию и практику машинного дела. Помимо этого, хорошо усердствовал и свободно изъяснялся на английском и французском языках. Как один из лучших воспитанников 10 сентября 1844 года производится в унтер-офицеры, а 21 августа 1846 года, имея от роду 19 лет, выпускается прапорщиком с назначением в Корпус Корабельных Инженеров Черноморского флота⁵.

Службу свою начал инженер-механиком парохода «Громоносец». Это было уже старое, видавшее виды судно, с машиной в 100 сил, построенное на верфи Николаевского Адмиралтейства корабельным инженером И. Я. Осмининим. За две кампании 1847 и 1848 годов молодой офицер приобрел хорошую практику по эксплуатации котлов и машин. Во многом этому способствовало то, что машинистом на «Громоносце» служил по контракту опытный английский моряк Кросс. Как отмечал Н. А. Залесский, в России своих механиков не хватало, и на многих, даже на военных, пароходах, вплоть до начала войны с Англией в 1854 году, по вольному найму плавали английские механики и машинисты⁶.

В 1849 году Н. С. Селянинова переводят на более современный, построенный в 1843 году в Англии на верфи Нортфлита, пароходо-фрегат «Херсонес»⁷. Это уже был настоящий боевой корабль с машиной в 250 сил. На нем имелось две 84-фунтовые (254 мм)

бомбические пушки, установленные в носу и на корме, а также четыре 32-фунтовые (165 мм) полупушки по бортам. До начала Крымской войны с фрегата сняли бомбические пушки, а судно передали РОПиТу. По условиям договора фрегат поступал в распоряжение флота лишь в случае войны, а «исправление... и снабжение... офицерами, командами и всеми потребностями по вооружению возлагались на морское ведомство, с последующим погашением расходов... из других источников»⁸. Плавая на пароходо-фрегате по Черному и Азовскому морям, Н. С. Селянинов приобрел все необходимые познания и богатую практику как инженер механик.

Его опытность в управлении машинами и знание дела не остались незамеченными. В 1852 году в Николаеве заложили 120-пушечный паровой корабль «Босфор» (впоследствии «Синоп») как флагманский корабль Черноморского флота. По инициативе Начальника штаба флота вице-адмирала В. А. Корнилова для осмотра кораблей-пароходов в Англию и Францию командировался строитель «Босфора» подполковник С. И. Чернявский. Он же должен был, при содействии находившегося в Англии капитан-лейтенанта И. А. Шестакова, заказать винтовую машину для строящегося корабля. А для присмотра за отделкой этой машины, доставки ее в Россию и последующей сборки на линейном корабле командировался инженер-механик прапорщик Н. С. Селянинов⁹. Командировка эта оказалась кратковременной. В февраля 1853 года отношения России и Англии резко обострились раздавались призывы к высылке «русских шпионов», особенно специалистов-инженеров. 27 августа поездку пришлось прекратить и возвратиться в Севастополь. Новый взрыв разнузданного негодования в английском обществе произошел после разгрома турецкого флота 18 ноября 1853 года в Синопской бухте русской эскадрой под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова. Газеты пестрели выражениями: «страшное побоище турок в Синопе северными варварами...», «гнусное покушение» и т. д. Естественно, что все контракты с английскими фирмами были расторгнуты¹⁰. Рухнула надежда стать старшим инженер-механиком линейного корабля «Босфор».

Крымскую войну 1853—1856 гг. поручик Н. С. Селянинов встречает уже многоопытным и знающим инженер-механиком. Приходит необходимая для военного инженера и боевая закалка. На «Херсонес» возвращаются снятые на мирное время бомбические пушки. Фрегат принимает участие во многих ответственных перевозках, часто в штормовых условиях. Так, в сентябре 1853 г. «Херсонес» вместе с другими пароходо-фрегатами перевез из Севастополя на Кавказ 16 тысяч человек 13-й пехотной дивизии с лошадьми и орудиями, а в марте 1854 г. те же пароходы сняли гарнизоны укреплений Черноморской береговой линии и уничтожили эти укрепления артиллерийским огнем. Принимал участие «Херсонес» и в боевых делах: 18 ноября 1853 г. в заключительном этапе Синопского сражения, а еще до высадки союзников в Евпатории пароходо-фрегат в составе отряда выходил навстречу появлявшимся у Севастополя неприятельским пароходам, вступал с ними в артиллерийскую перестрелку и заставлял противника уходить от города¹¹.

5 ноября 1853 года пароходо-фрегат «Владимир» под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Бутакова после 3-часового боя вынудил 10-пушечный турецкий пароходо-фрегат «Перваз-Бахри» спустить флаг. В российском флоте турецкий пароход получил наименование «Корнилов» в память об адмирале, погибшем 5 октября 1854 г. Как одного из самых опытных инженер-механиков, бывшего близким к герою-адмиралу, Н. С. Селянинова назначают инженер-механиком на призовой пароход¹². Под его руководством машинно-котельная команда быстро освоилась с механизмами судна, и уже в кампанию 1854 года «Корнилов» вступает вполне боеспособным фрегатом. За успешное освоение техники парохода Н. С. Селянинова 27 марта 1855 года производят в поручики. Однако не обошлось и без недоразумений. В декабре 1854 года от Корабельных инженеров выделился Корпус Инженер-Механиков. Среди первых 46 корабельных инженеров, удостоенных

7 февраля 1855 года этого звания, был и поручик Н. С. Селянинов. Непонятно из каких соображений зрелому и боевому офицеру инженер-механику присваивают лишь третий, низший, разряд, что явно не соответствовало 9-летнему опыту беспорочной службы на пароходах и его фактическому положению на фрегате «Корнилов». В знак протеста он 17 августа увольняется от службы. Но и начальство вовремя спохватилось. 15 сентября 1855 года обиженного офицера вновь принимают на службу с зачислением во 2-й разряд инженер-механиков¹³. Это не только увеличивало денежное содержание офицера, но и давало право занимать должность старшего инженер-механика на пароходах с машинами до 350 сил.

После окончания Крымской войны на Охтинском заводе в Петербурге заложили 14 винтовых корветов для эскадры, командиром которой назначили Е. А. Беренса, а начальником штаба И. А. Шестакова. Экипажи этих судов комплектовались в основном черноморцами. В их числе был и поручик инженер-механик Н. С. Селянинов. В 1856 году по заказу русского правительства в США на верфи В. Г. Уэбба в Нью-Йорке заложили пароходо-фрегат «Генерал-Адмирал». Для наблюдения за строительством корабля в Америку командировали И. А. Шестакова. Вслед за ним в 1858 году, после постройки корпуса судна, в Нью-Йорк отбыл и Н. С. Селянинов. В его обязанность входило ознакомление с машиностроительными заводами США, а также наблюдение за постройкой и установкой машины на строящемся фрегате. 3 июля 1859 года фрегат с американской командой прибыл в Кронштадт. Размеры фрегата, его тщательная отделка и мощная машина, приводившая в движение величайший в мире корабль с подъемным 2-лопастным винтом, приводили в восторг моряков и посетителей. Н. С. Селянинов не без основания рассчитывал оказаться в должности старшего инженер-механика красавца-фрегата. Однако этого не произошло. Всеми возможными почестями осыпали лишь одного офицера — капитана 1 ранга И. А. Шестакова, который всем объяснял, что на фрегате «...не вбили гвоздя без моего ведома»¹⁴. Его назначили командиром фрегата, определили в свиту императора Флигель-Адъютантом, наградили орденом «Св. Владимира» 3-й степени на шею. Инженер-механику Н. С. Селянину пришлось довольствоваться лишь перечислением из 2-го в 1-й разряд. Вновь обойденный, как и на Черном море, Н. С. Селянинов решил оставить службу на флоте. Высочайшим Указом № 263 от 19 ноября 1859 года поручика Корпуса Инженер-механиков Н. С. Селянинова уволили от службы штабс-капитаном и с мундиром¹⁵.

Вскоре после увольнения отставной штабс-капитан вступил по контракту во временное исполнение обязанностей Главного инженер-механика Адмиралтейских Ижорских заводов. Начальником заводов в это время был известный инженер К. И. Швабе. И здесь Н. С. Селянинов быстро находит свое место в огромном хозяйстве, становится надежным помощником начальника заводов. При его непосредственном участии строились баржи, паровые барказы и другие суда из железа, а также шлюпки, понтоны и корпуса маяков. Он разработал чертежи для установки сначала 600-сильной, а затем 720-сильной машины на императорской яхте «Держава». Так как работы по установке машины на яхту выполнял Кронштадтский пароходный завод, то для ознакомления с новейшими судовыми машинами и последними улучшениями в производстве механических работ в 1865 году Н. С. Селянинова, Начальника Кронштадтского пароходного завода А. И. Соколова и одного из мастеров пароходного завода, который устанавливал машину на яхту, командировали на короткое время за границу.

В 1860 году на Балтийском флоте открыли штат Главного Инженер-механика¹⁶. По странному стечению обстоятельств на новую вакансию пригласили подданного Великобритании господина Ламберта¹⁷. Для обеспечения его деятельности, кроме помощника штабс-капитана М. И. Чванова, в штате числился Главный чертежник англичанин Джон

Говард Игер, переписчик бумаг на английский язык юнкер Забегаев, переводчик с английского и три чертежника. При такой укомплектованности штата нечего и думать было о какой-либо серьезной деятельности на флоте Главного инженер-механика. Это не мешало господину Ламберту исправно, до 1866 года, получать свои 10 285 рублей годового жалованья. Бесплезность этой фигуры, наконец, поняли и в Морском Министерстве.

В мае 1866 года штат Главного Инженер-Механика Балтийского флота преобразовали в штат Главного Инженер-Механика Морского Министерства. В связи с этим от господина Ламберта потребовали точного исполнения своих обязанностей. Ему указали на недопустимость своевольных решений; последние должны были согласоваться с Председателем Кораблестроительного Технического Комитета и в присутствии Директора Кораблестроительного Департамента, выступавшего как Председатель такого совещания. Кроме того, генерал-адмирал Великий Князь Константин Николаевич указал Главному инженер-механику на недопустимость отбывать в отпуски и командировки, не оставляя на это время вместо себя Помощника штабс-капитана М. И. Чванова. Господину Ламберту предложили ознакомиться с его новыми обязанностями как Главного Инженер-Механика Флота¹⁸. Объем их был чрезвычайно велик.

Обозначившиеся «рамки» не понравились Ламберту и в своей записке от 19 июля 1865 года он сообщил Управляющему Морским Министерством вице-адмиралу Н. К. Краббе, что намерен «...оставить службу по расстроенному здоровью и невозможности... более заниматься новыми сложными вопросами и работами по механической части»¹⁹. Тогда ему предложили обязанности Главного инженер-механика флота исполнять совместно с возвратившимся из-за границы Н. С. Селяниновым, с тем расчетом, чтобы «...все вопросы и работы, которые не будут господином Ламбертом приняты к своему рассмотрению, передавать на решение временно исполняющего должность Главного механика Адмиралтейских Ижорских заводов Н. С. Селянинова»²⁰. Такой поворот событий не устроил господина Ламберта, и тогда в должность Главного Инженер-Механика Морского Министерства 14 мая 1866 года вступил по контракту на 3 года Николай Семенович Селянинов, назначенный приказом Управляющего Морским Министерством № 73, став, таким образом, первым руководителем вновь зародившейся службы»²¹.

В обязанности Главного Инженер-Механика Флота входило: «составлять, по мере необходимости, чертежи, спецификации и технические данные для машин, станков и вообще механизмов всякого рода, судовых и береговых, с применением к ним новейших усовершенствований и улучшений, как с целью изготовления таковых машин, так и для исправления прежних; представлять соображения о способе выполнения таковых работ с указанием на заводы, которые по средствам к выполнению предложенного заказа и лучшей работе, будут заслуживать предпочтение перед другими, и рассматривать поступающие от разных лиц предложения по этим вопросам; наблюдать за прочным и соответственным контрактным условиям исполнением самих работ; осматривать машины на судах, в адмиралтействах и на заводах и, в случае надобности, решать какого рода изменения, исправления или усовершенствования и новейшими изобретениями по механической части и указывать на те из них, которые было бы полезно ввести в Морском ведомстве...»²².

С вступлением в должность Н. С. Селянинову пришлось столкнуться с затруднениями не столько технического, сколько административного характера. В связи с быстрой механизацией флота настала необходимость пересмотреть «Положение о Корпусе Инженер-Механиков». Главный инженер-механик считал, что «вследствие развития механического дела в России механикам Морского ведомства представляется случай искать занятий в частной службе, дающей им большее вознаграждение. Тем более, что служба в Морском ведомстве сопряжена с большим числом трудностей»²³. А по сему предложил «уравнять офицеров корпуса инженер-механиков в денежном содержании с флотскими

офицерами»²⁴. В письме к Управляющему Морским Министерством 4 октября 1869 года по поводу нового Положения Н. С. Селянинов говорил: «Основная мысль проекта состоит в том, что новое Положение, подобно Положению 1854 года, должно вместе с правилами, относящимися собственно до порядка службы механиков, заключать в себе и Постановления, имеющие мыслию обеспечение Морского ведомства способнейшими лицами для службы по механической части»²⁵. Идеи Главного инженер-механика поддержали на совещании 30 июня 1869 года Начальник Адмиралтейских Ижорских заводов подполковник И. И. Зарубин, Начальник Кронштадтского пароходного завода полковник А. И. Соколов, Начальник Кронштадтской котельной мастерской поручик М. Дмитриев и другие инженер-механики Кронштадтского и С.-Петербургского портов, присутствовавшие на совещании. Ходом разработки нового Положения интересовался бывший командир первого соединения винтовых корветов, а ныне член Адмиралтейств-Совета вице-адмирал Е. А. Беренс.

В Адмиралтейств-Совете адмиралы М. Н. Станюкович, Н. П. Епанчин, З. З. Балк, А. И. Панфилов, И. И. фон Шанц, вице-адмиралы К. И. Истомин, Е. А. Беренс, С. В. Воеводский, генерал-лейтенант В. Н. Мещеряков и действительный статский советник М. А. Пешуров поддержали предложение Главного Инженер-механика флота и согласились с уравнением офицеров инженер-механиков в денежном содержании с флотскими офицерами, но с тем условием, чтобы производство инженер-механиков из чина в чин осталось на прежнем уровне, т. е. так, как это делалось в сухопутном инженерном Корпусе. Одновременно Адмиралтейств-Совет предложил Главному Инженер-Механику Флота разработать проект Правил об особом вознаграждении инженер-механиков «За управление судовыми механизмами в продолжении известного числа лет, если во все это время вверенные им котлы и механизмы действовали вполне исправно и не имели повреждений, происходящих от их невнимания и небрежения — подобно тому, как судовые командиры вознаграждаются ныне за продолжительную службу командуемых ими судов»²⁶.

Н. С. Селянинов объяснял членам Адмиралтейств-Совета, что разработка такого документа «...вряд ли возможна, так как совершенно невозможно установить, по каким критериям делать это вознаграждение»²⁷.

Положение самого Главного Инженер-механика Флота было весьма неопределенным. В 1869 году вышел «Наказ по Управлению Морским ведомством».²⁸ По Наказу права и обязанности Главного инженер-механика значительно расширились. Ему давалось право «...инспектировать возможно часто сам[ому], или через посредство своего помощника, работы по механической части, проводящиеся для Морского ведомства в мастерских и на заводах, как казенных, так и частных и удостоверить, производятся ли эти работы правильно, точно и согласно с утвержденными чертежами и спецификациями»²⁹.

Вопросы, касающиеся строительства доков, механических заводов, мастерских, эллингов и других адмиралтейских построек, относящихся до кораблестроения, решались с участием Главного инженер-механика Флота в соединенном собрании Кораблестроительного и Строительного отделений Морского Технического Комитетов. Признавая за Главным инженер-механиком первенство в технических вопросах по механической части, Морской Министр не торопился ввести его в Морской Технический Комитет, а официально числил его Членом Комитета Морских учебных заведений³⁰, что выглядело более чем странно.

Всю переписку по административным и техническим вопросам Главный инженер-механик вел не с Председателем Морского Технического Комитета, а через Начальника Канцелярии Морского Министерства. Члены Морского Технического Комитета генерал-лейтенант И. С. Дмитриев, контр-адмирал П. Ю. Лисянский, контр-адмирал А. А. Попов,

генерал-майор И. И. Лемуань, генерал-майор А. Х. Шаунберг и подполковник К. Гезехус не проявляли внимания к своему коллеге в чине штабс-капитана, и это давало поводы разным лицам ущемлять интересы инженер-механиков. В одном случае Начальник Комиссариатской части Кронштадтского порта генерал-майор И. П. Комаровский приостановил выплату прибавочного жалования инженер-механикам за разряды под тем предлогом, что такое жалование положено [по его мнению. — К. В.] только в те годы, в которые они исполняли службу на пароходах, в заводах и мастерских³¹. В другом — такое же денежное содержание за разряды не выплачивалось инженер-механикам судов, не назначенным в кампанию³². Наконец, Адмиралтейств-Совет, согласившись на словах с новым Положением об инженер-механиках, ничего не делал для того, чтоб оно было подписано Морским Министром и утверждено Генерал-Адмиралом.

В Морском Министерстве на Н. С. Селянинова смотрели не как на Главного Инженер-Механика Флота, а как на Главного машиниста в чине штабс-капитана. К примеру, контр-адмирал П. А. Чихачев высказал вслух расхожее среди некоторых командиров судов и соединений мнение, что «...механики в нашем флоте, облаченные в офицерские мундиры, тем самым уже поставлены в неправильное положение, так как для управления судовыми механизмами требуются не более, как благонадежные, обладающие практическими сведениями машинисты...»³³.

Вся эта неблагоприятная атмосфера подтачивала духовные и физические силы Н. С. Селянинова. В начале 1872 года он отбыл в отпуск в Швейцарию. 12 мая на имя Начальника Канцелярии Морского Министерства пришло письмо от Главного Инженер-Механика, в котором тот сообщал, что продолжение службы «...к сожалению для меня, невозможно при нынешнем состоянии моей болезни» и при письме препроводил мнение доктора Гроссмана, практиковавшего в Эмсе и пользовавшего Н. С. Селянинова два последних сезона³⁴. Вице-директор Канцелярии капитан 1 ранга А. А. Пещуров засомневался в заключении доктора Гроссмана и обратился за разъяснениями к Генерал-Штаб Доктору Б. И. Бушу, который подтвердил диагноз и пояснил, «...что Н. Селянинову действительно необходимо провести две или три зимы в местности, обладающей более ровною и умеренной температурою, чем в Петербурге»³⁵. Несмотря на то, что Н. С. Селянинов с давних пор страдал поражением легких в виде катарального инфильтрата в верхней доле левого легкого с катарактой гортани и дыхательного горла, ему поставили в вину нарушение одной из статей Контракта, где говорилось: «В случае тяжкой болезни моей, продолжающейся более 3-х месяцев без исправления должности, мне будет выдано за первый месяц полное жалование, за второй и третий — половинное, а затем по истечении 3-х месяцев начальство может отказать мне вовсе от службы»³⁶.

Н. С. Селянинов не дослужил до окончания Контракта 10 месяцев, но в связи с отъездом в отпуск деньги до конца срока получил вперед. По всей видимости, были и какие-то другие причины, которые заставили Директора Канцелярии Морского Министерства К. А. Манна передать дело в Военно-морской суд С.-Петербургского порта. По документам видно, что следствие ничем не закончилось, так как отсутствовал ответчик.

Понятно, что после всего случившегося Н. С. Селянинов не решился возвращаться в Петербург, как не мог он появиться и в любом портовом городе России, где его хорошо помнили как Главного Инженер-Механика Флота. Следы его затерялись. Лишь в 1877 году промелькнуло сообщение о том, что некто коллежский секретарь Селянинов служит почтмейстером в Перовске Сыр-Дарьинской области. Гражданский чин коллежского секретаря соответствовал военному штабс-капитана³⁷. В те времена взгляды на честь офицера были довольно строги. Если это был Николай Семенович Селянинов, то он совершил пагубную для своего здоровья ошибку. Последние следы его на земле теряются в песках пустыни Кызыл-Кум.

Трое других братьев были более удачливыми и спокойно прожили свой век. Младший из них — Семен, будучи полковником Морской Строительной части С.-Петербургского порта, построил несколько казенных зданий и одел в гранит левый берег Невы от Дворцового моста до Сенатской площади³⁸. Это и стало своеобразным памятником роду Селяниновых.

Примечания

- 1 Центральный государственный исторический архив Военно-Морского Флота (ЦГИА ВМФ). Архивохранилище печатных изданий. Собрание законов и постановлений до части морского управления относящихся. СПб., 1830, книжка 111. С. 267.
- 2 Там же. Собрание законов и постановлений до части морского управления относящихся. СПб., 1855. С. 24—25.
- 3 ЦГИА ВМФ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 36. Л. 28.
- 4 Там же. Ф. 406. Оп. 3. Д. 509. Л. 23.
- 5 Там же.
- 6 *Залесский Н. А.* Одесса выходит в море. Л., 1987. С. 105.
- 7 ЦГИА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 509. Л. 23.
- 8 Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 5073. Л. 454, 459, 460.
- 9 Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 283.
- 10 *Шестаков И. А.* Воспоминания. Полвека обыкновенной жизни. Рукопись.
- 11 Морской атлас. Т. 3. Ч. 1. М., 1959. С. 531—541.
- 12 ЦГИА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 509. Л. 23.
- 13 Там же.
- 14 *Шестаков И. А.* Указ. соч.
- 15 ЦГИА ВМФ. Архивохранилище печатных изданий. Собрание законов, постановлений и других распоряжений до части морского управления относящихся. СПб., 1859.
- 16 ЦГИА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 4521.
- 17 Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 578.
- 18 Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4521.
- 19 Там же. Ф. 244. Оп. 1. Д. 24.
- 20 Там же.
- 21 Там же. Л. 22, 26, 31, 42.
- 22 Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4521.
- 23 Там же. Ф. 244. Оп. 1. Д. 81.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 ЦГИА ВМФ. Архивохранилище печатных изданий. Собрание узаконений, постановлений и других распоряжений Морскому ведомству. СПб., 1870. С. 189.
- 29 Там же.
- 30 Адрес-календарь за 1872 год.
- 31 ЦГИА ВМФ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 86. Л. 6.
- 32 Там же.
- 33 Там же. Д. 81. Л. 54.
- 34 Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4521.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Адрес-календарь за 1877 год.
- 38 *Витязева В. А., Кириков Б. М.* Ленинград. Путеводитель. Л., 1986. С. 101.

Р. Р. Биккенин, А. А. Глущенко

В. З. Лукин: имя на карте Тихого океана

В ходе русско-японской войны руководство армии и флота России все отчетливее осознавало необходимость более широкого внедрения беспроволочного телеграфа как средства обеспечения управления при ведении боевых действий на суше и на море. Именно поэтому в 1905 г. во Владивостоке было начато строительство трех береговых телеграфных станций с большим радиусом действия — до нескольких сотен километров. К 1906 г. во Владивостоке установили две станции, третью переадресовали в г. Николаевск-на-Амуре. Однако вскоре все станции были переданы в распоряжение Военного ведомства.

Гораздо быстрее шло оборудование средствами связи и наблюдения побережья западных морей — Балтийского и Черноморского. Они, как тогда считалось, могли в первую очередь стать театрами новых боевых действий. С завершением русско-японской войны взгляды на Тихоокеанский театр, как на возможное место будущих вооруженных столкновений, изменились. Поэтому финансирование флота там резко сократилось.

В соответствии с утвержденной 15 сентября 1909 г. Морским министром вице-адмиралом С. А. Воеводским «Организацией наблюдения и связи в Тихом океане»¹, предполагалось иметь в районе Владивостока: одну центральную групповую телефонно-телеграфную станцию, одну мощную береговую радиостанцию, 5 узловых станций в Посъете, Славянке, Разбойнике, Владимиро-Александровске и Св. Ольге, 16 постоянных и 12 временных наблюдательных постов. Кроме этого, намечалось создание одной центральной станции, 6 постоянных и одного временного поста в районе лимана реки Амур вокруг города Николаевска-на-Амуре. Оборудование постов и станций должно быть закончено к 1912 г.

Для сравнения отметим, что развертывание постов и станций на Балтике и Черном море началось с 1907 г. К 1909—1910 гг. их там было уже достаточно для решения первоочередных задач флота.

В 1909 г. состоялось юридическое оформление Службы связи Российского флота и были произведены назначения первых связистов—руководителей Служб связи флотов. На Балтике первым начальником Службы связи стал капитан 2 ранга Н. Н. Апостоли, на Черном море — капитан 2 ранга В. Н. Кедрин. На Дальнем Востоке приказом 137 от 10 июня 1910 г. командир транспорта «Камчадал» корпуса флотских штурманов подполковник В. З. Лукин был назначен начальником Службы связи штаба начальника действующего флота в Тихом океане². Именно он стал первым начальником связи Тихоокеанского флота.

ний домов иностранцев, проживавших тогда в Пекине. К восставшим присоединились части регулярной Китайской армии. Для ликвидации беспорядков послы различных государств, находившиеся в Китае, обратились за помощью к личному составу кораблей, сосредоточенных в то время в Печилийском заливе. С кораблей был высажен международный десант, в составе которого были и российские моряки. Общими усилиями восстание было подавлено.

За отличие в бою при взятии фортов крепости Таку у входа в реку Пей-Хо летом 1900 г. В. З. Лукин был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, минуя младшие награды, что было несомненным свидетельством его боевых заслуг. Кроме российской награды в 1902 г. за этот бой ему вручили иностранные ордена: французский Почетного Легиона и японский Священного Сокровища 4-й степени. Являясь также участником русско-японской войны, В. З. Лукин «за особо усердные труды, понесенные в течение военных действий» 6 декабря 1904 г. был удостоен ордена Св. Станислава 2-й степени, а 22 сентября 1905 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом за 18 шестимесячных кампаний в боях и сражениях.

В апреле 1906 г. В. З. Лукин стал командиром транспорта «Камчадал». С ноября того же года он еще заведовал школой рулевых и сигнальщиков. В декабре 1908 г. «за отличие в службе» Виктор Захарович был награжден очередным орденом Св. Анны 2-й степени. В январе 1909 г. ему поручили исполнять дела начальника отряда судов Амурского залива, но одновременно он оставался командиром транспорта.

В тот период, когда подполковник В. З. Лукин приступил к руководству развертыванием и строительством постов и станций вновь создаваемой Службой связи, Морские силы на Тихом океане были немногочисленны, во многом уступали флотам западных морей. Так, в отчете начальника Морского генерального штаба контр-адмирала А. А. Эберггарда³ были названы находившиеся во Владивостоке во время инспектирования корабли Сибирской флотилии. Она являлась действующим флотом в Тихом океане, но в ее состав не входил ни один линкор. Самыми крупными кораблями были крейсера 1 ранга «Аскольд» и 2 ранга «Жемчуг», на котором в 1911 г. держал свой флаг командующий флотилией контр-адмирал К. А. Грамматчиков. В кампании тогда кроме крейсеров были эскадренные миноносцы 1-го дивизиона минной бригады «Бойкий», «Бесшумный», «Бодрый», «Грозный», «Капитан Юрасовский», миноносцы 2-го дивизиона «Властный», «Грозовой», «Точный», «Твердый», «Тревожный», «Статный», «Скорый», «Лейтенант Малеев», «Инженер-механик Анастасов», подводные лодки «Дельфин», «Касатка», «Фельдмаршал Шереметев», «Скат», «Налим», «Сом», «Щука», «Осетр», «Бычок», «Плотва», «Палтус», а также заградители «Уссури», «Монгугай» и «Алеут», мореходная канонерская лодка «Манджур», транспорта «Тобол», «Колыма», «Аргунь», «Тунгуз», «Таймыр», «Вайгач». В вооруженном резерве числились транспорт-мастерская «Ксения», эсминец «Бравый» и подводная лодка «Кефаль», проходили капитальный ремонт эскадренные миноносцы «Беспощадный», «Бесстрашный», «Лейтенант Сергеев» и миноносцы «Сердитый» и «Смелый».

Еще меньше в количественном отношении на Тихом океане имелось средств радиосвязи. В «Отчете о состоянии радиотелеграфного дела на судах Тихого океана»⁴. ВрИО флагманского минного офицера штаба флота лейтенант Г. Г. Греве показал, что в 1911 г. на кораблях Сибирской флотилии находилось всего 10 радиостанций. В основном это была устаревшая техника образца 1904 г. системы «Телефункен» и «Попова-Дюкрете». Данными станциями были оснащены крейсера «Аскольд» и «Жемчуг», канонерская лодка «Манджур», заградители «Алеут», «Уссури», эсминцы «Капитан Юрасовский» и «Грозный», миноносец «Властный». Лишь на двух транспортах «Вайгач» и «Таймыр» находились более новые и вполне исправные радиостанции образца 1907 г. также системы «Те-

лефункен». Все станции были рассчитаны на длину волны около 360 метров, которая по современной классификации входит в диапазон средних волн.

Со специалистами для обслуживания станций на кораблях дела обстояли также неважно. На 10 радиостанциях имелось всего 17 телеграфистов. Из них лишь двое были унтер-офицерами, которые закончили радиотелеграфный класс в Кронштадте. Остальных обучили на месте, но подготовка их была недостаточной. Поэтому, как отмечал Г. Г. Греве, «самостоятельного заведования радиостанциями поручить им нельзя.» Кроме того, на кораблях не хватало минных офицеров, а также отсутствовал специальный офицер, который бы занимался общими вопросами радиотелеграфирования на судах Сибирской флотилии.

Вступив в должность начальника Службы связи, подполковник В. З. Лукин энергично берется за дело. Правда, ограниченные возможности не дают сделать все намечаемое. Тем не менее, были уже первые положительные результаты. Так, 14 января 1912 г. рапортом⁵ он докладывал: «В 1911 г. были в кампании следующие посты: Гамов, Брюс, Римский-Корсаков, 71-я Высота, Скрыплев, Аскольд, Майдель, Ханган, Поворотный, Островной, Орлов, Низменный и Шкот — круглый год. Пост Новый Джигит был открыт 1 мая 1911 г. и закрыт 1 ноября 1911 г. вследствие невозможности жить зимой в старом развалившемся здании. Временный пост на мысе Путятин был открыт 1 мая 1911 г. и закрыт 15 октября 1911 г. для практики с дивизионом подводных лодок, который летом имел стоянку в бухте Разбойник. Кроме этого, была в кампании круглый год передаточная телефонная станция Владимир-Александровск...».

Для сравнения напомним, что в 1910 г. действовало всего 8 постов, из них 5 размещались на маяках. Хотя постов и стало гораздо больше, но оснащены они были пока посредственно. Об этом читаем в докладной записке В. З. Лукина, которую 6 июля 1911 г. командующий Сибирской флотилией К. А. Грамматчиков направил в Морской генеральный штаб. В ней говорилось⁶: «... Для переговоров с судами на постах имеется в настоящее время только ручной дневной и ночной семафор, причем для ночной сигнализации служат обыкновенные свечные фонари. В смету 1911 г. были внесены 16 фонарей генерала Табулевича, но присланы были только 2 фонаря, да и то для электрической сигнализации, а потому, как непригодные для постов, были сданы в порт. Из просимых по смете 30 телефонных аппаратов для дальнего действия были присланы 4 аппарата судового типа Колбасьева...».

Названные средства сигнальной связи могли обеспечивать связь с судами при их прибрежном плавании. Когда же кораблям приходилось выходить в море, то связь с берегом они держали через мощную Владивостокскую искровую радиостанцию системы «Телефункен», работавшую на волне 1000 метров⁷. Она также входила в состав Службы связи. О ее деятельности в 1911 г. мы узнаем из отчета В. З. Лукина: «...Принято 166 радиограмм с общим числом 2335 слов и передано 94 радиограммы с общим числом 2110 слов. Сношения производились с радиостанциями судов Сибирской флотилии, а также со станциями Военного ведомства для передачи радиограмм в Николаевск-на-Амуре. До 10 октября 1911 г. максимальная дальность передачи была 425 верст по сухому пути (ст. Воен. вед. Харбин), максимальная дальность приема 1200 верст (ст. Воен. вед. Николаевск-на-Амуре). 10 октября 1911 г. штормовым ветром были сломаны 2 деревянные мачты Зеленского (на одной мачте обломано 4 колена — 12 саж., на другой — 2 колена — 6 саж.), вследствие чего до подъема новой временной сети станция была закрыта. 18 октября 1911 г. на оставшихся сетях мачт (12 и 16 саженей) поднята временная сеть, и станция открыта для действия, причем оказалось, что дальность действия уменьшилась до 325 верст (ст. Воен. вед. Иман)...».

Далее В. З. Лукин отметил, что в 1911 г. были достигнуты следующие дальности радиосвязи между береговой станцией и кораблями: с крейсером «Жемчуг» 105 миль, с

канонерской лодкой «Манджур» — 115, транспортом «Таймыр» — 110, заградителями «Алеут» и «Уссури» — 50 миль соответственно.

Безусловно, число переданных и принятых радиogramм, которое указывалось выше, является совсем небольшим. Оно также, вне сомнения, значительно меньше аналогичных показателей западных флотов. Однако, к сожалению, конкретных данных радиобмена за 1911 г. по Балтике и Черному морю авторам найти не удалось.

Береговая радиостанция во Владивостоке была построена в 1904 г. Ее мощность составляла 4,5 кВт и до повреждений, которые нанес тайфун, пронесшийся над Приморьем, она имела дальность действия до 1000 км. В октябре 1911 г. под председательством начальника Службы связи В. З. Лукина работала комиссия с целью оценки размеров нанесенного ущерба. Было признано, что деревянные мачты ввиду ветхости больше не пригодны для удержания «солидной сети по конструкции». Поэтому было решено «заменить их мачтами решетчатого типа по проекту, выработанному строительной частью порта».

Одновременно с этим В. З. Лукин, которому 10 апреля 1911 г. было присвоено воинское звание полковника корпуса флотских штурманов, докладывал командованию: «Считая, что радиостанция во Владивостоке, расположенная в главной базе флота, должна иметь дальность действия не менее 700 миль морем вне зависимости от имеющих место на Дальнем Востоке частых и сильных атмосферных разрядов необходимо заменить существующую станцию звучащей мощностью не менее 8 кВт...».

В. З. Лукин отчетливо понимал, что устаревшую искровую радиостанцию следовало заменить на так называемую «звучащую», которая излучала гармонические колебания. Промышленностью такие станции уже были созданы. Их сигналы могли приниматься на слух после соответствующих преобразований в приемниках в колебания звуковых частот. Это в значительной степени повышало помехоустойчивость связи, увеличивало ее дальность в сравнении с приемом на ленту, который еще широко применялся в то время. Такой способ приема радиogramм активно внедрял В. Н. Кедрин на Черном море, о чем уже говорилось выше.

Положительного решения поставленных В. З. Лукиным вопросов не последовало. 4 июня 1914 г. он даже обратился с личной просьбой о помощи в установке новой радиостанции. С этой целью Виктор Захарович написал письмо в С.-Петербург начальнику Главного морского штаба вице-адмиралу К. В. Стеценко, бывшему командующему Сибирской флотилией⁸: «Милостивый Государь Ваше Превосходительство Константин Васильевич! По совету и с разрешения флаг-капитана, беру на себя смелость, беспокоить Вас следующей просьбой: Морской Генеральный Штаб, отношением на имя Командующего Сибирской флотилией, отказал в замене мощной станции новой, находя, что существующая станция удовлетворяет вполне потребностям флотилии, ссылаясь на личный доклад Вам капитана 1 ранга Римского-Корсакова минувшей осенью, во время пребывания названного штаб-офицера во Владивостоке. Прилагая при сем в копиях новое отношение Командующего в Морской Генеральный Штаб, и просьбою о том же, отношении Командира Порта в Главное Морское Хозяйственное Управление и акты за 69 и 1987, прошу Вас, если будет возможно, оказать содействие, Вашим влиянием, на перенос и оборудование мощной радиостанции, в район новых сухих доков, так как теперь, по моему мнению, самый подходящий момент, ибо приходится строить здание станции и мачты. Преданный Вам В. Лукин». (В письме сохранены знаки препинания, расставленные В. З. Лукиным. — *авт.*)

Но и это не помогло. Мощная береговая радиостанция продолжала функционировать в том же виде. И лишь новое стихийное бедствие в 1914 г. заставило принимать срочные меры.

В конце октября 1914 г. над Владивостоком пронесся очередной тайфун. В результате вся антенна из 16 проводов по 57 саженей каждый, а также ее оттяжки покрылись льдом толщиной 2–2,5 дюйма. Не выдержав огромной тяжести, антенна с деревянными мачтами, часть из которых подгнила за 10 лет эксплуатации, окончательно рухнула на землю.

Спустя месяц после происшествия, 19 ноября 1914 г. командир Владивостокского порта контр-адмирал П. В. Римский-Корсаков телеграфировал в С.-Петербург в минный отдел: «Небывалой гололедицей 21 октября 1914 г. поломало мачты береговой радиостанции благоволите перечислить 17 тысяч рублей установку мачт судового типа...».

Еще через месяц пришла ответная телеграмма, подписанная начальником Морского генерального штаба А. И. Русиним, в которой говорилось: «Деньги на установку новых мачт переведены кредит на новую 10 киловаттную станцию внесен в смету 1915 года».

Но вернемся вновь немного назад во времени. В 1911—1912 гг. под руководством В. З. Лукина было развернуто еще 5 временных постов: Сестра, Путятин, Гора Русских, Ларионовский, Рикорд. Пост на мысе Шкота стал действовать постоянно.

В докладе от 12 ноября 1912 г. начальник Службы связи писал: «... Все имеемые в настоящее время посты и проектируемые к постройке в будущем в районе от залива Посьет до вероятных путей следования флота противника, относятся к постам дальнего наблюдения. Средства для дневных и ночных переговоров состоят пока из ручных семафоров и фонарей Табулевича. Связь постов между собой и с базой совершается при помощи воздушного правительственного телеграфа, который кончается у бухты Св. Владимира. Проводить его самим с вырубкой просек в тайге по направлению к Николаевску было бы слишком дорого, а потому предполагается от этой бухты до мыса Меньшикова построить 10 постов с радиостанциями...».

В том же 1912 г. были заказаны 5 радиостанций с дальностью действия 125 миль. Технику предполагалось установить на групповых станциях Посьет, Славянка, Разбойник, Владимиро-Александровск и Ольга. Для сообщения с постами Службы связи в ее распоряжении находилось посыльное судно — бывший миноносец 211, который прослужил недолго и вскоре был передан в отряд подводного плавания.

Всего в Службе связи было 4 офицера: начальник — В. З. Лукин, начальник Владивостокского района наблюдательных постов и станций — И. П. Семенов, электротехник — С. Д. Величковский и командующий посыльным судном, а также 10 кондукторов, 27 унтер-офицеров и 138 нижних чинов.

Летом 1913 г. в распоряжение Службы связи Тихого океана было прислано 7 подвижных автономных радиостанций мощностью 2 кВт каждая и диапазоном волн 400–2300 метров. Они предназначались для связи между собой на расстояниях до 250 верст. В их комплект входили мачты высотой 25 м для подъема антенн. Станции перевозились на трех двуколках и могли быть развернуты в течение 25 минут обслуживающим персоналом в 12 человек. Все семь радиостанций были изготовлены акционерным обществом «Сименс и Гальске»⁹.

Для проведения приемных испытаний новой техники 17 июля 1913 г. приказом командующего Сибирской флотилии 650 была назначена комиссия под председательством командира крейсера «Аскольд» капитана 1 ранга Л. К. Теше. В ее состав в качестве членов вошли главный минер Владивостокского порта капитан 2 ранга Н. Н. Крылов, исполнявший дела флагманского минного офицера лейтенант Н. А. фон-Транзе и несколько других офицеров флотилии. В работе комиссии участвовал начальник Службы связи капитан 1 ранга В. З. Лукин (в апреле 1913 г. он был переаттестован в капитаны 1 ранга и зачислен в береговой состав флота — *авт.*) и его подчиненные — лейтенант И. П. Семенов, инженер-механик старший лейтенант С. Д. Величковский.

9 декабря 1913 г. в акте комиссия записала, «что все эти 7 станций удовлетворяют, а потому подлежат приему в казну».

Хотя радиостанции и были приняты в эксплуатацию, но развезли и установили их в назначенных местах только в мае-июне 1914 г. из-за отсутствия транспорта. После установки провели испытания. Выяснилось, что с Владивостоком надежную радиосвязь имеют радиостанции в Посъете, Славянке, Разбойнике, Владимиро-Александровске. Радиостанция «Ольга» из-за неровностей земного рельефа связи не имела.

В 1913 г. Служба связи Тихого океана состояла из одного Владивостокского района наблюдательных постов и станций, которые были оборудованы вдоль всего побережья залива Петра Великого от о. Фуругельм в заливе Посъета до реки Тетюхе в заливе Владимира. В течение этого года были выстроены и вступили в строй новые посты: Фуругельм, Пещурова, Лихачева, Сестра, Ватовского, Бринера на реке Тетюхе, а также 5 групповых станций: Посъет, Славянка, Разбойник, Владимиро-Александровск и Ольга. С помощью подводных, подземных и воздушных телефонно-телеграфных линий все береговые посты через групповые станции были связаны между собой и с главной базой во Владивостоке.

Постепенно у связистов накапливался опыт осуществления радиосвязи с кораблями, выходящими в море. Так, за 10 месяцев 1913 г. Владивостокская береговая радиостанция вела радиообмен с кораблями в течение 227 часов. За это время было передано 159 радиограмм объемом 4286 слов и принято 168 объемом в 5296 слов, что несколько превысило аналогичные показатели 1911 г., увеличились и дальности связи. В среднем они составляли: 200 миль с крейсерами, 100 миль с транспортами, 70 миль с канонерскими лодками и 30 миль с эсминцами. С крейсером «Жемчуг» удалось установить связь на расстоянии в 450 миль.

С 1 декабря 1912 г. при береговой Владивостокской радиостанции открылся 6-ти месячный класс телеграфистов. Занятия там проводились под руководством электротехника Службы связи С. Д. Величковского. Из первых 17-ти человек, зачисленных на учебу, успешно ее завершили 13 телеграфистов¹⁰.

Возглавляемая В. З. Лукиным Служба связи продолжала развиваться и совершенствоваться. В 1914 г. был создан второй район наблюдательных постов и станций — Николаевский, правда существовал он недолго и в основном «на бумагах». 12 июля 1914 г. врио начальника Морского генерального штаба контр-адмирал А. П. Угрюмов направил в адрес командующего Сибирской флотилией контр-адмирала М. Ф. фон Шульца директиву 4196/55: «В виду отсутствия Морских сил в Николаевске-на-Амуре, развитие Службы связи Николаевского района Морской министр признал преждевременным. Служба связи Тихого океана должна быть ограничена пунктами наблюдения Владивостокского района по побережью от острова Фуругельм до реки Тетюхе ...»⁸. Поэтому все усилия были направлены на развитие этого одного района. Было построено еще 5 постов: Дегерь, Рикорд, Клерк, Путятин и Дальний. Таким образом, в 1914 г. действовало уже 29 постоянных и временных постов.

К концу 1915 г., несмотря на то, что шла война и количество выделяемых средств было ограничено, по мнению начальника Службы связи капитана 1 ранга В. З. Лукина, Владивостокский район был полностью развернут и оборудован всем необходимым. Руководил районом тогда капитан 1 ранга М. Н. Игнатьев¹¹. В 1916 г. его сменил инженер-механик капитан 2 ранга С. Д. Величковский¹². Самого Виктора Захаровича в 1914 г. за большие заслуги в создании и руководстве Службой связи наградили орденом Св. Владимира 3-й степени.

Личный состав постоянных постов и станций Службы связи уже размещался в специально выстроенных хорошо оборудованных зданиях, на временных постах использовались утепленные двухслойные парусиновые палатки с печкой и камбузом внутри.

В 1915 г. была организована ремонтная партия, которая в течение года произвела ремонт воздушных телефонно-телеграфных линий связи, подземных длиной 5 верст и подводных протяженностью в 41 версту кабелей, полевых радиостанций Посьет, Славянка, Разбойник, Владимиро-Александровск и Ольга. Из общего числа имевшихся в распоряжении Службы связи 104 телефонных аппаратов было отремонтировано 19 штук.

Значительно интенсивнее стала использоваться радиосвязь, несмотря на возникавшие проблемы с Владивостокской береговой радиостанцией, о чем уже говорилось выше. Этой станцией в течение 1915 г. было передано 590 объемом 14504 слова и принято 1879 правительственных радиограмм объемом в 23401 слово, практических радиограмм передано и принято 288 штук, в совокупности они содержали 33073 слова.

Возросла и численность личного состава Службы связи. По штату в ней было предусмотрено 8 офицеров, 34 кондуктора и 366 нижних чинов. В наличии в мае 1915 г. имелось 7 офицеров, 15 кондукторов и 326 унтер-офицеров и матросов¹³. В Службе связи теперь был свой врач — надворный советник П. П. Пецулевич. У начальника В. З. Лукина — флаг-офицер подполковник по адмиралтейству А. И. Колосов¹⁴.

Предметом особой заботы и внимания капитана 1 ранга В. З. Лукина являлась подготовка кадров для пополнения Службы связи. Под его руководством была создана и в течение нескольких лет функционировала школа, первоначально основанная как класс телеграфистов. В школе обучались сигнальщики и радиотелеграфисты по специально разработанным программам. Был образован также класс подготовки кондукторов, где только в 1914 г. экзамен выдержали 22 человека. Занятия с сигнальщиками проводились, как правило, в зимнее время, когда корабли меньше плавали, и оставшаяся на постах команда могла справляться с обязанностями в сокращенном составе. Сигнальщики в дополнение к своей основной военной специальности изучали теорию и практику телефонии и телеграфии, проводку и устройство линий связи и оптическую сигнализацию.

В октябре 1917 г. в возрасте 53 лет начальник Службы связи В. З. Лукин увольняется от службы с присвоением ему звания генерал-майора флота. Так были отмечены заслуги этого деятельного, энергичного, болеющего за порученное дело офицера, способного руководителя и организатора.

Черeda событий, последовавших после Октябрьской революции в 1917 г. привела, так же, как и на других флотах, к развалу хорошо отлаженного механизма Службы связи Тихого океана. 13 ноября 1917 г. на собрании личного состава большинством голосов был избран новый начальник Службы связи. Им стал комиссар-письмоводитель Владивостокского района губернский секретарь С. Е. Троцук¹⁵. К августу 1918 г. количество связистов сократилось до 129 человек, было закрыто 12 постов.

Имя В. З. Лукина увековечено на географической карте Дальневосточных рубежей России. При входе в одну из бухт Японского моря в заливе Петра Великого расположен высокий, обрывистый, светло-серого цвета мыс Лукина (широта 42 град 38 мин N, долготы 131 град 00 мин 0). В заливе Посьет он отделяет бухту без названия от бухты Алеут, расположенную к востоку от нее. Мыс получил свое название примерно в 1888—1892 гг., когда В. З. Лукин в звании поручика корпуса флотских штурманов являлся офицером отдельной съемки портов Восточного океана¹⁶.

Однако, след самого В. З. Лукина во время крутого перелома всего уклада жизни в России затерялся. Детей у Виктора Захаровича не было. Известно лишь, что во Владивостоке с декабря 1910 г. он проживал во флигеле на Шефнеровской улице в квартире № 12. Известно также, что его фамилия упоминается в материалах Морского генерального штаба в 1919 г. в списках бывших офицеров флота¹⁷, опыт которых оказался не востребовавшимся при Советской власти. Имя этого достойного человека — первого начальника службы связи на Тихом океане должно быть восстановлено из небытия.

Примечания

- 1 РГА ВМФ. Д. 1000. Л. 138.
- 2 Там же. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2394. Послужной список В. З. Лукина.
- 3 Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1053.
- 4 Там же. Д. 1048. Л. 3—4.
- 5 Там же. Д. 1066. Л. 7. 11—14, 78—83.
- 6 Там же. Д. 1047. Л. 31—32.
- 7 Там же. Д. 1081. Л. 34.
- 8 Там же. Д. 1082. Л. 68, 135, 138, 106.
- 9 Там же. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 10. Л. 104, 76.
- 10 Там же. Д. 13. Отчет начальника Службы связи штаба командующего Сибирской флотилией за 1913 г.
- 11 Там же. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 6. Л. 36, 44.
- 12 Биккенин Р. Р., Глуценко А. А., Шошков Е. Н. Свя-зисты Российского флота / Под ред. и с предисл. Ю. М. Кононова. СПб., 1995. 96 с.
- 13 РГА ВМФ. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 32. Л. 65.
- 14 Там же. Д. 43. Л. 385, 171.
- 15 Там же. Д. 64. Л. 502.
- 16 Справочник по истории географических названий на побережье СССР / Главное управление навига-ции и океанографии. 1985. 430 л.
- 17 РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 2. Д. 37. Л. 103.

И. В. Алексеева

Шандор Радо: картограф, геополитик, разведчик

Шандор Радо (1899—1981) принадлежит к тому разряду исторических личностей, место которых в истории со временем требует дополнительного изучения и уточнения. Начнем с того, что в российской научной и политической среде уроженец Венгрии Ш. Радо был известен под именем Александр, а его работы подписывались А. Радо. Именно эта подпись стоит под статьей о геополитике, опубликованной в Большой Советской энциклопедии 1929 г. Эта статья примечательна также тем, что в ней впервые на русском языке изложены принципы геополитической науки, в то время малоизвестные не только в России, но и на родине геополитики в Англии и Германии. Судьба геополитических идей Ш. Радо, о которых пойдет речь ниже, удивительным образом перекликается с судьбой их автора. После 1929 г. практическая геополитика, занимая важное место в формировании внешнеполитического курса СССР, была полностью исключена из научных, учебных и публицистических работ, и можно с известной долей уверенности сказать, что этот термин в позитивной оценке в последний раз появился именно в статье за подписью А. Радо в 1929 г. Позднее сам термин «геополитика» (подобно генетике и кибернетике) в интерпретации советских официальных идеологов носил крамольный характер, и до второй половины 80-х годов геополитикой как наукой занимался лишь узкий круг специалистов военной стратегии и разведки. Поэтому неудивительно, что Ш. Радо в возрасте 37 лет оказался в орбите советских спецслужб, став секретным агентом, а затем резидентом советской разведки в Швейцарии, и его имя на многие десятилетия исчезло со страниц печатных изданий.

Только в последние годы его судьба стала привлекать внимание исследователей¹. Сегодня он известен прежде всего как легендарный разведчик, работавший под псевдонимом «Дора». Однако это лишь одна из сторон многогранной деятельности Шандора (Александра) Радо, который успешно занимался географией, картографией, издательским делом, научной, преподавательской и литературной деятельностью.

Шандор Радо родился в ноябре 1899 г. в Уйпеште — северном предместье венгерской столицы (сейчас это один из районов Будапешта). Его отец был приказчиком, а мать работала белошвейкой. Однако постепен-

Шандор Радо

но отец разбогател, основал собственное торговое дело и сумел дать сыну достойное образование. В 1917 г. Ш. Радо окончил гимназию, где любимым предметом его была география, а затем некоторое время учился заочно в Будапештском университете на факультете юридических наук. В том же 1917 г. он был призван в армию — шла Первая мировая война, а в 1918 г. окончил офицерскую школу крепостной артиллерии, находившуюся возле озера Балатон, получив первый офицерский чин.

В 1919 г. революционные события в Венгрии привели к созданию Венгерской Советской республики, которая просуществовала 133 дня. После поражения революции Ш. Радо, принимавший в ней деятельное участие, вынужден был эмигрировать в Австрию, где он учился в Венском университете, слушая лекции по географии и картографии, и работал в Информационном агентстве, целью которого было освещение событий, происходивших в РСФСР.

В 1921 г. Ш. Радо, как активный работник Информационного агентства, участвовал в работе III конгресса Коминтерна. А через год после этого, в 1922 г., переехал в Германию, продолжая поддерживать связи с Советской Россией. В Германии он учился в Лейпцигском университете и принимал активное участие в деятельности левой политической оппозиции. Сам Радо так пишет об этом периоде своей жизни: «1924 г. ознаменовался двумя важными и приятными событиями: я окончил университет и, кроме того, подготовил политическую карту Советского Союза. Это первая за рубежом политическая карта СССР, выпущенная известным немецким издателем Вестерманном и Брауншвейге»². Политическая деятельность Ш. Радо, в частности его участие в потерпевшем поражение вооруженном антиправительственном восстании в Лейпциге в 1924 г., стала причиной его отъезда в Москву. При этом он категорически отрицал наличие в то время каких-либо отношений с советской разведкой. В СССР Радо занимался вопросами картографии. По предложению Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС)³, он составляет в 1924 г. путеводитель по Советскому Союзу, который впоследствии выходит двумя изданиями в Москве (1925 г.) и Берлине (1927 г.) на английском, немецком и французском языках. Он стал заметным явлением страноведческой литературы по СССР на европейских языках⁴. В 1926 г., после того, как немецкая полиция прекратила преследования социал-демократов, Ш. Радо возвратился в Германию, в Берлин, где продолжил научную деятельность. Он написал все статьи о Советском Союзе для немецкой энциклопедии «Мейер», составил карты СССР для большинства крупных атласов, кроме того он читал лекции по экономической географии, вопросам рабочего движения в марксистской школе в Берлине.

После прихода к власти в Германии нацистов и установления диктатуры Гитлера, Ш. Радо с женой Леной Янзен тайно бежал сначала в Австрию, а затем переехал во Францию, где открыл агентство печати «Инпресс», занимавшееся антифашистской деятельностью. К этому времени он зарекомендовал себя как высококвалифицированный специалист в области географии, геополитики и страноведения. Он владел пятью европейскими языками: английским, немецким, французским, итальянским и русским. Все это вместе и привлекло к нему внимание руководителей советской разведки.

Вербовка состоялась в 1935 г. в один из приездов Ш. Радо в Москву. Это произошло на частной московской квартире, где он встретился с начальником разведывательного управления РККА С. П. Урицким. Во время этой встречи Ш. Радо было предложено сотрудничать с советской разведкой. Было решено, что он откроет частное агентство в Женеве, которое будет заниматься составлением карт и переводом их на английский, французский и немецкий языки. Это агентство было открыто в Женеве в августе 1936 г. Фирма располагалась на 6-м этаже дома 113 на Рю де Лозанн, близ парка «Мон репо», недалеко от здания Лиги Наций. «У меня установились прочные связи с Лигой Наций: я был аккредитован при отделе печати, имел там свой почтовый ящик, пользовался служебными ма-

териалами и приглашениями на официальные приемы»⁵. Став кадровым советским разведчиком, Ш. Радо приступил к сбору сведений о военном потенциале и планах фашистских государств — Германии, Италии. Еще до начала Второй мировой войны в Швейцарии была создана глубоко законспирированная резидентурная сеть советской военной разведки, которую возглавлял Ш. Радо. Он работал под псевдонимом «Дора». (Псевдоним «Дора» образован от перестановки слогов в фамилии Радо.) Информация к нему поступала по различным каналам: из филиала швейцарской военной разведки (так называемого бюро «Ха»), от бывшего президента Венгерской республики графа Кароли, но самые ценные сведения «Дора» получал от немецкого антифашиста Рудольфа Ресслера. Деятельность разведчика Ш. Радо успешно сочетал с работой географа-картографа, которая иногда влекла за собой осложнения в отношениях с властями. «В женеvской газете появился обзор боевых действий на Тихом океане... В упомянутой статье говорилось о захвате японцами острова Рождества. Действительно, остров Рождества на Тихом океане — важная опорная база США. Но в данном случае автор обзора просто ошибся: одноименный остров, занятый японцами, находился не в Тихом, а в Индийском океане»⁶. Радо поместил заметку в газете, указав на ошибку автора и отметил его географическую некомпетентность. Однако эта статья принадлежала не рядовому журналисту, а высокопоставленному офицеру швейцарского Генштаба, а это могло привести к существенным неприятностям. Деятельность разведгруппы Ш. Радо продолжалась до 1944 г., когда гестапо и сотрудничавшая с ним швейцарская контрразведка нащупали подпольный разведцентр «Доры» и арестовали многих его участников как в Германии, так и в Швейцарии: Эдуарда и Ольгу Хамелей, Маргариту Болли, Пауля Бетера, Х. Шнейдера и др. Сам Радо, почувствовав опасность провала, успел нелегально переправиться в Париж, откуда 8 января 1945 г. по приказу из Москвы был отправлен в СССР вместе с радистом его разведгруппы Александром Футом на американском самолете «Дуглас», пилотируемом советским экипажем. Поскольку в Европе еще шла война, как самый безопасный был выбран маршрут: Париж — Триполи — Каир — Анкара — Москва. Уже при подготовке возвращения в СССР Ш. Радо почувствовал, что попал под подозрение органов государственной безопасности. Об этом ему сообщил один из его попутчиков, сопровождавших его во время перелета.

Оказавшись в Каире, в предпоследнем городе по дороге в Москву, Радо предпринял отчаянную попытку побега. Вот как описывает эти события А. Фут: «Приземлившись, мы получили отдельные комнаты, и Дора пришел ко мне поговорить. Он был подавлен и опасался, что Центр строго взыщет с него за то, что его шифр попал в руки полиции. Он сказал, что его могут даже расстрелять за это. Говорил, что жалеет, что не был арестован в Швейцарии, потому что, сидя на нелегальном положении, он почти сошел с ума, обдумывая случившееся и причины провала»⁷.

11 января Ш. Радо предпринял попытку добраться до английского посольства и попросить политического убежища. В посольстве, где он представился, как некий Игнатий Кулишер, бывший советский военнопленный, в предоставлении политического убежища ему было отказано. Тогда Радо совершил неудачную попытку самоубийства. Как признался Радо уже в Москве, попытку самоубийства он совершил будучи в состоянии глубокой депрессии, во-первых, «из-за длительного заточения на нелегальном положении», а во-вторых, узнав, что все его родные уничтожены в фашистском концлагере в Венгрии.⁸ Напомним, что Египет в это время был оккупирован английскими войсками, и фактически все внешнеполитические вопросы страны решали англичане. Именно они выдали Радо советским властям. В августе 1945 г. беглец был доставлен в Москву и передан органам «СМЕРШ» — военной контрразведке, где выяснилось, что еще до Второй мировой войны на него имелось досье, содержащее материалы, которые указывали на его связь с троц-

кистским подпольем и причастность к убийству С. М. Кирова. Отсутствие каких-либо доказательств предательской или антисоветской подрывной деятельности Ш. Радо, а также вклад его разведгруппы в антифашистскую борьбу сыграли, видимо, «роль смягчающих обстоятельств»: ему была сохранена жизнь. В декабре 1946 г. он был осужден особым совещанием при МГБ СССР на 10 лет тюремного заключения за шпионаж в пользу английской разведки. Надуманность обвинения очевидна, так как именно англичане выдали Радо Москве. В 1954 г. во времена «хрущевской оттепели» он был реабилитирован и переехал в Венгрию, где занимался преподавательской деятельностью в Будапештском университете, руководил Государственным управлением геодезии и картографии и географическим комитетом Академии наук. Ш. Радо скончался в возрасте 81 года в 1981 г.⁹

Есть смысл кратко охарактеризовать геополитические взгляды Ш. Радо. Они представляют значительный интерес для исследования политической культуры послереволюционной России. В них отразилась близкая к официальной точка зрения на геополитику как на область знания. В какой-то мере, геополитические идеи Ш. Радо раскрывали образ мышления тогдашнего руководства страны. Учитывая тот факт, что объявленный лженаукой геополитический подход будет играть большую роль в определении внешнеполитического курса СССР, статья Ш. Радо проливает свет на те стороны политической культуры советского руководства, которые вплоть до середины 80-х гг. XX в. тщательно маскировались.

Начнем с того, что Ш. Радо дал весьма оригинальное определение геополитики как учению о географической обусловленности политических явлений. Это определение отличается от того, которое было дано отцом-основателем геополитической науки Рудольфом Челленом¹⁰, тем, что в нем сделан акцент не на политических, цивилизационных, культурных и иных духовных основах геополитики, а на естественно-научных принципах, отражающих русскую научную традицию географического детерминизма. Крупнейшими ее представителями были К. М. Бэр, Л. И. Мечников¹¹ и многие другие. Излагая важнейшие принципы геополитики как научного метода исследования межгосударственных взаимоотношений, Ш. Радо выделяет следующие 7 универсальных геополитических закономерностей:

1. Тяготение континентальных стран к морю (Пруссия — к Балтийскому и Северному морям в XVII и XVIII вв., Польша — к Балтийскому, Сербия — к Адриатическому, Россия — к «теплым морям»);

2. Стремление к завоеванию противоположного берега или овладению целым морским бассейном (адриатические планы Италии, греко-турецкая война за Эгейское море, охват средиземноморского бассейна Римской империей, окружение Британской империей Индийского океана);

3. Перерастание через океан (этапный путь Соединенных Штатов Северной Америки через Тихий океан к Филиппинам, этапный путь Англии через Гибралтар — Мальту — Суэц — Аден — к Индонезии);

4. Овладение морскими путями и проливами (Гибралтарский вопрос, проблема Босфора, англо-французская борьба за Па-де-Кале, закрытие проливов Зунды и Баб-эль-Мандебского);

5. Реки как носители исторического развития (Волхов — Днепр — в России, Дунай — стержень Габсбургов);

6. Большие реки как национальные или государственные границы (нижний Дунай);

7. Система рек как фактор сохранения государства (Висла в Польше, Янцзы, Хуан-Хэ в Китае)¹².

Вышеизложенные геополитические закономерности представляют собой краткое изложение геополитической теории видного немецкого географа Артура Дикса¹³, автора

знаменитого учебника политической географии, по которому, возможно, учился Ш. Радо в Лейпцигском университете. Стремление к завоеванию противоположных берегов, овладение целым морским бассейном, «перерастание» через океан, установление контроля над морскими путями и проливами рассматривались А. Диксом как естественные стремления государств к развитию. Эти взгляды перекликаются с более ранними идеями классиков геополитической мысли: немца Фридриха Ратцеля и англичанина Хальфорда Маккиндера¹⁴. Современная интерпретация этих идей нашла наиболее полное воплощение в теории атлантизма, разрабатываемой рядом европейских и североамериканских авторов (Д. У. Мэйнинг, У. Кирк, С. Б. Боен и др.)¹⁵.

Закономерность тяготения континентальных стран к морю была подмечена еще российским военным географом А. Е. Снесаревым, который в 1906 г. изложил систему принципов, в соответствии с которыми России жизненно необходим выход к теплым морям. Более развернуто и универсализировано эта же закономерность описана германским геополитиком Карлом Хаусхофером¹⁷.

Концепции речных цивилизаций, а также взгляд на реки как носители исторического развития, которые нередко выступают национальными или государственными границами и играют роль стабилизирующего фактора сохранения государства, рассматривались в трудах российских и зарубежных историков и географов, таких как К. М. Бэр, Л. И. Мечников, С. М. Соловьев — в России, К. Виттфогель — в Германии и др.¹⁸

Даже беглое перечисление теоретических источников, из которых Ш. Радо мог черпать идеи для своих исследований говорит о значимости поднятых им проблем, их перспективности.

Каждая эпоха открывает выдающуюся личность по-новому, а то, что Ш. Радо — незауряден, не вызывает сомнения. В 20-е годы он был известен как участник революции в Венгрии, интернационалист, симпатизирующий марксизму. В 30-е годы о нем говорили как о талантливом картографе и издателе. В 50-е годы известность резидента советской разведки затмила другие стороны его жизни. Наконец, сегодня Ш. Радо привлек внимание как знаток и популяризатор геополитических идей в России 20-х годов, когда эта область человеческих знаний делала свои первые шаги (напомним, что сам термин «геополитика» введен в оборот шведом Рудольфом Челленом в 1916 г.).

Автор настоящего очерка видел свою задачу в том, чтобы показать яркую личность в присущем ей многообразии проявлений ее дарований и способностей, осмыслить и оценить которые помогает время и реалии стремительно меняющегося мира. Деятельные натуры, натуры, стремящиеся к самовыражению, к поиску самих себя и своего места в мироздании, оставляют след в истории даже там, где порой они этого и не подозревают.

Примечания

- 1 *Архангельский В. А.* Свет над «Дорой». Ташкент, 1984; *Волков Ф. Д.* Их вклад в победу (Очерки о советских разведчиках). М., 1984.
- 2 *Радо Ш.* Под псевдонимом Дора. Л., 1978. С. 32.
- 3 ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей — общественная организация, объединявшая в своих рядах деятелей советской науки, литературы, искусства, народного образования и спорта. Эта организация была основана в 1925 г. в Москве. Целью создания данного общества было ознакомление общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран и популяриза-

ция культуры народов Советского Союза за границей. Общество выпускало информационный «Бюллетень ВОКС» на английском, французском, немецком языках. В 1958 г. в связи с организацией Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами ВОКС прекратил свое существование. (Большая советская энциклопедия Т. 5. М., 1971. С. 464.)

4 *Радо А.* Führer durch die Sowjetunion. Berlin, 1928; *Ibid.* Moskau, 1925.

5 *Радо Ш.* Под псевдонимом Дора. С. 4.

6 Там же. С. 132.

- 7 Радо Ш. Под псевдонимом Дора. Пермь, 1992. С. 303.
- 8 Там же. С. 306.
- 9 Еще в 1942 г. Ш. Радо был представлен к награждению орденом Ленина. В день 80-летия он был награжден орденом «Дружбы народов» и «Отечественной войны I степени» за вклад в победу над фашистской Германией (Волков Ф. Д. Их вклад в победу. С. 49).
- 10 Р.Челлен (1846—1922) — шведский политический деятель, ученый, был первый, кто дал определенное геополитики: «Геополитика — наука, которая рассматривает государство как географический организм». (Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М., 1998. С. 12).
- 11 Бэр К. М. О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и истории человечества // Карманная книжка для любителей земледения. СПб., 1848; Мечников Л. И. Цивилизации и великие исторические реки. СПб., 1898; Соловьев С. М. История России. Кн.1. М., 1939.
- 12 Большая советская энциклопедия. М., 1929. С. 390—391.
- 13 Тарле Е. «Восточное пространство» и фашистская геополитика // Против фашистской фальсификации истории. М.; Л., 1939.
- 14 Поздняков Э. А. Геополитика. М., 1995. С. 16—17, 20—27.
- 15 Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 105—116.
- 16 Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906.
- 17 Дугин А. Указ. соч. С. 68—73.
- 18 Бэр К. М. Указ. соч.; Виттфогель К. Геополитика, географический материализм и марксизм // Под знаменем марксизма. 1929. № 2—3; Мечников Л. И. Указ. соч.; Соловьев С. М. Указ. соч.

О. Ф. Сувениров

Мартиролог РККА. 1936–1941 гг.*

Журнал “Новый Часовой” продолжает публикацию материалов известного московского историка, ведущего научного сотрудника Института военной истории Министерства обороны РФ Олега Федотовича Сувенирова.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год рожд	Членство в ВКП(б)	Занимаемая должность в момент расстрела	Дата ареста	Приговор ВМН		Дата посмертной реабилитации
						Вынесение	Исполнение	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
10. Комкоры								
5.	Бондарь Георгий Иосифович	1893	1926	Заместитель наркома оборонной промышленности (НКОП) СССР	25.08.38	10.03.39	—	25.06.55
6	Брянских Петр Алексеевич	1896	Кандидат	Командующий войсками ПриВО	18.07.38	29.08.38	—	09.04.55
7.	Вайнер Леонид Яковлевич	1897	1917	Военный советник при Главкоме Монгольской Народной армии	15.08.37	26.11.37	—	14.05.55
8	Василенко Матвей Иванович	1888	Кандидат 1932	Заместитель командующего войсками УрВО	11.03.37	01.07.37	—	28.11.56
9	Восканов (Восканян) Гаспар Карапетович	1887	1919	Заместитель председателя Центрального совета Осоавиахима СССР	28.05.37	20.09.37	20.09.37	1956

* Продолжение. См.: Новый Часовой, 1998. № 6—7.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	Гай (Гайк Бжишкян) Гая Дмитриевич ¹	1887	1918	Начальник кафедры истории войн и военного искусства Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского (ВВА)	июль 1935	11.12.37	11.12.37	30.05.56
11	Гайлит (Гайлитис) Ян Петрович	1894	1918	Командующий войсками УрВО	15.08.37	01.08.38	01.08.38	26.11.56
12	Гарькавый Илья Иванович	1888	1918	Командующий войсками УрВО	11.03.37	01.07.37	01.07.37	12.12.56
13.	Геккер Анатолий Ильич	1888	1917	Начальник отдела внешних сношений Разведупра РККА	30.05.37	01.07.37	01.07.37	22.08.56
14.	Германович Маркиан Яковлевич	1895	1918	Заместитель командующего войсками ЛВО	07.08.37	20.09.37	20.09.37	06.04.57
15.	Гитгис Владимир Михайлович	1881	1925	Начальник отдела внешних заказов НКО СССР	28.11.37	22.08.38	22.08.38	02.06.56
16.	Горбачев Борис Сергеевич	1892	1917	Командующий войсками УрВО	03.05.37	03.07.37	03.07.37	14.03.56
17.	Горячев Елисей Иванович	1892	1919	Командующий армейской кавгруппой КВО	Не арестовывался	Покончил жизнь самоубийством	12.12.38	
18.	Грибов Сергей Ефимович	1895	1926	Командующий войсками СКВО	28.01.38	29.07.38	—	21.04.56
19.	Грязнов Иван Кенсоринович	1897	1918	Командующий войсками СКВО	15.08.37	29.07.38	29.07.38	05.05.56
20.	Ефимов Николай Алексеевич	1897	1918	Начальник Артуруправления РККА	27.05.37	14.08.37	—	09.02.57
21	Зонберг Жан Фрицевич	1891	1917	Инспектор при НКО по военной работе Осоавиахима СССР	29.11.37	01.09.38	—	30.06.56

¹ Г. Д. Гай персональное военное звание “комкор” получить не успел, поскольку был арестован до их введения. Звание определено по занимаемой должности.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
22	Ингаунис Феликс Антонович	1894	1931	Начальник ВВС ОКДВА	29.11.37	28.07.38	28.07.38	02.06.56
23	Калмыков Михаил Васильевич	1888	1917	Командир 20-го стрелкового корпуса	25.06.37	16.04.38	16.04.38	19.05.56
24	Ковтюх Епифан Васильевич	1890	1918	Армейский инспектор БВО	10.08.37	29.07.38	29.07.38	22.02.56
25	Косогов Иван Дмитриевич	1891	1919	Командир 4-го казачьего корпуса	26.05.37	01.05.38	01.08.38	18.04.56
26	Криворучко Николай Николаевич	1887	1919	Заместитель командующего войсками БВО	21.02.38	19.08.38	19.08.38	11.04.56
27	Куйбышев Николай Владимирович	1893	1918	Командующий войсками ЗакВО	02.02.38	01.08.38	01.08.38	19.05.56
28	Кутяков Иван Семенович	1897	1917	Заместитель командующего войсками ПриВО	15.05.37	28.07.38	28.07.38	15.03.56
29	Лавров Василий Константи- нович	1898	Кандидат	Начальник штаба ВВС РККА	26.07.37	29.07.38	—	30.06.56
30	Лапин (Лапиньш) Альберт Янович	1899	1917	Помощник командующего ОКДВА по ВВС	17.05.37	В тюрьме покончил жизнь самоубий- ством	21.09.37	—
31	Левичев Василий Николаевич	1891	1919	Заместитель начальника Генштаба РККА	05.06.37	26.11.37	—	28.07.56
32	Лепин Эдуард Давыдович	1889	1920	Военный атташе СССР в Китае	Декабрь 1937	22.08.38	22.08.38	08.09.56
33	Лонгва Роман Войцехович	1891	1910	Начальник Управления связи РККА	21.05.37	08.02.38	—	15.09.56
34	Магер Максим Петрович	1897	1915	Член Военного совета ЛВО	10.09.38, вторично 08.04.41	20.07.41	16.10.41	15.10.56
35	Меженинов Сергей Александрович	1890	Кандидат	Заместитель начальника Генштаба РККА	20.06.37	28.09.37	28.09.37	11.07.57
36	Мулин Валентин Михайлович	1897	1906	Заместитель командующего войсками ЗакВО	05.02.38	Тройкой НКВД ГССР 21.06.38	—	12.10.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
37.	Нейман Константин Августович	1897	1917	Начальник 8-го Главного управления НКОП СССР	21.07.37	05.11.37	—	29.10.55
38.	Петин Николай Николаевич	1876	Кандидат 1931	Начальник Военно-Инже- нерного управления РККА	04.06.37	07.10.37	07.10.37	29.09.56
39.	Петренко- Лунов Сергей Васильевич	1890	1917	Военный консультант при председателе Совнаркома СССР	28.05.37	09.12.37	09.12.37	21.07.56
40.	Покус Яков Захарович	1894	1919	Заместитель командующего ОКДВА	22.02.38, вторично 03.10.40	16.07.41 "10+5"	Умер в ИТЛ	11.04.56
41.	Примаков Виталий Маркович	1897	1914	Заместитель командующего войсками ЛВО	14.08.36	11.06.37	12.06.37	31.01.57
42.	Пугачев Семен Андреевич	1889	1934	Начальник Военно-транспо- ртной академии РККА	10.10.38	26.10.39 "15+5"	Умер в заключе- нии 23.03.43	30.06.56
43.	Путна Витовтич Казимирович	1893	1917	Военный Атагаше СССР в Великобритании	20.08.36	11.06.37	12.06.37	31.01.57
44.	Сазонтов Андрей Яковлевич	1894	1927	Начальник Дальвоенстроя при СНК СССР	26.05.38	26.08.38	26.08.38	05.05.56
45.	Сангурский Михаил Владимирович	1894	1919	Заместитель командующего ОКДВА	01.06.37	28.07.38	28.07.28	18.04.56
46.	Смолин Иван Иванович	1895	1919	Начальник Военно-Инжене- рной академии РККА им. В.В.Куйбышева (ВИА)	14.05.37	20.09.37	—	22.10.55
47.	Соколов Владимир Николаевич	1896	1917	И.о. главного инспектора Комитета обороны при СНК СССР	14.11.38	14.04.39	15.04.39	30.06.56
48.	Степанов Максим Осипович	1893	1918	Начальник Военно-Химиче- ского управления РККА	09.12.38	31.05.39 "20+5"	Умер в ИТЛ в 1945	30.06.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
49	Стороженко Алексей Алексеевич	1895	Кандидат	Помощник командующего ТОФ по Сухопутным войскам	13.04 38	22 08 38	—	14.07.56
50	Стуцка Кирилл Андреевич	1890	1918	Начальник КУКС АБТВ РККА	29 11 37	Вышей двойкой 17 01 38	17 01 38	20 06 56
51	Ткачев Иван Федорович	1896	1918	Начальник Главного управления Гражданского воздушного флота (ГУГФ)	—	29 07.38	29.07 38	08 02 56
52	Туровский Семен Абрамович	1895	1911	Заместитель командующего войсками ХВО	02 09 36	01.07.37	29.07 38	29 09 56
53	Угрюмов Леонтий Яковлевич	1887	1919	Заместитель начальника УБП РККА	21 05 37	14 08 37	14.08.37	23 05.56
54	Урицкий Семен Петрович	1895	1912	Заместитель командующего войсками МВО (быв. начальник Разведупра РККА)	01 11 37	01.08 38	01 08 38	07.03 56
55	Фельдман Борис Миронович	1890	1920	Заместитель командующего войсками МВО (быв. начальник Управления по комначсоставу РККА)	15 05 37	11 06 37	12 06 37	31 01 57
56	Фесенко Дмитрий Семенович	1895	1917	Заместитель командующего войсками КВО	18 07 37	15.10 37	—	19.07 57
57	Хаханьян Григорий Давидович	1895	III/1917	Руководитель военной группы КСК при СНК СССР (быв. член военного совета ОКДВА)	01.02 39	22 02.38	23 02 39	11 04 56
58.	Хрипин Василий Владимирович	1893	1919	Командующий воздушной армией	25 11 37	29 07 38	—	14 07 56
59	Чайковский Киссиан Александрович	1893	—	Начальник Управления боевой подготовки РККА	21 05 37	Решения по делу нет Умер в Читинской тюрьме в 1938.	Дело прекраще- но 23.06.38	14 09.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
60	Эйдеман Роберт Петрович ²	1895	1917	Председатель Центрального совета Осоавиахима СССР	22.05.37	12.06.37	12.06.37	31.01.57
11. Флагманы 1 ранга								
1.	Душенов Константин Иванович	1895	1919	Командующий Северным флотом (СФ)	22.05.38	03.02.40	04.02.40	29.04.55
2.	Кадацкий-Руднев Иван Никитич	1889	1931	Командующий Амурской Краснознаменной военной флотилией (АКВФ)	19.03.38	28.07.38	—	11.07.56
3.	Лудри Иван Мартынович	1895	1918	Начальник Военно-Морской академии РККФ	летом 1937	26.11.37	26.11.37	08.09.56
4	Панцержанский Эдуард Самойлович	1887	Б/п	Старший руководитель кафедры ВАГШ РККА	13.06.37	26.09.37	—	07.07.56
5	Сивков Александр Кузьмич ³	1892	1920	Командующий Краснознаменным Балтийским флотом	1937	22.02.38	—	10.10.56
12. Генерал-лейтенанты авиации								
1	Арженухин Федор Константинович	1902	—	Начальник Военной академии командного и штурманского состава ВВС Красной Армии	—	Расстрелян без суда	28.10.41	—
2	Проскуров Иван Иосифович Герой Советского Союза	1907	1927	Командующий ВВС 7-й армии (быв. заместитель наркома обороны СССР — начальник Главного разведуправления НКВД)	27.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	11.05.54

² Кроме того, арестовывались и отбывали тюремной похлебки комкоры: командующий войсками СибВО Максим Антонович Антонок, начальник штаба ОКДВА Степан Николаевич Богомяков, заместитель командующего войсками ЗаБВО Николай Васильевич Лисовский, заместитель командующего войсками МВО Леонид Григорьевич Петровский и начальник Управления высших военных учебных заведений РККА Александр Иванович Тодорский.

³ Арестовывался председатель постоянной комиссии по приему строящихся кораблей флагман 1 ранга Александр Карлович Векман.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3.	Птухин Евгений Саввич Герой Советского Союза	1902	1918	Командующий ВВС Юго-Западного фронта	27.06.41	Постановлением ОО 13.02.42	23.03.42	06.10.54
4.	Пумпур Петр Иванович Герой Советского Союза	1900	1919	Командующий ВВС МВО	31.05.41	Постановлением ОО 13.02.42	23.02.42	25.06.55
5.	Рычагов Павел Васильевич Герой Советского Союза	1911	1938	Слушатель ВАГШ РККА (быв. заместитель наркома обороны СССР — начальник Главного управления ВВС Красной Армии)	24.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	23.07.54
6.	Смушкевич Яков Владимирович Дважды Герой Советского Союза	1902	1918	Помощник начальника Генерального штаба Красной Армии по авиации	08.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	11.05.54
13. Корпусные комиссары								
1.	Авиновицкий Яков Лазаревич	1897	1918	Начальник Военной академии химической защиты РККА	27.08.37	08.01.38	08.01.38	17.09.55
2.	Апсе Мартин Янович	1893	1912	Член Военного совета ЗабВО	—	03.09.39 "25+5"	Умер в ИТЛ в 1942	27.10.56
3.	Артузов (Фраучи) Артур Мартынович	1891	1917	Заместитель начальника Разведуправления РККА	13.05.37	21.08.37	21.08.37	07.03.56
4.	Битте Август Мартынович	1893	1911	Начальник политуправления ЗабВО	—	21.10.39	—	25.07.56
5.	Гринберг Исаак Моисеевич	1899	1918	Член Авиации особого назначения Военного совета (АОН)	26.11.37	29.07.38	—	28.03.57
6.	Зиновьев Григорий Алексеевич	1896	1917	Член военного совета КБФ	20.06.38	22.08.38	—	02.06.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
7	Ильин Николай Ильич	1895	1918	Член военного совета Военно-морских сил РККА	20 12.37	03 04 38	—	19 07 57
8	Карин Федор Петрович (Крутянский Тодрес Янкелевич)	1896	1919	Начальник 2-го отдела Разведуправления РККА	16 05 37	Расстрелян "в особом порядке"	21 08 37	05 05.56
9	Местер-Захаров Лев Николаевич	1899	1917	Помощник начальника Разведуправления РККА	11 06.37	10 08 37	—	08 02 56
10	Наседкин Николай Александрович	1902	1918	Начальник политотдела ОК ЖДВ	13.01 38	25.04.38	Умер 27 06 43	23.06 56
11	Немерзелли (Немерзон) Иосиф Фаддеевич	1895	1917	Начальник ВПАТ	05 12 37	21 09 38	22 09 38	13 10 56
12	Неронов Иван Григорьевич	1897	VI/1917	Военный комиссар ВАФ	10 08 37	10.12 37	—	18 08 56
13	Орлов Наум Осипович	1894	1919	Начальник политуправления ПриВО	05.06.37	08 09 37	09 09 37	13.10 56
14	Петухов Иван Павлович	1895	1915	Для особо важных поручений при наркоме обороны СССР	04 07 38, вторично 12 03 39	Пост ОСО 20 04 39 "5"	Умер в ИТЛ 30 05 42	11 12 54
15	Прокофьев Архип Прокофьевич	1895	1917	Военный комиссар Особого корпуса в МНР	25 01 38	09 05 39	09 05 39	18 07 56
16	Разгон Израиль Борисович	1892	1908	Начальник Управления вооружения Управления Морских Сил РККА	16 08 37	02 12 37	—	02 06 56
17	Родионов Федор Ефимович	1897	1919	Начальник Центрального Дома Красной Армии (ЦДКА)	30 05 37	09 12 37	—	28 07 56
18	Рошаль Лев Борисович	1896	1917	Начальник политотдела Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР	22 07 38	27 01 40	—	30 05 56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
19	Савко Николай Аркадьевич	1898	1917	Заместитель начальника политуправления ХВО (Освобожден от работы 02.01.37)	—	05.10.37	—	09.07.57
20	Сидоров Константин Григорьевич	1884	1903	Член Военного совета СКВО	25.05.38	25.02.39	25.02.39	25.06.55
21.	Скворцов Семен Антипович	1894	1919	Член Военного совета Приморской группы войск ОКДВА	07.11.37	09.04.38	09.04.38	13.08.56
22.	Троянker Бенедикт Устинович	1900	IX/1917	Член военного совета МВО	22.11.37	28.07.38	—	21.01.56
23.	Хорош Мордух Лейбович	1899	1918	Заместитель начальника политуправления КВО	09.08.37	15.10.37	15.10.37	08.12.56
24	Шапошников Михаил Романович	1899	1918	Начальник Политуправления РККФ	21.04.38	22.08.38	22.08.38	21.07.56
25	Шестаков Виктор Николаевич	1893	1918	Член Военного совета ЗабВО	09.07.37	02.10.38	02.10.38	28.07.56
26	Штейбрюк Отто Оттович	—	—	Начальник 1-го отдела Разведуправления РККА	—	Расстрелян "в особом порядке"	21.08.37	—
27.	Ярцев Алексей Петрович ⁴	1895	—	Начальник политуправления ЗакВО (перед арестом уволен)	03.11.37	Тройкой НКВД ГССР	11.03.38	30.12.55
14. Коринженеры								
1.	Синявский Николай Михайлович ⁵	1891	1918	Начальник 5-го главка Наркомата оборонной промышленности СССР	Декабрь 1937	29.07.38	—	18.08.56

⁴ Кроме того, арестовывались и отбыли различные сроки заключения корпусные комиссары: военный комиссар УВВС РККА Михаил Федорович Березкин, член Военного совета Тихоокеанского флота Яков Васильевич Волков, начальник политуправления ЛВО Трофим Кириллович Говорухин, начальник политуправления САВО Григорий Герасимович Ястребов.

⁵ Длительный срок заключения отбыл начальник Военно-Химического управления РККА коринженер Яков Моисеевич Фишман.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
15. Коринтенданты								
1	Жильцов Александр Иванович	1896	1918	Начальник Управления продовольствия РККА	08.12.38	08 05 39 "20+5"	Умер в заключении в 1941	19.05.56
2	Косич Дмитрий Иосифович	1886	1918	Начальник Управления обочно-вещевого снабжения РККА	31.05.37	16.11.37	—	20.10.56
3	Ошлей Петр Матвеевич	1886	1917	Помощник командующего войсками МВО	31.05.37	31.10.37	—	19 05 56
16 Корврочи								
1	Баранов Михаил Иванович	1888	1917	Начальник Санитарного управления РККА	15.08.37	19.03.38	—	22.02.56
2.	Кангелари Валентин Александрович ⁶	1883	1917	Заместитель наркома здравоохранения РСФСР	17 06.37	26.11.37	26.11.37	15 09.56
17 Корвоенюристы								
1	Плавнек Леонард Янович	1893	1918	Председатель военного трибунала МВО	10.11.37	07.06.38	—	11.05.57
18. Комдивы								
1	Алкснис Ян Янович	1895	1913	Начальник кафедры ВАГШ РККА	17.09.38	26.04.40 "15"	Умер в ИТЛ в 1943	Дело прекращено за смертью 21 03.44
2	Андерс Александр Павлович	1880	Б/п	Инспектор для поручений при начальнике Аэрофлота СССР	31 10.37	26 04 38	26.04.38	14 07.56
3	Андрияшев Леонид Прокофьевич	1891	—	Заместитель начальника артиллерии РККА	19.03.38	25.08.38	25.08.38	30.05.56
4.	Аплок Юрий Юрьевич	1891	1918	Помощник командующего войсками МВО по материальному обеспечению	18 12.37	02.04 38	—	25 07.58

⁶ 15 лет заключения "отбухал" начальник Ветеринарного управления РККА корветврач Николай Михайлович Никольский.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5.	Артеменко Николай Филиппович	1898	1918	Заместитель начальника УВУЗ РККА	09.06.37	09.12.37	09.12.37	09.06.56
6.	Артемьев Константин Петрович	1883	Б/п	Военрук Ленинградского государственного университета	10.11.37	Высшей двойкой 17.01.38	—	16.07.57
7.	Атоян Акоп Татосович	1895	—	Командир Армянской горно- стрелковой дивизии	—	—	Расстре- лян в 1937	—
8.	Бажанов Николай (Ксенофонт) Николаевич	1899	1918	Начальник НИИ ВВС РККА	22.11.37	15.09.38	—	30.05.56
9.	Базенков Борис Ильич	1896	1920	Начальник управления материально- технического снабжения ВВС РККА	09.11.37	29.07.38	29.07.38	14.03.56
10.	Бакши Михаил Маркович	1898	1919	Командир мехнизированной бригады (УрВО)	15.05.37	01.07.37	01.07.37	06.06.56
11.	Балакирев Алексей Федорович	1898	IX/1917	Начальник штаба Приморской группы ОКДВА	11.06.37	27.05.38	27.05.38	14.03.56
12.	Бахрушин Александр Михайлович	1900	1919	Начальник ВВС КВО	03.07.37	08.09.37	09.09.37	09.08.57
13.	Белицкий Семен Маркович	1889	1920	Начальник Управления Воениздата НКО СССР	23.05.37	Умер в тюремной больнице	08.03.38	—
14.	Белый Семен Осипович	1896	1917	Командир и военный комиссар корпуса ВУЗ МВО	—	03.11.37	—	18.08.56
15.	Бергольц Август Иванович	1897	1919	Старший руководитель кафедры ВАГШ РККА	13.12.37	29.07.38	29.07.38	04.08.56
16.	Бергстрем Вальтер Карлович	1899	1918	Помощник начальника Морских Сил РККА по авиации	20.12.37	28.07.38	—	11.05.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
17	Блажевич Иосиф Францевич	1891	Кандидат 1930	И.о. начальника Управления ПВО РККА	18.02.38	16.03.39	—	29.08.56
18.	Блюмберг Жан Карлович	1889	Кандидат 1931	Врид инспектора пехоты РККА	13.12.37	26.04.38	—	19.07.57
19.	Бобров Борис Иосифович	1896	1919	Начальник штаба БВО	30.05.37	22.11.37	—	03.08.57
20.	Бобров Николай Михайлович	1873	1923	Начальник артотдела штаба КВО	29.06.37	09.09.37	—	17.09.57
21.	Бокис Густав Густавович	1896	1913	Начальник Автобронетанков- ого управления РККА	05.06.37	19.03.38	19.03.38	29.02.56
22.	Борисенко Антон Николаевич	1889	1918	Командир 45-го механизированно- го корпуса	04.10.37	22.08.38	—	08.12.56
23.	Буачидзе Федор Моисеевич	1900	—	Командир и военный комиссар 2-й Грузинской стрелковой дивизии	30.07.37	Убит во время допроса	01.08.37	—
24.	Бутырский Василий Петрович	1896	Кандидат 1930	Начальник штаба КВО	20.12.37	02.10.38	—	02.07.57
25.	Вакулич Павел Иванович	1890	1919	Начальник кафедры ВАГШ РККА	30.05.37	13.07.37	13.07.37	11.07.56
26.	Василевич Иван Иванович	1895	V/1917	Командир 26-го стрелкового корпуса	—	25.08.38	25.08.38	—
27.	Васильев Федор Васильевич	1892	1918	Командир 22-й кавдивизии (ЗабВО)	17.07.37	05.10.38	—	01.06.57
28.	Васильченко Николай Николаевич	1896	1918	Помощник генерал-инспекто- ра ВВС Красной армии	01.06.41	Пост. ОСО 13.02.42	—	17.09.55
29.	Везиров Гамбай Мамед оглы	1899	1920	Командир и военный комиссар Азербайджанской горно-стрелковой дивизии	29.07.37	13.10.37	—	28.07.56
30.	Венцов-Кранц Семен Иванович	1897	1918	Командир 62-й Туркестанской дивизии	11.06.37	08.09.37	08.09.37	30.06.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
31	Вольпе Абрам Миронович	1895	1917	Начальник Административно-мобилизационного управления РККА	30.05.37	14.07.37	14.07.37	02.06.56
32.	Гарф Вильгельм Евгеньевич	1884	Б/п	Начальник Военной академии связи им. В. Н. Подбельского	10.05.38	22.08.38	—	28.05.55
33.	Георгадзе Валериан Павлович	1893	1922	Председатель Осоавиахима Грузинской ССР	20.06.37	22.08.38	—	30.05.57
34.	Гермониус Вадим Эдуардович	1890	1920	Командир и военный комиссар 17-го стрелкового корпуса	07.06.37	08.09.37	—	15.12.56
35.	Головкин Василий Григорьевич	1897	1917	Командир 46-й стрелковой дивизии	02.03.38	26.09.38	—	20.10.56
36.	Горбунов Михаил Алексеевич	1901	1918	Начальник ВВС КБФ	07.06.37	22.05.38	22.05.38	29.12.56
37.	Григорьев Петр Петрович	1892	1918	Командир 7-го кавкорпуса	24.07.37	19.11.37	20.11.37	28.04.56
38.	Грушецкий Владислав Флорианович	1888	1928	Начальник Краснознаменных химических курсов РККА	—	25.08.38	—	21.07.56
39.	Давидовский Яков Львович	1897	III/1917	Командир и военный комиссар 11-го мехкорпуса (ЗабВО)	08.06.37	02.10.38	02.10.28	27.04.57
40.	Давыдов Василий Васильевич	1898	1918	Заместитель начальника Разведуправления РККА	Уволен 21.06.38	ВТ МВО 05.07.41	16.10.41	—
41.	Даненберг Евгений Евгеньевич	1891	Б/п	Командир 52-й стрелковой дивизии	11.07.37	04.10.38	—	03.10.57
42.	Демичев Михаил Афанасьевич	1885	1920	Командир 1-го кавкорпуса	09.08.37	19.11.37	—	20.10.56
43.	Деревцов Сергей Иванович	1897	1917	Начальник автобронетанковых войск ОКДВА	15.05.37	25.03.38	25.03.38	13.07.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
44.	Добровольский Виктор Петрович	1892	1919	Командир 19-го стрелкового корпуса	—	20.09.38	—	06.10.56
45.	Замилакый Григорий Саввич	1895	1917	Преподаватель ВАФ	03.06.38	26.08.38	26.08.38	21.07.57
46.	Зиновьев Иван Зиновьевич	1892	1919	Начальник штаба С иБВО	20.12.37	17.06.38	17.06.38	01.08.57
47.	Зюзь-Яковенко Яков Иванович	1892	1919	Командир 2-го стрелкового корпуса	07.06.37	08.10.38 “15+5”	Умер в заключении 23.03.42	22.02.56
48.	Инно (Кульдвер) Александр Александрович	1887	1918	Начальник курсов “Выстрел”	—	09.02.38	—	29.03.56
49.	Казанский Евгений Сергеевич	1896	1917	Командир и военный комиссар 5-го стрелкового корпуса	16.05.37	26.09.37	26.09.37	30.06.56
50.	Калнин (Калниньш) Карл Иосифович	1884	1904	Ответственный инструктор президиума Центрального совета Осоавиахима СССР	08.06.37	02.11.37	—	23.09.58
51.	Капнин (Калниньш) Фридрих Карлович	1887	1920	Служил в Военной академии им. Фрунзе	—	—	25.08.38	—
52.	Кануловский Иван Дмитриевич	1894	1920	Командир корпуса ВУЗ КВО	04.10.37	25.08.38	—	04.09.58
53.	Карклин Иван Иванович	1895	1918	Помощник командующего войсками ЗаБВО по ВВС	11.08.37	02.10.38	—	09.04.57
54.	Кассин Григорий Иустинович	1884	1919	Командир 45-го стрелкового корпуса	05.08.38	14.04.39	—	20.10.56
55.	Квятек Казимир Францевич (Витковский Ян Карлович)	1888	1917	Заместитель командующего войсками ХВО	17.12.37	25.08.38	—	08.09.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
56.	Кильвейн Георгий Львович	1897	1919	Командир и военный комиссар 74-й стрелковой дивизии (СКВО)	17.05.37	05.08.37	05.08.37	21.09.57
57.	Княгницкий Павел Ефимович	1884	1917	Комендант и военный комиссар Киевского укрепленного района (УР)	11.06.37	09.09.37	—	13.05.58
58.	Кожевников Александр Трофимович	1894	1937	Командующий ВВС УрВО	13.02.38	08.08.38	—	26.03.57
59.	Козицкий Александр Трофимович	1891	Б/п	Начальник Орджоникидзевско- го пехотного училища	31.05.37	10.08.37	—	20.04.57
60.	Королев Дмитрий Карпович	1896	Исключен 08.37	Командир 24-й Самаро-Ульянов- ской железной Краснознаменной орд. Ленина стрелковой дивизии	27.02.38	27.09.38	—	23.06.59
61.	Котов Николай Яковлевич	1893	1920	Начальник Липецкой высшей летно-тактической школы ВВС	06.09.37	10.01.38	10.01.38	04.06.57
62.	Коханский Владислав Станиславович	1897	1917	Командир 5-го авиакорпуса (ЗабВО)	28.05.37	28.07.38	28.07.38	07.07.56
63.	Крафт Эдуард Эдуардович	1898	—	Начальник Орготдела ГУПВО НКВД СССР	—	21.01.40 “10”	Умер в марте 1941	—
64.	Кручинкин Николай Кузьмич	1897	1929	Начальник Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР	март 1937	19.08.38	19.08.38	09.05.56
65.	Кутателадзе Георгий Николаевич	1888	Кандидат 1930	Командир 9-го стрелкового корпуса	19.04.37	12.07.37	12.07.37	28.11.56
66.	Кучинский Дмитрий Александрович	1898	1918	Начальник Военной академии Генштаба РККА	20.09.37	29.07.38	—	04.08.56
67.	Лазаревич Владимир Саламанович	1882	Б/п	Начальник кафедры Военно-транспортной академии РККА	04.02.38	20.06.38	20.06.38	05.05.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
68.	Лаур Жан Иванович	1893	1917	Командир 14-й стрелковой дивизии	23.12.37	30.09.38	—	12.05.56
69.	Лепин Андрей Генрихович	1896	1918	Начальник Управления пограничных и внутренних войск Украинской ССР	19.05.38	29.07.38	29.07.38	25.08.56
70.	Лопатин Всеволод Николаевич	1899	Кандидат 1931	Заместитель командующего войсками ЛВО по авиации	14.01.38	29.07.38	29.07.38	12.12.56
71.	Лукирский Сергей Георгиевич	1875	Б/п	Научный редактор редакции "Военной энциклопедии"	(уволен) 1931 и 29.01.38	02.04.38	02.04.38	29.09.56
72.	Максимов Иван Федорович	1894	1918	Начальник 7-го отдела Генерального штаба РККА	15.10.38	15.04.39	—	30.05.56
73.	Малофеев Василий Иванович	1897	Кандидат 1931	Командир 1-го стрелкового корпуса (ЛВО)	31.08.38	15.10.39 "15+5"	Умер в заключении	17.09.57
74.	Мальшев Александр Кузьмич	1887	1928	Начальник штаба САВО	23.08.38	08.02.39	19.03.39	19.03.57
75.	Маслов Константин Васильевич	1892	1918	Командующий ВВС СибВО	—	04.06.38	—	08.12.56
76.	Медников Михаил Лазаревич	1884	1917	Начальник Управления строительных частей РККА	04.07.37	22.08.38	—	13.06.56
77.	Мелик-Шахназаров Андрей Павлович	1887	Б/п	Командир 16-го стрелкового корпуса (БВО)	30.05.37	30.10.37	—	29.03.58
78.	Мурзин Дмитрий Константинович	1889	1919	Сотрудник Разведывательного управления РККА	23.12.37	28.08.38	28.08.38	21.07.56
79.	Никитин Семен Васильевич	1895	1918	Командир 11-го стрелкового корпуса (БВО)	04.03.38	20.08.39 "10+5"	Умер в заключении 16.06.41	16.06.56
80.	Никифоров Леонид Иванович	1896	1917	Командующий ВВС Тихоокеанского флота	15.01.38	23.05.38	—	10.11.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
81	Никонов Александр Матвеевич	1893	1918	Заместитель начальника Разведуправления РККА	05 08 37	26 10.37	26.10 37	19 05.56
82	Ольшанский Михаил Михайлович	1895	1919	Заместитель начальника АБТУ РККА	15 04.37	20.09.37	20 09.37	22 02.56
83.	Ольшевский Фаддей Иванович	1890	1918	Начальник отдела артбаз Артиллерийского управления РККА	17 06.37	09.12.37	—	06.06 56
84	Онуфриев Иван Андреевич	1893	VIII/1917	Ответственный организатор Центрального совета Осоавиахима СССР	01.08.37	25.04 38	25 04 38	06.07 57
85	Орлов Александр Григорьевич	1898	1927	Начальник кафедры иностранных языков Военной артиллерийской академии им. Ф. Э Дзержинского (быв. начальник Разведупра РККА)	31 06.39	24 01 40	25 01 40	21.05 55
86	Павлов Александр Васильевич	1880	Б/п	Помощник начальника Военной академии им. Фрунзе	05 06 37	—	14 08.37	02 06 56
87	Пашковский Константин Казимирович	1894	1918	Командир 18-го стрелкового корпуса	26 06 37	Высшей двойкой 30.12.37	02 02 38	03.10 56
88.	Перекрытов Алексей Макарович	1888	Б/п	Начальник штаба БВО	21 02 38	28.07.38	28 07.38	09.06 56
89	Пога Жан Янович	1889	1918	Командир тяжелого авиакорпуса	08 09 37	29 04 38	29.04 38	04.10.60
90	Погребной Василий Семенович	1895	1918	Заместитель командующего войсками ХВО	11 02.38	29 07.38	—	27 06 57
91	Ракитин Николай Васильевич	1895	1928	Начальник физической подготовки и спорта РККА	19.06 37	15 12 37	15 12.37	25 02.56
92	Рудмец Иван Иванович	1894	1927	Комендант Могилево- Ямпольского УРа	11.06 37	09.09.37	—	04 08.66
93	Ринк Иван Александрович	1886	1928	Военный атташе СССР в Японии	07 10 37	15.03.38	—	30 06.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
94	Рогалев Федор Федорович	1891	1917	Командир 7-го стрелкового корпуса	июнь 1937	14 09 37	14.09.37	06.10.56
95	Роговский Николай Михайлович	1897	1919	Начальник артиллерии РККА	05.06.37	10.09.37	10.09.37	07.04.56
96.	Рохи Вильям Юрьевич	1892	1917	Командир 34-й стрелковой дивизии	02.07.37	09 04 38	09 04.38	31 10 56
97	Рубинов Яков Григорьевич	1895	1917	Начальник штаба ЗабВО	03.07.37	02.10.38	02 10.38	18.04.56
98.	Саблин Юрий Владимирович	1897	1919	Комендант и военный комиссар Летичевского УРа	25.09.36	19 06.37	20.06.37	12 12.56
99	Савицкий Сергей Михайлович	1897	1918	Начальник штаба ЗакВО	12 05 37	01 07.37	01 07.37	03.10.57
100.	Свечин Александр Андреевич	1878	Б/п	Помощник начальника кафедры военной истории ВАГШ РККА	1931—1932 и 30.12.37	29 07.38	29 07.38	08 09.56
101	Семенов Николай Григорьевич	1874	Б/п	Преподаватель тактики ВАФ	10.05.38	26.08.38	26.08.38	27.09.62
102.	Сергеев Евгений Николаевич	1887	Б/п	Старший руководитель кафедры оперативного искусства и стратегии ВАГШ РККА	—	10.09.37	10.09.37	21.03.57
103	Сергеев Иван Павлович	1897	1932	Преподаватель ВАГШ РККА (быв. нарком боеприпасов СССР)	30 05 41	Пост ОСО 13.02.42	—	22.10.55
104.	Сердич Даниил Федорович	1896	1917	Командир 3-го кавкорпуса	15.07.37	28 07 38	—	23.04.57
105.	Сидоренко Владимир Семенович	1898	1918	Командир 6-го стрелкового корпуса	—	08 09 37	—	22 12 56
106	Соколов-Соколовский Петр Лукич	1894	1919	Начальник штаба ХВО	30 06 37	09 12 37	09.12.37	09.07.57
107	Степной-Спижарный Константин Иванович	1898	1918	Помощник начальника АБТУ РККА	06 12.37	29 07 38	—	22 09 56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
108	Стига Оскар Ансович	1894	1917	Начальник отдела Разведуправления РККА	29.11 37	29.07.38	29 07 38	08.09 56
109	Супрун Кузьма Харитонович	1892	V/1917	Помощник командующего войсками ЗаБВО по материально-техническому обеспечению	05 04 38	26.02 40	27 02.40	28 07 56
110.	Тальковский Александр Александрович	1894	—	Начальник курса Военной академии им Фрунзе	23 12 37 вторично 30.06 41	Пост. ОСО 13.02 42	23.02.42	—
111.	Тарасенко Владимир Васильевич	1891	1919	Командир 15-го стрелкового корпуса (КВО)	26 09 37	22 12.37	22 12 37	10 10 57
112	Тарасов Анатолий Иванович	1894	1918	Начальник Штаба ЗаБВО	02 07 38	20 05 40	20.05.40	26.11 55
113	Тестов Семен Васильевич	1894	1926	Начальник штаба ВВС РККА	18 01 38	Умер в Лефортовской тюрьме	22 02 38	21.05 38 (НКВД СССР)
114	Ткалун Петр Пахомович	1894	IX/1917	Комендант Московского Кремля	08 01 38	29 07.38	29.07.38	12.05 56
115	Точенов Николай Иванович	1897	1919	Командир 1-й Особой кавалерийской дивизии им И В Сталина	08 06 37	15 12 37	—	02 06 56
116	Тризна Дмитрий Дмитриевич	—	—	Начальник Военной Артакадемии им Ф Э Дзержинского	—	Умер в Лефортовской тюрьме	04 07 38	—
117	Тухарели Георгий Александрович	1891	Кандидат 1932	Помощник командующего войсками ЗакВО по материально-техническому обеспечению	17 04 37	12 07 37	12.07 37	09.01 57
118.	Уваров Николай Михайлович	1896	1924	Начальник управления авиацией Центрального совета Осоавиахима СССР	22 03 38	28 08 38	28 08 38	11 07 57
119.	Ушаков Константин Петрович	1896	1920	Командир 9-й кавдивизии	21 02 38	20 07.39 «15+5»	Умер в ИТЛ 1943	14.03 57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
120.	Федотов Анатолий Васильевич	1892	1920	Начальник штаба ЛВО	22.10.37	20.09.39	—	17.10.57
121.	Фирсов Дмитрий Сергеевич	1895	II/1917	Командир 39-й стрелковой дивизии (ОКДВА)	31.05.37	25.03.38	—	23.07.57
122.	Флоровский Иван Сергеевич	1894	1917	Начальник ВВС Приморской группы войск ОКДВА	10.06.37	25.03.38	—	05.01.57
123.	Хорошилов Иван Яковлевич	1898	1917	Заместитель начальника Управления по начальствующему составу РККА	12.02.38	26.08.38	—	18.08.56
124.	Чернобровкин Сергей Алексеевич	1897	1919	Заместитель командующего войсками БВО по авиации	—	29.04.38	—	13.08.57
125.	Шалимо Михаил Николаевич	1898	1927	Помощник командующего войсками ЗабВО по ВВС	24.08.37	02.10.38	—	09.04.57
126.	Шарсков Иван Федорович	1886	1922	Начальник Одесского артиллерийского училища	—	08.05.39 “15”	Умер в заключе- нии в 1942	11.08.56
127.	Шеко Яков Васильевич	1893	1919	Командир 4-го казачьего корпуса	10.08.37	05.06.38	05.06.38	18.07.56
128.	Широкий Иван Федорович	1893	1919	Заместитель начальника Аэрофлота СССР	09.02.38	08.04.38	08.04.38	14.07.56
129.	Шмидт Дмитрий Аркадьевич (Гутман Давид Аронович)	1895	1915	Командир 8-й мотомехбригады (КВО)	09.07.36 06.07.36 (по карточке)	19.06.37	19.06.37	—
130.	Щеглов Николай Владимирович ⁷	1889	Кандидат 1931	Командир 1-й дивизии ПВО (Москва)	31.05.37	28.10.37	—	25.04.56

⁷ Кроме того, арестовывались и отбыли различные сроки заключения комдивы: начальник АМУ РККА А. И. Баринов, командир 7-го мотомехкорпуса Михаил Фомич Букштынович, начальник штаба ОКДВА Владислав Константинович Васенцович, помощник начальника ВВС ОКДВА Григорий Алексеевич Ворожейкин, начальник кафедры ВАГШ РККА Георгий Самойлович Иссерсон, командир 17-й стрелковой дивизии Михаил Петрович Карпов, начальник кафедры Военно-электротехнической академии Федор Петрович Кауфельдт, командир авиабригады Франц Антонович Клышейко, командир ОКЖДВ Александр Демьянович Кулешов, командир 18-го стрелкового корпуса Эрман Яковлевич Магон, заместитель командующе-

1	2	3	4	5	6	7	8	9
19. Флагманы 2 ранга								
1.	Васильев Александр Васильевич	1887	Кандидат	Командир бригады заграждения и траления ТОФ	13.01.38	04.05.38	—	06.06.57

Продолжение следует.

го войсками САВО Яков Аркадьевич Мелькумов, начальник КУКС ЛВО Иван Васильевич Панин, командующий 1-й ОКА Кузьма Петрович Подлас, Вольдемар Рудольфович Розе, командир 5-го кавкорпуса Константин Константинович Рокоссовский, начальник Управления пограничных и внутренних войск УНКВД Дальневосточного края Федор Георгиевич Соколов, Семен Аввакумович Спильниченко, командир авиабригады Александр Александрович Туржанский, командир 57-й стрелковой дивизии Вячеслав Дмитриевич Цветаев, Якуб Джангирович Чанышев, начальник 1-го отдела АМУ РККА В. Н. Чернышев, командир 6-й стрелковой дивизии Иван Иосифович Шафранский, командир 13-го стрелкового корпуса Василий Александрович Юшкевич, командующий ВВС САВО Розе Абдуллаевич Якубов и др.

П. А. Аптекарь, В. М. Лурье

Военные атташе*

БОЙКО Василий Романович — 28.2.1907, с. Водяно, ныне Шполянского р-на Черкасской обл., Украина — 3.4.1996, Москва.

Украинец. Генерал-лейтенант (8.9.1945). Герой Сов. Союза (7.4.1940). В Сов. Армии с 1929. Окончил Одесскую пехотную школу (1933), Военно-политическую акад. им. В. И. Ленина (1939—1941), Высшую воен. акад. им. К. Е. Ворошилова (1947—1949).

Участник сов.-финл. войны 1939—1940. Нач-к оргчасти ПО 4-й стрелк. дивизии. В бою 15.2.1940 личным примером воодушевил бойцов стрелк. роты на выполнение боевой задачи, 5 марта заменил выбывшего из строя комиссара полка, увлек бойцов в атаку, чем способствовал продвижению и выполнению боевой задачи, за что присвоено звание Героя Сов. Союза.

В Вел. Отеч. войну нач-к ПО 181-й стрелк. дивизии (7—10.1941), военком 183-й стрелк. дивизии (10.1941—6.1942), член ВС 58-й (6—8.1942), 39-й (8.1942—1947) армий. Гл. военный советник в венгерской армии (1949).

Военный атташе при посольстве СССР в Венгерской Народной Республике (1950—1953).

Член ВС Белорусского ВО (6.1955—4.1957), Уральского ВО (10.1957—9.1961). Нач-к ПО Военной акад. ГШ ВС (9.1961—1971).

Генерал-майор (20.12.1942).

С 1971 в отставке.

Награды СССР: 2 орд. Ленина, орд. Октябрьской революции, 4 орд. Красного Знамени, орд. Кутузова I ст., Суворова II ст., Кутузова II ст., Отечественной войны I ст., Красной Звезды, медали.

Награды РФ: орд. Жукова.

Некролог: «Красная звезда». 6.4.1996.

Соч.: С думой о Родине. М.: Воениздат, 1982.

БУНЯШИН Павел Иванович — 23.01.1902, с. Рясы, ныне Спасского р-на Рязанской обл. — 7.7.1983, Москва.

Русский. Генерал-майор (01.9.1943). В Сов. Армии с 1921. Член компартии с 1922. Окончил 1-ю Сов. объединенную военную школу им. ВЦИК (1921—1924), Военно-политические курсы (1927), КУКС по разведке (1932), Высшую воен. акад. им. К. Е. Ворошилова (11.1942—2.1943), ВАК этой же акад. (4.1948—3.1949).

Ком-р взвода, роты, пом. нач-ка штаба полка и дивизии (1924—1936), ком-р отд. развед. б-на 96-й стрелк. дивизии (1936—12.1938), нач-к оператив. отд-я штаба 46-й стрелк. дивизии (12.1938—3.1940), оператив. отдела штаба 32-й стрелк. дивизии с марта 1940.

В Вел. Отеч. войну вступил в прежней должности. В ходе войны занимал последовательно должности ст. пом. нач-ка и нач-ка оператив. отдела штаба 16-й армии Зап. фронта, с февр. 1942 нач-ка штаба 11-й гв. стрелк. дивизии той же армии, ком-р 221-й (4—11.1942), 84-й (4.1943—8.1945) стрелк. дивизий, ком-р 27-го стрелк. корпуса (2—4.1943).

После окончания войны нач-к КУОС Южн. группы войск (8—10.1945), воен. комендант Бухареста (10.1945—1946).

Военный атташе при посольстве СССР в Румынской Народной Республике (1947—4.1948). Ст. преподаватель Высшей воен. акад. им. К. Е. Ворошилова (3.1949—10.1954).

Военный атташе при посольстве СССР в Демократической Республике Вьетнам (10.1954—1958).

С 1958 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1946), 4 орд. Красного Знамени (1941, 1944, 1952), орд. Суворова II ст. (1943), Кутузова II ст. (1944), Богдана Хмельницкого II ст., «Знак Почета», медалями, иностр. орденами.

Некролог: Красная звезда. 17.7.1983.

ВАСИЛЬЕВ Николай Алексеевич 27.7.1900, дер. Скачели, ныне Батецкого р-на Новгородской обл. — 27.10.1971, Москва.

Русский. Генерал-лейтенант (17.01.1944). Герой Сов. Союза (26.10.1943). В Сов. Армии (1919—1927, 1941—1968), в ОГПУ-НКВД (1927—1941). Член компартии с 1929. Окончил школу усовершенствования комсостава стрелк. охраны путей сообщения (1927), Высшую пограничную школу НКВД (1935), два курса Военной акад. им. М. В. Фрунзе (1938), ВАК при Высшей воен. акад. им. К. Е. Ворошилова (1949).

В стрелк. охране Калининской железной дороги — ком-р отд-я, взвода, отряда (1921—1932), ком-р 22-го Колымского стрелк. полка, нач-к штаба Приморского пограничного округа войск НКВД.

В Вел. Отеч. войну нач-к штаба 250-й стрелк. дивизии (7—9.1941), на учебе в Академии Генштаба (9—11.1941), ком-р 298-й стрелк. дивизии (01.1942—01.1943), зам. команд. 64-й армией (2—4.1943), ком-р 24-го гв. (4.1943—5.1944), 1-го (5.1944—1948), 36-м гв. (4—12.1949) стрелк. корпусов. Гл. военный советник Гл. командования в Корейской народной армией и одновременно.

военный атташе при посольстве СССР в КНДР (10.1949-5.1951). Ст. военный советник в ВО Румынской армии (1951—1957). Зам. команд. войсками ПрикВО (1957—1959).

Военный атташе при посольстве СССР в КНР (10.1959—4.1964). На преподавательской работе в Военно-дипломатической акад. СА (1964—1968).

Генерал-майор (4.8.1942).

С 1968 в отставке.

Награжден: 2 орд. Ленина (1943, 1945), Красного Знамени (1944, 1950), орд. Кутузова I ст. (1945), 2 орд. Суворова II ст. (1943, 1944), орд. Красной Звезды, медалями.

Похоронен на Введенском кладбище.

ВОСКАНОВ (ВАСКАНЯН) Гаспар Карапетович — 14.11.1886, г. Тифлис, ныне Тбилиси, Грузия — 20.9.1937, Москва.

Армянин. Комкор (1936). В РККА с 1918. Член компартии с 1919. Окончил Тифлисское военное уч-ще (1913), ускоренные курсы при Акад. Генштаба РККА (1918).

В службе с 1910. Участник 1-й мир. войны. Подполковник. Награжден 4-мя Георгиевскими крестами. После Октябрьской революции избран ком-ром полка, нач-к 25-й стрелк. дивизии (11.1918—2.1919; 9—10.1919), нач-к 49-й стрелк. дивизии (6—9.1919), команд. 4-й (10.1919—4.1920), 2-й трудовой (4—6.1920), 12-й (6—8.1920) армиями. В распоряжении Главкома ВС (9.1920—3.1921), ком-р 2-й пограничной дивизии Западного фронта (4.1921—9.1922), 6-го стрелк. корпуса (10.1922—6.1924), в резерве РККА для особых поручений (7—11.1924), в распоряжении Гл. управления РККА (11.1924—3.1925), пом. команд. войсками Туркестанского фронта (4.1925—3.1926).

Военный атташе при полпредствах СССР в Финляндии (4.1926—3.1929), Италии (3.1929—12.1930).

Зав. военным сектором Всесоюзного комитета по стандартизации при Совете Труда и Обороне (1931—1935), зам. председателя ЦК Осовиахима (1935—6.1937).

Награжден: 2 орд. Красного Знамени (1920, 1922).

Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно в 1956.

ГЕККЕР Анатолий Ильич — 6.9.1888, г. Тифлис, ныне Тбилиси, Грузия — 1.7.1938, Москва.

Русский. Комкор (21.11.1935). В РККА с 1918. Член компартии с 1917. Окончил Владимирское воен. уч-ще в С.-Петербурге (1909), курсы при Николаевской воен. акад. (1916—1917).

В службе с 1907. Ком-р роты 102-го Вятского полка в г. Гродно, с 1913 в отд. корпусе пограничной стражи. Участник 1-й мир. войны на Румынском фронте. Дивизионный комендант штаба 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. После Февральской революции член комитета 33-го арм. корпуса, с ноября нач-к штаба того же корпуса. Дважды ранен. Штабс-капитан. За боевые действия награжден четырьмя орденами.

С дек. 1917 нач-к штаба 8-й армии, с янв. 1918 — временно команд. той же армией, с марта — команд. Донецкой армией, с апр. нач-к штаба Верховного главнокоманд. сов. войсками Юга России. Военный комиссар Беломорского ВО (5—7), участвует в подавлении антисоветского мятежа в Ярославле, команд. Вологодским тыловым р-ном, войсками Котласского р-на и Сев. Двины (7—12), нач-к Астраханского УР (12.1918—2.1919), 13-й стрелк. дивизии (2—4), команд. 13-й армией (4.1919—2.1920). Ранен. Нач-к штаба войск внутренней охраны (4—7), команд. 11-й армией (9.1920—5.1921), Отд. Кавказской армией (5.1921—01.1922), зам. нач-ка, нач-к Воен. акад. РККА (01—8.1922).

Военный атташе при полпредстве СССР в Китае (8.1922—11.1925). В распоряжении Гл. управления РККА, находясь на различных должностях на КВЖД (11.1925—11.1930).

Военный атташе при полпредстве СССР в Турции (2.1931—11.1933). В распоряжении Развед. управления РККА (12.1933—5.1934). Нач-к отдела внешних сношений НКО (6.1934—2.1937). В распоряжении Команд. управления РККА с февр. 1937.

Награжден: орд. Красного Знамени Армении № 1 (1921), РСФСР (1921), Красного Знамени Азербайджана (1929).

Незаконно репрессирован в 1937. Реабилитирован посмертно в 1956.

ГОРЕВ Владимир Ефимович — 10.10.1900, дер. Шапорово, ныне Велижского р-на Смоленской обл. — 20.6.1938, Москва.

Белорус. Комдив (1937). В РККА с 1918. Член партии анархо-коммунистов (1915—1920), член компартии с 1920. Окончил полный курс гимназии в Петрограде (1917), Военную акад. РККА (10.1923—5.1925), общевоинское отд-е КУВНС при Военной акад. им. М. В. Фрунзе (1927—1928).

Сотрудник канцелярии Военной акад. РККА, боец партизанского отряда «Буревестник», в распоряжении ПО 2-й армии, Юго—Восточного фронта, военный следователь, в распоряжении ком-ра 51-й бригады, нач-к команды пеших разведчиков 153-го стрелк. полка, воен. следователь особого отдела полномочного представителя ВЧК Западного фронта (7.1918—10.1920), нач-к сектора особого отдела 1-й польской армии, уполномоченный особого отдела 16-й армии, пом. нач-ка операт. части особого отдела Западного фронта, временно нач-к секретариата особой части того же фронта (10.1920—8.1921), нач-к секретно-операт. части Юго-Западного фронта (8—12.1921), особого отдела Московского ВО (12.1921—7.1922), зам. нач-ка особого отдела того же округа (7.1922—10.1923).

Военный советник в Китае на юге страны (псевдоним Никитин — 5.1925—10.1927), военный руководитель коммунистического университета трудящихся Востока (10.1927—12.1928), стажер ком-ра 99-й стрелк. полка (1929). В Развед. управлении штаба РККА (01.1930—5.1933). Пом. нач-ка автобронетанкового управления ЛВО (5.1933—2.1935), ком-р и военком 31-й отд. мех. бригады (2.1935—9.1936).

Военный атташе при полпредстве СССР в Испании (8.1936—12.1937).

Награжден: орд. Красной Звезды (1936).

Незаконно репрессирован (25.01.1938). Реабилитирован посмертно 13.10.1956.

ГУСЕВ Николай Николаевич — 27.11.1897, дер. Бродниково, ныне Торжокского р-на Тверской обл. — 6.5.1962, Москва.

Русский. Генерал-полковник (5.5.1945). В Сов. Армии с 1918. Член компартии с 1919. Окончил Высшие курсы комсостава в Харькове (1923—1924), курсы ПВО (1928), курсы усовершенствования комсостава (1929, 1931), ускоренный курс Акад. Генштаба (11.1940—7.1941).

В русской армии 1916-17. Унтер-офицер. В годы Гражд. войны ком-р эскадрона, участвовал в боях на Вост. и Южн. фронтах, в вооруженной борьбе на Украине. После войны ком-р отд. эскадрона, кав. полка, нач-к штаба кав. дивизии. В Генштабе с 1935 — секретарь партбюро, военком штаба.

Во время Вел. Отеч. войны в Действующей армии. Ком-р 25-й кав. дивизии (7.1941—01.1942), 13-го кав. корпуса (01—6.1942), команд. 4-й (6.1942—10.1943), 20-й (11.1943—4.1944), 47-й (5—11.1944), 48-й (12.1944—10.1945) армиями. Команд. войсками Казанского ВО (10.1945—5.1946), отд. мех. армией (7.1946—9.1950).

Военный атташе при посольстве СССР в Чехословакии (9.1950—1954). Нач-к 10-го Гл. управления Генштаба ВС (1954—1958), зам. нач-ка штаба Объединенных Вооруженных сил стран Варшавского договора (1960—1962).

Генерал-майор (9.12.1941), генерал-лейтенант (25.9.1943).

Погиб при исполнении служебных обязанностей. Депутат Верховного Совета СССР 2-го и 3-го созывов.

Награжден: 2 орд. Ленина, 4 орд. Красного Знамени, 2 орд. Суворова I ст., орд. Красной Звезды, «Знак Почета», медалями, иностр. орденом.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Некролог: Красная звезда. 11.5.1962.

ДЕРГАЧЕВ Иван Федорович — 23.6.1897, дер. Судаково, ныне Тульской обл.

Русский. Полковник (1939). В Сов. Армии с 1918. Окончил Московскую пехотную школу им. Ашенбреннера (9.1925—8.1927).

Красноармеец 5-го стрелк. полка 9-й армии, письмоводитель, делопроизводитель 19-й Тульской штрафной роты, статистик политсекретариата Тульского губернского во-

енкомата, адъютант, ком-р взвода, делопроизводитель 252-го стрелк. полка 84-й стрелк. дивизии (11.1918—8.1925). Ком-р взвода, пом. нач-ка хоз. довольствия, пом. ком-ра роты, ком-р роты, пом. ком-ра батальона, пом. нач-ка штаба 1933-го стрелк. полка (9.1927—3.1934), нач-к штаба 3-го танкового батальона 133-й мех. бригады (4.1934—2.1935), пом. нач-ка оператив. отд-я той же бригады (3.1935—12.1936), ком-р 2-го танкового батальона 8-й мех. бригады (01.1937—4.1938), нач-к оператив. отд-я 45-го мех., затем 25-го танкового (4.1938—10.1939) корпусов.

Военный атташе при полпредстве СССР в Болгарии (11.1939—3.1941).

Нач-к штаба 2-й танковой дивизии (4—8.1941), в составе которой вступил в Вел. Отеч. войну. Ст. пом. нач-ка оператив. отдела штаба Северо-Западного фронта (8—11.1941), преподаватель тактики Воен. акад. механизации и моторизации (11.1941—6.1944), нач-к 1-го Саратовского танкового уч-ща (7.1944—8.1946). В распоряжении нач-ка управления кадров БТМВ (9.1946—5.1947).

С мая 1947 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1945), Красного Знамени (1944), Красной Звезды (1944), медалями.

ДРАТВИН Михаил Иванович — 21.11.1897, дер. Екимово, ныне Галичского р-на Костромской обл. — 12.12.1953, Москва.

Русский. Генерал-лейтенант (1.9.1943). В Сов. Армии с 1918. Член компартии с 1919. Окончил Воен. акад. им. М. В. Фрунзе (9.1927—3.1931), ВАК при Высшей воен. акад. им. К. Е. Ворошилова (11.1951—12.1952).

В 1-ю мир. войну почтово-телеграфный чиновник телеграфной конторы при штабе Северного фронта (1916—1917). В годы Гражд. войны красноармеец, механик, нач-к кабельного отд-я, завхоз телеграфно-телефонного д-на (6.1918—2.1919), политический контролер Центрального петроградского телеграфа (3—10.1919), для поручений при нач-ке связи внутренней обороны Петрограда (10.1919—2.1920), пом. нач-ка, нач-к связи Петроградского УР (3.1920—9.1924). Участник подавления Кронштадтского восстания в марте 1921. Воен. советник в Китае (10.1924—9.1926). Ком-р 2-го отд. полка связи (10.1926—9.1927), нач-к войск связи Московского ВО (4.1931—6.1935), нач-к оператив. отдела Управления связи РККА (7.1935—5.1936), пом. нач-ка кафедры тактики высших соединений Акад. Генштаба (5.1936—8.1937). Нач-к Воен. электротехнической акад. (8—11.1937).

Военный атташе при полпредстве СССР в Китае (11.1937—7.1938). В распоряжении Развед. управления РККА (8.1938—01.1939). Нач-к 11-го отдела Генштаба РККА (01—11.1939), нач-к Управления делами НКО СССР (12.1939—4.1941), ст. преподаватель Акад. Генштаба (4—7.1941).

В Вел. Отеч. войну вступил ком-ром 273-й стрелк. дивизии (7.1941—01.1942), зам. команд. 37-й армией по тылу (01—8.1942), зам. нач-ка Управления тыла Закавказского фронта (9.1942—8.1944), в распоряжении маршала Г. К. Жукова (9—12.1944), ком-р 47-го стрелк. корпуса (01—6.1945), зам. нач-ка штаба, нач-к штаба (6.1945—5.1947), зам. Главнокоманд. Сов. воен. администрацией в Германии (5.1947—1949). Нач-к отдела внешних сношений Гл. управления Генштаба ВС (1949—4.1951), в распоряжении Гл. управления кадров МО СССР (5—10.1951). Зам. нач-ка Военно-дипломатической акад. Сов. Армии (01—12.1953).

Генерал-майор (4.6.1940).

Награжден: 3 орд. Ленина, 4 орд. Красного Знамени, орд. Суворова II ст., Кутузова II ст., Отечественной войны I ст., медалями, иностр. орденом.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Некролог: Красная звезда. 16.12.1953.

Авторы настоящих публикаций вносит дополнения и изменения в биографии, опубликованные в предыдущих номерах журнала:

Н. О. Абрамов. Похоронен на Ново-Волковском кладбище.

И. Ф. Аликов. Родился в Волгоградской обл.

В. Т. Волков. Похоронен на Серафимовском кладбище.

Л. М. Галлер. Кавалер двух орденов Ушакова I ст.

Л. Г. Гаркуша. Умер в Санкт-Петербурге 10.10.1998, похоронен на Серафимовском кладбище.

Е. Г. Глинков. Родился 21.01.1903, похоронен на Красненьком кладбище.

С. В. Славин. Умер в Москве 13.10.1992.

А. Т. Тарадин. Умер в Москве 13.3.1977.

Список сокращений

АВФ	Азовская военная флотилия	ЛК	линкор
АКОС	Академические курсы офицерского состава	МГШ	Морской Генеральный штаб
АСС	Аварийно-спасательная служба	МЗ	минный заградитель
АЭ	авиаэскадрилья	ММ	миноносец
АПЛ	атомная подводная лодка	МН	монитор
БО	Береговая оборона	МОЛ	Морская оборона Ленинграда
БП	боевая подготовка	МОР	Морской оборонительный район
БПК	Большой противолодочный корабль	МСБМ	Морские силы Балтийского моря
БПЛ	Бригада подводных лодок	МСКМ	Морские силы Каспийского моря
БФ	Балтийский флот	МСЧМ	Морские силы Черного моря
БЧ	Боевая часть	НИИ	Научно-исследовательский институт
БФЭ	Балтийский флотский экипаж	НОР	Новороссийский оборонительный район
БЭМ	Бригада эсминцев	ОВР	Охрана водного района
ВАК	Высшие академические курсы	п-в	полуостров
ВВС	Военно-воздушные силы	ПЛ	подводная лодка
ВМА	Военно-морская академия	ПЛО	противолодочная оборона
ВМБ	Военно-морская база	ПО	Политотдел
ВМС	Военно-Морские Силы	ПУ	Политическое управление
ВМУЗ	Военно-морские учебные заведения	РВСН	Ракетные войска стратегического назначения
ВМФ	Военно-Морской Флот	РККА	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
ВС	Вооруженные силы	РТС	Радиотехническая служба
ГМШ	Главный морской штаб	СБФ	Северо-Балтийский флот
ГПУ	Главное Политическое управление	СКР	сторожевой корабль
ГРУ	Главное разведывательное управление	СНиС	служба наблюдения и связи
ГС	гидрографическое судно	СОР	Севастопольский оборонительный район
Д-н	дивизион	ТКА	торпедный катер
ДнВФ	Днепровская военная флотилия	ТОФ	Тихоокеанский флот
ДОСААФ	Добровольное общество содействия армии, авиации, флоту	ТЩ	тральщик
ДПЛ	дивизион подводных лодок	УБП	Управление боевой подготовки
ДТЩ	дивизион тральщиков	УК	Управление кадров;
ДЭМ	дивизион эсминцев	УОПП	Управление кораблестроения
КАФ	Краснознаменная Амурская флотилия	УР	Учебный отряд подводного плавания
КЛ	канонерская лодка	УС	укрепленный район
КР	крейсер	УС	учебное судно
КУВНАС	Курсы усовершенствования высшего начсостава	ФКП	флагманский командный пункт
лбап	легкий бомбардировочный авиаполк	ЧФ	Черноморский флот
ЛВФ	Ладожская военная флотилия	ЦКБ	Центральное конструкторское бюро эсминцев
		ЭМ	эсминец

В. М. Лурье

Адмиралы Военно-Морского Флота СССР*

ВАРГАНОВ Владимир Федорович — 5.2.1928, Севастополь, Украина.

Русский. Вице-адмирал (23.10.1984). В ВМФ с 1946. Окончил Бакинское военно-мор. подготовит. уч-ще (8.1943—8.1946), Высшее военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе с отличием (9.1946—9.1950), Высшие специальн. офицерские классы при Черноморском высшем военно-мор. уч-ще им. П. С. Нахимова (12.1953—9.1954), Высшие специальные офицерские классы (11.1957—7.1958), команд. фак-т Военно-мор. акад. (8.1966—6.1969).

Юнга, воспитанник (7.1941—8.1943) в Севастополе, Потн. Ком-р БЧ-3 ЭМ «Проворный» (8—11.1950), нач-к РТС ЭМ «Бодрый» (11.1950—2.1951), ком-р БЧ-3 ЭМ «Беззаветный» (2.1951—12.1953), пом. ком-ра ЭМ «Бесстрашный» (10.1954—6.1955) ст. пом. ком-ра ЭМ «Бесследный» (6.1955—11.1957), ЭМ «Вдохновенный» (9.1958—7.1960), ком-р этого ЭМ (7.1960—2.1963) ЧФ. Ст. пом. ком-ра КР «Александр Суворов» (2—12.1963), КР «Адмирал Сенявин» (12.1963—10.1964), ком-р этого КР (10.1964—8.1966) ВМБ «Стрелок», Зам. нач-ка УБП ТОФ (6.1969—8.1971) нач-к штаба (8.1971—11.1975), ком-р (11.1975—10.1979) операт. эскадры кораблей ТОФ. Нач-к штаба — зам. ком-ра ВМБ ЧФ (10.1979—8.1983), ком-р этой базы (8.1983—5.1989).

С мая 1989 в запасе.

Награжден: орд. Отечественной войны I ст. (1985), 2 орд. Красной Звезды, медалями.

ВАСИЛЬЕВ Иван Федорович — 1.5.1944 г. Кременчуг, ныне Полтавской обл., Украина.

Русский. Адмирал (5.5.1995). В ВМФ с 1963. Окончил Калининградское высшее военно-мор. уч-ще экстерном (2.1972), командно-тыловой фак-т Военной акад. тыла и транспорта с золотой медалью (9.1973—6.1976).

Курсант Черноморского флотского экипажа, ученик минера, минер, ст. минер, ком-р отд-я минеров (9.1963—11.1966) ЧФ. Курсант курсов подготовки мл. офицеров 58-х флотских офицерских курсов БФ (11.1966—7.1967), курсант курсов подготовки мл. офицеров при филиале Высшего военно-мор. уч-ща им. М. В. Фрунзе в Калининграде (7—9.1967). В распоряжении команд. ЧФ (9—11.1967).

Ком-р зенитной батареи (11.1967—12.1968), пом. ком-ра по снабжению (12.1968—9.1973) ЭМ «Серьезный» ЧФ. Ст. офицер штаба тыла (6.1976—3.1984), зам. нач-ка штаба тыла (3.1984—2.1986) ВМФ. Нач-к тыла фл-и АПЛ СФ (2.1986—1.1991), зам. нач-ка

* Продолжение. См.: «Новый Часовой» № 1—7.

тыла (1.1991—9.1992), нач-к тыла (9.1992—12.1994) ВМФ, зам. главнокомандующего ВМФ по тылу — нач-к тыла ВМФ с 23.12.1994.

Контр-адмирал (15.10.1990), вице-адмирал (9.6.1993).

Награды СССР: орд. «Знак Почета» (1981), медали.

Награды РФ: орд. «За военные заслуги» (1996).

В. — первый в истории тыла ВМФ нач-к тыла со специальным образованием, вносит большой вклад в поддержание высокой боевой готовности соединений кораблей и частей ВМФ.

ВИРГИНСКИЙ Василий Николаевич — 26.6.1922, г. Рыбница, Молдавия.

Украинец. Вице-адмирал (14.2.1978). В ВМФ с 1940. Окончил Высшее военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (7—10.1941; 4.1942—4.1944), Высшие спец. офицерские классы ВМС (01—10.1950), команд. фак-т Военно-мор. акад. (9.1958—6.1961), учился в Военно-мор. пограничном (10.1941—01.1942) и Каспийском высшем военно-мор. (01—04.1942) уч-щах.

Принял участие в Вел. Отечественной войне на Ленинградском фронте и на Черноморском флоте. Минер ДТЩ (5—12.1944), флагфицер команд. ЧФ (12.1944—12.1946).

Ком-р БЧ-2-3 ТЩ «Т-191» (12.1946—12.1947), флагфицер команд. флотом (12.1947—11.1948) ЧФ. В распоряжении УК ВМС (11.1948—3.1949), нач-к секретариата 1-го зам. Главкома ВМС (3.1949—01.1950), в распоряжении команд. флотом (10—12.1950), пом., ст. пом. ком-ра ЭМ «Лихой» (12.1950—6.1951), «Беспокойный» (6.1951—01.1953), ком-р ЭМ «Буйный» (01.1953—6.1955), ст. пом. ком-ра (6.1955—11.1956), ком-р (11.1956—9.1958) Кр «Адмирал Нахимов», нач-к 4-го отдела (8.1961—9.1966), зам. нач-ка штаба ЧФ (9.1966—6.1969). Ком-р бригады кораблей резерва (6.1969—12.1970) СФ. В распоряжении нач-ка ГО СССР (12.1970—6.1972). Пом., зам. команд. БФ по ГО (6.1972—10.1974), ком-р ВМБ ЧФ (10.1974—8.1983). В распоряжении команд. ЧФ (8—11.1983).

Контр-адмирал (21.2.1969).

Награжден: орд. Отечественной войны I ст. (1985), Красной Звезды (1954), «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III ст. (1975), медалями.

ГЕНКИН Абрам Львович — 30.01.1909, г. Орша, Белоруссия.

Еврей. Инженер-вице-адмирал (13.4.1964). В ВМФ с 1933. Окончил 4 курса Ленинградского электротехн. ин-та (1930—1933), фак-т связи Военно-мор. акад. м. К. Е. Ворошилова (12.1933—7.1938).

Адъюнкт (7.1938—9.1941), ассистент кафедры радиотехники фак-та связи (9.1941—10.1942), исп. должн. доцента кафедры телемеханики (10.1942—3.1943), Военно-мор. акад. Нач-к 5-го отд-я 3-го отдела (3—7.1943). Зам. нач-ка отдела специальных приборов Управления связи ВМФ (7.1943—4.1945), зам. нач-ка Управления радиолокации (4.1945—4.1953), отдела радиолокации (4—6.1953), зам. нач-ка 5-го отдела ВМС — зам. нач-ка РТС службы (6—8.1953), зам. нач-ка 5-го управления (8.1953—10.1957) ВМФ. Нач-к Института № 14 ВМФ (10.1957—01.1959). Нач-к 5-го Управления ВМФ (01.1959—3.1970).

Инженер-контр-адмирал (18.2.1958).

С марта 1970 в запасе.

Награжден: орд. Красного Знамени (1953), 2 орд. Отечественной войны I ст. (1945, 1985), Красной Звезды (1943, 1949), медалями.

ГОЛОВКО Арсений Григорьевич — 10(23).6.1903, станица, ныне г. Прохладный Кабардино-Балкарской республики — 17.5.1962, Москва.

Русский. Адмирал (31.3.1944). В ВМФ с 1925. Член Компартии с 1927. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (11.1925—5.1928), минный сектор Спецкурсов состава ВМС РККА (10.1930—5.1931), команд. фак-т Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (8.1936—5.1938).

Вахтенный нач-к ЭМ «Фрунзе» МСЧМ (5—9.1928), ком-р взвода, завхоз, штурман КЛ «Ленин» (9.1928—11.1929), групповой штурман КЛ КЛ (11.1929—10.1930) МСКМ, дивизионный минер ДЭМ МСБМ (5—11.1931), преподаватель Спецкурсов состава ВМС РККА (11.1931—3.1932). Флагминер бригады траления и заграждения (3.1932—01.1933), нач-к штаба отряда (01—3.1933), бригады (3.1933—12.1934) ТКА, ком-р бригады ТКА (12.1934—3.1935), нач-к штаба этой же бригады (3.1935—8.1936) ТОФ. В период нац.-революц. войны в Испании (1936—1939) военный советник при ком-ре Картахенской ВМБ республиканского флота. Исп. должн. нач-ка штаба СФ (5—6.1938), ком-р ДЭМ (6—8.1938) этого же флота. Командующий Каспийской (8.1938—7.1939), Амурской (7.1939—7.1940) военной фл-лиями. С июля 1940 — командующий СФ. 17 июня 1941 г., исходя из обстановки, самостоятельно принял решение о переводе сил флота в оперативную готовность № 2, а 19 июня приказал рассредоточить подводные лодки и готовить их к выходу в море.

С начала Вел. Отеч. войны Г. основные силы флота направил на авиац. и артил. поддержку войск 14-й армии, перевозку боевой техники, боеприпасов, продовольствия. Под его руководством СФ сыграл важную роль в отражении наступления нем.-фаш. войск на Мурманск и в обороне побережья Баренцева моря. В ходе войны Г. умело сочетал поиск новых форм и методов ведения вооружен. борьбы на море, поддерживал все новое, рождавшееся в период боевых действий: применение авиацией топ.-мачтового бомбометания и низкого торпедометания; проведение разнородными силами флота операций на коммуникациях пр-ка; использование ПЛ методом нависающей завесы. Г. большое внимание уделял разбору боевых походов, анализу возможных вариантов действий. В ходе Петсамо-Киркенесской наступат. операции (окт. 1944) Г. умело применял высадку мор. десантов, которые оказали эффективную помощь наступ. сух. войскам 14-й армии в разгроме пр-ка в Заполярье, освобождении р-на Печенги и Сев. Норвегии. Силы СФ под команд. Г. провели ряд самостоятельных операций с целью охраны внутренних коммуникаций в Арктике и конвоев, нарушения мор. коммуникаций пр-ка; для обороны союзных конвоев корабли флота совершили 868 выходов в море, обеспечили проводку более 1,4 тыс. транспортов. Адм. флота Сов. Союза Н. Г. Кузнецов отмечал, что Г. «... был одним из наиболее образованных военачальников нашего Военно-Морского Флота и пользовался большим авторитетом... Успешные действия флота на Севере — лучшая аттестация для командующего...». Г. проявил себя энергичным, инициативным и волевым командующим.

После окончания войны оставался в прежней должности. Зам. нач-ка (2.1947—3.1950) Гл. штаба ВМС — зам. Главкома ВМС, нач-к МГШ — 1-й зам. Военно-мор. министра СССР (3.1950—8.1952), команд. 4-м ВМФ (8.1952—01.1956), БФ (01—11.1956), 1-й зам. Главкома ВМФ с ноября 1956. Г. в послевоенные период внес существенный вклад в строительство ВМФ, в совершенствование боевой и операт. подготовки, повышение боеготовности флотов, в подготовку и воспитание личного состава флота. «Адмирал Головкин А. Г. с ноября 1956 года работает первым заместителем Главнокомандующего ВМФ. Имеет хорошую оперативно-тактическую подготовку и богатый опыт руководящей, командной и штабной работы в условиях мирного и военного времени. Весь период Великой Отечественной войны успешно командовал Северным флотом и более четырех лет Балтийским флотом. ...Является крупным военачальником и хорошим организатором. Направление в строительстве и развитии флота, а также роль флота в современной войне понимает правильно. Как первый заместитель Главнокомандующего ВМФ со знанием дела руководит

флотами, центральными учреждениями и службами, направляя их деятельность на улучшение качества боевой подготовки и повышение боеспособности ВМФ...», — отмечалось в аттестации руководителей Министерства обороны СССР.

Контр-адмирал (4.6.1940). Вице-адмирал (16.9.1941).

Награжден: 4 орд. Ленина (1943, 1944, 1950, 1956), 4 орд. Красного Знамени (1938, 1941, 1945, 1956), 2 орд. Ушакова I ст. (1944, 1945), орд. Нахимова I ст. (1944), 2 орд. Красной Звезды (1944), медалями, орд. Св. Олафа степени Большого Креста (Норвегия), Единства и Братства, Партизанская звезда I ст. (Югославия).

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Некролог: Красная звезда. 18.5.1962.

Соч.: Вместе с флотом. 2-е изд., М.: Воениздат, 1979. 285 с.

Первые дни. М.: Воениздат, 1958. 48 с.

Дневник. (ЦВММ).

ГОЛОСОВ Рудольф Александрович — 14.11.1927, с. Устье, ныне Калязинского р-на Тверской обл.

Русский. Вице-адмирал (25.10.1979). Герой Сов. Союза (4.11.1978). Профессор (1991). В ВМФ с 1945. Окончил 2-ю Ленинградскую военно-мор. спец. школу в г. Тара Омской обл. (1944), Ленинградское военно-мор. подготовит. уч-ще с золотой медалью (1945), ВВМУ им. М. В. Фрунзе (9.1945—9.1949) с отличием, ВСОК подводного плавания при 1-м ВВМУ подводного плавания (11.1953—11.1954) с отличием, команд. факт ВМА (9.1962—6.1965) с отличием и золотой медалью, Воен. акад. Генштаба ВС (7.1969—6.1971) с отличием и золотой медалью.

Штурман, пом. и ком-р ПЛ «С-25», ст. пом. ком-ра ПЛ «С-26» (9.1949—11.1953) СФ. Ком-р ПЛ «М-236», ПЛ «С-145», ПЛ «Б-72» (11.1954—10.1959), нач-к штаба, ком-р 125-й БПЛ (10.1959—7.1961), зам. ком-ра (7.1961—9.1962), нач-к штаба (7.1961—11.1966) 29-й ДиПЛ, нач-к штаба 15-й ЭкспЛ (11.1966—8.1969) ТОФ. Ком-р 11-й ДиПЛ (7.1971—8.1974), нач-к штаба (8.1974—4.1978), команд. (4.1978—2.1980) 1-й фл-ией ПЛ СФ. С 22.08 по 6.9.1978 под команд. Г. группа АПЛ впервые в истории ВМФ совершила совместный переход из Заполярья на Дальний Восток в условиях постоянного контакта и непрерывной связи по гидроакустическом каналам. За умелое и грамотное руководство групповым межтеатровым переходом АПЛ, успешное выполнение поставленной задачи присвоено звание Героя Сов. Союза. Нач-к штаба ТОФ (2.1980—5.1983). Нач-к кафедры операт. искусства ВМФ Воен. акад. Генштаба ВС (8.1986-10.1990).

С нояб. 1990 в запасе.

Контр-адмирал (8.11.1971).

Награжден: орд. Ленина (1978), Красного Знамени (1959), Красной Звезды (1956), «За службу Родине в ВС СССР» II ст. (1989), III ст. (1975), медалями, именованным оружием (1977).

Член-кор. РАЕН (1992), акад. международной акад. информатики (1994).

ГОЛУБЕВ-МОНАТКИН (МОНАТКИН до 1924 г.) Иван Федорович — 28.01.(10.2)1897, дер. Пеньково, ныне Плавского р-на Тульской обл. — 10.8.1970, Москва.

Русский. Контр-адмирал (22.01.1944). В РККА с 1919. В ВМФ с 1920. Член компартии с 1921. Окончил курсы комсостава Черного и Азовского морей (9.1921), Военно-мор. уч-ще (9.1921—5.1925), военно-мор. фак-т Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (11.1927—5.1930). В старом флоте с октября 1916. Радиотелеграфист 2-го БФЭ в Петрограде, учебно-минного отряда в Кронштадте. Матрос 2-й статьи. В июле 1918 демобилизован.

В годы Гражд. войны в составе Волжской, Волжско-Каспийской и Днепровской воен. фл-лий красноармеец, краснофлотец, радиотелеграфист. Вахтенный, ст. вахтенный нач-к КР «Коминтерн» (5.1925—11.1926) МСЧМ. Пом. нач-ка курса Военно-мор. инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского (11.1926—10.1927). Нач-к оперативного отдела штаба МСКМ (01—3.1931), пом. нач-ка сектора Оперативного управления штаба РККА (3.1931—3.1932), нач-к этого сектора (3.1932—3.1935). Нач-к I-го отд-я мор. отдела ГШ РККА (3.1935—2.1937). Нач-к Оперативного отдела штаба БФ (02.1937—6.1938). Нач-к штаба СФ (6.1938—7.1940).

Участник сов.-финл. войны (1939—1940). Под руководством Г.-М. штабом флота были составлены планы и организация проведения операций по захвату Петсамо и минных постановок, была разработана организация и обеспечение перевозок морем войск 14-й армии из Мурманска в Петсамо и обратно после окончания войны. Зам. нач-ка Операт. Управления ГМШ с сент. 1940.

В Вел. Отеч. войну вступил в прежней должности, одновременно нач-к ФКП НК ВМФ, нач-к Операт. Группы при Оперативном Управлении ГМШ, затем при НК ВМФ. Ком-р Туапсинской ВМБ (3—12.1943). Участвовал в Новороссийской наступательной операции (сент. 1943), в действиях по очищению от пр-ка Кавказского побережья, в десантной операции на Керченский п-ов. Ком-р Одесской ВМБ (12.1943—01.1944 по документам). Нач-к штаба ЧФ (01—11.1944). Под руководством Г.-М. штаб флота спланировал и провел совместно со штабами 4 Укр. фронта и Отд. Примор. армией Крымскую операцию 1944, а также операцию по овладению ВМБ Румынии и Болгарии, значительную работу по освоению флотом р-нов побережья, освобожденных от пр-ка, очищению от мин подходов к портам и базам. Нач-к Оргстроевого управления ВМФ (11.1944—4.1945). Нач-к Каспийского высшего военно-мор. уч-ща им. С. М. Кирова с апр. 1945.

После окончания войны оставался на прежней должности. 1-й зам. председателя (4—8.1949), председатель (8.1949—1951) ЦК ДОСААФ СССР, зам. председателя Оргкомитета ДОСААФ СССР (1951—4.1953). В распоряжении УК ВМС (4—8.1953), ст. преподаватель кафедры тактики высших соединений ВМС Высшей воен. акад. им. К. Е. Ворошилова (8.1953—6.1954), нач-к кафедры использования боевых средств ВМС (6.1954—12.1955), нач-к кафедры ВМФ (12.1955—7.1959) Военно-полит. акад. им. В. И. Ленина.

С июля 1959 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1945), 3 орд. Красного Знамени (1944—2.1950), орд. Отечественной войны I ст. (1943), медалями, именованным оружием (1957).

Похоронен на Введенском кладбище.

Некролог: Красная звезда. 19.8.1970.

ГОНТАЕВ Алексей Михайлович — 26.9.1919, г. Кривой Рог, Украина.

Русский. Вице-адмирал (5.11.1973). Кандидат военно-мор. наук. В ВМФ с 1938. Окончил курс электротехнического ин-та в Ленинграде (1938), Высшее военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (8.1938—01.1942), Высшие спец. классы офицерского состава подводного плавания и ПЛО ВМС (01—11.1948), команд. фак-т Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (12.1952—10.1955).

Специалист (9.1942—11.1943), нач-к (11.1943—4.1944) 3-го отд-я, ст. офицер штабной сл. 4-го отд-я (4.1944—10.1945), офицер штабной службы 2-го отд-я «А» (10.1945—3.1946) разведотдела БФ. Нач-к штаба 8-го берегового радиоотряда СБФ (3.1946—7.1947), 8-го мор. радиоотряда 8-го ВМФ (7.1947—01.1948). В распоряжении команд. того же флота (11.1948—01.1949). Нач-к штаба 182-й БПЛ (10.1955—10.1957), ком-р этой бригады

(10.1957—10.1958), нач-к штаба (10.1958—9.1959), ком-р (9.1959—8.1961) 10-й дивизии ПЛ, ком-р 15-й эскадры ПЛ и ЧВС ТОФ (8.1961—4.1963).

Нач-к 3-го восточного направления ОУГШ ВМФ (4.1963—9.1968). Адмирал-инспектор подводных сил Инспекции ВМФ Гл. инспекции МО (9.1968—5.1972).

С июня 1972 в запасе.

Награжден: орд. Красного Знамени (1944), Отечественной войны I ст. (1985), 3 орд. Красной Звезды (1943, 1953, 1966), медалями.

ГОНЧАРОВ Леонид Георгиевич — 19(2).4(3).1885, г. Кронштадт — 23.4.1948, Москва.

Выдающийся специалист в области боевых средств флота.

Русский. Вице-адмирал (4.6.1940). Доктор военно-мор. наук (1941), профессор (1927), засл. деятель науки и техники РСФСР (1944). В ВМФ с 1918. Беспартийный. Окончил Морской кадетский корпус (9.1897—5.1903), артил. офицерский класс (10.1908—2.1909), Николаевскую Мор. акад. (9.1909—4.1912). В старом флоте с 1901.

Вахтенный нач-к КР «Генерал-адмирал» (5.1903—4.1904), ММ «Резвый» (4—9.1904), ст. штурман КР «Рион» (9.1904—01.1905), штурман КР «Генерал-адмирал» (01—8.1905), «Герцог Эринбургский» (8.1905—01.1907), ревизор УС «Рига» (9.1907—4.1908), ком-р шхуны «Забава» (4—10.1908), ст. штурман УС «Петр Великий» (2—9.1909), прикомандирован к штабу командующего БФ (4.1912—4.1914), ст. офицер по операт. части штаба флота (6—10.1913), преподаватель Николаевской Мор. акад. (10.1913—4.1914), ст. флаг-офицер 2-й бригады КР (4.1914—01.1915), ст. офицер УС «Петр Великий» (01—6.1915), ком-р ММ «Лейтенант Ильин» (6.1915—01.1916), «Миклухо-Маклай» (01.1916—3.1917), исп. обяз. нач-ка отдела МГШ (3—6.1917). Участник I-й мировой войны. Преподаватель в артил. и минном офицерских классах (1911—1917), нач-к организационно-тактического отдела МГШ (6.1915—01.1916 — по совместительству), с 3.1917 по 2.1919 — штатный нач-к отдела. Капитан I ранга (1917).

Профессор Военно-мор. акад. (01.1918—10.1930), по совместительству — нач-к Соединенных классов флота (3.1920—2.1922), член Военно-мор. исторической комиссии по исследованию опыта войны на море в 1914—1918 гг. (9.1918—5.1923), преподаватель в Военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (2.1922—3.1926), сотрудник минно-тральной части Остехбюро НТО ВСНХ (2.1923—10.1926), внештатный сотрудник там же (10.1926—10.1930). Ст. руководитель цикла «Морская тактика» и «Минная стрельба» (3.1924—3.1926), нач-к фак-та военно-мор. оружия (3.1926—10.1930) академии. Член Мор. Технического комитета УМС РККА (3.1926—10.1930). Репрессирован 14 октября 1930, осужден 30 апреля 1931, освобожден 18.7.1931. Реабилитирован и восстановлен в кадрах ВМФ. Преподаватель (7.1931—7.1935), нач-к кафедры тактики оружия (7.1935—7.1939), тактических свойств оружия (7.1939—9.1945) артил. фак-та Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова. Нач-к кафедры тактических свойств боевых средств Военно-мор. акад. кораблестроения и вооружения им. А. Н. Крылова (9.1945—4.1948). Репрессирован 10.4.1948. Умер в Лефортовской тюрьме. Реабилитирован в июле 1953.

Г. привлекался в качестве консультанта по вопросам вооружения наших кораблей в различных ЦКБ, заводах, НИИ, НКВМФ; в качестве председателя и члена различных Госкомиссий по приемке новых кораблей и новых образцов оружия. Штатный консультант в специальном снаряжном бюро НКТИ (1935—1937).

Автор многочисленных трудов и учебных курсов, в т. ч. трехтомного учебника «Боевое использование корабельной артиллерии» (Сталинская премия 1943).

Награды России: орд. Св. Анны 2 ст. (1915) с мечами (1916), Св. Станислава 2 ст. (1914) с мечами (1915), Св. Владимира 4 ст. (1913), Св. Станислава 3 ст. (1908).

Награды СССР: орд. Ленина (1945), Красного Знамени (1944), Отечественной войны I ст. (1945), Трудового Красного Знамени (1943), Красной Звезды (1936), медали.

Соч.: Начала теории вероятностей и теории ошибок в приложении к вопросам морской тактики. 4-е изд. Л., 1938. 239 с.

Морская артиллерия. М.; Л., 1940. 40 с.

Боевые надводные корабли Военно-Морского Флота. М.; Л., 1941. 108 с.

ГОРОХОВ Андрей Сергеевич — 01.09.1905, Слобода Головка, ныне Литвиновский р-н Ростовской обл. — 30.10.1968, Москва.

Русский. Инженер-вице-адмирал (18.02.1958). В ВМФ с 1933. Член компартии с 1931. Окончил энергетический фак-т Одесского Политехнического ин-та (1931), Курсы ускоренной подготовки инженер-механиков МС РККА (10.1933—02.1935). Ком-р машинной группы (02.1935—09.1938), котельной группы, д-на движения ЛК «Марат» (09.1938—02.1939).

С февраля 1939 флагманский инженер-механик штаба БФ. Участник сов.-финл. войны 1939—1940.

После окончания войны продолжил службу в прежней должности. Нач-к вооружения и судоремонта 8-го ВМФ (03.1950—11.1952), Управления эксплуатации кораблей ВМС (11.1952—04.1953; 03.1954—05.1956), 1-го отдела — зам. нач-ка Технического управления ВМС (04.1953—03.1954). Зам. нач-ка вооружения и судоремонта ВМФ (05.1956—09.1958), кораблестроения и вооружения ВМФ (09.1958—04.1961). Нач-к Технического управления ВМФ (04.1961—04.1963), Зам. нач-ка Тыла ВМФ (04.1963—07.1965), нач-к 1-го отдела — зам. нач-ка вспомогательного флота и АСС ВМФ (07.1965—02.1967).

С марта 1967 в запасе.

Инженер-контр-адмирал (11.05.1949).

Награжден: 2 орд. Красного Знамени (1942, 1953), орд. Нахимова II ст. (1945), Отечественной войны I ст. (1944), Красной Звезды (1949), медалями.

Некролог: Красная звезда. 3.11.1968.

ГРЕН Иван Иванович — 25.12.1898 (6.01.1899), близь Фелли, ныне Вильянди, Эстония — 19.9.1960, Москва.

Эстонец. Вице-адмирал (17.6.1942). В ВМФ с 1918. Член компартии с 1918. Окончил школу юнг в Кронштадте (1914—1915), Уч-ще командного состава флота (10.1918—6.1922), артил. класс Спец. курсов комсостава ВМС РККА (12.1923—2.1925). В старом флоте с 1914. Плавал на кораблях Учебно-артил. отряда БФ (1916—1917). Матрос.

В Гражд. войну воевал курсантом в составе уч-ща против отрядов С. Н. Булак-Балаховича, участвовал в ликвидации Неклюдовского (июнь 1919), в подавлении Кронштадтского (март 1921) мятежей. Вахтенный нач-к ЭМ «Изяслав» (6—11.1922), артил. ЭМ «Амурец» (1922), «Карл Маркс» (12.1922—12.1923), флагманский артил. штаба бригады ЭМ (01.1925—12.1926), штаба МСБМ (12.1926—10.1930). Команд. БО МСЧМ (10.1930—6.1931), ком-р и военком Крымского УР (6.1931—9.1935) ЧФ. Нач-к Научно-исследовательского артил. ин-та ВМФ с окт. 1935. Принимал активное участие в проектировании и строительстве новых кораблей, в усовершенствовании артил. систем.

В Вел. Отеч. войну вступил в прежней должности. Нач-к арт-и МОЛ и Озерного р-на (7.10.1941), нач-к арт-и (10.1941—01.1943), БО (01—9.1943) БФ.

Под руководством Г. флотская арт-я активно участвовала во всех наступат. операциях Ленинградского фронта, в т. ч. и по прорыву блокады Ленинграда в янв. 1943. Устойчивость обороны города, особенно в начале его осады, в значительной степени определялась энергичными действиями Г., которые обеспечили централизованное применение

корабельной и береговой арт-и. Арт-я флота стала огневым щитом города. В распоряжении НКВМФ (9—12.1943). Гл. артил. (01.1944—4.1945), нач-к УБП Гл. штаба ВМФ с апр. 1945.

После окончания войны Г. оставался в прежней должности. В связи с ухудшением здоровья переведен в Ленинград. Нач-к АК ОС — зам. нач-ка Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (12.1946—3.1959), на длительном излечении (3.1959—01.1960).

С янв. 1960 в отставке.

Награжден: 2 орд. Ленина (1945), 4 орд. Красного Знамени (1942, 1943, 1944, 1948), орд. Нахимова I ст. (1945), медалями.

Контр-адмирал (4.6.1940). Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Некролог: Красная звезда. 22.9.1960.

ГРИГОРЬЕВ Виссарион Виссарионович — 4(17).4.1907, г. Данков, ныне Липецкой обл. — 12.10.1992, Москва.

Русский. Вице-адмирал (8.7.1945). Кандидат географических наук. В ВМФ с 1926. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (10.1926—4.1930), команд. фак-т Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова досрочно (9.1937—6.1940).

Вахтенный нач-к (5.1930—4.1931), пом. ком-ра (4 — 12.1931) КЛ «Пролетарий», МН «Ленин» (12.1931—01.1934), ком-р МН «Красный Восток» (01.1934—9.1937) АКВФ. Нач-к штаба Дн. (6—7.1940), ДуВФ с июля 1940.

В Вел. Отеч. войну вступил в прежней должности. В связи с выходом осенью 1941 нем.-фашистских войск на подступы к Керчи, на фл-лию была возложена задача содействовать войскам 51-й отд. армии в обороне Керченского п-ва. Штаб успешно организовал выполнение задачи, а после отхода и эвакуации советских войск с Керченского п-ва помог команд. быстро и организованно расформировать фл-лию, ее корабли и части передать в состав АВФ и Керченской ВМБ. Нач-к штаба Новороссийской ВМБ (11.1941—7.1942), нач-к отдела речных и озерных фл-лий УБП ВМФ (7.1942—5.1943), нач-к штаба Волжской (5—9.1943), команд. Дн. военной фл-лии с сент. 1943. Дн. ВФ взаимодействовала с сухопутными войсками и оказывала им помощь в форсировании водных преград. Летом 1944 в ходе стратегической операции «Багратион» корабли фл-лии под команд. Г. приняли самое активное участие в освобождении Бобруйска на Березине и Пинска на Припяти. В центре Берлина днепровцы под команд. Г. закончили последний этап своего боевого пути.

После окончания войны оставался в прежней должности. В февр. 1947 г. зачислен в распоряжение УК ВМС, а в апр. этого же года уволен из кадров ВС. В Главсевморпути с нояб. 1947. Нач-к морских операций Западного р-на Арктики, дублер капитана линейного ледокола «Капитан Белоусов». С 1954 — научный сотрудник Московского отдела Арктического НИИ.

Контр-адмирал (25.9.1944).

Награжден: 2 орд. Красного Знамени (1943, 1946), орд. Ушакова I ст. (1945), 2 ст. (1945), Нахимова I ст. (1944), Отечественной войны I ст. (1985), 2 орд. Красной Звезды (1942, 1944), медалями, орд. Крест Грюнвальда и Виртути Милитари (Польша).

Некролог: Красная звезда. 23.10.1992.

Соч.: И корабли штурмовали Берлин. М.: Воениздат. 1984.

ГРИШАНОВЫ. 1) **Василий Максимович** — 21(3).3(4).1911, с. Болхуны, ныне Владимирского р-на Астраханской обл. — 26.12.1994, Москва.

Политработник сов. ВМФ.

Русский. Адмирал (13.4.1964). В ВМФ с 1933. Член компартии с 1932. Окончил курсы политруков при ПУ БФ (6—9.1936), военно-мор. фак-т Военно-политич. акад.

им. В. И. Ленина заочно (1941), Высшие военно-политические курсы ВМФ (10.1944—10.1945).

Краснофлотец Электромеханической школы (11.1933—7.1934), ПЛ «Красноармеец» (7—9.1934), инструктор ПО УО (9.1936—5.1938), военком (5.1938—8.1940), зам. нач-ка по политчасти (8.1940—4.1941) школы связи БФ. Участник сов.-финл. войны 1939—1940. Зам. ком-ра по политчасти (4—7.1941), военком (7.1941—10.1942), нач-к ПО (10.1942—9.1944) УО СФ. В распоряжении ГПУ ВМФ (11.1945).

Нач-к ПО Южного МОР (11.1945—9.1947) ТОФ. Зам. нач-ка ПУ 5-го ВМФ (9.1947—02.1950). Нач-к ПУ 7-го ВМФ (02.1950—5.1953), 4-го ВМФ (10.1954—01.1956), член ВС БФ (01.1956—5.1958). Член ВС — нач-к ПУ ВМФ, зам. нач-ка ГПУ СА ВМФ (5.1958—01.1980). В группе генеральных инспекторов МО СССР (01.1980—1987).

С 1987 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1971), 2 орд. Красного Знамени (1954), Отечественной войны I ст. (1985), Трудового Красного Знамени (1963), 2 орд. Красной Звезды (1943, 1949), орд. «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III ст., медалями, орденами Болгарии, КНДР, МНР, ПНР.

Похоронен на Кунцевском кладбище.

Некролог: Красная звезда. 29.12.1994.

Соч.: Все океаны рядом. М., 1994.

2) Валерий Васильевич — 18.4.1939, г. Кронштадт — 10.6.1998, Москва.

Русский. Адмирал (1995). В ВМФ с 1956. Окончил артиллерийский фак-т Высшего военно-мор. уч-ща им. М. В. Фрунзе (7.1956-7.1960), Высшие специальные офицерские классы (10.1963—8.1964), команд. фак-т Военно-мор. акад. (6.1971—6.1973), основной фак-т Военной акад. ГШ ВС (8.1980—6.1982).

Ком-р группы управления артогнем (7.1960—1962), ракетно-артил. БЧ (1962—10.1963) ЭМ «Напористый», пом. ком-ра ЭМ «Бойкий» (11.1965—8.1966), пом., ст. пом. (8.1966-9.1969), ком-р (9.1969—6.1971) БПК «Комсомолец Украины» ЧФ. Ком-р БПК «Кронштадт» (6.1973-12.1974), нач-к штаба — зам. ком-ра 120-й бригады ракетных кораблей (12.1974—10.1978), ком-р этой бригады (10.1978-8.1980), ком-р 2-й дивизии противолодочных кораблей (7.1982—1988), команд. Кольской фл-лией разнородных сил (1988—7.1991) СФ. Нач-к штаба — 1-й зам. команд. БФ (7.1991—7.1993). Зам. Главкома ВМФ по вооружению, затем зам. Главкома ВМФ по вооружению — нач. кораблестроения, вооружения и эксплуатации ВМФ (7.1993—6.1998).

Награды СССР: орд. Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III ст., медали.

Награды РФ: орд. «За военные заслуги».

Похоронен на Кунцевском кладбище.

Некролог: Красная звезда. 16.6.1998.

3) Владимир Васильевич — 17.6.1945, Соловецкие о-ва, ныне Архангельской обл.

Русский. Адмирал (1996). В ВМФ с 1963. Окончил штурманско-гидрографический фак-т Высшего военно-мор. уч-ща им. М. В. Фрунзе (9.1963—6.1968), Высшие специальные офицерские классы (10.1973—7.1974), команд. фак-т Военно-мор. акад. (7.1976—6.1978), основной фак-т Военной акад. ГШ ВС (1990—2.1992).

Ком-р электронавигационной группы БЧ-1 БПК «Проворный» (6.1968—1969), БЧ-1 Гв. ЭМ «Сообразительный» (1969—11.1970), пом. ком-ра БПК «Проворный» (11.1970—2.1971), ком-р БЧ-1 гв. ЭМ «Сообразительный» (2—11.1971), ст. пом. ком-ра БПК «Проворный» (11.1971—10.1973), ком-р БПК «Отважный» (7—10.1974), «Решительный»

(10.1974—7.1976), «Керчь» (6.1978—10.1979), нач-к штаба — зам. ком-ра 21-й бригады противолодочных кораблей (1980—6.1982), ком-р 70-й бригады противолодочных кораблей (8.1982—6.1985), нач-к штаба (6.1985—1987), ком-р (1987—1990) дивизии противолодочных кораблей ЧФ. Нач-к штаба — зам. ком-ра (9.1992—2.1993), ком-р (2.1993—11.1995) Ленинградской ВМБ, ст. мор. нач-к Санкт-Петербурга, ком-р Кронштадтской крепости. Зам. нач-ка ГШ ВС (11.1995—2.1998).

Вице-губернатор — нач-к управления административных органов г. Санкт-Петербурга с фев. 1998.

Вице-адмирал (31.12.1993).

Награды СССР: орд. Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III ст., медали.

Награды РФ: орд. «За военные заслуги».

ГРОМОВ Георгий Гаврилович — 5(18).4.1903, Санкт-Петербург — 11.3.1990, г. Петродворец, в черте Санкт-Петербурга.

Русский. Контр-адмирал (10.4.1944). В ВМФ с 1928. Член компартии с 1931. Окончил школу рулевых и сигнальщиков БФ (01—5.1921). Военно-мор. подготовит. уч-ще (10.1922—7.1924) и Военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (7.1924—10.1927), класс связи Спец. курсов комсостава ВМС РККА (10.1929—7.1930).

Юнга, матрос ТР «Анадырь» (10.1917—3.1918), вспомогательных судах Ладожского оз. (3.1918—12.1920), 1-го мор. берегового отряда в Петрограде (12.1920—01.1921), сигнальщик стор. судна «Кобчик» фл-лии ВЧК (5.1921—6.1922), старшина сигнальщиков ЛК «Парижская коммуна» (6—10.1922), пом. вахтенного нач-ка ВСОМ «Меркурий» (10.1927—5.1928), ком-р СКА «Безупречный» (5.1928—6.1929), вахтенный нач-к (6—10.1929), ст. связист (7.1930—3.1932) КР «Червона Украина» пом. нач-ка отдела связи флота (3.1932—4.1934), нач-к р-на СБ и С Крымского р-на (6.1935—01.1937), флаг. связист (01.1937—7.1938), нач-к связи (7.1938—01.1939), отдела связи ЧФ с янв. 1939.

В Вел. Отеч. войну вступил в прежней должности. В период войны Г. в сложных условиях правильно организовывал бесперебойную связь на театре.

После войны оставался в должности нач-ка отдела связи, 1-й зам. нач-ка тыла ЧФ (01.1946—4.1947), ст. инспектор Инспекции флота Гл. инспекции ВС (4.1947—6.1948). Нач-к Высшего военно-мор. уч-ща связи и радиолокации (6.1948—01.1961).

С янв. 1961 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1945), 3 орд. Красного Знамени (1943, 1944—2), орд. Нахимова II ст. (1945), Отечественной войны I ст. (1942), медалями.

Похоронен на Бабигонском кладбище.

ГРОМОВ Феликс Николаевич — 29.8.1937, г. Владивосток.

Российский военачальник.

Русский. Адмирал флота (13.6.1996). В ВМФ с 1955. Окончил артиллерийский фак-т Тихоокеанского высшего военно-мор. уч-ща им. С. О. Макарова (1955—9.1959), акад. курсы Военно-мор. акад. (1977), Военно-мор. акад. заочно (1983), ВАК Воен. акад. ГШ ВС (1986), эту же акад. экстерном (1991).

Пом. ком-ра батареи, ком-р группы управления ЭМ (9.1959—5.1960), ст. техник — пом. нач-ка расчета РВСН (5.1960—5.1961), ком-р носовой группы управления гл. калибра БЧ-2 Кр «Адмирал Сенявин» (5.1961—1966), ком-р БЧ-2 (12.1969—1970) ЭМ «Вдохновенный». Ст. пом. ком-ра Кр «Адмирал Сенявин» (1970—10.1972), ком-р Кр «Дм. Пожарский» (10.1972—1975), Кр «Адмирал Сенявин» (1975—6.1977). Нач-к штаба — зам. ком-ра учебной дивизии кораблей Ленинградской ВМБ (6.1977—2.1981), нач-к штаба

(2.1981—6.1982), ком-р (6.1982—10.1984) операт. эскадры, 1-й зам. команд. (10.1984—3.1988), команд. (3.1988—3.1992) СФ. 1-й зам. Главкома ВМФ (3—8.1992), Главком ВМФ (8.1992—11.1997).

Контр-адмирал (17.12.1982), вице-адмирал (1985), адмирал (1988).

Награды СССР: орд. Октябрьской Революции, «За службу в Вооруженных Силах СССР» III ст., медали.

Награды РФ: орд. «За военные заслуги».

ГУРИНОВ Георгий Николаевич — 27.8.1939, г. Минск, Белоруссия.

Русский. Адмирал (20.4.1993). В ВМФ с 1956. Окончил Каспийское высшее военно-мор. уч-ще (1956—1960), команд. фак-т Военно-мор. акад. (6.1972—6.1975), основной фак-т Военной акад. ГШ ВС с отличием (1982—1984).

Зам. нач-ка стартовой группы, боевой части (1960—1964) РВСН. Ком-р зенитной батареи ЭМ, ст. пом. ком-ра, ком-р ЭМ (1964—1971). Нач-к штаба — ком-ра бригады ракетных кораблей (6.1975—1977), ком-р бригады ракетных кораблей (1977—1979), нач-к штаба дивизии ракетных кораблей (1979—1982) БФ. Нач-к штаба Камчатской военной фл-лии (8.1984—5.1986), команд. этой фл-лией (5.1986—1989) ТОФ. Нач-к штаба ЧФ (1989—8.1992). Зам. Главкома ВМФ (8.1992—4.1993). Команд. ТОФ (3.1993—5.1994). С мая 1994 адмирал-инспектор Инспекции МО СССР.

Г. неоднократно участвовал в дальних походах, несении боевой службы в различных районах Мирового океана, деловых и дружеских визитах во многих странах.

Награды СССР: орд. Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III ст., медали.

Награды РФ: орд. «За военные заслуги».

Контр-адмирал (1985), вице-адмирал (1988).

Продолжение в следующем номере.

Автор использовал материалы ЦВМА МО РФ и РГА ВМФ.

В. М. Лурье

Военно-морские атташе*

АСТАФЬЕВ Александр Романович — 6.4.1916, с. Князевка, ныне Кондольского р-на Пензенской обл. — 20.5.1994, Москва

Русский. Контр-адмирал (21.2.1969). В ВМФ с 1934. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (6.1934—12.1936), Военно-мор. авиац. уч-ще им. И. В. Сталина в Ейске (12.1936—11.1937), Военно-дипломатическую акад. Сов. Армии (3.1946—8.1947).

Мл. летчик 53-й АЭ (11.1937—5.1938), нач-к службы вооружения (5.1938—4.1939), нач-к штаба (4.1939—8.1940) 5-й АЭ 34-го лбап, нач-к 2-го отд-я операт. отдела (8—12.1940), 4-го отдела (12.1940—7.1942), развед. отдела (7.1942—3.1946) штаба ВВС ТОФ. Участник сов.-яп. войны 1945.

В распоряжении ГРУ (8.1947—3.1948). Пом. (8.1948—12.1949), ст. пом. (12.1949—7.1951) военно-мор. атташе в Италии.

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Италии (7.1951—2.1955), Зам. нач-ка 1-го направления, зам. нач-ка разведки ВМФ (2.1955—12.1963).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в США (12.1963—4.1967). В резерве ГРУ ГШ (4—9.1967), в распоряжении (9—11.1967) Главкома ВМФ. Нач-к Центрального команд. пункта ВМФ (11.1967—3.1974).

С марта 1974 в запасе.

Награжден: орд. Красного знамени (1954), Отечественной войны I ст. (1985), II ст. (1964), 2 орд. Красной Звезды (1945, 1950), медалями.

БАБАНИН Константин Александрович — 19.4.1915, г. Ростов-на-Дону.

Русский. Капитан 1 ранга (5.10.1953). В ВМФ с 1933. Окончил Военно-мор. артил. уч-ще им. ЛКСМУ (6.1933—10.1937), арт. отдел Высших спец. курсов состава ВМФ (12.1939—10.1940), арт. (2—6.1944), команд. (6.1944—11.1946) фак-ты Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова, ускоренный курс высших курсов школы офицеров разведки ГШ СА (6.1949), Военную акад. ГШ (12.1957—8.1959).

Ком-р батареи ЭМ «Петровский» (10.1937—01.1938), «Беспощадный» (01—6.1938), зенитной батареи (6.1938—2.1939), арт. сектора (2—12.1939), БЧ-2 (10.1940—8.1942) ЭМ «Бодрый», пом. флагарта штаба эскадры кораблей (8.1942—2.1944) ЧФ, где принял участие в Вел. Отеч. войне. Пом. ком-ра ЭМ «Разъяренный» (11—12.1946), «К. Либкнехт» (12.1946—5.1947), ком-р ЭМ «В. Куйбышев» (5.1947—2.1948), нач-к 2-го отд-я операт. отдела (2.1948—12.1948), зам. нач-ка 5-го отдела штаба СФ (12.1949—4.1950).

* Продолжение. См.: «Новый Часовой». № 5—7.

Ст. пом. военного атташе по военно-мор. части при посольстве СССР в Болгарии (4.1950—4.1952). Ком-р ЭМ «Ответственный» (4.1952—4.1953), нач-к штаба 121-й БЭМ (4.1953—11.1955), ком-р этой же бригады (11.1955—12.1957) СФ. Нач-к штаба дивизии КР (9.1959—6.1961), ком-р 102-й бригады кораблей резерва (6—10.1961), 163-й бригады кораблей ПЛО (10.1961—11.1964) Совгаванской ВМБ ТОФ. Нач-к 5-го отдела — зам. нач-ка 1-го управления (11.1964—10.1966), нач-к 2-го Управления (10.1966—5.1970) полигона ВМФ.

С мая 1970 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1956), Красного Знамени (1953), Отечественной войны I ст. (1985), 2 орд. Красной Звезды, медалями.

ДОРОХОВ Михаил Николаевич — 21.11.1908, с. Гуляй-Борисовка, ныне Ростовская обл. — 12.8.1978, Москва

Русский. Капитан 1 ранга (26.01.1948). В ВМФ с 1922. Член компартии с 1940. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (10.1924—2.1931), артил. класс Спецкурсов состава ВМС РККА (11.1934—7.1935), артил. фак-т Военно-мор. акад. им. К. Е. Вошилова (9.1938—7.1941).

Юнга-музыкант УС «Труд» КВФ (10.1922-10.1924). Вахтенный нач-к и вр. исп. должн. ком-ра КЛ (2.1931—5.1933), ком-р КЛ (5.1933—5.1934), МН «Ударный» (5—11.1934), Н 1775 (7.1935—9.1936), флагарт (9.1936—9.1938) ДнВФ. Ком-р КЛ «Кама» (7.1941—2.1942) БФ, по БП штаба ОВРа ЛВФ (2—5), оперчасти операт. отдела штаба Кронштадтской ВМБ (5—11) БФ. В распоряжении Развед. управления ГМШ ВМФ (01—5.1943).

Пом. военно-мор. атташе при посольстве СССР в США (5.1943—3.1950). Зам. нач-ка 2-го управления (3.1950—7.1952), 1-го управления (7—10.1952), исп. должн. нач-ка этого управления (10.1952—5.1953) 2-го Гл. управления МГШ. В распоряжении ГШ СА (5.1953—2.1954).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Индии (2.1954—7.1957).

С июля 1957 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1947), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1952), орд. Красной Звезды (1944), медалями.

ЕГОРОВ Петр Иванович — 5.8.1909, г. Чарджуй, ныне Чарджоу, Туркмения — 2.11.1972, Москва.

Русский. Инженер-капитан 1 ранга (27.12.1950). В ВМФ с 1928. Член компартии с 1938. Окончил электроминную школу (10.1929—5.1930) МСЧМ, параллельные курсы при Военно-мор. инженерном уч-ще им. Ф. Э. Дзержинского (11.1933—10.1938).

Ученик электрика (11.1928—5.1929), стажер на ЭМ «Калинин» (5—10.1929), ст. электрик КЛ «Красная Грузия» (5.1930—11.1933) МСЧМ. Инженер (11.1938—9.1939), ст. инженер (9.1939—12.1942) 1-го отдела Управления кораблестроения ВМФ. В заграничной командировке (12.1942—12.1946). Ст. офицер нач-к отд-ия, зам. нач-ка 2-го отдела (12.1946—01.1950), Гл. УК ВМС. Пом.военного атташе по мор.части при посольстве в Канаде (01.1950—6.1952).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Дании (4.1952—5.1953). В распоряжении ГШ ВС с мая 1953.

Награжден: орд. Ленина (1954), Красного Знамени (1948), 3 орд. Красной Звезды (1944—2, 1945), медалями.

ЕЛИСЕЕНКО Николай Петрович — 22.5.1909, Москва — 30.7.1988, Москва.

Русский. Капитан I ранга. В ВМФ с 1932. Член компартии с 1929. Окончил Военно-

мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (6.1932—6.1936), команд. фак-т Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (2.1937—11.1940).

Ком-р БЧ-1 КР «Красный Кавказ» (11.1940—1942), «Ворошилов» (1942), «Красный Кавказ» (10.1942—2.1943) ЧФ. Ком-р по операт. части 2-го отд-я 1-го отдела (2—8.1943), ком-р-оператор 6-го отдела (8.1943—4.1944) ГМШ. Штурман ДЭМ (4—9.1944), ст. офицер-оператор по флоту 1-го отд-я (9.1944—7.1945), пом. нач-ка операт. отдела (7.1945—12.1946), нач-к 2-го отд-я этого же отдела (12.1946—12.1947) штаба СФ. В распоряжении отдела кадров ГШ ВС (12.1947—12.1951), зам. нач-ка (12.1951—12.1952), нач-к (12.1952—5.1953), зам. нач-ка мор. отдела Гл. Операт. управления ГШ СА (5.1953—7.1955).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Англии (7.1955—10.1958). В распоряжении ГРУ, Главкома ВМФ (10.1958—2.1959).

С февр. 1959 в запасе.

Награжден: орд. Красного Знамени (1952), Отечественной войны I ст. (1985), II ст. (1944), 4 орд. Красной Звезды (1942, 1944, 1945, 1947), медалями.

ЖИРОВ Федор Васильевич — 4.3.1911. г. Симферополь, Украина — 17.4.1972, Москва.

Украинец. Контр-адмирал (31.5.1954). В ВМФ с 1933. Член компартии с 1939. Окончил курсы ускоренной подготовки комсостава БФ (12.1933—12.1935), артил. отдел СККС ВМС РККА (2—11.1938), АКос при Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (11.1948—01.1950).

Ком-р башни ЛК «Марат» (01.1936—2.1938), инспектор (11.1938—10.1939), артил. отдела (10.1939—5.1940) Управления ВМУЗов НК ВМФ. Ком-р БЧ-2 (5—11.1940), ст. пом. (11.1940—12.1941), ком-р (12.1941—9.1942) КР «Коминтерн» ЧФ, в составе которого вступил в Вел. Отеч. войну. Нач-к планового отд-я БП штаба флота (9.1942—3.1943), ком-р ЭМ «Незаможник» (3—4.1943), КР «Молотов» (4.1943—4.1944), ЭМ «Бодрый» (4.1944—11.1945), «Сообразительный» (11.1945—5.1946; 10.1946—2.1947), группы кораблей «ЭОН-22» (5—10.1946), гв., КР «Красный Крым» (2.1947—11.1948) ЧФ. Ком-р БЭМ СФ (01.1950—3.1951). В распоряжении МГШ (3.1951—7.1952). Ст. инспектор по флоту Гл. инспекции ВМС (7.1952—5.1953), МО СССР (5.1953—8.1958).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР во Франции (8.1955—8.1960). В распоряжении ГК ВМФ (8.1960—7.1961), в резерве ГРУ ГШ по должности нач-ка направления (7—11.1961), нач-к мор. группы при специальной секции Научного совета Гос. комитета СМ СССР по науке и технике (12.1967—6.1971).

С июня 1971 в отставке.

Награжден: 2 орд. Красного Знамени (1943, 1954), орд. Нахимова II ст. (1945), Отечественной войны II ст. (1945), I ст. (1985), Красной Звезды (1949), медалями.

Некролог: Красная звезда. 22.4.1972.

ИВАНОВ Юрий Васильевич — 6.2.1920, г. Вольск, Саратовской обл. — 9.1990, Москва.

Русский. Вице-адмирал (8.5.1972). В ВМФ с 1938. Член компартии с 1943. Окончил один курс Ленинградского гос. ун-та (1938), Высшее военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (8.1938—7.1941), УОПП им. С. М. Кирова (8—10.1941; 02—10.1946); АКос при Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (12.1957—8.1958).

Ком-р БЧ-1 ПЛ «С-56» 1-й БПЛ ТОФ (2—10.1942). С окт. 1942 по март 1943 на этой же ПЛ перешел из Владивостока в Полярный, принял участие в Вел. Отеч. войне в составе СФ в должности ком-ра БЧ-1. Дивизионный штурман БПЛ (7.1944—12.1945).

Пом. ком-ра ПЛ «С-56» (10.1946—9.1947), ком-р ПЛ «С-16» (9.1947—9.1949) СФ, в распоряжении нач-ка Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (9—12.1949).

Ст. пом. военного атташе по военно-мор. части при посольстве СССР в Мексике (12.1949—9.1953). Ком-р ПЛ «С-14» (9.1953—2.1954), ПЛ «Б-9» (2—5.1954), ПЛ «Б-68» (5—8.1954) СФ, ПЛ «Б-68» дивизии учебных кораблей в Ленинграде (8.1954—11.1956), затем в составе ТОФ (11.1956—12.1957), нач-к штаба 124-й БПЛ (8.1958—01.1960), ком-р 90-й отд. БПЛ (01.1960—8.1961), ком-р дивизии ПЛ (8.1961—7.1965) ТОФ. Нач-к разведки ВМФ (7.1965—7.1975), нач-к развед. управления — зам. нач-ка Гл. штаба ВМФ по разведке (7.1975—31.1979). В распоряжении ГК ВМФ (01—6.1979).

С июня 1979 в запасе.

Контр-адмирал (10.6.1961).

Награжден: орд. Октябрьской революции (1979), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1974), 3 орд. Отечественной войны I ст. (1943, 1944, 1985), II ст. (1944), 2 орд. Красной Звезды (1954, 1963), медалями.

Некролог: Красная звезда. 14.9.1990; Мор. сб. 1990. № 11. С. 68.

КАШЕВАРОВ Евгений Терентьевич — 9.12.1906, дер. Кузнецовка ныне Дмитриевского р-на Курской обл. — 23.9.1985, г. Николаев, Украина.

Русский. Капитан 1 ранга (23.3.1949). В ВМФ с 1928. Член компартии с 1930. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (10.1929—4.1933), команд. классы УОПП им. С. М. Кирова (11.1934—6.1935), команд. фак-т Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (3.1938—01.1941).

Краснофлотец СН и С МСБМ (10.1928—10.1929). Ком-р штурм. группы, сектора ПЛ «Д-6» (11.1933—11.1934), пом. ком-ра ПЛ «Л-4» (6.1935—2.1937), исп. должн. ком-ра ПЛ «Щ-211» (2.1937), ком-р ПЛ «Л-4» (2.1937—3.1938), ком-р 12-го ДПЛ (3.1938—01.1940) ЧФ. Адъютнт ВМА (4—6.1941), ст. ком-р по операт. части 3-го отдела Операт. управления ГМШ ВМФ (6.1941—8.1943).

В Вел. Отеч. войну вступил в авг. 1943 нач-ком 2-го отд-я операт. отдела штаба СФ (8.1943—2.1944), ком-р ЭМ «В. Куйбышев» (2—7.1944), «Гремящий» (7.1944—01.1945), «Разумный» (01—7.1945) СФ.

В распоряжении Развед. управления ГМШ ВМФ (7—11.1945).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Норвегии (11.1945—8.1948). Нач-к штаба Одесской ВМБ ЧФ (8.1948—7.1951). Ст. уполномоченный по надводным кораблям группы постоянн. комиссии госприемки военных кораблей при ВММ по Черноморско-Каспийскому театру (8—10.1951), ст. уполномоченный по надводным кораблям Черноморской группы приемки Управления гос. приемки кораблей ВМС (10.1951—6.1955).

С июня 1955 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1954), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1949), орд. Нахимова II ст. (1944), орд. Отечественной войны I ст. (1985), II ст. (1944), Красной Звезды (1944), медалями.

ЛАРИЧЕВ Дмитрий Титович — 28.5.1913, дер. Крутые Верхи, ныне Перемышльского р-на Калужской обл.

Русский. Капитан 1 ранга (31.10.1949). В ВМФ с 1930. Член компартии с 1939. Окончил 2 курса Украинской военно-подготовит. школы им. М. В. Фрунзе в Полтаве (8.1928—9.1930), Военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (9.1930—6.1934), УОПП им. С. М. Кирова (11.1935—8.1936), АКос при Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (12.1954—11.1955).

Корабельный курсант (6—12.1934), ком-р БЧ-1 (12.1934—11.1935), дублер пом. ком-ра (8—11.1936) ПЛ «Д-4», пом. ком-ра ПЛ «Д-5» (11.1936—3.1938), ком-р ПЛ «Щ-213» (3.1938—7.1939), ком-р 22-го ДПЛ (7.1939—12.1940) БПЛ ЧФ. Пом. военно-мор. атташе полпредства СССР в Югославии (12.1940—6.1941).

В Вел. Отеч. войну вступил ком-ром 8 ДПЛ (7—12.1941). Нач-к штаба 1-й БПЛ (12.1941—8.1942), ком-р по операт. части БПЛ (8—11.1942). В распоряжении Развед. управления ГМШ ВМФ (11.1942—2.1943), пом. военно-мор. атташе при полпредстве СССР в Турции (2.1943—12.1946), в распоряжении ГРУ ГШ ВС (12.1946—7.1947).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Швеции (7.1947—01.1951). Нач-к учебной инспекции (01.1951—3.1952), зам. нач-ка 1-го (3—7.1952), 2-го (7.1952—5.1953) направлений 2-го Гл. Управления МГШ. Нач-к разведки — зам. нач-ка штаба 4-го ВМФ по разведке (5.1953—12.1954), нач-к разведки — зам. нач-ка штаба ЧФ (11.1955—10.1958).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Англии (10.1958—3.1959). В распоряжении главкома ВМФ (3—5.1959), 2-го отдела Гл. штаба ВМФ с постоянным местом службы в Одессе и операт. подчинением нач-ку разведки штаба ЧФ (5.1959—8.1963). Ст. офицер направления ГРУ Генштаба ВС (8.1963—12.1964), в распоряжении нач-ка разведки ВМФ по должности нач-ка направления (12.1964—4.1968).

С апр. 1968 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1956), 2 орд. Красного Знамени (1946, 1951), орд. Отечественной войны I ст. (1985), Красной Звезды (1944), медалями.

МИХАЙЛОВ Аким Анатольевич — 22.9.1905, с. Мухортово, ныне Архангельской обл. — 12.5.1952.

Русский. Инженер-капитан 1 ранга (28.4.1944). В ВМФ с 1933. Член компартии с 1936. Окончил рабфак и Одесский политехн. ин-т (1928—1933), курсы ускоренной подготовки инженеров-механиков МС РККА при Военно-мор. инженерном уч-ще им. Ф. Э. Дзержинского (10.1933—2.1935).

Ком-р ремонтной группы (2.1935—01.1936), котельной группы (01—12.1936), д-на живучести (12.1936—8.1938) ЛК «Марат». Нач-к Высшего военно-мор. инженерного уч-ща им. Ф. Э. Дзержинского (8.1938—12.1940).

Пом. военно-мор. атташе (01.1941—9.1943), военно-мор. атташе (9.1943—01.1946) при посольстве СССР в Турции. Уволен из ВМФ по ст. 44 п. «в» 19.01.1946. По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 4.01.1947 г. осужден по ст.ст. 58-1 п. «б» и 193-17 п. «а» УК РСФСР к 7 годам лишения свободы и ИТЛ с конфискацией имущества, с лишением воинского звания. Умер в заключении. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 3 окт. 1991 г. реабилитирован посмертно.

Награжден: орд. Красного Знамени (1938), Красной Звезды (1940), медалями.

НИКИПОРЕЦ Григорий Корнеевич — 22.01.1913, г. Иркутск.

Украинец. Капитан 1 ранга (2.7.1951). В ВМФ с 1932. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (6.1932—9.1937), курсы при Военно-дипломатической академии Сов. Армии (9.1946—1948).

Ком-р группы 2-го Военно-мор. уч-ща (9.1937—8.1940), учебной роты Черноморского высшего военно-мор. уч-ща (8.1940—2.1941), пом. ком-ра УК «Днепр» этого же уч-ща (2—10.1941), КР «Красный Кавказ» (10.1941—11.1945), ЭМ «Бойкий» (11.1945—9.1946). Ст. офицер 2-го направления 1-го Управления (5.1950—2.1952), зам. нач-ка отдела внешних сношений (2.1952—5.1953) 2-го Гл. управления МГШ. В распоряжении ГШ ВС (5.1953—7.1954).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Мексике с июля 1954.

Награжден: орд. Красного Знамени (1953), Отечественной войны I ст. (1985), Красной Звезды (1947), медалями.

ПРЕСНАКОВ Федор Федорович — 2.5.1911, г. Киев, Украина — 3.8.1989, Москва.

Русский. Капитан 1 ранга (4.6.1952). В ВМФ с 1933. Член компартии с 1939. Окончил курсы ускоренной подготовки комсостава БФ (1935), артил. отд-е Спецкурсов комсостава ВМС РККА (2—11.1938 и 11.1938—5.1939), курсы офицерского состава спецслужб ВМФ (12.1943—4.1944), АКос при Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова (1954).

Ком-р башни ЛК «Марат» (01.1936—2.1938), военпред заводов «Большевик», № 232 (6.1939—9.1943). В распоряжении ВС БФ (9—12.1943), член Союзной контрольной комиссии в Финляндии (12.1944—2.1946). Ст. офицер штабной службы 1-го отд-я 3-го отдела Развед. управления ГМШ (2.1946—7.1951).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Швеции (7.1951—11.1952). Зам. нач-ка 3-го направления 2-го управления 2-го Гл. управления МГШ (11.1952—5.1953), в распоряжении Генштаба (5—12.1953), ГРУ ГШ ВС (11.1954—2.1955).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в США (2.1955—3.1958). В распоряжении ГРУ ГШ ВС с марта 1958.

Награжден: орд. Красного Знамени (1954), Отечественной войны I ст. (1985), 2 орд. Красной Звезды (1945, 1949), медалями.

ТИМЧЕНКО Георгий Павлович — 8.12.1912, г. Луганск, Украина — 23.3.1991,

Украинец. Контр-адмирал (3.8.1953). В ВМФ с 1930. Член компартии с 1940. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (9.1930—7.1934), команд. фак-т Военно-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова с отличием (4.1942—1.1944), военно-мор. фак-т Высшей воен. акад. им. К. Е. Ворошилова (11.1954—9.1956).

Стажер ком-ра ТКА (7.1934—3.1935), адъютант ком-ра (3—6.1935) 3-й мор. бригады, ком-р звена (6.1935—9.1936), отряда (9.1936—2.1939), нач-к штаба отд. д-на (2.1939—4.1942) ТКА Сучанского УР ТОФ.

В Вел. Отеч. войне с янв. 1944. Нач-к штаба БТКА БФ (01.1944—4.1946), ЮБФ (4.1946—9.1947). Ком-р 1-й БТКА 4-го ВМФ (9.1947—11.1948). В распоряжении ГРУ Генштаба ВС (11.1948—7.1949).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Англии (7.1949—6.1952). Ком-р 25-й дивизии ТКА (6.1952—11.1954).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Турции (9.1956—8.1959). Ком-р Амурской военно-речной базы (12.1959—12.1960), бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей (12.1960—7.1962) ТОФ, УО ЧФ (7.1962—3.1964). Зам. (3.1964—2.1967), нач-к (2.1967—10.1970) Каспийского высшего военно-мор. уч-ща им. С. М. Кирова.

С окт. 1970 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1954), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1950), орд. Ушакова II ст. (1945), 2 орд. Отечественной войны I ст. (1944, 1985), орд. Красной Звезды (1945), медалями.

Продолжение в следующем номере.

Автор использовал материалы ЦВМА МО РФ и РГА ВМФ.

С. И. Романовский

Ломоносовские корни русской науки

Оценки М. В. Ломоносова в русской историографии были неадекватны всегда. До 1911 г., т. е. на протяжении всего XIX столетия, о нем вспоминали крайне редко. Когда же в связи с 200-летием со дня рождения ученого, Академия наук решила торжественно этот юбилей отметить, то панегирические хоралы, вполне приличествующие такой дате, стали в дальнейшем традиционными. После окончания Второй мировой войны приступили к активной борьбе с космополитизмом и с преклонением перед иностранщиной. Для подобной кампании имя Ломоносова оказалось незаменимым. Советские ученые с искренней гордостью за свою национальную науку «доказали», что Ломоносов был основоположником чуть ли не всех научных дисциплин, в каждой он сделал основополагающие открытия и намного опередил мировую науку. Мы вновь стали первыми. Нам вновь было чем гордиться. Наша державная спесь вновь была вознесена на недостижимую высоту. Ломоносов из живого человека, из ученого, страдавшего и борющегося, заносчивого и самолюбивого превратился в казенную схему, стал на долгие годы неприкасаемым. В советское время иначе было нельзя. Затем стало привычным.

Между тем Ломоносов для нашей науки фигура действительно знаковая. Ибо если известна точная дата организации Академии наук¹ и если до нее наука в России как государственный институт не существовала, то можно с полной определенностью указать не только дату рождения нашей национальной науки, но и зная первый персональный состав Академии, назвать тех, с кого собственно и началась российская наука. Состав этот, что хорошо известно историкам, был целиком «импортным», ибо Петр I импортировал науку в Россию так же, как завозят обычный товар. Так что основы российской науки закладывали Д. Бернулли, Л. Эйлер, Г. Миллер, Хр. Гольдбах, Ж. Делиль и др. Но признать это — значит унижить «национальную гордость великороссов». Поэтому, отдавая дань названным ученым, наши историки предпочитают омолодить российскую науку на 20 лет с тем, чтобы с начальной точкой отсчета совместить не швейцарцев, немцев и французов, а «природного россиянина» М. В. Ломоносова. Русской науке надо было с кого-то начать. Более подходящей фигуры, чем Ломоносов, для подобной бухгалтерии не найти.

Феномен Ломоносова в том, что он, оставшись лишь в истории науки, создавший труды, «не оказавшие прямого влияния на ход развития знания», которые «были скоро забыты и только в нашем столетии обратили на себя внимание уже с исторической точки зрения»², тем не менее до сих пор почитается как великий ученый, родоначальник русской науки. Почти все им сделанное впоследствии уточнялось и корректировалось. Но перепроверялись не сами работы Ломоносова, а решавшиеся в них вопросы, ибо интересны были именно они. Поэтому в дальнейшем эти вопросы связывались с именами

других ученых. Сами же сочинения Ломоносова, как точно заметил В. И. Вернадский, «были скоро забыты».

Главное, что сделал Ломоносов для русской науки, — показал всему миру ее громадный творческий потенциал, который при благоприятных социально-экономических и политических условиях мог одарить мировую науку многими выдающимися достижениями. К тому же масштаб личности ученого был столь несоразмерен с остальными русскими его собратьями по науке, что невольно создается впечатление, — вынь Ломоносова из русской науки XVIII столетия и заметных фигур не останется, начало ее летоисчисления отодвинется еще лет на сто.

Весьма точную и образную оценку родоначальнику нашей национальной науки дал Пушкин: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один являлся самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»³. Рассуждать о естественнонаучных трудах Ломоносова Пушкин не стал. Зато его откровения в русской словесности не оценил вовсе: «В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения, — писал он. — Оды его... утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается»⁴.

Когда наука начинается «с чистого листа», то все сделанное становится *новым*, а поскольку Ломоносов был наделен не только недюжинным талантом, но и неукротимым темпераментом да и ненасытным аппетитом, то он накинулся на всю науку сразу (исключая математику, где одного желанья все же недостаточно) и действительно многое сделал первым. Так что невспаханное поле русской науки того времени дало возможность Ломоносову стать первым русским разработчиком многих проблем физики, химии, геологии. Он и остался первым, но только в нашей национальной науке. К тому же у него не было ни учеников, ни научной школы, что обеспечивало бы преемственность и гарантировало уважение к имени зачинателя. Поэтому уже вскоре после смерти Ломоносова в 1765 г. его имя стало постепенно уходить в тень, а затем долгие годы его не вспоминали вовсе.

Мы же будем помнить о том, что в годы Ломоносова, как заметил Д. С. Лихачев, «культура Древней Руси сменялась культурой нового времени». Характерной же особенностью культуры Древней Руси являлось то, что она не знала естественнонаучной истории, а обладала лишь некоторыми православными традициями гуманитарного знания. Эти традиции Ломоносов развивать не стал. Зато именно с него началось специфическое видение естественнонаучной картины мира, ибо, повторяю, ранее естествознание не занимало русские умы.

В. И. Вернадский расставил акценты весьма точно: Ломоносов «опередил свое время правильной оценкой целого ряда недоступных его поколению явлений»⁵. То, что «опередил свое время» — это естественно, ибо время опережали все, кто трудился в те годы в Петербургской Академии наук. Каждый вносил свою лепту в зарождающуюся российскую науку. А вот то, что это опережение выразилось лишь в «правильной оценке» новых природных явлений, в том, что Ломоносов не столько доводил до конца разрабатывавшиеся им вопросы, сколько высказывал смелые сравнения, многое «угадывал» и предвидел, обладая великим даром предвосхищения и постижения самой сути интересовавшего его вопроса, — в этом, пожалуй, самое основное в научном феномене Ломоносова. Это и объясняет тот факт, что его имя сохранилось лишь в истории *нашей* национальной науки. История же мировой науки вполне может обойтись без него.

Работал Ломоносов истово. За свою сравнительно короткую жизнь (54 года) он оставил громадное творческое наследие. Если учесть, что далеко не все при его жизни было опубликовано и если вспомнить, что благодаря графу Г. Г. Орлову значительная часть его личного архива бесследно исчезла (об этом мы еще скажем), то можно лишь догадывать-

ся, сколько бесценных для истории страниц его рукописей уже никогда, по-видимому, не будут найдены и какую интенсивную творческую жизнь вел ученый, — ведь и того, что сохранилось, хватило на 11 толстых академических томов его сочинений⁶.

Причину «внезапного», более чем на сто лет, забвения имени Ломоносова следует все же объяснить. Доказать здесь, к сожалению, нам ничего не удастся. Можно лишь высказать отдельные соображения.

...Некоторое время после смерти ученого еще срабатывал незабываемый многими гипноз его имени, и Академия наук почтила память Ломоносова изданием в 80-х годах XVIII века Собрания его сочинений с обширной биографической статьей. Работа была выполнена по инициативе директора Академии Е. Р. Дашковой. Всего было опубликовано 6 томов⁷. Помимо этого, нельзя забывать, что сам Ломоносов как бы разделил свое творчество на две трудно сопоставимые части: в одной — его научные трактаты по физике, химии, геологии, истории; в другой — литературное творчество. И очень многие его современники ценили стихотворство Ломоносова гораздо выше его чисто научных трудов. Но с появлением на литературном горизонте Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского и, конечно, А. С. Пушкина оды Ломоносова не только перестали нравиться, их просто более не читали и, само собой, уже не помнили их автора. Есть еще одна причина, отмеченная в свое время В. И. Вернадским. Он считал, что после смерти Ломоносова о нем, как об ученом, вообще не вспоминали. Ценили же в нем «своеобразную сильную личность, пробившуюся в первые ряды людей своего века из крестьянской среды архангельского захолустья»⁸.

В данной короткой статье пересказывать биографию Ломоносова нет необходимости. О нем написано больше, чем о любом другом русском ученом⁹. Поэтому ограничимся основными вехами его жизни, они, кстати, помогут понять и чисто психологический феномен этой действительно сильной личности.

Ломоносову шел двадцатый год, когда он сел за парту с детьми, чтобы постигать азы систематического образования в Славяно-греко-латинской академии. Учился он там с 1731 по 1735 г. Затем с января по сентябрь 1736 г. он числился студентом в Петербургской Академии наук на «академическом коште». С октября 1736 г. по июнь 1741 г. Ломоносов продолжил учебу в Германии. Академия наук отправила его за границу для овладения специальностью горного инженера. Три года он обучался в Марбургском университете. Выдающийся немецкий ученый Хр. Вольф писал, что среди учившихся у него русских

Памятник М.В.Ломоносову на Менделеевской линии между зданиями университета (Двенадцати коллегий) и Санкт-Петербургского отделения Академии Наук

студентов Ломоносов — «самая светлая голова»¹⁰. В Германии он женился на Елизавете-Христине Цильх и 8 июня 1741 г. вернулся в Петербург, в Академию наук. Здесь он приступил под руководством профессора И. Аммана, швейцарца по рождению, врача и ботаника по специальности, основателя Петербургского ботанического сада к изучению «естественной истории». Но руководил Амман 30-летним ученым номинально: Ломоносов только за один 1741 г. представил академическому собранию свои сочинения («диссертации») по физике, физико-химии и минералогии. К тому же в 1741 г. Амман умер. Так началась жизнь в науке и борьба за свое место в ней Михайлы Ломоносова.

В это время на российском престоле царствовала Елизавета Петровна. Это была типично русская барыня, которая каждую мысль, каждое государственное решение вынашивала как беременность¹⁰. Одно стало несомненным: она активно поощряла все русское. И это не ускользнуло от внимания «немецкого» руководства Академии наук. Не без учета этих соображений (что подметил еще П. П. Пекарский) Академия наук в 1745 г. пустила в свою среду строптивного и, как бы мы сказали сегодня, предельно некоммуникабельного Ломоносова. В елизаветинские годы Академия наук пополнилась еще рядом русских ученых: в 1750 г. членом Академии стал натуралист С. П. Крашенинников, в 1751 г. астроном Н. И. Попов, в 1760 г. математик С. К. Котельников.

В 1757 г. Ломоносов уже советник канцелярии Академии, в 1758 г. под его присмотр попали все научные и учебные департаменты, а в 1760 г. еще и академические гимназия и университет. Карьера для простолюдина, прямо скажем, завидная.

Что же помогло Ломоносову ее сделать? Природные дарования? Несомненно. Но не только они. Если бы его многочисленные таланты не были сплавлены с невероятной целеустремленностью, направляемой его изворотливым умом да сильной волей и властным характером, ни о какой академической карьере сын помора не помышлял бы вовсе.

Главное, что отличало Ломоносова и неизменно помогало ему добиваться поставленных целей, — его несомненная искренность во всем. Прежде всего это касается науки. Она была для него единственным смыслом жизни. Он прекрасно знал себе цену и его подчас просто бесило окружающее его академическое чиновничество.

Ломоносов, как мы знаем, стал первым русским академиком-естественником*. Его кипучая энергия и сильный взрывной характер отныне станут постоянным раздражителем для академической бюрократии, уже в те годы усвоившей непрременную заповедь служащих российского аппарата: личное спокойствие и благополучие да положительные эмоции руководства выше дела, выше науки. Ломоносов подобное принять не мог. Более всего он не терпел равнодушие и претенциозную бездарность. Сам он буквально ворвался в науку, он набросился на знания, как набрасывается изголодавшийся человек на пищу, ему было интересно все — от лингвистики и истории до физики и химии. Он одновременно обдумывал несколько проблем и спешил запечатлеть плоды своих размышлений на бумаге. Удержу его энергия не знала. Ломоносов построил химическую лабораторию при Академии наук, сконструировал множество измерительных приборов (анемометр, курсограф, ночезрительную трубу и т.д.), создал мозаичные полотна (в том числе знаменитую «Полтавскую баталию»), успевал переводить научные сочинения с латыни и немецкого на русский, писал руководства для «любителей сладкоречия», «похвальные слова» и оды, сочинил трагедию «Демофонт» и поделился своими соображениями «о сохранении и размножении русского народа». И так далее. И так далее. И так далее.

Но и обычные занятия наукой, даже в звании академика, Ломоносова не удовлетворяли и не умиротворяли его необузданный нрав. Ему многое и многие мешали работать так, как он считал нужным. А главное — его раздражало, когда он был вынужден выслушивать поучения от людей, коих ставил много ниже себя, но в академической иерархии

* Одновременно с Ломоносовым в Академию наук был избран и поэт В. К. Тредиаковский.

они, к его несчастью, стояли выше. И он прилагал все силы, хитрость, изворотливость и напор, чтобы самому занять подобающую его таланту должность в Академии наук. С 13 февраля 1757 г. Ломоносов стал, наконец, членом академической канцелярии, т. е. выражаясь современным языком, некоего подобия Президиума Академии наук. Теперь она состояла из трех лиц: И. Д. Шумахера, И. Тауберта (его зятя) и М. В. Ломоносова. С этого момента он мог вполне легально и не страшась последствий «солировать» в Академии. Узнав об этом назначении историк Г. Миллер написал, что теперь многие академики пребывают «в огорчении»¹², а И. Тауберт в связи с коллизией вокруг очередных выборов в Академию, когда русские кандидаты конкурировали с «немцами», заявил: «Разве-де нам десять Ломоносовых надобно и один-де нам в тягость»¹³. Добивался Ломоносов и учреждения (понятное дело, «под себя») должности вице-президента Академии. Но это ему все же не удалось.

Возникает вопрос: если верить многочисленным биографиям Ломоносова, то в любой из них он предстает как герой-борец за русскую науку, один схватившийся в смертельной борьбе с ретроgrадами-немцами, которые только и делали, что сознательно тормозили развитие русской науки. Если это так, то как же ему удавалось выдерживать эту схватку на протяжении многих лет; почему, наконец, академическая конференция просто не выставила его из Академии за явно неудобоваримый нрав? Ведь в те годы академики еще не считались «бессмертными», любого из них можно было запросто отчислить из Академии, как отчисляют неудобного из обычного учреждения, ибо Академия наук таковым и была¹⁴.

Если за ответом мы обратимся к специальной литературе и к беспристрастным академическим сочинениям XIX века, то станет вполне ясно, что гонениям и нападкам на Ломоносова противопоставлялось во все годы его пребывания в Академии покровительство могущественных государственных сановников¹⁵. В разное время ими были вице-концлер граф М. И. Воронцов и генерал-адъютант И. И. Шувалов, оба фаворита Елизаветы Петровны, затем граф Г. Г. Орлов, фаворит Екатерины II.

Трудно сказать, как же удавалось Ломоносову сблизиться со столь высокопоставленными особами, чем он мог заинтересовать их? Ведь не своей же неумной страстью к науке? Наиболее логичной мне кажется следующая парадоксальная версия: сам Ломоносов специально не искал их покровительства, не он их, а они находили его, выступая на первых порах своеобразными посредниками между монархом и ученым, а уж затем это вынужденное посредничество переходило в заметную личную приязнь. В основе же этих контактов лежали оды, которые Ломоносов писал по любому, даже весьма ничтожному, но все же заметному, поводу и отсылал их на самый верх, на Высочайшее имя. Зачем он делал это?

Один из исследователей творчества Ломоносова А. С. Мыльников на этот вопрос отвечает так: «Вынужденный обстоятельствами той эпохи выполнять заказные оды в честь членов царского дома, в данном случае Ломоносов руководствовался не конъюнктурными соображениями, а проводил свои заветные мысли, связанные с его утопической «петровской легендой»»¹⁶. Никак нам не отойти от традиций «героических биографий» великих людей прошлого. Даже если принять на веру, что Ломоносов был действительно *вынужден* писать хвалебные оды царствующим особам, то вернее было бы сказать, что он очень быстро осознал *свои выгоды* от подобного творчества. Но и это, скорее всего, не вносит полную ясность. Ведь Ломоносов не был придворным пиитом. Он свои хвалебные оды писал по внутреннему повелению и писал вполне искренне, убивая при этом двух зайцев: и монархам льстил, и идеи свои доносил на самый верх. Именно тот факт, что и Елизавета, и Петр III, и Екатерина II получали подобные поэтические подношения *ими не заказанные*, более всего им и нравилось. Тем более оды эти по меркам того времени были весьма талантливы («надутыми» их посчитал Пушкин много позднее). К тому же первую свою оду «На взятие Хотина» Ломоносов написал еще в Германии в 1739 г., будучи всего

лишь студентом. Она понравилась, сделала Ломоносова известным и он понял, что эта грань его дарования еще послужит ему.

Поводы для подобных од Ломоносов выбирал сам. В феврале 1742 г. он пишет оду, поздравляя Елизавету Петровну с прибытием в Петербург ее племянника Петра Федоровича, а в начале декабря того же года появляется ода в честь возвращения Елизаветы из Москвы после коронации. Даже сидя под арестом в 1743 г. Ломоносов пишет хвалебную оду на тезоименитство Великого князя Петра Федоровича, сравнивая его с Петром Великим. Елизавета быстро обратила внимание на талантливую и умную сочинителя. За оду 1748 г. она подарила Ломоносову 2000 руб., в 1751 г. наградила чином коллежского советника с годовым окладом 1200 руб. и правом потомственного дворянства, а в 1753 г. пожаловала ученому несколько деревень (211 душ мужского пола) для строительства фабрики цветного стекла в Усть-Рудице¹⁷. 27 января 1761 г. по просьбе В. Н. Татищева Ломоносов сочиняет хвалебную оду Петру Федоровичу и прикладывает ее к первому тому «Истории Российской» Татищева, поднесенному Великому князю¹⁸.

Никак не ожидал Ломоносов столь быстрого и бесславного финала правления Петра III. Воцарение Екатерины II стало для него полной неожиданностью. Но он очень быстро оправился от шока и сочинил оду по случаю восшествия на престол новой государыни. Екатерина, однако, была не глупее Ломоносова. Она быстро поняла подоплеку подобных восхвалений, но более всего ей не понравилось, что Ломоносов в прежних своих одах возносил до небес повергнутого ею супруга. Поэтому в первое время Екатерина относилась к Ломоносову настороженно и недоверчиво. В Академии наук в обход Ломоносова она возвысила Г. Н. Теплова и И. И. Тауберта, а Михайла Васильевича чуть было вообще не уволили из Академии. Затем Екатерина успокоилась, стала относиться к Ломоносову теплее: он получил чин статского советника, императрица однажды даже посетила дом ученого, она же позаботилась о его материальном содержании. 28 апреля 1763 г. в записке на имя статс-секретаря А. В. Олсуфьева Екатерина написала: «Адам Васильевич, я чаю, Ломоносов беден, сговоритесь с гетманом [граф К. Г. Разумовский, президент Академии наук. — С. Р.]: неможно ли ему пенсией дать, и скажи мне ответ»¹⁹. Однако как только Ломоносов умер, Екатерина направила в его дом Г. Г. Орлова и тот «принял» от вдовы ученого ту часть архива покойного, которая могла заинтересовать государыню. Так что настороженность Екатерины лишила нас значительной части бумаг Ломоносова, ибо была, в частности, изъята вся его личная переписка²⁰.

Итак, не станем более уточнять, почему Ломоносов весьма охотно занимался сочинением панегириков. Это бы нас увело в область вторичных и малодоказательных фантазий. Однако что же дало подобное творчество лично ему? Ученый добился главного: он обеспечил себе солидный тыл и мог без оглядки (что он всегда и делал) ринуться на наведение порядка в Академии наук в его, Ломоносова, понимании. П. П. Пекарский, к примеру, отметил, что в 50-х годах значительную часть времени Ломоносов тратил «на борьбу с его личными врагами. Ей предавался наш академик со всем увлечением и жаром, которых в нем не могли истребить лета и никакие сторонние соображения»²¹.

Кто же они, мифические враги ученого? Немцы? Ретрограды от науки? Если вопросы ставить в подобной плоскости, а именно так было принято в советском ломоносоведении, то это ничего не даст для понимания личности ученого, а лишь вознесет нас в занебесье демагогического псевдопатриотизма. На самом деле врагами Ломоносова оказывались все — и немцы, и русские — кто становился на его пути. Он не прошал никаких разногласий — ни административных, ни научных. Вступать в спор с Ломоносовым означало одно: в его лице ты становился его личным врагом. А то, что Ломоносов позволял себе многое, вовсе не совместимое с его учеными занятиями, хорошо известно.

Он мог, к примеру, явиться на заседание в Академии наук «в сильном подпитии», мог затеять драку в стенах Академии, мог оскорбить и унижить человека.

П. П. Пекарский описывает наиболее в этой связи характерный случай. В 1743 г. ряд академиков направили жалобу на И.-Д. Шумахера. Назначили следственную комиссию, которая допросила в качестве свидетелей Г. Н. Теплова, В. Е. Адодурова и М. В. Ломоносова. Ломоносов не нападал на Шумахера, не поддержав тем самым подписавших эту бумагу, хотя те были уверены в его поддержке. По возвращению из экспедиции Г.-Ф. Миллера академики исключили Ломоносова из конференции Академии. Наиболее активен при этом был конференц-секретарь академического собрания Х.-Н. Вингейм. Ломоносов, «будучи в нетрезвом состоянии», неожиданно для всех обвинил Шумахера в воровстве, оскорбил и других немцев, а «из своих достоинств особо и довольно логично подчеркивал два — наличие знаний академического уровня и принадлежность к русской нации по своему происхождению»²². В следственную комиссию теперь поступила жалоба на Ломоносова. Его вызвали на допрос, он вновь вел себя оскорбительно, за что и был арестован. Можно себе представить накал страстей, если только за внутренние академические распри Ломоносов пробыл под арестом с 28 мая 1743 г. по 18 января 1744 г. Не забудем, что в это время Ломоносов еще не был избран в Академию, он лишь работал в ней, числясь адъюнктом физического класса.

Академия наук стала походить на осиное гнездо. Она плыла по воле волн, управляемая лишь номинально. В ней царили дикие нравы и она менее всего напоминала в те годы храм науки. Елизавета Петровна решила навести в Академии порядок: она после пятилетнего перерыва в 1746 г. назначила президента Академии наук. Выбрала она младшего брата своего морганатического супруга К. Г. Разумовского. Все бы ничего, да только президенту едва исполнилось 18 лет! Ясно, что акт этот был скорее декоративным. Реальные бразды правления находились в руках воспитателя президента Г. Н. Теплова и все того же И.-Д. Шумахера. Именно они составили «Регламент» (Устав) Академии наук, который был утвержден в 1747 г. Кстати, тот факт, что составление Устава было поручено паре Теплов–Шумахер, хотя и косвенно, но все же свидетельствует, что антагонизм между немцами и русскими в Академии наук в то время не был самодовлеющим. Реальное противостояние определялось не национальностями ученых, а их амбициями. Когда в центре очередного скандала оказывались, к примеру, Ломоносов и историк Миллер, то здесь сталкивались не русский с немцем, а два разных мирозерцания, два противоположных взгляда на науку, да и два достойных друг друга темперамента. С другими немцами, например с Х.-Г. Кратценштейном, Ломоносов находил полное взаимопонимание²³. Так что усиленно внедрявшаяся ранее версия о враждебном отношении Ломоносова к иностранцам просто надуманна.

То, что это именно так, прекрасно иллюстрирует многолетний «идеологический» конфликт Ломоносова и Миллера. Сегодня он нам интересен прежде всего тем, что развивался этот спор не просто под соусом национального патриотизма, но национальных интересов, целесообразность ставилась выше истины и это, к сожалению, стало одной из неискорененных традиций русской науки. Причем, если чисто научная подоплека этой распри не вызывала, да и не могла вызвать никаких «осуждающих» эмоций, то внешняя атрибутика, с помощью которой аргументировалась правота одной из сторон, даже сегодня представляется неприемлемой.

Так, в 1747 г. покинул Петербург и вернулся в Париж знаменитый астроном Ж.-Н. Делиль. Он тут же стал для России персоной *non grata*. Мгновенно было забыто, что ученый более 20 лет отдал становлению русской науки, он представлялся чуть ли не заклятым врагом Петербургской Академии наук, сношения с ним прекратились. Только за то, что историка Миллера заподозрили в переписке с Делилем, на квартире Миллера в его

отсутствие был учинен обыск. Его 28 января 1748 г. провели Ломоносов и Третьяковский. «Уже сам факт, что два академика, два поэта лично обыскивают своего коллегу, живо рисует нравы Академии наук XVIII века»²⁴. Так расценил этот факт историк А. Б. Каменский. После обыска Ломоносов направил президенту Разумовскому «доносительную докладную» на Миллера, обвинив того — ни много, ни мало — в «политической неблагонадежности»²⁵. Не гнушался Ломоносов писать на Миллера доносы и в высшие сферы, наклеивая на него ярлык «антипатриота». Цель, правда, уж больно мелка: вырвать у Миллера редактировавшийся им журнал «Ежемесячные сочинения» и издавать его самому²⁶. Доносы, как считает Е. В. Анисимов, были одним из способов жизни разложившихся людей в разложившемся аморальном государстве²⁷.

Однако хватит. Ломоносов все же ученый. И важнее понять, *как* он работал научно, какие традиции русской науки заложил, чем знать тех, кого он «заложил» в переносном смысле этого слова. При этом мы не будем анализировать «диссертации» Ломоносова по физике, химии или минералогии. Это уже сделано многими историками науки. Более интересны для избранной нами темы те *традиции* самого подхода к научному творчеству, которые привнес в нашу науку именно Ломоносов и которые во многом стали определяющими для развития русской науки. Тем более, что господствовавший у нас почти до конца XX столетия тоталитаризм как нельзя лучше способствовал их укоренению и развитию. Как это ни странно, сами работы Ломоносова тут не при чем. Просто и в этом сказалась его гениальная прозорливость: *он заложил именно тот базис сугубо русского подхода к науке, который более всего корреспондировал с отношением к науке российского государства.*

Кумиром Ломоносова, как известно, был Петр Великий. И не зря. Натуры они родственные во многом. И роднит их прежде всего нетерпение, а потому торопливость, жажда объять своей неумной энергией все, отсюда — столь полярные начинания и даже разбросанность, отсюда же — неравноценность сделанного.

Мысль Ломоносова постоянно летела впереди фактов, а его всепроникающая интуиция позволяла делать довольно точные обобщения по единичным экспериментам. На проверку и перепроверку опытов у него не было ни времени, ни желания. Он спешил. Не удивительно, что даже свое основное достижение в физике — глубокое и точное понимание закона сохранения веса материи (вещества) и движения, он сформулировал не в монографии и даже не в научной статье, а в частном письме Л. Эйлеру 5 июля 1748 г. Для науки XVII и XVIII столетий это было характерным явлением, но чаще все же в письмах высказывались идеи и гипотезы, а их обоснование приводилось затем в научных трактатах. То же, впрочем, сделал и Ломоносов, но через 10 лет, представив в 1758 г. академическому собранию диссертацию «Об отношении количества материи и веса».

Столь же необычна форма подачи Ломоносовым своих научных результатов в химии. Он долгие годы размышлял над атомарной теорией вещества, предвосхитив достижения в этой области химиков XIX столетия. Свои соображения по этому поводу Ломоносов оформить в виде законченной научной теории не спешил, так как считал их «системой корпускулярной философии» и боялся, что ученый мир воспримет их как «незрелый плод скороспелого ума»²⁸. Он прекрасно понимал, что на философском уровне естественнонаучные проблемы не решаются, их надо обосновывать средствами теории и экспериментов. Это его последователи, особенно в XX веке, желая доказать миру, что мы не лыком шиты, подняли на щит национального приоритета действительно могучую фигуру Ломоносова и, желая доказать его первенство чуть ли не во всех областях знания, сильно навредили его подлинному авторитету.

Тот же стиль и в геологических работах Ломоносова. В них «наиболее важны высказанные им взгляды, идеи и гипотезы»²⁹, а не конкретные научные результаты. Так считал

В. И. Вернадский. У нас нет оснований оспаривать этот вывод. На самом деле, Ломоносов должен был начать и действительно начал свою научную деятельность как геолог. Его вместе с двумя студентами Петербургская Академия наук, о чем мы уже знаем, отправила на учебу в Германию с тем, чтобы по возвращении он мог заниматься описанием и пополнением минералогических коллекций Академии. 27 января 1749 г. в письме к историку В. Н. Татищеву Ломоносов вспоминает: «Главное мое дело есть горная наука, для которой я был нарочно в Саксонию послан, также физика и химия много времени требуют»³⁰. И несмотря на это, работ по геологии у Ломоносова очень мало. Причем собственно геологические его идеи содержатся всего в двух статьях³¹, да и те, строго говоря, являются не научными, а научно-популярными. Чем это можно объяснить?

Мне представляется, что основную роль здесь сыграли три фактора: почти полное отсутствие фактического материала, на базе которого можно было бы решать конкретные геологические проблемы, чисто физический склад ума ученого, не позволявший ему без эксперимента, т. е. без проверки фактами, браться за разработку какого-либо геологического вопроса; наконец, ненасытный научный аппетит Ломоносова, не оставлявший времени на дотошные и длительные исследования³². Размышлял же над этими проблемами он всю жизнь (не работал, а именно размышлял). Итогом этих раздумий ученого и стала, в частности, его статья «О слоях земных», опубликованная им всего за два года до смерти.

Поразительно то, сколь глубок был ум Ломоносова: без полевых экспедиционных исследований, без всякой фактической базы сумевший удивительно точно схватить самое сложное, что есть в геологической науке, — технологию познания геологического прошлого. Об этом спорят и сегодня, выдавая скороспелые плоды своего интеллекта за методологические откровения. При этом — можно не сомневаться — нынешние мыслители не опускаются до чтения Ломоносова. А зря. Он бы устыдил их и поставил на место.

Да, Ломоносов больше размышлял, чем экспериментировал. Тут в общем-то нет ничего удивительного, если вспомнить его весьма поверхностную учебную подготовку в Славяно-греко-латинской академии и дальнейшую учебу в Германии, где он так и не приобрел необходимых навыков культуры физического эксперимента, да и математических знаний также. К тому же не будем забывать, что и в Европе того времени экспериментальная технология естественных наук только зарождалась. Не было ни опыта, ни традиций, ни школ. Вне сомнения, у Ломоносова хватило бы дарований, займись он только физикой или химией, навсегда связать свое имя с конкретным научным открытием в одной из этих наук. Но он занимался сразу всем, а потому, ничего не открыв предметно, он до многого самостоятельно додумался и многое «угадал» (В. И. Вернадский). Но догадки, какими бы прозорливыми они не были, еще не доказательства. Такие «догадливые» чаще выводят на верную тропу усердных экспериментаторов и те аргументированно вписывают свое имя в историю науки, навсегда связав его с чем-то конкретным.

Скептически относился к естественнонаучным трудам Ломоносова академик П. П. Пекарский. Он, будучи историком, не мог оценить эти работы по существу. Поэтому прибегает к опосредованному сравнению: «Предоставляю специалистам, посвятившим себя изучению естествознания, объяснить, почему те же самые диссертации Ломоносова, будучи напечатаны в Комментариях Петербургской Академии, прошли незамеченными в истории наук, к которым принадлежат по содержанию, тогда как попавшие в те же Комментарии труды других членов нашего ученого общества, доставили некоторым из них почетную известность в ученом мире, которой они бесспорно пользуются и донныне»³³.

Вероятно надо заметить следующее обстоятельство, ранее почему-то ускользавшее от внимания исследователей. Дело в том, что Россия не выстрадала свою науку, она ее получила в готовом виде, причем западноевропейского образца. Поэтому традиции евро-

пейской науки оказались лицом к лицу с привычным для русского человека целостным, идущим от религиозных традиций, мирозерцанием. Мир для русского человека всегда был един и неделим, да и себя он ему не противопоставлял. Отсюда и желание обобщенной, «приближенной к жизни» постановке научных проблем, стремление понять мир в его единстве. Западные же ученые завезли в Россию принципиально иной взгляд на мир и на науку. Задачи они ставили конкретные и доводили их до конца, работу делали педантично, с мелочной дотошностью устраняя любые неясности; ценили факты, наблюдения и с неохотой пускались в рассуждения вокруг них.

Таким образом, в лице Ломоносова русская наука противопоставила европейской свой подход к естественнонаучному творчеству: всеохватность проблематики, отчетливую неприязнь к специализации, ведущей к узколюбости, взаимоотчуждению ученых и, как итог, к оторванности науки от потребностей жизни.

Подобные традиции оказались весьма живучи в русской науке. Уже в 40-х годах XIX века А. И. Герцен в своих философско-научноведческих работах «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» доказывал, что современная наука — всего лишь промежуточная стадия подлинной науки, поэтому тратить силы и время на ее изучение не стоит; вот придет подлинная наука, тогда, мол, и надо будет заняться ею вплотную. Она будет более совершенной, а, следовательно, и более доступной для широкой публики. Из подобной логики вытекала «та дикая смесь пиетета и снисходительности, мистических надежд и подозрительности, с которыми, к сожалению, и по сей день приходится часто сталкиваться в нашей стране и которые, как это ни странно, мы обнаруживаем у самого Герцена, когда от критики дилетантов он переходит к критике современных ученых за чрезмерную специализацию, формализм, оторванность от жизни и другие “грехи”»³⁴.

Подобное отношение к науке в целом стало для русских мыслителей традиционным, они всегда предъявляли ей повышенные требования, не признавая ни эмпиризм, ни редукционизм, не относя к категории «научных» ни частные теории, ни отдельные факты. В 1877 г. В. С. Соловьев в статье «Три силы» так ниспровергает современную ему науку: если «подлинной задачей науки признавать не... простое констатирование общих фактов или законов, а их действительное объяснение, то должно сказать, что в настоящее время наука совсем не существует, все же, что носит теперь это имя, представляет на самом деле только бесформенный и безразличный материал будущей истинной науки... Истинное построение науки возможно только в ее тесном внутреннем союзе с теологией и философией»³⁵.

Одним словом, русской душе противны мелочность и частности, ей хочется и науку развивать скачками и революционными потрясениями. Между тем только последовательное эволюционное развитие ведет к подлинно революционным прорывам в неизведанное, а нетерпеливость и опережающие толчки приводят лишь к тому, что история как бы ускользает и вместо революционных рывков наука скатывается на обочину прогресса. Подобное уже случалось дважды: в XVII столетии, когда родилась современная наука, мысль в России еще не проснулась и наука обошла нас стороной; да и в начале XX века, когда произошло рождение новейшего естествознания, его колыбелью вновь стала Западная Европа, Россия осталась как бы и не при чем.

Причин тому много. Основной, конечно, была значительная отчужденность научного социума от экономической системы и его жесткая зависимость от системы политической. Подобное «российское своеобразие» и вынуждало ученых искать для русской науки свой особый путь; все, что было привычным для европейских научных традиций, в России приживалось с большим трудом и обидным запаздыванием. А вокруг очевидных для любого европейца вопросов у нас велись нескончаемые споры, возносившиеся, как мы убедились, до глубокомысленных философских обобщений. Одним из показательных при-

меров подобных словопрений является устойчивое пренебрежение русского ума к эмпиризму. В Европе к этой «проблеме» относились спокойно. Пока в России спорили, там совершенствовали технологию добывания новых фактов, неуклонно при этом росла культура исследовательского процесса, ученые привыкали к кропотливому рутинному труду. Это позволило, в частности, выделиться экспериментальной физике и биологии, резко поднять научный уровень геологических работ.

Причем подобное состояние русского ума не было изначальным. Когда Петр I задумал создать в Петербурге Академию наук, то он жестко расставил исследовательские приоритеты: ему была нужна *только* прикладная наука. Если он не видел выхода в практические дела, то просто запрещал исследования. Это в дальнейшем, уже в начале XIX века члены Академии записали в свой Устав примат фундаментальной науки. Наука стала «чистой», академики отказались решать не только практически важные задачи, но даже заниматься преподаванием³⁶.

Ломоносову более всего импонировал подход к науке Петра I. Он прекрасно понимал, что Петр начал коренную ломку российской действительности, страна полностью перестраивалась на новый лад, ей были остро необходимы инженеры, строители и военные специалисты. Надо было, образно говоря, сначала построить прочный и уютный дом, а уж затем вальяжно расслабься у камина, можно было позволить себе и пофилософствовать в компании умных людей. Установка эта оказалась, хотя и понятной житейски, но крайне пагубной для развития науки. А главное, она стала вечной для русской науки, ибо уютный и теплый российский дом так и не удастся построить по сей день. Возможно и потому, в частности, что не то строили, убоившись развития науки, а потому выказывали ей традиционное государственное небрежение.

Так или иначе, но подобная ориентация на приоритеты национальной науки стала как бы своей и для самих ученых. Они впитали ее вместе с азбукой и иной науки помыслить не могли. Даже Ломоносов, накрывший своим могучим интеллектом все разрабатывавшееся в его годы научное поле, и тот основным приоритетом науки считал не поиск Истины, а ее практическую пользу³⁷, а применительно к исторической науке — государственную целесообразность и полезность. Практическую ценность научных открытий он называл «художествами» и наставлял своих коллег: «Профессорам должно не меньше стараться о действительной пользе обществу, а особливо о приращении художеств, нежели о теоретических рассуждениях»³⁸. Правда и эти пожелания повисали в воздухе, ибо для разработки конкретных, да к тому практически важных, проблем необходимо, по меньшей мере, два условия: чтобы эти проблемы были действительно нужны обществу, т. е. востребовались им, да и иная культура научного творчества, в частности экспериментального, отторгавшаяся, как мы отметили, традиционно русским мирозерцанием.

Именно из-за внутренней убежденности ученых в ненужности их труда проистекали все чисто российские «особости» отношения к науке, которых при иных условиях просто бы не было. На самом деле, если бы русские ученые чувствовали свою нужность государству, разве пришло бы им в голову рассуждать о полезности науки, о ее приближении к народу, о том, что важнее — факты для теории или теория для фактов и тому подобные глубокомысленные сентенции. Причем все это было актуально для русской науки еще во времена Ломоносова и только поэтому данные «особости» мы назвали «ломоносовскими корнями русской науки». Ломоносов не уставал призывать «к беспрепятственному приращению наук и приобретению от народа к ним почтения и любления»³⁹. А почти через сто лет после Ломоносова Герцен полагал, что науку будут развивать не кабинетные затворники, не университетские профессора, не «современные троглодиты и готтентоты», а «люди жизни», способные «преодолеть разобщенность научных дисциплин и достичь органического единства науки, философии и практики»⁴⁰.

Еще одна, уже в прямом смысле ломоносовская, традиция русской науки касается, в первую очередь гуманитарных наук, в которых конечный результат исследования может зависеть, в частности, и от исходной позиции ученого: является ли он патриотом своего отечества и охраняет его от «вредной» информации либо он, прежде всего, ученый и для него ничего, кроме истины, не существует. Сторонником первого подхода, можно даже сказать его автором, и был Ломоносов. Ему противостоял его «вечный» оппонент историк Г.-Ф. Миллер. Спор их длился долго, перерос в личную вражду. Касался же он любви к отчизне, того, «кто любит ее больше — тот, кто постоянно славит и воспевает ее, или тот, кто говорит о ней горькую правду»⁴¹. Грустная ирония исторической судьбы Ломоносова — в том, что он, понимая патриотизм ученого, мягко скажем, весьма своеобразно, по сути сам преподнес советским потомкам свое имя как идейное знамя борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом.

Суть же самого спора Ломоносова и Миллера мы излагать не будем. Он подробно описан в статье А. Б. Каменского⁴². Скажем лишь, что касался он «варяжских корней» русской нации, сибирского похода Ермака и ряда других установочных проблем российской истории. При этом Миллер опирался только на факты, а Ломоносов отталкивался от целесообразности. Аргументация же его носила не столько научный, сколько политический характер, за «правдой» он апеллировал не к ученым, а к своим покровителям. Ломоносов вполне искренне считал, что историк обязан быть человеком «надежным и верным» и для того «нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния.., природный россиянин.., чтобы не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию»⁴³.

Одним словом, *credo* Ломоносова-историка стало традиционно-русским: если факты «порочат» славу России, сообщать о них не следует; если факты «оскорбляют» власть, извлекать их из архивов не надо. Так же считали и российские правители всех времен. Если перевести мысли Ломоносова в родные для нас терминологические ориентиры, то станет ясно: история для Ломоносова — наука партийная.

На этом можно поставить точку. Надеюсь, что роль Ломоносова в становлении русской науки обозначилась непредвзято: без патриотической восторженности и излишнего высокомерия «помудревшего» на два столетия интеллекта.

Примечания

- 1 Мнения ученых по этому вопросу расходятся. Одни отталкиваются от публикации постановления Сената об учреждении Академии наук 28 января 1724 г., другие — от даты ее торжественного открытия 27 декабря 1725 г., когда в присутствии императрицы Екатерины I состоялось первое официальное заседание Академии наук.
- 2 Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 323.
- 3 Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1958. С. 277.
- 4 Там же. С. 278.
- 5 Вернадский В. И. Указ. соч. С. 14.
- 6 Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 1–10. М., Л., 1950–1957; Т. 11 (дополнит.). Л., 1983.
- 7 Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Ч. 1–6. СПб., 1784–1787 (См.: Лозинская Л. Я. Во главе двух Академий. Л., 1983).
- 8 Вернадский В. И. Указ. соч. С. 55.
- 9 В этом можно убедиться, просмотрев библиографический каталог Библиотеки РАН. Однако наиболее обстоятельная биография М. В. Ломоносова была создана лишь к 275-летию ученого (см.: Павлова Г. Е., Федоров А. С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). М., 1988.). Но и она написана под гипнозом имени ученого. Наиболее же беспристрастный и в этом смысле объективный анализ материалов о Ломоносове был опубликован к 150-летию Академии наук П. П. Пекарским: «История Императорской Академии наук в Петербурге». 1873. Т. 2. Эти материалы уже в наши дни использовал воронежский историк В. П. Лысцов для воссоздания живой

- фигуры основоположника нашей науки (см. *Лыцов В. П.* Жизнь и деятельность М. В. Ломоносова в освещении П. П. Пекарского. Воронеж, 1993).
- 10 Цит. по: *Лыцов В. П.* Указ. соч. С. 13.
- 11 *Наузов В. П.* Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 51–72.
- 12 История Академии наук СССР. Т. I. М., 1958. С. 163.
- 13 Там же. С. 161
- 14 В 1737 г. из Академии наук уволили академика И.-Х. Либерта, в 1739 г. — Хр. Мартини. Многие иностранцы, приглашенные в Академию еще Петром I, вынуждены были покинуть Россию из-за интриг своих же коллег: физик Г.-Б. Бюльфингер, математик Я. Герман, математик и механик Д. Бернулли, астроном Ж.-Н. Делиль и др.
- 15 См., напр.: *Пекарский П. П.* История Российской Академии наук в Петербурге. 1873. Т. 2; *Каменский А. Б.* Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю // Ломоносов: Сб. статей и материалов Т. IX. СПб., 1991. С. 39.
- 16 *Мыльников А. С.* Славянская тема в трудах Татищева и Ломоносова: опыт сравнительной характеристики // Ломоносов: Сб. статей ... С. 29.
- 17 *Лыцов В. П.* Указ. соч.
- 18 *Мыльников А. С.* Указ. соч.
- 19 См.: Наше наследие. 1988. № II. С. 58.
- 20 *Мыльников А. С.* Петр III // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 43–58; *Левшин Б. В.* Первый научный архив России // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 3. С. 242–250.
- 21 *Лыцов В. П.* Указ. соч. С. 64.
- 22 Там же. С. 24.
- 23 *Копелевич Ю. Х., Цверева Г. К., М. В. Ломоносов и Х. Г. Кратценштейн* // Ломоносов. Сб. статей... С. 90–93.
- 24 *Каменский А. Б.* // Ломоносов: Сб. статей... С. 42.
- 25 Там же.
- 26 *Каменский А. Б.* «Под сенью Екатерины...». СПб., 1992
- 27 *Анисимов Е.* Россия без Петра. СПб., 1994.
- 28 *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. II. М., 1957. С. 173.
- 29 *Вернадский В. И.* Указ. соч. С. 18.
- 30 *Хабаров А. В.* Труды М. В. Ломоносова в науках о Земле // Бюллетень Московского об-ва испытат. природы. Отдел геологич. 1961. Т. 36. № 5. С. 10.
- 31 Мы имеем в виду статьи М. В. Ломоносова «Слово о рождении металлов от трясения Земли» (1757 г.) и «О слоях земных» (1763 г.).
- 32 *Романовский С. И.* От представлений М. В. Ломоносова о «трясении Земли» до современной тектоники // Тектонические основы прогнозно-металлогенических исследований: Сб. статей. СПб., 1992. С. 150–159.
- 33 *Лыцов В. П.* Указ. соч. С. 37.
- 34 *Менцин Ю. Л.* Дилетанты, революционеры и ученые // Вопросы истории естествозн. и техники. 1995. № 3. С. 28.
- 35 *Соловьев В.* Статьи и письма // Новый мир. 1989. № 1. С. 202.
- 36 См.: История Академии наук СССР. Т. I. М., 1958; Уставы Академии наук СССР. М., 1974. 208 с.
- 37 *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. III. М.; Л., 1957. С. 19.
- 38 Там же. Т. IX. С. 47–48.
- 39 Там же. Т. X. С. 48.
- 40 *Менцин Ю. Л.* Указ. соч. С. 22.
- 41 *Каменский А.* «Под сенью Екатерины...». С. 389.
- 42 *Каменский А.* Ломоносов и Миллер... С. 39–48.
- 43 *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. X. С. 148–149.

М. Ф. Хартанович

К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского)

По «Дружескому трактату», заключенному в апреле-мае 1815 г. «Его Величеством императором Всероссийским и Его Величеством королем Прусским» герцогство Варшавское, в которое входили польские земли кроме Кракова, области и округа на правом берегу Вислы, переходили навсегда к Российской империи. «Оно в силу своей Конституции будет в неразрывной с Россиею связи и во владении Его Величества императора Всероссийского, наследников Его и Преемников в вечные времена. Его Величество, сообразно с существующими в рассуждении прочего Его титулов обычаем и порядком, присовокупит к оным и титул Царя (Короля) Польского».¹

15 ноября 1815 г. по решению Венского конгресса к России отошла большая часть герцогства Варшавского. Александр I провозгласил себя королем Польским и предоставил польской шляхте «конституционную хартию». Конституция утверждала неприкосновенность личности, независимость суда, свободу печати, предоставляла шляхтичам-собственникам и богатым горожанам право выбора депутатов сейма. Управлял привисленскими губерниями Административный совет, состоявший из министров-поляков во главе с царским наместником. В воеводствах действовали выборные воеводские советы. Польский язык официально признавался во всех учреждениях, а Католическая Церковь пользовалась особым покровительством правительства. Крестьяне обрели личную свободу с оставлением всей земли в собственности помещиков. Было сохранено и гражданское законодательство, введенное в герцогстве Варшавском в 1808 г. по образцу кодекса Наполеона I.

Первоначально Александр I проводил в Польше либеральный политический курс, тем самым подавая полякам надежду на присоединение к Королевству Литвы, Волыни и Подолии. Но в 20-е гг., опасаясь распространения революционных настроений с Запада, правительство попыталось приостановить рост либеральных настроений: был закрыт ряд газет, введена цензура, задержан созыв сейма. Еще более настораживала высшие правительственные круги связь польского Патриотического общества с декабристами.

В конце 1828 г. молодой шляхтич подпоручик Петр Высоцкий организовал в варшавской офицерской школе (школа подхорунжих) тайное общество, целью которого была подготовка военного переворота во имя восстановления независимости Польши. Вскоре к этому обществу примкнули известные представители радикальной варшавской интеллигенции: публицист Маврыций Мохнацкий, Ксаверий Брониковский, Людвиг Набеляк, Северин Гощенский и др. Возникли подпольные кружки и среди студентов. Их идейным вдохновителем стал историк Иоахим Лелевель.

В сложной политической обстановке Николай I после некоторых колебаний решил-ся на коронацию в Варшаве. Экстремистским крылом патриотически настроенной молодежи — так называемыми «подпрапорщиками», — готовилось покушение на Николая I и его семью во время предстоящей коронации. Выпускники Школы подпрапорщиков М. Мохнацкий, А. Гуровский и А. Чиховский явились главными инициаторами заговора.

В марте 1829 г. стало известно, что император вместе с семьей перед вторым турецким походом прибудет в Варшаву для восшествия на польский престол. «Подпрапорщики» объединились с «Высшим политическим союзом», в который вошли студенты и молодые офицеры. Дворянин из Познани Т. Дзялинский встретился с А. Гуровским и П. Высоцким для обсуждения плана покушения — решено было приурочить к нему и начало восстания. В роли диктатора предполагался родственник Дзялинского Адам Чарторыйский. В планы покушения Высоцкий посвятил и члена сейма Зверковского. Круг заговорщиков ширился, вовлекались зачастую люди, неподготовленные к нелегальной работе. Сомнения и нерешительность Дзялинского, многочисленные аресты смешали ряды заговорщиков: решено было направить эмиссаров в Берлин (Дзялинский) и в Вену (Бернард Потоцкий) для выяснения настроений в Европе о поводе предполагаемых действий в Польше.

Непосредственно перед коронацией предполагалось подать императору подписанную депутатами просьбу об отмене добавочного акта, запрещавшего публичность совещаний сейма. В случае отказа Николая I подписать прошение планировалось нападение на царя и его семью во время парада на Саксонской площади. Это был сигнал к восстанию.

Дзялинский и Потоцкий под предлогом планируемой поездки в Вену и Берлин навсегда покинули Польшу. Однако поскольку многие знали о заговоре, то и правительство получило информацию о нем.

Одним из невольных информаторов оказался бывший студент Варшавского университета, монах ордена Пиаров Винсент Смагловский. В Российском государственном историческом архиве хранится так называемое «Дело о Смагловском», которое имеет еще подзаголовок «Основание им Тайного общества с целью вынудить силою согласие у императора Николая I на восстановление Царства Польского, во время коронавания его Польскою короною в г. Варшаве. 1830 г.»

Граф Дмитрий Курута, уже через несколько месяцев после коронавания, в ноябре 1829 г. послал императору документы о деле Смагловского со следующим сопроводительным письмом: «Всемиловнейший государь. Преклоняя колена приемлю дерзновение умолять Высочайшую Вашего Императорского Величества благость за неумышленное и невольное с моей стороны упущение недонесением об арестовании известного Смагловского. Изложив о сем эштафетом в отношении моем к статскому советнику Туркуллу причину, воздержавшую меня предоставить мое всеподданнейшее донесение, не желаю упоминать о том более, но с умилением сердца и с глубочайшим благоговением осмеливаюсь всеподданнейше просить всемиловнейшего прощения.

Дабы представить первоначальный ход дела, побудивший нас арестовать Смагловского, посчитаю необходимым всеподданнейше представить у сего в оригинале рапорт вице-президента Любовицкого и осмеливаюсь всеподданнейше донести, что во избежании огласки и в отвращении всякой возможности, чтобы иные не покусились дать делу оборот противной истины, и тем закрыть оную, сие дело рассматривается у сенатора Новосильцова, который не умедлит по окончании следствия представить тотчас само донесение.

Граф Дмитрий Курута

Варшава. 3/15 ноября 1829 г.²

Узловым документом в этом деле является выписка из донесений вице-президента Любовицкого о расследовании, проводимом сенатором Новосильцовым по делу Смаг-

ловского. Из этого документа следует, что в апреле 1829 г., перед прибытием императора в Варшаву, Винсент Смагловский, 22-х лет, уроженец Брад в Галиции, с 1824 г. член ордена Пиаров «навлек на себя подозрение в намерении учредить между воспитанниками Варшавского университета Патриотическое общество»³.

На допросе Смагловский и студенты Варшавского университета Бонковский, Ясликовский, Нежабатовский, Бронзовский, Кроткий, Кондицкий и Длужевский сообщили, что в день именин Смагловского они собрались у него и, когда «умы были разгорячены вином», Смагловский выразил сомнение в патриотических чувствах юношей и из способности «питать ту же преданность Отечеству, примером коей служат Ходневич, Чарнецкий и Костюшко»⁴. Студенты единодушно утверждали, что верны Отечеству и подписали следующую бумагу: «Я буду защищать Отечество свое до последней капли крови». На следующий день гости Смагловского, вспомнив о своем поступке, кинулись к нему, потребовали возврата документа и сожгли его.

О данном происшествии вскоре стало известно университетскому начальству. По решению Университетского совета Смагловский был из учебного заведения и из сословия Пиаров исключен, остальные юноши содержались две недели под арестом.

Проведя лето в имении Лабендского в Трембкане Гостининского округа, Смагловский осенью вернулся в Варшаву и решил возобновить свои отношения со студентами университета. Потерпев неудачу, Смагловский отправился обратно в Трембкан. В это время варшавской полиции было сообщено с места летнего проживания Смагловского, что он подозревается в получении писем под ложными именами и имеет при себе записную книжку с бумагами, в числе которых были шифрованные листы⁵. Видимо эта информация поступила от студента Воловского, который находился летом в Трембкане и общался со Смагловским. Воловский по приезде в Варшаву обращался «за советом» к секретарю Сената Немцевичу, министру финансов князю Любецкому и директору театра Осинскому. Результатом этих действий стал арест Смагловского в Трембках и доставление его в Варшаву со всеми, найденными при нем документами. Среди бумаг были обнаружены: форма присяги, написанная шифром, два неотосланных письма Смагловского к графу Роману Салтыку, в которых он извещал последнего о своем намерении учредить тайное общество, несколько песен, написанных в духе ненависти к императорской фамилии и вообще к русским, шифрованный алфавит.

После долгих заперательств В. Смагловский дал следующие показания: «Будучи воспитан отцом в началах ложного патриотизма и увлекаясь воображением, считал он себя способным предпринять что-либо к восстановлению Польши. В сем намерении казалось ему ближайшим воспрепятствовать коронованию государя императора и допустить оное только после Высочайшего согласия: 1) на возвращение Польше всех присоединенных от оной к России провинций; 2) на ненарушимое сохранение Конституции; 3) на право свободного выбора королей. Для сего полагал он собрать до 200 молодых людей. Скрыть их с оружием за обоями залы Коронования, а в продолжении церемонии окружить императорскую фамилию и вынудить согласие Его Величества. После того, полагал он избрать на престол герцога Рейхштадтского и через то возвратить Галицию. Пруссия затем могла бы быть присуждена к уступке Великому Герцогству Познаньского, а наконец, возмутив Венгрию и Богемию, оставалось бы составить общий союз славянского народа»⁶.

Со своими идеями Смагловский прежде всего ознакомил студента Бонковского. Они приняли присягу⁷. Вскоре Смагловский вовлек в члены тайного общества еще несколько студентов варшавского университета⁸. Чтобы придать весомости своей организации, Смагловский «открыл» молодым людям имена якобы членов тайного общества. Костяк общества представляли (не ведая о том) секретарь Сената Немцевич, граф Роман Салтык, не-

сколько сенаторов, военных и гражданских чиновников. Однако студент Кроткий, «из боязни или желая удостовериться в истине», обратился к Немцевичу с вопросом об его участии в столь славном деле. Таким образом существование общества было раскрыто.

На допросе студенты сообщили, что Смагловский уверил их в том, что главой общества являлся генерал Хлопицкий и что Австрия во всех предприятиях будет поддерживать общество с целью возведения на польский престол герцога Рейхштадтского.

Следователи ознакомились и с неотправленными письмами Смагловского к Салтыку. В первом из них, от 1 июля 1828 г., он сообщает о своем отъезде из Варшавы, чтобы избежать установленного за ним надзора. Второе письмо, от 28 июня, содержит описание «настоящего унижения Польши, намерение свое восстановить сие царство на степень первобытного величия и свободы и укрепить общий союз Славянских народов, в состав которых должна войти и Россия»⁹. Далее он признался, что обманул принятых в общество студентов, уверил в соучастии Немцевича и нескольких сенаторов. Смагловский сообщает, что начал скупать оружие, однако средства его оказались незначительными и он просит Салтыка о финансовой помощи. Затем он извещает о том, что познакомился с тайным агентом полиции и имеет от него различные сведения.

Смагловский объяснил следствию, что в письме этом «все ложно, кроме обстоятельств, на допросе им показанных». Из дела остается невыясненным, понес ли Смагловский какое-либо наказание. Он участвовал в ноябрьском восстании и в военных действиях против русских войск. После подавления восстания бежал во Францию. В 80-х гг. Смагловский вернулся в Польшу и поселился в Станиславове, открыв там публичную библиотеку.

Деятельность В. Смагловского в предреволюционный период в истории Польши выглядит незначительным эпизодом в деле борьбы поляков за независимость. Однако этот эпизод рисует общее настроение в умах польской молодой интеллигенции того времени.

Коронация прошла без осложнений. Вот как описывает церемонию В. А. Жуковский, присутствовавший на ней: «Для коронования была приготовлена большая зала Сената, находящаяся во дворце... Она украшена была великолепно. На одном конце ее воздвигнут был трон; два кресла стояли на возвышении под балдахином, на коем изображены были все гербы Царства Польского, и посреди их, в двоеглавом орле России, белый орел Польши. Посреди залы возвышался крест, вдоль стен, справа, слева и на супротив трона, стояли сенаторы, нунции и депутаты Царства; над ними, на балконе, находились знатнейшие дамы Варшавы. С нетерпением ожидали прибытия государева. И он и государыня императрица слушали в греко-российской дворцовой церкви обедню. Наконец подали знак, что император приближается; глубокое молчание воцарилось в собрании, двери палаты отворились и торжественный ход начался. Государь явился, предшествуемый знатнейшими сановниками, несущими регалии, епископами и архиепископами, за ним государыня уже в короне и порфире, его высочество наследник, великие князья Цесаревич и Михаил Павлович и сановники придворные. Их высочества заняли приготовленные им места. Архиепископ примас произнес молитву. Когда государь возложил на себя императорскую корону, надел порфиру, принял в руки державу, скипетр, украсил цепью ордена Белого Орла государыню императрицу, архиепископ провозгласил троекратно: *Vivat rex in aeternum*. За сим последовало трогательное, разительное-величественное действие: монарх России и Польши, украшенный венцом прародительским, преклонил колена пред невидимо присутствующим Богом, произнес молитву за себя и за народ, вверяемый его любви промыслом: лицо его было оживлено чувством, и твердый голос его иногда прерывался от сильного движения душевного; внимавшие исполнены были глубокого благоговения и проливали слезы благодарности»¹⁰.

Коронавание состоялось 12 мая 1829 г. В этот же день вышел манифест о «возложении императором Николаем I на главу свою Польской короны». Он гласил:

«Господину Санкт-петербургскому Военному Генерал-губернатору.

Согласно с волею незабвенного Брата Нашего, блаженные и вечныя славы достойного Императора Александра, Мы, сего 1829-го года Мая 12-го в Нашем Столичном городе Царства Польского Варшаве, короновали себя Царем Польским, возложив на главу свою прародительскую Нашу Императорскую Всероссийскую Корону. Повелеваем вам известить жителей Столичного города Санкт-Петербурга о сем торжественном действии, коим на все времена определено и утверждено бытие Царства Польского, навсегда неразрывным с Империею Российскою.

Пребываем к вам навсегда благосклонны.

Николай.

Варшава. 13 мая 1829 г.»¹¹

«Неразрывные узы» Царства Польского с Российской империей не выдержали и года. 29 ноября 1830 г. в Варшаве вспыхнуло восстание за освобождение Польши, повлекшее за собой русско-польскую войну 1830—1831 гг.

Примечания

1 Полное собрание законов Российской Империи. Собр. II. 1815—1815. № 25827.

2 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Собственная Его Величества канцелярия. Оп. 2. Д. 5525. Л. 1.

3 Там же. Л. 26.

4 Там же. Л. 26 об.

5 Там же. Л. 27.

6 Там же. Л. 27 об.

7 Присяга была произнесена над черепом, принесенным из Праги (пригорода Варшавы), и над по-

ложенным около черепа ножом, вместо кинжала. Присягнувшие обещали хранить тайну, не щадить ни жизни, ни имущества к защите отечества, соглашаться в случае присяги умереть от руки своих сообщников (Там же. Л. 28).

8 Ясликовского, Нежабовского, Бронзовского, Кроткого, Кондицкого, Длужевского.

9 РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5525. Л. 30.

10 Жуковский В. А. Сочинения. Т. 5. СПб., 1885. С. 462—463.

11 РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5311. Л. 1.

Н. П. Ульянов

«Ворошиловский всадник»

В системе мер, направленных на укрепление обороноспособности страны в 1930-е годы, особое значение придавалось физическому воспитанию молодежи и широкой пропаганде военно-прикладных видов спорта. Спортивные общества и ОСОА-ВИАХИМ — Добровольное общество содействия авиации и химической защите — проводили большую работу по общей физической подготовке, стрелковому делу, парашютному спорту. Были разработаны комплексы упражнений, после сдачи которых вручались значки ГТО — «Готов к труду и обороне» — двух степеней, «Ворошиловский стрелок», также двух степеней и другие. Их носили не только юноши и девушки — школьники, студенты, военнослужащие, но и многие лица старшего возраста.

Менее распространен был значок «Ворошиловский всадник», так как обучение конному спорту требовало дорогостоящей материальной базы. Тем не менее в ряде крупных городов — Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Ярославле и других были созданы конно-спортивные школы как в системе ОСОАВИАХИМа, так и в спортивных обществах «Динамо», «Спартак», «Буревестник». Ленинградская конно-спортивная школа ОСОАВИАХИМа в летнее время находилась в лагере в Сосновке, а в зимнее помещалась в здании Малого Эрмитажа рядом с Зимним дворцом. В просторной царской конюшне, сохранившейся в первоизданном виде, стояло около 40 лошадей, в том числе несколько полукровных. Занятия проводились в манеже, примыкавшем к конюшне, где когда-то обучались верховой езде наследники российского престола¹.

Желающих заниматься было более чем достаточно. В основном это были студенты, старшие школьники, рабочие и служащие. При одном занятии в неделю в течение учебного года с октября по апрель приобретались знания по уходу за конем, вырабатывались правильная посадка, устойчивые навыки езды на всех аллюрах, умение преодолевать препятствия. Все в целом соответствовало требованиям, предъявляемым к молодому бойцу кавалерии. Кроме того, следовало освоить вольтижировку — гимнастику на лошади, и научиться владеть холодным оружием — шашкой. Кроме групп («смен») для начинающих в школе была также отдельная группа мастеров спорта.

В конце первого года обучения (1936—1937 гг.) наша «смена» из 12 студентов Ленинградского института инженеров промышленного строительства², сдав зачетные упражнения, получила значки «Ворошиловский всадник». Выполненные из алюминиевого сплава, они имели форму подковы, в середине которой был изображен скачущий всадник с красным знаменем на фоне синей звезды. Синим был уставной цвет петлиц на шинели и кителе, околыша фуражки и суконной звезды на «буденовке» кавалериста.

Значок «Ворошиловский всадник».

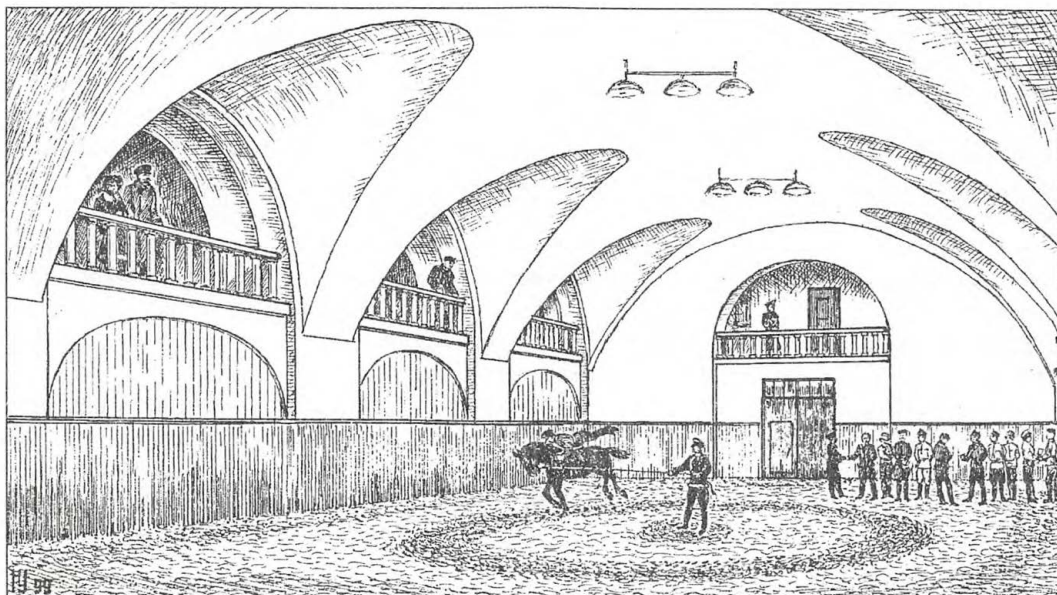
В следующем 1937—1938 учебном году мы продолжили занятия, закрепив приобретенные навыки, доведя до автоматизма то, что раньше давалось с напряжением. Каждый учебный год мы завершали показательными выступлениями на спортплощадке своего института по программе: фигурная езда, преодоление препятствий, игра в «листочку», рубка лозы.

Два года занятий в школе благотворно отразились на нашем общем физическом состоянии, развили такие полезные качества, как ловкость, решительность, смелость и сблизили нас с прекрасным животным — конем, верно служившим человеку несколько тысячелетий. Многим, в том числе и автору, полученные знания пригодились в годы войны 1941—1945 гг., так как лошадь использовалась не только в кавалерии, но и в других родах войск. Прошло много лет,

но я до сих пор помню клички и индивидуальные особенности коней, на которых тогда ездил и, конечно, фамилии наших учителей-инструкторов. Это были командиры запаса Смирнов, Алексеев, Шульга и даже один военнопленный австриец, в прошлом воевавший у Буденного в 1-й Конной армии. К сожалению, этот последний, как и начальник школы Никитин, не пережил репрессий в зловещем 37-м году и исчез из школы.

Но более всех запомнился наш первый учитель — старый кавалерист с большим строевым и боевым опытом, Михаил Васильевич Екимов, бывший полковник русской армии, командовавший в конце 1-й мировой войны Черкесским конным полком Кавказской туземной дивизии, более известной под названием «Дикой». В прошлом он серьезно увлекался спортом и в 1912 году участвовал в Олимпийских играх в Стокгольме в составе команды конников России, состоявшей из офицеров. Можно сказать, что конному делу и кавалерии он отдал всю свою жизнь. В 1936 году ему было 73 года, но он был еще бодр, сохранил военную выправку и безукоризненную манеру обращения с подчиненными, в данном случае с нами, его учениками. Он, несомненно, представлял собой лучший тип офицера старой русской армии. Его задача как инструктора затруднялась тем, что из-за травмы, полученной от удара лошадиным копытом он не мог садиться в седло и показывать нам личный пример. Он ограничивался только словесными объяснениями и замечаниями. Но мы были достаточно понятливы и послушны, за что часто удостоивались его похвал, особенно представительницы «прекрасного пола».

Конечно, он только чудом уцелел в годы революции. Его полк и дивизия входили в состав 3-го конного корпуса, направленного генералом Л. Г. Корниловым на Петроград в августе 1917 года. Эта отчаянная попытка положить конец анархии и развалу армии ни к чему не привела и постепенно все полки корпуса были нейтрализованы, разоружены и демобилизованы после Октября. Хотя М. В. Екимов и был кадровым офицером с развитым чувством воинского долга, он сознавал бесчеловечность, бессмысленность и преступность войны, развязанной в 1914 году, принесшей народам неисчислимые страдания. Поэтому он стоически, как неизбежность, воспринял конец старой армии, не сделав попыток примкнуть к Белому движению. Более того, его единственный сын Георгий вступил в Красную Армию, сражался в рядах 1-й Конной и погиб во время гражданской вой-

Вольтижировка в манеже Зимнего дворца (здание Малого Эрмитажа). Рис. автора.

ны. Его знал лично С. М. Буденный, оказавший Екимову-отцу помощь и покровительство. Михаил Васильевич поселился под Петроградом в Павловске (тогда он назывался Слуцком) и был инструктором верховой езды в воинских частях. Фотография его героически погибшего сына помещена в альбоме, посвященном 60-летию 1-й Конной армии¹.

К сожалению, М. В. Екимов недолго был нашим наставником — всего несколько месяцев. Он часто беседовал с нами, рассказывал разные эпизоды из своей жизни, мы с интересом его слушали, сознавая, что перед нами человек в своем роде уникальный. Однажды он принес и показал нам свои старые фотографии, запечатлевшие его на разных этапах долгой службы — молодым офицером Каргопольского драгунского, затем Владимирского уланского полков, участником Олимпиады на скаковом поле в Стокгольме и, наконец, лихим командиром Черкесского полка в папaxe и черкеске с газырями. Однако его увлечение воспоминаниями о прошлом кому-то явно не понравилось: безвестный «стукач» доложил куда следует. Придя в очередной раз на занятия, мы были встречены новым инструктором В. Н. Смирновым, молодым кавалеристом, ладным, подтянутым и тоже очень доброжелательным. А о Екимове прочли на стенке в приказе, что он уволен «за неуместную популяризацию офицерских фотографий». К счастью, начальство ограничилось только его отлучением от школы, а могло быть и хуже.

Перед войной Михаил Васильевич продолжал мирно жить на своей даче в Павловске вместе с двумя дочерьми. Зная его адрес, летом 1939 года я навесил его и провел в приятном обществе пару часов. Это была наша последняя встреча. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. В 1941 году, через два месяца после вторжения, фашистские войска подошли к Павловску, и судьба большинства его жителей оказалась трагична — многие не смогли перебраться в Ленинград, а участь тех, кто успел, тоже была незавидной.

Снова сесть в седло мне удалось лишь в 1946 году, когда я служил в Ленинградском Военно-Инженерном Училище, в составе которого был конно-саперный полуэскадрон, доживавший свой век, как и вся кавалерия.

О былом увлечении мне сегодня напоминает описанный выше значок да пара шпор моего дяди К. М. Носова, подпоручика Приморского драгунского полка старой армии, расстрелянного в мае 1941 года по ложному обвинению в Таллине.

Состояние конного спорта в Петербурге за несколько десятилетий стало плачевным, но в последние годы наметился перелом в лучшую сторону — на стадионе «Петровский» стали проводить международные и городские соревнования. Есть надежда, что в будущем город вернет себе былую славу в этом красивейшем и полезном виде спорта.

Следует напомнить, что Россия, никогда не испытывавшая недостатка в отличных конях и смелых всадниках, продемонстрировала перед Первой мировой войной большой успех своих спортсменов. В течение трех лет подряд с 1912 по 1914 год на ежегодных состязаниях кавалеристов европейских армий, проводившихся в Англии, группа офицеров гвардейской кавалерии трижды завоевывала первенство.

Согласно условиям, после трехкратной победы ценный приз должен был навсегда остаться в России, однако начавшаяся война задержала его отправку. Только весной 1916 года он был послан морем на крейсере «Hampshire», но так и не прибыл по назначению — корабль был потоплен германской подлодкой вблизи Оркнейских островов. Тогда же погиб английский главнокомандующий лорд Китченер, направлявшийся в Россию для переговоров.

Примечания

- 1 В этом помещении в 1956 г. был выставлен Пергамский алтарь, вывезенный из Берлина как «трофей».
- 2 Леон Авиром, Семен Гельман, Ирина Гольдберг,

Донат Жеребов, Александр Крахмальников, Элида Найденова, Михаил Носович, Николай Ульянов, остальных уже не вспомнить.

- 3 Легендарная Первая Конная. Москва, 1979.

К. М. Александров

Вооруженные силы КОНР

Материалы к составлению штатного расписания
Вооружённых Сил Комитета Освобождения Народов
России генерал-лейтенанта А. А. Власова
по состоянию на 22 апреля 1945 г.

Штаб Главнокомандующего Вооружённых Сил КОНР

1. Главнокомандующий Вооружёнными Силами Комитета Освобождения Народов России (ВС КОНР) — *генерал-лейтенант А. А. Власов*
2. Личный адъютант — *капитан Р. Л. Антонов*
3. Личный переводчик — *обер-лейтенант В. А. Ресслер*
4. Начальник личной охраны — *капитан П. В. Каштанов (М. В. Шатов)*
командир взвода личной охраны — *поручик А. Н. Бублик*
5. В распоряжении Главнокомандующего ВС КОНР — *подполковник М. К. Мелешкевич*

6. Вспомогательные войска ВС КОНР (в непосредственном подчинении Главнокомандующему генерал-лейтенанту А. А. Власову)

Начальник штаба Вспомогательных войск ВС КОНР — *полковник Г. И. Антонов*
Заместитель начальника штаба по технической части — *инженер-подполковник К. И. Попов*
Начальник боевой подготовки — *майор М. Самойлов*
Начальник отдела кадров — *полковник Шоколи*

7. Штаб Вооружённых Сил КОНР

Начальник штаба ВС КОНР — *генерал-майор Ф. И. Трухин*
Личный адъютант начальника штаба ВС КОНР — *поручик А. И. Ромашкин*
Заместитель начальника штаба ВС КОНР — *полковник В. Г. Баерский (В. И. Боярский *)*
Начальник секретариата штаба ВС КОНР — *капитан С. А. Шейко*
Офицер для особых поручений (контрразведка) — *капитан М. В. Томашевский*
В распоряжении штаба ВС КОНР — *полковник А. П. Ананьин, майор С. И. Свобода*
Переводчик штаба ВС КОНР — *подпоручик А. А. Кубеков*
Врач штаба ВС КОНР — *капитан медицинской службы П. А. Казанский*
Начальник офицерского резерва штаба ВС КОНР — *подполковник Г. Д. Белай*
Помощник начальника резерва — *подполковник М. М. Голенко*
Командир роты резерва — *поручик А. Логинов*

* В скобках приводятся псевдонимы, под которыми указанные офицеры служили в ВС КОНР.

Комендант штаба ВС КОНР — *майор Глазенап*

Отдельный кавалерийский эскадрон штаба ВС КОНР — *командир эскадрона капитан Тищенко*

Батальон охраны штаба ВС КОНР — *командир батальона капитан В. Дубовец*

Командир роты, укомплектованной старшими кадетами эвакуированного из Белграда 1-го русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса, — *поручик Копытов* (командиры взводов — *поручик Е. А. Делаковский, поручик Морозюк*)

Отдельный строительный батальон — *командир батальона капитан А. П. Будный*

Командир специального отряда по охране ценностей КОНР — *капитан А. Анохин*

Отделы штаба Вооружённых Сил КОНР

1-й отдел — Административно-хозяйственный

Начальник отдела — *майор П. Н. Шишкевич*

Начальник общей части — *поручик Прокопенко*

Заведующий делопроизводством — *подпоручик В. Антонов*

Начальник продовольственного снабжения — *майор В. Черемисинов*

Командир хозяйственной роты — *поручик Н. А. Шарко*

2-й отдел — Оперативный

Начальник отдела — *полковник А. Г. Нерянин*

Адьютант и переводчик начальника отдела — *поручик В. Т. Шевчук*

Заместитель начальника отдела — *подполковник Н. И. Коровин*

И. о. старшего офицера связи между Главкомандующим и штабом ВС КОНР,

Начальник 1-го отделения — *подполковник В. Ф. Риль*

Начальник 2-го отделения — *подполковник В. Э. Михельсон*

3-й отдел — Разведывательный

Начальник отдела — *подполковник И. М. Грачёв (Копылов)*

Адьютант начальника отдела и начальник 1-го отделения общевойсковой разведки — *капитан А. Ф. Вронский*

Начальник 2-го отделения агентурной разведки — *капитан Б. А. Гай (Малинин)*

(старший помощник начальника 2-го отделения — *капитан М. И. Турчанинов,*

заведующий делопроизводством 2-го отделения — *поручик К. Г. Камальян (Каренин)*)

Начальник 3-го отделения общевойсковой контрразведки — *майор А. Ф. Чикалов*

(помощник начальника 3-го отделения — *поручик Я. И. Марченко*)

Сотрудники отдела: *поручик Д. Горшков, капитан В. А. Денисов, капитан Л. Думбадзе,*

поручик В. Кабитлеев, капитан С. С. Никольский, поручик Ю. С. Ситник, поручик А. Скачков,

капитан Твардевич, майор А. А. Тенсон, майор В. И. Цонев

4-й отдел — Связи

Начальник отдела — *подполковник В. Д. Корбуков*

Инспектор по боевой подготовке — *подпоручик П. И. Короткий*

5-й отдел — Топографический

Начальник отдела — *подполковник Г. С. Васильев*

Помощник начальника отдела — *подполковник Н. Н. Любимцев*

6-й отдел — Шифровальный

Начальник отдела — *майор А. Е. Поляков*

Старший помощник начальника отдела — *подполковник И. П. Павлов*

Помощник начальника отдела — *поручик В. А. Богомолов*

Помощник начальника отдела — *поручик А. А. Кандауров*

7-й отдел — Формирований

Начальник отдела — *полковник И. Д. Денисов*

Адъютант начальника отдела — *подпоручик П. М. Верховский*

Начальник 1-го отделения — *капитан Г. А. Федосеев*

(помощник начальника 1-го отделения — *капитан И. П. Ковецкий*)

Начальник 2-го отделения — *капитан В. Ф. Демидов*

(помощник начальника 2-го отделения — *подпоручик А. Н. Леонов*)

Начальник 3-го отделения — *капитан С. Т. Козлов*

(помощник начальника 3-го отделения — *подпоручик Н. Г. Пономарёв,*

помощник начальника 3-го отделения — капитан А. Д. Ермолаев)

Начальник 4-го отделения — *майор Г. Г. Свириденко*

Начальник общей части — *подпоручик Е. П. Покатило*

Переводчик отдела — *подпоручик В. В. Радин*

8-й отдел — Боевой подготовки

Начальник отдела — *генерал-майор В. Г. Арцезо (Ассберг, Ассбергьянс, Арцызов)*

Адъютант начальника отдела — *поручик П. Н. Бутков*

Заместитель начальника отдела — *полковник А. Н. Таванцев*

Начальник 1-го отделения по подготовке войск — *полковник Ф. Е. Чёрный*

(помощник начальника 1-го отделения — *майор А. Г. Щекутин*

помощник начальника 1-го отделения по физической подготовке — майор Ф. М. Легостаев)

Начальник 2-го отделения по военным школам — *полковник А. А. Денисенко*

(помощник начальника 2-го отделения — *подпоручик И. С. Грищук*)

Начальник 3-го отделения по разработке уставов — *подполковник А. Г. Москвичёв*

Начальник общей части — *ротмистр М. Д. Созыко*

9-й отдел — Командный

Начальник отдела — *полковник В. В. Поздняков*

Адъютант начальника отдела — *подпоручик Н. Н. Благоннадёжный*

Заместитель начальника отдела — *капитан В. И. Стрельников*

(помощник начальника 1-го отделения по офицерам Генерального штаба — *капитан Я. А. Калинин*)

Начальник 2-го отделения по пехотным частям — *майор А. П. Демский*

(помощник начальника 2-го отделения — *поручик Н. А. Лагуто*)

Начальник 3-го отделения по кавалерийским частям — *поручик Н. В. Ващенко*

Начальник 4-го отделения по артиллерийским частям — *подполковник М. И. Панкевич*

(помощник начальника 4-го отделения — *поручик П. М. Gladков*)

Начальник 5-го отделения по танковым и инженерным войскам — *капитан А. Г. Корнилов*

(помощник начальника 5-го отделения — *подпоручик А. А. Осипов*)

Начальник 6-го отделения по административно-хозяйственным и военно-санитарным службам — *майор В. И. Панайот*

(помощник начальника 6-го отделения — *подпоручик А. М. Полтавский*)

Начальник общей части — *подпоручик Н. Н. Енгалычев*

(помощник начальника общей части — капитан *О. Л. Баумгартен*)
Младший переводчик отдела — подпоручик *Н. Н. Нечаев*

10-й отдел — Пропаганды и агитации

Начальник отдела — подполковник *Хаспабов*
Заместитель начальника отдела — майор *М. В. Егоров*
Инспектор по пропаганде в войсках — капитан *М. П. Похваленский*
Инспектор по пропаганде в Восточных войсках Вермахта — капитан *А. П. Собченко*
Руководитель ансамбля песни и пляски — подпоручик *А. П. Костецкий*
Руководитель концертного ансамбля — подпоручик *Н. Н. Гусс*
Заведующий делопроизводством отдела — поручик *Армашевский*

11-й отдел — Военно-юридический

Начальник отдела — майор *Е. И. Синицын (Арбенин)*
Военные юристы: капитан *Г. А. Акимов*, поручик *А. Г. Александров*, подпоручик *В. Г. Гарницкий*

12-й отдел — Автобронетанковый¹

(помощник начальника отдела по ремонту и эксплуатации — полковник *Л. Н. Попов*)

13-й отдел — Артиллерийский

Начальник отдела — генерал-майор *М. В. Богданов*
Адьютант начальника отдела — подпоручик *А. Е. Драпаков*
(помощник начальника отдела — полковник *Н. А. Сергеев*)
Инспектор по боевой подготовке — полковник *В. А. Кардаков*
Инспектор по артиллерийскому вооружению — полковник *А. С. Перхуров*
Инспектор по стрелковому вооружению — подполковник *Н. С. Шатов*
Переводчик отдела — подпоручик *Б. Ф. Пахаренко*

14-й отдел — Материально — технического снабжения

Начальник отдела — генерал — майор *А. Н. Севастьянов*
Адьютант начальника отдела — подпоручик *Е. М. Стрелихеев*
Начальник отделения по устройству тыла — полковник *Г. В. Сакс*
(адьютант начальника отделения — капитан *А. А. Бертельс — Меньшой*
помощник начальника отделения — майор *Е. Н. Выговский*)
Инспектор по продовольственно — фуражному довольствию — майор *П. Ф. Зелепугин*
Инспектор по квартирному довольствию — капитан *А. И. Путилин*
Начальник общей части — поручик *И. Ф. Биндюков*
Переводчик отдела — поручик *В. А. Мамонтов*

15-й отдел — Инженерный

Начальник отдела — полковник *Г. В. Яропуд*
Адьютант начальника отдела — подпоручик *Н. П. Смирнов*
Помощник начальника отдела — полковник *С. Н. Голиков*
Помощник начальника отдела — капитан *А. П. Будный*
Младший помощник начальника отдела — поручик *И. Т. Дмитриченко*

16-й отдел — Санитарный

Начальник отдела — полковник медицинской службы *В. Н. Новиков*
Помощник начальника отдела — капитан медицинской службы *А. Р. Трушинович*

17-й отдел — ВетеринарныйНачальник отдела — *майор А. М. Сараев*Помощник начальника отдела — *капитан В. Н. Жуков***18-й отдел — Военных сообщений**Начальник отдела — *майор Г. М. Кременецкий***19-й отдел — Финансовый**Начальник отдела — *капитан А. Ф. Петров***20-й отдел — Учебных заведений (в стадии формирования)**Начальник отдела — *полковник П. А. Евдокимов (Иванов)*Протопресвитер Вооружённых Сил КОНР — *протоиерей о. Дмитрий (Константинов)*Духовник штаба ВС КОНР — *протоиерей о. Александр (Киселев)***8. Группа офицеров связи от Вермахта и СС**командир группы — *майор Оттендорф***9. Братиславская разведывательная школа**(в подчинении начальнику штаба Вооружённых Сил КОНР генерал-майору **Ф. И. Трухину**)Начальник школы — *майор С. Н. Иванов*Помощник начальника школы — *капитан Аустов*Помощник начальника школы по агитационной работе — *капитан П. Бакшанский***10. Марненбадская разведывательная школа**(в подчинении начальнику штаба Вооружённых Сил КОНР генерал-майору **Ф. И. Трухину**)Начальник школы — *капитан Р. И. Беккер (Хренов)*Помощник начальника школы — *поручик Еленев***11. Управление казачьих войск при КОНР**(в подчинении Главнокомандующему Вооружённых Сил КОНР генерал-лейтенанту **А. А. Власову**)**Совет казачих войск**Председатель Совета Казачьих Войск — *Полевой Атаман Всевеликого Войска Донского генерал-лейтенант Г. В. Татаркин*Начальник штаба Совета Казачьих Войск — *войсковой старшина А. Н. Карпов*Адъютант штаба — *полковник Семёнов*

Члены Совета Казачьих Войск:

Атаман Войска Кубанского *генерал — лейтенант В. Г. Науменко,*Заместитель Атаманов Казачьих Войск : *Оренбургского, Уральского, Астраханского, Си-*

бирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского — *генерал-майор Н. В. Голубинцев*

Заместитель Атамана Войска Терского — *полковник Вертепов*

В распоряжении Совета Казачьих Войск: *генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов, генерал-лейтенант Е. И. Балабин, генерал-майор И. А. Поляков, генерал-майор В. И. Морозов.*

Инспектор по военной подготовке и обучению — *генерал — майор Б. Н. Полозов*

Начальник Организационного отдела — *войсковой старшина Дмитриев*

Начальник отдела кадров — *войсковой старшина Черкесов*

Начальник канцелярии — *есаул Агафонов*

12. 1-я пехотная дивизия Вооружённых Сил КОНР

(600-я иномациональная сухопутных сил, по немецкой нумерации)

Командир дивизии — *генерал-майор С. К. Буняченко*

Личный адъютант командира дивизии — *поручик Семёнов*

Начальник штаба дивизии — *подполковник Н. П. Николаев*

1-й адъютант штаба дивизии — *подполковник И. Ф. Руденко*

Дивизионный адъютант — *поручик Машеров*

Переводчик штаба дивизии — *поручик Машеров*

Офицер по особым поручениям (контрразведка) — *капитан П. С. Ольховик (Ольховник, Штаркман)*

Командир взвода полевой жандармерии — *поручик Дубчаков*

Начальник оперативного отделения — *подполковник Синицкий*

Заместитель командира дивизии по пропаганде — *майор И. С. Боженко*

(помощник старшего пропагандиста — *поручик Апрельский*)

Заместитель командира дивизии по снабжению — *подполковник Герасимчук*

(дивизионный интендант — *капитан Паламарчук*

начальник артиллерийского снабжения — *подпоручик К. Чебулаев*)

Начальник отделения связи — *майор Алуферьев*

Начальник транспортного отделения — *майор Н. М. Есипенко*

(писарь отделения — *рядовой Н. А. Чикетов*)

Дивизионный священник — *игумен Иов*

1-й (1601-й по немецкой нумерации) пехотный полк

Командир полка — *полковник А. Д. Архипов*

Начальник штаба полка — *капитан Багинский*

Командир 1-го батальона — *майор В. С. Григор*

Командир 2-го батальона — *капитан Рега*

2-й (1602-й по немецкой нумерации) пехотный полк

Командир полка — *подполковник В. П. Артемьев*

Начальник штаба полка — *майор Н. В. Козлов*

Командир 1-го батальона — *капитан Золотарин*

Командир 2-го батальона — *капитан Дмитриев*

Командир роты тяжёлого оружия — *капитан П. Сарачан*

Командир отдельного колёсного взвода разведки — *поручик Солин*

3-й (1603-й по немецкой нумерации) пехотный полк

Командир полка — *подполковник Г. П. Рябцев (Александров)*

Командир 1-го батальона — *капитан Ю. Б. Будерацкий*

Командир 2-го батальона — *капитан П. Н. Кучинский*

4-й (1604-й по немецкой нумерации) пехотный полк

Командир полка — *полковник И. К. Сахаров*

Начальник штаба полка — *майор Г. Герсдорф*

Командир 1-го батальона — *капитан Чистяков*

Командир 2-го батальона — *капитан И. Ф. Гурлевский*

5-й запасной пехотный полк

Командир полка — *подполковник П. К. Максаков*

Командир 1-го батальона — *майор П. П. Иванов*

Командир 2-го батальона — *поручик Смирнов*

Командир отдельного взвода снайперов — *подпоручик В. Тхоржевский*

Отдельный (1600-й по немецкой нумерации) истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион

Командир дивизиона — *капитан Никоноров*

Дивизионный (1600-й по немецкой нумерации) полк снабжения

Командир полка — *подполковник Герасимчук*

Артиллерийский (1600-й по немецкой нумерации) полк

Командир полка — *подполковник В. Т. Жуковский*

Командир дивизиона — *майор Лазько*

Отдельный дивизионный саперный батальон

Командир — *капитан Воскобойников*

13. 2-я пехотная дивизия Вооружённых Сил КОНР**(650-я интонациональная сухопутных сил, по немецкой нумерации)**

Командир дивизии — *генерал — майор Г. А. Зверев*

Личный адъютант командира дивизии — *поручик Шер*

Начальник штаба дивизии — *полковник А. А. Фунтиков*

Начальник оперативного отделения — *подполковник Зуев*

Начальник строевого отделения — *капитан Ф. П. Румынский*

И. д. начальника артиллерии дивизии — *полковник Кузьмин*

Заместитель командира дивизии по тылу — *полковник А. Г. Ершов*

Начальник снабжения дивизии — *капитан Владимирский*

Дивизионный ветеринарный врач — *капитан Тафинцев*

Военный прокурор дивизии — *капитан Н. М. Кабанов*

Командир взвода полевой жандармерии — *поручик Бабец*

Командир отдельной штабной роты — *поручик К. И. Махнорылов (Махнорило)*

1-й (1651-й по немецкой нумерации) пехотный полк

Командир полка — *полковник М. Д. Барышев*

Командир 1-го батальона — *майор Антипов*
Командир 2-го батальона — *капитан Бутенко*

2-й (1652-й по немецкой нумерации) пехотный полк

Командир полка — *майор Алексеев*

3-й (1653-й по немецкой нумерации) пехотный полк

Командир полка — *подполковник М. И. Головинкин*

Артиллерийский (1650-й по немецкой нумерации) пехотный полк

Командир полка — *полковник А. А. Зубакин*

Дивизионный (1650-й по немецкой нумерации) полк снабжения

Командир полка — *майор Б. В. Власов*

Начальник штаба полка — *майор П. Н. Дроздов*

Командир санитарной роты — *капитан Давыдов*

Отдельный (1650-й по немецкой нумерации) разведывательный дивизион

Командир дивизиона — *майор М. Б. Никифоров*

Отдельный казачий дивизион

Командир дивизиона — *подполковник Зиновьев*

Отдельный (1650-й по немецкой нумерации) истребительно-противотанковый дивизион

Командир дивизиона — *майор Зборовский*

Отдельный (1650-й по немецкой нумерации) сапёрный батальон

Командир батальона — *майор Моисеенко*

Отдельный (1650-й по немецкой нумерации) батальон связи

Командир батальона — *поручик Кутепа*

Отдельный строительный батальон

Командир батальона — *майор Золотницкий*

Начальник снабжения батальона — *капитан Азудов*

Учебно-запасной (1650-й по немецкой нумерации) батальон

Командир батальона — *капитан Курганский*

14. 3-я пехотная дивизия Вооружённых Сил КОНР

(700-я инонациональная сухопутных сил, по немецкой нумерации)

Командир дивизии — *генерал — майор М. М. Шаповалов*

Начальник штаба дивизии — *полковник Н. А. Богданов*

Командир артиллерийского полка — *капитан Кажсека**

---

* 3-я пехотная дивизия ВС КОНР к апрелю 1945 г. располагала только небооружёнными строевыми кадрами общей численностью ок. 10 000 чел. Формирование дивизии не состоялось ввиду окончания войны.

15. Отдельная противотанковая бригада Вооружённых Сил КНР

Командир бригады — *майор Второв*

16. Учебно-запасная бригада Вооружённых Сил КНР

Командир бригады — *полковник С. Т. Койда*

В распоряжении командира бригады — *полковник Климов*

Начальник штаба бригады — *подполковник Н. И. Садовников*

Заместитель командира бригады по боевой подготовке — *полковник А. П. Скугаревский*

Командир 1-го пехотного полка — *полковник А. Н. Высокый (Кобзев)*

Командир отдельного артиллерийского дивизиона — *майор Балахонов*

Старший преподаватель бригады — *капитан В. П. Зинченко*

17. 1-я Объединённая офицерская школа Вооружённых Сил Народов России*

Начальник школы — *генерал-майор М. А. Меандров*

Личный адъютант начальника школы — *подпоручик Б. П. Георгиевский*

Начальник штаба школы — *полковник Клименко*

Заместитель начальника школы по строевой части — *полковник В. Г. Киселев*

Командир курсантского батальона — *майор Н. М. Замятин*

(командир 1-й роты — *майор Александров*

командир 2-й роты — *полковник И. П. Шелаев*

командиры взводов — *подпоручик Богатько, поручик П. Горбунов*

командир комендатской роты — *поручик М. И. Жилинский*)

Заместитель начальника школы по учебной части — *подполковник А. Т. Макеенок*

(старший преподаватель школы — *капитан М. И. Дашков*

преподаватель топографии — *профессор, подполковник И. С. Свищов*

преподаватель топографии — *поручик Лепетюк*)

Заместитель начальника школы по материально-техническому обеспечению — *полковник А. Г. Петров*

(помощник по материально-техническому обеспечению — *майор Озудов*)

18. Военно-Воздушные Силы КНР

Командующий ВВС КНР — *генерал-майор В. И. Мальцев*

Личный адъютант командующего — *поручик Б. П. Плюцов*

Начальник канцелярии командующего — *капитан Г. Петров*

Начальник штаба ВВС КНР — *полковник А. Ф. Ванюшин*

(Адъютант штаба — *капитан Н. Л. Башков*

Офицер для особых поручений (контрразведка) — *майор Б. Климович*

Помощник начальника штаба по технической части — *майор А. Меттль*

Начальник отдела безопасности — *майор В. П. Тухольников*

Начальник отдела кадров — *капитан Науменко*

Начальник отдела пропаганды — *майор А. П. Альбов*

(заместитель начальника отдела — *майор Каюков*

главный редактор газеты “Наши Крылья” — *А. И. Булдеев (Усов)*

* Официальное название школы по документу.

военный корреспондент — *поручик Жюно*)

Начальник юридического отдела — *капитан Крыжановский*

Начальник интендантской службы — *поручик Г. М. Голеевский*

Начальник санитарной службы — *подполковник медицинской службы В. А. Левицкий*
(военные врачи : *капитан медицинской службы Добашкевич, капитан медицинской службы В. А. Мадрусов, санитар — фельдфебель — А. Мандрусов*)

Командир взвода особого назначения — *поручик Н. Фатьянов*

Командир взвода охраны штаба ВВС КОНР — *поручик В. Г. Васюхно*

В личном распоряжении командующего ВВС КОНР: *генерал-майор А. Г. Попов, подполковник И. М. Вольвач, майор М. Д. Коцарь*

1-й авиационный полк ВВС КОНР

Командир полка — *полковник Л. И. Байдак* (по другим сведениям — *Л. Г. Байдак*)

Личный адъютант командира полка — *поручик Г. И. Школьный*

Начальник штаба полка — *майор С. К. Шебалин*

5-я истребительная эскадрилья им. военлётца полковника А. А. Казакова

Командир эскадрильи — *майор С. Т. Бычков*

8-я эскадрилья ночных бомбардировщиков

Командир эскадрильи — *капитан Б. Р. Антилевский*

3-я разведывательно-штурмовая эскадрилья

Командир эскадрильи — *капитан В. Шиян*

5-я учебно-тренировочная эскадрилья

Командир эскадрильи — *майор М. В. Тарновский*

Школа лётчиков — в подчинении командира полка

(начальник учебной части — *майор М. В. Тарновский*)

6-я отдельная рота связи

Командир роты — *подполковник И. Лантух*

Офицер по особым поручениям (контрразведка) — *поручик Н. П. Харченко*

9-й отдельный полк зенитной артиллерии

Командир полка — *подполковник Р. М. Васильев*

Личный адъютант командира полка — *поручик М. А. Гришков*

Отдельный парашютно-десантный батальон

Командир батальона — *майор А. Л. Безродный*

(командир 1-й роты — *капитан Г. Н. Сперанский*

командир 2-й роты — *капитан Смирнов*

командир 4-й роты — *капитан Тищенко*)

1-й полк штурмовой бригады СС “Беларусь” и сводная группа бригады*

Командир — *оберштурмбанфюрер СС Ф. Кушель*

* Сводная группа штурмовой бригады СС “Беларусь” численностью до 1 пехотного полка (ок. 2 000 чел.) присоединилась к находившимся на марше подразделениям ВВС КОНР 21 апреля 1945 г. в Нойгедейне.

(начальник штаба — *гауптштурмфюрер СС Орсич*
командир батальона — *гауптштурмфюрер СС Томила*)

Школа пропагандистов в Ноерне

Начальник школы — *подполковник Стальберг*

Заместитель начальника школы — *полковник А. А. Трошин (Роллин)*

(помощник начальника школы — *капитан В. Д. Козловский*)

19. Отдельный корпус в составе Вооружённых Сил КОНР в Зальцбурге

Командир корпуса — *генерал-майор А. В. Туркул*

Личный адъютант командира корпуса — *поручик С. И. Афанасьев*

Начальник штаба корпуса — *генерал-майор В. В. фон Крейтер*

Сводный пехотный полк

Командир полка — *полковник В. А. Кардаков*

(командир батальона — *капитан В. Н. Бутков*)

Отдельный полк

Командир полка — *полковник Кржижановский*

Отдельный казачий полк

Командир полка — *генерал — майор С. К. Бородин*

Отдельный полк “Варяг”

Командир полка — *полковник М. А. Семёнов*

Начальник штаба и заместитель командира полка — *майор М. Г. Гринёв*

Адъютант штаба полка — *поручик Л. Кубик*

Командир 1-го батальона — *майор А. Орлов*

(Командир 1-й роты — *поручик М. Кашин*

Командир 2-й роты — *поручик Щетинин*

Командир 3-й роты — *поручик Коченгин*)

Командир 2-го батальона — *майор Остерман*

(Личный адъютант командира батальона — *поручик А. Г. Рытиков*)

Офицер связи с сербскими добровольческими и казачьими частями — *А. И. Делианич*

Русский Корпус*

Командир Корпуса — *генерал-лейтенант Б. А. Штейфон*

(начальник штаба связи Вермахта и заместитель командира Корпуса — *полковник Вермахта Шредер*)

Штаб Корпуса

Начальник оперативного отделения — *майор Вермахта Эммер*

Начальник отделения снабжения — *капитан (полковник?) Б. М. Иордан*

* 25 марта 1945 г. Главнокомандующий ВС КОНР генерал-лейтенант А. А. Власов приказом № 423 / П подчинил Русский Корпус генерал-майору А. В. Туркулу.

Начальник разведывательного отделения — *капитан (полковник) В. В. Бальцар*
И. д. начальника отделения адъютантуры — *майор (подполковник) М. В. Голубев*
И. д. начальника строевого отделения унтер — офицерского и рядового состава —
поручик (ротмистр) Д. П. Ковалевский
Начальник связи — *поручик М. П. Кузьменко*
Начальник транспорта — *полковник Н. Р. Зельтман*
Корпусной врач и начальник лазарета — *доктор В. Е. Плешаков*
Корпусной ветеринар — *доктор В. В. Истомин*
Корпусной священник — *игумен о. Никон (Рклицкий)*

Отдельный батальон “Белград“ при штабе Корпуса
Командир батальона — *капитан (генерал-майор) В. М. Пулевич*
Командир запасной роты — *поручик К. Ф. Гавликовский*
Командир караульной роты — *полковник Е. Л. Янковский*

Командир отдельной роты связи при штабе Корпуса — *поручик М. П. Кузьменко*

1-й казачий генерал-майора В. Э. Зборовского полк

Командир полка — *войсковой старшина (генерал — майор) В. И. Морозов*
Адъютант полка — *подъесаул (полковник) Э. Э. Шляхтин*
Офицер для поручений — *сотник (полковник) К. Н. Николаев*
В распоряжении командира полка — *хорунжий С. А. Заботкин*
Начальник транспорта — *хорунжий А. А. Кабанов*
Начальник обоза — *сотник (полковник) Г. И. Гулыга*
Ветеринарный врач — *капитан медицинской службы Д. А. Лепешинский*
Офицер связи Вермахта — *майор Вермахта Ф. Винат*
(помощник офицера связи — *капитан Вермахта Ф. Гдавиц*)
Командир отдельного сапёрного взвода — *сотник (войсковой старшина) Н. А. Петровский*
Командир отдельного противотанкового взвода — *сотник (войсковой старшина)*
М. И. Коцовский
Командир отдельного артиллерийского взвода — *хорунжий (полковник) М. К. Бугураев*
Командир сотни тяжёлого оружия 1-го батальона — *сотник (полковник) И. Г. Звездин*
(младший офицер сотни — *сотник Л. Н. Киреев*)
Командир сотни тяжёлого оружия 2-го батальона — *сотник (полковник) Л. А. Киреев*
(младший офицер — *хорунжий (войсковой старшина) И. Н. Чуприна*)

1-й батальон

Командир батальона — *есаул (полковник) Ф. Е. Головки*
Адъютант — *сотник (полковник) К. Ф. Зерщиков*
Батальонный врач — *доктор Л. С. Мокиевский — Зубок*
Заведующий оружием — *(генерал-майор) М. В. Зозулин*
Заведующий хозяйством — *обер-цальмастер Г. Стазич*
Офицер связи Вермахта — *капитан Вермахта О. Пфайль*
Командир 1-й сотни — *(войсковой старшина) П. В. Луговской*
(младший офицер — *сотник (есаул) князь М. Л. Голицын*)
Командир 2-й сотни — *подъесаул (войсковой старшина) К. П. Дубина*
(младший офицер — *сотник (войсковой старшина) Л. Г. Белофастов*)
Командир 3-й сотни — *подъесаул (полковник) В. И. Третьяков*

(младшие офицеры — *хорунжий (генерал-майор) В. И. Старицкий, хорунжий (полковник) Б. А. Сомов*)

2-й батальон

Командир батальона — *есаул (генерал-майор) М. А. Скворцов*

Адьютант — *хорунжий (войсковой старшина) В. А. Леонов*

Батальонный священник — *о. Василий (Воскобойников)*

Офицер связи Вермахта — *обер-лейтенант Вермахта Г. Юнглас*

Командир 5-й сотни — *сотник (полковник) Н. Н. Тропин*

(младшие офицеры — *сотник (полковник) С. К. Поляков, сотник (войсковой старшина) В. М. Лаврухин, хорунжий В. Г. Петров*)

(младшие офицеры 6-й сотни — *хорунжий (полковник) Н. И. Симоненко, хорунжий (войсковой старшина) И. А. Малахов*)

(младший офицер 7-й сотни — *сотник (полковник) Н. И. Ушинкин*)*

2-й пехотный полк

К 22 апреля 1945 г. 2-й пехотный полк Русского Корпуса был фактически сведён в 1 батальон ввиду тяжёлых потерь и находился в оперативном подчинении командира 1-го казачьего генерал-майора В. Э. Зборовского полка.

Командир батальона — *капитан (полковник) Н. В. Мамонтов*

Командир 9-й роты — *полковник А. М. Нестеренко*

Батальонный священник — *о. Владимир (Могилёв)*

3-й пехотный полк

К 22 апреля 1945 г. 3-й пехотный полк Русского Корпуса был фактически сведён в 1 батальон ввиду тяжёлых потерь и находился в оперативном подчинении командира 5-го “Железного” пехотного полка

Командир батальона — *генерал-майор А. Н. Черепов*

Командир 3-й роты — *подпоручик С. Н. Флегинский*

4-й пехотный полк

Командир полка — *майор (полковник) А. А. Эйхгольц*

Адьютант полка — *капитан (полковник) А. М. Аквилонов*

Командир охранной роты — *поручик (подполковник) Ф. В. Гумбин*

Командир противотанкового взвода — *подпоручик В. И. Георгиевский*

Командир конного взвода — *подпоручик С. П. Попов*

Командир артиллерийского взвода — *поручик В. В. Егоров*

Командир сапёрного взвода — *подпоручик Е. С. Головки*

Полковой священник — *иеромонах о. Викторин (Лябах)*

1-й батальон

Командир батальона — *майор (ротмистр) Е. А. Шелль*

Личный адьютант командира батальона — *подпоручик В. В. Гранитов*

Батальонный врач — *доктор В. И. Алфёров*

Командир 1-й роты — *подпоручик И. П. Дмитриевский*

* К 22 апреля 1945 г. во 2-м батальоне 1-го полка Корпуса был убит в период тяжёлых боёв в феврале — апреле командир 6-й сотни хорунжий (полковник) И. Д. Свеколкин, тяжело ранен командир 7-й сотни сотник (войсковой старшина) А. А. Фартухов, имена принявших командование 6-й и 7-й сотнями не установлены.

Командир 2-й роты — *подпоручик К. В. де Боде*
Командир 3-й роты — *подпоручик Ю. Д. Драценко*

2-й батальон

Командир батальона — *майор (полковник) Н. Н. Попов-Кокоулин*
Личный адъютант командира батальона — *подпоручик А. А. Навроцкий*
Командир 5-й роты — *поручик В. А. Орлин*
Командир 6-й роты — *капитан (подполковник) И. В. Роговской*
Командир 7-й роты — *капитан (полковник) М. А. Левандовский*

3-й батальон

Командир батальона — *капитан (полковник) Е. И. Христофоров*
Личный адъютант командира батальона — *подпоручик В. Н. Гурчин*

5-й “Железный” пехотный полк

Командир полка — *полковник А. И. Рогожин*
Адъютант полка — *поручик (полковник) Е. Л. Ивановский*
Полковой врач — *доктор Ф. И. Бандурко*

1-й батальон

Командир батальона — *капитан (генерал-майор) Ф. Э. Бредов*
Командир 1-й роты — *подпоручик О. Г. Кравченко*
Командир 2-й роты — *подпоручик В. И. Сахаровский*
Командир 3-й роты — *поручик М. Е. Бондаренко*
Командир 4-й роты — *поручик М. С. Марасанов*

2-й батальон

Командир батальона — *капитан (подполковник) А. А. Мирошниченко*
Командир 5-й роты — *подпоручик Д. А. Сарин*
Командир 6-й роты — *подпоручик А. А. Бодрухин*
Командир 7-й роты — *подпоручик А. А. Пивоваров*
Командир 8-й роты — *поручик (полковник) М. Т. Гордеев — Зарецкий*
(командир взвода — *подпоручик В. П. Калабушкин*)³

20. XV-й казачий кавалерийский корпус

Командир корпуса — *генерал-майор И. Н. Кононов*

(В действительности генерал-майор ВС КОНР Иван Никитич Кононов так и не вступил в командование 15-м казачьим кавалерийским корпусом. Неясно также и то, были ли поставлены в известность о смене командира подразделения корпуса. Вероятно, что подобное назначение, исходившее от Главнокомандующего ВС КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова, имело место⁴, так как без особой мотивации группенфюрер СС (генерал-лейтенант) Х. фон Паннвиц, командовавший корпусом, отрешил Кононова от командования 3-й казачьей дивизией и назначил на должность офицера связи с генерал-лейтенантом А. А. Власовым. Во второй половине апреля 1945 г. Кононов убыл из корпуса, что в конечном итоге спасло ему жизнь. Фактически командиром корпуса остался группенфюрер СС Х. фон Паннвиц.

В связи с тем, что подавляющее большинство штатных и строевых командных должностей в корпусе на 22 апреля 1945 г. занимали немцы — чины Вермахта и Ваффен-СС, не

являвшиеся чинами ВС КОНР, материалы к штатному расписанию даются только по 3-й казачьей дивизии — бывшей Отдельной пластунской бригаде им. полковника И. Н. Кононова.)

3-я казачья дивизия (до марта 1945 г. — Отдельная пластунская бригада им. полковника И. Н. Кононова)

Командир дивизии — *полковник И. Г. Борисов*

Начальник штаба — *майор Г. П. Сацюк*

Отдельный разведывательный батальон — *командир ротмистр Бондаренко*

Командир 7-го пластунского полка — *войсковой старшина Захаров*

Командир 8-го пластунского полка — *полковник Некрасов*

Командир 9-го кавалерийского полка — *войсковой старшина Назаров*

21. Отдельный казачий корпус в Северной Италии (Казачий Стан)

Командир корпуса — *Походный Атаман генерал-майор Т. И. Доманов*

1-й личный адъютант Атамана — *есаул Трофименков*

2-й личный адъютант Атамана — *подъесаул Решков*

3-й личный адъютант и переводчик Атамана — *подъесаул М. А. Бутлеров*

Командир взвода личной охраны Атамана — *сотник Д. Плешаков*

Штаб корпуса и подразделения корпусного подчинения

Начальник штаба — *генерал-майор М. К. Саломахин*

Начальник оперативно-строевого отдела — *полковник Якуцевич*

Начальник административно-хозяйственного отдела — *войсковой старшина Смычек*

Начальник отдела снабжения — *полковник Ермаков*

Начальник отдела интендантства — *полковник И. К. Попов*

Начальник отдела тыла — *полковник Хренников*

Комендант штаба — *полковник Чибиняев*

В распоряжении офицерского резерва корпуса — *войсковой старшина А. И. Тихоновский*

Комендантский пластунский дивизион

Командир дивизиона — *полковник Чибиняев*

Командир 1-й сотни — *подъесаул Т. Коркишко*

Командир 2-й сотни — *хорунжий Н. Л. Руденко*

Командир лёгкой штабной батареи — *есаул Н. Г. Потапов*

Казачье юнкерское училище

Начальник училища — *полковник А. И. Медынский*

Адъютант училища — *подъесаул Подушкин*

Инспектор училища — *полковник Н. Н. Краснов*

Командир 1-й юнкерской сотни — *полковник Джалюк*

Командир 2-й юнкерской сотни — *полковник Б. Г. Вдовенко*

Командир инженерного взвода — *сотник Н. Н. Краснов*

Командир училищной батареи — *есаул Лоцинский*

Командир училищной пулемётной команды — *сотник Гуцин*

Войсковая казачья учебная команда

Начальник команды — *войсковой старшина А. И. Коваленков*

(заместитель начальника команды — *есаул Ю. Н. Андреев*)

Казачий офицерский дивизион

Командир дивизиона — *полковник Е. А. Михайлов*
Адьютант дивизиона — *подъесаул Щербинин*
Командир 1-й сотни — *войсковой старшина Г. П. Просвириш*
Командир 2-й сотни — *войсковой старшина Г. Н. Шамшев*
Командир штаб-офицерского взвода — *полковник Илларионов*
Начальник пулемётной команды — *сотник И. Н. Дахин*

Отдельный конный жандармский дивизион

Командир дивизиона — *войсковой старшина Г. А. Назыков*
Адьютант дивизиона — *хорунжий И. Банников*
Командир 1-й сотни — *подъесаул Г. Дурнев*
Командир 2-й сотни — *сотник Р. А. Кандырин*

“Казачья автомотошкола” (разведывательно-диверсионная особая группа “Атаман”)

Командир группы — *есаул Б. И. Кантемир*
Личный адъютант командира группы — *сотник Ю. Турлучев*
Начальник хозяйственной части группы — *подъесаул Дапилов*
Преподавательский состав группы: *подъесаул Топка, сотник Шаманов, сотник Щербина, хорунжий Чаплинский*

Корпусной арсенал

Начальник арсенала — *полковник Часовников*
(помощник начальника арсенала — *войсковой старшина Кутырев*)

Строевые подразделения корпуса**1-я казачья пластунская дивизия**

Начальник дивизии — *генерал-майор Силкин*
Начальник штаба дивизии — *полковник Г. Т. Шорников*
Интендант дивизии — *войсковой старшина И. Р. Пузанов*
Старший адъютант штаба дивизии — *сотник А. Кикодзе*
Командир штабной сотни — *подъесаул Селезнёв*
Командир инженерно — технической сотни — *войсковой старшина Ефименко*
Командир сотни связи — *есаул Зуев*
Командир сотни дивизионной разведки — *есаул Маринин*
Командир жандармской сотни — *есаул Чаусов*
Командир сотни обозно-вещевого довольствия — *есаул Е. Куколевсков*
Командир дивизионного авто-бронированного отряда — *есаул И. А. Михайленков*

1-я Донская казачья пластунская бригада

Командир бригада — *генерал-майор Воронин*
Начальник штаба бригады — *войсковой старшина И. Н. Астахов*
Старший адъютант штаба бригады — *сотник Самохвалов*

1-й Донской казачий пластунский полк

Командир полка — *генерал-майор И. В. Балабин*
Помощник командира полка — *войсковой старшина И. Е. Егоров*
Командир 1-й Донской казачьей лёгкой батареи — *сотник В. Н. Черячукин*

2-й Донской казачий пластунский полк

Командир полка — *войсковой старшина Рыковсков*

Помощник командира полка — *войсковой старшина Кульгавов*

Командир 2-й Донской казачьей лёгкой батареи — *подъесаул А. И. Софронов*

2-я сводная казачья пластунская бригада

Командир бригады — *генерал-майор Е. Тихоцкий*

Начальник штаба бригады — *полковник П. О. Шурупов*

Старший адъютант штаба бригады — *подъесаул Сидоренко*

3-й Кубанский казачий пластунский полк

Командир полка — *генерал-майор П. Головки*

Помощник командира полка — *войсковой старшина Н. Головки*

Полковой адъютант — *есаул Старицкий*

Командир 3-й Кубанской казачьей лёгкой батареи — *сотник Федулин*

4-й Терско — Ставропольский казачий пластунский полк

Командир полка — *полковник И. А. Морозов*

Помощник командира полка — *есаул Н. Н. Мамантов*

Командир 4-й Терско-Ставропольской казачьей лёгкой батареи — *сотник Егоров*

2-я казачья пластунская дивизия

Начальник дивизии — *генерал-майор Г. П. Тарасенко*

Начальник штаба дивизии — *полковник Макарычев*

Интендант дивизии — *полковник Закотнов*

Старший адъютант дивизии — *есаул Горпенин*

3-я сводная казачья пластунская бригада

Командир бригады — *полковник Гнейлах*

Начальник штаба бригады — *войсковой старшина Забазнов*

Старший адъютант штаба бригады — *подъесаул П. Смирнов*

5-й сводный казачий пластунский полк

Командир полка — *полковник А. А. Полупанов*

Помощник командира полка — *войсковой старшина А. И. Чекановкин*

Командир 5-й сводной казачьей лёгкой батареи — *подъесаул И. В. Усачёв*

6-й Донской казачий пластунский полк

Командир полка — *полковник Ф. Шевырёв*

Помощник командира полка — *войсковой старшина И. А. Запорожцев*

Командир 6-й Донской казачьей батареи — *сотник Г. В. Давыдов*

4-я сводная казачья пластунская бригада

И. д. командира бригады — *полковник В. А. Лобасевич*

Начальник штаба бригады — *войсковой старшина В. Каргальсков*

Старший адъютант штаба бригады — *сотник П. Попов*

3-й казачий запасной пластунский полк

И. д. командира полка — *войсковой старшина Овсянников*

Помощник командира полка — *войсковой старшина Журавлёв*

Командир 1-го Донского казачьего пластунского батальона станичной самообороны — *есаул Поевов*

(адъютант батальона — *сотник Мордовин*)

Командир 2-го Донского казачьего пластунского батальона станичной самообороны — *есаул Тюкин*

(адъютант батальона — *сотник Скрипка*)

Командир 3-го Донского казачьего пластунского батальона станичной самообороны — *есаул Н. И. Масленников*

(адъютант батальона — *сотник В. А. Хохлачёв*)

Отдельный казачий отряд

Командир отряда — *полковник Греков*

(адъютант отряда — *подъесаул Суржин*)

Командир отдельной казачьей батареи — *есаул И. Сахно*

Отдельные строевые полки корпуса

1-й казачий конный полк

Командир полка — *полковник А. М. Голубов*

Помощник командира полка — *войсковой старшина Д. Страхов*

Полковой адъютант — *подъесаул П. Головинский*

Командир конного казачьего жандармского взвода — *хорунжий Жаев*

Начальник команды связи — *сотник Закс*

Начальник конно-сапёрной команды — *хорунжий В. Чумаков*

Командир 8-й казачьей лёгкой батареи — *сотник Пиноцци*

Атаманский казачий конный конвойный полк

Командир полка — *генерал-майор Васильев*

Помощник командира полка — *войсковой старшина Н. Рудаков*

22. Офицеры Вооружённых Сил КОНР, находившиеся вне строевых частей⁶

Генерал-майор И. А. Благовещенский — начальник русской колонии и представитель КОНР в Мариенбаде

Майор И. Е. Борец — в распоряжении начальника колонии в Мариенбаде

Подполковник А. М. Бочаров — офицер для особых поручений по казачьим делам, личный представитель Главнокомандующего ВС КОНР генерал — лейтенанта А. А. Власова при штабе Отдельного казачьего корпуса генерал-майора Т. И. Доманова в Северной Италии

Полковник К. С. Власов — начальник хозяйственной части Дабендорфской школы пропагандистов Восточных войск Вермахта

Поручик Г. В. Гурьянов — личный адъютант начальника Гражданского управления КОНР генерал-майора Д. Е. Закутного

Поручик Ю. В. Дьячков (Диков) — личный адъютант начальника Главного организационного управления КОНР генерал-майора В. Ф. Малышкина

Генерал-лейтенант Г. Н. Жиленков — начальник Главного управления пропаганды КОНР

Капитан А. Н. Зайцев (Артёмов) — начальник идеологической комиссии Главного организационного управления КОНР

Генерал-майор Д. Е. Закутный — начальник Гражданского управления КОНР
Майор М. Н. Залевский — начальник отдела по пропаганде на фронте и в тылу Красной Армии Главного управления пропаганды КОНР
Капитан Ю. А. Каверин — личный адъютант начальника Главного управления пропаганды КОНР генерал-лейтенанта Г. Н. Жиленкова
Подполковник М. А. Калугин — заместитель начальника Управления безопасности КОНР подполковника Ю. В. Пузанова (Н. В. Тензорова)
Поручик Н. В. Ковальчук — начальник Информационного бюро Главного управления пропаганды КОНР
Полковник К. Г. Кромиади — личный представитель генерал — лейтенанта А. А. Власова в Фюссене, начальник канцелярии Главнокомандующего ВС КОНР
Капитан К. А. Крылое — офицер связи штаба ВС КОНР
Капитан В. А. Ларионов — офицер по особым поручениям (контрразведка) Управления безопасности КОНР
Поручик Н. И. Ливенцов — начальник отдела личного состава Главного организационного управления КОНР
Генерал-майор В. Ф. Малышкин — начальник Главного организационного управления КОНР
Подполковник Ю. В. Пузанов (Н. В. Тензоров) — начальник Управления безопасности КОНР
Подполковник Г. Н. Пшеничный — начальник Дабендорфской школы пропагандистов Восточных войск Вермахта
Полковник Н. В. Пятницкий — главный редактор военного органа КОНР “За Родину”
Капитан М. А. Смоляков — начальник учебной части Дабендорфской школы пропагандистов Восточных войск Вермахта
Полковник А. И. Спиридонов — начальник отдела по работе с военнопленными Главного управления пропаганды КОНР
Подпоручик Н. И. Усанов — начальник личной охраны начальника Главного управления пропаганды КОНР генерал-лейтенанта Г. Н. Жиленкова
Майор С. Н. Хитрово (Хитров) — начальник административно-хозяйственного отдела Главного организационного управления КОНР
Майор И. Л. Юнг — личный представитель генерал-лейтенанта А. А. Власова в Фюссене и офицер связи начальника Главного организационного управления КОНР генерал-майора В. Ф. Малышкина.

По подсчётам автора в 1993 — 1998 гг. на основании изучения архивно-следственных материалов и документов, послужных карт и личных дел, анализа опубликованных и неопубликованных материалов, документов, мемуаров, установлено, что за период с ноября 1944 г. по май 1945 г. в Вооружённых Силах КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова проходили службу 1 генерал-лейтенант, 5 генерал-майоров, 2 комбрига, 29 полковников, 1 бригадный комиссар, 13 подполковников, 41 майоров, 5 военинженеров 2-го ранга, 6 военинженеров 3-го ранга, 1 военврач 2-го ранга, 1 военврач 3-го ранга из числа командно-начальствующего состава Красной Армии, а также 1 капитан 1-го ранга ВМФ СССР и 3 старших лейтенанта госбезопасности.

Численность соединений Вооружённых Сил КОНР по состоянию на апрель 1945 г.

1. Штаб ВС КОНР и подразделения штабного подчинения — около 1 000 чел. ⁷
2. Вспомогательные войска ВС КОНР (невооружённые кадры) — около 6 000 чел. ⁸

3. 1-я пехотная дивизия генерал-майора С. К. Буняченко — **19 000 чел.** ⁹
4. 2-я пехотная дивизия генерал-майора Г. А. Зверева — **11 865 чел.** ¹⁰
5. 3-я пехотная дивизия генерал-майора М. М. Шаповалова (невооружённые кадры) — **10 000 чел.** ¹¹
6. Отдельная противотанковая бригада майора Второва — **1 240 чел.** ¹²
7. Учебно-запасная бригада полковника С. Т. Койды — **7 000 чел.** ¹³
8. 1-я Объединённая офицерская школа Вооружённых Сил Народов России генерал-майора М. А. Меандрова — **685 чел.** (вместе с курсантами 2-го выпуска)¹⁴
9. Военно-Воздушные Силы КОНР генерал-майора В. И. Мальцева — более **6 000 чел.**¹⁵ (включая сводную группу штурмовой бригады СС “Беларусь”)
10. Отдельный корпус ВС КОНР генерал-майора А. В. Туркула (без Русского Корпуса) — **5 200 чел.**¹⁶
11. Русский Корпус генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона — **5 584 чел.**¹⁷
12. XV-й казачий кавалерийский корпус (без немецкого персонала) — не менее **32 000 чел.**¹⁸
13. Отдельный казачий корпус в Северной Италии — **18 395 чел.**¹⁹ (строевой состав, без беженцев и нестроевых казаков)

ИТОГО: более **124 000 чинов**, в том числе — около 16 000 — невооружённого резерва.

Примечания

- 1 До марта 1945 г. начальником отдела являлся полковник Г. И. Антонов, назначенный позднее на должность начальника штаба Вспомогательных войск. Осталось неясным, сохранил ли он при этом должность начальника автобронетанкового отдела штаба ВС КОНР.
- 2 В скобках указаны чины русского производства, не имевшие служебного значения, так как с 30 ноября 1942 г. по 25 марта 1945 г. юридически Корпус являлся составной частью Вермахта. Аттестации при штабе ВС КОНР чины Русского Корпуса не прошли в связи с тем, что соединения Корпуса ни с группой генерал-майора А. В. Туркула, ни с Северной и Южной группами ВС КОНР не произошло.
- 3 В Русском Корпусе сохранились чины Вермахта, однако в связи с тем, что формально Корпус вошёл в состав ВС КОНР, автор уместно соотнёс офицерские чины Вермахта с офицерскими чинами ВС КОНР.

Соотношение офицерских чинов :

Вермахт	ВС КОНР	Казачьи части ВС КОНР	Ваффен — СС
Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	Генерал — лейтенант	Группенфюрер
Генерал-майор	Генерал-майор	Генерал-майор	Бригаденфюрер
Полковник (оберст)	Полковник	Полковник	Штандартенфюрер
Подполковник (оберст-лейтенант)	Подполковник	Войсковой старшина	Оберштурмбанфюрер
Майор	Майор	Есаул	Штурмбанфюрер
Капитан (гауптман)	Капитан	Подъесаул	Гауптштурмфюрер
Обер-лейтенант	Поручик	Сотник	Оберштурмфюрер
Лейтенант	Подпоручик	Хорунжий	Унтерштурмфюрер

В связи с тем, что в Вооружённых Силах КОНР для чинов, окончивших Академию Генерального штаба или причисленных к Академии Генерального штаба было установлено чинообразование без обозначения принадлежности к Генеральному штабу, их принадлежность к Генеральному штабу не указывается (генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона, генерал-майора Ф. И. Трухина, полковника А. Г. Нерянина и др.).

- 4 Информация о назначении генерал-майора ВС КОНР И. Н. Кононова командиром XV-го казачьего корпуса содержится в следующих источниках: Архив Гуверского Института Войны, Революции и Мира. Коллекция Б. И. Николаевского. Коробка № 259. Шифр 63013. 8. 41 / 44. Письмо И. Н. Кононова — Б. И. Николаевскому от 26 апреля 1948 г. (Копия в архиве автора). Поляков И. А. Краснов — Власов. Нью-Йорк, 1959. С. 96-97. С другой стороны, доктор Й. Хоффманн пишет о том, что Власов согласился с оставлением

- в должности командира корпуса группенфюрера СС (генерал-лейтенанта) Х. фон Паннвица (См. *Хоффманн Й.* История власовской армии. Париж, 1990. С. 68).
- 5 Чин есаула был введён в казачьих войсках Российской Империи в 1884 г. и соответствовал чину штабс-капитана. В связи с существованием чина майора в Вермахте и Вооружённых Силах КОНР и отсутствием чина штабс-капитана, чину майора Вермахта и ВС КОНР в казачьих войсках стал соответствовать чин есаула, а чину капитана — чин подесаула.
  - 6 Список офицеров далеко не полный.
  - 7 *Хоффманн Й.* Указ. соч. С. 24–27, 30–33. Автором произведён приблизительный подсчёт с учётом численности прикомандированного к штабу ВС КОНР офицерского резерва (около 400 человек).
  - 8 *Попов К. И.* История возникновения и развития вспомогательных (технических) войск КОНР // *Шатов М. В.* Материалы и документы ОДНР в годы Второй мировой войны. Нью-Йорк, 1966. С. 131.
  - 9 *Хоффманн Й.* Указ. соч. С. 50.
  - 10 Центральный Архив Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации. Материалы дел Н-18766 Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Т. 27. Л. 124.
  - 11 *Хоффманн Й.* Указ. соч. С. 58.
  - 12 Там же. С. 59.
  - 13 Там же. С. 60.
  - 14 Там же. С. 61.
  - 15 Там же. См. также *Плюцов Б. П.* Генерал Мальцев. История Военно-Воздушных Сил Русского Освободительного Движения в годы Второй мировой войны (1942–1945). Сан-Франциско, 1982. С. 75.
  - 16 *Хоффманн Й.* Указ. соч. С. 68.
  - 17 Русский Корпус на Балканах во время Второй Великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. / Под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963. С. 404.
  - 18 *Хоффманн Й.* Указ. соч. С. 69.
  - 19 *Ленивов А. К.* Под казачьим знаменем в 1943–1945 гг. Мюнхен, 1970. С. 100.

Источники

Материалы, собранные и обобщённые автором в Картотеке учёта офицерского состава Вооружённых Сил КОНР, добровольческих частей Вермахта и Ваффен-СС из граждан Советского Союза в 1992–1998 гг.;

Материалы дел Н-18766 Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, находящиеся на хранении в Центральном Архиве Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации;

“Именной список личного состава Штаба ВС КОНР по состоянию на 22 февраля 1945 г.”, составленный начальником командного отдела Штаба ВС КОНР полковником ВС КОНР В. В. Поздняковым (копия документа в архиве автора);

Материалы и фонограммы воспоминаний участников ОДНР, собранные автором в 1992–1996 гг.: Крафта А. Ф., Рытикова А. Г., Сперанского Г. Н., Трушновича Я. А.

Библиография

- Ауски С. А.* Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982.
- Верные долгу: Сборник документов и материалов о чинах 1-го полка Русского Корпуса (на правах рукописи). Няяк, 1961.
- Кузнецов Б. М.* В угоду Сталину. Нью-Йорк, 1993.
- Ленивов А. К.* Под казачьим знаменем в 1943–1945 гг. Мюнхен, 1970.
- Плюцов Б. П.* Генерал Мальцев. История Военно-Воздушных Сил Русского Освободительного Движения в годы Второй мировой войны (1942–1945). Сан-Франциско, 1982.
- Поздняков В. В.* Андрей Андреевич Власов. Сиракузы, 1973.
- Русский Корпус на Балканах во время Второй Великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. / Под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963.
- Фрелих С. Б.* Генерал Власов. Кёльн, 1990.
- Хоффманн Й.* История власовской армии. Париж, 1990.
- Черкассов К. С.* Генерал Кононов. Т. 2. Мюнхен, 1965.
- Шатов М. В.* Материалы и документы ОДНР в годы Второй мировой войны. Т. 2. Нью-Йорк, 1966.

В. И. Зуб

Советские военные моряки в Объединенной Арабской Республике

Публикуемый ниже материал передал в редакцию журнала вице-адмирал в отставке Виталий Иванович Зуб — человек, отдавший службе Родине в Военно-Морском Флоте почти полвека. Ему довелось командовать разными кораблями ВМФ СССР, 170-й бригадой противолодочных кораблей, стоять во главе 7-й оперативной (Атлантической) эскадры Северного флота. В 1967—1969 гг. он участвовал в боевых действиях на Средиземном и Красном морях в бытность старшим военным советником командира бригады эскадренных миноносцев военно-морского флота ОАР (Египта). В последние годы своей службы Виталий Иванович был Первым заместителем начальника Боевой подготовки ВМФ.

Будучи уволенным в 1990 г. в отставку по болезни, В. И. Зуб занимался общественной,

просветительской, научно-педагогической деятельностью. Он являлся Председателем Совета Военно-научного общества при Центральном Доме Российской Армии, педагогом-организатором Московского городского клуба юных моряков и речников в 1997 г. стал Почетным академиком Российской Академии Естественных наук.

За свою безупречную военно-морскую службу, в том числе «за мужество и смелость при выполнении специального задания Правительства СССР» В. И. Зуб удостоен четырех орденов и двадцати медалей.

***

Когда эта статья уже находилась в наборе, из Москвы пришла грустная весть — Виталий Иванович Зуб скончался... Предлагая вниманию читателей вышедший из-под его пера материал, имеющий историко-мемуарный характер и отличающийся безусловной общепознавательной и научной ценностью, мы отдаем дань уважения и памяти этому мужественному человеку.

Многие историки Российской Федерации считают, что за время существования Советского государства было всего две войны: Гражданская (1918—1920 гг.) и Великая Отечественная (1941—1945 гг.). Все остальные военные действия нередко обозначаются как «конфликт на границе» (с Финляндией — 1939—1940 гг., бои у озера Хасан в июле-августе 1938 г.), «освободительные походы» (1939—1940) Красной Армии в целях оказания помощи народам Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, «участие в боях» (Халхин-Гол, Испания, Китай), либо «выполнение интернационального долга», «оказание помощи» (Венгрия, Чехословакия, Корея, Куба, Вьетнам, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Египет, Никарагуа, Афганистан и др.). Всего, по данным Генерального штаба ВС РФ, наши военные советники и специалисты находились почти в 50 государствах мира («Красная звезда». 5 мая 1993 г.).

Много в последнее время пишется и говорится о войнах-интернационалистах, особенно об Афганистане. Даже звание специфическое сформировалось — «афганец» — как воплощение смелости, героизма, преданности и т. д. Создаются комитеты, общества, фонды, пансионы, закладываются памятники. И это, несомненно, правильно. Каждый, кто участвовал в указанных событиях, знал, знает и никогда не забудет, что он был на войне, где убивают, в лучшем случае калечат и физически, и морально. Слова же «выполнение интернационального долга» — лишь некое иносказание, условное обозначение, ныне узаконенного звания «Участник войны». Сегодня слова «воин-интернационалист» вызывают гордость за оказанное доверие, воспоминания о довоенных «испанцах» из интернациональных бригад, как о беспредельно преданных сынах-добровольцах своей Родины. Интернациональные бригады в Испании были боевыми соединениями добровольцев-антифашистов из 54 стран, сражавшихся на стороне Испанской республики во время национально-революционной войны испанского народа 1936—1939 гг. Эти бригады внесли значительный вклад в борьбу испанского народа против фашизма. Большую помощь в формировании, вооружении и подготовке интернациональных бригад (всего их было 7, более 42 тыс. добровольцев-интернационалистов) оказал СССР.

В республиканской армии отважно сражались около 3 тыс. советских добровольцев — военных советников, летчиков, танкистов, моряков и других специалистов. Они оказали большую помощь республиканцам в создании регулярной Народной армии, а также в подготовке и проведении важнейших операций против интервентов и мятежников. По личным качествам, уровню подготовки, мужеству, преданности наших интернационалистов составлялось представление о Красной Армии, о Советском Союзе в целом. Кстати говоря, ни Правительством СССР, ни Российской Федерации статус интернационалистов, воевавших в Испании в 1936—1939 гг. официально не узаконен.

Не все знают, что среди воинов-интернационалистов были и советские военные моряки. И выступали они не только как специалисты-консультанты по освоению советской военной техники в дружественных странах, но и в роли военных советников, обучавших боевому применению оружия и технических средств, управлению кораблем, подводной лодкой, ракетным или торпедным катером и другой боевой техникой. Обучение командиров соединений и объединений заключалось в выработке умения высшего офицерского звена организовать и вести морской бой, грамотно руководить боевыми действиями. К таким боевым действиям относятся: нанесение ракетного, артиллерийского (торпедного) удара по морской или береговой цели; поиск, слежение и уничтожение подводных лодок противника; высадка морского десанта и противодесантная оборона; противоздушная оборона военно-морских баз, важных объектов, кораблей и соединений в море и целый ряд других свойственных данному соединению, кораблю боевых задач.

Советские специалисты выступали в качестве консультантов и военных советников. Понятия «военный советник» и «консультант» четко были разграничены Приказом Ми-

нистра Оборона СССР в конце 1967 г. Принципиальная разница этих двух, на первый взгляд, одинаковых понятий, заключалась в том, что советник (в отличие от консультанта), наряду с «подсоветным», нес ответственность за боевую готовность корабля, подводной лодки, соединения по законам военного времени (естественно там, где шла война). Это была архисложная задача, так как ни экипаж, ни штабы и командование официально советникам не подчинялись. Правда в приказе о советниках было положение о том, что если подсоветный не принимал рекомендацию, то советник не должен был мешать действиям подсоветного и обязан был немедленно доложить об этом своему старшему начальнику. Однако подобные «маневры» были возможны на берегу, в ходе боевой подготовки, когда неграмотные, неправильные действия серьезно ничему не угрожали. А как поступать в бою? А в ходе сложного маневрирования? При совместных действиях с другими силами? Неминуемо возникали вопросы, а иногда и конфликты! В конечном счете многое зависело от взаимоотношений, понимания и уважения советника и подсоветного, причем не последнюю роль играло знание языка страны пребывания или любого другого (английского, французского, испанского и др.) языка, позволявшего говорить напрямую, минуя переводчика. Таким образом, от советника требовалось безукоризненное знание конкретных функциональных обязанностей, подкрепленное хорошим знанием оружия и технических средств, их боевого применения.

Важными качествами также были: высокий уровень профессиональной культуры, высокие моральные и нравственные качества, выдержка, твердость в управлении, уверенность в правоте принятого решения (не путать с упрямством!), наконец, широкий политический кругозор, знание текущей обстановки в стране и в мире. В процессе практической деятельности все недостатки, в том числе и в личном воспитании, культуре, выдержке советников, прямо отражались на результатах его работы. Даже те, кто был хорошо подготовлен и чувствовал себя на первых порах достаточно уверенно, вынужден был постоянно совершенствовать и углублять свои знания, подготовку, ибо малейшее упущение, промашка отражались на убедительности обучения и, прямо скажем, на доверии подсоветного и его подчиненных.

Был и еще один фактор во взаимоотношениях, который скрыто, а в сложные моменты и открыто ставил нашего советника в сложное, если не сказать трудное, положение. Когда дело доходило до действий в боевых условиях, подсоветный часто задавал вопрос: «А вы воевали? А вы так действовали в фактическом бою, а не в ходе учения?» Приходилось многим давать отрицательный ответ, а подсоветный с гордостью говорил: «А я воевал! То что предлагаете вы, неэффективно» и т. д.

Чтобы полнее понять работу советников в Объединенной Арабской республике в период от ноября 1967 г. до декабря 1969 г. и конкретно на бригаде эскадренных миноносцев Арабского флота (одного из крупных соединений), где мне было доверено работать в роли старшего военного советника командира бригады, позволю себе небольшое отступление — несколько слов о себе, с точки зрения моей готовности к этой роли, опыта и практики. Пишу об этом, так как были случаи явной неготовности и неспособности вести столь ответственную работу, а некоторые просто были отправлены в Союз, как не справившиеся по тем или иным причинам, включая и чисто субъективные черты характера, воспитания и т. д.

К концу 1967 г. я уже неоднократно просил направить меня на работу в качестве советника, к тому времени я уже был в звании капитана 2 ранга и с декабря 1963 г., т. е. почти четыре года, в должности начальника штаба 170-й бригады самых современных (по тому времени) эскадренных миноносцев (56 проекта) Северного флота.

Окончив в 1950 г. Высшее военно-морское училище в возрасте 21 года, прошел за короткое время службу на плавающих кораблях Каспийской флотилии и Северного флота

в должности командира артиллерийской минной боевой части, помощника командира и командира корабля — большого охотника за подводными лодками «БО-190» (проекта «122-Б») и в 1953 г. был направлен на Специальные офицерские классы в Ленинграде — класс командиров кораблей. Успешно окончив классы в 1954 г., был направлен на Северный флот на легкий крейсер «Чапаев» (проекта «68-К»), на должность помощника командира корабля, а еще через год, в 1955-м, был назначен старшим помощником командира корабля эскадренного миноносца «Оживленный» (проекта «30-Б»). Корабль был новый (1953 г. постройки), плавал много и задачи решал успешно, за что в сентябре 1957 г. стал первым в истории флота эскадренным миноносцем, объявленным «отличным». Командир корабля был назначен с повышением, а я был назначен командиром. Последующие три года корабль активно и успешно выполнял планы боевой и политической подготовки, сохраняя звание отличного корабля, завоевывая призы по тактической и огневой подготовке Командующего Северным флотом и Главкомандующего Военно-Морским флотом. В 1960 г. я был направлен в Военно-Морскую академию в Ленинград, которую окончил в 1963 г. и в декабре того же года был назначен начальником штаба бригады эскадренных миноносцев. Бригада была боевая, очень активно, с высокими результатами решала задачи дальних походов, выполняя успешно задачи боевой службы.

Пишу об этом, чтобы было понятно, что к моменту моего назначения страшим советником командира бригады эскадренных миноносцев, я прошел хорошую командирскую школу на различных классах кораблей и соединениях, получил теоретическую и практическую подготовку и был готов обучать других по вопросам эксплуатации и боевого применения боевых кораблей ВМФ. Было мне 38 лет и была неумемая жажда активной деятельности.

Назначение в Египет, естественно, воспринял с радостью. Честно могу признаться, без лишней «рисовки», хотелось проверить себя в боевой обстановке, как говорится, «рвался в бой». Что это было — мальчишество или серьезное, критическое отношение к себе, я оценил потом (скажу заранее — оценил положительно). Могу только сказать, что время пребывания в Египте, совместная работа с арабами по освоению, подготовке и боевому применению эскадренных миноносцев, созданных умом и руками советского народа, определила в дальнейшем до конца моей службы в ВМФ подход, планирование, выполнение поставленных задач, обучение и воспитание личного состава и особенно командиров кораблей, бригад и их штабов. Всю оставшуюся службу и в должности командира бригады ЭМ, и в период учебы в Военной академии Генерального штаба, и, длительное время, в должности командира оперативной Атлантической эскадры надводных кораблей Северного флота и, наконец, в должности Первого заместителя начальника Боевой подготовки Военно-Морского флота повышенная ответственность за личную подготовку, за высокую боевую готовность подчиненных, их способность вступить в бой и победить, помогала решать поставленные задачи.

Некоторые, прямо скажу, с пренебрежением говорили: чему можно было там научиться хорошему, что это — потерянное в службе время. Нет и нет! Война есть война! А чтобы в любых ее условиях выйти победителем, необходимы: высокие знания, опыт, практические навыки, интуиция, глубокий анализ всего до мелочей, командирское предвидение и многие, многие другие качества, включая преодоление любых возникающих экстремальных ситуаций, страха, паники, безысходности и других. Очень много по этому вопросу написано в различной военной, мемуарной и просто в художественной литературе. Но чтобы все это понять, проникнуться ответственностью за подчиненных, за успешное выполнение поставленных боевых задач, надо через это пройти.

Но все это было потом. А пока, возвращаясь глубокой ночью 26 октября 1967 г. с моря, после непродолжительного плавания, я получил от оперативного дежурного два док-

лада: первое, что мне присвоено звание капитана 1 ранга и, второе, что я должен 28 октября 1967 г. уехать в Москву в распоряжение 10 управления (так в строгой секретности официально называлось назначение за границу в качестве советника или консультанта).

В Москве были три дня максимально напряженной подготовки: бесконечные инструктажи по всем вопросам, медицинский осмотр, прививки, оформление медицинского сертификата, паспортов и других документов. Большинство вылетало за границу вперые. Инструктажи были конкретными, четкими, ясными.

Напутствуя нас, посол в ОАР Виноградов, говорил: то, что вы будете под контролем и наблюдением разведок всех заинтересованных государств, это ясно, но вы должны четко понимать, что мы будем знать каждый ваш шаг, действие, слово. Мы четко понимали, что наша деятельность в ОАР, тем более после поражения в «шестидневной войне» летом 1967 г., совершенно секретная и предупреждение посла усиливало эту секретность, до предела повышало нашу ответственность и еще больше придавало нашей работе таинственность. Получив обильную информацию о политическом, экономическом и других положениях в ОАР, в мире и на Ближнем Востоке, о политике и деятельности главы ОАР Гамаль Абдель Насера, экипированные в современную гражданскую форму одежды, полные решимости, стремления и искреннего желания оказать посильную помощь нашим друзьям, мы полетели выполнять свой интернациональный долг.

У каждого из нас слово «воин-интернационалист» вызывало чувство гордости за оказанное доверие: именно тебе доверили в этот трудный для египетского народа час оказать посильную помощь. Лично у меня перед глазами возникал танкист Сергей Луконин из кинофильма 1942 г. «Парень из нашего города» (роль его исполнял известный артист Николай Крючков), и мне тогда тоже хотелось совершить обязательно что-то героическое и проверить себя в фактической боевой обстановке.

Второго ноября 1967 г. в Каирском аэропорту приземлился самолет, на котором были первые тринадцать (потом их будет более семидесяти) советников — офицеров Военно-Морского флота Советского Союза, добровольцев, для выполнения интернационального долга по оказанию помощи Военно-Морским силам ОАР.

«Первый бросок» возглавил вице-адмирал Сулягин Борис Васильевич, назначенный старшим военным советником Командующего Военно-Морским флотом ОАР. С ним были советники командиров соединений, военно-морских баз (Александрия, Порт-Саид, Суэц), кораблей, частей и некоторые флагманские специалисты, офицеры штаба: Тюник В. А., Шкутов Е. Г., Зенин В. А., Рыбин Н. П., Вакуленко М. В., Мичурин В. И., Костицкий С. П., Санников А. П., Медведев В. И., Дьяченко В. Н. и др.

ОАР находилась в состоянии войны с Израилем. После известной «шестидневной» войны летом 1967 г., в которой Египет потерпел поражение, к нашему прибытию не прошло еще и полгода. Моральное состояние экипажей кораблей, штабов, офицеров, личного состава находилось на низком уровне. Боевая готовность, техническое состояние оружия, технических средств и кораблей в целом желали быть лучше, хотя корабли всех типов и катера, купленные в СССР, были достаточно новыми. Общая организация повседневной жизни, боевой подготовки в целом и тактической подготовки офицерского состава и, прежде всего, командиров кораблей и соединений находилась на низком уровне.

Выходы в море были большой редкостью и лишь от восхода до захода солнца. Личный состав на кораблях не жил и не питался. На эсминцах помещения камбузов (кухни) были превращены в вещевые склады, в пищеварных котлах хранилось обмундирование. На выход в море каждый член экипажа брал с собой еду (сэндвичи, бутерброды и пр.).

На кораблях, стоявших на рейде на якоре в базе, оставалось три матроса и один офицер. На эсминце, где экипаж составлял более 250 человек, в том числе 25 офицеров, практически никакого наблюдения, контроля за безопасностью корабля не было. Все ме-

ханизмы с возвращением корабля с моря на базу выводились из действия, включались аккумуляторные якорные (габаритные) огни и лишь периодически, незакономерно сбрасывались подрывные заряды как противодиверсионные средства защиты от возможных боевых пловцов. Если не было выхода в море, то рабочий день продолжался до 13—14 часов, т. е. после обеда все расходилось по домам, а на кораблях могли не бывать недели. И это в состоянии войны! Боязнь выхода в море для решения боевых задач иногда приводила к прямому саботажу, в результате чего по какой-либо причине выход в море срывался. Перед нами встала конкретная задача: тщательно разобраться в фактической обстановке, состоянии боеспособности и боеготовности вверенных теперь нам соединений, кораблей и баз, укомплектованности, уровне боевой подготовки, морально-психологической готовности и наметить мероприятия, которые должны были быть незамедлительно проведены, с целью восстановления готовности к ведению активных боевых действий.

К нашему прибытию в ОАР Военно-Морской флот Египта был самым крупным в восточной части Средиземного моря, многократно превосходил флот Израиля и включал соединения, укомплектованные современными кораблями, преимущественно советского производства.

Старшим военным советником Командующего Военно-Морским флотом ОАР был весь период вице-адмирал Б. В. Сутягин. Это уже был в «летах» (как мы тогда считали — ему было 57 лет), опытный, умудренный длительной службой в ВМФ СССР, в том числе и в годы войны, спокойный, выдержанный, грамотный моряк. Ему сразу удалось установить хорошие (относительно, конечно) взаимоотношения с Командующим ВМФ ОАР и другими руководителями флота, хотя это удавалось не всегда и не всем. Мы учились у Б. В. (так любовно, уважительно, коротко мы называли в своем кругу Бориса Васильевича) всему: и военной мудрости, и житейской. Он нам был учитель, наставник, воспитатель и просто человек, с которым можно поделиться любыми мыслями. Много им было сделано, чтобы работа советских советников-моряков была успешной. Сегодня Борису Васильевичу уже 85 лет, но он по-прежнему здоров (в соответствии с возрастом), бодр, сохранил память и активность в сегодняшней жизни.

Бригада подводных лодок имела в своем составе 12 боеготовых современных подводных лодок (шесть ПЛ-613 и шесть еще более новых 633 проекта). Старшим советником командира бригады был капитан 1-го ранга Тюник Василий Андреевич (к сожалению, его уже нет в живых). Опытный, грамотный моряк-подводник, прошедший суровую школу автономных плаваний, имевший большой практический опыт командования различными типами подводных лодок, требовательный, волевой офицер. В последующем его советнический аппарат был укомплектован до 15 человек, в том числе опытными советниками командиров подводных лодок, имеющими опыт командования ПЛ (капитаны 2 ранга Иванов В. И., Григорович И. А., Симонов Ю. В. и др.). Главная задача, которая ставилась перед бригадой подводных лодок — ведение разведки у побережья противника, а также готовность к ведению боевых действий по боевому предназначению как самостоятельно, так и составом тактических групп, позиционным и маневренным методами.

Бригада ракетных катеров включала 12 ракетных катеров, в том числе шесть новейших и современнейших «205» проекта (с четырьмя ракетными контейнерами ракет «П-15»), остальные шесть были более старого проекта («183-Р»). С тех пор прошло почти 30 лет, но этот ракетный комплекс и по сей день состоит на вооружении не только на Военно-Морском флоте России, но и многих зарубежных стран. Именно этими ракетами «П-15», 21 октября 1967 г. был атакован севернее Порт-Саида и потоплен эскадренный миноносец «Эйлат» израильских ВМС. Из четырех выпущенных ракет было достигнуто три прямых попадания в цель, а четвертая уже навелась на обломки утонувшего через 5 ми-

нут эсминца. Это был большой успех египетских военных моряков и триумф советской военной техники.

Старшим советником командира бригады был капитан 1-го ранга Шкутов Евгений Германович, участник Великой Отечественной войны, прославленный катерник Северного флота, командир бригады ракетных катеров Черноморского флота, участник Кубинской «эпопеи» («Карибского кризиса 1962 г.»), опытный грамотный моряк, волевой, требовательный, авторитетный и уважаемый. (К сожалению, его тоже уже нет в живых.) Аппарат советников на бригаде ракетных катеров состоял из пяти человек, что безусловно требовало большого напряжения в работе, тем более, что бригада тесно взаимодействовала с другими соединениями как при выполнении задач боевой подготовки, так и в ходе решения боевых задач. На бригаде проводилась по инициативе старшего советника Шкутова Е. Г. большая исследовательская деятельность по расширению боевых возможностей ракет «П-15», в том числе и при стрельбе по береговым объектам, что позволило значительно повысить боевую эффективность этих ракет. Накопленный опыт в последующем был использован при боевом применении ракет «П-15» в других военных конфликтах, в частности в Индо-Пакистане.

Бригада торпедных катеров имела в своем составе самые современные по тем временам торпедные катера «206» проекта. Старшим советником бригады был капитан 2 ранга Зенин Вячеслав Андреевич — опытный, грамотный моряк, требовательный командир. Его советнический аппарат состоял также из пяти человек (в том числе капитан 2 ранга Белокрылов С. И. и капитан 3 ранга Селянгин В. Н.). Бригада тесно взаимодействовала с другими соединениями, несла дозорную службу и активно решала задачи боевой подготовки.

Бригада эскадренных миноносцев — самое крупное надводное соединение, было элитным в ВМФ ОАР. Рост морского офицера по службе определялся тем, служил ли он на бригаде и командовал ли эскадренным миноносцем или нет! В составе бригады было 9 боевых кораблей: четыре эсминца советской постройки проекта «30-Б» (достаточно современных по тому времени, а два прошли ремонт и модернизацию в 1967 г. в СССР); два эсминца английской постройки 1944 г. (модернизированные в Бомбее) и три фрегата английской постройки тоже времен Второй мировой войны.

Кроме меня (старшего советника командира бригады), были три советника командиров кораблей: капитан 3 ранга (в Египте получил звание капитана 2 ранга) Чиров Валентин Кузьмич (впоследствии вице-адмирал), капитан 2 ранга Иванов Юрий Николаевич (впоследствии капитан 1 ранга) и капитан 2 ранга Коротенков Владимир Павлович (впоследствии капитан 1 ранга), на плечи каждого из которых ложилась ответственность за обучение, подготовку и поддержание боевой готовности трех кораблей (двух эсминцев и одного фрегата). Все это при отсутствии у них переводчика. Переводчик был только у старшего советника — танкист-лейтенант Николай Никитяев, который флот и корабли до Египта видел издали и то на картинках. Незнание и непонимание им флотской специфики и терминологии на первых порах вызывало трудности в работе с ним. Но, к нашей радости, Николай очень быстро освоился, а мы к тому времени, выполняя указание наших высоких начальников, в короткие сроки освоили арабскую разговорную речь, позволившую хоть и примитивную, но совместную работу с подсоветным без переводчиков.

Бригада активно участвовала во всех мероприятиях флота: несла постоянно боевое дежурство, дозорную службу, отрабатывала взаимодействие всех надводных сил при ведении морского боя, поиске и уничтожении подводных лодок, отражении воздушного противника в море и на базе и целый комплекс других задач.

Наиболее успешной операцией, в которой главную роль играли два эскадренных миноносца «30-Б» (модернизированных), во взаимодействии с ракетными и торпедными

катерами и береговой сухопутной артиллерией, было нанесение совместного артиллерийского удара по береговым военным объектам на Севере Синайского полуострова, 40 км восточнее порта Порт-Саида, в ночь с 9 на 10 ноября 1969 г. Все египетские газеты уже утром 10 ноября дали подробную информацию об этой операции ВМФ ОАР. 11 ноября наши газеты «Правда» и «Красная звезда» под заголовком «Успешные операции» дали небольшую заметку о действиях ВМФ ОАР. «Подразделения египетских военно-морских сил подвергли обстрелу израильские позиции в северной части Синайского полуострова. Об этом заявил представитель командования Вооруженных сил ОАР. Он характеризовал эту операцию как «наиболее успешную после потопления израильского эсминца «Эйлат». Обстрелу подверглись израильские позиции в районах Румани и Эль-Балузы, где были сосредоточены военная техника и склады топлива и боеприпасов. В заявлении представителя Вооруженных Сил ОАР отмечается, что после нанесения артиллерийского удара по израильским объектам, египетские корабли благополучно возвратились на свои базы. В операции также принимали участие военно-воздушные силы ОАР». Нанесение удара для противника было полной неожиданностью.

В этом скромном сообщении ничего не было сказано (до по тем временам и написанное превзошло все возможные ожидания), что при отрыве от противника эсминцы были в течение двух часов атакованы более чем 40 израильскими самолетами, три из которых эсминцы сбили. А как потом стало известно, была уничтожена и механизированная бригада противника, находившаяся на отдыхе. А о том, как шла теоретическая и практическая подготовка к этой операции, как был введен в заблуждение противник, это отдельный, интересный и поучительный разговор, особенно с точки зрения проведенных мероприятий маскировки, демонстрационных действий, а, главное, ее скрытности. За строками короткого сообщения в газетах — упорный, терпеливый, настырный труд советников по подготовке бригады эскадренных миноносцев к артиллерийскому налету, обеспечению боевой устойчивости отряда кораблей, взаимодействующих сил и сил прикртия от ударов противника.

Результаты этой успешной операции были высоко оценены Президентом ОАР, Военным руководством. Командир бригады эсминцев капитан 1 ранга (полковник флота — по-арабски) Галяль Фахли Абдель Вагап, командиры эскадренных миноносцев «Наср» и «Домьета» были удостоены высшей военной награды государства. В честь победы была учреждена специальная офицерская и матросская медаль. Большая группа офицеров и петиофицеров (сверхсрочников-контрактников), участников операции, награждена государственными орденами и медалями. И только советские советники остались безымянными. Установка была четкая: «советские военные советники непосредственно в боевых действиях не участвуют». И выходили мы в море безымянными, в матросской робе (работчем синем платье), без погон и без документов. «В плен не попадать» — была установка министра обороны СССР на одном строгом и поучительном разборе в Каире в 1968 г. И только спустя полгода, уже вернувшись в Советский Союз, трое советников были удостоены наград «За мужество и смелость при выполнении задания правительства СССР», двое были награждены орденом «Красной Звезды» и один медалью «За боевые заслуги». Это были единственные советники-моряки, удостоенные наград за период 1967—1969 гг. в Египте.

Четыре основных соединения вместе с соединениями Охраны водного района военно-морских баз (в том числе противолодочные и минно-тральные корабли) составляли достаточно сильный флот, способный успешно решать любые боевые задачи на море.

Однако политическая обстановка была сложная, особенно сильно она осложнилась после поражения летом 1967 г. Часть кораблей (в том числе три эскадренных миноносца и один фрегат, две подводные лодки, два ракетных и два торпедных катера, два тральщи-

ка) остались в Красном море после закрытия Суэцкого канала. Из этих сил была сформирована Красноморская группа кораблей, которая была подчинена командиру бригады эскадренных миноносцев (в последующем оформленная в отдельный дивизион). Советникам бригады эсминцев приходилось работать на два фронта, так как и на Красном море также велись боевые действия в районе южной части Синайского полуострова, обеспечивалась система ПВО Африканского побережья ОАР.

Основная сложность в работе советников состояла в восстановлении боевой готовности, включая моральный дух и уверенность в боевых возможностях наших кораблей, их вооружения и технических средств, организации целенаправленной боевой и тактической подготовки, в успешном выполнении поставленных задач. С большим энтузиазмом и упорством, высокой ответственностью и отдачей, несмотря ни на какие трудности, выполняли свой долг наши моряки, воины-интернационалисты.

В. А. Золотарев

Военная реформа РФ: проблемы и перспективы

Журнал «Новый Часовой» продолжает обсуждение проблем военной реформы в России. Сегодня свои соображения выносит на суд читателей начальник Института военной истории Министерства обороны РФ, действительный государственный Советник I класса, доктор исторических наук, профессор Владимир Антонович Золотарев.

***

Военная реформа в России, начатая в 1992 г., является по-своему уникальной в истории Отечества. Ее особенность состоит в том, что она органически сочетает в себе элементы реформирования со строительством изменившейся оборонительной системы государства. Общественно-политической основой и ядром преобразований является создание в России Вооруженных Сил нового исторического и социального типа. Отныне — это именно оборонительные Вооруженные Силы, используемые только для защиты жизненно важных интересов Российской Федерации. Их отличие от Министерства обороны СССР в том, что они не рассчитаны на выполнение «интернационального долга» в различных регионах планеты.

Современную российскую военную реформу по нацеленности преобразований можно считать самой гуманной из отечественных военных реформ. Ее исходная позиция — иметь в России военную систему, способную вносить эффективный вклад в предотвращение ядерной катастрофы, войн и вооруженных конфликтов. Реформой предусмотрено создание для военнослужащих нормальных условий для их жизнедеятельности и выполнения профессионального долга перед Отечеством и народом.

Создание вооруженных сил нового типа, строительство Российских вооруженных сил осуществляется в соответствии с новой военной доктриной (1993 г.). Она представляет собой систему официально принятых концепций и положений, направленных на противодействие угрозам военной безопасности России, предотвращение войн и военных конфликтов, строительство вооруженных сил и других войск, подготовку их и страны в целом к защите Отчизны. Доктрина предусматривает также определение способов подготовки и ведения военных действий и других форм борьбы в целях обороны России. Ее суть — содействие усилиям мирового сообщества, международных, региональных и национальных органов безопасности по предотвращению войн и вооруженных конфликтов, поддержанию или восстановлению мира. Наша военная доктрина направлена на устранение опасности глобальной или региональной ядерной войны против Российской Федерации и ее союзников; неприменение Российских Вооруженных Сил против любого госу-

дарства, кроме случаев, предусматривающих индивидуальную или коллективную самооборону, а также вооруженное нападение на Российскую Федерацию, ее граждан, территорию, Вооруженные Силы, другие войска или на союзников РФ.

В соответствии с этими основополагающими принципами военной доктрины продолжен процесс реформирования Вооруженных Сил и других войск России. Но для перехода к армии правового государства руководству страны и вооруженных сил необходимо решить ряд насущных проблем. Во-первых, надо сделать политический выбор: правильно выбрать приоритеты — оборона от внешних угроз и защита национальных интересов внутри страны (борьба с терроризмом, этническими конфликтами в рамках страны и СНГ, преступностью).

Во-вторых, в отличие от советского периода, когда на оборону работали многие ведомства, не охваченные статьями по военным расходам госбюджета, в правовом государстве с рыночной экономикой финансирование Вооруженных Сил, военный бюджет становится решающим фактором в существовании и развитии армии и флота.

В-третьих, необходимо решить проблему перевооружения Вооруженных Сил, иначе через 5 лет Российские армия и флот останутся с безнадежно устаревшей техникой. При проведении реформы высший приоритет имеют силы ядерного сдерживания. Причем в условиях расползания ядерного оружия по многим странам, локальных конфликтов и международного терроризма ракетно-ядерное оружие может выполнять функции сдерживания агрессора только в сочетании с современными системами ПРО и ВКС. Не случайно на встрече в Хельсинки президентов США и РФ (март 1997 г.) договор по ПРО был назван «краеугольным камнем стратегии стабильности». Приоритетными направлениями являются также сохранение эффективной ПВО, восстановление системы материально-технического снабжения, реорганизация системы комплектования личным составом.

Для военной организации России крайне важен начавшийся процесс смены социального типа армии. Основные черты армии демократического правового государства следующие: демократизм воинской жизни, воспитание «воина-гражданина».

Для проведения реформ необходимо создание законодательно-правовых их основ. При этом значительное место в военной реформе занимают изменения в военном управлении.

Планируемое изменение структуры Вооруженных Сил в ходе осуществления реформы требует от центрального аппарата МО и Генштаба поиска наиболее целесообразных и наименее дорогостоящих методов сокращения войск и сил флота.

Одной из сложнейших проблем стала «нарезка» стратегических рубежей и военных округов. Другим важным элементом военной реформы стала реализация принципиально нового подхода к созданию группировок войск, изменение в организационно-штатной структуре войск в системе комплектования Вооруженных Сил.

Необходимо также предусмотреть и военное обучение гражданского населения: допризывной молодежи и воинов запаса.

Однако военная реформа, как уже говорилось, предполагает проведение мероприятий не только в Вооруженных Силах Российской Федерации, но и во всей военной системе, включающей войска всех силовых ведомств, органы государственного и военного управления, а также в системе мобилизационной подготовки государства и в оборонно-промышленном комплексе. Обязанность государства — создать военную систему и иметь военно-техническую политику, которые направлены на максимальное обеспечение безопасности государства и его граждан в мирное время и минимизацию потерь личного состава в ходе боевых действий.

Военная система, включающая в себя различные войска (Вооруженные Силы, войска Гражданской обороны, войска ФПС, внутренние войска МВД, ФАПСИ и др.), должна

быть основана на единой системе управления, заказов вооружения и подготовки военных кадров, воспитания личного состава войск, его социально-экономической защите.

Инфраструктура, включая систему тылового и финансового обеспечения, должна быть максимально унифицирована и централизована. При этом все мероприятия военной реформы должны соответствовать экономическим возможностям государства.

Проведение широкомасштабной военной реформы требует решения ряда неотложных вопросов, стоящих перед государственным и военным руководством. Первая из них — личный состав армии и флота.

Структурная основа Советской Армии сохранилась и в российской армии. В отличие, к примеру, от армии США, это армия существует на основе воинской обязанности. Функция почти всех частей и соединений сухопутных и в значительной мере других видов ВС заключается в подготовке призванных в армию контингента и резерва с тем, чтобы во время войны вооруженные силы можно было быстро пополнить, доведя их до численности, необходимой для борьбы с потенциальным противником. В течение пяти лет после окончания службы люди в случае призыва должны быть способны занять свое место в части лишь с минимальной переподготовкой.

Однако демографическая ситуация в стране затрудняет полнокровное комплектование Вооруженных Сил и других войск. Сегодня в России призывной контингент (возраст 18—27 лет), насчитывает в общей сложности до 1,7 млн человек. Ежегодно из них призываются около 400 тыс. человек. Однако при кажущейся достаточности людских ресурсов некомплект рядового и сержантского состава достигает 40%.

Почему же так обстоит дело? Потому, что согласно действующим законам количество граждан, пользующихся освобождением от военной службы, составляет 15,3%. Из всех студентов 65% имеют отсрочку от призыва. У молодого пополнения, которое приходит на призывные пункты, отмечается в последние годы тенденция к ухудшению здоровья и уровня образования. По данным 1996 г., у 28% новобранцев отмечены признаки отставания в умственном развитии. Каждый четвертый из них имел хронические заболевания. До 40% не могли выполнить элементарные нормативы по физической подготовке, 11,5% имели дефицит веса.

Если в 80-х годах высшее и среднее образование имело свыше 90% молодого поколения, то в 1995—1996 гг. число таких призывников едва превысило 70%. Кроме того, призывной контингент поступает не только в Вооруженные Силы, но еще в 15 ведомств. Так, личный состав МВД насчитывает около 540 тыс. человек плюс 260 тыс. в составе внутренних войск, Железнодорожные войска — 80 тыс., Погранвойска — 230 тыс., МЧС — 70 тыс. человек. Все это осложняет ситуацию с комплектованием армии и флота личным составом.

Служба по контракту, идея которой состоит в том, чтобы повысить профессиональный уровень солдат и сержантов, пока что себя не оправдывает, а по прогнозам может оказаться эффективной не ранее 2010 г. Большие проблемы и с поддержанием профессионального уровня офицеров. В силу недостатка средств почти не проводятся учения, страдает боевая подготовка. Например, годовой налет часов летчика в авиации ПВО составляет 19 часов. Для сравнения скажем, что в НАТО он достигает 120 часов в год. Немалые вопросы возникают и с введением положения о так называемой «альтернативной службе».

Сложно обстоит дело с техникой и вооружением. Система развертывания сил и средств Советской Армии предусматривала размещение большого количества военной техники в пограничных районах СССР. Эта техника и соответствующая инфраструктура, разумеется, перешли в собственность стран, образовавшихся на пространстве бывшего Советского Союза. По сравнению с советскими вооруженными силами у российских ВВС осталось всего 37% самолетов МИГ-29, 23% СУ-27 и 43% Ил-76. В их распоряжении

оказалась всего половина аэродромов, имевшихся у бывшего СССР, и многие из этих российских аэродромов остро нуждаются в ремонте. 40% всех ремонтных мощностей вооруженных сил остались за пределами России. Правда, у России остался мощный резерв высококачественной боевой техники, а также основная часть высокотехнологичной техники, а в ряде случаев и вся такая техника (по соображениям безопасности она хранится в центральных районах страны). Но технику и вооружения надо обновлять. И это тоже большая проблема, поскольку в оборонной промышленности РФ в настоящее время сложилась крайне тяжелая ситуация. В целом уровень производства для военных нужд составляет около 5% от уровня 1990 г. Спад производства на предприятиях ВПК сегодня более значителен, чем в целом в российской промышленности. За период 1990-1995 гг. реальные расходы на закупки ВВТ сократились в 14,1 раза, на НИОКР — в 13 раз.

Мы указали лишь главные проблемы, которые предстоит решить в ходе реформы. Но их, конечно, гораздо больше, поскольку страна находится на весьма тяжелом этапе переходного периода. Тем важнее осуществить как можно скорее военную реформу.

Для того чтобы провести реформу с наибольшей эффективностью, необходимо выстроить приоритеты решаемых задач. В этом плане существенное значение имеет четкое разделение функций между Вооруженными Силами и всеми другими войсками, а внутри Вооруженных Сил — между видами и родами войск.

Основной задачей Вооруженных Сил России должно быть обеспечение безопасности страны и союзных ей государств от внешних военных угроз их территориальной целостности, суверенитету, экономическим и политическим интересам. Вооруженные Силы также должны обеспечивать российское участие в международных миротворческих акциях, организуемых ООН, ОБСЕ, СНГ, — в соответствии со статусом России как великой державы и правопреемницы СССР для поддержания международной безопасности, режима ограничения вооружений и разоружения.

В то же время необходимо уделять повышенное внимание и другим войскам и вооруженным формированиям, предназначенным для обеспечения внутренней безопасности страны. Необходима гораздо более тесная координация деятельности этих структур.

Что касается Вооруженных Сил, то в ходе реформы должны соблюдаться приоритеты военного строительства.

Ядерное сдерживание будет оставаться стержнем системы национальной обороны России. При этом его следует рассматривать как надежную гарантию безопасности на период глубоких преобразований в стране, включая проведение военной реформы.

Акцент, который предполагается делать на дальнейшее развитие Сил ядерного сдерживания (СЯС), объясняется не только их решающей ролью в обеспечении надежного сдерживания потенциального агрессора, но и гораздо меньшей затратностью по сравнению с другими компонентами Вооруженных Сил. Численность СЯС, с учетом обеспечивающих систем предупреждения о ракетном нападении и космических систем военного назначения, не превышает сегодня 250 тыс. чел., а расходы на них составляют лишь 10–15% от общих расходов на оборону.

Рациональный состав СЯС РФ должен определяться исходя из того, что основной концепцией их применения должны являться действия после получения достоверной информации о подготовленном или состоявшемся ядерном нападении на Россию.

В целях повышения живучести СЯС должна быть обеспечена приоритетность развития не только наиболее выживаемых компонентов собственно ядерных сил (в первую очередь мобильных наземных ракетных комплексов на полевых позициях и подводных ракетноносцев на боевом патрулировании), но и их системы предупреждения, управления и связи. Эти системы по ресурсному обеспечению должны стать приоритетными, особенно при глубоком количественном сокращении ядерных арсеналов.

Потенциал сдерживания широкомасштабного неядерного нападения со стороны крупнейших держав может поддерживаться за счет ограниченного (до 300 боеприпасов), живучего и рассредоточенного потенциала тактического ядерного оружия (ТЯО).

По обычным (конвенциональным) Вооруженным Силам и вооружению России приоритетным является формирование технологического фундамента для создания перспективных систем высокоточного оружия.

Сухопутные силы должны быть компактными и боеготовыми, небольшими по количеству, но оснащенными средствами быстрой переброски на большие расстояния. Им необходима поддержка мощной и современной, сравнимой с американской, авиацией ВВС и ПВО. В условиях жесткого дефицита средств мобильность достаточно крупных контингентов сил становится одним из главных условий их боеготовности.

Вооруженные Силы должны располагать достаточным количеством средств для обеспечения оперативной передислокации крупных контингентов войск и техники с соответствующим развитием сети наземных и воздушных коммуникаций, передовых складов вооружений и материалов, системы их охраны и обороны. Будет повышаться роль армейской авиации, особенно транспортных и боевых вертолетов. Дальнейшее развитие и боевая подготовка воздушно-десантных войск и частей морской пехоты должны, в первую очередь, ориентироваться на участие в специальных операциях.

Сил и средств ВМФ должно быть достаточно для прикрытия стратегических ядерных сил морского базирования на Севере и поддержки миротворческих и спасательных операций в Балтийском, Черноморском и Каспийском бассейнах, для охраны побережья, морских экономических зон и коммуникаций в Арктике и на Дальнем Востоке, а также для ограниченного участия в акциях многосторонних военно-морских сил под эгидой ООН, ОБСЕ в рамках программы «Партнерство ради мира» или с НАТО.

Сокращение корабельного состава ВМФ будет повышать значимость морской авиации берегового базирования.

Достаточные — с учетом большой протяженности границ — погранвойска (не входящие организационно в состав ВС РФ) должны обеспечивать охрану и передовой рубеж обороны территории страны и ее союзников.

Одной из важнейших задач реформы должно стать формирование государственной идеологии военной службы. В ее основу должны быть положены: верность конституционному долгу, приоритет соблюдения государственных интересов, неукоснительное следование военной присяге и лучшим традициям Российской армии.

На этой основе в совокупности с материальными факторами должен быть существенно повышен престиж воинской службы, обеспечены права человека, гражданина Российской Федерации, гордого своей причастностью к службе в войсках.

При проведении реформы крайне важны психологические установки, распространенные среди личного состава. Нужен такой социопсихологический настрой, при котором исключалось бы нытье, вечные жалобы, критиканство и сомнения. Подобные настроения, по образному выражению А. Е. Снесарева, являются «вечной могилой для победных сражений». В плане воспитания офицеров глубоко примечательна и мысль Н. А. Морозова,* в его публикации 1909 г. «Воспитание генералов и офицеров на основе побед и поражений»: «Горе той армии, — с горечью пишет он, — где карьеризм и эгоизм безнаказанно царят среди вождей, где большинство генералов думают лишь о своем благополучии, служат из-за наград и отличий, ведут лишь свою линию... Пусть пишутся хорошие и громкие

* Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1899), академию Генерального штаба (1905) Старший адъютант 1-й Отдельной Кавказской бригады (1905–1908), помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа, старший адъютант штаба 45 пехотной дивизии, штаб-офицер для поручений штаба 1-го Кавказского корпуса.

приказы, издаются отличные уставы, выпускаются чудные циркуляры! Все будет там отлично и гладко лишь до первого грома. Грянет гром, и армия окажется только с хорошими канцеляристами, проповедниками и т. д., но без настоящих военных людей, готовых беззаветно жертвовать собой друг за друга для блага Родины!». В свою очередь идеология воинской службы должна исходить из того, что жизнь солдат и офицеров — государственная ценность.

Решение указанных и многих других задач, которые должны быть решены в ходе военной реформы, подчинено единому замыслу — Концепции национальной безопасности. В оборонном разделе одного из проектов Концепции указывается, что в результате проведения военной реформы Россия «должна обладать потенциалом ядерных сил, способных обеспечить ядерное сдерживание и вызвать, в случае их применения, неприемлемый ущерб для любой страны-агрессора либо коалиции государств», а также иметь мобильные и высокотехнические силы общего назначения. Последние включают объединения и соединения сухопутных войск, военно-воздушных сил, войск ПВО и Военно-морского флота. Боевой состав Сил общего назначения мирного времени «должен обеспечить отражение агрессии и разгром противника в одной региональной войне», одного-двух вооруженных конфликтах и «сдерживание противника на других стратегических направлениях», а также «осуществление миротворческой деятельности».

Весьма важным доктринальным положением является то, что Россия оставляет за собой право полномасштабного или ограниченного применения ядерного оружия с целью пресечения ядерного нападения и в случае, если возникает опасность перерастания региональной войны в крупномасштабную, либо в случаях, когда действия агрессоров наносят невосполнимый ущерб интересам безопасности Российской Федерации. Применение Вооруженных Сил для защиты интересов России будет «осуществляться решительно, последовательно и планомерно до тех пор, пока не создадутся выгодные для Российской Федерации условия заключения мира».

Все сказанное имеет целью лишь обозначить возможности России в выборе ответа на гипотетические вызовы и угрозы. Современная Россия никому не угрожает и хочет жить в мире со всеми. Но потенциальный агрессор должен знать, что получит по заслугам. А вот в какой форме будет ответ — это решит правительство РФ, не исключая ни одного из видов оружия. Неопределенность вариантов ответа для потенциального агрессора — одно из важнейших положений военной доктрины, смысл стратегии сдерживания.

В то же время система безопасности России предусматривает ее обязательное сопряжение с глобальной системой безопасности, международными региональными (общеевропейской, азиатско-тихоокеанской и др.) системами безопасности и национальными системами безопасности других стран, прежде всего соседних. Особое место здесь должна занять система коллективной безопасности стран СНГ.

Так видятся сегодня проблемы безопасности России в обозримом будущем с учетом проведения военной реформы.

Но теперь уже можно отметить, что период топтания на месте, промедления с решительным проведением военной реформы закончился. Указы Президента, подписанные 16 июля 1997 г., предусматривают первоочередные меры по реформированию Вооруженных Сил РФ. Они имеют принципиальное значение: реорганизация военной системы страны переводится на рельсы конкретных, практических дел. Разрабатывается новая концепция военной реформы, которая должна включить в себя семь основных блоков.

«Первый — угрозы военной безопасности России, прогноз развития военно-политической обстановки в мире на глобальном и региональных уровнях, анализ тенденций развития иностранных армий, их численности и технической оснащенности.

Второй — потребные экономические ресурсы для обеспечения военной безопасности России, определение рационального уровня оборонных расходов и инвестиций в ВПК, численности ВС РФ, а также других войск в мирное и военное время на основе демографических прогнозов и анализа численности и возрастной структуры населения страны.

Третий — определение, исходя из прогноза возможных военных угроз, требуемых боевых возможностей ВС РФ, их структуры, уровня боевой подготовки, системы комплектования, технической оснащенности, оперативной подготовки территории ТВД.

Четвертый — воинские формирования, не входящие в структуру ВС, оценка их вклада в решение общих задач обеспечения военной безопасности России, организация взаимодействия сил и средств, выделенных другими войсками.

Пятый — военно-промышленный комплекс РФ, определение его возможностей по техническому оснащению ВС и других войск, структуры и объемов военных заказов, развитие международной кооперации в производстве вооружений и военной техники, определение структуры и объемов оружейного экспорта.

Шестой — мобилизационная подготовка экономики страны, определение мобилизационных возможностей промышленности в зависимости от выделенных на это ресурсов.

Седьмой — оптимизация мероприятий военной реформы, формирование вариантов преобразования Вооруженных сил и других войск, ВПК, системы мобподготовки экономики РФ, выбор рациональных вариантов».

Концепция реформы предусматривает создание качественно новых Ракетных войск стратегического назначения, которые объединят нынешние РВСН, Военно-космические силы и структуры Противоракетной обороны.

В 1998 г. планируется объединение Военно-воздушных сил и противовоздушной обороны в единый вид ВС. Это оформит переход России к четырехвидовому составу Вооруженных Сил.

Упраздняется Главкомат Сухопутных войск, вместо которого в составе Министерства обороны РФ будет создано соответствующее управление. Оно будет обладать большими полномочиями, хотя функции оперативного и территориального управления передаются непосредственно военным округам. Новое управление будет по численности значительно меньше нынешнего Главкомата Сухопутных войск и находиться в непосредственном подчинении одного из заместителей министра обороны.

Планируется существенное сокращение численности Центрального аппарата Вооруженных Сил РФ. В частности, расходы на содержание аппарата Министерства обороны РФ урезаются до 1 процента от всего бюджета военного ведомства.

В ближайшие полтора года российская армия и флот станут меньше на 500 тысяч военнослужащих и доведут свою штатную численность до 1 млн 200 тысяч человек.

Реформу планируется провести в два этапа и в условиях жестких финансовых ограничений (3,5% от ВВП). На первом (1997–2000 годы) основные мероприятия направляются на избавление военных от неоправданных, непроизводительных и не отвечающих интересам укрепления обеспечения обороноспособности страны расходов. Вооруженные силы избавятся от предприятий, организаций, объектов и структур, без которых они вполне способны существовать (это сразу сократит 300 тысяч человек гражданского персонала).

Среди таких организаций — Главное управление торговли, десятки военно-строительных частей, хозрасчетных предприятий и многие другие структуры, которые способны самостоятельно зарабатывать средства для своего существования.

Кроме того, местным органам власти будет передана часть жилищно-коммунального и социального фонда, стоящего на балансе Министерства обороны, что даст ежегодно экономии в 2–3 триллиона рублей, которые можно направить на обеспечение социальных гарантий военнослужащих.

В ходе реформирования вооруженных сил планируется пересмотреть структуру расходов на строительство и содержание войск, боевую и оперативную подготовку, а также создание научно-технического фундамента для перевооружения армии и флота на новую боевую технику после 2005 г. На все это выделяется до 40% военного бюджета.

Особое внимание уделяется социальным нуждам военнослужащих, членов их семей, гражданского персонала. Сегодня количество средств, выделяемых государством на каждого солдата и офицера, ниже уровня таких расходов в США в 13,5 раза и в три раза ниже, чем в Китае.

Военная реформа планирует поднять этот уровень в российской армии к 2001 году в два раза, а к 2005-му в три раза. При этом жизненный уровень офицерского состава предполагается увеличить к 2001 г. в два раза, а к 2005 г. — в два с половиной раза по сравнению с сегодняшним днем.

Но для того, чтобы изыскать необходимые средства, нужны срочные и весьма энергичные меры по оптимизации численности, структуры и состава армии и флота. Поэтому главным приоритетом реформирования будет сохранение и развитие всех компонентов Стратегических сил сдерживания, гаранта стратегической стабильности страны и мирового сообщества. А для парирования угроз локального характера надо в кратчайшие сроки развернуть полностью укомплектованные дивизии и бригады Сухопутных войск на западе, юге и востоке.

Они должны быть способны во взаимодействии с соединениями других видов вооруженных сил эффективно решать задачи предотвращения и нейтрализации действий противника в военных конфликтах локального масштаба.

В 1998–2000 гг. армия и флот перейдут к 4-видовой (РВСН, объединенные ВВС и ПВО, ВМФ и силы общего назначения) структуре.

Уже в этом году будут созданы качественно новые Ракетные войска стратегического назначения, состоящие из ракетных армий, воинских частей и учреждений запуска и управления космическими аппаратами, а также объединений и соединений войск Ракетно-космической обороны (средства контроля космического пространства, система предупреждения о ракетном нападении, войска ПРО).

Главное управление МО под руководством заместителя Министра обороны, которое заменит Главкомат Сухопутных войск, будет заниматься организацией боевой подготовки всех видов вооруженных сил (в перспективе на его базе, возможно, будут организованы Силы общего назначения) и планированием технического и оперативного развития этих сил.

С 1997 по 1999 гг. будет сокращено число военных округов (их сегодня восемь) до шести и им будет придан статус командования оперативно-стратегических направлений (ОСН). На командование ОСН возлагается функция оперативного руководства всеми объединениями, соединениями и частями всех видов, родов войск вооруженных сил и других войск в границах их ответственности. Пограничные, внутренние войска, части гражданской обороны МЧС и другие вооруженные формирования на данной территории будут в оперативном плане подчинены командующему сил общего назначения.

На 1997–1998 гг. запланирован процесс практического объединения войск ПВО и ВВС.

Как известно, сегодня в состав ВВС входит военно-транспортная авиация, дальняя, стратегическая авиация, фронтовая и истребительная авиация. В ПВО — зенитные ракетные войска, радиотехнические войска, войска ПКО* и авиация ПВО. Объединение столь отличающихся друг от друга родов войск под единым командованием и создание единой системы управления ими — задача огромной сложности.

---

* Эти войска уйдут в РВСН.

В ходе реформирования Военно-морского флота тоже произойдут изменения. Но структура его в целом сохранится. Останутся четыре флота — Балтийский, Северный, Тихоокеанский и Черноморский, а также Каспийская флотилия. Они сосредоточат значительно более компактные, чем сейчас, группировки сил и средств на всех стратегически важных океанских и морских направлениях и будут решать более ограниченный, чем сегодня, круг боевых задач.

На втором этапе реформирования (2001–2005 гг.) предусматривается перейти к трехвидовой структуре вооруженных сил по сферам их применения (суша, воздух и космос, море) и обеспечить повышение качественных параметров войск и сил за счет развертывания с 2005 года серийных поставок новейших образцов вооружения и боевой техники (до 5 процентов ежегодно), совершенствование систем руководства армией и флотом в новой структуре.

При сокращении ВС: начиная с 1997 г., по предварительным расчетам, потребуется уволить в запас около 120 тысяч генералов, офицеров, прапорщиков и мичманов, а также военнослужащих-контрактников, уменьшить число призываемых на действительную военную службу, сократить число военных училищ и академий и, соответственно, прием курсантов и слушателей. На обеспечение их социальных гарантий потребуются в 1998 г. свыше 4,2 триллиона рублей, а также защищенная законом строка в бюджете.

Таковы основные перспективы начатой указами Президента военной реформы. Время покажет, как будут развиваться события. Много здесь будет зависеть и от внешних факторов, отношений России с другими государствами, развития центров силы мирового сообщества. Но многое зависит и от России. Для успешного продвижения дела реформы нужны «свои» Милютины, «свои» Фрунзе — военные деятели с глубоким государственным умом и политической мудростью.

А. Г. Алленов

Новоселицкому гарнизону 180 лет

В тридцати верстах от Новгорода на крутом берегу реки Мсты издревле стоит не-
большое село Новоселицы. Так уж сложилось, что в историю русской армии Ново-
селицам суждено было вписать не одну славную страницу. Не случайно в августе
1997 г. расквартированный здесь Учебный центр войск связи и РТО ВВС праздновал
180-летний юбилей своего гарнизона.

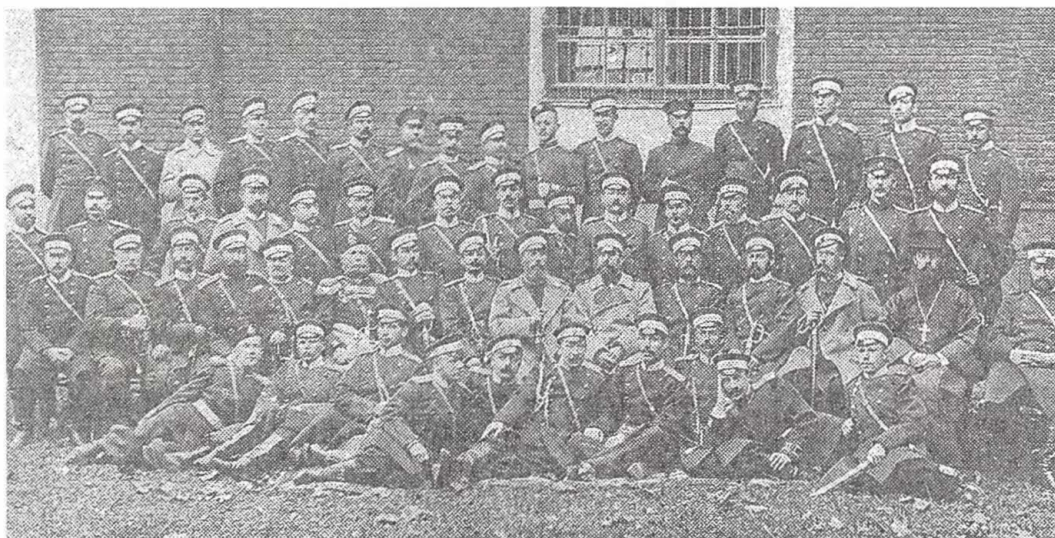
Рождение Новоселиц как военного гарнизона непосредственно связано с военными
реформами Александра I. Царь предпринял тогда попытку перевести армию на «поселен-
ную» систему комплектования и снабжения. Начало Новоселиц как штабного городка
Перновского Гренадерского полка положил Императорский указ от 24 августа 1817 г. В
соответствии с указом второй батальон полка назначался на военное поселение в Холын-
скую волость Новгородского уезда Новгородской губернии с размещением штаба в Ново-
селицах.

Уместно заметить, что стремясь после победы в войне 1812—1814 гг. играть доми-
нирующую роль в Европе, Александр I вынужден был держать большую армию. Это, ес-
тественно, требовало больших расходов. Увы, обеспечить их опустошенная войной Рос-
сия не могла. Выход был найден в создании военных поселений. Их организатором, как
известно, стал граф А. А. Аракчеев. Целями создания таких поселений являлись: во-пер-
вых, отказ в мирное время от постоянного и продовольственного снабжения армии благо-
даря совмещению обязанностей солдат и земледельцев, во-вторых, сокращение рекрут-
ских наборов и, в-третьих, стремление иметь под рукой всегда готовую к действиям
вооруженную силу. Первые военные поселения начали создаваться на Новгородчине. Тому
тоже были свои причины: географическое положение Новгородской губернии, хорошие
водные коммуникации, обилие пахотных земель, заселенных государственными крестья-
нами и, наконец, близость вотчины графа А. А. Аракчеева — имения Грузино.

Уже к 1820 г. в Новгородской губернии было размещено шесть полков, занявших на
протяжении 75 км оба берега Волхова. Все шесть полков входили в Отдельный корпус
военных поселений, который образовывал как бы особое военное государство под управ-
лением графа А. А. Аракчеева. Всего в Новгородской губернии таким образом было посе-
лено три Гренадерских дивизии в составе 18 полков и две артиллерийские бригады.

Впрочем, вернемся к Новоселицам. В 1825 г. к поселенному здесь в соответствии с
царским указом батальону были присоединены остальные батальоны полка. Теперь воен-
ное поселение, занятое полком стало называться «Округом поселения Гренадерского на-
следного принца Прусского полка». Много трудов было положено солдатами и офицера-
ми полка для обустройства военного поселения. Строили дома, пахали землю и в то же

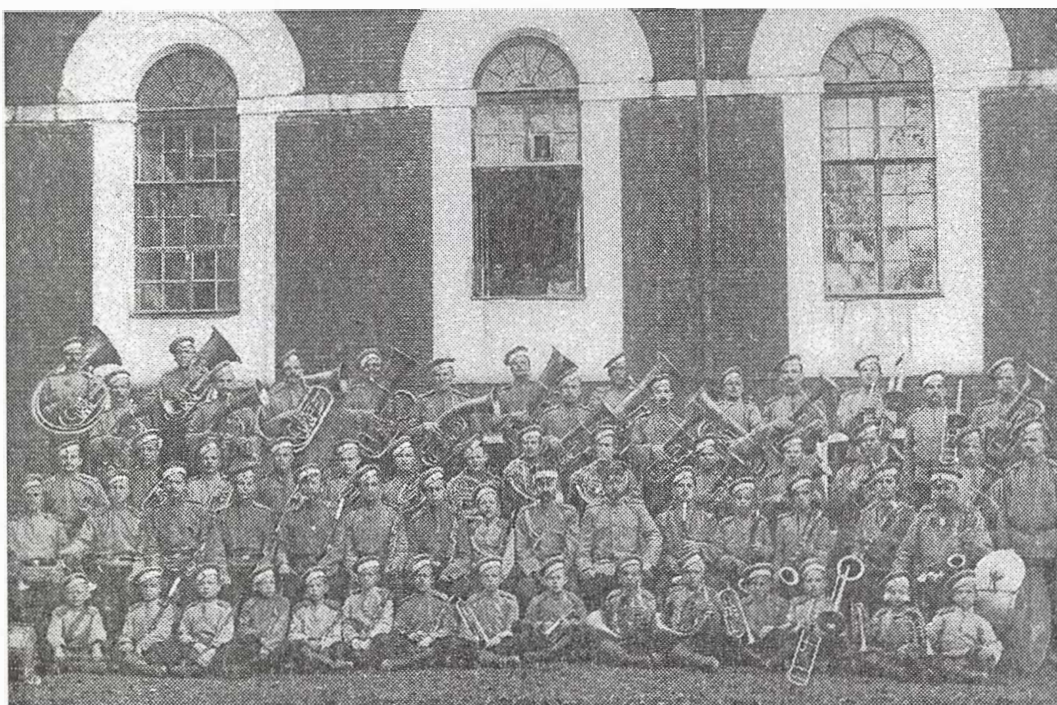
Офицеры 87-го Нейшлотского полка (фото 1903 года).

время приходилось заниматься строевыми занятиями и учениями. К 1825 г. были возведены все необходимые постройки, а также воздвигнута полковая церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Единственными строителями были солдаты. Здесь же на каменоломнях, лесопильных, кирпичных и известковых заводах, созданных специально для обеспечения громадного строительства, заготавливался и строительный материал.

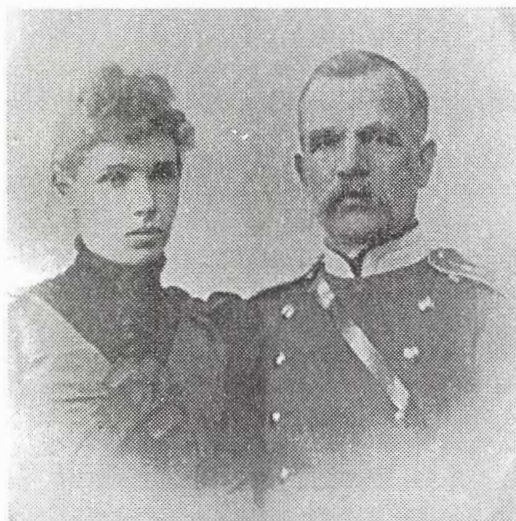
«На что не способен русский солдат! — писал А. А. Эйлер. — Строевые войска использовались не только на всех земляных работах, на вырубке бревен и прогону их по реке, но и они же производили выделку кирпича, выломку плиты, обжиг оной на известь и решительно все плотничьи, пильные, каменные, печные работы, которыми занимались по пять дней в каждую неделю, а по субботам производили учения и по словам самого Императора были лучшие войска в армии».

Строительством всех штабных городков в Новгородской губернии руководили опытные инженеры и архитекторы: В. П. Стасов, Е. И. Рерберг, Ф. И. Рерберг, К. Ф. Детлов и другие. В Новоселицах строительными работами руководил инженер генерал-майор А. Воронов. Штабной городок возводился по единому проекту, разработанному для всех военных поселений. Он представлял собой комплекс простых в архитектурном отношении, но достаточно выразительных зданий. Располагались они по периметру огромного плаца. В комплексе выделялся манеж, который соединялся с казарменными корпусами, и пристроенная к нему церковь. Строился манеж по проекту В. П. Стасова и Л. Л. Карбаньера. По своим размерам (151х34 м) он лишь несколько уступал Московскому и Михайловскому в Санкт-Петербурге, кстати, тоже проектировавшихся Л. Л. Карбаньером. Своими размерами манеж, не имевший внутренних опор и лишь схваченный аркадами со световыми проемами, производил сильное впечатление. Остальные здания располагались вокруг плаца. Это были типично казарменные постройки с монотонным ритмом окон и лишь несколько акцентированными входами. Заметно выделялось в ансамбле здание кордегардии. Над ним возвышалась главная «штабная» каланча. В здании помещалось пожарное депо. Между собой все постройки в городке соединялись чугунной решеткой художественного литья.

Непосредственно в городке располагались: штаб полка, школа кантонистов, госпиталь и казармы резервного батальона. Сами же роты размещались в специально построенных окрестных поселках. Стандартный ротный поселок был рассчитан на 216 рядовых и 12

Духовой оркестр 87-го Нейшлотского полка. В центре капельмейстер капитан В. П. Гайсинский (фото 1908 года).

*Штабс-капитан 87-го полка
А. К. Коршунов с женой.*

унтер-офицеров. Рота состояла из 4-х кап-
ральств. В зависимости от местности кап-
ральства расквартировывались вдвоено или
порознь. Они всегда состояли из однообраз-
ных деревянных домов с мезонином, обра-
зующих длинную улицу. Для поселения роты
требовалось 60 жилых домов. Еще 5 домов
занимали дежурный офицер, ротная школа,
часовня и лавка. Дома в роте строились в
одну линию гнездами по два дома. Перед до-
мами прокладывался тротуар, бульвар и глав-
ная дорога. Для повседневной езды на лоша-
дях и прогона скота дорога проходила за
домами. Линия домов в роте, как правило,
растягивалась на полторы-две версты. Рот-
ные штабные дома группировались в центре
поселка. По-своему внешнему виду обычно
выделялось лишь здание кордегардии со
школой, часовней и гауптвахтой.

Перновский полк в Новоселицах дислоцировался до 1833 г. В 1822—1833 гг. полк был передислоцирован в Москву. В жизни гарнизона Новоселицы начался новый этап. В 1834 г. здесь открылся кадетский корпус.

В начале XIX в. в России существовало 5 кадетских корпусов. Три из них разме-
щались в Петербурге. В 1830 г. Николай I издает указ об открытии еще четырех кадет-

Постановка боевой задачи эскадрильи 386 Ночного бомбардировочного ордена Кутузова авиационного полка. В центре командир полка майор В. Е. Яковлев.

ских корпусов в Новгородской, Тульской, Тамбовской и Елизаветградской губерниях. Основные средства на их содержание предполагалось получать за счет пожертвований от дворянства. Открытие Новгородского кадетского корпуса в основном было предопределено денежным взносом в размере 300 тысяч рублей, сделанным графом А. А. Аракчеевым. За свое пожертвование А. А. Аракчеев удостоился Высочайшего рескрипта. «Граф Алексей Андреевич! — писал Николай I. — С удовольствием соглашаясь с желанием Вашим по предмету воспитания в Новгородском кадетском корпусе детей дворян Новгородской и Тверской губерний на проценты, вносимые Вами в Имперскую казну на вечные времена трехсот тысяч рублей, я утвердил все предложения Ваши о нем... Пребываю всегда благосклонный Николай. Царское Село 30 сентября 1833 года».

Разместить Новгородский корпус решено было в Новоселицах. Штат корпуса был определен в 400 кадет. В корпус принимались мальчики в возрасте от 12 до 14 лет. Срок обучения устанавливался 6 лет — 2 подготовительных класса и 4 общих. Для завершения образования воспитанники должны были поступать в Дворянский полк в Петербурге. Учебный план, единый для всех корпусов, предусматривал изучение закона божьего, русского, французского и немецкого языков, словесности, математики, статистики, естествознания, географии, истории, законовещения, чистописания, черчения, рисования и некоторых специальных военных дисциплин.

Первым директором корпуса стал генерал-майор А. И. Бородин. В феврале 1834 г. он докладывал, что для открытия корпуса все необходимое будет готово к 1 марта. Получив рапорт директора великий князь Михаил Павлович испрашивает у Государя разрешения открыть Новгородский корпус 15 марта, а также разрешение пригласить на эти торжества графа Аракчеева. Разрешение было получено. Великий князь Михаил Павлович приехал в Новоселицы 14 марта, накануне открытия.

Торжественное построение личного состава Учебного центра войск связи и РТО ВВС.

«15 марта в 10 часов утра все офицеры, учителя и чиновники были представлены Его Высочеству, после чего торжества начались обеднею. Великий князь вошел в церковь вместе с графом Аракчеевым и генералами, ожидавшими его в манеже... Великий князь и все приглашенные присутствовали на кадетском обеде. В конце обеда великий князь обратился к Аракчееву со словами: “Я прошу Вас, как близкого соседа, почаще навещать корпус и, пожалуйста, требуйте, чтобы кадет как можно лучше кормили”».

Жизнь в корпусе шла строго по распорядку дня. В классах кадеты находились с 7 до 9 часов утра и с 3 до 5 после обеда. Остальное время употреблялось на обучение фронту, сигналам, общему пению и танцам. Вставали кадеты в 6 часов утра, ложились «по пробитии зари» — в 9 часов вечера. Удаленность корпуса от Новгорода и отчужденность от крупных населенных пунктов сказывалась на жизни его обитателей. Однако, как вспоминали его выпускники, служащие корпуса «не искали утешения ни в карточной игре, ни в спиртных напитках».

В апреле 1834 г. в своем имении скончался граф Аракчеев. Наследников у него не было и Высочайшим Указом было повелено: «Грузинскую волость отдать навсегда в нераздельное владение Новгородскому кадетскому корпусу, дабы доходы ее шли на воспитание юношей. Корпусу сему именоваться Новгородским графа Аракчеева кадетским корпусом».

Император Николай I дважды посещал корпус — в апреле 1834 г. и в августе 1836 г. Состоянием дел в корпусе он остался доволен. 9 мая 1835 г. последовало Высочайшее утверждение Положения о Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе со штатом в составе четырех рот: «одной гренадерской, двух мушкетерских и одной неранжированной по 100 кадет в каждой». На ежегодное содержание корпуса по табелю отпускалось 247 296 рублей 39 1/4 копейки ассигнациями. Содержание одного кадета обходилось в среднем 700 рублей в год.

В 1865 г. приказом Военного министра кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии. Переименованный Новгородский корпус был переведен в Нижний Новгород. Спустя 16 лет он снова возродился как корпус, но называться теперь стал Нижегородским графа Аракчеева кадетским корпусом. За время своего существования в гарнизоне Новоселицы в корпус поступило 2 238 мальчиков, окончило чуть больше половины — 1 222 человек. Столь высокий процент отсева объясняется жесткими требованиями к дисциплине и успеваемости. Среди выпускников корпуса были видные сотрудники Академии Генерального штаба генералы А. И. Макшеев, П. П. Карцев, генерал-лейтенант А. Ф. Петрушевский, автор известного трехтомного труда «Генералиссимус князь Суворов», получившего большую Макарьевскую премию Академии наук, военный губернатор Забайкальской области генерал-майор Ильяшевич. А также отец Н. К. Крупской — К. И. Крупский.

Следующий период истории гарнизона Новоселиц связан с дислокацией здесь с 1866 по 1914 г. 87-го Нейшлотского полка. Указом императора Александра II Нейшлотский пехотный полк был сформирован из 1-го и 6-го финляндских линейных батальонов 16 июня 1863 г.; 23 марта 1864 г. к названию полка присоединен № 87. Первой кампанией, в которой Нейшлотский полк принял участие, стала русско-японская война 1904—1905 гг. Свое боевое крещение полк получил во время Шахейских боев, где потерял смертельно раненого командира — полковника С. Руденко, 15 офицеров и 671 нижних чинов. С 9 октября 1904 по 11 февраля 1905 г. нейшлотцы бесценно оставались на позициях, неся тяжелую боевую службу. Во время Мукденских боев полк занимал Новгородскую сопку, отбивая яростные атаки японцев. За геройские действия 7-й роты полка были пожалованы знаки на головные уборы с надписью: «За взятие сопки с деревом 4 октября 1904 года». В 1912 г. весь 87-й Нейшлотский полк получил знаки отличия: наградные для офицеров и на головные уборы для нижних чинов с надписью «За отличие в войну с Японией в 1904—1905 гг.».

В 1914 г. с началом I Мировой войны полк был от мобилизован по штатам военного времени и в полном составе убыл на фронт. В 1918 г., как и вся русская армия, 87-й Нейшлотский полк был расформирован. Одни из его солдат и офицеров вступили в Красную Армию, другие оказались на стороне белых. Началась Гражданская война.

Вот, пожалуй, и все, что следует сказать о дореволюционной истории Новоселицкого гарнизона. Разве что можно добавить о получивших в нем свое начало военных династиях. Увы, не многие из них сохранились до наших дней. Капельмейстером полкового оркестра 87-го Нейшлотского полка служил капитан Василий Петрович Гайсинский. Он погиб во время I Мировой войны. Его сын Василий Васильевич родился в Новоселицком гарнизоне в 1911 г. Великую Отечественную войну он прошел всю, от первого до последнего дня.

Во второй половине XIX в. в 87-м Нейшлотском полку родилась и военная династия Коршуновых. Ее основатель Алексей Кузьмич Коршунов начал свою службу в 1865 г. рядовым по рекрутскому набору. В 1873 г. А. К. Коршунов командирован на учебу в Гельсингфорское юнкерское училище, по окончании которого получает первый офицерский чин прапорщика и назначается в 87-й Нейшлотский полк. Всю службу А. К. Коршунов прошел в полку. 11 лет он командовал ротой и в 1899 г. в возрасте 55 лет в чине капитана «с мундиром и пенсией» был уволен в отставку. По обычаю тех лет он был произведен в следующий чин — подполковника. А. К. Коршунов являлся кавалером ордена Св. Станислава 3-й степени. Скончался А. К. Коршунов в 1908 г.

В 1904 г. у Алексея Кузьмича родился сын Леонид. Как и отец, свою жизнь он связал с военной профессией. С 1915 по 1918 г. учился в I кадетском корпусе в Петербурге, а в 1922 г. стал моряком. После окончания в 1927 г. ВВМУ им. Дзержинского служил на

Балтике, прошел все ступени инженерной службы до флагмеха бригады линкоров. В годы войны, в течение 900-дневной блокады, возглавлял ленинградскую группу Научно-Технического Комитета ВМФ. С окончанием войны работал с немецкими специалистами — начальником Конструкторского бюро ВМФ в Берлине, а с 1950 по 1969 г. — начальником Центрального Научно-Исследовательского института военного кораблестроения, вице-адмирал, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Его ратный труд оценен многими правительственными наградами. Скончался Леонид Алексеевич в Петербурге в 1996 г. на 92-м году жизни.

Продолжателем семейной традиции Коршуновых стал Юрий Леонидович — доктор военно-морских наук, профессор, контр-адмирал. Поддерживая постоянную связь с Новоселицким гарнизоном, он активно участвует в восстановлении его славной военной истории.

Особую страницу в истории Новоселицкого гарнизона занимает Великая Отечественная война. Новоселицы находились в прифронтовой зоне и не были оккупированы немцами. В разное время здесь дислоцировались: штаб 229-й стрелковой дивизии, полк НКВД, госпитали и другие воинские части. С берегов Мсты стартовали самолеты 386-го Новгородского полка ночных бомбардировщиков. Основные сражения Великой Отечественной войны обошли гарнизон стороной. Однако он так же стал ареной ожесточенных сражений — сражений за жизни и здоровье бойцов и командиров, получивших ранения в боях. Ведь шли они всего в нескольких километрах от Новоселиц.

Первым в Новоселицах в январе 1942 г. был развернут 756-й полевой госпиталь. Всего с января 1942 по май 1944 г. здесь функционировало 15 различных госпиталей и медсанбатов. Десятки тысяч бойцов и командиров получили необходимую медицинскую помощь. Круглосуточно шли операции, раненых отправляли в глубокий тыл самолетами и другим транспортом. С большим напряжением работали столовая, прачечная, водостанция и электростанция. Основная тяжесть этих работ легла на детские плечи.

В память о тех днях в гарнизоне находится воинское братское захоронение, где покоится прах более двух тысяч бойцов и командиров Красной Армии. Сегодня нам известны фамилии семисот из них. Активный поиск продолжается. В 1996 г. установлено, что ранее считавшийся без вести пропавшим старший сержант Д. Л. Кучма, отец президента Украины, также захоронен в военном городке Новоселицы. Президент Украины Л. Д. Кучма дважды посетил гарнизон Новоселицы и поклонился праху своего отца. В 1975 г. силами личного состава на месте захоронения был сооружен мемориальный комплекс, реконструированный в 1997 г.

На этом история Новоселицкого гарнизона не заканчивается. 10 января 1999 г. Учебный центр войск связи и РТО ВВС отметит свой 50-летний юбилей. Но это уже новая страница истории одного из старейших гарнизонов Вооруженных Сил России.

Г.Г.Вербицкий

Насильственные выдачи россиян в 1944–1947 гг. в литературе на английском языке

К концу Второй мировой войны в западной Европе всякими правдами и неправдами оказалось около пяти миллионов россиян. Это были военнопленные, остовцы, беженцы и служащие антикоммунистических военных частей. Тут были мужчины, женщины и дети. Из всей этой массы далеко не все желали вернуться домой. Но по позорному соглашению в Ялте между Советским Союзом и Западными союзниками, все россияне, бывшие под властью Советов на 1-е сентября 1939 г., подлежали репатриации, невзирая на их личное желание. Благодаря этому соглашению и начались насильственные выдачи, часто с применением оружия для подавления сопротивления невооруженных людей. Конечно, при проведении массовых операций выдач, были частые самоубийства.

В российской исторической литературе тема выдач, тема насильственной репатриации россиян в Советский Союз еще серьезно не затронута. Нет работ, которые бы правдиво, на основании документов, как советских, так и западных союзников, систематически раскрывали предательство обеих сторон. А ведь «невозвращенцев» — россиян, сумевших избежать ловушки обеих сторон — насчитывалось как минимум полмиллиона.¹

Конечно, к советским документам надо относиться крайне осторожно. В официальных донесениях, рапортах и сводках писалось то, что входило в рамки предписанного: все и вся желают вернуться в Советский Союз и там жить «счастливой жизнью под мудрым руководством партии и правительства».

На Западе, на русском языке, после первоначального вынужденного молчания, начали появляться статьи и книги наших соотечественников, сумевших уйти от «охотников за черепами». Тут надо отметить две работы: «В угоду Сталину», 1945–1946 гг., Б.М.Кузнецова, выпущенную ротаторным способом в 1956 г. в США (книга была переиздана в сокращенном виде в Канаде в 1968 г., и в США, без сокращений, в 1993 г.), и «Великое предательство», Ген. В.Г.Науменко, 1962 г., также изданную в США. Кузнецов описывает насильственные выдачи чинов РОА, а ген. Науменко — казаков в Лиенце (Австрия). Пробелом в зарубежной литературе остаются описания выдач из беженских лагерей, выдач остовцев и военнопленных красноармейцев.

Недавно в Москве, в 1996 г., вышла книга Павла Поляна «Жертвы двух диктатур», в которой затронута тема репатриации. Можно только приветствовать это серьезное начинание.

В американской газете для военнослужащих «Stars and Stripes», европейский выпуск от 23 января 1946 г., была напечатана следующая статья (перевод автора):

Самоубийство красных предателей в Дахау можно описать только как «нечеловеческую» оргию

«Дахау, 23 января. Русские пленные, полные боязни вернуться на Родину, которую они предали, боролись как животные, чтобы уничтожить себя; это происходило в [прошлую. — Г.В.] субботу, в местном американском лагере, где они были заключены, рассказали сегодня очевидцы оргии самоубийств.

Десять заключенных, взятых в немецкую армию или добровольно ставших предателями, покончили самоубийством во время бунта и сражения с американскими стражами. Еще один умер позже в госпитале. Двадцать, которые себя серьезно поранили, по-видимому, выживут.

Когда солдаты ворвались в барак полный слезоточивого газа, в котором находились русские, подлежащие возвращению на Родину, двое заключенных старались себя выпотрошить кусками (оконного) стекла. Они стояли друг против друга и один другому резали горло. Еще один пробил головой оконное стекло и с силой крутил головой, стараясь перерезать себе горло.

«Это не были люди», — сказал один из стражей. «В бараке не было людей, когда мы туда вошли. Все они стали зверьми». Американские солдаты (GI's) быстро перерезали веревки старавшихся повеситься. Те, которые еще были в сознании, кричали по-русски, указывая сначала на винтовки стражей, а затем на себя, умоляя нас их застрелить.

Требуется несколько пояснений к этой статье. Русские, о которых здесь идет речь, это военнослужащие РОА, сдавшиеся в плен американцам. Американский лагерь в г. Дахау, где военнопленные власовцы содержались под стражей, и есть тот самый нацистский концлагерь, нашедший себе применение и после войны. Сцена выдачи в лагере Дахау не одиночное происшествие, а типичное описание будней насильственных выдач. Выдача в Дахау произошла 19 января 1946 г.; те же сцены повторились в Платтлинге, американская зона оккупации, 24 февраля и 13 мая 1946 г., и в других местах. В США, в Fort Dix, NJ (Форт Дикс, штат Нью-Джерси) 21 июня 1946 г. насильно сажали на пароход власовцев; были жертвы. Статей, подобных приведенной выше, в американской прессе больше не появлялось.

В Австрии, недалеко от г. Лиенц и по всей долине реки Дравы, англичане насильственно выдавали казаков, кавказцев, беженцев, остовцев — всех выходцев из Советского Союза и русских, покинувших Родину с генералом Врангелем.

Было бы неправильно, если бы у читателя создалось впечатление, что выдавали только русских военнослужащих-антикоммунистов. Без преувеличения можно сказать, что выдавали всех русских, независимо от того, когда они очутились за границей. Позже стали работать союзно-советские комиссии, которые старались выявить «подсоветских» людей, подлежащих репатриации по Ялтинскому соглашению.

Книги на английском языке

[1] Первая книга, в которой говорится о репатриации, это довольно детальная история Русского Освободительного Движения, написанная американским историком Джорджем Фишером (George Fischer). Книга вышла в 1952 г. под названием «Советское сопротивление Сталину» («Soviet Opposition to Stalin»). Упомянуты выдачи чинов РОА и не больше. Особого суждения или осуждения по поводу соглашения в Ялте нет. Автор не ставил целью детально разработать тему насильственной репатриации и в своей книге отвел ей столько места, сколько посчитал нужным. Ценность книги в том, что Освободительное Движение Народов России представлено достаточно объективно.

[2] Куда с большим пафосом и чувством разработана тема насильственных выдач английского историка Питера Дж. Хаксли-Блайт (Peter J. Huxley-Blythe) в его книге «Восток пришел на запад» («The East Came West»), вышедшей в 1964 г. С чувством глубокого возмущения автор правдиво описывает обман, ловушки и саму экзекуцию насильственных выдач.

[3] Американский историк и ученый Юлиус Эпштейн (Julius Epstein), случайно обнаружив следы засекреченных насильственных выдач в одной из библиотек, со свойственным ему упорством нашел и преподнес читателю много фактов, имеющих отношение к этим грустным событиям. Книгу свою он назвал «Дело килевание» («Operation Keelhaul»), издана в 1973 г. С горькой иронией так была названа американцами одна из насильственных выдач в Европе. Методично, спокойно и правдиво автор этой книги описывает страшные дни выдач, одновременно показывая противозаконность этих мероприятий. Этот труд, несомненно, надо высоко ценить всем историкам, работающим в этой области.

[4] В 1974 г. была опубликована книга Николаса Бетелла (Nicholas Bethell) «Последняя тайна» («The Last Secret»). Единственная тема книги — это насильственные выдачи россиян и югославов советским властям обеих стран. Название книги взято у А.И.Солженицына, из многотомника «Архипелаг ГУЛаг». Александр Исаевич, будучи поражен тем, что так долго бесчинство выдач было тайной на Западе, особенно в Англии и США, назвал выдачи «последней тайной» Второй мировой войны. Эта книга значительно увеличила знания о грустных событиях тех лет.

[5] Краеугольным камнем литературы о выдачах является книга Николая Толстого «Жертвы Ялты» («Victims of Yalta»), английское издание, напечатанное в США под названием «Тайное предательство 1944—1947» («The Secret Betrayal 1944—1947») и увидевшее свет в 1977 г.

Все страны, выдававшие россиян на расправу Советам, встали в шеренгу предательства. Сотни сносок неопровержимо, шаг за шагом, указывают, как происходила «охота за черепами». Книга эта сейчас вышла в России и стала доступной. Поэтому ее можно прочитать и самостоятельно сделать выводы о том, кто прав, а кто виноват.

[6] Молодой американский историк Марк Р.Эллиотт (Mark R.Elliott) в 1982 г. опубликовал свой серьезный труд о насильственных выдачах в книге «Пешки Ялты» («Pawns of Yalta»). Для тех, кто ознакомился с трудом Николая Толстого, нового мало. Представляют интерес закулисные переговоры американского Министерства иностранных дел, обсуждение вопроса о том, можно ли допустить насильственную репатриацию, которая распространяется не только на военных, а на всех россиян, независимо от пола и возраста, законна ли она. Как уже известно, сторона, защищающая права человека, оказалась не в выигрыше.

Нельзя закончить этот обзор, не упомянув еще две книги. Первая из них — мемуары Виллиама Слон Коффина младшего (William Sloan Coffin, Jr.) «Дается каждому из нас только раз» — «Once to Every Man» (1977 г.). Служа в американской армии после войны и научившись говорить по-русски, Коффин младший как переводчик участвовал в допросах и выдаче бойцов РОА в Платтлинге. Выдача в Платтлинге не отличалась по своему зверству от выдачи в Дахау. Разговоры с военнослужащими РОА, которые ему объясняли причины, побудившие их принять участие в борьбе за освобождение Родины, рассказы о коллективизации и терроре тридцатых годов и готовность умереть от своих или советских рук убедили американца в правоте идей власовского движения. Еще много душевных мытарств предстояло Коффину младшему, но эта часть мемуаров выходит за рамки настоящего обзора.

Вторая книга заслуживает особого внимания. Это произведение, написанное в виде романа, правдиво и исторически точно передает события последнего месяца существо-

вания РОА, включая зверства насильственной выдачи. Автор книги «Коридор чести» («Corridor of Honor») Николай Ферзен (Nicholas Fersen) — русский, родившийся за границей. Книга была издана в 1958 г. и сегодня ее найти очень трудно. Ферзену удалось передать куда лучше других чаяния, надежды и цели участников Российского Освободительного Движения. Как было, так Николай Ферзен и написал. К сожалению, книга написана на английском языке; следовало бы книгу перевести на русский язык и издать в России.

Есть в чем винить западных союзников, когда заходит разговор о насильственных выдачах. Тут и вероломство, и предательство, и жестокость, и старание скрыть под печатью секретности военные преступления. Юлиус Эпштейн убедительно доказывает, что поправки были права военнопленных власовцев вопреки положениям Женевской конвенции.

Но то же самое, только в куда большей мере, относится к Советской власти и ее пособникам. Ведь выдавали-то своим и свои уже морили голодом, издевались, избивали на допросах, расстреливали. Можно много и долго спорить, что за люди эти власовцы — предатели или патриоты. Но после всех разговоров и доводов остается один факт: несмотря на нацистов и коммунистов, нашлись россияне, которые встали с колен и попытались освободить Родину от обеих диктатур. И что бы будущее ни принесло нашей многострадальной Родине, никто не может скрыть эту попытку — она вошла в историю.

Земсков В. 1) Репатриация Советских граждан в 1945–1946 годах // Россия XXI. 1993. № 5; 2) Некоторые проблемы репатриации Советских перемещенных лиц // Там же. 1995. № 5–6; *Вербицкий Г.* 1) Насильственная репатриация или счастливое возвращение? // Там же; 2) Судьбы россиян — оловцы и военнопленные // Там же. 1996. № 5–6.

Стихотворение о выдачах

Начиная с 1944 г., по позорному Ялтинскому соглашению, западные союзники выдавали россиян Советам, часто применяя силу оружия. Наконец, поняв на какие муки ни в чем не повинные люди оказываются обречены в результате насильственной репатриации, западные державы покончили с этой бесчеловечной практикой. Это произошло только в 1947 г. Особо жестоко происходила выдача в лагерях военнопленных, служивших в РОА, казачьих полках и других российских антикоммунистических военных частях. Короткий список мест выдач содержит следующие лагеря:

- 1) Лиенц, Австрия, май, июнь 1945 г.
- 2) Дахау, Германия, 19-го мая 1946 г.
- 3) Платтлинг, Германия, 24-го февраля и 13-го мая 1946 г.
- 4) Бургау-Ульм, Германия, 9-го мая 1946 г.
- 5) Бад Айблинг, Германия, 21-го августа 1946 г.
- 6) Римини, Италия, август 1946 г.
- 7) Форт Дикс, штат Нью Джерси, США, 21-го июня 1946 г.

Известный русский поэт Иван Елагин (1918—1987), находясь после Второй мировой войны в одном из беженских лагерей Германии (если не ошибаюсь, в лагере Шлайсгайм под Мюнхеном), узнав о кровавой расправе в одном из вышеупомянутых лагерей, написал очень сильное стихотворение «Статуя Свободы». Это стихотворение ходило по рукам без имени автора, часто переписывалось и до сих пор полностью нигде не было опубликовано. Пока оно не утеряно, предлагаю вниманию читателей «Нового Часового» эти строки, воспроизведенные по одной из записей того времени:

Статуя Свободы

Чекистский затвор звякал,
Расстреливали по задворкам,
А ты поднимала факел
Над миром и над Нью Йорком.

Сдавшихся без боя,
Обманутых тобой,
Прикладами гнали ковбои
Большевикам на убой.

Ты связывала по подвалам,
Дежурила у перронов,
Ты факелом забивала
Окна и двери вагонов.

И для расправы верной,
Для губительного конца,
Ты не жалела терней
Из своего венца.

Ты возглавляла облавы,
Ты наносила раны.
Ты думала — ветер Дахау
Не дунет за океаны!

Прекраснейшая из статуй,
Железобетонный мессия!
Это тобой распята
На красной звезде Россия!

Но схватишься ты за атом,
За самолеты, за банки,
Когда тебя русским матом
Покроют красные танки!

И как ни грустно, но надо добавить, что выдавали «своим» «для расправы верной». А если «свои» бесчинствуют, так чего же ожидать от чужих...

Надо заметить, что лагерь Дахау и есть бывший нацистский концлагерь, где американцы держали бойцов-военнопленных РОА. Сегодня этот лагерь превращен в музей, посвященный, совершенно справедливо, жертвам нацизма. При посещении лагеря можно приобрести литературу, но в этой литературе о выдаче нет ни слова.

В «Новом Русском Слове» (США) от 13 марта 1987 г. Роман Днепров, знавший Елагина лично, в посмертной статье о поэте, частично цитирует это стихотворение.

Публикуемый ниже очерк открывает новую рубрику журнала — «Дебют». В ней будут помещаться материалы, вышедшие из-под пера начинающих свой творческий путь авторов. Сегодня мы предоставляем слово Ирине Павловой — студентке III курса филологического факультета СПбГУ.

И. Н. Павлова

Добрый гений Елизаветы Петровны Калачевой

Тремя добрыми делами побеждается враг наш дьявол — покаянием, слезами и милостыней. Не забывайте убогих и сколько можете их кормите.

Из поучений Владимира Мономаха

Современному человеку вряд ли много скажет имя Елизаветы Петровны Калачевой. А в начале века Петербург знал и уважал эту женщину, столько сделавшую для «униженных и оскорбленных». Бесплатный Народный Детский Сад, Сельскохозяйственный приют, Общество трудовой помощи девушкам-матерям, бесплатная столовая...

Но эти нужные и важные дела потерялись в вихре бурных исторических событий — Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны... Потерялись и следы Е. П. Калачевой. По некоторым сведениям, она вместе с младшей дочерью уехала в Италию.

Но, вероятно, все же существует историческая справедливость, и человек, столько сделавший для других людей, не останется в незаслуженном забвении... Сохранились воспоминания ее старшего сына и несколько отчетов о деятельности Приюта, которые помогают представить, как много сделала эта удивительная женщина, добрый ангел-хранитель для бедноты Васильевского острова.

Е. П. Калачева, урожденная Качка, происходила из старинного дворянского рода. Первый Качка — Симон — был выходцем из Венгрии. Около 1750 г. был вызван в Россию с поручением наладить гор-

Елизавета Петровна Калачева.

ное дело на Кольванских заводах. Его правнук, Петр Александрович, и был отцом Елизаветы. Он умер рано и мать отдала Елизавету на воспитание сестре мужа Е. А. Разгильдяевой в Екатеринбург. Екатеринбургскую гимназию Лиза не окончила... «В кружке подруг, где она любила бывать, увлекались идеями того времени. Читали не романы, а книжки по физиологии и политэкономии. К ужасу близких, девушки анатомировали лягушек, коротко стригли свои волосы и презирали моды... Лиза была исключена из гимназии за свои радикальные убеждения»¹.

В Петербург Лиза приехала юной девушкой, надеясь поступить на какие-нибудь женские курсы. Здесь она и познакомилась с учителем Анемподистом Калачевым, и в 1873 г. вышла за него замуж.

Жизнь семьи Калачевых была достаточно нелегка. Детей родилось четверо. Анемподист Васильевич часто менял место работы, и Елизавета Петровна с детьми всегда были с ним. Жили Калачевы и в Костромской губернии, и в Воронеже, и в Казани, и в Сибири, где Анемподист Васильевич получил место чиновника по крестьянским делам — сначала в маленьком городке Таре, потом в Омске...

«Мы росли удивительно дружно, без капризов и излишнего баловства. Наказания у нас не применялись; мама воспитывала в нас послушание и волю...» — много лет спустя вспоминал старший сын Калачевых Александр².

В 1895 г. Елизавета Петровна с детьми приехала в Петербург — старшие сын и дочь хотели учиться.

Общественная деятельность Елизаветы Петровны началась вскоре после приезда из Омска. Очень скоро она записалась в члены Бюро регистраций бедных Человеколюбивого Общества.

«Деятельно посещая квартиры бедных Васильевского о-ва и Гавани, Е. П. обратила внимание на особенно печальное положение несчастных детей, поставленных в тяжелые условия всякого рода лишений. Желая хотя бы маленьким вниманием облегчить их нерадостную жизнь, Е. П. начала брать в праздничные дни в свою семью небольшими группами детей с целью покормить и несколько развлечь их. Когда же приблизилось Рождество, ей захотелось побаловать своих маленьких друзей елкой. Небольшой и самый тесный круг ее близких знакомых с удовольствием принял участие в устройстве праздника, и 50-ти детям, собранным на елку, щедро были розданы лакомства, игрушки и большой запас одежды».³

Эта группа детей и была своеобразной «ячейкой», из которой впоследствии выросли два учреждения: Бесплатный Народный Детский Сад и Сельскохозяйственный приют. Вскоре после елки, ввиду увеличивающегося числа детей, желающих быть на воскресных сборищах, Елизавета Петровна обратилась к Председателю Общества Технического Образования с просьбой разрешить проведение воскресных собраний в одной из школ на Васильевском Острове.

«Получив любезное разрешение, Е. П. обошла многие семьи бедствующих родителей, рассказала им о создавшейся возможности хотя бы раз в неделю дать их детям сытный обед и простор для игр. В первое же воскресенье около полутора года детей пришли на собрание. Все они плохо одетые, на вид болезненные, но доверчивые к оказанной ласке, возбудили горячее участие со стороны многих лиц, сердечно посочувствовавших идее Е. П. [...] С каждым воскресеньем число сотрудниц и сотрудников росло, увеличивалась и помощь, оказываемая детям и их родителям. В большом количестве привозилась новая и старая одежда, раздавались хлеб, молоко и другая провизия. [...] Участвующие были или знакомые Е. П., или знакомые знакомых. После же статьи И. Н. Потапенко, появившейся в «Новом времени», Е. П. в тот же день начала получать пожертвования от совершенно незнакомых ей лиц. В ее квартиру звонили, сердечно и тепло приветствовали скромное начинание оказать помощь бедным детям и оставляли пожертвования.»⁴

Вскоре Е. П. принялась за устройство уже не воскресных, а ежедневных собраний детей. С этой целью она исходатайствовала у Попечителя Учебного Округа право на открытие Бесплатного Народного Детского Сада. На скопленные средства была нанята маленькая квартира, приходящие дети в возрасте от четырех до девяти лет распределены на группы, сотрудницы — большею частью учащая молодежь, разобрали часы занятий. Семьи детей также не оставались без помощи (денежные пособия, жертвуемая одежда). Таким образом, близкое соприкосновение с бедным людом создало в Детском Саду особый отдел помощи нуждающимся.

Число сочувствующих Детском Саду постепенно возрастало. Увеличивалось число детей, расширялась помощь их родителям. Многие сотрудницы брали детей зимой к себе на дом, обшивали их. Иногда удавалось пристроить подросших детей в другие приюты с ремесленными отделами. Трех девочек удочерили зажиточные семьи.

Ежегодно для детей из Детского Сада на рождество устраивались елки. Они были так многолюдны, что их проводили в Зале Дворянского Собрания. Убирали же елку украшениями студенты и курсистки.

Была предпринята попытка открыть при Детском Саде ремесленные классы для матерей с целью поднять их ремесленнообразовательный ценз. Для безграмотных были назначены часы обучения чтению, счету и письму. Но план этот проводился в жизнь вяло из-за недостатка сотрудников и вскоре был оставлен.

В начале ноября 1901 г. в Петербурге случилось наводнение. Невская вода доходила до 5-й линии Васильевского Острова. Жители затопленных улиц спасались, бросая имущество на произвол судьбы. В первые часы после наводнения начальство Петербурга не сумело организовать помощи.

Елизавета Петровна и ее старший сын Александр нашли большую ломовую телегу и проникли в район бедствия (местами вода доходила до брюха лошади). По доскам они пробирались в затопленные квартиры и забирали детей у перепуганных матерей. Через 2—3 рейса квартира Елизаветы Петровны и помещение Детского Сада были заполнены плачущими детьми.

Очень скоро выяснилось, что не всех детей родители могут взять обратно домой — слишком пострадало их имущество; были случаи, когда пьяные отец и мать были рады избавиться от лишних ребят в семье. Наряду с детьми, имеющими родителей в Гавани Васильевского Острова оказалось немало детей-сирот.

Елизавета Петровна поняла, что таким детям нужен постоянный приют. Дело ускорила следующий случай.⁵

Однажды при навещании бедных Елизаветой Петровной девочка-подросток, бывшая во дворе, настойчиво потащила ее посмотреть оставленных детей в подвале; мать их несколько дней тому назад была увезена в больницу. Елизавета Петровна застала такую картину: на полу на разостланном одеяле лежала маленькая умирающая девочка, около нее с самым заботливым попечением возился горбатый брат — мальчик лет 10-ти. Здесь же была грязная запущенная девочка лет 3-х и мальчик лет 7-ми. Все они жили состраданием окружающих. Положение детей было такое бедственное, что Елизавета Петровна решила на другое же утро перевезти их в Детский Сад. Ночью умерла малышка, а остальные дети сделались первыми питомцами приюта.

К началу следующего года детей-сирот было уже 16. Все они были золотушны, малокровны, рахитичны. Зимой, при обстановке маленькой квартиры Детского Сада, переполненной приходящими детьми, для живущих детей все время имела опасность заразиться скарлатиной или дифтеритом. Действительно, болезни были нередки, и, кроме того, подрастающим девочкам нужно было приучиться к полезному труду и выбрать занятие для будущего заработка. Поэтому у Елизаветы Петровны возник план выселения детей за

город, в обстановку простого деревенского житья. Средств для исполнения этой идеи было недостаточно, но она, веря в помощь, обратилась в Министерство Земледелия и Государственных Имуществ с просьбой отвести под детскую колонию две десятины земли, находящейся около Охтинских Пороховых Заводов. В 1902 г. Детский Сад сделался собственником загородного дома, рассчитанного на 20 девочек, которые и были привезены из Петербурга. Оставшиеся в городе мальчики постепенно устраивались в приюты.

Труды по возведению всех построек дома-приюта и всех дворовых помещений безвозмездно взял на себя В. Я. Симонов, военный инженер Охтинских Пороховых Заводов. Той же осенью произошла закладка и второго дома, предназначенного для школьных занятий. Елизавета Петровна возбудила новое ходатайство перед Министерством Земледелия и государственных имуществ о принятии приюта для девочек в ведение департамента земледелия.

«Сельскохозяйственный Приют ставит себе целью обучить девочек путем практических занятий необходимым знаниям по ведению молочного хозяйства, птицеводства, пчеловодства, огородничества, садоводства, домоводства; приготовлению простых блюд, кройке, шитью, глаженью, заготовке впрок продуктов»⁶.

В течение зимы Елизавета Петровна постаралась заложить основание будущего хозяйства. Были куплены коровы, лошадь, куры. Молоку сразу же был найден сбыт; это стало доходной статьёй приюта.

В 1903 г. Детский Сад и Приют по просьбе Елизаветы Петровны были приняты под покровительство Ее Императорским Высочеством Великой Княгиней Ольгой Александровной и начали получать пособие в 1000 руб. Каждое лето группы наиболее слабых детей из Детского Сада приезжали поправляться в Сельскохозяйственный приют и уезжали оттуда значительно поправившимися. В приюте был разбит огород и небольшой сад.

По сохранившимся ежегодным отчетам о деятельности Детского Сада и Приюта⁷ можно восстановить точную картину приютской жизни детей. В загородном доме воспитывалось около 30-ти девочек-сирот. Хозяйство, хотя и медленно, но все же развивалось и улучшалось. Появилась своя ферма.

«Рабочий день начинается для старших девочек с 6 ч. утра, и они, приведя себя в порядок, тотчас же идут доить отданных в их распоряжение так называемых учебных коров. Затем записывают удой каждой коровы, чистят стойла, взвешивают и выдают сено, процеживают и отправляют под пломбою бутылки с молоком городским потребителям. В летнее время, за разездом последних, часть молока идет для приюта и поправляющихся детей Д. Сада [...].

Девочки среднего возраста помогают единственной прислуге Наташе ухаживать за остальными коровами, поддерживают порядок и чистоту в доме, готовят пищу, гладят белье, участвуют в огородных и садовых работах [...]. Мужской труд рабочих и дворника понадобился только при унавоживании гряд и их разделке весной. Всю же прополку, посадку и поливку делают исключительно девочки; помогают им немного и дети, приезжающие поправляться из Дет. Сада»⁸.

Руководительниц радовало хорошее поведение детей, то, что многие девочки избавились от своей первоначальной раздражительности, не было случаев крупных шалостей, непослушания, упрямства. Конечно, были и трудности. Елизавету Петровну беспокоило, что в большом коллективе в силу необходимости более способные и менее способные девочки «подравниваются» под среднюю мерку и на совместных работах трудно оценить каждую индивидуально, не давая развитию личности широкого простора.

Многие девочки, поступившие в приют, особенно старшие, 14—15-летние, совсем не были подготовлены к учебе. «Способности девочек к школьным занятиям могут быть определены, как очень ограниченные, — с грустью отмечала Е. П., — у многих мало

развита память, туго соображение, не воспитано внимание. К работе проявляли добросовестное прилежание, но по духу вялое, тупое. На попытки вызвать их к самостоятельности, провести какое-нибудь дело «на свой страх», отзывались очень слабо.

Но, несмотря на это, по общему поведению, царящему в приюте, девочки безукоризненны; и в этом благе я больше всего обязана заведующей С.-Хоз. приютом А. В. Кириковой; она любит детей, а все мы знаем, что только этим могущественным чувством можно освежить жизнь детей, волей обстоятельств оторванных от естественной материнской защиты».⁹

Заветной мечтой Елизаветы Петровны было хотя бы приблизиться к самообеспечению Приюта, то есть сделать его хозяйство настолько доходным, чтобы выйти из опасности жить только благотворительными средствами, зависящими от настроений. В будущем на это вполне можно было надеяться. Приют получал доход от продажи молока, постепенно увеличивался огород. Маленькое хозяйство окрепло, и можно было не опасаться, что оно захиреет в будущем.

В ноябре 1903 г. Нева снова вышла из берегов, и двери Детского Сада вновь открылись для пострадавших. Обход бедняков еще раз рельефно показал размер их нужды и печальные условия жизни. В стенах Детского Сада шла раздача привозимых и присылаемых вещей. Уплачивалась плата за квартиры, выкупались из заклада вещи, покупались дрова.

После удовлетворения острой нужды Елизавета Петровна решила открыть бесплатную столовую, считая, что пищевая помощь несчастным детям более всего необходима. В декабре месяце была нанята небольшая квартира, и все ее четыре комнаты в обеденное время были переполнены приходящими детьми. Приходили кормиться в столовую и матери. С течением времени к пищевой помощи прибавилось и некоторое воспитательное воздействие обучением детей чтению, рукоделию и пр. Врачебная помощь оказывалась А. И. Поспеловой. Впоследствии столовая была присоединена к Д. Саду.

Но не все могли воспользоваться снабжением пищей вне квартир. Для хронически больных, плохо одетых детей выйти в мороз на улицу значило заболеть еще сильнее. Многодетным матерям было трудно удовлетворить потребности нескольких детей. Многие одинокие старики, старухи, душевнобольные, паралитики не имели сил выходить из дома, и не могли никого послать за помощью. Требовалось найти способ приблизить столовую к бедным, иными словами, доставлять запас горячей пищи непосредственно в квартиры, где по заранее приготовленным билетам ее и будут получать.

Для этой цели Елизавета Петровна обратилась в исполнительную комиссию Красного Креста с просьбой дать ей во временное пользование походную кухню. Это начинание было поддержано, и очень скоро собрали достаточную на первое время сумму. Была куплена лошадь со сбруей, и 4 марта 1905 г. кухня начала действовать.

Общение с бедняками выявило еще одну на редкость трагическую сторону жизни большого города. Девочки вырастали в девушек и нередко не находили заработка. Одинокие же девушки, особенно из деревень, часто оказывались в безвыходном положении. Случайное сближение с мужчиной, и в результате — ребенок. Ребенка можно было подбросить в Воспитательный Дом, но девушке-матери грозила судьба проститутки...

Необходима была помощь девушкам-матерям. Елизавета Петровна сумела заинтересовать своей новой идеей ряд своих друзей. На Охте, рядом со школой домоводства был построен новый дом — на средства вновь организуемого «Общества трудовой помощи девушкам-матерям». Около 25 девушек обучались там огородничеству, домоводству, шитью. По рекомендации Общества таких девушек с охотой брали на работу самые строгие хозяйки.

В десятую годовщину благотворительной деятельности Елизаветы Петровны ее сотрудники собрали небольшую сумму. Проценты с этого капитала должны были дать Ели-

завете Петровне возможность по ее желанию и выбору накормить тех, кому не нашлось доли в Народном Детском Саду.

«Это только кроха хлеба, но она будет увеличиваться, а с нею будет расти и укрепляться вера бедняков, что «калачевский хлеб» насытит голодного, подкрепит сирого, спасет обездоленного»¹⁰.

Великая княгиня Ольга Александровна также сердечно поздравила Елизавету Петровну с десятилетием ее деятельности.

К 1914 году начинания Елизаветы Петровны развивались. Было создано «Общество для распространения практических сведений по сельскому хозяйству и домоводству среди детей беднейшего населения Санкт-Петербурга», разработан его устав.¹¹

Приют был преобразован в женскую практическую школу усадебного хозяйства и домоводства им. Е. П. Калачевой, находящуюся в ведении Главного Управления Землеустройства и Земледелия, по департаменту Земледелия.¹²

С началом I мировой войны деятельность Елизаветы Петровны отходит на второй план. Стали создаваться новые детские сады для детей солдат, благотворительность, как и промышленность, «перешла на военные рельсы». Последующие бурные события поглотили скромное благотворительное начинание.

Об этом периоде нет никаких упоминаний в печатных источниках. Неизвестно точно, что стало с приютом и когда он закончил свое существование. Не сохранились и строения.

Долгое время одна из воспитанниц приюта, Евгения Николаевна Верхозина, поддерживала связь с семьей внучки Елизаветы Петровны, Наталии Александровны Калачевой, дочери старшего сына Елизаветы Петровны и была няней ее праправнука Коли. Она похоронена на кладбище около Пороховских заводов, недалеко от того места, где стояло здание Приюта.

Мы все знаем об известных людях, занимавшихся благотворительностью, например, видных коммерсантах купцах Елисеевых. Но нельзя забывать и о скромных маленьких обществах, сделавших столько добра, возникших благодаря энтузиазму своих основателей. И имя Елизаветы Петровны Калачевой стоит того, чтобы его вспомнили годы спустя.

Примечания

- 1 *Воспоминания А. А. Калачева*. 1962—1963. (неопубликовано) [Находится в семейном архиве Павловых.]
- 2 Там же.
- 3 *Лукашевич Е. А.* Начало деятельности бесплатного народного детского сада. СПб., 1906.
- 4 Там же.
- 5 Описан в очерке Е. А. Лукашевич.
- 6 Очерк и отчет о деятельности Бесплатного Народного Детского Сада, Бесплатной Детской Столовой и Сельскохозяйственного приюта, учреждений Е. П. Калачевой. СПб., 1905.
- 7 Отчеты о деятельности.
- 8 Отчет Бесплатного Народного Детского Сада, Сельскохозяйственного Приюта, Бесплатной Детской Столовой. СПб., 1906.
- 9 Отчет Бесплатного Народного Детского Сада и Сельскохозяйственного Приюта
- 10 Обращение к Елизавете Петровне ее сотрудников. — Отчет... 1906.
- 11 Устав Общества для распространения практических сведений по сельскому хозяйству и домоводству среди детей беднейшего населения СПб. СПб., 1914
- 12 Устав Женской практической школы усадебного хозяйства и домоводства им. Е. П. Калачевой. Пг., 1914.

Леонид Денисович Кизим

Гость нашей рубрики — летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник Российской армии, начальник Военной инженерно-космической академии имени А. Ф. Можайского Леонид Денисович Кизим.

«Н. Ч.»: Уважаемый Леонид Денисович, вы известный в России человек, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт. Как сегодня, по прошествии лет, Вам видится собственный жизненный путь: был ли он счастливым восхождением по лестнице чинов и званий или это была постоянная работа и преодоление трудностей?

Л. Д. Кизим: Я с юношеских лет связал свою судьбу с Вооруженными Силами страны. На долю офицеров моего армейского поколения выпало быть первопроходцами космоса, овладеть новой сложной и самой совершенной боевой техникой. И конечно же, трудностей было немало. И на моей жизни их было достаточно.

Нелегко было учиться в Черниговском высшем военном авиационном училище летчиков, а затем овладевать летным мастерством на различных типах боевых машин. Было нелегко, но меня все время вела «голубая мечта» — летать! Большой мобилизации нравственных и физических сил потребовала учеба в Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина и Военной академии Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР.

Очень напряженным периодом в моей жизни была более чем двадцатилетняя работа в Центре подготовки космонавтов. Мне довелось совершить три полета в космическое пространство — в 1980, 1984 и 1986 годах. Каждый очередной полет не был похож на предыдущий. Каждому из них предшествовала подготовка и тренировки, буквально на

пределе сил и возможностей человека. Сам полет — это максимальная концентрация воли и интеллектуальных возможностей космонавта, ибо работать приходится в экстремальных условиях. Велика и нравственная ответственность: старт космического корабля — это итог многодневной работы большого отряда специалистов от рабочего до главного конструктора.

Не сделаю открытия, если скажу, что служба в Вооруженных Силах не только благородный и необходимый стране род занятий, но и особый. Армия не только формирует личность, но и предъявляет к человеку многие требования. Здесь нет легких путей к чинам и званиям. Трудности в военной службе неизбежны. Другое дело, как их воспринимать. Как «тяжелый крест», или как вполне ответственные и объективные, связанные с выполнением воинского долга. Я не устаю говорить в работе с курсантами о том, что не следует «катастрофически» воспринимать самые сложные элементы воинской службы. Трудитесь, научитесь преодолевать самого себя — и успех придет.

«Н. Ч.»: Сегодня Вы начальник Военной инженерно-космической академии имени А. Ф. Можайского. Как живет академия в условиях реформы, какие происходят изменения?

Л. Д. Кизим: ВИКА имени А. Ф. Можайского — политехническое высшее военное учебное заведение и авторитетный центр научно-исследовательской работы. Высокая квалификация профессорско-преподавательского состава, электронно-вычислительная техника, дисплейные классы, телевизионные аудитории, видеотерминалы и современное лабораторное оборудование позволяют нам решать задачи обучения на современном педагогическом и инженерном уровне. Слушатели и курсанты получают фундаментальную теоретическую подготовку. В 1998 году 17 наших выпускников окончили академию с Золотой медалью, а 87 молодых лейтенантов получили диплом «С отличием». Научные коллективы академии ведут плодотворные исследования по широкому кругу проблем, связанных с совершенствованием ракетно-космической техники и повышением эффективности ее использования.

В 1997 году в рамках военной реформы в результате слияния Ракетных войск стратегического назначения, Военно-космических сил и войск противоракетной обороны, академия вошла в состав РВСН обновленного состава. По оценке Главнокомандующего РВСН генерал-полковника Яковлева В. Н., процесс этот произошел «органично и безболезненно». Вместе с тем, это событие поставило перед командованием академии и профессорско-преподавательским составом новые задачи. В учебный процесс и в содержательной части, и по организации были внесены новые элементы.

В 1997 году мы приступили к обучению курсантов и слушателей по новым учебным программам в соответствии с Государственным образовательным стандартом, что потребовало значительных творческих усилий нашего профессорско-преподавательского состава.

В академии вот уже 3 года ведется подготовка офицеров с высшим военным образованием. В 1998 году в войска отправился их первый выпуск.

Несмотря на разговоры о престижности офицерской службы, мы не испытываем трудностей с желающими поступить в академию. К нам приходят юноши с хорошей общеобразовательной подготовкой. Среди тех, кто был принят в академию в 1998 году, каждый восьмой окончил школу с Золотой или Серебряной медалью, получил диплом техника «с отличием». Со многими абитуриентами я лично побеседовал по время вступительных экзаменов. Все они хорошо понимают, что армия переживает не самые лучшие времена, но тем не менее имеют внутреннюю установку на учебу и службу в Вооруженных Силах России.

Это только некоторые штрихи нашей жизни и тех изменений, которые в ней происходят. Конечно же есть серьезные трудности и проблемы, характерные для Вооруженных Сил России в целом.

«Н. Ч.»: Армейские трудности общеизвестны. Скорее всего они не могут не повлиять на процесс формирования будущего офицера. Не снизилась ли планка требований к личностным качествам курсантов — будущих офицеров?

Л. Д. Кизим: Речи быть не может о снижении требований к личностным качествам наших воспитанников. Я скажу так. Если человека в армии привлекают только блестящие звездочки и их величина, то он не задержится на службе в трудное время. А если это патриот, готовый служить России и в ненастье — он останется в армейском строю. И радуется сердцем, что таких офицеров и курсантов у нас большинство.

В академии сложилась цельная и конкретная система мероприятий, направленная на формирование самых высоких личностных, в первую очередь, нравственных и моральных качеств будущих офицеров. Из стен академии должен выходить патриот, для которого высшая ценность — служба своему Отечеству. Это мы считаем главной задачей. С первого дня пребывания в академии курсанты ощущают дыхание исторического прошлого своего военно-учебного заведения. История академии берет свое начало в петровское время. В стенах 2-го кадетского корпуса, исторического предшественника академии, учились фельдмаршал М. И. Кутузов, генералы М. И. Драгомиров, П. П. Коновницын, А. Д. Засядко и многие другие замечательные офицеры, прославившие Российскую армию и свое Отечество. В аттестации, данной генералу А. Засядко, родоначальнику российской ракетной артиллерии, было записано: «Служит России из одной только чести». Это ли не образец для подражания! В списки личного состава первого курса одного из факультетов академии навечно занесен выпускник академии Герой Советского Союза капитан Двужильный, мужественно сражавшийся в годы Великой Отечественной войны. Сам этот факт оказывает сильное эмоциональное воздействие на молодых людей. Ветераны Великой Отечественной войны, работающие в академии, частые гости в курсантских подразделениях. Немало в этом направлении делает музей академии. Можно было бы продолжить этот перечень. Наша история — богатое достояние, которое мы широко используем в работе с курсантами.

В академии работают офицеры запаса и в отставке, принимавшие участие в первых запусках отечественных межконтинентальных ракет, запуске первого искусственного спутника Земли, в подготовке полета Ю. А. Гагарина. Их долгая служба и работа в РВСН — лучший пример для молодых людей и источник информации первых поколений ракетчиков. Я неоднократно убеждался, насколько живой интерес вызывают беседы на эту тему у курсантов.

Мы никогда не забываем о больших воспитательных возможностях Петербурга — Петрограда — Ленинграда — города, где располагается академия. И это не только Национальная библиотека и Эрмитаж, но, прежде всего, учебные подразделения Российской Академии Наук, конструкторы, писатели, поэты и другие известные люди, общение с которыми формирует духовный мир наших воспитанников.

К сожалению, нельзя сегодня сказать, что все усилия командиров и преподавателей приводят к желаемому результату. Мы живем не изолированно от общества и являемся частью его. Порой бывает трудно преодолеть последствия некоторых негативных тенденций, развивающихся в обществе и проникающих в курсантскую среду. Да и сами воспитатели делают еще далеко не все для того, чтобы наши выпускники с полным основанием могли произнести такие емкие по своему содержанию слова: «ЧЕСТЬ ИМЕЮ!»

«Н. Ч.»: Какова, на ваш взгляд, роль военной истории Отечества в воспитании офицеров российской армии?

Л. Д. Кизим: К числу важнейших традиций военной истории я отношу исследование глубинных народных истоков выдающихся побед российского оружия и трагического драматизма его поражений, увековечение имен и подвигов героев России, истинных пат-

риотов Отечества, научный анализ деятельности полководцев в наиболее ответственные периоды истории нашего общества.

Без изучения военной истории Отечества становление высоконравственной личности офицера невозможно. Она является одним из основных инструментов формирования у офицера устойчивой мотивации к осознанному выбору своего жизненного пути, овладению «наукой побеждать», позволяет сохранить неразрывную связь времен, имеет мощный позитивный эмоционально-психологический заряд уверенности в преодолении любых трудностей.

«Н. Ч.»: Проявляется ли у слушателей академии интерес к военной периодике в настоящее время?

Л. Д. Кизим: Историческая наука в последние годы активно развивается, опубликовано много новых исторических работ. Это вызвало естественный интерес у людей, желающих разобраться в противоречивых событиях прошлого. Не составляют исключения и офицеры нашей академии. Что касается военной периодики, то именно она, по мнению как профессорско-преподавательского состава, так и их подопечных — является источником достаточно всестороннего, глубокого, а главное неконъюнктурного научного анализа самых драматичных периодов российской и мировой истории.

Желаю журналу новых исторических находок, талантливых авторов, патриотичных материалов, благодарных читателей, щедрых спонсоров, хороших тиражей, дружной работы!

С искренним уважением и благодарностью за сотрудничество.

С Л. Д. Кизимом в декабре 1998 г. беседовал С. Л. Фирсов

РУССКИЙ СКАУТЪ

*Орган связи и информации Российского отдела
Организации Российских Юных Разведчиков*

Хроника деятельности (июнь 1997 — август 1998 гг.)

(и. о. начальника отдела — инструктор Кирилл Александров,
начальник штаба отдела — инструктор
Олег Денисенко)

К концу августа 1998 г. отдел сохранял свой статус автономного подразделения, приобретенный в результате разделения в 1996—1997 гг. Организации Российских Юных разведчиков на отечественную и зарубежные ветви. Единицы и соединения отдела продолжали за истекший период активную деятельность, как на местном, так и на региональном уровне.*

В списках отдела по состоянию на 17 июля 1998 г. числилось 7 инструкторов, 13 штаб-инструкторов, 11 витязей, 10 дружинниц и более 200 детей, объединенных в различные возрастные ветви в своих единицах и соединениях в Армянске, Гатчине, Екатеринбурге, Красноперекоске, Москве, Нижнекамске, Н. Новгороде, Обнинске, Самаре, Санкт-Петербурге, Севастополе, Твери и Тольятти.

Среди основных начинаний отдела за указанный период необходимо выделить следующие.

С 27 июня по 3 июля 1997 г. в пос. Сомино Бокситогорского района Ленинградской области по благословию настоятеля Соминского собора Св. Первоверховных Апостолов Петра и Павла иерея о. Геннадия (Беловолова) состоялось 2-е Соборное совещание отдела, в котором приняли участие 20 витязей, дружинниц и руководителей РО ОРЮР, а также 3 гостей. Отсутствовавшие представили письменные полномочия. Вели совещание инструктора Кирилл Александров (Санкт-Петербург), Олег Денисенко (Обнинск) и Сер-

* Состав отдела по единицам (стаям, отрядам и кругам) и соединениям (дружинам), включая Таврический район (Крым), опубликован в предыдущем выпуске (См.: Новый Часовой. 1998. № 6—7. С. 383—384).

Участники церемонии передачи знамени 18-го сводного отряда адмирала А. В. Колчака (существовал в Санкт-Петербурге в 1992—1994 гг.) 124-му сводному отряду Верховного Правительства России адмирала А. В. Колчака (Краснопереконск), открытому в 1996 г. на мысе Фиолент под Севастополем. В центре со знаменем — начальник 124-го Колчаковского отряда шин. Игорь Иващенко (Краснопереконск).

гей Ревин (Севастополь). Совещание единогласно приняло уточнение к идеологическим положениям Устава Организации, действующего в отделе,¹ несколько резолюций по ситуации в ОРЮР и взаимоотношениям разведческого и современного скаутского движения, а также разрешило ряд вопросов по работе отдела. Отношение разведчества как системы национального и православного воспитания детей и подростков к Всемирной Организации Скаутского Движения (ВОСД) нашло свое отражение в специальной резолюции. Совещание подчеркнул, что ВОСД открыто распространяет в России и странах СНГ ценности экуменического² мировоззрения и современного западного общества, враждебные в своей сущности учению Русской Православной Церкви. Поэтому любой вид членства в ВОСД для российских православных юношеских организаций неприемлем. Участниками совещания при молитвенном участии иерея о. Геннадия (Беловолова) в Петропавловском соборе с. Сомино была проведена Церемония Памяти Верных и павших за Россию.

С 10 по 18 июля 1997 г. в районе деревни Берново Старицкого района Тверской области состоялся открытый лагерь «Богатырская застава», организованный дружиной «Тверь» шин. Олега Быстрецких при содействии Тверского КДМ. В лагере участвовали разведчики и гости из Екатеринбурга, Москвы, Н. Новгорода, Обнинска, Санкт-Петербурга, Твери, Тольятти и других городов. Кульминацией лагеря явилась двухдневная ролевая костюмированная игра «Освобождение Руси», в которой ряд древнерусских городов при помощи союзной сербской дружины мужественно пытались бороться с татаро-монголами. Популярностью в лагере пользовался футбольный турнир, в котором 1-е место заняла сборная команда разведчиков из Обнинска (48-й отдельный сводный отряд генерала от кавалерии П. Н. Краснова), а 2-е место — сборная команда дружины «Тверь». Возглавлял лагерь начальник сводного отряда Св. Бл. Кн. Михаила Ярославовича Тверского вит. Павел Бояринов.

19 июля 1998 г. после завершения объединенного лагеря «Богатырская застава» от-

Строй разведчиков 72-го сводного отряда флигель-адъютанта Его Императорского Величества капитана 1-го ранга А. И. Казарского (Севастополь). Командует строем (слева) вит. Игорь Ветров.

крылся 1-й слет РО ОРЮР «За Белое дело!», в котором приняло участие более 100 разведчиков и руководителей из подавляющего большинства единиц и соединений отдела. Начальником слета являлся инс. Олег Денисенко. Благославил слет благочинный всех монастырей Тверской епархии архимандрит Адриан (Ульянов) — духовник дружины «Тверь», осмотревший все подлагерь слета. Тщанием и заботой взрослых участников за несколько дней на поляне была сооружена походная церковь и отслужена литургия, на которой причастилось Св. Христовых тайн около 40 детей. В ходе слета отдельные звенья соревновались между собой в разнообразных состязаниях, среди которых стоит отметить футбольный, шахматный и фехтовальный турниры, исторический конкурс «Русская Летопись», военизированную трассу «Тропа витязя», игру «Ледяной поход», конкурсы лучников и кулинаров и т. п. Особое место заняла Церемония Памяти Верных и павших за Россию, после которой была отслужена панихида по всем помянутым. Всего в ходе слета в звеновом соревновании участвовало 11 отдельных звеньев разведчиков и разведчиц. 1-е место заняло звено разведчиков «Совы» (48-й отдельный отряд генерала от кавалерии П. Н. Краснова, г. Обнинск); 2-е место — звено разведчиков «Филины» (50-й отдельный сводный отряд генерал-фельдмаршала М. Б. Баркляя де Толли, г. Екатеринбург) и 3-е место — звено разведчиц «Лисы» (38-й сводный отряд Генеральной штаба генерал-майора М. Г. Дроздовского, г. Санкт-Петербург). На слете в состав РО ОРЮР вошел 105-й отдельный сводный отряд полковника Д. В. Давыдова шин. Владимира Берчанского (г. Нижнекамск). 22 июля 1997 г. в день 35-летия кончины возглавителя ОРЮР в 1945—1962 гг. Ст. Скм. Б. Б. Мартино участниками слета была проведена специальная церемония памяти. Завершившийся 23 июля 1997 г. слет широко освещался местной прессой и телевидением. Руководителями РО ОРЮР о слете был снят видеофильм. Лагерь «Богатырская застава» и слет «За Белое дело!» прошли на высоком уровне, благодаря жертвенной работе шин. Олега Быстрецких, шин. Елены Сувориной, вит. Павла Бояршинова (г. Тверь), инс. Олега

Денисенко (г. Обнинск) других руководителей РО ОРЮР.

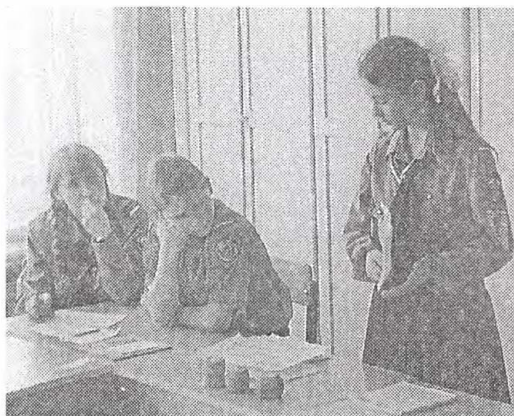
С 26 июля по 3 августа 1997 г. сводная группа РО ОРЮР (инс. Кирилл Александров, вит. Павел Бояршинов, рц.3 Ольга Казмина, рк.3 Сергей Ворончихин, рк.3 Александр Бебиашвили, рк.3 Денис Михайлов и нов. Александр Мишин) работали на восстановлении храма Св. Великомученика Димитрия Солунского в деревне Дубровка Брасовского района Брянской области по благословению настоятеля храма иерея о. Игоря (Музалевского).

13—15 августа 1997 г. в Москве состоялось совещание XVI-го объединенного Совета ОРЮР-ОЮРС, на котором РО ОРЮР представляли инс. Олег Денисенко и шин. Елена Суворина.

3—4 октября 1997 г. в деревне Кневицы Демянского района Новгородской области по приглашению педагога местной художественной студии Виктора Маркелова состоялся семинар по воспитательным методикам работы ОРЮР для местной православной общественности, который вели инс. Кирилл Александров и инс. Наталья Соколова из Санкт-Петербурга.

22 октября 1997 г. в Москве штаб РО ОРЮР под руководством инс. Олега Денисенко и шин. Елены Сувориной организовал научно-практическую конференцию «Вопросы православно-миссионерской педагогики в детских и молодежных общественных объединениях» при участии православного общества «Радонеж» и Тверского Союза православных мирян. Конференция прошла в Издательском Совете Московской Патриархии по благословению председателя Издательского Совета Патриархии епископа Бронницкого Тихона. Слушания собрали около 50 участников, интересующихся православной педагогией на примере деятельности разведческой организации. Читались доклады: «Актуальные вопросы духовно-нравственного воспитания и принципы деятельности ОРЮР», «Основные идеи педагогического наследия русского православного Зарубежья», «Методы и формы работы РО ОРЮР с младшей и старшей ветвями Организации». Организаторами демонстрировался видеофильм о летнем слете 1997 г.

7 ноября 1997 г. в годовщину 80-летия Октябрьского переворота 1917 г. силами различных белых организаций Санкт-Петербурга был проведен общественный День Скорби и Непримируемости. Инициатива проведения Дней Непримируемости принадлежала в 1927 г. Первоиерарху Русской Православной Зарубежной Церкви Блаженнейшему Митрополиту Антонию (Храповицкому), впервые День Непримируемости был проведен и организован членами НТСНП в Югославии в 1937 г. В проведении Дня Скорби и Непримируемости в Санкт-Петербурге 7 ноября 1997 г. участвовали чины РОВС, РИСО, военно-исторического клуба 9-й пехотный Ингерманландский полк, разведчики РО ОРЮР и скауты ОЮРС. Утром 7 ноября 1997. на Смоленском православном кладбище был установлен крест на могиле юнкера Владимира Александровича и участников юнкерского восстания в Петрограде 25—28 октября 1917 г. Затем в клубе Моряков на Васильевском острове состоялось общественное собрание, в котором приняло участие более 200 человек. От ОРЮР выступала шин. Анастасия Александрова. Центральным событием стала

*II-е КДВ РО ОРЮР «Град Китеж»
(Тверь, март 1998 г.). Младший поток.
Отчитывается за творческую работу рц.3 Ксения Барчугова (38-й сводный отряд генерал-майора М. Г. Дроздовского, Санкт-Петербурге). Крайняя слева — одна из кураторов младшего потока држж. Екатерина Солодовникова (Москва).*

Вожак и помощники вожаков разведческих звеньев в XXII-м Дроздовском лагере «Бобр-озеро» (июль 1998 г., пос. Бобр-озеро Бокситогорского района Ленинградской области). Слева направо: рк.З Сергей Ворончихин, рк.З Сергей Чистяков, рц.З Ксения Барчугова, ст. рц. Ольга Казьмина, рк.З Александр Никоноров и др. Инс. Кирилл Александров.

Церемония Памяти павших за Россию, организованная руководителями и разведчиками 1-й и 2-й Санкт-Петербургских дружин РО ОРЮР. Панихиду отслужил протоиерей о. Георгий (Митрофанов). После официальной части разведчики РО ОРЮР участвовали в художественном выступлении, посвященном скорбной дате.

8 ноября 1997 г. в Твери прошло совещание ряда руководителей РО ОРЮР, посвященное организации КДВ в 1998 г. и выборам ВОУ ОРЮР на 1998—2002 гг. Совещание было организовано дружиной «Тверь», гостем совещания выступила инс. Людмила Селинская (ВАО ОРЮР).

В ноябре-декабре 1997 г. в зарубежной ОРЮР состоялись выборы Старшего Скаут-мастера и ВОУ ОРЮР. Ст. Скм. на 1998—2002 гг. с перевесом в несколько голосов был вновь избран Михаил Александрович Данилевский. Инструктора РО ОРЮР к голосованию допущены не были¹.

На Рождественских каникулах 1998 г. в Москве на базе детского благотворительно-го фонда «Таганка» состоялся Рождественский детский фестиваль, организованный руководителями РО ОРЮР. В нем приняли участие разведчики дружины «Тверь», 48-го отдельного сводного отряда генерала от кавалерии П. Н. Краснова и ребята, опекаемые фондом.

С 21 по 29 марта 1998 г. на базе школы-центра гармонического развития г. Твери при участии городского КДМ, состоялись 2-е КДВ «Град Китеж-98» РО ОРЮР. Организация курсов возлагалась на дружину «Тверь», успешно выполнившую поставленную задачу. Начальником КДВ являлся вит. Павел Бояршинов. Особенностью проведенных курсов являлось впервые экспериментальное разделение участников на потоки: «Поиск»

Новички, разведчики, разведчицы и руководители РО ОРЮР — участники возложения цветов к мемориальной доске на Графской пристани Севастополя 31 июля 1998 г.

(младшая ветвь, 8—11 лет), классические КДВ (разведчики и разведчицы, 12—14 лет) и «Академия» (старшие разведчики и разведчицы, 15—16 лет).

Всего в КДВ участвовало 52 человека, в том числе: группа «Поиск» — 15 ребят, классические КДВ — 14 ребят и «Академия» — 6 подростков, прошедших КДВ «Град Китеж» в 1997 г. Обслуживали курсы 17 руководителей, витязей, дружинниц и старших разведчиков. Деятельность группы «Поиск» протекала в виде увлекательной цикловой игры, которую организовал и возглавлял шин. Олег Быстрецких. Работу «Академии» курировал инс. Олег Денисенко. Кроме этого, на группе «Поиск» работали Ст. рк.1 Сергей Быстрецких (Екатеринбург), вит. Александр Виноградов (Москва), шин. Анна Смирнова (Обнинск), држ. Екатерина Солодовникова (Москва), држ. Ольга Темнова (Обнинск). На «Академии» и классических КДВ читали лекции и работали кураторами звеньев инс. Кирилл Александров (Санкт-Петербург), Ст. рк.2 Михаил Вихров (Обнинск), шин. Сергей Воробьев (Тверь), држ. Наталья Зеленова (Тверь), вит. Николай Каргаев (Екатеринбург), шин. Елена Суворина (Тверь), нов. Максим Ткач (Самара), држ. Ольга Чернышова (Тверь), вит. Виктор Яковенко (Самара). На классическом потоке в процессе 60 учебных часов изучались следующие предметы: основы Православной Веры, история Церкви, православная педагогика, история и идеология разведчества, основные проблемы русской истории, история русской культуры, русская этнография, звеновая система, работа в отряде, лагерное дело, выживание в различных средах, символика и традиции, медицина. Из 14 курсантов классического потока квалификацию КДВ «Град Китеж» и зачет по курсам получили 7 курсантов:

— рц.3 Казанцева Дарья (сводный отряд Св. Бл. Кн. Михаила Ярославовича Тверского, г. Тверь);

— рк.3 Кучин Саша (48-й отдельный сводный отряд генерала от кавалерии

П. Н. Краснова, г. Обнинск);

— рк.3 Мананцев Петр (72-й сводный отряд флигель-адъютанта Его Императорского Величества капитана 1-го ранга А. И. Казарского, г. Севастополь);

— рк.3 Никоноров Саша (38-й сводный отряд Генерального штаба генерал-майора М. Г. Дроздовского, г. Санкт-Петербург);

— рц.3 Степанова Марьяна (г. Обнинск);

— рц.3 Цветкова Катя (отряд разведчиц Св. Великомученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны, г. Севастополь);

— рк.3 Чистяков Сергей (г. Санкт-Петербург).

Курсы прошли в напряженной учебной и деловой атмосфере, основной упор делался на индивидуальную подготовку курсантов. По итогам звенового соревнования среди звеньев классического потока КДВ и группы «Академия» лучшим звеном признано звено курсантов «Львы» (куратор — инс. Кирилл Александров).

В это же время, с 21 по 29 марта 1998 г., в пос. Старый Изборск Печорского района Псковской области прошел совместный лагерь 2-й Санкт-Петербургской дружины «Лицейский Сад» и 1-й Санкт-Петербургской дружины «Крымъ» под руководством инс. Натальи Соколовой. Участники лагеря окормлялись в Церкви Рождества Пресвятой Богородицы, благословение на лагерь дал настоятель храма иерей о. Алексей (Вовченко). Всего в лагере участвовало 28 человек, в том числе 19 разведчиков, разведчиц и новичков.

С 24 по 27 июля 1998 г. на территории Таврического района РО ОРЮР в Крыму состоялся поход представительства отдела в составе 10 человек в район горы Демерджи. В походе принимали участие руководители и разведчики Севастопольской дружины «Каламита», 38-го сводного отряда Ген. шт. ген.-м. М. Г. Дроздовского (Санкт-Петербург) и 105-го отдельного сводного отряда полковника Д. В. Давыдова (Нижекамск). Поход был приурочен к 80-летию 2-го Кубанского похода Добровольческой армии 1918 г. Начальником похода являлся вит. Дмитрий Горякин (Севастополь). В походе отрабатывалась сдача испытаний по практике на 2-й разряд ОРЮР.

31 июля 1998 г. на Графской пристани г. Севастополя прошла церемония возложения цветов к памятному знаку, посвященному эвакуации чинов Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля из Крыма 14—16 ноября 1920 г. В церемонии участвовали руководители, витязи и дружинницы, разведчики и разведчицы, новички Севастопольской дружины «Каламита», 38-го сводного отряда Ген. шт. ген.-м. М. Г. Дроздовского и 105-го отдельного сводного отряда полковника Д. В. Давыдова. Руководили церемонией инс. Кирилл Александров (Санкт-Петербург), инс. Сергей Ревин (Севастополь), шин. Владимир Берчанский (Нижекамск), вит. Игорь Ветров (Севастополь).

О дальнейшей судьбе Российского отдела ОРЮР

30 апреля — 3 мая 1998 г. в Санкт-Петербурге состоялся Всероссийский Конгресс скаутских организаций России, в котором принимали участие руководители и скаутмастера ОЮРС, ФСР и иных скаутских организаций. Для вступления в ряды ВОСД Конгресс принял решение об учреждении Национальной Организации Российских Скаутов (НОРС) — единой скаутской организации Российской Федерации с индивидуальным членством. Идеиные положения и программные принципы НОРС позволят, по мнению ее создателей, идентифицировать общую скаутскую организацию России с ВОСД. После учреждения НОРС в России остались лишь соединения и единицы РО ОРЮР, связывающие себя с русским скаутизмом как с педагогической системой, но не принимающие ВОСД по

идеологическим причинам.

Однако 28 мая 1998 г. ГСЧ зарубежной ОРЮР отклонил требование руководителей РО ОРЮР восстановить действие Устава 1979 г. и единую Организацию Российских Юных Разведчиков на территории России. ГСЧ ОРЮР признал разделение ОРЮР в 1996 г. и фактическое упразднение Устава ОРЮР в России, предложив расформировать РО ОРЮР и всем его членам вступить в ряды Национальной Организации Российских Скаутов. Исходя из решения ГСЧ ОРЮР от 28 мая 1998 г., руководители отдела приняли решение о проведении 3-го Соборного совещания в Твери 3—4 октября 1998 г., которое должно решить судьбу Российского отдела ОРЮР и православной разведческой организации.

Из хроники деятельности отдельных единиц и соединений РО ОРЮР

1-я Санкт-Петербургская дружина «КРЫМЪ» (начальник дружины — инс. Юрий Звягин)⁴

38-й сводный отряд начальника 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии Генерального штаба генерал-майора М. Г. Дроздовского (н. о. — инс. Кирилл Александров)

С 6 по 8 июня 1997 г. состоялся тренировочный поход группы дроздовцев по маршруту ст. Солнечное — р. Сайменка — ст. Солнечное на Карельском перешейке.

20—22 июня 1997 г. по приглашению начальника Ямбургского отделения РОВС С. Г. Зирина дроздовцы провели бивак на территории Ивангородской крепости. При участии чинов РОВС разведчики работали на восстановлении захоронения командира Лейб-Гвардии Драгунского полка Императорской Армии в 1897—1902 гг. генерал-лейтенанта Н. А. Яфимовича и братского воинского захоронения чинов Северо-Западной Добровольческой Армии генерала от инфантерии Н. Н. Юденича, где похоронено по различным оценкам от 2 до 5 тыс. чинов армии и беженцев, скончавшихся в 1919—1920 гг. Все участники бивака от чинов РОВС получили знаки отличия в виде георгиевских лент на форму «За участие в спасении воинских захоронений русских солдат и офицеров».

С 10 по 23 июля 1997 г. дроздовцы провели XIX-й лагерь «Богатырская застава» вместе с другими отрядами РО ОРЮР под Тверью и участвовали в 1-м слете РО ОРЮР. Во время большой разведческой игры в лагере Дроздовский отряд представлял союзную русским городам сербскую дружину. После слета несколько дроздовцев выехали на работу по восстановлению одного из храмов в Брянскую область в составе сводного представительства РО ОРЮР.

7 сентября 1997 г. в отряде состоялись самостоятельные походы за звеновыми именами разведческих звеньев, по итогам которых в отряде были открыты 2 звена разведчиков и 1 разведчиц перевормированного состава. На сентябрь 1997 г. в отряде числилось 2 руководителя, 6 разведчиков, 1 разведчица и 14 новичков.

13—14 сентября 1997 г. походом отряда на Карельский перешеек в район ст. Кавголово было отмечено закрытие сезона.

18—19 октября 1997 г. в пос. Можайское под Санкт-Петербургом прошел отрядный бивак, посвященный 116-й годовщине со дня рождения шефа отряда Генерального штаба генерал-майора М. Г. Дроздовского. После литургии 19 октября в бывшем храме 1-й гвардейской пехотной дивизии Императорской Армии Св. Бл. Кн. Александра Невского в Крас-

ном Селе, настоятелем храма о. Евгением (Ефимовым) была отслужена панихида в память воина Михаила и чинов Дроздовской дивизии.

XX-й отрядный лагерь дроздовцев «Соминская осень-97» прошел в пос. Сомино с 31 октября по 6 ноября 1997 г. по благословению и при активном участии настоятеля Сомино-Петропавловского собора иерея о. Геннадия (Беловолова). В проведении лагеря участвовало 23 человека. В программе можно отметить: поездку в Подборовье на праздник Св. Праведного Иоанна Кронштадтского — участие в крестном ходе и молебне, занятия по Закону Божьему с о. Геннадием (Беловоловым), трудовые послушания на подворье собора, фехтовальный турнир, конкурс актерского мастерства, игру «Освобождение Москвы 1612 г.» и т. д. 5 ноября 1997 г. в соборе о. Геннадием (Беловоловым) была отслужена панихида в память русских солдат и офицеров в годину Смуты честь России отстоявших.

7 ноября 1997 г. отряд принял активное участие в дне Скорби и Непримируемости в Санкт-Петербурге.

15 ноября 1997 г. 4 разведчика и начальник отряда участвовали в общественном собрании в Москве в музее М. И. Цветаевой, посвященном 80-летию создания Добровольческой армии. Во время собрания дроздовцы встретились и получили благословение от протоиерея о. Александра (Киселева), бывшего скаутмастера производства Старшего Русского Скаута полковника О. И. Пантюхова.

26 ноября 1997 г. исполнилось 6 лет Дроздовскому отряду. 29 ноября на штаб-квартире отряд отпраздновал свой день рождения, на который пришло много гостей, в том числе уже выросшие старые разведчики-дроздовцы 1991—1994 гг. — Алексей Подстегин, Виталий Ставицкий, Женя Бойцов, Лена Бурова, Сергей Иванов, Дима Выборнов и др.

Рождественский бивак 1998 г. дроздовцы провели с 5 по 8 января 1998 г. в гостеприимном Сомино. Ребята трудились на подворье, украшали собор к празднику, Христославили, участвовали в Рождественской службе.

14 января 1998 г. исполнилось 79 лет со дня кончины от ран Генерального штаба генерал-майора М. Г. Дроздовского. Накануне, 13 января на штаб-квартире отряда состоялся траурный вечер, посвященный памяти М. Г. Дроздовского. Читались стихи, с исполнением собственных песен из цикла, посвященного Гражданской войне, выступил петербургский автор-исполнитель поэт К. И. Ривель. Преподавателем Санкт-Петербургской Духовной Академии протоиереем о. Георгием (Митрофановым) была отслужена панихида в память воина Михаила и чинов Дроздовской дивизии.

22 февраля 1998 г. отряд участвовал в вечере, посвященном 80-летию Ледяного похода 1918 г., организованном чинами РОВС в Санкт-Петербурге. На вечере выступала внучатая племянница генерала от инфантерии М. В. Алексеева — Таисия Платоновна Борисова.

14 марта 1998 г. в Александровском парке г. Пушкина у дроздовцев состоялись испытания на 3-й разряд — традиционный Бег, по результатам которого было проведено Т.О. ОРЮР.

С 21 по 29 марта 1998 г. дроздовцы принимали участие во 2-х КДВ РО ОРЮР «Град Китеж» в Твери и провели XXI-й лагерь «Паломник» в Старом Изборске совместно с дружиной «Лицейский Сад». В Изборске Дроздовский отряд возглавлял п.н.о. шин. Анастасия Александрова. Все курсанты отряда, отправленные на КДВ, успешно получили квалификацию вожака разведческого звена.

Светлый Праздник Воскресения Христова 6/19 апреля 1998 г. дроздовцы встретили в храме Св. Бл. Кн. Александра Невского в Красном Селе.

1—2 мая 1998 г. походом на Карельский перешеек в район Вуоксы в честь традиционного праздника русских разведчиков Дня Св. Георгия Победоносца, отряд открыл походный сезон 1998 г.

10—14 мая 1998 г. на штаб-квартире отряда состоялся 1-й Дроздовский фехтоваль-

ный турнир 1997/1998 учебного года «Золотая рапира-98». Бои проводились на рапирах, по рапирным правилам. 1-е место и звание чемпиона турнира 1998 г. по итогам боев занял рк.3 Чистяков Сергей, 2-е место — рк.3 Никоноров Александр.

28 мая 1998 г. в отряде были подведены итоги по индивидуальном разведческому состязанию 1997/1998 учебного года. Право поездки в Севастополь летом 1998 г. заслужили лучшие члены Дроздовского отряда — Ст. рц.3 Казьмина Ольга, рц.3 Барчугова Ксения и рк.3 Ворончихин Сергей, Никоноров Александр и Чистяков Сергей.

XXII-й отрядный лагерь «Бобр-озеро-98» открылся 1 июля 1998 г. близ деревни Бобр-озеро Бокситогорского района Ленинградской области у р. Лидь. В проведении лагеря участвовало 16 ребят и 3 руководителя. Начальником лагеря являлся инс. Кирилл Александров, на руководительских должностях работали добровольцы из Москвы Вера и Алексей Калинины. Все хлопоты по организации лагеря на месте принял на себя ктитор строящегося в деревне Бобр-озеро храма Св. Преподобного Серафима Саровского, Вячеслав Андреевич Васильев. Благословил проведение лагеря настоятель Петропавловского собора иерей о. Геннадий (Беловолов). Главной задачей лагеря стало оказание помощи и проведение работ на строительстве храма Св. Серафима Саровского в деревне Бобр-озеро и восстанавливаемого храма Св. Георгия Победоносца в 7 км от деревни. Лагерь проходил в чрезвычайно трудных климатических условиях, но тем не менее стал одним из лучших лагерей, проведенных в 1992—1998 гг. Разведчики-дроздовцы оказали значительную помощь в обустройстве храмов. 9 июля 1998 г. в 16.20 группе разведчиков, работавшей в храме Св. Георгия Победоносца на западной стене храма явился Лик, сохранившийся вплоть до завершения лагеря 15 июля 1998 г., что подтвердил иерей о. Геннадий (Беловолов). Помимо трудовых послушаний в программе лагеря можно отметить фехтовальный турнир, состязания на «Тропе витязя», конкурс актерского мастерства, конкурс по истории России «Русская Летопись», различные испытания на выносливость, большую ролевою, костюмированную игру «Град Юрьев», День Памяти Верных и другие дела. 13 июля 1998 г. лагерь посетил иерей о. Геннадий (Беловолов), благословивший всех его участников. По завершении лагеря 5 дроздовцев и начальник отряда выехали в Севастополь, где приняли участие в походе на Демерджи и церемонии возложения цветов на Графской пристани 31 июля 1998 г.

105-й отдельный сводный отряд полковника

Д. В. Давыдова (г. Нижнекамск)

(начальник отряда — штаб-инструктор Владимир Берчанский)

Летом 1997 г. отдельные звенья отряда участвовали в лагерях АСУ, проводившихся в различных регионах Удмуртии (р. Люн в районе Ижевска и др.), а также в 1-м слете РО ОРЮР «За Белое Дело!», на котором отряд вошел в состав РО ОРЮР.

Осенью 1997 г. в отряде состоялась серия походов в район пос. Красный Ключ, во время которых осуществлялась сдача испытаний по практике на 3-й и 2-й разряд ОРЮР. Разведчики также трудились на местных православных подворьях. Рождественский лагерь 1998 г. состоялся в деревне Прости (Татарстан). 30 апреля — день основания 1-го звена разведчиков в 1909 г., разведчики-давыдовцы отметили 70-километровым марш-походом по маршруту Нижнекамск — Набережные Челны — деревня Князево. Летом 1998 г. из отрядных мероприятий стоит безусловно отметить разведческий лагерь, организованный в июне с помощью местной епархии под г. Набережные Челны. В июле 1998 г. группа вожаков участвовала в походе сводного представительства РО ОРЮР в Крыму и в возложении цветов на Графской пристани 31 июля 1998 г.

Таврический район. Дрежина «Каламита» (г. Севастополь)

(начальник района и дружины — инструктор Сергей Ревин)

С 8 по 21 июля 1997 г. на территории восстанавливаемого Свято-Георгиевского монастыря на мысе Фиолент состоялся 2-й лагерь «Морской крест» дружины, в котором участвовало 42 новичка, разведчика, разведчицы и руководителя из Севастополя. Дружина, окормляясь в монастыре, постоянно оказывает ему необходимую трудовую помощь и работает на обустройстве монастыря. Вторую часть программы лагеря составляли разведческое творчество и спортивные состязания на побережье.

Рождественский лагерь «Вифлеемская звезда» проходил с 4 по 8 января 1998 г. на территории Севастополя, в котором участвовало около 40 членов дружин. Разведчики встречали Рождество Христово и тщательно изучали специальности.

30 апреля и День Св. Георгия Победоносца 23 апреля/6 мая севастопольские разведчики отметили Георгиевским походом 30 апреля — 3 мая по святым местам Свято-Георгиевского монастыря, в котором участвовало 18 человек.

1—10 июля 1998 г. команда спасателей 72-го сводного отряда флигель-адъютанта Его Императорского Величества капитана 1-го ранга А. И. Казарского участвовала во 2-м Всероссийском лагере школы безопасности в Туле, организованном МЧС РФ.

Завершил лето 1998 г. 3-й лагерь «Морской Крест», проводившийся с 3 по 13 августа 1998 г. Начальником лагеря являлся инс. Сергей Ревин, помощником — вит. Игорь Ветров. Лагерь протекал в крайне неблагоприятных климатических условиях, температура воздуха достигала +42°C. Тем не менее лагерь собрал 26 разведчиков, разведчиц, новичков и руководителей из 3 отрядов дружины. Первая половина дня посвящалась трудовым послушаниям на монастырском подворье, вторая — занятиям по программе команды спасателей на воде, сдаче соответствующих испытаний. В конце лагеря разведчики погрузились на восстановление Свято-Успенского скита в пос. Терновка под Севастополем.

В составе дружины с 5 октября 1997 г. формировался отряд разведчиц Святой Великомученицы Елизаветы Федоровны. Работу с младшей ветвью в дружине и с отрядом разведчиц ведет постоянно шин. Ирина Тялева. В 1997—1998 гг. младшая ветвь дружины — стая «Рыцари света» и отряд разведчиц участвовал во всех начинаниях дружины. Среди проведенных ими дел стоит отметить праздник перевода из стаи в отряд 5 октября 1997 г., осенний лагерь 1997 г. «Потомству пример», дружинную игру 16 ноября 1997 г. «Предания старины глубокой», лагерь стаи «Эскалибр — меч короля Артура» с 31 мая по 6 июня 1998 г. и др.⁵

Примечания

1 В общеорганизационном Уставе ОРЮР 1979 г. пар. 1.4 гласит о том, что идеология ОРЮР основывается на приверженности историческим ценностям российской культуры и государственности. В созданных условиях руководители РО ОРЮР считали необходимым уточнить, какие именно ценности понимаются в Российском отделе «историческими ценностями российской государственности», накопленными за ее 1000-летнее существование. Согласно решению совещания таковыми безусловно являются: соборность как основа общенационального согласия, личное и общественное служение, традиции русского православного

воинства, Белое дело и самодержавие как основа духовного и государственного уклада.

2 То есть стремящегося к объединению и унификации всех мировых вероисповеданий.

3 Так как XVI-й Совет ОРЮР утвердил разделение единой по Уставу Организации Российских Юных Разведчиков на зарубежную и отечественные части, каждая из них должна была иметь собственные органы управления. В России такие органы было предложено сформировать Организации Юных Разведчиков-Скаутов. Руководители РО ОРЮР отказались признавать эту новую организацию и настаивали на сохранении единства с за-

рубежными отделами.

- 4 Назначен начальником дружины приказом и. о. начальника РО ОРЮР № 9 от 19 июля 1997 г. Шин. Андрей Ниткин и сводный отряд Ген. шт. ген.-л. С. Л. Маркова переведены в состав 2-й Санкт-Пе-

тербургской дружины «Лицейский Сад» приказом по РО ОРЮР № 23 от 26 июня 1998 г.

- 5 Хроника деятельности составлена инс. К. Александровым на основании документов и материалов Архива и штаба отдела за 1997—1998 гг.

Сокращения

АСУ	— Ассоциация Скаутов Удмуртии	п. н. о.	— помощник начальника отряда
ВАО	— Восточно-Американский отдел	пос.	— поселок
вит.	— витязь	р.	— река
ВОСД	— Всемирная Организация Скаутского Движения	РИСО	— Российский Имперский Союз-Орден
ВОУ	— Верховные Органы Управления	рк./рц.	— разведчик/разведчица
г.	— город	рк./рц.3	— разведчик/разведчица 3 разряда
Ген. шт. ген.-л.	— Генерального штаба генерал-лейтенант	РОВС	— Русский Обще-Воинский Союз
Ген. шт. ген.-м.	— Генерального штаба генерал-майор	РО ОРЮР	— Российский отдел ОРЮР
ГСЧ ОРЮР	— Главный Суд Чести ОРЮР	с.	— село
инс.	— инструктор	Св.	— Святой/Святая
и. о.	— исполняющий обязанности	Св. Бл. Кн.	— Святой Благоверный Князь
КДВ	— Курсы для Вожаков	ст.	— станция
КДМ	— Комитет по делам молодежи	Ст. Скм.	— Старший Скаутмастер
МЧС	— Министерство по чрезвычайным ситуациям	Ст. рк./рц.	— Старший разведчик/разведчица
н. о.	— начальник отряда	Ст. рк.1,	— Старший разведчик первого/второго разряда
нов.	— новичок	Ст. рк.2	— Старшая разведчица третьего разряда
НТСНП	— Национально-Трудовой Союз Нового Поколения	Ст. рц.3	— Старшая разведчица третьего разряда
ОЮРС	— Организация Юных Разведчиков-Скаутов	Т.О.	— Торжественное Обещание
		ФСР	— Федерация Скаутов России
		шин.	— штаб-инструктор

В Калифорнию под Андреевским флагом

В период с 8 по 24 мая 1998 г. в Калифорнии (США) в рамках Дней России проведена международная морская экспедиция “Исследование русскими Калифорнии”. Инициаторами этой экспедиции выступили Высшее Военно-Морское инженерное училище (ВВМИУ, г. Пушкин) и Общество Морского наследия (ОМН, Калифорния, США), с которым училище имеет давние дружеские связи.

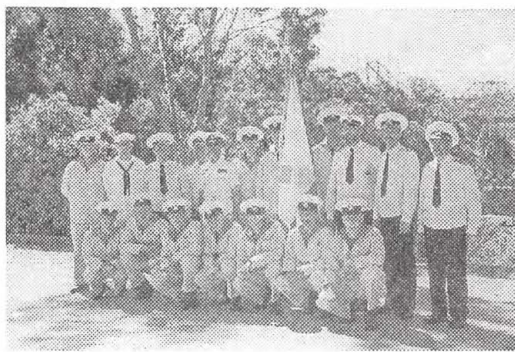
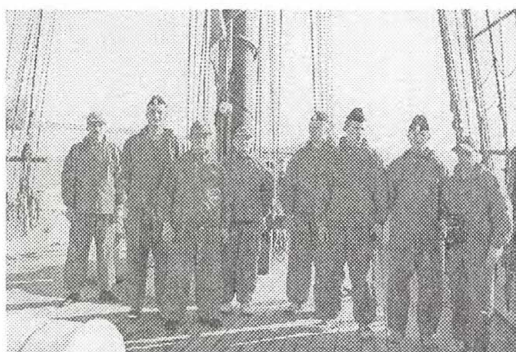
Экспедиция состояла из офицеров и курсантов ВВМИУ: командир, контр-адмирал Ю. М. Халиуллин, начальник штаба, капитан 1 ранга С. Н. Ирютин, офицер штаба, капитан 1 ранга А. С. Беспалов, офицер штаба, капитан 3 ранга В. П. Жуланов; 11 курсантов: И. А. Бабич, С. А. Беспалов, В. Г. Бугаев, А. С. Ирютин, В. В. Жуков, Д. Г. Кабанов, А. И. Клименко, К. В. Коненко, К. А. Лебедев, А. В. Степанов, В. А. Шевцов; а также президент Московского историко-просветительского общества “Русская Америка” В. Г. Колычев. Офицеры и курсанты ВВМИУ пронесли Андреевский флаг по территории штата Калифорния, повторив исторический путь освоения русскими этих земель.

Несмотря на сложные погодные условия: дождь, ветер, сильное течение до 4,5 узлов и сильную приливную волну из океана на завершающем этапе морской программы участники экспедиции проявили отличную подготовку, слаженность в действиях экипажей шлюпок, морскую выучку, пройдя около трехсот миль по заливу Сан-Франциско и по реке Сакраменто. Непосредственно на веслах и под парусом по маршруту Вальехо — Рио — Виста — Сакраменто — Рио — Виста — Вальехо пройдено 147 миль.

Офицеры и курсанты посетили форт Росс, который был самым южным русским поселением на западном побережье Америки. Это укрепление было построено в 1812 г. И. А. Кусковым по указанию Главного правителя Русской Америки А. А. Баранова. В нем развернута и постоянно действует музейная экспозиция, рассказывающая о жизни и быте русских колонистов. Этот музей-заповедник сохраняется стараниями членов общественной организации “Историческая ассоциация “Форт Росс». В форте Росс русским морякам был оказан радушный прием, в честь прибытия экспедиции был прозвонен холостой выстрел из старинной пушки.

Хотелось бы, чтобы Правительство России оказало музею форта Росс обещанную несколько лет назад поддержку для сохранения нашего национального исторического достояния.

В Сан-Франциско в “Доме Кадет” у членов экспедиции состоялась теплая встреча с нашими соотечественниками, детьми русских офицеров — эмигрантов первой волны. Все они выпускники кадетских корпусов, находившихся после Гражданской войны в Югославии и Франции. В своем музее они свято и бережно хранят бесценные военные

Из фотохроники экспедиции.

реликвии Русской Армии и Флота. И этот дом для них — частица Русской Земли, частица Отчизны.

Офицеры и курсанты ВВМИУ почтили память русских моряков из состава эскадры контр-адмирала А. А. Попова, покоящихся на кладбище острова Маре, где в прошлом находилась база ВМС США. На кладбище отец Виктор отслужил панихиду по русским матросам, погибшим во время пожара в 1863—1864 гг., когда русская эскадра находилась в Сан-Франциско. В подворье Русской Православной Церкви Московской Патриархии для участников экспедиции был организован теплый прием с настоящим русским обедом. Генеральное Консульство РФ так же устроило прием для офицеров и курсантов, других официальных лиц и представителей общественных организаций Сан-Франциско и городов Залива.

Береговая программа предусматривала посещение города Монтерей, расположенного южнее Сан-Франциско. Это бывший закрытый город, в котором находятся американская школа разведки (официальное наименование : Военный институт иностранных языков) и Военно-морская Академия. Офицеры и курсанты ознакомились с учебными и лабораторными базами, казарменными помещениями этих ВУЗов. В Монтерее была также организована встреча с ветеранами ВМС США, а в день отъезда 24 мая американская сторона устроила торжественные проводы.

Проведенная экспедиция напомнила нашей и американской общественности о вкладе русских поселенцев и военных моряков в освоение американского континента. Офицеры и курсанты ВВМИУ внесли достойный вклад в проводимые в Сан-Франциско Дни России и этим оживили страницы нашей с Вами истории. Об этом периоде русской истории очень хорошо сказал академик Н. Н. Болховитинов: "...Россия стала не только европейской и азиатской, но, в какой-то мере, американской державой. Появился и завоевал права гражданства термин "Русская Америка».

Участники экспедиции благодарны спонсорам, в первую очередь, ОАО "Аэрофлот" и Торговому Дому Потомков Поставщика Двора Его Императорского Величества П. А. Смирнова.

По результатам успешного проведения экспедиции американская сторона предложила команде училища участвовать в парусной регате со 2 по 22 июля 1999 г. и проводить шлюпочные походы в рамках международных морских экспедиций.

Офицер штаба Международной морской экспедиции "Исследование русскими Калифорнии", член Секретариата Международного Союза Славянских Журналистов, капитан 1 ранга запаса А. С. Беспалов

Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике

С 6 по 9 декабря 1999 г. кафедра истории нового времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета намерена провести Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике. Первые и вторые Чтения состоялись в апреле 1995 г. и в апреле 1997 г. В них приняли участие соответственно 56 и 118 докладчиков из 11 и 18 городов России. Это были представители вузов и научных учреждений, начиная от студентов и аспирантов и кончая деятелями науки, имена которых широко известны. Задачей первых Чтений было определить понятия «история нового времени» и «новистика», рассмотреть, как тогда представлялось, единую характеризующуюся ими дисциплину в хронологическом, географическом, содержательном аспектах, уяснить ее специфические черты, очертить круг проблем ее дальнейшего развития и преподавания, подвести итоги конкретно-исторических исследований в этой области¹.

Вторые Чтения были посвящены теме «Империи нового времени: типология и эволюция (XV—XX вв.)». Рассматривались континентальные, колониальные, неформальные империи, не был оставлен вне поля зрения и прогностический ракурс проблемы: империи в техногенной окружающей среде, всеобщей для социумов XXI в.²

В процессе подготовки к третьим Чтениям организационный комитет провел определенную методологическую работу с тем, чтобы уточнить, что следует понимать под «новистикой» и как она соотносится с «историей нового времени». Если прежде последняя рассматривалась как предмет изучения первой, то есть интересующие нас термины были фактически синонимами, то теперь в эти представления внесены существенные коррективы, меняющие специфику и задачи Чтений.

Конечно, новая история и новистика изучают один, нынешний и продолжающийся этап исторической эволюции человечества — новое время, но делают это по-разному. Новистика — область междисциплинарных исследований, предметом изучения которой являются процессы глобализации развития человечества как определяющей тенденции становления современного мира. В новое время господство объективно-научного знания, внедренного в производство, обусловило глобализацию развития — рост взаимовлияний и взаимозависимости отдельных частей мира, ставшего в итоге «общим домом» человечества. Соединение научной мысли с производством интенсифицировало антропогенное давление на окружающую среду, которая все больше теряет свой биосферный характер и в недалеком будущем станет тотально техногенной. Необратимый характер распространение объективно научного знания приобрело в XV-XVI вв., так что и изыскания в области новой истории, и новистические исследования должны вестись на хронологическом пространстве в шесть веков.

В центре внимания новистики, с одной стороны — исследование фактов и явлений прошлого, в наибольшей степени способствовавших процессу глобализации в ходе развития человечества, и с другой стороны — изучение в исторической ретроспективе фактов и явлений современной действительности, имеющих глобальный характер. В первом случае исследование обращено от прошлого к современности, во втором — от современности возвращается к прошлому. Таким образом, новое время изучается новистикой в двух встречных направлениях.

К основным принципам новистической методологии можно отнести глобальный и синхронный подходы к исследованию исторического процесса, изучение его с учетом антропогенного давления на окружающую среду, использование конкретно-научных методов разных отраслей знания.

Тема третьих Чтений носит уже непосредственно новистический характер: «Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы. XV—XXI вв.». Организаторы Чтений исходят из объективной очевидности, что современный мир представляет собой единое и нерасторжимое целое. Несомненно и другое: он стал таким не одномоментно, позади сложнейший процесс, приведший к нынешней исторической данности. Причем «общий дом» поднимается отнюдь не как обитель, где торжествуют справедливость, взаимопонимание и согласие. «Теплота» данного словосочетания — не более чем семантическая абберация. «Общность» обусловлена космогеографическими особенностями «дома-планеты» и судьбой человеческой цивилизации с ее весьма суровыми реалиями.

На Чтениях предполагается обсудить, какие процессы, явления, события, открытия, коллизии, случайности, личности способствовали развитию взаимозависимости отдельных частей мира в новое время, как на этой основе «строился» в последние шесть веков «общий дом» человечества в разных его качествах: экономическом, энергетическом, научном, коммуникативном, этническом, социальном, классовом, правовом, культурном, идеологическом, ментальном, этическом, эстетическом и других; какова динамика этого «строительства», его этапы. Данная проблематика будет рассматриваться на разных уровнях: глобальном, континентальном, региональном, конкретной страны или ее части. Особое значение придается дискуссии: «общий дом» и глобальные проблемы XXI в.

Предстоящие Чтения привлекли большой интерес. Ожидаются выступления специалистов в разных областях знания из почти трех десятков городов России, а также из Украины, Казахстана, Венгрии, Эстонии, Югославии и других стран. Планируются выступления более чем 150 участников. Отдельную группу составят доклады, посвященные теоретическим проблемам новистики. Ожидается, что на третьих Чтениях она будет конституирована как самостоятельная, оригинальная и перспективная область исследований, в которой станут плодотворно сотрудничать представители самых разных наук.

Интересы участников Чтений отличаются широтой и разнообразием, а избранные ими темы — актуальностью. Вот лишь некоторые примеры. Немало докладов будет посвящено явлениям глобального масштаба: О. С. Дейнека (СПб.) «Деньги и человек в период трансформации общего экономического пространства»; Ю. М. Сердюков (Петропавловск-Камчатский) «Духовная интеграция культур — путь к решению глобальных проблем современности»; С. А. Кизима (СПб.) «Глобализация пространства»; Р. С. Моисеев (Петропавловск-Камчатский) «Человечество в XXI веке: преодоление и преемственность проблем»; О. Б. Подвинцев (Пермь) «Империи, сообщества, национальные государства и регионы на пороге XXI в.»; В. В. Носков (СПб.) «Философия всемирной истории как явление нового времени»; Б. Б. Кросс (Псков) «Макрсизм и космополитизм».

Ряд авторов сосредоточат внимание на исторических процессах, протекавших в Западной Европе: О. В. Саламатова (Архангельск) «Государственные системы принудитель-

ного труда в странах Западной Европы в XV—XVIII вв.»; Т. Л. Лабутина (Москва) «Формирование европейской политической культуры в век Просвещения»; И. Я. Биск (Иваново) «Духовная атмосфера в западноевропейском «общем доме» в конце XIX — начале XX в.».

Естественно, участников Чтений волнует судьба России как части мирового сообщества: Е. Т. Протасевич (Томск) «Роль научно-технической революции в становлении и крушении системы социализма»; М. М. Фрянцев (Курск) «Крестьянский менталитет и Россия между прошлым и будущим»; Ю. В. Корчагин (Петропавловск-Камчатский) «Народы Севера России на пороге XXI в.»; Ю. В. Егоров (СПб.) «Постсоветская Россия и ее место на Евразийском континенте». Краткое содержание докладов будет опубликовано.

Примечания

- 1 Первые Петербургские Кареевские чтения по новистике. 17—21 апреля 1995 г. Краткое содержание докладов. СПб., 1996. 164 с.
- 2 Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. 22—25 апреля 1997 г. Империи нового времени: типология и эволюция (XV—XX вв.) Краткое содержание докладов. СПб., 1999. 440 с.

Б. Н. Комиссаров, Д. Н. Копелев

Раскопки в Кронверке Петропавловской крепости

На протяжении последних нескольких лет учеными Петербурга осуществляется программа «Археология Петербурга», одним из участников которой является Санкт-Петербургский филиал РНИИ культурного и природного наследия. В 1998 г. филиал продолжал свои работы. Одним из основных направлений стала организация исследований в Кронверке Петропавловской крепости: определение перспектив археологического исследования остатков первоначальных укреплений и характеристик культурных напластований на ограниченной ими площади. Предложенный план работ, поддержанный руководством Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, был согласован с Государственной инспекцией охраны памятников.

Раскоп в виде двух взаимно перпендикулярных траншей, ориентированных по сторонам света, был заложен в северо-восточной части укреплений, примыкая к современной, сравнительно недавно реконструированной насыпи. Все верхние напластования на глубину 0,5–1 м от современной дневной поверхности относятся к периоду после строительства здания Арсенала (1850–1860 гг.). Зафиксировано два уровня нивелировочных подсыпок, связанных с какими-то перепланировочными работами.

Остатки вала XVIII в. отчетливо прослеживаются лишь в самой северной части раскопа. Чтобы выяснить детали его конструкции и очертания укреплений необходимо вскрыть более широкую площадь. Однако уже сейчас можно констатировать заметное несовпадение линии начальных укреплений и контуров вала и рва, существующих ныне. Это наблюдение подтвердилось в разведочном шурфе, находившемся к западу от раскопа. В нем открыт внутренний склон рва, отстоящий от края рва между Кронверком и Александровским садом более чем на 10 м.

Строительство укреплений предваряла нивелировочная подсыпка из светлого песка мощностью до 0,2–0,3 м. Она «запечатала» объекты, относящиеся ко времени до начала возведения валов (до

1706 г.?). Тонкая прослойка бурого тлена на поверхности погребенной почвы является остатками засыпанной травы. В южной части раскопа была открыта полуземлянка, прорезавшая древнюю почву. Вскрыта часть подпрямоугольного котлована с отвесными стенками и ровным полом. Ширина котлована 2 м, длина — не менее 3 м, глубина от уровня древней дневной поверхности около 0,3 м. Полуземлянка была вытянута по линии СВ-ЮЗ. К юго-западной стороне котлована примыкал очаг, обложенный битыми кирпичами грубой ручной формовки. Он был округлой формы, диаметром около 0,6 м. В его заполнении находились зола, мелкие угольки и мелкие пережженные кости, предположительно птицы. Жилье носило явно временный характер. Стенки котлована не успели оплечь, на полу почти нет следов утоптанности, в заполнении встречены только единичные фрагменты керамики. Прослужив непродолжительное время, котлован жилища был засыпан тем же грунтом, что был из него вынут. Полузасыпанные его остатки перекрыла нивелировочная подсыпка, упомянутая выше.

Учитывая вышесказанное, осмелюсь предложить следующую интерпретацию данного объекта, опирающуюся на ряд соображений. Жилье носило недолговременный характер, имело стены и кровлю облегченной конструкции (палатка или шалаш?), явно было рассчитано на 1—2 человек, в нем не обнаружено бытовых остатков. В то же время оно было достаточно аккуратно сделано и так же аккуратно «демонтировано». Стратиграфическая дата постройки, учитывая исторический контекст, 1703—1705/1706 гг. Весьма вероятно, что перед нами одно из жилищ воинских лагерей, окружавших строящуюся Петропавловскую крепость, причем жилище офицерское. Выявленные на материке следы распахки предшествующего времени свидетельствуют, что лагерь располагался не в лесу, а в хорошо освоенной местности, что подтверждено письменными источниками и картографическими материалами.

Раскопки Кронверка более широкой площадью дадут уникальную возможность исследовать армейский стан начала XVIII в., времен Северной войны и закладки Петербурга.

С. Л. Кузьмин

Конференция по военной археологии

В начале сентября 1998 года в Санкт-Петербурге прошла международная конференция по военной археологии: «Военная археология: оружие и военное дело в исторической перспективе». Конференция была организована Государственным Эрмитажем и Институтом Истории Материальной Культуры РАН при финансовой поддержке фонда Сороса (Институт «Открытое общество»). В конференции приняло участие более 50 ученых из 11 стран мира (Россия, Белоруссия, Англия, Германия, Израиль, Польша, США, Узбекистан, Франция, Швеция, ЮАР).

Материалы конференции (около 100 докладов) были изданы отдельной книгой (книга может быть приобретена в Дирекции Государственного Эрмитажа). К сожалению, экономический кризис привел к тому, что не все специалисты из стран бывшего СССР, приславшие свои доклады, лично присутствовали на конференции. В результате, Россия была представлена почти исключительно петербургскими исследователями, поскольку большинство ученых из провинции (за исключением одного новгородца и двух москвичей) не смогли приехать в Санкт-Петербург. Несмотря на это, конференция оказалась весьма представительной и может по праву считаться одним из крупнейших оружейведческих конгрессов, когда-либо проводившихся в России.

В отличие от других мероприятий подобного рода, петербургская конференция собрала вместе не только оружейведов в узком смысле этого слова, но и представителей иных специальностей, в той или иной мере связанных с военными сюжетами в своих исследованиях: лингвистов, искусствоведов, востоковедов, этнографов. Ученые столь различных специализаций редко встречаются вместе, так что этот форум предоставил уникальную возможность для обмена научной информацией на различных уровнях. Кроме того, западные специалисты, как правило, имеют весьма ограниченный доступ к российским материалам, так что возможность общения с российскими учеными и посещение оружейных хранилищ Эрмитажа и Артиллерийского музея вызвало особый интерес зарубежных коллег.

Конференция ставила перед собой и более сложную, методологическую, задачу — определение основных принципов и задач военной археологии как самостоятельной исторической дисциплины. Безусловно, это не простая проблема, и она не может быть решена на одной встрече, однако первый шаг на этом пути сделан.

Планируется, что это начинание будет продолжено в будущем и подобные конференции по военной археологии будут проводиться каждые два года. В настоящее время идет обсуждение места проведения следующей конференции, которая планируется на 2000 год.

Российскому государственному архиву военно-морского флота (РГА ВМФ) — 275 лет

Создан по указу Петра I 17(28) января 1724 г. как Архив Адмиралтейств-коллегии. Является научным учреждением федерального подчинения. В РГА ВМФ сосредоточен комплекс документов по истории Российского военно-морского флота с конца XVII в. до 1940 г. включительно. В фондах архива, а их 2909, хранится 1200000 дел. Основная часть их — подлинники, из них более 25% — уникальные и особо ценные документы, являющиеся памятниками истории и культуры России.

Основу собрания архива составили фонды учреждений и организаций флота. Это документы о создании и деятельности флота, развитии военно-морского искусства, науки и техники, исследовании Мирового океана и географических открытиях. В архиве хранятся документы Петра I и его сподвижников — А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, К. Крюйса, флотоводцев Ф. Ф. Ушакова, В. Я. Чичагова, П. С. Нахимова, С. О. Макарова, Н. Г. Кузнецова, И. С. Юмашева, И. С. Исакова. Имеются документы мореплавателей, исследователей и ученых В. И. Беринга, И. Ф. Крузенштерна, Ф. Ф. Беллинсгаузена, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангеля, М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева, А. С. Попова, материалы, связанные с деятельностью известных писателей, художников, архитекторов.

РГА ВМФ также хранит документы по истории Санкт-Петербурга, отечественной и зарубежной истории. Уникальны коллекции картографических материалов, вахтенных журналов, судостроительных чертежей, послужных списков офицеров флота.

Основными направлениями работы являются обеспечение сохранности документов, создание научно-справочного аппарата, информационное использование. Архив выполняет тематические, социально-правовые, генеалогические и биографические запросы, оказывает платные услуги по поиску информации и ксерокопированию документов, участвует в научных конференциях и выставках. В РГА ВМФ имеются каталоги, научно-справочная библиотека, справочники о составе и содержании документов, хранящихся в архиве.

Коллектив архива обладает высоким профессионализмом. РГА ВМФ является общероссийским научно-методическим центром по работе с военно-морской документацией.

Документы доступны как для российских, так и для иностранных исследователей в читальном зале архива. Для работы в нем достаточно отношения организации или личного заявления исследователя.

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 36. Тел. 315-90-54, факс 312-11-37.

«Мы ссоримся о власти, а не о любви»

Размышления об издании: Екатерина II и Г. А. Потемкин.

Личная переписка 1769—1791

(Подготовил В. С. Лопатин. М., Наука, 1997. — 991 с.)

Наконец-то осуществлено самое полное издание переписки двух выдающихся государственных деятелей России — Екатерины Великой и Г. А. Потемкина. Почти треть переписки публикуется впервые. При этом еще недостает около 40 писем. Не исключено, что они сохранились и когда-нибудь будут найдены. Ведь наши архивы способны преподнести дотошным исследователям большие сюрпризы.

Составителем фундаментального издания является В. С. Лопатин, известный исследователь Екатерининской эпохи. Именно ему мы обязаны введением в научный оборот новых, ранее не публиковавшихся писем, из которых 250 принадлежат Г. А. Потемкину и около 70 — Екатерине II. Авторский комментарий, тщательно подготовленный и информативно насыщенный, стал по существу самостоятельным научным исследованием. А статью-послесловие отличает оригинальность, новизна в подходах и оценках.

Личная переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина, безусловно, является выдающимся историко-культурным памятником второй половины XVIII в. И ее публикация сейчас, когда мы испытываем такой дефицит в политических идеях и лидерах, способных вывести Россию на новый исторический виток, очень своевременна. Мы становимся очевидцами уникального политического дуэта в мировой истории. Как верно отмечает В. С. Лопатин, «их письма — настоящий роман, роман, не выдуманный писателем, пусть даже гениальным, а подлинный и потому вдвойне интересный, прекрасный и трагичный, как сама жизнь» (С. 494).

Но прежде всего это любовный роман. И главное его действующее лицо, всемогущая императрица, предстает нежной и преданной женщиной мучительно ищущей слова, способные выразить ее всепоглощающую страсть к «миленькому Гришеньке». «Я его не люблю, а есть нечто чрезвычайное, для чего слов еще не сыскано, — писала Екатерина II — Алфавит короток и литер мало».

В своей «чистосердечной исповеди» возлюбленному Екатерина II замечает: «Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви... И если хочешь на век меня

к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду».

Любит Екатерина II своего «голубчика» со всеми его недостатками. А вернее, она их не замечает. Трепетно ждет встречи с ним «гауром, московом, казаком, сердитым, милым, прекрасным, умным, храбрым, смелым, предприимчивым, веселым». Сколько эпитетов находит она для «милого друга!» Не забывает и о наставлениях: «Великие дела может исправлять человек, дух которого никакое дело потревожить не может, — писала Екатерина II Потемкину. — Меньше говори, будучи пьян. Нимало не сердись, когда кушаешь. Спечи дело, кое спеет трудно. Принимай великодушно, что дурак сделал».

Екатерина II и Потемкин «потеряли здравый смысл» и любили друг друга «пресильно, сердцем, умом душою и телом». Эта «чрезвычайная» любовь стала болезнью, от которой Екатерина II «нашла» лекарство и рецепт его послала «Гришифишеньке». «Нужны, сударь,... много холодной воды, несколько кровопусканий, лимонный сок, чуть-чуть вина, есть мало, много дышать свежим воздухом и так много двигаться, чтобы приходиться домой без задних ног», — писала она не без иронии. Порой кажется, что государственные дела и даже полыхавшая в стране гражданская война, развязанная яицкими казаками и их руководителем Е. И. Пугачевым была фоном этой любви. (Ведь начало любовного романа приходится на 1773—1774 гг.)

Для современного читателя подобный роман должен закончиться брачными узами. Именно к такому выводу и пришел В. С. Лопатин в статье-послесловии. Он подсчитал, что «по меньшей мере в 28 письмах — записочках Екатерина называет Потемкина «мужем» и «супругом» (30 раз), а себя именует «женой» (4 раза). Иногда эти сокровенные слова она прописывает полностью, иногда обозначает их начальными буквами» (С. 513). Названа и дата тайного венчания Екатерины II со своим избранником — 8 июля 1774 г. в храме Св. Сампсония на Выборгской стороне в Петербурге. В статье многократно упоминается о супругах, законном муже, не забыта и свекровь. Тем самым В. С. Лопатин невольно смещает акценты и упрощает ситуацию. Заманчиво видеть императрицу Екатерину Великую послушной и верной женой Потемкина, но вряд ли это отражало реальную ситуацию. Прежде всего Екатерине II нужно было четко определить статус своего «милого сударика». Поэтому Потемкин в переписке становится «бесценным мужем», «нежным мужем», «мужем любезным» и т. д. Это могла быть и тонкая игра умной женщины...

Прочность их союза состояла в другом. Екатерина и Потемкин были единомышленниками, связанными общей целью: величие и благо России. Ни придворные интриги, ни череда фаворитов не могли разрушить этот политический дуэт. В переписке с конца 70-х гг. XVIII в. страстные, любовные интонации уходят. Их место занимают заботы о государстве. Екатерина II восклицает: «Мы ссоримся о власти, а не о любви».

Будучи главой Военной коллегии, Г. А. Потемкин добивался окончательного разрешения крымского вопроса. И после того как в 1783 г. императрица подписала Манифест о присоединении Крыма к России, он с восторгом писал Екатерине II: «Какой Государь составил толь блестящую эпоху, как Вы. Не один тут блеск. Польза еще большая. Земли, на которые Александр и Помпей, так сказать, лишь поглядели, те вы привязали к скипетру российскому... Тут есть что-то мистическое... Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской. Взойди на трофей, не обагранный кровью, и прикажи историкам заготовить больше чернил и бумаги».

Тонкостям европейской политики XVIII в. посвящена значительная часть переписки. Но лучше всего об отношении Екатерины Великой к противопоставлению России и Запада свидетельствует ее реплика: «На зависть Европы я весьма спокойно смотрю; пусть балагурят, а мы дело делаем».

Переписка воссоздает весь драматизм событий русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Главнокомандующий Г. А. Потемкин переживал первые неудачи русской армии и был потрясен известием о гибели флота (его любимого детища). Он находился в растерянности и в письме Екатерине II 24 сентября 1787 г. писал: «Я стал несчастлив... Все идет наыворот. Флот севастопольский разбит бурей... Корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки. Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому... Ей, я почти мертв... Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком. Но что я был Вам предан, тому свидетель Бог.» Ответ императрицы был тверд и непреклонен: «Мой дорогой друг, вы отнюдь не маленькое частное лицо, которое живет и делает, что хочет. Вы принадлежите государству, вы принадлежите мне ... Защита и слава империи вверены вашим попечениям».

И «любезный друг» исполнил волю «матушки Государыни». Русские войска одержали блестящие победы над турками при Фокшанах и Рымнике, взяли считавшиеся неприступными крепости Хотин, Очаков, Измаил, Аккерман... Здесь проявился полководческий талант А. В. Суворова, П. А. Румянцева, Ф. Ф. Ушакова и, конечно, Г. А. Потемкина. Нельзя не согласиться с выводом В. С. Лопатина: письма 1787—1791 гг. развенчивают миф о несостоятельности Потемкина, как полководца и вторая турецкая война должна быть названа «потемкинскою».

Уже будучи тяжело больным, Г. А. Потемкин продолжал руководить в Яссах мирными переговорами с Турцией. Его последнее письмо Екатерине II датируется 4 октября 1791 г. «Нет сил более переносить мои мучения, — писал он, — Одно спасение остается оставить сей город, и я велел себя везти в Николаев. Не знаю что будет со мною...»

Известие о кончине Потемкина повергло Екатерину II в глубокую скорбь. Статс-секретарь императрицы А. В. Храповицкий 16 октября записал в дневнике: «Продолжение слез; мне сказано: «Как можно мне Потемкина заменить: он был настоящий .. дворянин, умный человек, его нельзя было купить. Все будет не то...» Какими же неблагодарными должны быть потомки, создавшие вместе с мифом о «потемкинских деревнях» чудовищную версию об отравлении Потемкина по приказу Екатерины II. Именно эту версию растиражировал В. Пикуль в романе «Фаворит». Но правда восторжествовала.

Личная переписка двух выдающихся деятелей второй половины XVIII в. свидетельствует об их хорошем знании русской жизни в ее многогранных проявлениях и непредсказуемости. От них не ускользали и бытовые мелочи, смешные ситуации. Они были их очевидцами и рассказывали друг другу. Так в записке возлюбленному в 1774 г. Екатерина II поведала об одной забавной истории из жизни простых людей. «Пьяный мужик с сыном да баба, кои теперь взяты гусаром и отведены, чаю, в караулы, хотя дрались с извозчиком, но тут никто не виноват, — писала она. — Мужик вывалился и, встав, сел опять, и баба стала его держать. Но при первой луже оба, потеряв баланс, упали. Встав, зачли бить извозчика, который обороняясь, дрался. И извозчика вступившиеся за ездовых ударили его раза три».

Чтобы идти вперед, надо активно осваивать новые материалы и поэтому публикация памятника очень своевременна. Данная переписка вновь убеждает в правоте слов Вольтера: «Счастливец будет тот историк, который через сто лет даст историю Екатерины II». И время для таких «счастливцев» уже настало.

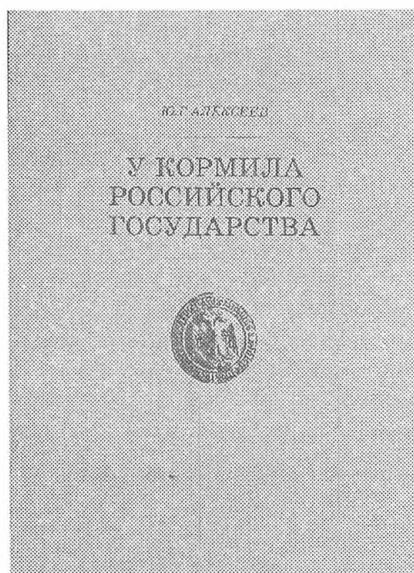
Рецензия на книгу Ю. Г. Алексеева

**«У кормила Российского государства.
Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв.»
(Издательство Санкт-Петербургского университета.
1998. 347 с.)**

Увидела свет новая книга Ю. Г. Алексеева. Непривычно, в новом ракурсе освещает исследователь процесс становления единого Русского государства, зарождения и развития аппарата управления в XIV—XV вв.

В центре внимания автора — проблема генезиса великокняжеской «канцелярии» и служивших в ней дьяков — социальной категории, изученной довольно слабо: если в дореволюционное время были предприняты попытки нарисовать общую картину формирования приказной системы и уяснить роль секретарей-делопроизводителей в обществе и в отдельных ведомствах, то в XX в. разработки свелись главным образом к систематизации биографических данных канцелярских людей и написанию работ о наиболее видных деятелях из их среды (о Федоре Курицыне, Иване Михайлове Висковатом). Отсутствие специальных исследований, посвященных аппарату управления и занятым в нем служивым людям, создало почву для появления слабо аргументированных фактическим материалом, основанных лишь на логических умозаключениях, концепций. С одной стороны, о дьяках рассуждали как об исключительно «бумажных людях»: взяточниках, крючкотворах и карьеристах. С другой стороны, в новейшей научной литературе получила распространение мысль о присущем Руси широко разветвленному бюрократическому аппарату, жестко контролировавшем подданных в деспотическом по форме государстве.

Пытаясь понять механизм становления аппарата управления, его структуру, функции, степень влияния на жизнедеятельность общества, автор монографии пошел по иному пути, тернистому, но, очевидно, ближе подводящему к истине. Ю. Г. Алексеев обратился к изучению обширной базы весьма разобренных и неоднозначных источников. По крупицам собранный материал тщательно систематизирован и подвергнут скрупулезному анализу. Насыщенность исследования фактологическим материалом чрезвычайно высока. Кажется, не упущено ни одно имя, ни одна «фамилия», ни одно прозвище исторических деятелей, занятых на военных, административных, «канцелярских» постах, восстановлены их родственные связи, очерчены этапы продвижения по службе, предло-

жены объяснения коренным изменениям, происходившим в карьере этих лиц: взлетам, опалам, перемещениям на другую должность.

Исследователю удалось выявить имена некоторых неучтенных С. Б. Веселовским и А. А. Зиминим дьяков и подъячих. Список дьяков дополнен сведениями об Аргунове, Леонтии Афанасьеве сыне Болотникове, Иване Вольтце, Алексее Климентьеве, Синце, Леонтии Ярославове и др., а также тридцати восьми подъячих. Читатель получил возможность познакомиться с подробными жизнеописаниями наиболее видных приказных людей времени правления Василия II Васильевича и Ивана III Васильевича. На страницах книги оживают таинственный изменник Василию II, слуга удельных князей Иван Владимиров Кулудар Ирежский и, напротив, перешедший на московскую службу и сделавший на ней блестящую карьеру Федор Дубенской, авторитетный Степан Бородатый и разными способами добившиеся высокого статуса Василий Беда и Андрей Ярлык, «служилый интеллигент, с широким кругом интересов и познаниями в разных областях, со склонностью к искусству» Василий Мамырев и «специалист по посольским делам» Андрей Федорович Майко, выдающиеся, пользовавшиеся полным доверием великого князя Ивана III Васильевича, внесшие значительный вклад в строительство единого государства Василий и его сын Василий Третьяк Долматовы, Федор и Иван Волк Курицыны, Василий Кулешин, Василий Жук, Данило Кипреянов сын Мамырев, Олешка (Александр) Безобразов, Иван Кобяк, Никита Губа и Тимофей Семеновы дети Моклоковы, Болдырь Паюсов.

В биографии других героев внесены существенные коррективы. Так, вместо одного известного дьяка Василия Третьяка Васильева сына Долматова, по мнению Ю. Г. Алексева, государеву службу несли два Долматовых: отец, проявивший себя в 70—90-е гг. XV в., и сын, впервые упомянутый в источниках под 1493 г., приближенный Василия III. Под новым углом зрения ученый рассмотрел деятельность Федора Васильевича Курицына. Обычно исследователи акцентировали внимание на причастности дьяка к московскому кружку еретиков, Ю. Г. Алексеев дал развернутую характеристику его «служб» на благо строительства Русского государства. «Важнейшая черта биографии Курицына, — убежден автор монографии, — полное доверие к нему со стороны великого князя, доверие, которое не могли поколебать ни наветы недоброжелателей, ни интриги придворных “партий”».

Обширная фактологическая база позволила историку не только нарисовать яркую картину становления «канцелярии» великого князя, но и прийти к нетрадиционным выводам. Схема эволюции аппарата управления в XIV—XV вв. обозначена Ю. Г. Алексеевым следующим образом: из небольшого, сформированного окружением Ивана Калиты, в большей степени владельца, чем правителя Московской земли, органа, который функционировал по обычаю, в соответствии с устными княжескими распоряжениями — через быстро и широко развернувшееся при Семене и Иване Калитовичах, но особенно при Дмитрие Донском и Василии I Дмитриевиче боярское управление, нацеленное на усиление великокняжеской власти уже как носительницы государственного начала — к созданию «канцелярии» государя как административного центра единого Русского государства, ее развитию и переходу на новый качественный уровень, знаменующий генезис приказной системы. Каждое звено этой схемы тщательно проработано; логичные, обоснованные выводы даже если и не всегда представляются бесспорными, то, во всяком случае, приводят в движение исследовательскую мысль.

Чрезвычайно важный вопрос, на который прежде всего должен бы ответить ученый, — о форме правления в Московской земле при Иване Даниловиче Калите. От его решения во многом зависел ход дальнейших рассуждений. Хорошо осознававший это исследователь очень осторожен в замечаниях и выводах. Со ссылкой на А. Е. Преснякова он указал, что один из важнейших документов эпохи, духовная грамота Ивана Калиты, соче-

тала «черты публичного и частнопроводного акта», однако все же склонился к мысли о том, что «семейно-патриархальный смысл духовной просматривается ярче, чем государственной». Идея о преобладании частнопроводного начала над государственной в первой половине XIV в. не нова: она восходит ко взглядам А. Б. Лакиера, развитым историками государственного направления (С. М. Соловьевым, Б. Н. Чичериным, К. Д. Кавелиным, Ф. И. Леонтовичем, С. Ф. Платоновым, А. Н. Филипповым и др.) и возрожденным Л. В. Черепнинным и его последователями. Не отказался от нее и Ю. Г. Алексеев. При том историк высказал чрезвычайно ценное замечание, согласно которому неразвитость делопроизводства свидетельствует об управлении, «основанном на устных распоряжениях» князя, о сосредоточении в его руках всех организующих жизнедеятельность общества функций. Это наблюдение, интерпретированное в русле новейшего историографического направления (И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко и их сторонники), могло бы, на наш взгляд, открыть более широкую перспективу для выработки новых подходов к изучению истории Русского Средневековья XIV—XV вв., и в частности — аппарата управления формировавшегося единого государства. Сосредоточение всех функций управления в руках князя, как нам представляется, свидетельствует не о том, что его власть носила «семейно-патриархальный» характер, а, напротив, о том, что он, как и в домонгольский период, выступал носителем публичного начала в городской общине, волости. Отчитывавшийся перед народом исполнитель вечевых решений князь все возлагавшиеся на него «службы» организовывал сам, а если и давал поручения отдельным проверенным людям, то для этого не было необходимости в составлении документации. Развитие делопроизводства, обусловленное изменениями во взаимоотношениях Калитовичей с боярами, могло быть следствием разрушения городских волостей, аграризации общества. Предложенная гипотеза ни в коей мере не претендует на достоверное решение вопроса, она лишь плод размышлений, навеянных чтением книги Ю. Г. Алексеева.

Автор рецензии полностью разделяет мнение Ю. Г. Алексеева о «прогрессирующем росте политического значения боярства» в княжение Семена Гордого, Ивана Ивановича Красного, и особенно — Дмитрия Ивановича Донского и Василия I Дмитриевича, однако действительно ли бояре того времени были «реальной опорой» и «основным проводником» великокняжеской власти? Калитовичи, действительно, нуждались «в воеводах, наместниках и посланцах», в «ближайших помощниках — думцах», поскольку «управление быстро растущим великим княжеством, руководство все более осложняющимся комплексом дел Русской земли было уже не под силу одному человеку, какими бы блестящими способностями он не обладал», но были ли заинтересованы бояре в усилении власти великих князей? Их служба в XIV в. обеспечивалась вотчинами и кормлениями. Рост вотчинного землевладения осуществлялся за счет дворцового фонда, что едва ли приветствовалось Рюриковичами, и за счет общинных территорий, что также не должно было устраивать Калитовичей: сохранение общины, черной волости было необходимо для выплаты регулярных и в полном объеме осуществлявшихся «выходов» в Орду. Более того, даже после ликвидации монголо-татарского ига, как было установлено самим Ю. Г. Алексеевым, правительство Ивана III в фискальных целях пыталось сохранить черную волость, предотвратить переход ее земель в руки частных владельцев. С другой стороны, быстро прибывавшее в Москву боярство требовало кормлений, и едва ли великий князь мог удовлетворить всех претендентов. (Кстати, не этими ли осложнениями было вызвано сокращение длительного в домонгольские времена срока службы кормленщиков до года — двух лет?) Указанные противоречия неминуемо должны были привести к конфликту боярства с великокняжеской властью, и последняя это четко осознавала. Автор монографии подметил два интересных факта, свидетельствующих о попытках великого князя предотвратить рост влияния боярства: во-первых, это ликвидация должности московского ты-

сяцкого — акт, укрепивший позиции Дмитрия Ивановича, во-вторых, ограничение принципа экстерриториальности службы бояр в докончании с Владимиром Андреевичем Серпуховским, 1389 г., — но, не сомневаясь в общепризнанном тезисе о боярах как соратниках великого князя, не придавал им особого значения. Более того, убедительно доказав, что период княжения Василия I Дмитриевича был по существу временем «боярского управления», историк и здесь не усомнился в укоренившихся взглядах.

Вместе с тем вся аргументация Ю. Г. Алексеева, на наш взгляд, подтверждает высказанное еще Н. М. Карамзиным мнение об извилистом, изобилующем отступлениями и возвращениями вспять пути становления монархической власти, которая, как замечал «историограф», усиливалась в борьбе с двумя общественными силами: народом, отстаивавшем демократические, вечевые порядки, и боярством, стремившемся к установлению олигархической формы правления. В нашем представлении, бояре действительно являлись ближайшими помощниками Дмитрия Донского, но лишь в начале его правления, когда юный князь был не способен принимать самостоятельные решения. Возмужав, он с горечью понял, что окружавшие его думцы уже «не нарекошесь у меня бояре, но князи земли моей», и попытался ограничить их влияние. Эта политика, видимо, не достигла того успеха, на который рассчитывал герой Куликовской битвы: при его приемнике — сыне наступил «расцвет боярского управления». Коренная ломка в сложившейся системе взаимоотношений князя с боярами произошла в период смуты второй четверти XV в. Это четко сформулировано автором монографии: «Бурная эпоха Василия Васильевича ознаменовалась ростом роли великокняжеской канцелярии и ее главного деятеля — дьяка в политической и административной практике. В оформлении великокняжеских актов дьяк вытесняет боярина, приобретая значение непосредственного и ответственного секретаря великого князя... Постепенное превращение дьяка из полусвободного министра в ближайшего к князю технического помощника, процесс, впервые обозначившийся при Василии Темном, — показатель большой социальной эволюции в верхах русского общества и в то же время свидетельство серьезных изменений в технике управления великим княжеством накануне превращения его в Русское государство».

Исследование Ю. Г. Алексеева выполнено на основе новой методики прочтения исторических документов. Изучая летописные тексты, ученый обращал внимание на изменение их стиля, особенностей оформления. По его наблюдениям, увеличение с 60—70-х гг. XV в. «записей документального характера», четко датированных и содержащих «имена и краткое изложение событий без эмоций и окрасок», которые пришли на смену пространным рассказам «нарративно-публицистического характера» и «лапидарным фактологическим известиям», было обусловлено «развитием первичной текущей деловой документации» в разросшейся великокняжеской «канцелярии» и ростом профессионализма занятых в ней секретарей. Новый подход к изучению летописей открывает перспективу для использования их как источника при дальнейшей, углубленной разработке проблемы генезиса приказной системы в целом и отдельных ведомств.

Другой вид источников, подвергнутых тщательному анализу, — это актовый материал. Результатом кропотливой работы по систематизации актов, сличению их формуляров и отдельных клаузул, должностей и имен составлявших, подписывавших и заверявших документы лиц, а также свидетелей и душеприказчиков, стал вывод о генезисе актовой документации в конце XIV в., появлении великокняжеской «канцелярии» в начале XV в и о постепенном переходе в середине — второй половине того же столетия делопроизводства из рук боярства к дьячеству. Автору удалось также охарактеризовать принципы хранения документации в Казне. «На первых порах, — пишет Ю. Г. Алексеев, — функции государственного архива ограничивались хранением документов собственно государственного характера — прежде всего дипломатических актов, а также материалов

фискально-административного значения. Только с 80-х годов начинаются попытки концентрации в великокняжеском архиве подлинных земельных актов», но при Иване эта реформа не была доведена до конца.

Изучение значительного количества правых грамот и судных списков позволило исследователю впервые в историографии достаточно аргументированно реконструировать систему судебных органов в конце XV в. Проблема судоустройства и судопроизводства в средневековой Руси давно привлекает внимание ученого. Выводы об ограниченном сочетании в судоустройстве последней четверти XV в. традиционных черт (не только сохранение местных судов с участием судных мужей и знахарей-старожильцев, но и превращение их в норму государственного права) с новациями (появление боярского доклада, перерастание его в боярский суд Судебника, усиление в судопроизводстве позиций дьяков) закономерно вытекают из результатов работ прежних лет.

Пристального внимания заслуживает один из разделов второй главы монографии, посвященный писцам времени княжения Ивана III и их деятельности. Продолжая вслед за С. Б. Веселовским, С. М. Каштановым и Е. И. Колычевой изучение вопроса о финансово-учетной отрасли управления в формировавшемся Московском государстве, Ю. Г. Алексеев показал, как зарождалось и эволюционировало в XV в. великокняжеское сошное письмо, выявил его отличия от земельных описаний XIV в. Историк убежден, что описание земель на рубеже XV—XVI вв. «является частью и вместе с тем условием обширных реформ, положивших начало новому этапу истории России».

Книга Ю. Г. Алексеева, наиболее полное в отечественной историографии исследование о становлении великокняжеской «канцелярии» и занятых в ней людях, разных по происхождению, социальному статусу, обладавших неодинаковыми талантами и способностями, но в большинстве своем честно и добросовестно служивших на благо Отчизне, должна, по убеждению рецензента, вызвать читательский интерес не только в научных кругах, но и у всех, интересующихся историей России.

И. Б. Михайлова

Полезное пособие для занятий по военной истории

Рецензия на учебное пособие «Термины и понятия военной истории Руси, России IX — начала XX века»
(Составитель — А. В. Казаков. Научный редактор А. А. Михайлов)

Учебное пособие «Термины и понятия военной истории Руси, России IX — начала XX века» (составитель — А. В. Казаков. Научный редактор А. А. Михайлов) расчитано прежде всего на курсантов и слушателей военных учебных заведений. В нем раскрыты понятия, появившиеся в давние времена и употребляемые до сих пор (например, полк), и термины, давно ставшие достоянием истории (опричнина, опричное войско, опричник). В ряде случаев указано, что в разное время тот или иной термин служил для обозначения различных понятий. Так, термин «полк» появился на Руси еще до XIV в. В древней Руси словом полк называли вообще войско. Со временем под полком стали понимать основную боевую единицу (воинскую часть). Некоторые термины в древней Руси были заимствованы из тюркских языков (орда). Многие термины попали в русскую армию и флот из западно-европейских языков: латинского, французского, немецкого, английского.

Рецензируемая книга представляет собой первый опыт создания учебного пособия, которое помимо военных учебных заведений может быть полезно для студентов и преподавателей гражданских учебных заведений, для учеников и учителей средних школ. Составитель и редактор проделали большую работу, и в целом издание заслуживает положительной оценки. Можно отметить лишь отдельные неточности. Например, эполеты, наплечные знаки различия, как элемент парадной военной формы, существовали в русской армии до отмены всех ее атрибутов (чинов, званий, наград, знаков различия) после Октябрьской революции в 1917 г., а в пособии сказано, что эполеты были знаками различия до 1914 г. Согласно «Табели о рангах» военнослужащие имели «чины», а не «звания». В рецензируемом пособии, наряду с правильно употребляемым термином «чин» (например, секунд-майор), иногда вместо слова «чин» используется слово «звание» (например, штабс-капитан, штабс-ротмистр). В одних случаях указано происхождение термина, из какого иностранного языка он заимствован (например, лейтенант), но во многих случаях этого нет (например, капонир, обсервация и др.).

Хотелось бы пожелать составителю А. В. Казакову продолжить начатую им работу и в случае составления новых пособий учесть некоторые замечания. Наверное, было бы полезно не только указывать, из какого иностранного языка заимствовано слово, но также приводить его первоначальное значение. Так, современный читатель не всегда знает первоначальное значение заимствованного из латинского языка слова «офицер». Это понятие появилось в XVI в. и тогда применялось к любому лицу, находившемуся на государственной службе и при этом занимавшему определенную должность (по-латински *officium*; по-французски *office*). Современное значение слово офицер приобрело лишь в конце XVI в. во Франции, а оттуда перешло в армии других стран, в том числе и в Россию.

Во многих армиях, в том числе и в дореволюционной России, офицерский чин указывал и на сословную принадлежность. Поэтому после революции 1917 г. с уничтожением сословий в Красной Армии не было понятия офицер. Оно употреблялось применительно к тем, кто служил офицером в царской (старой русской) или Белой армии. Понятие «офицерский состав» в Советской армии было введено во время Отечественной войны в 1943 г. Такого рода дополнения и уточнения, как мы полагаем, могут способствовать усовершенствованию рецензируемого учебного пособия в случае его переиздания.

А. Н. Цамутали

СЕРЖАНТ

Независимый военно-исторический журнал

Военная история.

Униформология.

Вооружение.

Боевые расписания.

Военные игры.

Элитные войска.

Реконструкция.

Фортификация.

И многое другое...

*Подписка на
1999 год
принимается
в любом
отделении связи*

Адрес и телефон редакции:

Россия, 117526, Москва,
пр-т Вернадского, 89, 315.
Тел.: (095) 434-89-67.
E-mail: plotkin@sonnet.ru

Альманах «Цитадель»

Альманах «Цитадель» существует с 1995 г. За это время его редакция выпустила восемь номеров и более 30 приложений. Основные тематические направления — это история ВМФ, морского оружия и морских крепостей. Начиная с 1999 г. будет доминировать именно последняя тема. Побережье Балтийского моря — настоящий музей под открытым небом. Нынешняя ситуация требует принятия безотлагательных мер для сохранения этого музея.

В ближайшее время выйдет первая книга серии «Крепости мира» — «Ключ от северных ворот», написанная добровольным комендантом форта Тотлебен Владимиром Ткаченко, который уже более 10 лет в одиночку пытается остановить разрушение форта. Вторая книга этой серии, выход которой планируется в июне 1999 года, посвящена линии Маннергейма.

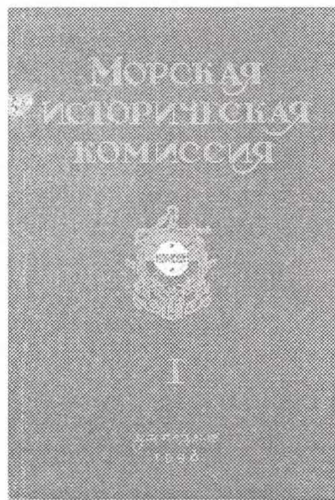
Среди других приложений к альманаху «Цитадель» следует отметить серии «Крейсера России», «Библиотека дайвера» и, особенно, «Морская Историческая Комиссия».

Морская Историческая Комиссия (Мориском) была создана в 1918 году для «Составления истории войны 1914—1918 гг. на море в целях использования ее опыта» и просуществовала до 1923 г. За это время сотрудники Комиссии собрали огромное количество документов, относящихся к Первой мировой войне, и написали более 100 исторических работ, которые хранятся в РГА ВМФ. Серия «Мориском» рассчитана на 20-25 книг. Первая, уже поступившая в продажу, «Отчет о действиях Морских сил Рижского залива 29 сентября — 7 октября 1917 года», написана вице-адмиралом М.К.Бахиревым. Издание иллюстрировано редкими фотографиями из коллекции Н.А.Залесского, также хранящейся в РГА ВМФ. В настоящее время готовятся к печати: П.В.Лемишевский «Период борьбы за овладение побережьем Балтийского моря 18 июня — 25 июля 1915 года», В.К.Лукин «Черноморский флот в Мировой войне».

Альманах «Цитадель» и его приложения можно получить по почте, обратившись по адресу: 199004, Санкт-Петербург, а/я 171, Амирханову Леониду Ильясовичу.

Альманах «Удомельская старина»

Краеведческий альманах «Удомельская старина» издается в г. Удомля Тверской области. Он начал выходить с сентября 1997 года с периодичностью 1 раз в 2 месяца. Тираж 999 экз. Формат А4 на 8 полосах.

В альманахе публикуются материалы только по истории Удомли (местности прилегающей к озеру Удомля) и Удомельского района (до 1917 г. часть Вышневолоцкого района).

Задачей альманаха является: распространять исторические знания по истории края в Удомельском районе и за его пределами. Распространяется преимущественно в районе, рассылается в некоторые библиотеки.

В истории края представлены многие имена русской истории, которые в разное время или имели здесь земли, или посещали местные усадьбы, которых в границах современного района около ста. Прежде всего это художники: Венецианов и его ученики, Соколка, Левитан, Бялыницкий-Бируля, Жуковский, Богданов-Бельский, Моравов, К.Коровин, Степанов, Архипов и др. Ученые: Менделеев, изобретатель радио Попов, языковед Услар, географ Роборовский, Рерих, Хоментовская, Збарский, архитектор Запорожец, офтальмолог Беларминов и т.д. Музыкант В.Андреев. Писатели: А.Чехов, А. и М.Храповицкие, Зворыкин, этнограф Максимов, Новоселов, Щепкина-Куперник. Военные: А.Аракчеев, В.Минут, А. и Н.Колокольцовы, А.Тормасов, Гершельман и др. Промышленник С.Рябушинский.

На Удомельской земле многие дворянские роды имели свои земли и родовые усадьбы: Аракчеевы, Веселаго, Зворыкины, Колокольцовы, Лодыгины, Мельницкие, Менделеевы, Милюковы, Минут, кн. Путятины, Пыжовы, Тормасовы, Сеславины, Стромилы, Турчаниновы, Ушаковы и многие другие.

Многие публикации об этих людях уже состоялись, еще больше материалов ждут своей очереди. Я потому так подробно опубликовал этот список, поскольку предполагаю, что среди многочисленных читателей журнала «Новый Часовой» есть исследователи жизни и творчества этих людей. А из иностранных читателей — потомки удомельских дворян. Так, из уже опубликованного, совершенно новые сведения о Чехове, Богданове-Бельском, Аракчееве, В.Минуте. В ближайших номерах мы опубликуем удомельский дореволюционный некрополь (состояние на сегодняшний день), материал об удомельском периоде творчества художника К.Коровина, переписку Л.Толстова с М.Новоселовым, имевшем в крае имение и т.д.

Альманах и его авторы могут стать опорой на месте для исследователей со стороны, с удовольствием вступим в переписку. Приглашаем к сотрудничеству.

Выпуск альманаха не имеет коммерческих целей и необходимый запас для рассылки всегда имеется. Стоимость 1 номера с учетом пересылки заказным письмом 3 руб. В письме должны быть заказ и квитанция о почтовой оплате на адрес редактора и издателя: 171850, Российская Федерация, Тверская обл., г. Удомля, ул. Венецианова, 9, кв. 17, Подушкову Дмитрию Леонидовичу.

Альманах «Белая гвардия»

В 1997—1998 гг. В Москве в издательстве «Посев» вышли 2 номера нового историко-документального альманаха «Белая гвардия», посвященного истории Гражданской войны в России.

Закономерный интерес к проблематике Гражданской войны и истории Белого движения, отчетливо прослеживающийся в последние годы в отечественной историографии, послужил творческим стимулом к изданию альманаха для группы профессиональных московских историков. Разноплановость опубликованных документов и материалов обусловила разнообразие представленных рубрик, в которых внимательный читатель обнару-

жит и исследовательские статьи, и мемуары, и публикации неизвестных материалов из русской зарубежной военной периодики 60—70-х гг., а также документы из коллекционного фонда Белых армий Российского Государственного Военного Архива.

Наиболее любопытными, с нашей точки зрения, являются публикации, посвященные наименее разработанной проблематике Гражданской войны в ее военно-исторической части. Не будет большим преувеличением сказать, что упрощенное в прошлом изображение Гражданской войны, как столкновения «противоборствующих классовых сил», не способствовало адекватной реконструкции ее военной истории. Поэтому особо хотелось бы отметить восполняющие данный пробел труды И. Гиркина «Гвардия против красных башкир. Встречный бой под Полтавой 22 июля 1919 г.», А. Дерябина «Регулярная кавалерия Вооруженных Сил на Юге России 1917—1920 гг.» (№ 1), А. Гольдина «Наступление Западной Добровольческой армии на Ригу в октябре 1919 г.: причины, цели и последствия» (№ 2) и др. Среди мемуарных источников в обоих номерах альманаха привлекают внимание воспоминания начальника Ижевской стрелковой дивизии генерал-майора В. М. Молчанова, впервые увидевшие свет на страницах журнала «Первопоходник» (Лос-Анджелес) в 1974 г.

Особо отметим обширную публикацию в № 1—2 Р. Гагкуева «Боевой состав Вооруженных Сил Юга России на 5 октября 1919 г.», ликвидировавшую имеющуюся лауну в исследовании персонального ряда истории Гражданской войны на юге России. Тем не менее нам представляется, что опубликованное расписание будет в дальнейшем уточняться и пополняться новыми сведениями, так как в силу ряда обстоятельств оно не может считаться окончательным.

Отрадно, что первый номер «Белой Гвардии» открылся добрыми словами редакции в память одного из первых отечественных исследователей истории Белого движения В. Г. Бортневского, безвременно ушедшего из жизни в 1996 г. Тем более, что Виктор Георгиевич всегда являлся сторонником привлечения к совместной творческой деятельности исследователей из разных регионов России и Зарубежья. В этой связи хотелось бы пожелать редакции расширения географии авторов, равно как и географии распространения альманаха, так как безусловно качественное издание, к сожалению, почти не доступно читателям вне пределов Москвы.

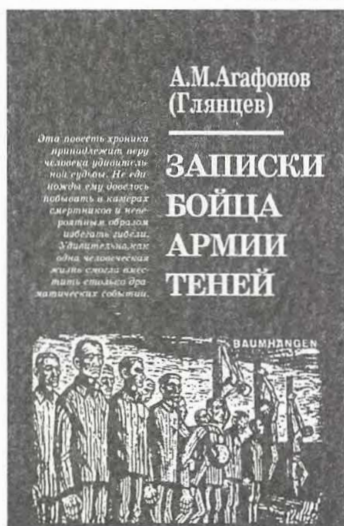
А. В. Терещук, К. М. Александров

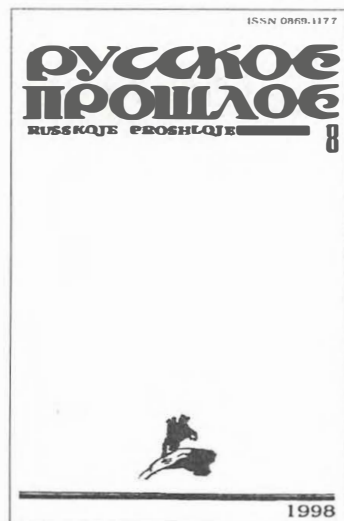
В.Г.Бортневский. Избранные труды. (Библиотека журнала «Новый Часовой»).
СПб., 1999. 492 с.

Эта книга представляет собой собрание трудов недавно ушедшего из жизни петербургского историка В.Г.Бортневского (1954–1996). В ней представлены научные и публицистические работы ученого, посвященные разным проблемам отечественной истории, в том числе главы из последнего, неоконченного труда, на страницах которого рассматриваются малоисследованные вопросы истории Гражданской войны в России.

А.М.Агафонов (Глянцев). Записки бойца Армии Теней. (Библиотека журнала «Новый Часовой»). СПб., 1998. 456 с.

«Записки...» принадлежат перу удивительного человека. А.М. Агафонов (Глянцев) восьмилетним мальчиком был привезен из СССР в Югославию, к родителям, эмигрировавшим во время Гражданской войны. Юность, прошедшая в Белграде, война, немецкий плен, участие во французском Сопротивлении, в антифашистской борьбе на территории Германии... Четырежды приговоренный к смерти, дважды сидевший в Бухенвальде (до и после Победы), прошедший Лубянку и ГУЛАГ, он выжил и оставил современникам и потомкам свои воспоминания.

Русское прошлое: Историко-документальный альманах. № 8. СПб., 1998. 376 с.

В этом выпуске альманаха читатель обнаружит никогда ранее не публиковавшиеся материалы и документы из частных коллекций и государственных архивов, посвященные драматическим эпохам в истории нашего Отечества. Особый интерес представляют материалы русских зарубежных некрополей.

Научно-исследовательский центр «Белая Россия» Информационное письмо

Уважаемые читатели!

В Научно-исследовательском центре «Белая Россия» вышел в свет четвертый номер специализированного исторического научно-популярного альманаха «Белая армия. Белое дело». В настоящем издании, как и в предшествующих номерах, представлен широкий спектр материалов по истории Белого движения в годы Гражданской войны в России. В ставших уже традиционными рубриках «На фронтах Гражданской войны», «Страницы биографии», «Жизнь в эмиграции» и новой рубрике «В Белом тылу» представлен поистине уникальный материал о Белой авиации в армии А. В. Колчака, Печорском фронте в 1919 г. На страницах издания читатель найдет размышления о причинах выступления чехословацкого корпуса в 1918 г., военно-политических доктринах Белой военной эмиграции, рассказ о жизни и борьбе известных общественных деятелей революционной России Н. В. Чайковского и И. А. Якушева. Издание адресовано самому широкому кругу читателей, интересующихся проблемой.

Объем номера 15,6 п.л. Стоимость одного экземпляра 24 рубля.

Для всех, кто впервые узнал из настоящей информации о существовании нашего издания, сообщаем, что в НИЦ «Белая Россия» в ограниченном количестве пока имеются первый (объем 13,3 п.л., стоимость 20 рублей), второй (объем 12 п.л., стоимость 20 рублей) и третий (объем 14,2 п.л. стоимость 23 рубля) номера альманаха.

НИЦ «Белая Россия» предлагает всем заинтересованным лицам и организациям сделать предварительные заказы, либо подтвердить прежние. С 1 января 1997 г. альманах рассылается только по получении заказов, с оплатой наложенным платежом.

В предварительной заявке укажите название альманаха, номер, количество заказываемых экземпляров. Ваши точные почтовые индекс и адрес, имя получателя.

Спешите! Тираж номера альманаха ограничен! В настоящее время его получают более чем в 50 городах России!

Свои заявки направляйте по адресу: 620131, г. Екатеринбург, ул. Metallургов, 32, кв. 156 или НИЦ «Белая Россия», Дмитриеву Николаю Ивановичу.

620002, г. Екатеринбург, до востребования, Дмитриеву Николаю Ивановичу.

*Руководитель НИЦ «Белая Россия», доцент,
кандидат исторических наук Н. Дмитриев*

Приключения М. М. Сафонова с константиновским рублем продолжаются!

Статья М. М. Сафонова «Константиновский рубль и “немецкая партия”», опубликованная в сборнике научных статей «Средневековая и новая Россия» (СПб., 1996. С. 529—541), в сущности лишь повторяет все сказанное им в статье для газеты «Час пик». Чисто внешне отличие состоит в усилении вульгаризации и оглупления всего, что было создано исследователями проблематики константиновского рубля в «досафоновский» период и в стремлении придать языку повествования, учитывая характер издания, в котором оно публикуется, по возможности большее наукообразие. Содержательная же часть статьи и аргументация остались прежними.

1) Автор без излишней скромности заявляет, что «истинный смысл событий 14 декабря 1825 г. проясняется лишь сегодня», т. е. с появлением его статей, до этого же все декабристоведение питалось правительственным и революционным мифами, в которых «не нашлось места сюжету о константиновском рубле», в то время как именно история этой монеты, на которую Сафонов обратил внимание, «отражает скрытые механизмы междоусурствия, разрушает оба мифа» и «приоткрывает истинный смысл произошедшего в этот день».

2) Утверждается, что смерть Александра I «дала старт борьбе за престол трем претендентам», при этом «важнейшую роль в этой борьбе сыграла Мария Федоровна», у которой после убийства Павла I «мысль взойти на престол осталась навсегда», в связи с чем после смерти Александра I она пошла на «чудовищную комбинацию», при осуществлении которой ей «было выгодно завести династическую ситуацию в тупик».

3) В ходе осуществления этой «чудовищной комбинации» «любой ценой сторонники Марии Федоровны хотели сорвать присягу Николаю», поэтому Милорадович «не только не принял никаких мер, чтобы предотвратить выступление декабристов, но, по всей видимости, даже пытался стимулировать его», а отчеканенные константиновские рубли должны были стать «мощным средством агитации против воцарения Николая».

Повторяются другие основные положения, знакомые по публикации в «Часе пик»: о наличии поддерживающей Марию Федоровну влиятельной «немецкой партии», о том, что сторонники Марии Федоровны подослали к Николаю Я. И. Ростовцева с целью его запугивания и пр.

Концепция (если здесь уместен этот термин) М. М. Сафонова производит ошарашивающее впечатление, поскольку она опрокидывает вверх дном ряд важнейших общепризнанных положений научного декабристоведения.

Вместе с тем следует признать, что она не поддается серьезной научной критике. И нетрудно понять, почему. Ведь если автор приходит к выводам, опровергающим прежние

научные представления, то нужно полагать, что он нашел какие-то новые, ранее неизвестные источники, доказал их подлинность и достоверность и показал, что содержащаяся в них информация дает основания по-новому оценить сложившиеся взгляды. Ничего этого у Сафонова нет и в помине, никаких новых источников он не открывал и, судя по всему, даже не пытался открыть, что для профессионального историка выглядит по меньшей мере странно. Конечно, в принципе можно извлечь новую информацию и из известных уже источников, но тогда нужно добросовестно их проанализировать и доказать ошибочность делавшихся ранее предположений и выводов. У Сафонова нет и этого: то, что писалось о константиновском рубле до него, он чаще всего либо искажает, либо просто игнорирует.

Объективно статьи Сафонова о константиновском рубле примыкают к тому мутному потоку исторического мифотворчества, который в последние годы буквально захлестнул доверчивых читателей сногшибательными «открытиями». Разумеется, его статьи несравнимы с размахом некоторых «трудов», которые «опровергают» все и вся в исторической науке. Например, академик РАН, доктор наук А. Т. Фоменко и кандидат наук Г. В. Носовский (оба — математики) уже длительное время ошарашивают легковерных любителей истории своими работами (последняя из них — двухтомник «Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима»), преподнося в них такие «перлы», как утверждение, будто отец Александра Невского князь Ярослав Всеволодович, хан Батый и князь Иван Калига — это одно и то же лицо, Иван Грозный — это не один, а «сумма» нескольких царей и т. д., и т. п. Понятно, что вступать с авторами таких утверждений в серьезную полемику невозможно. Неудивительно поэтому, что историки, отвечая на недоуменные письма читателей, предпочитают не полемику, а сарказм, расценивая такие «труды» как «глобальный розыгрыш», лежащий вне исторической науки. Статьи Сафонова, касаясь частной, но чрезвычайно важной проблематики междуцарствия 1825 г. и восстания декабристов, также лежат вне исторической науки, в том числе и вне ее специальной дисциплины — нумизматики, — и в связи с этим не поддаются серьезной критике. Именно это определило тональность критической заметки в «Миниатюре» после появления статьи в «Часе пик», это же делает невозможной и серьезную полемику после появления новой статьи в сборнике «Средневековая и новая Россия». В доказательство можно указать на некоторые особенности, характеризующие «методологию» Сафонова.

Первое. Научная статья, как известно, должна быть свободна от внутренних противоречий, в статье же Сафонова они не только присутствуют, но и относятся к основам основ его «концепции». Вот несколько примеров. Главная мысль автора состоит в том, что константиновский рубль «является важнейшим материальным свидетельством борьбы Марии Федоровны за российский престол», что и дает автору возможность впервые прояснить «истинный смысл событий 14 декабря 1825 г.». Вместе с тем после утверждения, будто события 14 декабря «были не только допущены, но в известной степени спровоцированы борьбой за престол в императорском семействе», Сафонов указывает, что только «рассматривая события междуцарствия именно под этим углом зрения, мы можем объяснить происхождение рубля Константина». Спрашивается: так что же по Сафонову чем объясняется: константиновский рубль позволяет по-новому рассмотреть события междуцарствия или же события междуцарствия позволяют «объяснить происхождение рубля Константина»? Другой пример. По мысли Сафонова, «вид отчеканенной монеты с его именем-титолом и изображением должен был склонить цесаревича» к согласию «публично отрешить себя от императорского сана». Но ведь Константин, как отмечает Сафонов, «не собирался добровольно уступить престол Николаю». Тогда почему же вид монеты, на которой он изображен как император, должен был подтолкнуть его на официальное отречение, а не наоборот — на издание манифеста о своем воцарении? Еще один пример.

По мнению Сафонова, министр финансов Е. Ф. Канкрин прекрасно знал о всех перипетиях борьбы за власть в период междоусарствия, а вместе с тем это был «человек, который с математической точностью просчитывал возможные варианты, тщательно взвешивал все «за» и «против», учитывая малейшие нюансы». Поэтому заниматься изготовлением пробного рубля для представления Константину в случае его возможного воцарения он не мог (хотя, заметим от себя, имел на это в связи с принесением присяги Константину законное право): «Все, что мы знаем о Канкрине, человеке осторожном и поэтому твердо стоявшем на скользком дворцовом паркете, совершенно не вяжется с образом опростоволосившегося министра финансов, оказавшегося способным допустить непростительную ошибку». Но если на минуту допустить, что все сказанное Сафоновым о Канкрине соответствует действительности, то возникает недоумение: как же сверхпрозорливый и сверхосторожный человек, отказавшись от попытки угодить Константину, очертя голову решил на активные действия против воцарения Николая, согласившись чеканить константиновские рубли, с прокламативной целью распространяя их среди солдат как средство агитации против присяги (на что не имел, естественно, никакого права) — это ли не пример «непростительной ошибки», которая «совершенно не вяжется» с образом Канкринина?

Второе. Неловко об этом писать, но нельзя умолчать о том, что в статье профессионального историка содержится немало грубейших исторических ошибок. Вот несколько взятых наугад примеров.

Сафонов утверждает, будто «Константин надеялся, что его письма будут рассмотрены в высших государственных учреждениях», что «члены их признают частное распоряжение Александра, оставшееся неоглашенным, недействительным, и тогда права цесаревича на трон становятся бесспорными». Здесь знаменитый манифест Александра I от 16 августа 1823 г., назначавший наследником престола Николая, квалифицируется как «частное распоряжение Александра» (?!), при этом приведенная цитата свидетельствует о незнании Сафоновым того важнейшего для понимания событий междоусарствия факта, что цесаревич не был ознакомлен Александром I не только с текстом манифеста, но даже и с самим фактом его существования, а поэтому никаких предположений о признании его в «высших государственных учреждениях» действительным или недействительным делать не мог.

Другой пример. Сафонов пишет: «Константин прекрасно знал, что российский престол — не простой стул и «уступить» его, не нарушая закон о престолонаследии, нельзя». Утверждать такое можно только в случае незнания манифеста Александра I о назначении наследником Николая, ибо в нем подчеркивалось, что «существующее постановление о порядке наследования престола у имеющих на него право не отъемлют свободы отрешиться от сего права», а потому назначение Николая делается «на точном основании акта о наследовании престола».

Еще пример. По утверждению Сафонова, Константин сразу после получения известия о смерти Александра I «написал частные письма матери и брату». Об этих частных письмах он вспоминает также в утверждении, будто Николаю в манифесте о своем воцарении «пришлось совершить юридическое насилие над фактами: частные письма Константина он назвал «грамотами», т. е. официальными актами...». Тут перепутано все до предела: на самом деле Константин, узнав о смерти Александра I, послал Николаю и матери не два, а четыре письма, из которых два были действительно частными, но два других носили сугубо официальный характер, и именно эти два письма, являвшиеся официальными актами, Николай приложил к своему манифесту о воцарении. Кроме того, если бы Сафонов удосужился заглянуть в словарь Даля, то мог бы узнать, что в те времена грамотой называлось вообще «всякое царское письмо, писание владетельной особы».

Вот еще одно удивительное утверждение: «в действительности Николай воцарился... не как наследник, назначенный Александром, а как преемник отрекшегося Константина». Тут уж можно только развести руками: неужели Сафонов не знает, что во имя соблюдения принципа непрерывности самодержавной власти Николай объявил в манифесте началом своего царствования 19-е ноября, т. е. день смерти Александра I, юридически узаконив таким образом свое воцарение как наследование престола именно от Александра?

Третье. Научная статья, как известно, должна отличаться строгой доказательностью. Между тем одна из главных особенностей статьи Сафонова состоит как раз в ее бездоказательности: если он не может обоснованно возразить выдвинутому до него положению, то отделяется репликой «что-то не верится», употребляется слово «следовательно», хотя следующее за этим «следовательно» вовсе не вытекает из предыдущего. В некоторых случаях он все же пытается обосновывать свои утверждения, однако при этом не считается подчас не только с историческими реалиями, но даже и просто со здравым смыслом. Нельзя не сказать об одном таком «обосновании», которое иначе как возмутительным не назовешь. В статье для «Часа пик» он выдвинул утверждение, что активным сторонником Марии Федоровны, участником ее «чудовищной комбинации» был генерал-губернатор Петербурга Михаил Андреевич Милорадович. Это удивительное открытие нуждалось в каком-нибудь обосновании, и в своей «научной» статье Сафонов попытался его сделать, выдвинув предположение, что Милорадовичу «в те дни, по-видимому, уже мерещилась будущая роль Орлова, Потемкина или Платона Зубова». Невольно хочется спросить: Михаил Михайлович, за что же это Вы так своего почтенного тезку, человека героической биографии и трагической судьбы? Уж Вам ли не знать, что названные Вами фавориты стремились «попасть в случай» будучи молодыми людьми, жаждущими чинов, наград и других монарших милостей. Но что могла дать 54-летнему заслуженному генералу близость с 67-летней императрицей? Ведь фельдмаршалский жезл и орден Св. Георгия 1-й степени одними только постельными подвигами не заслужишь, такого и при Екатерине II не было, а все остальное у Милорадовича уже было: чин генерала от инфантерии, графское достоинство, множество русских и иностранных орденов, включая Св. Георгия 2-й степени и Св. Андрея Первозванного, две золотые шпаги, императорский вензель на эполетах, пост столичного генерал-губернатора, присутствие в Государственном Совете и Совете Министров и многое другое. А еще было у него то, что выше любых монарших пожалований: благородный характер с высокоразвитым чувством чести, что снискало ему славу «рыцаря без страха и упрека». Заподозрить этого прославленного генерала в искании альковных милостей можно разве что при особом пристрастии к поиску клубничных сюжетов. И в этой связи невольно бросается в глаза, что в последнее время в научной деятельности историка М. М. Сафонова значительное место стали занимать разного рода альковные темы (см., напр., его статьи в текущем году в журнале «Родина»: «Генерал алькова?» — о последнем любовнике Екатерины II Платоне Зубове, «Благонамеренная институтка» — о сексуальных отношениях Павла I с его фавориткой Екатериной Нелидовой, «Княгиня Сафо?» — о семейных злключениях и противоестественных сексуальных наклонностях одной из самых замечательных женщин русской истории Екатерины Романовны Дашковой; сугубо постельных сюжетов касается Сафонов и в некоторых своих телевизионных выступлениях. Разумеется, он может изучать любые темы, это его право, но зачем же из-за своих пристрастий выдумывать совершенно нелепые подозрения?

Таковы некоторые характерные черты статей М. М. Сафонова, выводящие их за пределы серьезной полемики.

Вообще говоря, трудно понять, что происходит в последнее время с историком М. М. Сафоновым, потому что ряд его прошлых работ относится к вполне серьезному

научному творчеству. Вызывает недоумение, в частности, еще одна его статья о проблемах константиновского рубля, опубликованная 22 февраля 1997 г. в газете «Смена». Большую часть этой публикации с крикливым названием «Шубертовский рубль, или Нумизматическая подделка поныне в цене» составляет упрощенный пересказ отдельных положений известной книги И. Г. Спасского «По следам одной редкой монеты» и ряда работ других авторов, а концовка содержит бездоказательные и нелепые «уточнения» и «дополнения» к научной статье В. А. Калинина, опубликованной в 1993 г. в журнале «Деньги и кредит», о существовании которой автор имел неосторожность сообщить Сафонову.

Теряясь в догадках о побудительных мотивах исторического мифотворчества М. М. Сафонова, хочется все же напомнить ему слова одного историка, сказанные по поводу исторических «открытий» академика Фоменко: «Во многих странах, отмечающих первого апреля «день дураков», есть замечательная традиция: все шутки и розыгрыши устраивать только до полудня... «Полдень» для вашей шутки миновал, а вы в нее все никак не наиграетесь...».

В. В. Бартошевич

Отклик на статью К.М.Александрова о Борисе Борисовиче Мартино

Уважаемая редакция!

Прошу Вас внести исправления и некоторые замечания к статье, посвященной Старшему Скаутмастеру ОРЮР в 1946—1962 гг. Борису Мартино.

1. Чтобы поступить на юридический факультет Белградского университета, не надо было сдавать вступительные экзамены.

2. В югославские скауты Б.Б.Мартино вступил в 1926 г., долго не задержался и возобновил свое членство в 1930 г.

3. Звено «Белый Медведь» и 1-й сараевский отряд русских скаутов были основаны 15 июля 1932 г.

4. Помощник скаутмастера не чин, а звание.

5. Упомянув о сараевцах, не стоит забывать Малика Мулича, основавшего 3-й Белградский отряд русских скаутов. Он был не менее активным, чем Пелипец и входил в редакционную коллегию журнала «МЫ».

6. Борис Мартино не работал под прикрытием НОРМ.

7. На съезде в Мюнхене в ноябре 1945 г. Борис Борисович Мартино был избран заместителем Старшего Русского Скаута Гвардии полковника Олега Ивановича Пантюхова на Европу.

8. Советскими органами госбезопасности был арестован только отец Бориса, скончавшийся в транспорте по дороге в СССР.

9. Борис Мартино возглавлял в 1941—1945 гг. не Югославянский отдел, который был расформирован в 1941 г., а всю подпольную Организацию Разведчиков.

С уважением, Ростислав Полчанинов (Нью-Йорк)

Из боя не выходить!

В архивных документах военной поры о судьбах летчиков часто указывается: «не вернулся с боевого задания» или «самолет сбит в воздушном бою, упал на территорию противника». Ежегодно в России поисковые формирования обнаруживают десятки мест падения боевых самолетов и устанавливают имена пилотов, ранее числившихся пропавшими без вести. В процессе раскопок и извлечения обломков самолетов очень важно разыскать документы, имевшиеся у пилотов. Но это не всегда удается, т. к. за прошедшее время документы могли истлеть, разрушиться, а если самолет в воздухе горел или взорвался, то их обнаружить практически невозможно. На степень сохранности также оказывает влияние время года, климатические условия и почва.

Важными документальными источниками при обнаружении и извлечении упавших самолетов, позволяющими установить экипажи и их судьбы (при условии отсутствия других документов), являются заводские номера самолетов, а также номера их двигателей. Номера двигателей у самолетов разных типов указывались в следующих вариантах: на некоторых двигателях номер выбивался либо отливался, на других же — к двигателю крепилась табличка с номером двигателя и другими техническими данными и т. д.

Для уточнения количества двигателей при проведении поисковых работ желательно определить тип машины (истребитель, штурмовик, бомбардировщик и т. д.).

Опыт поисковой работы показывает, что, наряду с номерами самолетов и их двигателей, порой могут быть обнаружены и другие документальные источники. Так, в 1996 году при проведении поисковых работ в Гагаринском районе Смоленской области членами военно-патриотического объединения «Память» было обнаружено место падения советского самолета в лесисто-болотистой местности. В раскопках принимали участие и сотрудники поискового Центра «Судьба». Удалось извлечь детали самолета Як-1: стойки

И. П. Немытый — фото 1941 года
(тогда еще лейтенант)

шасси, куски плоскостей, фрагменты фюзеляжа с перкалевой обшивкой, винт, вооружение самолета. Но самое главное — на глубине свыше четырех метров были найдены останки пилота, обрывки гимнастерки с двумя орденами Красного Знамени и знаками различия капитана, планшет с документами и авиационными картами, парашют.

Нами был начат в ЦАМО РФ оперативный розыск сведений по установлению имени пилота и его судьбы по номерам обнаруженных наград и другим документам.

В результате исследования мы узнали имя пилота. Им оказался капитан Немятый Иван Порфирьевич, 1913 г.р., уроженец Днепропетровской области, кадровый, штурман 519-го иап (истребительного авиаполка) 201-ой иад (истребительной авиадивизии)¹. Сохранившиеся скупые архивные документы так сообщают нам о фронтовой биографии капитана Немятого И.П.: «В РККА с 1934 года. Боевые задания выполняет с 8.10.1941 года. До этого времени переучивался на новой матчасти. С 8 октября по 23 октября имеет боевых вылетов 32, из них штурмовал колонны танков и автомашин 12 раз. Задание выполняет отлично. Уничтожил лично 8 танков, 15—18 автомашин и несколько фашистов. В воздушном бою 18 октября 1941 года таранил самолет противника Мессершмитт-110, место падения противника подтверждено. С поврежденным своим самолетом сел вынужденно на своей территории. Смел, решителен, отлично ведет разведку, ориентировка отличная. Из воздушного боя вернулся с пробитыми бензобаками, поломок и аварий не имеет...»².

Первым орденом Красного Знамени Немятый И. П. (тогда еще лейтенант) был награжден 13 ноября 1941 года за успешные боевые действия и воздушный таран. Вторым орденом Красного Знамени капитан Немятый был награжден 29.7.1942 года, уже после госпиталя³. В наградном листе к приказу записано: «Сам капитан Немятый И. П. сделал 131 боевой вылет (на 29.7.1942 г.), из них штурмовок — 23, сопровождений — 33, разведок — 21, прикрытий своих войск — 54. 30-го ноября 1941 года при встрече с семью самолетами Мессершмитт-109 один вступил в бой, сбил одного из них [по другим документам — двух. — прим. автора], был ранен, имел ожоги лица, рук и ранение ног. Горящий свой самолет посадил нормально на аэродроме»⁴. В оперативной сводке ВВС МВО и ВВС Западного фронта № 226 за 30.11.1941 г. было отмечено: «Самолет сгорел, летчик с ранениями отправлен в госпиталь»⁵. Летчик воевал в соответствии со своим принципом: «Из боя не выходить, даже при отказе оружия...». Такая запись была обнаружена нами в записной книжке капитана Немятого И. П.

В оперативной сводке штаба 201 иад № 80 за 7.8.1942 г. появилась запись, что с боевого задания не возвратился капитан Немятый И. П., самолет Як-1 № 4383⁶. При извлечении обломков самолета была обнаружена табличка с вышеуказанным заводским номером самолета.

Торжественное захоронение останков героя было проведено Ассоциацией «Военные мемориалы» весной 1996 года на воинском кладбище «Снегири» в Истринском районе Московской области. В конце 1997 года удалось разыскать детей и родных сестер прославленного летчика и сообщить им о месте его захоронения. Фронтовая биография воздушного аса нашла отражение и в изданиях, посвященных авиации⁷.

Благодарим сотрудников ЦАМО РФ: Краева Н. Т., Кызюрова В. В., Кузнецову Т. В., Вьюгина А. Д., Шестопала Н. И. за помощь в установлении судеб павших защитников Отечества.

Примечания

- 1 ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 715111. Д. 546. Л.66.
- 2 Там же Оп 682524. Д. 228. Л. 73.
- 3 Там же Оп. 715111. Д. 555. Л. 59.
- 4 Там же Оп. 682524. Д. 343 Л. 22.
- 5 Там же. Ф. 20142 Оп 15. Д 2 Кор 22950.
- 6 Там же. Ф. 20049. Оп. 1. Д. 6. Кор. 22391
- 7 Федоров А. Г. Авиация в битве под Москвой. 2-е изд. М., 1975; На грани возможного: Легендарные подвиги советских воинов: Сборник. М , 1990.

*С. И. Садовников, историко-архивный
Поисковый Центр «Судьба» (Москва)*

Новый Часовой

Военно-исторический журнал

№ 8–9

Зав. редакцией *Г.Чердниченко*

Редактор *Е.Михайлова*

Художественное оформление: *Е.Соловьева*

Компьютерная верстка: *С.Лобачев, С.Стремилев*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.1996 г.

Подписано в печать с оригинала-макета 15.01.98.
Формат 70×100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,34. Уч.-изд. л. 44,52. Тираж 2000 экз.

Издательство Санкт-Петербургского университета
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Центр офсетной печати
типографии Издательства Санкт-Петербургского университета.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр., 41.

